

Научно-теоретический журнал

**Вестник
Санкт-Петербургского
университета МВД России**

№ 1 (97) январь – март 2023 г.

Scientific-theoretical journal

**Vestnik
Sankt-Peterburgskogo universiteta
MVD Rossii**

№ 1 (97) January – March, 2023

Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего образования
«Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России

№ 1 (97) январь – март 2023 г.

«Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» – рецензируемый научно-теоретический журнал, в котором публикуются оригинальные статьи по юридическим, педагогическим, психологическим проблемам.

Издаётся с марта 1999 года. Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. Выходит один раз в квартал. Языки журнала – русский и английский. Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны.

Издание перерегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций: Эл № ФС77-84786 от 03 марта 2023 г.

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

Решением ВАК Минобрнауки России от 29 марта 2022 года журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» включен в Перечень ВАК по следующим специальностям:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки.
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.
- 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.
- 5.3.9 – Юридическая психология и психология безопасности.
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования.
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования.

Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных *Ulrich's Periodicals Directory*.

Ответственность за содержание статей, изложенных в них фактов несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов журнала «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Г. В. Лукьянова, Л. М. Букина.

Адрес редакции и издателя: Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1.

Тел. 8 (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Дата выхода в свет 25.03.2023 г. Формат 60 x 84/8. Объем 32,25 усл. п. л.

© «Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России», 2023.

Federal State Budget Institution for higher education
«Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation»

Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii

№ 1 (97) January – March, 2023

«Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is a peer-reviewed scientific-theoretical journal that publishes original articles on legal, pedagogical, and psychological problems.

Journal is published since March, 1999. Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Journal is published on quarterly basis in Russian and English. Distribution territory: Russian Federation, foreign countries.

The scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii». The edition is reregistered in the Federal Service for Supervision of Communications, Informational Technologies and Media Control (El No. FS77-84786 of 03 March 2023).

ISSN 2949-1150 (online); ISSN 2071-8284 (print).

In accordance with the order of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March 29, 2022, the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is included in the current list of leading peer-reviewed scientific journals and publications published in the Russian Federation, in which the main scientific results of dissertations for the academic degree of a doctor and candidate of science must be published, in the following groups Scientific specialties:

- 5.1.1 – Theoretical and historical legal sciences.
- 5.1.2 – Public legal (state legal) sciences.
- 5.1.3 – Private legal (civilistic) sciences.
- 5.1.4 – Criminal science.
- 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.9 – Legal psychology and security psychology.
- 5.8.1 – General pedagogy, history of pedagogy and education.
- 5.8.7 – Methodology and technology of professional education.

Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in *Ulrich's Periodicals Directory*.

The journal is peer-reviewed.

The authors of scientific articles bear responsibility for the content of the articles, the facts presented in them. The opinion of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors of the publications. Reference to the scientific-theoretical journal «Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta MVD Rossii» is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors: G. N. Golyadkin, G. V. Lukianova, L. M. Bukina.

Address of editorial and publisher: 1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation. Tel. (812) 730-26-96. E-mail: vestnik@univermvd.ru.

Date of publishing 25.03.2023. Format 60 x 84/8. Volume 32,25 nom. p.p.

Главный редактор – Каверина Л. В., кандидат филологических наук
(Россия, Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

Амельчаков И. Ф. – председатель редакционной коллегии, кандидат юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Бавсун М. В. – заместитель председателя редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Астафичев П. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Балахонский В. В., доктор философских наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Бекетов О. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Болдырев В. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Буцакова М. А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Васильева И. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Тюмень)
Вахнина В. В., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Гейжан Н. Ф., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гельдибаев М. Х., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Гривенная Е. Н., доктор педагогических наук, доцент (Россия, Краснодар)
Дозорцева Е. Г., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Ерофеева М. А., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Ескина Л. Б., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Илакавичус М. Р., доктор педагогических наук (Россия, Санкт-Петербург)
Каплунов А. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Коваленко В. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Белгород)
Коларич Драгана, доктор юридических наук, профессор (Республика Сербия, Белград)
Кубышко В. Л., кандидат педагогических наук (Россия, Москва)
Латышов И. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Мещерякова Е. И., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Миялькович Саша, доктор безопасности, профессор (Республика Сербия, Белград)
Муттилайнен Веса Петтери, доктор общественных наук (Финляндская Республика, Тампере)
Нижник Н. С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никифоров Г. С., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Николаева Т. Г., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Никуленко А. В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Пастушеня А. Н., доктор психологических наук, профессор (Республика Беларусь, Минск)
Рузакова О. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сафонов А. А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Сердюк Н. В., доктор педагогических наук, профессор (Россия, Москва)
Слепцов И. В., кандидат юридических наук (Казахстан, Костанай)
Стрельникова Ю. Ю., доктор психологических наук, доцент (Россия, Санкт-Петербург)
Тюнин В. И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Ульянина О. А., доктор психологических наук, доцент (Россия, Москва)
Ухов В. Ю., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Химичева О. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков В. Л., доктор психологических наук, профессор (Россия, Москва)
Цветков И. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Честнов И. Л., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Чечётин А. Е., доктор юридических наук, профессор (Россия, Барнаул)
Шаранов Ю. А., доктор психологических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Шахматов А. В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

Editor in Chief – Kaverina L. V., Candidate of Philological Sciences
(Russia, Saint Petersburg)

Editorial Board

Amelchakov I. P., Chairman of an Editorial Board, Candidate of Juridical Sciences, Docent
(Russia, Saint Petersburg)

Bavsun M. V., Vice-chairman of an Editorial Board, Doctor of Juridical Sciences, Professor
(Russia, Saint Petersburg)

Astafichev P. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Balakhonsky V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Beketov O. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Omsk)

Boldyrev V. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Buchakova M. A., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Omsk)

Vasilieva I. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Tyumen)

Vakhnina V. V., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Geyzhan N. F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Geldibaev M. Kh., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Grivennaya E. N., Doctor of Pedagogical Sciences, Docent (Russia, Krasnodar)

Dozorcheva E. G., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Erofeeva M. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Eskina L. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ilakavichus M. R., Doctor of Pedagogical Sciences (Russia, Saint Petersburg)

Kaplunov A. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Kovalenko V. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Belgorod)

Kolarich Dragana, LLD (Republic of Serbia, Belgrade)

Kubyshko V. L., Candidate of Pedagogical Sciences (Russia, Moscow)

Latyshov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Mescheryakova E. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Voronezh)

Mijalkovich Sasha, PhD, Professor (Republic of Serbia, Belgrade)

Muttillainen Vesa Petteri, Doctor of Social Sciences (Finland, Tampere)

Nizhnik N. S., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikiforov G. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikolaeva T. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Nikulenko A. V., Doctor of Juridical Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Pastushenya A. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Republic of Belarus, Minsk)

Ruzakova O. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Safonov A. A., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Serdyuk N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Sleptsov I. V., Candidate of Juridical Sciences (Kazakhstan, Kostanay)

Strelnikova J. Y., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Saint Petersburg)

Tyunin V. I., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Ul'yanina O. A., Doctor of Psychological Sciences, Docent (Russia, Moscow)

Ukhov V. Y., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Khimicheva O. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Cvetkov V. L., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Tsvetkov I. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Moscow)

Chestnov I. L., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Chechetin A. E., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Barnaul)

Sharanov Y. A., Doctor of Psychological Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

Shakhmatov A. V., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Russia, Saint Petersburg)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Бавсун М. В., Каплунов А. И., Бавсун И. Г.</i> Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов	10
<i>Грошевая В. К., Суверов Е. В.</i> Организация милицейских курсов в Донецкой губернии в первой половине 20-х годов XX века	18
<i>Лапова Е. С.</i> Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества – предмет исследований в современной российской науке	27
<i>Пирожкова И. Г., Попов А. М.</i> Проблемы юридической определённости и правовая категория «органы внутренних дел»	38
<i>Репьев А. Г.</i> Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы	44

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Бархатова Е. Н.</i> Иные меры уголовно-правового характера: отражение в современной уголовной политике	53
<i>Белецкий И. А.</i> Общественная опасность преступления: о чем нужно писать в кандидатских диссертациях?	61
<i>Зорина Е. А.</i> Принцип неотвратимости уголовной ответственности и вопросы освобождения от неё	66
<i>Ильин И. С.</i> Динамика и криминогенный потенциал протестных акций	75
<i>Кириянов А. А.</i> Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации	87
<i>Лебедев А. С.</i> Особенности формирования уголовно-правового воздействия на управление транспортными средствами в состоянии опьянения	93
<i>Никуленко А. В., Смирнов М. А.</i> Проблемы правовой оценки причинения вреда сотрудниками полиции, Росгвардии, военнослужащими Федеральной службы безопасности России и Вооружённых Сил Российской Федерации при проведении контртеррористических операций	101
<i>Пирожников А. Н.</i> Исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших, преступления против интересов Российской Федерации	110
<i>Пустовойт Е. С.</i> Незаконный оборот наркотиков в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности как самостоятельный вид преступности	120
<i>Серова Е. Б., Пушторская Е. В.</i> Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения	127
<i>Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В.</i> Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ	137
<i>Смирнов Л. В.</i> Международный опыт превенции рецидива правоохранительными структурами	144
<i>Стебенева Е. В.</i> Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как мера предупреждения правонарушений должностных и иных лиц	153

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Пиганова Е. В.</i> Практика внедрения интерактивных технологий в процесс подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел	160
<i>Третьяков А. А., Ткаченко А. И.</i> Определение эффективности комплексного теста для оценки координационных способностей у курсантов	169
<i>Хыбыртов Р. Б.</i> Значение боевых приёмов борьбы в структуре служебно-оперативной деятельности сотрудников полиции	174

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА, ИНЖЕНЕРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, КОГНИТИВНАЯ ЭРГНОМИКА

<i>Распопин Е. В., Черепанова Я. А.</i> Методика изучения социально-психологического климата в коллективах обучающихся образовательных организаций МВД России	180
<i>Собченко А. М.</i> Проверка валидности и психометрические показатели окончательной формы опросника «Прогноз-3» при тренажерной подготовке	190

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

<i>Александрова О. В., Енгальчев В. Ф.</i> Дело о поджоге Рейхстага в 1933 г. с позиций психологической экспертизы достоверности показаний в Германии	197
<i>Злоказов К. В.</i> Социально-психологический подход к адаптации лиц, находящихся под административным надзором: анализ зарубежного опыта	205
<i>Мальцева Т. В.</i> Психологические особенности ресурсов стрессоустойчивости руководителей органов внутренних дел Российской Федерации	215
<i>Ситников В. Л., Духновский С. В., Корзунин В. А.</i> Социально-психологический климат в служебных коллективах органов внутренних дел: подход к его реконцептуализации	221
<i>Сорокоумова С. Н., Гусева А. С., Ганишина И. С.</i> О результатах эмпирического исследования психологических особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления	230
<i>Суслов Ю. Е.</i> Распространение экстремизма в молодёжной среде по причине информационного инфантилизма	238

КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Аврутин Р. Ю., Беженцев А. А.</i> Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ. Международная научно-практическая конференция 14 октября 2022 г., Санкт-Петербургский университет МВД России: научные дискуссии о миграционном законодательстве	245
---	-----

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Bavsun M. V., Kaplunov A. I., Bavsun I. G.</i> The problems of legal regulation of public relations in conditions of domination of technological imperatives	10
<i>Groshevaya V. K., Suverov V. E.</i> Organization of the militia courses in Donetsk province in the first half of the 1920s of the XXth century	18
<i>Lapova E. S.</i> The participation of public relations services of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the formation of the legal culture of society is a subject of research in modern Russian science	27
<i>Pirozhkova I. G., Popov A. M.</i> Issues of legal certainty and legal category of «internal affairs bodies»	38
<i>Repev A. G.</i> Legal experiment and law-making experience as special models of legal regulation: technique, practice, limits	44

CRIMINAL SCIENCE

<i>Barkhatova E. N.</i> Other criminal legal measures: reflection in modern criminal policy	53
<i>Beletsky I. A.</i> Social danger of crime: what to research in PhD thesis?	61
<i>Zorina E. A.</i> The principle of inevitability of criminal responsibility and issues of its exemption	66
<i>Ilyin I. S.</i> Dynamics and criminogenic potential of protest actions	75
<i>Kiryaynov A. A.</i> Illegal acts in relation to property subjected to inventory, seizure or confiscation	87
<i>Lebedev A. S.</i> Peculiarities of the formation of the criminal-legal impact on driving while under the influence of alcohol	93
<i>Nikulenko A. V., Smirnov M. A.</i> Problems of legal assessment of harm caused by police Officers, the Russian Guard, military personnel of the Federal Security Service of Russia and the Armed Forces of the Russian Federation during a counter-terrorism operation	101
<i>Pirozhnikov A. N.</i> Historical prerequisites for the development of other measures of a criminal law nature aimed at restricting the rights of persons committed crimes against the interests of the Russian Federation	110
<i>Pustovoyt E. S.</i> Illicit drug trafficking in the region of responsibility of the member states of the Collective Security Treaty Organization as an independent type of crime	120
<i>Serova E. B., Pushtorskaya E. V.</i> Initiation of criminal cases on tax crimes: problems and possible solutions	127
<i>Rakhmanova E. N., Berestovoy A. N., Tsvetkov P. V.</i> Thrash-streaming as a form of online aggression: a criminal law analysis	137
<i>Smirnov L. V.</i> International experience in the prevention of recidivism by law enforcement	144
<i>Stebeneva E. V.</i> Anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts as a measure to prevent offenses of officials and others	153

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

<i>Piganova E. V.</i> The practice of introducing interactive technologies in the training process of future employees of internal affairs bodies	160
<i>Tretyakov A. A., Tkachenko A. I.</i> Determining the effectiveness of a comprehensive test to assess the coordination abilities of cadets	169

<i>Khybyrtov R. B.</i> The importance of fighting techniques in the structure of the official and operational activities of police officers	174
--	-----

LABOR PSYCHOLOGY, ENGINEERING PSYCHOLOGY, COGNITIVE ERGONOMICS

<i>Raspopin E. V., Cherepanova Y. A.</i> Methodology for studying the socio-psychological climate in teams of students of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia	180
<i>Sobchenko A. M.</i> Validity check and psychometric indicators of the final form of the questionnaire «Prognoz-3» in simulator training	190

LEGAL PSYCHOLOGY AND SECURITY PSYCHOLOGY

<i>Aleksandrova O. V., Engalychev V. F.</i> Reichstag fire case. Psychological expertise of reliability of testimony in Germany	197
<i>Zlokazov K. V.</i> Social-psychological approach to the adaptation of persons under probation: a review of foreign experience	205
<i>Maltseva T. V.</i> Psychological features of stress resistance resources of heads of territorial internal affairs bodies of the Russian Federation	215
<i>Sitnikov V. L., Dukhnovsky S. V., Korzunin V. A.</i> Social and psychological climate in Internal Affairs bodies' service teams: an approach to its conceptualisation	221
<i>Sorokoumova S. N., Guseva A. S., Ganishina I. S.</i> On the results of an empirical study of the psychological characteristics of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes	230
<i>Suslov Y. E.</i> The spread of extremism among young people due to informational infantilism	238

CONFERENCES

<i>Avrutin R. Y., Bezhentsev A. A.</i> Current problems of legislative regulation of migration processes in the territory of the CIS member states: International scientific and practical conference scientific discussions about migration legislation	245
---	-----

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 340

doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-10-17

Максим Викторович Бавсун

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Андрей Иванович Каплунов

доктор юридических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Ирина Геннадьевна Бавсун

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>, i.bavsun@szfrgup.ru

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия

Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5

Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов

Аннотация: Актуальность настоящего исследования обусловлена возникновением новых информационных технологий, побуждающих преобразовывать характер деятельности субъектов права, менять объёмы их правоотношений, расширять горизонт будущей деятельности. Современное общество, пребывая в состоянии постоянно появляющихся и активно внедряемых технологий, уже давно столкнулось с проблемой правового регулирования возникающих в связи с этим новых общественных отношений. Вторжение технологий во все сферы деятельности человека является настолько масштабным, что не может оставить в стороне правовые аспекты. Проблемы легитимизации новых технических средств и технологий, способности права своевременно реагировать на происходящие процессы, пределы такого реагирования и сохранения при этом концептуальных основ самого права, его базовых ценностей и принципов сегодня остаются не только актуальными, но и практически нерешёнными. Есть и обратная сторона этого вопроса – сохранение тех же основ в самом обществе в условиях непрерывного процесса переработки нормативного материала. При тотальной трансформации общественных отношений в рамках всего мирового сообщества право также находится под воздействием новых концепций: постмодерна, постпостмодерна, постиндустри-

стриального общества и прочих идей, придающих ему разнонаправленное движение. В сочетании с доминированием технологических императивов его основы сегодня оказались под угрозой, а перспективы дальнейшего развития – как минимум неопределенными.

Методология: в исследовании применялись общенаучный диалектический метод и формально-логический. Это позволило определить причинные связи изменений законодательства и нового технологического уклада.

Результаты проведённого исследования показывают, что внедрение в общество новых технологий вызывает соответствующие изменения в сфере правового регулирования, которые способствуют преобразованию права в своеобразную процедуру, имеющую строго технический характер, что приведёт к утрате создающей функции права и его базовых ценностей.

Ключевые слова: технологический императив, правовое регулирование, пределы регулирования, революция, постмодерн, разум

Для цитирования: Бавсун М. В., Каплунов А. И., Бавсун И. Г. Проблемы правового регулирования общественных отношений в условиях доминирования технологических императивов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-10-17.

Maksim V. Bavsun

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-1407-2609>, kafedramvd@mail.ru

Andrey I. Kaplunov

Dr. Sci. (Jurid.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-7298-8730>, and-kaplunov@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Irina G. Bavsun

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-8953-031X>, i.bavsun@szfrgup.ru

Northwestern Branch, the Russian State University of Justice

5, Aleksandrovsy Park, Saint Petersburg, 197046, Russian Federation

The problems of legal regulation of public relations in conditions of domination of technological imperatives

Abstract: The relevance of this study is due to the emergence of new information technologies that prompt to transform the nature of the activities of the subjects of law, change the scope of their legal relations, and expand the horizon of future activities. Modern society, being in a state of constantly appearing and actively implemented technologies, has long been faced with the problem of legal regulation of new social relations arising in this connection. The intrusion of technology into all spheres of human activity is of such magnitude that it cannot ignore legal aspects. The problems of legitimizing new technical means and technologies, the ability of law to respond in a timely manner to the processes taking place, the limits of such a response and the preservation of the conceptual foundations of the law itself, its basic values and principles today remain not only relevant, but practically unresolved. There is also the reverse side of this issue - the preservation of the same foundations in society itself in the conditions of a continuous process of reworking the normative material. With a total transformation of social relations within the entire world community, law is also under the influence of new concepts: postmodern, postpostmodern, postindustrial society and other ideas that give it a multidirectional movement. Combined with the dominance of technological imperatives, its foundations are now under threat, and the prospects for further development are at least uncertain.

Methodology: The study used the general scientific dialectical method and the formal-logical method. This made it possible to identify the causal links between changes in legislation and the new technological order.

The results of this study show that the introduction of new technologies into society causes corresponding changes in the sphere of legal regulation, which contributes to the transformation of law into a kind of procedure of a strictly technical nature, which will lead to the loss of the creative function of law and its basic values.

Keywords: technological imperative, legal regulation, regulation limits, revolution, postmodernity, reason

For citation: Bavsun M. V., Kaplunov A. I., Bavsun I. G. The problems of legal regulation of public relations in conditions of domination of technological imperatives // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 10–17; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-10-17.

Технократический путь развития цивилизации давно стал предметом анализа практически во всех отраслях знаний как гуманитарного, так и естественно-научных направлений. Зависимость трансформации общественных отношений от внедрения в повседневную жизнь отдельных изобретений технического свойства, как, впрочем, и от общего технологического прогресса, вряд ли вызывает какие-либо сомнения у специалистов, занимающихся данной проблематикой. На идейном уровне (что указывает на их управляемость) происходящие процессы находят соответствующее обоснование, которое, особенно в последнее десятилетие, уже не скрывается, и даже наоборот, имеет серьёзные предпочтения в пиар-кампании, раскручиваемой на самом высоком уровне [1]¹. Более того, именно оно всё чаще преподносится (или пытаются преподноситься) в качестве основного императива, следование которому, во-первых, неизбежно и необходимо, во-вторых, должно привести к «позитивному» итогу, очевидность которого на самом деле пока не имеет объективного подтверждения. В этом отношении совокупность идей постмодерна, постпостмодерна, некромодерна, метамодерна, биополитики, постиндустриального общества (и многого другого) и, как апофеоз всего, рождение так называемой четвертой промышленной революции представляют собой не что иное, как единый императив, определяющий общий вектор развития цивилизации. Суть его – отказ от прежних ценностей и достижений, поклонение новым идеалам, правилам, началам, критериям и, самое главное, выстраивание новой концепции развития общества, принципиально отличающейся от прежней. Апологеты нового мира характеризуют «масштаб изменений как беспрецедентный

для истории человечества. Перемены затронут всех: отношения человека с миром, с собой и с другими людьми кардинально изменятся. Четвёртая промышленная революция обладает огромным потенциалом по увеличению уровня жизни человечества, решению многих насущных проблем, однако также допускает появление новых проблемных вопросов...» [2]. Важно отметить, что научное сообщество едино в мнении относительно невозможности каких-либо прогнозов реализации декларируемых данным учением идей. «Базовым отличием этой революции от всех предыдущих является синтез и взаимодействие всех перечисленных технологий. Их развитие и внедрение связаны с неопределённостью, поэтому сегодня достаточно сложно просчитать все последствия использования технологических новшеств в жизни человека и общества» [3, с. 17].

Вполне естественно, что одним из таких проблемных вопросов является правовое регулирование общественных отношений в принципиально новых жизненных реалиях, в которых технологические императивы могут оказаться безальтернативными, не оставив конкретному индивидууму права выбора. При этом надо понимать, что такие технологические императивы не существуют сами по себе. Как, впрочем, не всегда можно чётко определить, что относится к технологическому, а что к биологическому, медицинскому, экономическому или любому иному императиву, имеющему своей целью подчинить (подавить), проконтролировать, исключить любую возможность альтернативы для человека в отдельности и человечества в целом. И если система тотального видеонаблюдения, имеющая, безусловно, изначально исключительно благие намерения, – это, собственно, технический элемент реализации общей идеи постиндустриального общества, то цифровая валюта, различные виды вирусов (коронавирус, свиной, птичий и иные виды гриппов и др.) уже представляют собой некий симбиоз технологий. Конечно, в них присутствует и в чистом виде технический элемент, но при этом он не является основным. Отсюда речь необходимо вести, как

¹ Раскрывая суть идей автора данного направления, специалисты отмечают: «Четвёртая промышленная революция принесёт коренные изменения производственных процессов. Она влечёт за собой не только технологические новации, но и смену социальной парадигмы, культурного кода. Масштабное внедрение киберфизических систем и цифровизация промышленности будут неосуществимыми без правовых преобразований и политических реформ».

представляется, о некоей совокупности, симбиозе сочетающихся между собой средств, образующих ту или иную технологию, объединенных между собой единой целью (целями) [4, с. 11]². При этом все они создают новую реальность, требующую и новых правовых средств, перестройка которых уже идёт полным ходом как в части трансформации самого подхода к их созданию, так и в разработке, последующей реализации.

Впрочем, именно взаимодействие ранее существовавших и вновь создаваемых технологий создаёт наибольшие сложности в правовом регулировании, которое в определённый момент, потеряв созидательную функцию, ушло на уровень рефлексии. В последнее время в современной юридической литературе можно встретить немало публикаций и отдельных высказываний негативного свойства, связанных с ростом нормативного материала в геометрической прогрессии [5, с. 1399–1401]. Много говорится о том, что раньше было по-другому, а жизнь человека с позиции правовых предписаний была отрегулирована ничуть не хуже, а во многом и значительно лучше. Справедливость таких высказываний сложно оспаривать. Данное направление жизнедеятельности человека в XX столетии (не говоря уже о последних десятилетиях) существенно изменилось. Вопрос лишь в том, почему? Почему законодатель вдруг ушёл на уровень детализации законодательных предписаний, значительно увеличивающих их объём, стараясь при этом зарегламентировать всё, что есть – от объективно необходимых процессов до совершенно неочевидных аспектов жизни человека? В результате реализации такого подхода мы наблюдаем даже не перестройку всей правовой системы, а лишь ее судорожные попытки хоть как-то оправдать происходящее, пытаясь найти свое место в текущих процессах. Собственно, от регулирования осталось уже не так много, что обусловлено вторичностью права по отношению к происходящим процессам. В основе архитектуры современного права позитивистского извода, пишет В. И. Красиков, находим культ разума – абстрактного, формального, обезличенного [6, с. 63]. Его оторванность от религиозных начал, норм морали и уход от традиций – неизбежный удел права в условиях доминирования технологических императивов. Между тем «разум, побеждая, оставляет за собой выжженное поле... роботизация человека становится не мифом, а реальностью» [7, с. 401].

² «Термин “технологии” здесь понимается предельно широко и включает в себя не только способы хозяйствования, но и государственное управление, воинское искусство, религиозные доктрины, средства коммуникаций, торговлю, медицину и вообще любые знания и навыки, которые могут быть использованы для спасения человека от смерти или продления его жизни. Такие знания предлагается именовать жизнеспасающими технологиями».

Дж. Р. Солл отмечает, что «непрерывная и настойчивая сосредоточенность на рациональности, зародившаяся ещё в семнадцатом веке, дала неожиданный результат. Постепенно разум начал дистанцироваться и отделять себя от других – так или иначе признанных характеристик человека: духа, инстинктивных потребностей, веры и эмоций, а также интуиции, воли и, самое главное, опыта. Это постоянное выдвигание разума на передний план продолжается и в наши дни, достигнув такой степени дисбаланса, что мифическая важность разума затмила все другие категории и едва ли не поставила под сомнение их важность» [8, с. 23–24]. На данный момент разум в праве, а в силу этого и само право, находящееся под мощным давлением императивов, оказались в состоянии осцилляции. Они постоянно испытывают давление названных выше и многих других идей, часто совершенно нетипичных ни для самого права, ни для общества, которое разнородно и реагирует на них крайне болезненно, а временами и откровенно нервно. В итоге законность уже давно обесценилась, а целесообразность полностью вышла за все возможные пределы, окончательно превратившись в неопределённость [9, с. 61]. Однако инициатива упущена не по причине самого права, а в силу изменения самой идеи управления обществом, где традиционным формам регулирования отведено не так много места. Точнее, им уготована именно та роль, которую право начинает выполнять уже сейчас, – роль наблюдателя, своевременно реагирующего на малейшие изменения в ходе реализации доминирующей идеи.

В этой части практически любая, так называемая прорывная технология оказывается для права подрывной. В данном случае речь идёт не об игре слов и вольных трактовках того, что происходит в результате появления и последующего внедрения в жизнь нового технологического императива. Применительно к экономической сфере и с учётом происходящих процессов в рамках четвертой промышленной революции англоязычные специалисты используют определение «подрывные» (disruptive) технологии. Определению перечня и ожидаемых эффектов таких технологий посвящено специальное исследование Глобального института McKinsey «Подрывные технологии: нововведения, которые преобразуют жизнь, бизнес и глобальную экономику» (2013 г.) [10, с. 8]. Следует лишь отметить, что применительно к данному направлению деятельности термин «подрывные технологии», имеющий не меньший, а может, ещё и больший императив, используется как позитивный, означающий взрывной рост того или иного направления в экономической сфере. Наиболее яркие примеры сегодня – это мобильный интернет, искусственный интеллект, облачные технологии, передовая робототехни-

ка и многие другие технологии, которые помимо упрощения экономических и социальных процессов позволили также существенно снизить их стоимость, а соответственно, и доступность³. Однако в плане правового регулирования ситуация обычно обратная, а определение «подрывные» имеет прямо противоположное значение – подрывать основы, следовательно, снижать потенциал и авторитет, эффективность и результативность деятельности. Применительно к правовому регулированию – это его вторичность по отношению к происходящим процессам, обеспечительная роль, рефлексия, а местами и временами откровенная агония как реакция на уже свершившийся факт. С учётом технократического пути развития человечества «свершившийся факт» – это не единичный случай, и даже не система. Это в целом бесконечный и постоянно ускоряющийся процесс появления (внедрения) новых технологий и, как следствие, непрерывная потребность в перестройке правового регулирования, включая постоянное расширение его пределов.

Неопределённость таких пределов становится все очевиднее, пугая своими вполне обоснованными предположениями относительно перспектив будущего развития, которые в последнее время всё чаще находят подтверждение. И здесь симбиоз всего: философии, социологии, политологии, экономики, антропологии, биологии, медицины, генетики и пр., где именно технологии реализации новых идей (включая и их чисто техническую сторону) занимают центральное место как единственные средства достижения поставленных целей. Без технологического императива ни одна из идей постмодерна (или любой из её вариантов) не способна разрушить уже сложившиеся общественные отношения, что становится возможным лишь при последующей фиксации уже свершившегося события в правовых предписаниях. Между тем современные технологии уже достигли того уровня, когда становится понятным, что цели могут быть любыми, если пределы в их достижении по сути стёрты. В связи с этим А. А. Федотов пишет: «Учитывая масштаб преобразований, нужно понимать, что идеи Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции ставят весьма серьезные вопросы о том, каковы же будут её антропологические перспективы» [12]. С учётом достижений в медицине, генной инженерии, а отсюда и фармацевтики вопрос об антропологических перспективах вполне логичен и актуален. «Современные технологии конструируют человека, проектируя возможное и желаемое человечество» [13, с. 175]. Как пишет

Д. В. Попов, «биополитика в качестве научного, рационально-технического и бюрократического управления биологической жизнью людей стала способом контроля, модификации, даже производства человека. Реализуя императив усиления государства, биополитика в своих радикальных формах организует жизнь как конвейер, на котором собирается человек» [14, с. 76]. Это евгеника, в её наиболее извращенном понимании, в реальности, в обыденной жизни. Уже и философы, опираясь на современные технологии, позволяющие конструировать человечество, открыто пишут: «Сегодня жизнь и смерть являются не собственно научными понятиями, но понятиями политическими, которые в силу своей политической природы приобретают точное значение лишь в результате специального решения» [15, с. 123]. При этом зарубежные специалисты в еще более жёсткой и циничной форме отмечают, что «мертвое тело тела генетического не ускользает, чтобы быть заменённым чистой симуляцией или абстрактной информацией; скорее генетическое тело учитывается на всех его (молекулярных) поверхностях, через технические практики биоинформационной науки, а также связи между телом и генетическим профилем» [16]. Если вдуматься в терминологию, которая используется в данной цитате, в те возможности, реальные или потенциальные, которые появились в результате разработанных технологий, становится ясно, что весь нарабатанный ранее опыт правового регулирования является ничтожным, совершенно неспособным обеспечить потребности тех императивов, которые сегодня нам предложены новыми технологиями. Более того, отражение антропологической идентичности уже в самом праве, развивающемся по пути секуляризации и находящемся под давлением формального разума, диктуемого в том числе и технологическими императивами, вполне обоснованно ставится под сомнения [6, с. 63].

При этом надо понимать, что не просто глобальность перестройки общества и тех отношений, которые считаются традиционными для человека (с теми или иными вариациями, в зависимости от региона проживания, национальности, вероисповедания и т. д.), но и сама постановка вопроса о сущности человека и её возможной трансформации, не менее глобально меняют и пределы правового регулирования. Их трансформация началась не сегодня, но процесс ускорения, когда очевидность изменений в заданном направлении стала почти кричащей, произошел именно в последние десять-пятнадцать лет. Данный тезис вполне проверяем на основе анализа нормативного материала, который проведён уже многократно большим количеством специалистов во всех отраслях права. Процесс практически неуправляемой истерики

³ Все они оказали серьёзное влияние и на сферу правового регулирования.

по данному поводу у юристов-правоведов, как у учёных, так и у практиков, также начался не сегодня. Что характерно, с уходом из жизни настоящего великих учёных, тех, кто стоял у истоков формирования советского законодательства, мыслящих системно, а не фрагментарно, создавших задел на многие десятилетия, не стало противовеса тем тенденциям, которые, в том числе и в силу ослабления противоположной позиции, стали сейчас уже нормой. Более того, прежний подход уже многими или большинством начинает восприниматься как атавизм, в то время как новые требования, предъявляемые к законодателю, возведены в ранг аксиомы, закономерно ускоряя процесс трансформации правового регулирования. В. Д. Зорькин пишет: «Однако мы видим, что право глобализации, казавшееся средством разрешения всех проблем современного общества, не только приводит к новым проблемам, прежде не виданным, но и расшатывает основы создаваемых веками национальных рубежей защиты от вызовов эпохи. А это приводит к мысли о том, что нельзя (т. е. очень опасно и опрометчиво) игнорировать конституционную идентичность разных государств, недооценивать разницу в культуре, ценностях, общественных укладах и т. д., пытаться брать отовсюду понравившиеся фрагменты, чтобы произвольным образом компоновать из них своего рода “правовые коллажи”» [18, с. 5]. В этом высказывании – по большому счету все тенденции современной трансформации правового регулирования общественных отношений, где технологический императив, с одной стороны, не более чем инструмент реализуемых геополитических процессов, а с другой – основа, благодаря которой такие процессы вообще становятся возможными.

Отсюда, и с учётом выбранного человечеством пути развития, неизбежность происходящего в сфере правового регулирования видится фатальной. В конечном итоге уже само право, а в особенности процесс его совершенствования, стали восприниматься тоже как некая тех-

нология, не более чем процедура, имеющая строго технический характер с собственным алгоритмом, когда появление предписания никак не связано с религиозным, духовным, ментальным, национальным, культурным (и прочим) состоянием общества. Строго обеспечительная, а не созидательная функция права стала основной, чутко реагируя на любые новые идеи, реализуемые в рамках технологических императивов. Голый разум, лишённый духовной основы, оказался во главе трансформации права и процесса регулирования общественных отношений. Стремительность внедрения в общество новых технологий делает соответствующие изменения в сфере правового регулирования ещё более интенсивными, многократно увеличивая как объём законодательного материала, так и количество ошибок в его содержании. В погоне за соответствием происходящим процессам, в стремлении их хоть как-то упорядочить, в своём совершенно искреннем желании оградить общество от неправомерных средств и их последствий, связанных с появлением новых технологий, законодатель вынужден принимать быстрые и далеко не всегда верные решения. Объективно право в таком режиме не способно сохранять, а тем более развивать те базовые ценности, о которых было написано выше и которые всегда составляли его основу. Склонность общества к вере в достаточно абстрактную пользу от новых технологий, которая строится на восхищении и ожидании, что новое всегда лучше, дешевле или доступнее⁴, для правового регулирования представляет лишь проблему, когда реагировать необходимо не только на уже свершившийся факт, но и на ожидание, и даже эмоции.

⁴ Технологический императив – стремление использовать технологию, которая потенциально может принести пользу, но либо небольшую, либо неподтвержденную. Эта склонность основывается на восхищении, ожидании, что новое всегда лучше, и на финансовых или других профессиональных мотивах [Электронный ресурс] // Глоссарий ОТЗ : сайт. – URL: <http://htaglossary.net> (дата обращения: 31.12.2022).

Список литературы

1. Клаус Ш. Четвертая промышленная революция. – Москва: Издательство Эксмо, 2022. – 208 с.
2. Мануков С. 4-я промышленная революция в Давосе [Электронный ресурс] // Эксперт : сайт. – URL: <https://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyishlennaya-revolutsiya/> (дата обращения: 31.12.2022).
3. Гуторович О. В. Четвертая промышленная революция и её возможные последствия // Дискурс. – 2018. – № 6. – С. 11–17.
4. Подлазов А. В. Технологический императив как основа теории глобального демографического процесса. – Москва: ИПМ им. М. В. Келдыша РАН, 2015. – 32 с.
5. Голик Ю. В., Коробеев А. И. Реформа уголовного законодательства: быть или не быть? // Новый Уголовный кодекс России: концептуальные основы и теоретическая модель : заочный круглый стол. – 2014. – № 12. – Т. ХСVII. – С. 1399–1401.
6. Красиков В. И. Разум, право и религия в антропологическом и глобалистическом аспектах // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2010. – № 2. – С. 62–65.
7. Зиновьев А. А. Глобальный человекоуеиник. – Москва: Эксмо, 2003. – 448 с.

8. *Солл Дж. Р.* Ублюдки Вольтера, или Диктатура разума на Западе / пер. с англ. А. Н. Сайдашева. – Москва: АСТ : Астрель, 2006. – 895 с.
9. *Бавсун М. В., Попов Д. В.* Метамоде́рн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 1. – С. 53–62.
10. *Спартак А. Н.* Экономические, внешнеторговые и глобализационные аспекты четвертой промышленной революции // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 6. – С. 7–23.
11. *Гилинский Я. И.* Девиантность и социальный контроль в мире постмодерна : краткий очерк // Общество и человек. – 2015. – № 3–4. – С. 89–99.
12. *Федотов А. А.* Антропологические перспективы в свете идей Клауса Шваба о Четвертой промышленной революции [Электронный ресурс] // Богослов.ru : богословский научный портал. – URL: <https://bogoslov.ru/article/5868591> (дата обращения: 31.12.2022).
13. *Попова О. В.* Тело как территория технологий. От социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования. – Москва: Канон +, 2021. – 336 с.
14. *Попов Д. В.* Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики. – Омск: Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 144 с.
15. *Агамбен Дж.* Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. – Москва: Европа, 2011. – 250 с.
16. *Tacker E.* Database/Body: Bioinformatics, Biopolitics, and Totally Connected Media Systems [Электронный ресурс] // #Switch : сайт. – URL: <http://switch.sjsu.edu/web/v5n3/E-1.html> (дата обращения: 31.12.2022).
17. *Бодрийар Ж.* Совершенное преступление / заговор искусства. – Москва: Рипол-Классик, 2020. – 250 с.
18. *Зорькин В. Д.* Право метамодерна: постановка проблемы // Журнал конституционного правосудия. – 2019. – № 4. – С. 1–8.

References

1. *Klaus Sh.* Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya. – Moskva: Izdatel'stvo Eksmo, 2022. – 208 s.
2. *Manukov S.* 4-ya promyshlennaya revolyutsiya v Davose [Elektronnyy resurs] // Ekspert: sayt. – URL: <https://expert.ru/2016/01/21/chetvertaya-promyshlennaya-revoljutsiya/> (data obrashcheniya: 31.12.2022).
3. *Gutorovich O. V.* Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya i yeyo vozmozhnyye posledstviya // Diskurs. – 2018. – № 6. – S. 11–17.
4. *Podlazov A. V.* Tekhnologicheskij imperativ kak osnova teorii global'nogo demograficheskogo protsessa. – Moskva: IPM im. M. V. Keldysha RAN, 2015. – 32 s.
5. *Golik Yu. V., Korobeyev A. I.* Reforma ugolovnogogo zakonodatel'stva: byt' ili ne byt'? // Zaochnyy kruglyy stol «Novyy Ugolovnyy kodeks Rossii: kontseptual'nyye osnovy i teoreticheskaya model'». – 2014. – № 12. – T. XCVII. – S. 1399–1401.
6. *Krasikov V. I.* Razum, pravo i religiya v antropologicheskom i globalisticheskom aspektakh // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2010. – № 2. – S. 62–65.
7. *Zinov'ye A. A.* Global'nyy chelovekoveynik. – Moskva: Eksmo, 2003. – 448 s.
8. *Soll Dzh. R.* Ublyudki Vol'tera, ili Diktatura razuma na Zapade // per. s angl. A. N. Saydasheva. – Moskva: AST : Astrel', 2006. – 895 s.
9. *Bavsun M. V., Popov D. V.* Metamodern v prave: ostsillyatsiya v tochke Kanetti. Stat'ya II. Pravo na zadvorkakh dukhovnosti // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2019. – № 1. – S. 53–62.
10. *Spartak A. N.* Ekonomicheskkiye, vneshnetorgovyye i globalizatsionnyye aspekty chetvertoy promyshlennoy revolyutsii // Rossiyskiy vneshneekonomicheskij vestnik. – 2018. – № 6. – S. 7–23.
11. *Gilinskiy Ya. I.* Deviantnost' i sotsial'nyy kontrol' v mire postmoderna: kratkiy ocherk // Obshchestvo i chelovek. – 2015. – № 3–4. – S. 89–99.
12. *Fedotov A. A.* Antropologicheskkiye perspektivy v svete idey Klavusa Shvaba o Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii [Elektronnyy resurs] // Bogoslov.ru : bogoslovskiy nauchnyy portal. – URL: <https://bogoslov.ru/article/5868591> (data obrashcheniya: 31.12.2022).
13. *Popova O. V.* Telo kak territoriya tekhnologiy. Ot sotsial'noy inzhenerii k etike biotekhnologicheskogo konstruirovaniya. – Moskva: Kanon +, 2021. – 336 s.
14. *Popov D. V.* Biovlast' i zhizn': filosofsko-antropologicheskkiye osnovaniya, potentsial i perspektivy biopolitiki. – Omsk: Omskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – 144 s.
15. *Agamben Dzh.* Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'. – Moskva: Yevropa, 2011. – 250 s.
16. *Tacker Eugene* Database/Body: Bioinformatics, Biopolitics, and Totally Connected Media Systems [Elektronnyy resurs] // #Switch: sayt. – URL: <http://switch.sjsu.edu/web/v5n3/E-1.html> (data obrashcheniya: 31.12.2022).
17. *Bodriyar Zh.* Sovershennoye prestupleniye / zagovor iskusstva. – Moskva: Rapol-Klassik, 2020. – 250 s.

18. *Zor'kin V. D. Pravo metamoderna: postanovka problemy // Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya. – 2019. – № 4. – S. 1–8.*

Статья поступила в редакцию 09.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted January 9, 2023; approved after reviewing February 15, 2023; accepted for publication March 15, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 351.741(477.62)
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-18-26

Виктория Константиновна Грошева

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-4554-8657>, vik-groshevaya@mail.ru

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Евгений Васильевич Суверов

доктор исторических наук, профессор

<https://orcid.org/0000-0001-9988-7390>, suverov69@mail.ru

Барнаульский юридический институт МВД России

Российская Федерация, 656038, Барнаул, ул. Чкалова, 49

Организация милицейских курсов в Донецкой губернии в первой половине 20-х годов XX века

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления и использования результатов многолетней деятельности государственных учреждений по подготовке квалифицированных специалистов органов внутренних дел.

В статье рассматривается деятельность сформированных в 1923 г. в Донецкой губернии курсов старших и младших милиционеров, занятия которых осуществлялись по программе Главмилиции УССР. Показан уровень ответственности и заинтересованности руководства НКВД в сфере образовательного процесса сформированных губернских милицейских курсов. Проанализированы проблемы материального и учебно-методического обеспечения губернских милицейских курсов, а также дефицита педагогических кадров по специальным дисциплинам.

Цель исследования заключается в изучении и обобщении исторического опыта НКВД–МВД РСФСР, СССР по организации, а также правовому регулированию профессиональной подготовки и профессионального образования кадров милиции.

Методологической основой исследования выступает традиционный при изучении истории государственно-правовых систем институциональный подход в сочетании с элементами исторического и логического методов.

Результаты исследования. Авторы приходят к выводу, что милицейские курсы оказали значительную роль в формировании профессиональных навыков, а также качественном обеспечении кадров милиции Донбасса в исследуемый период. Материалы исследования могут быть полезными в организации воспитательной работы с курсантами и слушателями образовательных организаций системы МВД России, практическими работниками.

Ключевые слова: Донецкая губерния, милицейские курсы, курсант, обучение, работник милиции, специалист, знания

Для цитирования: Грошева В. К., Суверов Е. В. Организация милицейских курсов в Донецкой губернии в первой половине 20-х годов XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 18–26; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-18-26.

Victoria K. Groshevaya

Cand. Sci. (jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-4554-8657>, vik-groshevaya@mail.ru

Academy of Management of the MIA of Russia

8, Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125993, Russian Federation

Evgeny V. Suverov

Dr. Sci. (Hist.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-9988-7390>, suverovev69@mail.ru

Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

49, Chkalova str., Barnaul, 656038, Russian Federation

Organization of the militia courses in Donetsk province in the first half of the 1920s of the XXth century

Abstract: The relevance of the study is due to the need to comprehend and use the results of long-term activity of state institutions for the training of qualified specialists of internal affairs bodies.

The article examines the activities of the courses for senior and junior policemen formed in 1923 in the Donetsk province, their classes were conducted according to the program of the Main Militia of the Ukrainian SSR. The level of responsibility and interest of the NKVD in the sphere of the educational process of the formed provincial militia courses is shown. The problems of material, educational and methodological support of the provincial militia courses, as well as the shortage of teaching staff in the main disciplines, are analyzed.

The purpose of the study is to study and summarize the historical experience of the NKVD-MIA of the RSFSR, the USSR on the organization, as well as the legal regulation of professional training and professional education of militia personnel.

Methodological basis of the study is the institutional approach, which is traditional in the study of the history of state-legal systems, combined with elements of historical and logical methods.

Research results. The authors come to the conclusion that the militia courses played a significant role in the formation of professional skills, as well as the quality of militia personnel in Donbass during the studied period. The study materials can be useful for practitioners in the organization of educative work with cadets and students of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: Donetsk province, militia courses, cadet, training, militia officer, specialist, knowledge

For citation: Groshevaya V. K., Suverov V. E. Organization of the militia courses in Donetsk province in the first half of the 1920s of the XXth century // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 18–26; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-18-26

В первой половине 1920-х гг. в УССР, в частности, на территории Донецкой губернии (Донбасс в границах 1922 г.), проводилась работа по совершенствованию руководства милицией, улучшению её структуры, форм деятельности. Серьёзное внимание уделялось её кадровому обеспечению.

Результаты практической деятельности милиции зависели прежде всего от милицейских кадров, уровня их общей и профессиональной подготовки, качества их обучения и воспитания [1, с. 318].

С самого начала создания рабоче-крестьянской милиции в её штате было немало сотрудников, не имевших должного общеобразовательного и профессионального уровня подготовки [2, с. 85], то есть большинство из них не были готовы к выполнению поставленных задач в свя-

зи с отсутствием как теоретических знаний, так и практического опыта [3, с. 36].

В этот период, характеризующийся социально-политической напряжённостью, преступность значительно выросла, что ярко высветило проблему несоответствия уровня подготовки работников милиции потребностям времени. Милиция остро нуждалась в квалифицированных специалистах [4, с. 182].

Появились предпосылки для создания ведомственной сети школ и курсов, планомерной специальной подготовки работников милиции. Главное управление милиции ставило задачу в кратчайший срок подготовить своих специалистов, а также повысить общий и специальный уровень знаний милиционеров на всей территории СССР, начиная от районных надзирателей и заканчивая начальниками уездной милиции [5, с. 110].

Историографический обзор работ по изучению милицейских кадров 20-х годов прошлого века связан прежде всего с трудами регионального аспекта [6, с. 78–85; 7, с. 78–85; 8, с. 7, 9]. Интересны исследования в области подготовки кадров государственного масштаба [9, с. 36–41]. При этом фундаментальные исследования по Донецкой области так и не были проведены, что подтверждает актуальность исследования.

Большой вклад в изучение подготовки кадров для органов внутренних дел сделала омский профессор М. А. Кожевина, которая ввела в научный оборот понятие «милицейское образование» как форму профессионального образования, нацеленного на обучение и воспитание специалиста для органов милиции и одновременно систему специализированных образовательных учреждений, осуществляющих эту деятельность¹.

Задачи, стоящие перед системой профессионального образования в этот период, в большей степени были связаны с ускоренным формированием кадрового корпуса всех уровней и категорий административных работников, высококвалифицированных специалистов, представителей массовых профессий и соединением профессионального обучения с политическим воспитанием [11, с. 121].

В докладе народного комиссара внутренних дел «О состоянии милиции Украины», направленном в июне 1922 г. Президиуму ВУЦИК, отмечалась слабая служебная подготовка работников милиции, которая объяснялась недостаточным служебным опытом, а также отсутствием теоретических знаний. Данный пробел планировалось устранить путём прохождения всеми работниками милиции курсов командного состава.

К началу 20-х годов XX века как в подразделениях наружной милиции, так и в уголовном розыске остро ощущалась нехватка опытных специалистов. Для устранения данной проблемы Главным управлением милиции была поставлена задача подготовить в кратчайший срок специалистов от районного надзирателя до начальника уездной милиции и повысить уровень как общих, так и специально-милицейских знаний. Отчасти эту проблему решали старые специалисты, которых неохотно принимала на службу новая власть, рассматривая это как временное, вынужденное решение.

С этой целью в Харькове были открыты и функционировали годовые курсы по подготовке старшего командного состава наружной и уголовно-розыскной милиции с пропускной способностью в 540 человек. Восьмимесячные курсы по подготовке младшего командного состава наружной милиции с пропускной способ-

ностью 405 человек были открыты и функционировали в Харькове и формировались в Киеве. В каждой губернии учреждались и функционировали одноротные трёхмесячные курсы для старших и младших милиционеров [12, с. 276, 279].

Первые созданные милицейские курсы не ставили перед собой цель профессиональной подготовки кадров милиции, они носили ознакомительный характер, фактически предоставляя лишь начальные профессиональные знания. Претендовать на более высокий уровень профессиональной подготовки милицейские курсы не могли, поскольку значительная часть обучающихся были малограмотны или вообще безграмотны [13, с. 176–177].

Согласно постановлению Совета труда и обороны от 20 апреля 1921 г., на службу в милицию осуществлялся перевод красноармейцев, родившихся в 1897 г., сроком на один год². Необходимо отметить, что они на должном уровне владели различными видами подготовки (строевой, огневой, боевой). Именно данный факт послужил причиной открытия краткосрочных курсов, а не учебного заведения для фундаментальной подготовки милиционеров [15, с. 46].

В Донецкой губернии согласно приказу по милиции УССР № 103 от 28 февраля 1923 г. были сформированы Донецкие губернские милицейские курсы старших и младших милиционеров (в архивных документах встречается также название Донецкие губернские милиционские курсы)³.

Приказом № 457 от 23 августа 1923 года по Рабоче-крестьянской Советской Милиции Донецкой губернии были начаты занятия на курсах по программе Главмилиции УССР. Данные курсы подчинялись программам, разработанным центральными органами власти, набор на учёбу носил региональный характер.

Курсанты для обучения в Донецкие губернские милицейские курсы направлялись из семи округов – Таганрогского, Мариупольского, Бахмутского, Луганского, Шахтинского, Старобельского и Юзовского⁴.

При зачислении на милицейские курсы с целью проверки документов, установления служебного стажа, а также степени пролетарского классового сознания курсантов проходило заседание приемно-проверочной комиссии⁵. Во время её работы проводилась также предварительная проверка знаний.

В сентябре 1923 г. приказом по рабоче-крестьянской советской милиции Донецкой

² Гольдман В. С. В. И. Ленин и становление советской милиции: учебное пособие. – Москва: Высшая школа МВД СССР, Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел, 1970. – 34 с.

³ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 2. – Ед. хр. 1. – Л. 10.

⁴ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 12. – Л. 29, 29-об., 30.

⁵ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 2. – Ед. хр. 1. – Л. 85.

¹ Кожевина М. А. Милицейское образование в Советской России: организация и правовое регулирование: 1918–1991 гг.: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва: Московский университет МВД России, 2005. – 55 с.

губернии были объявлены результаты проверки знаний курсантов по общеобразовательным предметам: русскому языку, арифметике, географии. Курсанты получили за свои знания оценки «успешно», «удовлетворительно», «неудовлетворительно». При этом курсантов, наиболее полно и успешно усвоивших материал, по традиции награждали такими книгами, как «Конституция», «Между двумя революциями», «Календарь коммуниста» (выпуск 1923 г.), «История рабочего движения», «Учение о государстве и Конституции»⁶.

Приказом по Донецким губернским милицейским курсам был утверждён и объявлен распорядок дня курсов. Подъём осуществлялся в 6.00 часов, отбой – в 23.00 часа. В распорядок дня входили: поверка и чай, прогулка, строевые занятия, классные занятия, обед и отдых, снова классные занятия, ужин и отдых, подготовка уроков, поверка и отбой. Расписание занятий составлялось на каждую неделю учебного курса⁷.

О материальном обеспечении милицейских курсов и условиях, в которых пребывали курсанты, мы можем судить из доклада начальника курсов, направленного начальнику Донецкой губернской милиции: «Занимаемое курсантами помещение хорошее, только кубатуры воздуха недостаточно, помещение для размещения курсантов неудобно. Казарменного оборудования нет, нет столов, шкафов, столиков для курсантов, нет вешалок, стульев. На каждого курсанта имелась железная кровать, матрац, одеяло, простыня и подушка... Строевые занятия проходили удовлетворительно, но не всеми за неимением у многих обуви»⁸.

В докладе начальника Донецких губернских милицейских курсов, направленном заведующему отделом Управления губернского исполкома, указывалось, что прибывшие на курсы из районов курсанты были разуты и раздеты, а того количества обмундирования, которое было получено из Губрезерва, было недостаточно. Верхним обмундированием курсанты и командный состав не были обеспечены вовсе.

На довольствии курсанты находились при столовой подотдела снабжения губернского исполкома, где получали горячий обед и ужин. При курсах же, где имелась специальная комната для чая, удовлетворялись только кипятком, получали сахар, табак и спички⁹.

В письме начальника Донецких губернских милицейских курсов председателю шефской ко-

миссии говорилось: «Донецкие Губернские Милиционные Курсы организованы для поднятия квалификации среди милиционеров Донецкого Бассейна. Прибывшие на курсы, как из Округов Милиции, так и в особенности по партийной линии, слишком бедны в смысле обмундирования, курсы же в этом отношении также не имеют возможности пойти на помощь нуждающимся курсантам в самом необходимом... Непосредственное ведомство также не подготовлено и не имеет достаточных средств для удовлетворения всех нужд, как материального, так и культурного характера курсов, а посему прошу Вас в первом очередном заседании Шефской комиссии Гарнизона поставить вопрос о прикреплении и назначении Шефа над курсами и тем самым дать возможность курсам иметь заботящее лицо о них»¹⁰.

Несмотря на имеющиеся проблемы с материальным обеспечением курсантов, руководство курсов очень ответственно подходило к образовательному процессу, а преподаватели старались дать курсантам качественные знания и выпустить грамотных, профессионально подготовленных специалистов.

Педагоги внимательно следили за ситуацией и вовремя принимали необходимые меры. Так, например, в связи с тем, что большинство курсантов, поступивших на курсы, не проходили программу изучения общеобразовательных предметов, по истечении двух недель обучения с одобрения педагогического совещания весь состав обучающихся был разделён на две группы: успевающую и малоуспевающую. Для второй группы была усилена подготовка по общеобразовательным предметам. Такое разделение дало положительные результаты – вторая группа, состоявшая из 45 человек, после того как прошла общеобразовательную программу, была готова к предварительному экзамену.

Острой проблемой на курсах являлось отсутствие преподавателя по «Милиционному делу». В связи с этим занятия по данному предмету проводились лишь с пятой недели учебного плана¹¹.

В своём докладе преподаватель русского языка губернских милицейских курсов отмечал, что ввиду малограмотности курсантов необходимо уделить особое внимание их письму. Так, курсанты одного из классов, а именно старшего (успевающего), достигли положительных результатов, стали писать без ошибок. Их подготовка при выпуске оценивалась как хорошая. Что касается подготовки курсантов младшего класса, то возникала необходимость увеличения уроков на один час в день до достижения ре-

⁶ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 1. – Л. 71, 71-об.

⁷ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 6. – Л. 94.

⁸ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 2. – Ед. хр. 8. – Л. 24.

⁹ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 2. – Ед. хр. 1. – Л. 68, 69.

¹⁰ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 178.

¹¹ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 2. – Ед. хр. 1. – Л. 10.

зультата. Также планировалось увеличить часы подготовки по предмету «География», чтобы ознакомить курсантов со всеми частями света¹².

От преподавателя арифметики начальнику губернских милицейских курсов также поступило ходатайство об увеличении часов обучения предмету. В ходатайстве указывалось: «...курсанты жаждут знаний, стараются, интересуются, на лекциях очень внимательны и надеюсь, что они исправятся, а в дальнейшем занятия будут более успешными»¹³.

При проведении занятий по русскому языку и арифметике пришлось столкнуться с трудностями из-за отсутствия надлежащих учебников, а полученные учебники не отвечали поставленным задачам программы курсов. Проблему решили приобретением для малоуспевающей группы учебников на местном рынке.

Преподаватели губернских милицейских курсов имели достаточную теоретическую и практическую подготовку, а также были знакомы с новейшими методами преподавания. Также обращалось особое внимание на постановку кружковых занятий для поднятия уровня знаний курсантов и вовлечения их в самостоятельную работу¹⁴.

В программу обучения входило изучение основ трудового, земельного, гражданского, уголовного и уголовно-процессуального права¹⁵, а также проведение тактических занятий. Из письма начальника курсов председателю села Ивановского: «Сообщаю для сведения, что завтра 11 октября 1923 г. в 5 часов утра Губернские Милицейские курсы и Губрезерв, пехота и конница, будут производить тактические занятия в районе села Ивановского, о чем ставлю Вас в известность»¹⁶.

Согласно спискам взводов за каждым курсантом была закреплена винтовка с соответствующим номером¹⁷. Из сопроводительного письма начальника Юзовской окружной милиции начальнику Донецких губернских милицейских курсов: «На основании предписания Начдонгубмилиции от 19 сентября 1923 г. № 5282 при сем препровождается Вам 15 штыков к 3-х линейным русским пехотным винтовкам образца 1891 г.»¹⁸. Из рапорта начальника милицейских курсов, направленного начальнику Донецкой

губернской милиции: «Настоящим прошу Вашего распоряжения об отпуске 1000 штук винтовочных патронов, каковые необходимы для прохождения практической стрельбы»¹⁹.

На педагогические совещания губернских милицейских курсов в обязательном порядке приглашался начальник губернской милиции²⁰.

За пренебрежение к учебным занятиям, неисполнение служебных обязанностей, а также за недисциплинированность и несоблюдение требований к внешнему виду курсанты могли быть арестованы на трое, пять, семь суток, а также могли быть уволены и направлены в распоряжение начальника окружной милиции²¹.

По состоянию на 1 ноября 1923 г. штат Донецких губернских милицейских курсов составлял 106 человек, из них: комсостав – 7 чел.; милиционеры – 90 чел.; хозяйственный состав – 9 чел.²²

В октябре 1923 г. начальнику Донецкой губернской милиции был направлен рапорт начальника милицейских курсов следующего содержания: «Прошу назначить Экзаменационную Комиссию для проверки знаний курсантов вверенных мне Курсов, согласно Вашего словесного разрешения приступить к экзамену с 1 ноября 1923 г., с расчётом, чтобы произвести выпуск 7 ноября 1923 г.»²³.

Также начальник милицейских курсов в одном из своих рапортов ходатайствовал перед начальником Донецкой губернской милиции о следующем: «Доношу, что из числа курсантов вверенных мне курсов, можно надеяться на выпуск 15 % вполне достойных, как в практической, так и в теоретической подготовке знания Красного Надзирателя, а потому прошу разрешения выпустить не старших милиционеров, а надзирателями вышеуказанных 15 %»²⁴.

Приказом по рабоче-крестьянской советской милиции Донецкой губернии № 578 от 6 ноября 1923 г. был объявлен список учащихся, окончивших губернские милицейские курсы старших и младших милиционеров с назначением на должность. Так, курсанты, особо отличившиеся, успехи которых оценены как «хорошо», были назначены на должность старшего милиционера с правом допуска к исполнению обязанностей надзирателя, оценённые «удовлетворительно», назначались на должность старшего милиционера, и с характеристикой «слабо» были

¹² Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 2. – Ед. хр. 8. – Л. 32.

¹³ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 2. – Ед. хр. 8. – Л. 35.

¹⁴ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 2. – Ед. хр. 1. – Л. 68, 69.

¹⁵ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 12. – Л. 79, 93.

¹⁶ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 120.

¹⁷ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 12. – Л. 100, 102.

¹⁸ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 9. – Л. 317.

¹⁹ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 9. – Л. 291.

²⁰ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 12. – Л. 46.

²¹ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 6. – Л. 57, 58, 73.

²² Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 54.

²³ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 9. – Л. 309.

²⁴ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 9. – Л. 260.

назначены на должность младшего милиционера. В приказе было отмечено, что, несмотря на чрезвычайно трудные материальные условия курсов, полное отсутствие учебников и пособий, время, потраченное на подбор опытных преподавателей, выпуск производит вполне удовлетворительное впечатление²⁵.

По окончании обучения курсантам выдавалось свидетельство следующего образца: «Свидетельство №___ дано сие товарищу_____ в том, что он прошел Донецкие Губернские Милиционные 4-х месячные курсы старших и младших милиционеров и на окончательном испытании получил отметки: строевые занятия; политграмота; русский язык; арифметика; география; Устав Службы Милиции; Устав внутренней службы; полевой Устав; стрелковое дело; санграмота и удостоен должности _____ что подписями и приложением печати удостоверяется». Свидетельство подписывалось начальником курсов, военным комиссаром, помощником начальника курсов по учебной части и начальником канцелярии, где указывалась и дата его выдачи²⁶.

Также бывшим учащимся выдавалось удостоверение, свидетельствовавшее о том, что он действительно состоял в числе курсантов Донецких губернских милицейских курсов с 23 июля 1923 г. по 9 ноября 1923 г., и по окончании которых следует в распоряжение начальника окружной милиции²⁷.

В соответствии с приказом начальника губернской милиции по окончании обучения курсанты Донецких губернских милицейских курсов старших и младших милиционеров направлялись в те округа, откуда они прибыли на курсы. Исключением были учащиеся, откомандированные по указанию Губернской политической инспекции, направляющиеся в распоряжение Губполитинспектора, и учащиеся, направляемые на обучение во Всеукраинскую школу комсостава милиции. Курсанты же, присланные из Губернского резерва и поступившие на курсы добровольно, были направлены в Управление губернской милиции для комплектования Губгоррайона²⁸.

При этом начальнику милиции соответствующего округа направлялось уведомление о том, что данный курсант препровождается для назначения его на определённую должность (например, старшего или младшего милиционера).

В уведомлении указывалась просьба сообщить о прибытии курсанта²⁹.

По приказу начальника Донецкой губернской милиции все курсанты по окончании обучения на курсах, прибыв на места, то есть по округам, должны были воспользоваться семидневным отпуском³⁰.

После окончания обучения в Донецких губернских милицейских курсах старших и младших милиционеров курсантам выдавались: шинель; брюки суконные; френч суконный; гимнастерка; нательная рубаха; бельё; фуражка; сапоги; значок³¹. Также милиционерам, окончившим обучение, выдавались аттестаты денежного довольствия по 9-му разряду – 16 рублей 20 копеек золотом³². Учитывая высокую инфляцию в начале новой экономической политики и рост цен, данные выплаты были весьма скромными. Сохранились документы, которые подтверждают, что часть курсантов подъёмными деньгами не были удовлетворены³³.

Выпуск курсантов в Донецке проходил в торжественной обстановке. Из рапорта начальника милицейских курсов и военкома, направленного зав. отделом Управления Губисполкома: «Прошу Вашего распоряжения о выдаче 50 рублей золотом для вверенных мне Курсов на предмет фотографирования 12 учебных групп на предмет занесения их в Альбом Главмилиции Республики, Губисполкома и Губмилиции. Названные фотографические снимки необходимы для истории Главмилиции Республики УССР»³⁴. Для фотографирования с курсантами был официально приглашён начальник Донецкой Губмилиции³⁵.

После выпуска 7 ноября 1923 г. планировалось расформирование губернских милицейских курсов. Однако, учитывая важность данного вопроса и осознавая, что обучение и подготовка являлись необходимыми для работников милиции, начальник Донецких курсов обратился с докладом к заведующему отделом Управления через Начгубмилиции, где отмечал: «...Желая работать в этом направлении не покладая рук, я считаю необходимым просить об оставлении Курсов... в течение 4 месяцев в такой короткий период с большими трудами достигнута до 100 % знающего Комсостава вполне

²⁵ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 1. – Л. 3, 3-об, 4.

²⁶ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 9. – Л. 176, 177.

²⁷ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 10. – Л. 1.

²⁸ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 20.

²⁹ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 10. – Л. 2.

³⁰ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 14.

³¹ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 10. – Л. 23.

³² Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 10. – Л. 216.

³³ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 10. – Л. 21.

³⁴ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 9. – Л. 311.

³⁵ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 86.

соответствующего своему назначению и до 70 % уже имеются учебные пособия... с Губвоенкомата было получено 100 винтовок без штыков заржавленных и запущенных и в настоящее время приведены в надлежащий порядок... на курсах не имелось, ни прицельных станков, ни учебников, ни политических книг, словом ничего, но когда с таким трудом приходилось создавать из ничего что-то и поднять на должную высоту достоинства Курсов на 100 %, когда смело можно их назвать военным учебным заведением и жаль расформирования таковых, в то время когда эти курсы представляют из себя государственную важность»³⁶.

Всем начальникам Окрмилиции Донецкой губернии от начальника Донецких губернских милицейских курсов был направлен циркуляр, основанием которого послужила личная санкция начальника Донецкой губернской милиции. В циркуляре говорилось: «С переходом страны на мирное положение, когда Красная Армия демобилизована и оставлены небольшие кадры для охраны границ Республики, все обязанности и ответственность по охране и поддержанию порядка внутри страны перешли к Милиции, вместе с этим и усилились требования к ней... современный милиционер должен заключать в себе полную совокупность знаний, как по чисто Милицейскому, так и военному делу, чтобы уметь охранять спокойствие граждан от преступного элемента, зорко следить за бандитскими шайками и этим завоевывать симпатию среди мирного населения, для этого необходимо, чтобы милиционер твёрдо знал свои обязанности...» Далее заключалось, что достигнуть этого возможно обучением и подготовкой милиционеров в специально созданных для этого курсах для милиционеров, где приобретались теоретические и практические знания как в милицейском, так и в военном деле³⁷.

Следует отметить, что руководство губернских милицейских курсов всегда исходило из необходимости в милицейских кадрах, изучая объективное мнение о необходимости последующих выпусков, что подразумевало определенные финансовые затраты. Однако, поскольку руководство милиции не могло полностью организовать материальное обеспечение работы курсов, средства на их содержание выделялись губернским исполнительным комитетом.

Также в циркуляре отмечалось, что из каждого округа на курсы требовалось по 15 человек, которых необходимо было снабжать, обеспечивать (в том числе обмундированием) и выплачивать положенное жалованье. Преподавательский состав должен был содержаться

за средства окружной милиции, для чего требовалось на весь выпуск курсов 800 рублей золотом, и эта сумма делилась на семь округов. Всё же остальное содержание комсостава и другого персонала курсов, отопление, освещение, пищевое довольствие, и постельные принадлежности губернский исполком брал на себя³⁸.

Многие начальники окружной милиции считали необходимым и дали свое полное согласие на организацию второго выпуска курсантов при Донецких губернских милицейских курсах с внесением причитающейся окружной милиции суммы на содержание курсов³⁹.

Милицейские кадры из Донецкой губернии готовили также и в Харьковской губернии, во Всеукраинской школе комсостава милиции, в том числе и после окончания курсов в Донецке.

Возраст курсантов Донецких губернских милицейских курсов, направляемых во Всеукраинскую школу комсостава милиции города Харькова составлял от 23 до 26 лет⁴⁰.

Таким образом, в первой половине 1920-х годов XX века осуществлялась серьёзная деятельность, направленная на подготовку и совершенствование кадрового состава милиции Донецкой губернии УССР.

Поставленная задача в устранении слабой служебной подготовки и отсутствия теоретических знаний у работников милиции решалась путём прохождения курсов командного состава.

Помимо милицейских курсов в Донецке, кадры для губернских органов внутренних дел готовили в Харькове и Киеве (где были открыты курсы по подготовке старшего и младшего командного состава милиции). Направление на обучение на другие курсы (после окончания одних) объясняется необходимостью повышения профессиональных навыков.

Руководство сформированных губернских милицейских курсов подходило со всей серьёзностью к подготовке старших и младших милиционеров.

Образовательная программа обучения на курсах была построена таким образом, чтобы курсанты любого уровня могли добиться значительных успехов в обучении.

Многие из выпускников милицейских курсов стремились постоянно совершенствовать полученные знания и повышать свой профессиональный уровень путём дальнейшего обучения.

Следует отметить, что процесс обучения на милицейских курсах проходил в сложных условиях жизни, обусловленных низким уровнем и качеством материального обеспечения, в частности, тяжёлым материальным обеспечением

³⁸ Там же.

³⁶ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 2. – Ед. хр. 1. – Л. 6, 7, 8.

³⁷ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 63, 63-об.

³⁹ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 13. – Л. 8.

⁴⁰ Донецкий государственный архив. – Ф-2365. – Оп. 1. – Ед. хр. 3. – Л. 33.

милицейских курсов, начиная от отсутствия обуви у курсантов и до отсутствия надлежащих учебников. Однако, несмотря на это, понимая всю важность подготовки кадров, руководство окружной милиции и губернского исполкома поддерживало деятельность курсов.

Следует подчеркнуть, что серьёзную организационную и методическую помощь в формировании курсов милиции на Украине оказывало Главное управление милиции РСФСР. В договоре между Главными управлениями милиции РСФСР и УССР предусматривался широкий обмен программами и методическими разработками школ и курсов милиции [16, с. 6].

Милицейские курсы и школы комсостава сыграли важную роль в формировании профессиональных навыков работников милиции в 20-е годы XX века. Они не были замкнутым, обособленным звеном, а становились открытой

и активной частью государственной системы общего и специального образования. Учебные планы и учебные программы профессиональной подготовки работников НКВД в то время отразили наработки настоящих профессионалов своего дела, имевших богатый опыт практической работы. Развертывание ведомственной сети образовательных учреждений НКВД, особенно губернских милицейских курсов и школ комсостава, в целом способствовало значительному повышению квалификации кадрового состава милиции. Без указанных школ и курсов невозможно было бы дальнейшее развитие самой системы милицейского образования.

После начала работы курсов в Донецке и других городах УССР повысился образовательный уровень украинских милиционеров, которыми были получены специальные знания, необходимые для работы в органах внутренних дел.

Список литературы

1. Косицин А. П., Мулукаев Р. С., Биленко С. В. Советская милиция: история и современность (1917–1987) / под ред. А. В. Власова. – Москва: Юридическая литература, 1987. – 336 с.
2. Василів І. В. Становлення й розвиток системної підготовки кадрів органів міліції України у 20–40-х роках ХХ ст. // Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності. – 2011. – № 3(46). – С. 84–90.
3. Александров Ю. В., Воронин Б. А., Гельфанд И. А. Из истории милиции советской Украины // Министерство охраны общественного порядка Украинской ССР / под редакцией П. П. Михайленко. – Киев, 1965. – 400 с.
4. Шабельникова Н. А., Бакиштов С. Н. Формирование системы профессионального обучения кадров милиции на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – С. 182–185.
5. Коцан І. Д. Освітня та фахова підготовка працівників міліції Харківщини в 20-ті роки ХХ ст. // Вісник Харківського національного університету внутрішніх справ. – 2007. – № 39. – С. 108–114.
6. Бойко Ю. Н., Коновалова О. В. Проблемы подготовки кадров советской милиции в Енисейской губернии в 1920–1924 гг. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2017. – № 3 (28). – С. 78–85.
7. Яблонский И. В., Харитонов И. К. Особенности подготовки младшего начальствующего состава милиции на Кубанско-Черноморских областных милиционных командных курсах (апрель 1921 – декабрь 1922 г.) // Современная научная мысль. – 2020. – № 6. – С. 78–85.
8. Карпов Р. А. Некоторые вопросы становления, комплектования и деятельности алтайской милиции в начале 20-х гг. ХХ в. // Алтайский юридический вестник. – 2015. – № 2 (10). – С. 7–9.
9. Климов А. Ю., Потёмкин И. А. Зарождение системы подготовки кадров высшего и старшего командного состава советской милиции (1919–1922) // Закон и право. – 2019. – № 10. – С. 36–41.
10. Нахимов А. П., Киринос А. В., Колесников В. А. Организация подготовки сотрудников Воронежской губернской рабоче-крестьянской милиции в 1919–1922 гг. // Вестник ВИ МВД России. – 2017. – № 3 [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-podgotovki-sotrudnikov-voronezhskoy-gubernskoy-raboche-krestyanskoj-militsii-v-1919-1922-gg> (дата обращения: 10.10.2022).
11. Борисов Ю. С., Ермаков В. Т., Фомин А. И. и др. Советская культура в реконструктивный период (1928–1941). – Москва: Наука, 1988. – 603 с.
12. История милиции Украинской ССР в документах и материалах (1917–1937 гг.) / под ред. П. П. Михайленко. – Киев: Министерство внутренних дел СССР, 1969. – Т. 1. – 883 с.
13. Бандурка О. М., Греченко В. А., Ярмиш О. Н. Становлення та розвиток міліції України (1921–1930 роки): історико-правове дослідження : монографія. – Харків: Золота миля, 2015. – 492 с.
14. Семенов А. И. Создание советской милиции // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – № 3 (14). – С. 91–95.
15. Сливенко В. А. Формирование новой системы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов УССР в 1920-е гг. (по материалам милиции Екатеринославщины) // Учёные записки. – 2015. – Том 19. – С. 43–48.

16. Тимофеев Н. И. Деятельность коммунистической партии Украины по обучению кадров милиции Республики (1921–1925 гг.) // Труды Киевской высшей школы МВД СССР. – № 9. – Киев: НИиРИО КВШ МВД СССР, 1975. – С. 3–13.

References

1. Kositsin A. P., Mulukayev R. S., Bilenko S. V. Sovetskaya militsiya: istoriya i sovremennost' (1917–1987) / pod red. A. V. Vlasova. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1987. – 336 s.
2. Василів І. В. Становлення й розвиток системної підготовки кадрів органів міліції України у 20–40-х роках ХХ ст. // Проблеми правознавства та правоохоронної діяльності. – 2011. – № 3(46). – С. 84–90.
3. Aleksandrov Yu. V., Voronin B. A., Gelfand I. A. Iz istorii militsii soverskoy Ukrainy // Ministerstvo okhrany obshchestvennogo porjadka Ukrainy SSR / pod redaktsiyey P. P. Mikhaylenko. – Kiyev, 1965. – 400 s.
4. Shabel'nikova N. A., Bakshutov S. N. Formirovaniye sistemy professional'nogo obucheniya kadrov militsii na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920-ye gg. // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2015. – № 21. – S. 182–185.
5. Kotsan I. D. Osvitnya ta fakhova pidgotovka pratsivnikiv militsii Kharkivshchini v 20-ti roki XX st. // Visnik Kharkiv'skogo natsional'nogo universitetu vnutrishnikh sprav. – 2007. – № 39. – S. 108–114.
6. Boyko Yu. N., Konovalova O. V. Problemy podgotovki kadrov soverskoy militsii v Yeniseyskoy gubernii v 1920–1924 gg. // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2017. – № 3 (28). – S. 78–85.
7. Yablonskiy I. V., Kharitonov I. K. Osobennosti podgotovki mladshogo nachal'stvuyushchego sostava militsii na Kubansko-Chernomorskikh oblastnykh militsionnykh komandnykh kursakh (aprel' 1921 – dekabr' 1922 g.) // Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2020. – № 6. – S. 78–85.
8. Karpov R. A. Nekotoryye voprosy stanovleniya, komplektovaniya i deyatelnosti altayskoy militsii v nachale 20-kh gg. XX v. // Altayskiy yuridicheskiy vestnik. – 2015. – № 2 (10). – S. 7–9.
9. Klimov A. Yu., Potomkin I. A. Zarozhdeniye sistemy podgotovki kadrov vysshego i starshego komandnogo sostava soverskoy militsii (1919–1922) // Zakon i pravo. – 2019. – № 10. – S. 36–41.
10. Nakhimov A. P., Kirnos A. V., Kolesnikov V. A. Organizatsiya podgotovki sotrudnikov Voronezhskoy gubernskoy raboche-krest'yanskoy militsii v 1919–1922 gg. // Vestnik VI MVD Rossii. – 2017. – № 3 [Elektronnyy resurs] // Nauchnaya elektronnyaya biblioteka «KiberLeninka»: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-podgotovki-sotrudnikov-voronezhskoy-gubernskoy-raboche-krestyanskoy-militsii-v-1919-1922-gg> (data obrashcheniya: 10.10.2022).
11. Borisov Yu. S., Yermakov V. T., Fomin A. I. i dr. Sovetskaya kul'tura v rekonstruktivnyy period (1928–1941). – Moskva: Nauka, 1988. – 603 s.
12. Istoriya militsii Ukrainy SSR v dokumentakh i materialakh (1917–1937 gg.) / pod red. P. P. Mikhaylenko. – Kiyev: Ministerstvo vnutrennikh del SSSR, 1969. – T. 1. – 883 s.
13. Бандурка О. М., Греченко В. А., Ярмиш О. Н. Становлення та розвиток міліції України (1921–1930 роки): історико-правове дослідження : монографія. – Харків: Золота миля, 2015. – 492 с.
14. Semenov A. I. Sozdaniye soverskoy militsii // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2017. – № 3 (14). – S. 91–95.
15. Slivenko V. A. Formirovaniye novoy sistemy professional'noy podgotovki sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov USSR v 1920-ye gg. (po materialam militsii Yekaterinoslavshchiny) // Uchonyye zapiski. – 2015. – Tom 19. – S. 43–48.
16. Timofeyev N. I. Deyatel'nost' kommunisticheskoy partii Ukrainy po obucheniyu kadrov militsii Respubliki (1921–1925 gg.) // Trudy Kiyevskoy vysshey shkoly MVD SSSR. – № 9. – Kiyev: NIiRIO KVSh MVD SSSR, 1975. – S. 3–13.

Статья поступила в редакцию 20.02.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 12.01.2023.

The article was submitted February 20, 2022; approved after reviewing December 19, 2022; accepted for publication January 12, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 340.132.85
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-27-37

Евгения Сергеевна Лапова
адъюнкт

<https://orcid.org/0000-0002-4619-6518>, lapovaes@yandex.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества – предмет исследований в современной российской науке

Аннотация: Статья посвящена результатам анализа освещения в научной литературе различных аспектов организации и деятельности служб по связям с общественностью МВД России.

Актуальность исследования обусловлена интересом к этим подразделениям, а также представлениями о том, что МВД России оказывает существенное воздействие на правосознание граждан, результатами своей деятельности формируя отношение населения к закону, праву, государственной власти и его способности решать социально значимые проблемы. Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации в совокупности с региональными службами по связям с общественностью обладает мощными информационными и пропагандистскими ресурсами и является одним из важных субъектов формирования правовой культуры современного российского общества.

В процессе исследования использовались традиционные научные *методы*. Автором изучены научные публикации, характеризующие службу по связям с общественностью МВД России как субъект формирования правовой культуры общества; выявлены основные направления научных исследований, в числе которых: ретроспективный анализ факторов формирования правосознания полицейских; деятельность органов внутренних дел по правовому воспитанию и улучшению имиджа ведомства современными методами; возможности использования средств массовой информации в деятельности органов внутренних дел по правовому воспитанию населения и в процессе формирования правосознания молодежи; характеристика органов внутренних дел как основного субъекта реализации требований Президента Российской Федерации о развитии правосознания и правовой грамотности граждан.

Результаты. Сделан вывод о том, что работы монографического характера, специальным предметом которых является теоретико-правовая характеристика службы по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры общества и личности, в отечественной и зарубежной юридической науке до настоящего времени отсутствуют.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, правовое воспитание, связи с общественностью, пресс-служба МВД России

Для цитирования: Лапова Е. С. Участие служб по связям с общественностью МВД России в формировании правовой культуры общества – предмет исследований в современной российской науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 27–37; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-27-37.

Evgeniya S. Lapova
Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-4619-6518>, lapovaes@yandex.ru
Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

The participation of the public relations services of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the formation of the legal culture of society is a subject of research in modern Russian science

Abstract: The article is devoted to the results of the analysis of coverage in the scientific literature of various aspects of the organization and activities of public relations services of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The relevance of the article is due to the interest in these units, as well as the notion that the Ministry of Internal Affairs of Russia has a significant impact on the legal consciousness of citizens, by shaping the attitude of the population to the legislation, law, state power and its ability to solve socially significant problems with the results of its activities. The Department for Interaction with Civil Society Institutions and the Mass Media, together with regional public relations services, has powerful information and propaganda resources and is one of the important subjects in the formation of the legal culture of modern Russian society. During the study, traditional scientific methods were used. The author studied scientific publications characterizing the public relations service of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a subject of the formation of the legal culture of society; the main directions of scientific research were identified, including: a retrospective analysis of the factors in the formation of the legal consciousness of police officers; activities of internal affairs bodies on legal education and improving the image of the department by modern methods; the possibility of using the media in the activities of internal affairs bodies for legal education of the population and in the process of forming the legal awareness of young people; characteristics of internal affairs bodies as the main subject of implementation of the requirements of the President of the Russian Federation on the development of legal awareness and legal literacy of citizens.

Results. It is concluded that monographic works, the special subject of which is the theoretical and legal characteristic of the public relations service of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a subject of the formation of the legal culture of society and the individual, are still absent in domestic and foreign legal science.

Keywords: legal culture, legal consciousness, legal education, public relations, press service of the Ministry of Internal Affairs of Russia

For citation: Lapova E. S. The participation of public relations services of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the formation of the legal culture of society is a subject of research in modern Russian science // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 27–37; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-27-37.

Условием формирования правового государства является высокий уровень правовой культуры общества. Сегодня в России основным субъектом формирования правовой культуры выступает государство [1, р. 01015]. Государственные органы прямо или опосредованно оказывают влияние на формирование правовой культуры общества [2; 3]. Министерство внутренних дел Российской Федерации – государственный орган, главными задачами которого являются поддержание правопорядка и предупреждение правонарушений. Деятельность МВД России оказывает существенное воздействие на правосознание граждан, результатами своей деятельности формируя отношение населения к закону, праву, государственной власти и его способности решать социально значимые проблемы. Не случайно в МВД России создано Управление по взаимодействию с институтами гражданского общества и средствами массовой информации, которое в совокупности с региональными службами по связям с обществен-

ностью обладает мощными информационными и пропагандистскими ресурсами, позволяющими стать одним из важных субъектов формирования правовой культуры современного российского общества.

Совершенствование организации и деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, механизмов формирования правовой культуры российского общества требует научного анализа уже накопленного опыта взаимодействия государственных органов и общества и учёта его в условиях современной России.

Службы по связям с общественностью – подразделения МВД России

Служба по связям с общественностью МВД России – организация молодая, но уже имеющая свою историю.

Еще в Советской России Министерство охраны общественного порядка РСФСР обратило серьезное внимание на предоставление сред-

ствам массовой информации материалов, отражающих результаты деятельности милиции в различных направлениях. При Министерстве в 1966 г. был создан Центральный клуб, в числе задач которого были укрепление контактов милиции со СМИ, широкое использование СМИ для повышения активности общества в борьбе с преступностью, пропаганда принципа неотвратимости наказания, создание неприемлемого отношения к нарушению правопорядка¹.

В 1983 г. было создано Пресс-бюро МВД СССР – первое профессиональное подразделение, связь с общественностью для которого стала прямой обязанностью. В региональных управлениях МВД начали формироваться пресс-группы. Сотрудники пресс-служб вели передачи на радио и телевидении, готовили интервью, профессиональные информационные и новостные материалы, проводили «круглые столы», пресс-конференции, брифинги, организовывали работу по консультированию коллективов редакций печатных изданий. Публичное обсуждение работы милиции способствовало повышению требований к сотрудникам органов внутренних дел, воспитанию у них ответственности за результаты служебной деятельности и стремления к эффективному выполнению поставленных перед милицией задач. При этом формировалось отношение населения к правоохранительным органам в частности и государственной власти в целом.

В конце 1980-х годов в МВД были созданы подразделения, непосредственно отвечающие за взаимодействие с общественностью и СМИ. Был расширен круг обязанностей сотрудников, отвечающих за связи с общественностью, форм и методов взаимодействия с общественностью и корреспондентами (в том числе иностранными), установлено оперативное и конструктивное взаимодействие с ними, которое определило стиль работы пресс-служб МВД в дальнейшем.

В 1991 г. была создана Объединенная редакция МВД СССР, предназначенная для подготовки и выпуска периодики, теле- и радиопередач, книжно-брошюрной продукции МВД².

В постсоветской России деятельность ведомственных пресс-служб основывается на положениях Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»³. В отдельных государствах

постсоветского пространства возникли трудности, связанные с кризисом доверия общества правоохранительным органам [4, с. 312–313, 315–317], решение которых, как и в России, стало насущной проблемой для суверенных стран [3].

Направления исследований организации и деятельности служб по связям с общественностью государственных органов

Исследования, посвященные службе по связям с общественностью МВД, начались в первые годы существования самой службы. Исследования вопросов взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации, общественностью, государственными органами и другими правоохранительными органами, проблем пропаганды и правового просвещения имели прежде всего прикладное значение и были направлены на поиск наиболее эффективных форм работы.

Получили рассмотрение вопросы организации взаимодействия советских органов внутренних дел с органами государственной власти (В. Г. Кутушев⁴, И. И. Климан⁵, В. Л. Бурмистров⁶), с коллективами трудящихся и общественными формированиями (Н. М. Бугороков⁷, С. М. Забелов⁸, Б. А. Викторов⁹, А. В. Буасоннад¹⁰, К. И. Бурдин¹¹, Р. С. Мулукаев¹²), средствами массовой информации (Н. С. Малушкина¹³, Ю. В. Наумкин¹⁴, Г. Н. Горшенков [5]).

⁴ Кутушев В. Г. Взаимодействие горрайлинорганов внутренних дел с государственными, общественными организациями и коллективами трудящихся : лекция. – Москва: Академия МВД СССР, 1975. – 46 с.

⁵ Климан И. И. Организация взаимодействия горрайлинорганов внутренних дел с другими государственными органами и общественностью в борьбе с преступностью и охране общественного порядка. – Москва: Академия МВД СССР, 1990. – 10 с.

⁶ Бурмистров В. Л., Коротаев Ю. К. Взаимодействие МВД, УВД с государственными организациями и коллективами трудящихся: лекция. – Москва: Академия МВД СССР, 1976. – 51 с.

⁷ Бугороков Н. М. Связь органов внутренних дел с местными общественными организациями и коллективами трудящихся : материалы лекции для специальных средних школ милиции МВД СССР. – Москва: УМК, 1973. – 29 с.

⁸ Забелов С. М. Взаимодействие органов внутренних дел с трудовыми коллективами и общественностью в охране общественного порядка и профилактике правонарушений : лекция. – Минск: МВШ МВД СССР, 1979. – 24 с.

⁹ Викторов Б. А. Милиция и общественность в охране общественного порядка : пособие для слушателей. – Москва: Знание, 1975. – 80 с.

¹⁰ Буасоннад А. В. Политико-воспитательная работа и укрепление связи органов милиции с общественными организациями : лекция. – Москва: Высшая школа МООН СССР, 1968. – 20 с.

¹¹ Бурдин К. И. Социологические и организационно-правовые аспекты взаимодействия руководителя органа внутренних дел с общественными объединениями сотрудников: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1997. – 24 с.

¹² Мулукаев Р. С. Развитие форм участия трудящихся в охране общественного порядка : лекция. – Москва: Академия МВД СССР, 1976. – 49 с.

¹³ Малушкина Н. С. Теоретико-правовые основы взаимодействия руководителя органа внутренних дел с общественными объединениями сотрудников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1997. – 24 с.

¹⁴ Наумкин Ю. В. Взаимодействие ОВД с учреждениями массовой информации в борьбе с преступностью : учебное пособие. – Ташкент: Ташкентская ВШ МВД СССР, 1990. – 91 с.

¹ История УОС. Исторический формуляр УОС МВД России. Во времена советские (1917–1968) [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Upravlenija/uos/history_UOS? (дата обращения: 06.02.2022).

² Там же.

³ О средствах массовой информации : закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 1 июля 2021 года) // Российская газета. – 1992. – 8 февраля [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.07.2022).

В постсоветской России взаимодействие правоохранительных органов с общественностью, позволяющее эффективно реализовывать правоохранительную функцию государства, превратилось в важное направление работы органов охраны правопорядка. Предметом научных исследований стали:

- характеристика связей с общественностью как разнообразной и многоаспектной деятельности (Г. Г. Почепцов [6]);

- проблемы организации связей МВД с общественностью (В. Н. Цветков¹⁵, В. А. Ребрий [7], Н. В. Кривельская¹⁶, А. А. Благоразумный и В. Б. Коробов¹⁷);

- взаимодействие МВД с религиозными организациями и средствами массовой информации (Ю. Н. Мазаев [8], Ю. В. Наумкин¹⁸, Ю. Ю. Комлев [9]);

- формирование имиджа органов охраны правопорядка в общественном сознании (А. П. Гладилин [10], С. С. Пылёв¹⁹, К. А. Крашенинников²⁰, Л. В. Каверина [11–13]);

- криминологические и социологические аспекты профилактической деятельности органов внутренних дел, осуществлявшейся МВД при взаимодействии со СМИ (В. Т. Томин²¹, Д. В. Сочнев [14], В. В. Лунев²², В. И. Тюнин²³);

- взаимодействие ОВД с институтами гражданского общества (Ю. В. Латов [15], Н. А. Андреев [16], Р. Р. Яковлев²⁴).

¹⁵ Цветков В. Н. Изучение общественного мнения в органах внутренних дел : учебное пособие. – Москва: Учебно-методический центр при ГУК МВД России, 1991. – 45 с.

¹⁶ Кривельская Н. В. Общественное мнение и его учёт в управлении ОВД : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1990. – 236 с.

¹⁷ Благоразумный А. А., Коробов В. Б. Организация общественных связей органов внутренних дел : учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2004. – 202 с.

¹⁸ Наумкин Ю. В. Взаимодействие ОВД с учреждениями массовой информации в борьбе с преступностью : учебное пособие. – Ташкент: Ташкентская ВШ МВД СССР, 1990. – 91 с.

¹⁹ Пылёв С. С. Формирование образа сотрудника милиции в общественном мнении средствами массовой информации : лекция. – Москва: Московская академия МВД России, 2001. – 34 с.

²⁰ Крашенинников К. А., Кузнецов А. Г. Имидж сотрудника милиции : учебное пособие. – Саратов: Редакционно-издательское государственное предприятие «Арбис», 1996. – 14 с.

²¹ Томин В. Т. Использование СМИ в борьбе с преступностью : учебное пособие. – Горький: Горьковская ВШ МВД СССР, 1976. – 96 с.

²² Лунев В. В. Преступное поведение. Мотивация, прогнозирование, профилактика : учебное пособие. – Москва: Издательство Военного университета, 1980. – 98 с.

²³ Тюнин В. И. Социологические и организационно-правовые вопросы взаимодействия органов внутренних дел и учреждений массовой информации в профилактике наркомании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1992. – 23 с.

²⁴ Яковлев Р. Р. Эффективность социального взаимодействия институтов полиции и гражданского общества в современной России : автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Уфа, 2012. – 23 с.

Направления исследований организации и деятельности службы по связям с общественностью МВД России

При составлении историографического обзора вопросов, касающихся характеристики служб по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры общества, выявлены 2 учебных пособия, 19 диссертаций и 78 научных статей, изданных с начала 2000-х годов, авторы которых обращались к исследованию различных аспектов организации и функционирования служб по связям с общественностью.

Выделены направления исследований, касающихся служб по связям с общественностью МВД России:

- история возникновения и развития служб по связям с общественностью государственных органов;

- организация деятельности служб по связям с общественностью государственных органов;

- формирование имиджа государственных органов;

- взаимодействие органов внутренних дел и средств массовой информации;

- обеспечение информационной открытости и публичности органов внутренних дел;

- взаимодействие служб по связям с общественностью органов внутренних дел с другими подразделениями МВД в целях взаимодействия с общественностью и средствами массовой информации;

- потенциал коммуникационных и информационных технологий;

- деятельность служб по связям с общественностью в глобальных информационных сетях;

- изучение общественного мнения, отражающего деятельность государственных органов в целом и МВД в частности;

- оценка эффективности работы служб по связям с общественностью ОВД.

Связи с общественностью в системе факторов формирования правовой культуры

В понимании сущности и природы связей с общественностью в научной литературе выделяются несколько подходов. Связи с общественностью понимаются как: 1) функция управления; 2) вид практической деятельности; 3) социальная наука, представляющая собой систему информационно-аналитических и процедурно-технологических инструментов, изучающих виды коммуникаций, их цели, задачи, функции, каналы, участников; способы контроля репутации в целях достижения взаимопонимания и поддержки персоны или организации; пути влияния на общественное мнение и поведение; способы гармонизации взаимоотношений; тен-

денции развития связей с общественностью²⁵. При рассмотрении пресс-служб ОВД как субъекта формирования правовой культуры все подходы важны, но при осуществлении право-воспитательной деятельности акцент стоит сделать на первом и третьем подходах. Связи с общественностью целесообразно рассматривать в сравнении с такими видами деятельности, как пропаганда, информационная коммуникация, реклама, агитация, а также через сопоставление моделей организации связей с общественностью (информирование общественности, публицити, односторонние и двусторонние, симметричные и асимметричные модели коммуникаций)²⁶.

Служба по связям с общественностью в работах исследователей получила характеристику: а) как подразделение, занимающееся только работой со СМИ (Н. Н. Бакунина, С. Н. Ильченко, А. Д. Кривоносова, А. Бекетов, Д. И. Игнатъев); б) как элемент организации, в полной мере выполняющий все функции PR (Ю. В. Безбородова, Л. М. Чурбаева).

PR-теоретики рассматривают пресс-службу:

– как центр системы общения власти с народом, включающий аналитическое, креативное и организационное направления. Основная задача такого центра – обеспечение связей с прессой для формирования объективного общественного мнения о деятельности ОВД и проведение пропагандистских кампаний в области профилактики правонарушений [17, с. 92–94]. Пресс-служба ОВД должна своевременно, достоверно и грамотно доносить объективную информацию до общества, так как от формирования позитивного мнения населения зависит оценка деятельности и отдельно взятого сотрудника и системы в целом [18, с. 63–68];

– как специализированный посреднический коммуникативно-информационный орган, деятельность которого направлена на установление каналов двустороннего взаимодействия между структурами органов государственной власти, с одной стороны, и сегментированной общественностью и другими субъектами социально-политического процесса – с другой, а также на достижение взаимопонимания, сотрудничества и социального партнерства в обществе [19, с. 165–171];

– как координационный центр сотрудничества со СМИ и населением, ведущий деятельность по двум направлениям: внешнему

(межведомственному) (организация и развитие деловых контактов с пресс-службами других правоохранительных органов, властных структур и других организаций, со СМИ, активными гражданами и институтами гражданского общества) и внутреннему (ведомственному) (согласование и упорядочение действий отделов информации со структурными подразделениями других служб органов внутренних дел, призванных осуществлять связь со СМИ по определенному направлению, с органами ведомственной печати, а также с отдельными сотрудниками, ответственными за коммуникацию непосредственно на местах) [20, с. 185–189];

– как мощный инструмент исполнительной власти в осуществлении конструктивного диалога с общественностью. Специфическими чертами связи органов исполнительной власти с общественностью являются обеспечение информационных прав граждан, организация обратной связи между населением и органами исполнительной власти, создание условий для социального контроля общества за властью, разрешение конфликтных ситуаций, формирование механизма использования коммуникационного потенциала как ресурса проведения государственной политики, в том числе для воспитания у населения активной гражданской позиции в вопросах правопорядка [21, с. 57];

– как официального представителя государства и как посредника во взаимоотношениях с различными органами государственной власти. Пресс-служба для СМИ выступает своего рода катализатором, позволяющим своевременно реагировать на политические изменения [22, с. 42]. Одной из главных функций пресс-службы МВД является установление необходимых контактов с сотрудниками СМИ и подготовка для них доступной, интересной, целевой, выверенной в соответствии с поставленными задачами информации для массовой аудитории [18, с. 63–68];

– как комплексную информационно-аналитическую команду с функциями отслеживания информационных потоков, мониторинга информационного пространства, подготовки конкретных информационных материалов, создания и формулирования ключевых сообщений, разработки PR-проектов и PR-программ [23, с. 39–42]. Следует учитывать, что список и варианты сочетаний функций подвижны и изменяются в связи с требованиями организации и реалиями времени [24, с. 29–30].

Служба по связям с общественностью МВД России – субъект формирования правовой культуры

Служба по связям с общественностью МВД принимает участие в формировании право-

²⁵ Воронина М. С. Связи с общественностью в управлении взаимодействием органов внутренних дел с населением : автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Уфа, 2011. – 23 с.; Каспарова Э. А. Связи с общественностью в деятельности органов внутренних дел России: на примере Краснодарского края : дис. ... канд. полит. наук. – Краснодар, 2008. – 183 с.

²⁶ Воронина М. С. Указ. соч.

вой культуры и рассматривается: 1) как субъект формирования правовой культуры, а СМИ, общественное мнение – как объекты; 2) как комплексное системное образование, состоящее из подсистем базисного субъекта (социальная система, в интересах которой осуществляются связи с общественностью) и подсистем технологического субъекта (непосредственно осуществляющего связи с общественностью), а общественность (внешнюю и внутреннюю) и общественное мнение – как основные элементы среды функционирования²⁷.

Анализировать деятельность служб по связям с общественностью ОВД в контексте коммуникативного подхода, где субъект (источник информации) – правоохранительные органы, а объект (реципиент) – общество, рабочий механизм связей с общественностью – информация, а «передатчик» – PR-структуры, представляется затруднительным²⁸, потому что:

- деятельность по связям с общественностью следует рассматривать не однонаправленно, а как минимум двухвекторно – в отношении внутренней и внешней аудитории;

- в процессе PR-взаимодействия, подчиняясь принципу обратной связи, субъект и объект нередко меняются местами, что не позволяет считать деятельность по связям с общественностью ОВД классической коммуникацией;

- в классической модели субъект выполняет роль передатчика, однако службы по связям с общественностью МВД осуществляют множество функций;

- органы внутренних дел обладают множеством специфических черт взаимодействия с обществом, так как любая коммуникация направлена не только на информирование, но в первую очередь на поддержание правопорядка и профилактику правонарушений;

- учёт общественного мнения, которое в итоге оказывает влияние на деятельность органов внутренних дел, позволяет видеть общество не только как объект коммуникации, но и как её субъект. В этом случае взаимодействие служб по связям с общественностью ОВД с населением следует рассматривать с позиции субъект-субъектного подхода.

Целью связей с общественностью может выступать достижение особого состояния системы «субъект – общественность», характеризующегося гармонизацией взаимодействия её элементов, а конкретизироваться цель будет с помощью решения таких задач, как интерпре-

тация, изучение и анализ общественного мнения, обеспечение базисного субъекта информацией о состоянии среды функционирования, необходимой для принятия управленческих решений; определение способов, средств и механизмов воздействия на среду функционирования для коррекции общественного мнения; поиск и обеспечение каналов информационного обмена с помощью организации развитой системы социальных коммуникаций субъекта; управление социальной информацией в соответствии с поставленными целями²⁹.

При формировании правовой культуры внешней среды функция социального управления ОВД конкретизируется в функции управления общественным сознанием – формирования правового сознания и управления воспитательно-образовательным процессом. Для ОВД эта функция является не основной, но очень важной частью работы органов внутренних дел по поддержанию правопорядка, органично встроенной в деятельность служб по связям с общественностью ОВД. При формировании правовой культуры внутренней среды – правовой культуры курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД, сотрудников ОВД – возможности службы по связям с общественностью разнообразны: их сотрудники могут оказывать информационно-коммуникационное воздействие, осуществлять контрольно-оценочные мероприятия во время воспитательно-образовательного процесса в образовательных организациях МВД, во время воспитательных мероприятий и морально-психологической подготовки сотрудников системы МВД.

В. И. Бережкова подчёркивает, что деятельность подразделений информации и общественных связей представляет собой сложную, многоуровневую, разветвленную систему [25, с. 43–48].

К. С. Колесник полагает, что связи с общественностью социальных организаций функционируют на двух взаимопроникающих уровнях – консультативном и исполнительском (выполняя на обоих аналитико-прогностическую, организационно-технологическую, информационно-коммуникативную и коммуникативно-методическую функции). Связи с общественностью относятся: 1) к специальным функциям управления, которые реализуются через общие управленческие функции (прогнозирование, планирование, организация, контроль и регулирование) и связаны со специфическим объектом управления; 2) к комбинированным функциям, которые интегрированы и во внутриорганиза-

²⁷ Колесник К. С. Связи с общественностью в системе управления органов внутренних дел: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Москва, 2005. – 23 с.

²⁸ Смолева С. С. Формирование позитивного имиджа органов внутренних дел в деятельности служб по связям с общественностью: политическая теория и практика: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. – Москва, 2013. С. 29.

²⁹ Колесник К. С. Указ. соч.

³⁰ Там же.

ционные, и во внешнеуправленческие функции организации³⁰.

М. С. Воронина, рассматривая связи с общественностью ОВД как субъект управления, подразделяет их на прямой предметный базисный субъект (сама система ОВД), функциональный базисный субъект (управление, возглавляемое МВД России) и технологический субъект (конкретное подразделение ОВД, занимающееся PR-деятельностью и информационно-аналитической работой)³¹. М. С. Воронина полагает, что в рассмотрении связей с общественностью как функции управления следует различать функционерский и функциональный подходы. Функциональный подход предполагает включение связей с общественностью в управление как внешним, так и внутренним коммуникационными процессами, а эффективность понимается как мера достижения целей при оптимальном использовании имеющихся условий³².

Есть основания полагать, что служба связи с общественностью ОВД как субъект формирования правовой культуры играет важную роль при восстановлении репутации органов внутренних дел и создании позитивного общественного мнения в отношении ОВД, в воспитании чувства нетерпимости к любым правонарушениям, в разъяснении правоохранительной и правоприменительной политики государства, в установлении доверия общества к правоохранительным органам, в мобилизации готовности населения к сотрудничеству с органами внутренних дел.

Деятельность службы по связям с общественностью МВД России по формированию правовой культуры

Проведенный анализ степени изученности проблемы организации и деятельности служб по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры общества показал, что отдельные аспекты деятельности служб получили освещение в современной отечественной научной литературе. Так, интерес исследователей вызвали:

– ретроспективный анализ средств массовой информации как фактора формирования правосознания полицейских³³. О. В. Красножон исследовала потенциал ведомственной печати Министерства внутренних дел как фактора формирования профессионального правосознания сотрудников полиции Российской им-

перии в начале XX в. При характеристике профессионального правосознания сотрудников полиции О. В. Красножон выделила отличительные черты профессионального правосознания, особенности его проявления, факторы его формирования и направления воздействия на профессиональное правосознание сотрудников полиции ведомственной печати того времени. Анализ значения ведомственной печати МВД в начале XX в. как сущностного фактора формирования профессионального правосознания полицейских позволил автору определить, что воздействие осуществлялось различными способами: путём подбора тематических рубрик, частоты и регулярности постановки вопросов, касающихся формирования профессионального правосознания; использования действующего законодательства; опоры на корреспонденции полицейских из разных регионов страны; воздействием на когнитивную составляющую правосознания полицейских и внедрением в их сознание эмоционально-мыслительных и поведенческих стереотипов. Выявлено, что формированию профессионального правосознания полицейских способствовали непосредственная включённость полицейских в правоприменительную практику;

– возможности использования средств массовой информации в деятельности органов внутренних дел по правовому воспитанию населения [26, с. 81–83]. А. С. Пеструилов описал средства массовой коммуникации, которые можно применять в деятельности ОВД по правовому воспитанию и просвещению населения; обратил внимание на то, что термин «массовая коммуникация» шире, чем термин «массовая информация», а круг средств массовой коммуникации шире круга средств массовой информации и включает в себя средства массового воздействия и технические средства коммуникации. Как средства массового воздействия А. С. Пеструилов рассматривает произведения культуры (литературу, музыку, фильмы, разнообразные шоу, видеоигры и т. д.), влияющие на личностные установки и оказывающие воздействие на сознание. Их особенность в том, что произведения культуры кроме ориентирующей информации транслируют ещё и эмоции, отношения, модели поведения, что, по мнению А. С. Пеструилова, делает эту группу средств сложной для использования в ОВД [26, с. 82–83]. Однако при планировании мероприятий правового воспитания необходимо учитывать возможности и этой группы средств, так как они позволяют продвигать в социальных сетях литературные произведения (стихи, небольшую прозу), посвящённые деятельности правоохранительных органов, которые обладают потенциалом воздействия на широкий круг лиц – посетителей соцсетей. С развитием и упрощением

³¹ Воронина М. С. Указ. соч.

³² Там же.

³³ Красножон О. В. Ведомственная печать Министерства внутренних дел в системе факторов формирования профессионального правосознания сотрудников полиции Российской империи в начале XX века : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2018. – 200 с.

технологий производства видеопродукции (минифильмов, клипов) появилась возможность создавать их и силами самих сотрудников полиции и продвигать подобные видеоролики, созданные гражданами, тем самым взаимодействуя с населением сразу по нескольким направлениям (улучшение имиджа полиции, повышение доверия к полиции со стороны населения, воспитательное воздействие) [26, с. 81–83];

– возможности органов внутренних дел в сфере правового воспитания и повышения престижа ведомства в современный период [27, с. 110–115]. Т. Г. Марцева, М. Р. Капусникова, Е. М. Кудинова подчеркивают, что правосознание – один из важнейших факторов формирования правового государства, а основное средство повышения уровня правовой культуры и правосознания в России – правовое воспитание. Правоприменители рассматриваются как значимый субъект правового воспитания и формирования правовой культуры, а формирование высокого уровня профессиональной правовой культуры сотрудников правопорядка – чрезвычайно важный и сложный процесс, в котором различаются правовое воспитание будущих сотрудников правоохранительных органов и правовое воспитание действующих сотрудников;

– особенности взаимодействия органов внутренних дел со СМИ в процессе формирования правосознания молодежи³⁴. Д. В. Сочнев, представляя социологическую концепцию сотрудничества органов внутренних дел со средствами массовой информации в формировании правосознания молодежи, выделил уровни управляющих воздействий на правосознание молодежи органами внутренних дел, факторы формирования уважительного отношения к праву у молодежи силами СМИ и ОВД, факторы, влияющие на деятельность ОВД по формированию правосознания молодежи, определил основные принципы предупреждения отклоняющегося поведения молодежи. Д. В. Сочнев установил критерии сформированности правосознания молодежи; социальные факторы, оказывающие значительное влияние на формирование правосознания молодежи; принципы, на которых должна основываться эффективная работа органов внутренних дел и СМИ по формированию правосознания молодежи;

– характеристика органов внутренних дел и средств массовой информации как субъектов развития правовой грамотности и правосознания граждан [28, с. 96–99]. Л. М. Орехова

определила основные направления деятельности СМИ в области правового воспитания; обратила внимание на проблемные вопросы правового регулирования деятельности ведомственных СМИ, на возможности повышения эффективности ведомственных СМИ как субъектов развития правовой грамотности и правосознания граждан;

– характеристика органов внутренних дел как основного субъекта реализации требований Президента Российской Федерации о развитии правосознания и правовой грамотности граждан [29, с. 232–235]. Ф. В. Васильев, Н. Ф. Бережкова, Л. М. Орехова, С. Ю. Анохина, Т. С. Лятифома разработали для МВД России концепцию развития правовой грамотности и правосознания граждан, в которой охарактеризовали цель и задачи воспитательной работы в современной России, определили основные принципы и направления воспитательной работы, перечислили ожидаемые результаты реализации концепции.

Таким образом, анализ разработанности в современной российской науке проблем, касающихся участия служб по связям с общественностью ОВД России, показал, что:

– в отечественной и зарубежной научной литературе имеется немало изданий, посвящённых формированию правовой культуры общества, в которых вопросы, касающиеся участия служб по связям с общественностью МВД России, освещены фрагментарно;

– работы монографического характера, специальным предметом которых является теоретико-правовая характеристика службы по связям с общественностью МВД как субъекта формирования правовой культуры общества и личности, в отечественной и зарубежной юридической науке до настоящего времени отсутствуют;

– в отечественной и зарубежной исторической и юридической литературе рассмотрение получили лишь отдельные аспекты деятельности службы по связям с общественностью МВД, прежде всего касающиеся методов её работы;

– комплексный анализ нормативных оснований функционирования службы по связям с общественностью МВД как субъекта формирования правовой культуры общества и личности проведен не был;

– вопросы профессиональной подготовки сотрудников службы по связям с общественностью МВД как субъекта формирования правовой культуры общества и личности должной оценки не получили;

– критерии оценки эффективности деятельности службы по связям с общественностью МВД России как субъекта формирования правовой культуры современного российского общества не выработаны.

³⁴ Сочнев Д. В. Взаимодействие органов внутренних дел со средствами массовой информации в формировании правосознания молодежи : автореф. дис. ... д-ра соц. наук. – Москва, 2004. – 34 с.

Список литературы

1. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – P. 01015.
2. *Глухарева Л. И., Дорская А. А., Ефремова Н. Н. и др.* Культуральные исследования права : монография / под общ. ред. И. Л. Честнова, Е. Н. Тонкова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. – 466 с.
3. *Алексенко А. В., Варламова Н. В., Васильева Т. А., Колотова Н. В. и др.* Права человека: между прошлым и будущим : монография. – Москва: Норма, 2021. – 448 с.
4. *Нижник Н. С., Абдулло А. Р.* Правоохранительная система Республики Таджикистан: генезис и современное состояние. – Душанбе: «Бебок», 2021. – 476 с.
5. *Горшенков Г. Н.* Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию. – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 1997. – 237 с.
6. *Почепцов Г. Г.* Паблик рилейшнз для профессионалов. – Москва: РЕФЛ.-бук: Ваклер, 2000. – 622 с.
7. *Ребрий В. А.* Социологическое измерение в информационном обеспечении управления органами внутренних дел (методология, методика, результаты) : монография. – Москва: Спутник +, 2005. – 156 с.
8. *Мазаев Ю. Н.* Роль СМИ в формировании общественного мнения о милиции // Социологические исследования. – 2004. – № 2 (238). – С. 106–114.
9. *Комлев Ю. Ю.* ОВД и СМИ: от общественной осведомлённости к оптимальному взаимодействию. – Казань: Казанский университет, 2001. – 171 с.
10. *Гладилин А. П.* Профессиональная культура и имидж руководителя органа внутренних дел. – Москва: Академия управления МВД России, 1998. – 127 с.
11. *Каверина Л. В.* Средства массовой информации образовательного учреждения МВД России как корпоративные масс-медиа (на примере Белгородского юридического института МВД России) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2013. – № 1 (21). – С. 85–87.
12. *Каверина Л. В.* Корпоративные масс-медиа как средство овладения корпоративной культурой курсантами образовательных организаций МВД России // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2013. – № 2 (22). – С. 37–39.
13. *Каверина Л. В.* Использование возможностей медиапространства вуза при формировании личности сотрудника органов внутренних дел // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 1. – С. 92–96.
14. *Сочнев Д. В.* Молодёжь, правоохранительная система и массовая коммуникация: оптимизация взаимодействия : монография. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2006. – 190 с.
15. *Латов Ю. В., Клементьев А. С.* Защищённость от необоснованных обвинений в восприятии сотрудников полиции // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 4. – С. 22–27.
16. *Андреев Н. А., Коробов В. Б.* Коммуникация в правоохранительной сфере: сущность и классификация // Труды Академии управления МВД России. – 2014. – № 3. – С. 64–68.
17. *Безбородова Ю. В., Чурбаева Л. М.* Специфика работы пресс-службы УМВД по г. Нижневартовску / Семнадцатая региональная студенческая научная конференция Нижневартовского государственного университета : статьи, доклады. Нижневартовск, 02–03 апреля 2015 года / отв. ред. А. В. Коричко. – Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 2015. – С. 90–94.
18. *Сплавская Н. В., Сохань М. К.* Взаимодействие пресс-служб в системе МВД со средствами массовой информации и гражданами // Государство и право в XXI веке. – 2016. – № 1. – С. 63–68.
19. *Бануляк Н. А.* Службы по связям с общественностью в органах государственной власти // Социология власти. – 2011. – № 5. – С. 165–171.
20. *Тюменцев А. Н.* Пресс-служба подразделения МВД России – координационный центр сотрудничества со средствами массовой информации и населением // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 3 (34). – С. 185–189.
21. *Бережкова В. И.* Специфика деятельности подразделений информации и общественных связей МВД России в системе связей с общественностью органов исполнительной власти / Актуальные проблемы права : материалы IV Международной научной конференции, Москва, 20–23 ноября 2015 года. – Москва: Буки-Веди, 2015. – С. 55–60.
22. *Семенова К. В., Чугунова Н. Ю.* Совершенствование работы пресс-службы государственного учреждения (на примере УМВД России по ЕАО) // Постулат. – 2016. – № 12 (14). – С. 281–288.
23. *Молотков М. Б.* Пресс-служба в интегрированной системе ситуационных центров МВД России // Академическая мысль. – 2021. – № 1 (14). – С. 39–42.
24. *Денисова Н. А.* Пресс-служба в системе информационной политики // Социум и власть. – 2009. – № 2. – С. 21–30.

25. *Бережкова В. И.* Понятие и сущность деятельности подразделений информации и общественных связей в системе МВД России: сравнительно-исторический аспект / Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Международной научной конференции, Казань, 20–23 мая 2015 года. – Казань: Бук, 2015. – С. 43–48.

26. *Пеструилов А. С.* О возможности использования средств массовой коммуникации в деятельности ОВД по правовому воспитанию и просвещению населения / Вопросы государства и права : сборник научных статей / редкол.: Л. В. Карнаушенко [и др.]. – Краснодар: Издательство Краснодарского университета МВД России, 2020. – С. 80–84.

27. *Марцева Т. Г., Капусникова М. Р., Кудинова Е. М.* Правовое воспитание и просвещение граждан правоохранительными органами Российской Федерации / Актуальные вопросы управления, экономики и права. Современное образование и его роль в жизни общества : материалы международной научно-практической конференции, Новосибирск–Москва, 10–15 января 2018 года. – Новосибирск; Москва: Издательский центр «Quantum», 2018. – С. 109–117.

28. *Орехова Л. М.* Органы внутренних дел Российской Федерации и средства массовой информации как субъекты развития правовой грамотности и правосознания граждан // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 3 (32). – С. 96–100.

29. *Васильев Ф. П., Бережкова Н. Ф., Орехова Л. М.* [и др.] МВД России как основной субъект реализации требований Президента России о развитии правовой грамотности и правосознания граждан // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 231–235.

References

1. *Nizhnik N. S., Bavsun M. V., Aliev Ya. L., Astafichev P. A., Kvitchuk A. S.* State and law: transformation vectors in modern conditions // SHS Web of Conferences. IX Baltic Legal Forum «Law and Order in the Third Millennium». – Kaliningrad, 2021. – R. 01015.

2. *Glukhareva L. L., Dorskaya A. A., Yefremova N. N. i dr.* Kul'tural'nyye issledovaniya prava : monografiya / pod obshch. red. I. L. Chestnova, Ye. N. Tonkova. – Sankt-Peterburg: Aleteyya, 2018. – 466 s.

3. *Aleksenko A. V., Varlamova N. V., Vasil'yeva T. A., Kolotova N. V. i dr.* Prava cheloveka: mezhduproshlym i budushchim: monografiya. – Moskva: Norma, 2021. – 448 s.

4. *Nizhnik N. S., Abdullo A. R.* Pravookhranitel'naya sistema Respubliki Tadjikistan: genezis i sovremennoye sostoyaniye. – Dushanbe: «Bebok», 2021. – 476 s.

5. *Gorshenkov G. N.* Massovo-kommunikativnoye vozdeystviye na kriminologicheskuyu situatsiyu. – Syktyvkar: Syktyvkar'skiy gosudarstvennyy universitet, 1997. – 237 s.

6. *Pocheptsov G. G.* Pablik rileyshnz dlya professionalov. – Moskva: REFL.-buk: Vakler, 2000. – 622 s.

7. *Rebriy V. A.* Sotsiologicheskoye izmereniye v informatsionnom obespechenii upravleniya organami vnutrennikh del (metodologiya, metodika, rezul'taty) : monografiya. – Moskva: Sputnik+, 2005. – 156 s.

8. *Mazayev Yu. N.* Rol' SMI v formirovaniy obshchestvennogo mneniya o militsii // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 2004. – № 2 (238). – S. 106–114.

9. *Komlev Yu. Yu.* OVD i SMI: ot obshchestvennoy osvedomlennosti k optimal'nomu vzaimodeystviyu. – Kazan': Kazanskiy universitet, 2001. – 171 s.

10. *Gladilin A. P.* Professional'naya kul'tura i imidzh rukovoditelya organa vnutrennikh del. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 1998. – 127 s.

11. *Kaverina L. V.* Sredstva massovoy informatsii obrazovatel'nogo uchrezhdeniya MVD Rossii kak korporativnyye mass-media (na primere Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii) // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. – 2013. – № 1 (21). – S. 85–87.

12. *Kaverina L. V.* Korporativnyye mass-media kak sredstvo ovladeniya korporativnoy kul'turoy kursantami obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2013. – № 2 (22). – S. 37–39.

13. *Kaverina L. V.* Ispol'zovaniye vozmozhnostey mediaprostranstva vuza pri formirovaniy lichnosti sotrudnika organov vnutrennikh del // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2017. – № 1. – S. 92–96.

14. *Sochnev D. V.* Molodezh', pravookhranitel'naya sistema i massovaya kommunikatsiya: optimizatsiya vzaimodeystviya : monografiya. – Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2006. – 190 s.

15. *Latov Yu. V., Klement'yev A. S.* Zashchichchonnost' ot neobosnovannykh obvineniy v vospriyatii sotrudnikov politsii // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2014. – № 4. – S. 22–27.

16. *Andreyev N. A., Korobov V. B.* Kommunikatsiya v pravookhranitel'noy sfere: sushchnost' i klassifikatsiya // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2014. – № 3. – S. 64–68.

17. *Bezborodova Yu. V., Churbayeva L. M.* Spetsifika raboty press-sluzhby UMVD po g. Nizhnevartovsku / Semnadtsataya regional'naya studencheskaya nauchnaya konferentsiya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta : stat'i, doklady. Nizhnevartovsk, 02–03 aprelya 2015 goda / otv. red. A. V. Korichko. – Nizhnevartovsk: Nizhnevartovskiy gosudarstvennyy universitet, 2015. – S. 90–94.

18. *Splavskaya N. V., Sokhan' M. K.* Vzaimodeystviye press-sluzhb v sisteme MVD so sredstvami massovoy informatsii i grazhdanami // Gosudarstvo i pravo v XXI veke. – 2016. – № 1. – S. 63–68.
19. *Banulyak N. A.* Sluzhby po svyazyam s obshchestvennost'yu v organakh gosudarstvennoy vlasti // Sotsiologiya vlasti. – 2011. – № 5. – S. 165–171.
20. *Tyumentsev A. N.* Press-sluzhba podrazdeleniya MVD Rossii – koordinatsionnyy tsentr sotrudnichestva so sredstvami massovoy informatsii i naseleniyem // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2015. – № 3 (34). – S. 185–189.
21. *Berezhkova V. I.* Spetsifika deyatelnosti podrazdeleniy informatsii i obshchestvennykh svyazey MVD Rossii v sisteme svyazey s obshchestvennost'yu organov ispolnitel'noy vlasti / Aktual'nyye problemy prava : materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 20–23 noyabrya 2015 goda. – Moskva: Buki-Vedi, 2015. – S. 55–60.
22. *Semenova K. V., Chugunova N. Yu.* Sovershenstvovaniye raboty press-sluzhby gosudarstvennogo uchrezhdeniya (na primere UMVD Rossii po YEAO) // Postulat. – 2016. – № 12 (14). – S. 281–288.
23. *Molotkov M. B.* Press-sluzhba v integrirovannoy sisteme situatsionnykh tsentrov MVD Rossii // Akademicheskaya mysl'. – 2021. – № 1 (14). – S. 39–42.
24. *Denisova N. A.* Press-sluzhba v sisteme informatsionnoy politiki // Sotsium i vlast'. – 2009. – № 2. – S. 21–30.
25. *Berezhkova V. I.* Ponyatiye i sushchnost' deyatelnosti podrazdeleniy informatsii i obshchestvennykh svyazey v sisteme MVD Rossii: sravnitel'no-istoricheskiy aspekt / Yuridicheskiye nauki: problemy i perspektivy : materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Kazan', 20–23 maya 2015 goda. – Kazan': Buk, 2015. – S. 43–48.
26. *Pestruilov A. S.* O vozmozhnosti ispol'zovaniya sredstv massovoy kommunikatsii v deyatelnosti OVD po pravovomu vospitaniyu i prosveshcheniyu naseleniya / Voprosy gosudarstva i prava : sbornik nauchnykh statey / redkol.: L. V. Karnaushenko [i dr.]. – Krasnodar: Izdatel'stvo Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2020. – S. 80–84.
27. *Martseva T. G., Kapusnikova M. R., Kudinova Ye. M.* Pravovoye vospitaniye i prosveshcheniye grazhdan pravookhranitel'nymi organami Rossiyskoy Federatsii / Aktual'nyye voprosy upravleniya, ekonomiki i prava. Sovremennoye obrazovaniye i yego rol' v zhizni obshchestva : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Novosibirsk–Moskva, 10–15 yanvarya 2018 goda. – Novosibirsk; Moskva: Izdatel'skiy tsentr «Quantum», 2018. – S. 109–117.
28. *Orekhova L. M.* Organy vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii i sredstva massovoy informatsii kak sub'yekty razvitiya pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2014. – № 3 (32). – S. 96–100.
29. *Vasil'yev F. P., Berezhkova N. F., Orekhova L. M. [i dr.]*. MVD Rossii kak osnovnoy sub'yekt realizatsii trebovaniy Prezidenta Rossii o razvitii pravovoy gramotnosti i pravosoznaniya grazhdan // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2015. – № 1. – S. 231–235.

Статья поступила в редакцию 06.12.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted December 06, 2022; approved after reviewing January 09, 2023; accepted for publication January 31, 2023.

Научная статья
УДК 342.2
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-38-43

Ирина Геннадьевна Пирожкова

кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-4034-7327>, 0_1_23456789@list.ru

*Тамбовский государственный технический университет
Российская Федерация, 392000, Тамбов, ул. Советская, д. 106/5, помещение 2*

Алексей Михайлович Попов

кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-1747-4088>, pamtambov@yandex.ru

*Московская академия Следственного комитета Российской Федерации
Российская Федерация, 125080, Москва, ул. Врубеля, д. 12*

Проблемы юридической определённости и правовая категория «органы внутренних дел»

Аннотация: Введение. Статья посвящена анализу правовой категории «органы внутренних дел» и смежных категорий, определяющих состав государственного аппарата. Актуальность определяется положениями теоретико-доктринального характера, которые нечётко формулируют понятие «органы внутренних дел», опираясь на формально-юридический критерий и существенные признаки правоохранительного сегмента государственного аппарата.

Методы. При анализе теоретических положений доктрины, раскрывающих исследуемые понятия, использовались компаративистский анализ и метод анализа исторических нормативных актов. Проанализированы нормативные документы подзаконного характера, определяющие систему Министерства внутренних дел.

Результаты. Выделены формальные и существенные (материальные) критерии, определяющие систему органов внутренних дел. К формальным критериям отнесены закрепление системы органов внутренних дел в нормативных и распорядительных актах, ведомственная организация управления органами внутренних дел. К существенным критериям – правоохранительные функции, выполняемые органами внутренних дел; наличие военизированных подразделений в их составе; особенности государственной службы в органах внутренних дел. Отмечены связь означенной категории с реализацией концепции разделения властей (выделения исполнительной ветви власти); неопределённость в историко-правовой ретроспективной сфере статуса органов внутренних дел как подчинённых МВД России; доминирование формального критерия определения над существенным; неопределённость статуса некоторых смежных по функциональности частей государственного аппарата за пределами системы МВД России.

Ключевые слова: государственный аппарат, исполнительная власть, Министерство внутренних дел, органы внутренних дел, правоохранительные органы

Для цитирования: Пирожкова И. Г., Попов А. М. Проблемы юридической определённости и правовая категория «органы внутренних дел» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 38–43; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-38-43.

Irina G. Pirozhkova

Cand. Sci. (Jurid.), Cand. Sci. (Hist.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-4034-7327>, 0_1_23456789@list.ru

*Tambov State Technical University
106/5, Sovetskaya str., Tambov, 392000, Russian Federation*

Aleksey M. Popov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-1747-4088>, pamtambov@yandex.ru

*Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation
12, Vrubel str., Moscow, 125080, Russian Federation*

Issues of legal certainty and legal category of «internal affairs bodies»

Abstract: Introduction: The article is devoted to the analysis of the legal category of «internal affairs bodies» and related categories that specify the composition of state apparatus. Rationale is determined by the provisions of theoretical and doctrinal nature, which vaguely formulate the concept of «internal affairs bodies», based on the formal–legal criterion and substantive features of the law enforcement segment of the state apparatus.

Methods: When analyzing theoretical provisions of the doctrine, which reveal the concepts under study, comparative analysis and method of historical normative acts analysis were used. Statutory documents of by-law nature that define the system of the Ministry of Internal Affairs were considered.

Results: Formal and substantive (material) criteria defining the system of internal affairs bodies are identified. Formal criteria include fixing the system of internal affairs bodies in normative and administrative acts, departmental organization of internal affairs bodies' management. Substantive criteria include law enforcement functions performed by internal affairs bodies; the presence of paramilitary units within them; specific features of the public service in the internal affairs agencies. The link between the indicated category and the implementation of the concept of powers separation (separation of the executive branch of power) is noted as well as uncertainty in the historical–legal retrospective sphere of the status of internal affairs bodies as subordinate to the Ministry of Internal Affairs; the dominance of the formal criterion of definition over the substantive one; uncertainty as to the status of some functionally related parts of the state apparatus outside the Russian Ministry of Internal Affairs system.

Keywords: state apparatus, executive power, Ministry of Internal Affairs, internal affairs bodies, law enforcement agencies.

For citation: Pirozhkova I. G., Popov A. M. Issues of legal certainty and legal category of «internal affairs bodies» // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 38–43; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-38-43.

Введение

Важным аспектом юридической техники, влияющим на степень определённости правовых норм, является полная и недвусмысленная трактовка законодательных дефиниций. Проблема их разработки в отечественном законодательстве многократно ставилась теоретиками права, а также представителями отраслевых научных дисциплин, которые изучают вопросы взаимодействия как ОВД с другими органами системы публичного управления [1–3; 6], так и степень согласованности действий подразделений внутри самой системы МВД России [4; 5; 7; 9]. Указанная проблема осложняется и необходимостью повышения качества юридической техники в процессе выработки таких норм, а также иерархическим статусом правовых дефиниций, в случае если они содержатся в подзаконных актах. Понятие органов внутренних дел, несмотря на очевидную их связь с ведомственной структурой Министерства внутренних дел, несколько размыто, отдельные аспекты такой неопределённости затронуты в современных научных работах [14; 15].

Методы

Для раскрытия проблемы неопределённости критериев понятия «органы внутренних дел» применялись методы формально-юридического анализа. Основными формами права в данном случае являются Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и подзаконные акты: Указ Президента «Вопро-

сы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» и Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации вместе с Типовым положением о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. Анализ этих документов позволяет установить содержание формального критерия ограничения органов внутренних дел и уровень юридической техники, используемой для установления их системы.

Результаты

Для определения системы органов внутренних дел используются формальный и материальный принципы. Рассмотрим их реализацию в нормативном материале.

Формальный принцип заложен в перечнях структур МВД России, зафиксированных правовым (формальным) способом: система органов внутренних дел устанавливается положениями соответствующего Указа президента¹. В части третьей Указа 2016 г., утверждающего Положение о МВД России, именуемой «Система МВД России», в п. 13 устанавливается, что «в единую централизованную систему МВД России входят органы внутренних дел, включающие в себя по-

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента РФ № 699 от 21 декабря 2016 г. // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 52 (часть V). – Ст. 7614.

лицию; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России». То есть, исходя из этого текста, можно сделать вывод, что система МВД России не сводится только к органам внутренних дел, и в единую централизованную систему МВД России может входить что-то ещё. Однако далее п. 14 устанавливает состав органов внутренних дел исчерпывающим образом, а название раздела Указа, дающего в качестве заголовка всю систему МВД России, и его содержание, включающее перечень только органов внутренних дел, приравнивает одно к другому.

Таким образом, органы внутренних дел по формальным ведомственным признакам – это те органы, которые выполняют задачи, возложенные на МВД России в текущий момент времени. К ним относятся (п. 14 Указа):

- центральный аппарат МВД России;
- территориальные органы МВД России;
- образовательные (п. 15 Указа конкретизирует: «в том числе суворовские военные училища, кадетские корпуса»), научные, медицинские (в том числе санаторно-курортные) организации системы МВД России;
- окружные управления материально-технического снабжения системы МВД России;
- заграничный аппарат МВД России;
- организации культуры, физкультурно-спортивные организации, редакции печатных и электронных средств массовой информации;
- иные организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел.

Однако сам формальный источник – Указ – в последнем пункте перечисления ведомственных структур называет «иные организации», необходимые для реализации полномочий МВД России. Таким образом, полномочия ведомственного органа – ещё один, помимо прямого перечисления в нормативном акте, формальный признак выделения состава органов внутренних дел.

Обратим внимание на то, что формальный состав органов внутренних дел определяется подзаконным актом – Указом Президента РФ, а значит, нормотворчество в этой сфере не сковывается жёсткими рамками законодательной процедуры и может быть подвижным и изменчивым.

Все перечисленные ведомственные структуры в силу п. 15 Указа имеют в оперативном управлении объекты административного, социально-бытового и хозяйственного назначения. Таким образом, ещё один формально закреплённый признак ведомственных структур органов внутренних дел – наличие материальной базы для реализации полномочий.

Простой принцип, заложенный в п. 13–14 Указа: МВД России состоит из органов внутренних дел (далее следует их перечисление), несколько дополняется фразой из того же Указа: «МВД России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через органы внутренних дел» (п. 5, раздел 1. Общие поло-

жения). Подобные формулировки встречаются и в других местах текста (п. 9). Эта формулировка не предполагает, что МВД России это и есть совокупность органов внутренних дел, так как МВД России может осуществлять свою деятельность непосредственно, разделительный союз «или» означает также буквально «отдельно» от органов внутренних дел.

Такое построение фразы даёт основание считать, что органы внутренних дел нельзя однозначно отнести к ведомственным структурам МВД России.

Вторым концептуальным основанием для отграничения органов внутренних дел является материальный критерий, заключающийся в той роли, которую они выполняют в системе государственного аппарата.

Пункт 2 рассматриваемого Указа устанавливает основные задачи МВД России, это:

- 1) выработка и реализация государственной политики в сфере внутренних дел;
- 2) нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел;
- 3) обеспечение федерального государственного контроля (надзора) в сфере внутренних дел;
- 4) обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности, предоставление государственных услуг в сфере внутренних дел;
- 5) управление органами внутренних дел Российской Федерации;
- 6) обеспечение социальной и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России, граждан, уволенных со службы в органах внутренних дел с правом на пенсию, членов их семей, а также иных лиц, соответствующее обеспечение которых на основании законодательства Российской Федерации возложено на МВД России.

Таким образом, перечисление функций МВД России не даёт отчётливого представления о деятельности органов внутренних дел. Функции органов внутренних дел, направленные «вовне» системы МВД России, а не внутрь её самой для организации её деятельности, полагаем, описаны в п. 4 приведённого перечня. Уточнение этих функций в полномочиях конкретных структур, относимых к ведению МВД России, закреплено в законодательстве.

Общественные отношения, сложившиеся в связи с осуществлением МВД России своих функций, можно признать устоявшимися, поэтому при анализе статуса органов внутренних дел целесообразно обратиться к его рассмотрению в ретроспективе.

Анализ истории государственного аппарата показывает, что эти функции зачастую были рассредоточены между ведомственными органами, не относящимися к системе МВД, в том

числе и после реформ первой четверти XIX в., когда министерская система начала выделяться в отдельную ветвь власти [10; 11]. Так, исторически охрана общественного порядка (современная функция полиции в составе МВД России) могла смешиваться с политическим сыском, следственными действиями, государственным контролем (надзором) [12], которые сейчас в этом виде либо утрачены, либо закреплены за другими ведомствами. Наиболее показательным является статус органов, осуществляющих следствие. В настоящее время к этим органам относятся структуры Следственного комитета РФ, образующего самостоятельное ведомство, а также Следственный департамент МВД России, относимый к структуре органов внутренних дел. Следствие как государственный правовой институт неоднократно исторически меняло свою «принадлежность». В том числе оно находилось и в подчинённости МВД. Порой функции современных органов внутренних дел в составе МВД были «поделены» между разными министерствами. Например, это периоды сосуществования МВД и Министерства полиции в ходе преобразований Александра I в первой четверти XIX в. или сосуществование Министерства государственной безопасности, в ведении которого находилась милиция, и МВД (1940-е гг.); Министерства охраны общественного порядка РСФСР и союзных ведомств, отвечающих за национальную безопасность и следствие (1960-е гг.) [12; 13; 16]. До недавнего времени органы прокуратуры осуществляли следствие наряду с закреплением этой функции за системой МВД.

В связи с этим можно отметить, что функции и полномочия органов внутренних дел в целом генерируются не только общепринятым пониманием их роли в обеспечении правопорядка, но и пониманием самого правопорядка, законности, национальной безопасности, диктуемых историческими и политическими условиями. Это накладывает отпечаток на терминологию. В доктрине используются как синонимичные категории «органы внутренних дел», «правоохранительные органы». Также используется термин «военизированные подразделения». В связи с этим дискуссионным является квалификация статуса Росгвардии как части государственного аппарата, формально не относящейся к системе органов внутренних дел, но фактически выполняющей часть традиционных для них функций (например, участие в охране общественного порядка и федеральный государственный контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия и частной охранной и частной детективной деятельности) и созданный на базе бывших подразделений МВД². Формальным косвенным подтверждением родства структур МВД

России и Росгвардии является регулирование государственной службы в этих ведомствах федеральным законом³ [8], принятым в целях регулирования службы в органах внутренних дел, положения которого распространены (за некоторыми исключениями) на службу в Росгвардии. Анализ пересечений функций органов внутренних дел и военизированных структур государства свидетельствует ещё об одном признаке выделения органов внутренних дел: обладание вооружёнными силами, уполномоченными на применение принудительных силовых мер воздействия.

Заключение

Отметим, что термин «правоохранительные органы» имеет достаточно широкое значение (если не доктринально, то с позиций ведомственной структуры государства). Их сущность в доктрине описывается как совокупность органов и учреждений в составе государственного аппарата, осуществляющих деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина, охране общественного порядка, правопорядка и законности в обществе и государстве. Набор этих характеристик чрезвычайно схож с задачами структур МВД⁴, зафиксированными Указом президента, проанализированным выше. Однако традиционно к правоохранительным органам относят органы разнобразного ведомственного подчинения и типологизированные по разным основаниям: органы выявления и расследования преступлений, органы юридической помощи, органы обеспечения правопорядка и безопасности. В настоящее время к этой разнородной системе, объединённой общими концептуальными задачами поддержания законности и правопорядка, относятся следующие ведомственные структуры:

- Прокуратура РФ;
- Следственный комитет РФ;
- Федеральная служба безопасности РФ;
- Военная полиция Министерства обороны Российской Федерации;
- Министерство внутренних дел РФ;
- Росгвардия;
- Федеральная таможенная служба (только её правоохранительные подразделения);
- Министерство юстиции РФ (Федеральная служба судебных приставов, Федеральная служба исполнения наказаний).

Таким образом, система органов внутренних дел имеет сложную структуру, состоящую из разновеликих по статусу элементов, сопряжённых по своему функциональному назначению с «родственными» структурами, входящими в более широкую категорию право-

² Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: Указ Президента РФ № 157 от 5 апреля 2016 г. // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 15. – Ст. 2072.

³ О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 342-ФЗ от 30 ноября 2011 г. // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 49 (часть I). – Ст. 7020.

⁴ Официальный портал Министерства внутренних дел. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/>.

охранительных органов. Признаком системы органов внутренних дел является формальная определённость подзаконными актами высшей силы о структуре МВД России, но исходя из буквального толкования этих актов, не сводимых к самому Министерству внутренних дел,

к признакам можно отнести задачи поддержания законности и правопорядка, а также историческую концентрацию в системе исполнительной власти в МВД России и родственных ему ведомствах, имеющих различную иерархию в государственном аппарате.

Список литературы

1. Гутиева И. Г. К вопросу о содействии органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 11 (25). – С. 51–54.
2. Гутиева И. Г., Кодзокова Л. А. Место органов внутренних дел в системе органов исполнительной власти и их взаимодействие с иными органами // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 4 (167). – С. 382–383.
3. Желудков М. А. Некоторые проблемы совершенствования предупреждения преступности в российском обществе // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2007. – № 2 (46). – С. 108–111.
4. Желудков М. А. Особенности информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел по противодействию экономической преступности // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 3 (4). – С. 146–149.
5. Захватов И. Ю., Потапова С. А., Судолова Л. А. К вопросу о механизме взаимодействия органов внутренних дел с региональными органами государственной власти // Закон и право. – 2022. – № 10. – С. 167–171.
6. Манукян А. Р. Органы внутренних дел как часть системы органов исполнительной власти // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 380–381.
7. Писарев А. С. Органы дознания в системе органов внутренних дел // Уголовное право. – 2007. – № 5. – С. 84–87.
8. Рахматуллин А. Ф. Особенности правового статуса сотрудников органов внутренних дел как представителей правоохранительных органов современной России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 4(20). – С. 186–188.
9. Селютин А. В. Подследственность как форма внешнего выражения разграничения компетенции государственных органов и должностных лиц при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1. – С. 171–174.
10. Сидоркин Ю. В. Проблема «благочиния» в теории и практике полицейской деятельности дореволюционной России // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 1 (45). – С. 254–260.
11. Сидоркин Ю. В. Возникновение и развитие понятия «благочиние» в правоохранительной сфере Российской империи // Вопросы российского и международного права. – 2017. – Том 7. – № 4А. – С. 40–46.
12. Стариков Ю. Н. О полицейском праве, или Не всегда хорошо забытое старое является новым // Полицейское право. – 2005. – № 1. – С. 12–19.
13. Супрун С. В. Органы дознания МВД России: центральный аппарат МВД России как орган внутренних дел в уголовном судопроизводстве // Современное право. – 2020. – № 6. – С. 134–140.
14. Тетерюк А. Г. Разграничение подследственности между органами внутренних дел на транспорте и территориальными органами внутренних дел, территориальная несогласованность // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 2 (30). – С. 105–109.
15. Футо С. Р. Полицейские функции органов внутренних дел в налоговой сфере как «наследство» федеральных органов налоговой полиции // Полицейское право. – 2005. – № 3 (3). – С. 48–51.
16. Шкаревский Д. Н. Регулирование деятельности органов лагерной юстиции СССР (1944–1956) // Право: история и современность. – 2021. – № 3 (16). – С. 51–63.

References

1. Gutiyeva I. G. K voprosu o sodeystvii organam vnutrennikh del (politsii) i inym pravookhranitel'nyim organam // Otechestvennaya yurisprudentsiya. – 2017. – № 11(25). – S. 51–54.
2. Gutiyeva I. G., Kodzokova L. A. Mesto organov vnutrennikh del v sisteme organov ispolnitel'noy vlasti i ikh vzaimodeystviye s inymi organami // Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal. – 2022. – № 4 (167). – S. 382–383.
3. Zheludkov M. A. Nekotoryye problemy sovershenstvovaniya preduprezhdeniya prestupnosti v rossiyskom obshchestve // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnyye nauki. – 2007. – № 2 (46). – S. 108–111.
4. Zheludkov M. A. Osobennosti informatsionnogo obespecheniya deyatelnosti organov vnutrennikh del po protivodeystviyu ekonomicheskoy prestupnosti // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2007. – № 3 (4). – S. 146–149.

5. *Zakhvatov I. Yu., Potapova S. A., Sudolova L. A.* K voprosu o mekhanizme vzaimodeystviya organov vnutrennikh del s regional'nymi organami gosudarstvennoy vlasti // *Zakon i pravo.* – 2022. – № 10. – S. 167–171.
6. *Manukyan A. R.* Organy vnutrennikh del kak chast' sistemy organov ispolnitel'noy vlasti // *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal.* – 2022. – № 6 (169). – S. 380–381.
7. *Pisarev A. S.* Organy doznaniya v sisteme organov vnutrennikh del // *Ugolovnoye pravo.* – 2007. – № 5. – S. 84–87.
8. *Rakhmatullin A. F.* Osobennosti pravovogo statusa sotrudnikov organov vnutrennikh del kak predstaviteley pravookhranitel'nykh organov sovremennoy Rossii // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii.* – 2012. – № 4(20). – S. 186–188.
9. *Selyutin A. V.* Podsledstvennost' kak forma vneshnego vyrazheniya razgranicheniya kompetentsii gosudarstvennykh organov i dolzhnostnykh lits pri osushchestvlenii ugovolno-protssessual'noy deyatel'nosti // *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve.* – 2010. – № 1. – S. 171–174.
10. *Sidorkin Yu. V.* Problema «blagochiniya» v teorii i praktike politseyskoy deyatel'nosti dorevolutsionnoy Rossii // *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii.* – 2019. – № 1 (45). – S. 254–260.
11. *Sidorkin Yu. V.* Vozniknoveniye i razvitiye ponyatiya «blagochiniye» v pravookhranitel'noy sfere Rossiyskoy imperii // *Voprosy rossiyskogo i mezhdunarodnogo prava.* – 2017. – Tom 7. – № 4 A. – S. 40–46.
12. *Starilov Yu. N.* O politseyskom prave, ili ne vseгда khorosho zabytoye staroye yavlyayetsya novym // *Politseyskoye pravo.* – 2005. – № 1. – S. 12–19.
13. *Suprun S. V.* Organy doznaniya MVD Rossii: tsentral'nyy apparat MVD Rossii kak organ vnutrennikh del v ugovolnom sudoproizvodstve // *Sovremennoye pravo.* – 2020. – № 6. – S. 134–140.
14. *Teteryuk A. G.* Razgranicheniye podsledstvennosti mezhdru organami vnutrennikh del na transporte i territorial'nymi organami vnutrennikh del, territorial'naya nesoglasovannost' // *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoy Akademii MVD Rossii.* – 2015. – № 2 (30). – S. 105–109.
15. *Futo S. R.* Politseyskiye funktsii organov vnutrennikh del v nalogovoy sfere kak «nasledstvo» federal'nykh organov nalogovoy politsii // *Politseyskoye pravo.* – 2005. – № 3 (3). – S. 48–51.
16. *Shkarevskiy D. N.* Regulirovaniye deyatel'nosti organov lagernoy yustitsii SSSR (1944–1956) // *Pravo: istoriya i sovremennost'.* – 2021. – № 3 (16). – S. 51–63.

Статья поступила в редакцию 25.12.2022; одобрена после рецензирования 27.01.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted December 25, 2022; approved after reviewing January 27, 2023; accepted for publication March 1, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 34.03
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-44-52

Артем Григорьевич Репьев
доктор юридических наук, доцент
<http://orcid.org/0000-0003-0718-698X>, repev-artem@yandex.ru

*Академия управления МВД России
Российская Федерация, 125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8*

Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы

Аннотация: *Введение.* Статья посвящена общетеоретическому анализу и соотношению феноменов «правовой эксперимент» и «правотворческий опыт». Автором выдвигается и аргументируется гипотеза о диалектической связи экспериментирования и опытного подхода в рамках правообразовательного и правореализационного процессов, выражающейся в элементах их единства, различия, взаимодействия и существующих противоречиях.

Цель: восполнить отсутствие в юридической науке и практике сформированного представления о применении технологий экспериментирования и внедрения полученных опытным путём данных в рамках правотворчества и правореализации; выявить их характерные черты и установить риски, обусловленные отсутствием методики проведения и оценки результатов.

Методология. Используется многообразие средств научного познания, основными из которых выступили диалектический метод, а также формально-юридический подход, реализуемый для анализа и толкования норм законодательства, судебной и иной правоприменительной практики.

Результаты. Осуществлено сущностное и содержательное рассмотрение правового эксперимента и правотворческого опыта с позиции как доктрины права, так и современной правоприменительной практики и законодательства. Анализ общенаучной и справочной литературы, действующих нормативных правовых актов и официальных документов правоприменения показал, что правовой эксперимент основывается на установлении изъятий и (или) дополнений к общему властному велению, обладает акцессорным характером по отношению к основному правовому предписанию. При установлении элементов сходства и различия правового эксперимента с правотворческим опытом, аспектов их взаимодействия и существующих противоречий доказан их самостоятельный категориальный и институциональный характер, выделены специфические качества.

Заключение. В юридической доктрине, правоприменительной практике и в системе законодательства необходимо чётко разграничить понимание и реализацию правовых экспериментов и применение опыта в правотворчестве, путем: определения методики их организации и проведения, разработки алгоритмов создания экспериментальной правовой нормы, установления конструкции механизма реализации правотворческого опыта, а также методик прогнозирования результатов пробных юридических предписаний. Предпринятые шаги должны способствовать не только повышению эффективности правового регулирования, но и снижению социальных и экономических потерь от поспешного юридического опосредования нестандартных общественных отношений, неудачных правотворческих шагов, а также уменьшению рисков пробных правовых предписаний.

Ключевые слова: правовой эксперимент, правотворческий опыт, законодательство, модель, правовое регулирование, норма права

Для цитирования: Репьев А. Г. Правовой эксперимент и правотворческий опыт как специальные модели правового регулирования: техника, практика, пределы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 44–52; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-44-52.

Artem G. Repev

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<http://orcid.org/0000-0003-0718-698X>, repev-artem@yandex.ru

Academy of Management of the MIA of Russia

8, Zoyi i Alexandra Kosmodemyanskikh str., Moscow, 125171, Russian Federation

Legal experiment and law-making experience as special models of legal regulation: technique, practice, limits

Abstract: Introduction. The article is devoted to the general theoretical analysis and the correlation between the phenomena «legal experiment» and «law-making experience». The author makes and argues a hypothesis about the dialectical connection of experimentation and empirical approach within the framework of law-making and law enforcement processes, expressed in the elements of their unity, difference, interaction and existing contradictions. **The aim:** to make up for the absence in legal science and practice of well-shaped idea of the experimentation technologies application and the introduction of empirically obtained data in the framework of law-making and law enforcement; to identify their characteristics and specify risks caused by the lack of methodology for conducting and evaluating the results. **Methodology.** A variety of scientific knowledge tools is used, the main ones being the dialectical method, as well as the formal-legal approach carried out for the analysis and interpretation of the norms of legislation, judicial and other law enforcement practices. **Results.** Substantive and meaningful consideration of the legal experiment and legal experience was carried out, both from the standpoint of the doctrine of law and modern law enforcement practice and legislation. The analysis of general scientific and reference literature, current normative legal acts and official law enforcement documents showed that the legal experiment is based on the establishment of exemptions and (or) additions to the general command of power, is accessory to the main legal regulation. When establishing the elements of similarity and difference of legal experiment and law-making experience, aspects of their interaction and existing contradictions, their independent categorical and institutional nature is proved, specific qualities are highlighted. **Conclusion.** In legal doctrine, law enforcement practice and legislative system, it is necessary to clearly distinguish the understanding and implementation of legal experiments and the application of experience in law-making by: defining the method of their organization and conduct, developing algorithms for the creation of an experimental legal norm, establishing the design of the mechanism for implementation of legal experience, as well as methods for predicting the results of trial legal regulations. The steps taken should contribute not only to increasing the effectiveness of legal regulation, but also to reducing social and economic losses arising from the hasty legal intermediation of non-standard social relations, unsuccessful law-making steps, as well as reducing the risks of tentative legal requirements.

Keywords: legal experiment, law-making experience, legislation, model, legal regulation, provision for law

For citation: Repev A. G. Legal experiment and law-making experience as special models of legal regulation: technique, practice, limits // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 44–52; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-44-52.

Введение

Вызовы российской государственности, обусловленные происходящими процессами в глобальной политике и экономике, «подогретье» последствиями мировой пандемии, актуализируют обращение к вопросам формирования эффективного права, способного гибко и своевременно реагировать на нестандартные жизненные ситуации (обстоятельства). В связи с этим совершенствование законодательства должно стать перманентным процессом, свя-

занным с ревизией устаревших нормативных положений, отменой актов, противоречащих трансформируемому курсу по упрочению независимости Российской Федерации. Игнорировать этот компонент – значит способствовать замедлению развития многих ключевых секторов страны, запустить механизм торможения социального и экономического блоков.

Однако создание комплекса скорых, порывистых, да ещё и взаимоувязанных законодательных актов по распространённому на се-

годняшний день «пакетному» принципу¹ грозит движением хотя и вперёд, но неминуемо методом проб и ошибок. Безусловно, положение, в котором оказалось наше государство в условиях антиправового давления недружественных стран, требует оперативных правотворческих шагов в специфических обстоятельствах с плохо прогнозируемыми последствиями. В этой связи определённым трендом нынешнего законодательного процесса стало правовое экспериментирование [1– 6].

Вместе с тем для того, чтобы избежать очевидных просчётов при последующей реализации экспериментальных нормативных положений, минимизировать социальные и экономические издержки, требуется усиление научной составляющей процесса правотворчества, внедрение в качестве обязательного компонента ранее апробированных методик, подтвердивших свои потенции относительно качества правового регулирования и обеспечения высокой устойчивости, стабильности законодательного акта. Иными словами, от аппарата власти требуется учитывать правотворческий опыт. Этим двум, тесно соприкасающимся аспектам процесса правообразования и правореализации (правовому эксперименту и правотворческому опыту), и посвящена настоящая работа.

Злободневность тематики использования в юридической деятельности опытной и экспериментальной методики хотя и не нова, однако и сегодня не потеряла своей актуальности. Несмотря на то, что по меньшей мере с середины прошлого века правовое экспериментирование и использование правотворческого опыта начали фрагментарно подвергаться изучению юристами [7; 8], до настоящего времени отсутствуют комплексные, фундаментальные разработки по данному вопросу. Многие авторы, рассматривая эти феномены, не только не предлагают определения их понятий, но и зачастую смешивают их как между собой, так и с иными компонентами правообразования (правовой инициативой, правовым моделированием и пр.) [9]. В связи с этим, полагаем, назрела необходимость возвращения к проблематике соотношения правового эксперимента и правотворческого опыта, аргументации их дефиниций, выявления существенных признаков, качеств диалектического соотношения посредством установления элементов единства, различия, взаимодействия и существующих противоречий.

Правовой эксперимент: понятие и средства реализации

Вопросы повышения качества законодательных актов путём апробирования нестан-

дартных нормативных установлений не первый год привлекают внимание учёных-юристов и практиков. Не удивляют периодически высказываемые предложения задействовать в процессе правообразования научное прогнозирование, иммитационное конструирование, юридическое моделирование и, безусловно, правовое экспериментирование.

Полагаем, начать рассмотрение сущности правового эксперимента уместно с напоминания, что право – явление социальное. Следовательно, и эксперимент в общенаучном, т. е. общесоциальном понимании, имеет, как минимум два значения. Во-первых, «попытка, проба осуществить что-либо каким-либо способом», а во-вторых, «воспроизведение какого-либо явления в определённых условиях с целью его исследования, изучения»².

В научном отношении данной тематике посвящено не так много исследований. Одной из фундаментальных работ в области правового экспериментирования является коллективная монография под редакцией В. И. Никитинского и И. С. Самощенко. В этом труде В. И. Никитинский определяет правовой эксперимент как «организованную компетентным правотворческим органом апробацию предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе для проверки эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм и отработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего действия» [10, с. 26]. Дефиниция воспринимается положительно, однако представленное содержание процесса экспериментирования, которое автор связывает с «установлением изъятий из действующего законодательства» [10, с. 27], видится односторонним.

Экспериментальная правовая норма (а именно она, полагаем, является ключевым средством воплощения пробного законодательного установления) по своему содержанию и в силу специального характера определяет отклонения от общих требований за счёт не только изъятий, но и дополнений. Экспериментальные нормы-изъятия предполагают исключение отдельных объектов из сферы правового регулирования, сужение круга лиц, на которых распространяется действие общего законодательного акта, ограничение сферы (предмета) правового воздействия генерального предписания. Так, в соответствии с решением Правительства Российской Федерации для педагогических работников из шести регионов временно, в целях апробации новых механизмов финансового стимулирования, изменён порядок начисления оплаты труда за счёт установления гарантиро-

¹ Правительство подготовило новый пакет мер по поддержке экономики // Российская газета. – 2022. – 22 марта.

² Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160000 слов. – Т. 3: Р-Я. – Москва: АСТ: Астрель, 2006. – С. 919.

ванной части зарплаты и фиксации схемы начисления дополнительных выплат³.

Экспериментальные нормы-дополнения, напротив, расширяют действие генерального правового предписания, временно включают в спектр его распространения новых субъектов, предусматривают вспомогательные меры стимулирования и гарантии реализации, обеспечивают максимальную полноту правового регулирования. К примеру, неблагоприятная эпидемиологическая обстановка актуализировала для большинства участников делового общения дистанционный формат работы. И если оформление услуг, предоставляемых органами публичной власти удалённо, стало привычным явлением, то участие негосударственного сегмента в этой сфере ещё не опробовано. Поэтому в рамках эксперимента с 1 февраля 2022 г. по 1 февраля 2025 г. для предпринимательского сообщества будет сформирована система единого «цифрового окна», объединяющая в себе как «государственные, так и коммерческие онлайн-сервисы и услуги»⁴.

Следовательно, правовой эксперимент – это специальная модель временного правового регулирования, реализуемая посредством экспериментальной правовой нормы, предусматривающей пробное установление изъятий и (или) дополнений к общему властному велению, и направленная на повышение эффективности воздействия на общественные отношения.

Учитывая полисемичность термина «модель», конкретизируем, что в приведённой дефиниции он используется в значении «тип», «вариант»⁵, «отдельная разновидность родового явления» (т. е. правового регулирования), обусловленная нестандартным подходом к фиксации общеобязательного правила поведения. Иными словами, данная специальная модель правового регулирования отличается от стереотипного степенью общности нормативного установления (ввиду присутствия как норм-изъятий, так и норм-дополнений).

Выделим некоторые признаки, которыми характеризуется обозначенная модель, в том числе дающие основания для позиционирования её как специальной. Кроме того, данные признаки вполне уместно воспринимать как элементы, характеризующие юридическую конструкцию правового экспериментирования:

а) аксессуарный (сопутствующий) формат относительно уже существующих форм правового регулирования. Полагаем, что экспери-

³ С 1 сентября учителя шести регионов начнут получать зарплату по-новому // Российская газета. – 2022. – 14 фев.

⁴ Для бизнеса сформируют систему «одного окна» // Российская газета. – 2022. – 1 фев.

⁵ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160000 слов. – Т. 2: М-П. – Москва: АСТ: Астрель, 2006. – С. 96.

ментальная правовая норма как проявление специализации законодательства не может действовать обособленно, в отрыве от общего правового предписания и вне рамок классических форм юридического воздействия. К примеру, сложность оформления факта дорожно-транспортного происшествия в рамках магистральной сети мегаполисов при поиске решения данной проблемы не побудила отказаться от охранительных и компенсационных мер законодательства, а лишь подтолкнула к пробному изменению процедуры фиксации данных происшествия (предусмотрев возможность её осуществления в безопасном месте)⁶;

б) предельная сфера внедрения. К примеру, убеждены, что среди областей деятельности граждан нашего государства имеются неприкасаемые ниши взаимоотношений (по образу исключительно союза мужчины и женщины в рамках семейно-брачных отношений), правовые эксперименты над которыми не только крайне нежелательны, но и должны стать объектом абсолютного табу;

в) подотчётность по завершении реализации. Так, ввиду необходимости обобщения и анализа результатов правового экспериментирования, последнее, как правило, должно завершаться предоставлением соответствующих сведений об этапах, выполнении каждого из запланированных мероприятий, причинах отклонения от сроков реализации (при наличии) и пр.⁷;

г) временное действие. Полагаем, что любой правовой эксперимент для обеспечения чистоты исполнения, объективности наблюдаемых событий и данных, корректности их интерпретации должен иметь чётко обозначенные сроки реализации⁸. В противном случае установление каких-либо специальных норм для регулирования нетипичных отношений необходимо считать иными законодательными моделями, в том числе правотворческим опытом.

Правотворческий опыт: дефиниция и содержание

Термин «опыт» имеет несколько толкований в справочной литературе. Он может пони-

⁶ В Москве проведут эксперимент по новому оформлению ДТП // Российская газета. – 2022. – 23 марта.

⁷ См., напр.: Итоговый отчёт о проведении эксперимента в государственном органе, направленного на развитие государственной гражданской службы Российской Федерации (типовая форма), утв. методическими рекомендациями Минтруда России от 29 декабря 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372543/9fba9853ed7e02ca7717e0b85fa95c59fbc28023/ (дата обращения: 20.12.2022).

⁸ К примеру, эксперимент по использованию электронных документов, связанных с работой, проводился по 15 ноября 2021 г. включительно. См.: О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой: федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ (в ред. от 24 марта 2021 г.), ч. 5 ст. // Собрание законодательства РФ. 2020. № 17. Ст. 2700.

маться как «отражение в человеческом сознании законов объективного мира и общественной практики, полученное в результате активного практического познания», или в качестве «совокупности практически усвоенных знаний, навыков, основанных на пережитом»⁹. Применительно к процессу правотворчества позволим себе предположить, что опыт напрямую связан с наблюдением за правоотношениями и процессами их регулирования нормами права (именно в рамках него аккумулируются необходимые сведения), затем – сравнением полученных данных, а после – имитационным моделированием.

Правотворческий опыт по своему содержанию предполагает применение новых (для конкретной юридической области) законодательных механизмов (отдельных норм права, методов правового регулирования и пр.), но ранее проверенных на ином уровне правотворчества и успешно себя оправдавших. Одним из наиболее распространённых приёмов является использование регионального опыта в рамках федерального законотворчества. Так, проект нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях содержит в конструкции состава правонарушения «мелкое хулиганство» в качестве отдельного признака – «нарушение тишины и покоя граждан, в том числе в жилых помещениях, с 23 часов до 7 часов»¹⁰. Ряд действующих на сегодняшний день законов субъектов Российской Федерации, устанавливающих административную ответственность, предусматривает ответственность за данные действия¹¹, и норма крайне актуальна. Однако ввиду отсутствия переданных полномочий сотрудникам полиции по пресечению данного вида деяния, а также ограниченного перечня мер наказания, применяемого в рамках закона субъектов (лишь предупреждение и административный штраф)¹², принято решение учесть региональный опыт и задействовать потенциал федерального законодательства. Это позволит сотрудникам полиции применять весь имеющийся спектр пре-

вентивных и обеспечительных мер (доставление, административное задержание и пр.).

Полагаем, *правотворческий опыт – это специальная модель правового регулирования, реализуемая посредством закрепления на постоянной основе правовой нормы, ранее успешно апробированной (на ином уровне законодательства, в другой области общественных отношений и т. д.), и направленная на повышение его эффективности.*

Правотворческий опыт как специальная модель правового регулирования характеризуется следующими признаками, которые также вполне уместно позиционировать как элементы, характеризующие его юридическую конструкцию:

а) устойчива во временном отрезке, носит продолжительный характер, следовательно, позволяет не только наблюдать и оценивать эффективность внедрения, но и применять планирование¹³;

б) подтверждена компетентной оценкой соответствующих специалистов и, как правило, признана положительной (а в ряде случаев и передовой), свидетельствующей о возможности и допустимости распространения на иные области отношений. К примеру, подразделения органов внутренних дел, оценивая эффективность различных нормативных установлений применительно к оперативно-служебной деятельности в рамках компетенции, направляют предложения в виде информации о выявлении, применении и распространении положительного опыта в Совет МВД России по науке и положительному опыту для принятия решения об их распространении¹⁴;

в) основывается на имитации и прогнозировании результата действия предполагаемых правовых установлений, используя модель, ранее апробированную в рамках иной юридической плоскости.

Диалектика соотношения правового эксперимента и правотворческого опыта

Начнем с признаков единства рассматриваемых феноменов, которые прослеживаются в следующем:

– применительно к отдельным элементам их юридической конструкции. Так, основу

⁹ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т.: ок. 160000 слов. – Т. 2: М-П. – Москва: АСТ: Астрель, 2006. – С. 474.

¹⁰ Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/05-20/00102447) (не внесён в Государственную думу РФ, текст по состоянию на 29 мая 2020 г.), ч. 6 ст. 14 // СПС «КонсультантПлюс»: сайт. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PR;n=195739#nQ04pQTGqlsavVKr> (дата обращения: 20.12.2022).

¹¹ См., напр.: Об административной ответственности за нарушение тишины и покоя граждан: закон Пензенской области от 24 апреля 2007 г. № 1267-ЗПО // Официальный сайт Законодательного Собрания Пензенской области. – URL: <https://www.zspo.ru/legislative/acts/4023/> (дата обращения: 08.04.2022).

¹² Кодекс Пензенской области об административных правонарушениях: закон Пензенской области от 2 апреля 2008 г. № 1506-ЗПО // Ведомости Законодательного Собрания Пензенской области. – 2008. – 25 апр.

¹³ См., напр.: Межрегиональный план изучения и распространения положительного и передового опыта Федеральной службы исполнения наказаний, утв. приказом ФСИН России от 2 сентября 2020 г. № 606 // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PAP&n=37132#rMICpQTrFWNN7JEI> (дата обращения: 20.12.2022).

¹⁴ Об организации научного обеспечения и применения положительного опыта в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 18 марта 2013 г. № 150 (в ред. от 28 декабря 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=555348#HttCpQTQxRdJj0wd> (дата обращения: 20.12.2022).

и правового экспериментирования, и правотворческого опыта составляют наблюдение за действием правового предписания, интерпретация и оценка эффективности;

– результативность относительно накопления знаний и навыков правотворчества. Любой опыт несёт в себе определённую пользу, и даже неудавшийся правовой эксперимент является положительным с точки зрения обогащения знаниями, аккумуляции и укрепления правотворческих навыков. Нацеленность на результат, пусть и не тот, который ожидался в начале процесса – как пробного, так и уже апробированного правового регулирования – признак, объединяющий экспериментирование и правотворческий опыт, а правоприменительная практика тому свидетельство¹⁵.

Имеются и различия в исследуемых феноменах:

– в элементах, составляющих структурное содержание данных феноменов. Отдельные составляющие процесса проведения правового эксперимента и правотворческого опыта совпадают, о чем мы писали выше, но не все. К примеру, применительно к правотворческому опыту в качестве одного из его элементов полагаем вполне уместно рассматривать социальное обсуждение законопроекта. Фактически накопление знаний о реализации нормативного установления должно начинаться с оценки его проекта, в том числе, сделанной на основе изучения общественного мнения, что позволит минимизировать дальнейшие упущения регулирования и дефекты применения. Правотворческий опыт и общественное мнение обладают несомненной связью, о чём писали еще советские юристы [11, с. 192]. При этом она может быть, как прямой: выражающейся в ориентировании законодательных органов на потребности граждан, так и обратной, заключающейся в осуществлении контроля за законностью, объективностью правотворческого процесса. Но нельзя сказать то же самое о правовом эксперименте. В силу того, что он представляет собой реальное и целенаправленное воздействие на нестандартные общественные отношения и применяется в качестве временной меры, причисление к элементам его конструкции общественного обсуждения видится неверным, хотя мы и допускаем необходимость последующего изучения общественного мнения об уже состоявшемся эксперименте;

– в способе и результате воздействия на общественные отношения. Правовой эксперимент обусловлен истинным воздействием на общественные отношения посредством соответствующих пробных нормативных установ-

лений. В свою очередь в рамках правотворческого опыта основные процессы являются не предметными, а имитационными. Имитационная правотворческая модель умозрительно примеряется к существующим общественным отношениям, чего нельзя сказать об экспериментировании, в рамках которого реальная, хотя и пробная, правовая модель «вживается» в существующие отношения для действительного изменения их состояния. В качестве примера имитационной модели можно привести новеллу, заключающуюся в отказе в территориальных органах МВД России на районном уровне от должности «начальник полиции», с приданием заместителям начальника полиции по оперативной работе и охране общественного порядка статуса заместителей начальника территориального органа¹⁶. Руководство МВД России не стало проводить реальный эксперимент, поэтому можно предположить, что вывод о малоэффективности действующей структуры был сформирован на основании «мысленного эксперимента» [12, с. 214–218];

– в способности вмешиваться в процесс по ходу реализации пробных правовых установлений. Так, правовой эксперимент изначально возник вследствие потребности не только опытного изучения какого-либо явления, но и необходимости доступа к управлению этим процессом [13, с. 29]. Потенция к гибкости, возможности трансформации условий, методов воздействия на общественные отношения – важное качество, присущее эксперименту. К примеру, новая Комплексная информационная система адвокатуры по ходу своего поэтапного внедрения постоянно модернизируется, обретая инновационные возможности, а одной из последних из них стало автоматическое назначение адвоката по делу с использованием технологий искусственного интеллекта¹⁷. Для правотворческого опыта в понимании наблюдения за происходящими процессами нехарактерно свойство активного вмешательства. В этом случае инициатор не преследует цель задействовать рычаги воздействия на происходящие процессы до их окончания, не меняет в ходе наблюдения условия испытаний, не усиливает (или не ослабляет) методы воздействия и пр.;

– правотворческий опыт юридически доказывает, подтверждает эффективность, качество, целесообразность принятия действующих нормативных правовых актов (но применяемых в иной плоскости, на других территориях и пр.), а не проектируемых. Вот почему нельзя считать экспериментированием ситуацию, «когда отдельные

¹⁵ См., напр.: Эксперимент с бесконтактной оплатой в транспорте оказался убыточным в ряде городов // Российская газета. – 2022. – 31 янв.

¹⁶ В МВД РФ начинается новая реорганизация // Российская газета. – 2022. – 8 апр.

¹⁷ Новая система не позволит следователям договариваться с «удобными» адвокатами // Российская газета. – 2022. – 28 фев.

субъекты РФ изучают практику нормотворчества в других регионах и воплощают её в своих правотворческих решениях» [9, с. 13]. Правовой эксперимент – это всегда моделирование новых установлений при помощи пробных правовых норм, имеющих избирательную юридическую силу, обусловленную пределами относительно сроков их действия, территориального применения, выборочного распространения по кругу лиц.

Последний из приведённых аргументов о различии правового эксперимента и правотворческого опыта показывает первый элемент их взаимодействия: полученные в ходе правотворческого опыта данные могут (а зачастую и должны) быть использованы при конструировании экспериментального предписания, а те, в свою очередь, должны быть подвержены впоследствии наблюдению, изучению, проверке с позиции их законности, целесообразности, конечной эффективности, что становится возможным в рамках опыта.

Другим элементом взаимодействия правового эксперимента и правотворческого опыта является то, что они выступают двумя дополняющими друг друга моделями построения эффективного законодательного процесса, которые не стоит противопоставлять. Наблюдение за процессом реализации действующего законодательства, проводимое в рамках опыта, не в состоянии заменить потенциал экспериментирования. Сведения, получаемые в рамках опыта, лишь интерпретируются применительно к объективно сложившимся обстоятельствам, а данные эксперимента, полученные в искусственно созданных условиях, оцениваются для последующей донастройки правового регулирования.

Последним аспектом диалектической связи правового эксперимента и правотворческого опыта являются существующие между ними противоречия. Так, в юридической науке бытует мнение, что эксперименты в праве осуществляются лишь в рамках нормотворческой (правотворческой) деятельности [14, с. 12; 15, с. 91]. В таком понимании с учётом пересекающегося арсенала средств осуществления в виде наблюдения, прогнозирования и пр. правовой эксперимент и правотворческий опыт были бы взаимоисключаемыми явлениями, противоречащими друг другу. Убеждены, что это неверная трактовка их потенциала воздействия на общественные отношения, излишне узкая.

Правовой эксперимент, несмотря на превалирование в нём правотворческой составляющей (генеральным средством является принятие экспериментальной правовой нормы), обеспечивается и правореализационным компонентом. При этом многие эксперименты направлены на пробное изменение лишь организационных аспектов исполнения или соблюдения базовых правовых установлений, времен-

ную корректировку процедурных моментов, связанных с использованием или применением основополагающих правил поведения. Так, в условиях политического и экономического давления на наше государство Правительство Российской Федерации временно изменило условия параллельного импорта отдельных товаров. Основополагающие нормы Гражданского кодекса Российской Федерации, в том числе защищающие исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности, не изменены, но процессуальные механизмы скорректированы относительно пива, слабоалкогольных напитков и пр.¹⁸ Этот эксперимент позволит снизить нагрузку на ряд секторов промышленного производства и сельского хозяйства, стабилизировать курс рубля.

Противоречия между правовым экспериментом и правотворческим опытом заключаются и в их конкуренции, соперничестве с точки зрения достижения лучших результатов правового воздействия. Казалось бы, если опыт регулирования общественных отношений в конкретной области признается положительным, очевидным выглядит (но лишь на первый взгляд) принятие решения о его распространении на иные территории, сходные правоотношения и пр. Однако на практике ситуация складывается иначе. К примеру, в ряде государств апробированным способом борьбы с управлением автомобилем водителями, находящимися в состоянии опьянения, является обязательная установка на транспортные средства, перевозящие пассажиров, опасные грузы, машины каршеринга так называемых «алкозамков» (Швеция, Новая Зеландия и др.). Однако в Российской Федерации, где ситуация с аварийностью на дорогах, в том числе, вызванной управлением транспортными средствами в состоянии опьянения, далека от идеальной¹⁹, не спешат внедрять положительный опыт, склоняясь к экспериментированию. По заданию Минпромторга России ГНЦ РФ ФГУП «НАМИ» разработали стандарт применения данной технологии, однако вопрос её повсеместного внедрения положительно не решён²⁰. Остается надеяться, что применительно к дан-

¹⁸ О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы : постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 14. – Ст. 2286.

¹⁹ По итогам 2021 г. на территории Российской Федерации зафиксировано 677 дорожно-транспортных происшествий с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения, в результате которых 172 человека погибло, 925 – получили ранения // Официальный сайт ГИБДД РФ. Показатели состояния безопасности дорожного движения. – URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 05.05.2022).

²⁰ Разработан стандарт на автомобильные алкозамки // Российская газета. – 2022. – 4 мая.

ной ситуации не будет неприменима французская поговорка «Лучшее – враг хорошего».

Выводы

Предпринятая попытка изучения понятий и содержаний правового эксперимента и правотворческого опыта, их сопоставления, с одной стороны, показала перспективность обеих специальных моделей правового регулирования, но с другой – обнажила ряд проблемных моментов.

Первый аспект заключается в том, что в условиях каждодневного изменения политической ситуации в мире, колоссального давления на экономическую сферу нашего государства законодательство обязано избежать как омертвления с точки зрения неспособности воздействовать на общественные отношения, так и эрозии в понимании разрушения, обесценивания как основного социального регулятора. Уйти от этого позволит применение более гибких правовых механизмов, обеспечивающих возможность изменения как ключевых методов регулирования, так и организационно-процедурных средств его осуществления. Речь в данном случае идёт о высоком значении правового эксперимента.

Важнейшим средством проведения правового эксперимента, фактически его несущей конструкцией выступает экспериментальная норма права. Будучи результатом более глубокой специализации нормативных предписаний, она обладает своими отличительными признаками, в числе которых временное действие, ограниченная юридическая сила, распространяющаяся на строго установленный перечень субъектов, пространственные границы, а также несвойственность для консервативных сфер общественных отношений, основывающихся на исторической и идеологической преемственности и не тер-

пящих пробных вариантов регулирования. Отсюда возникает потребность совокупного использования наряду с экспериментальными методиками уже апробированных концепций, доказавших свою состоятельность на практике.

Изучение и внедрение правотворческого опыта – эффективная модель правового регулирования, обеспечивающая экономию ресурсов, позволяющая с большой долей вероятности прогнозировать последствия принятия правотворческих шагов, минимизировать риски и дефекты правореализации.

В то же время до сих пор отсутствуют какие-либо нормативные акты (хотя бы подзаконные, ведомственные или иные), определяющие: методику организации и проведения правового экспериментирования, алгоритмы создания экспериментальной правовой нормы, конструкцию механизма реализации опыта, пути прогнозирования результатов пробного предписания. Вследствие этого ряд социально-значимых экспериментов проводится методом «кавалерийского наскока». В результате выбранные способы и средства правового регулирования допускают сбои уже на первоначальных этапах проведения, а сам эксперимент не доводится до логического завершения и заканчивается неудачей.

В рамках предпринятой нами попытки исследования вышеуказанных феноменов вряд ли уместно предлагать фундаментальные шаги по устранению дефицита научно обоснованных механизмов правового экспериментирования и внедрения правотворческого опыта. Однако мы убеждены, что они нуждаются в дальнейшем осмыслении, сопоставлении с моделированием и прогнозированием в праве и государстве. Предпосылки и основа для этого заложены в рамках настоящей работы.

Список литературы

1. Громова Е. А. Экспериментальные режимы создания цифровых инноваций и проблемы обеспечения добросовестной конкуренции // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 10. – С. 41–51.
2. Давыдова М. Л., Макаров В. О. Правовые статусы субъектов экспериментального правового режима / Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сборник научных трудов / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – Москва: Инфотропик Медиа, 2022. – С. 202–210.
3. Дегтярев М. В. Эксперимент в континууме нормотворчества в государственном управлении // Административное право и процесс. – 2021. – № 9. – С. 27–30.
4. Пашенцев Д. А. Правовой эксперимент в правотворческом процессе в условиях цифровизации // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2021. – № 1. – С. 34–36.
5. Поветкина Н. А. Правовой эксперимент как новая тенденция развития бюджетного права // Финансовое право. – 2020. – № 9. – С. 21–24.
6. Репьев А. Г., Сенякин И. Н. Экспертное значение экспериментальной нормы российского права // Юридическая техника. – 2022. – № 16. – С. 36–42.
7. Лазарев В. В. К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области государства и права // Правоведение. – 1966. – № 1. – С. 17–23.

8. *Никитинский В. И.* Значение эксперимента в нормотворческой деятельности // Советское государство и право. – 1967. – № 6. – С. 26–34.
9. *Артамонов А. Н., Кальченко А. И.* Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» как законодательный эксперимент или результат проявления правового нигилизма // Вестник РПА. – 2021. – № 4. – С. 12–16.
10. *Глазырин В. В., Захаров М. Л., Кашипов В. П., Клейн Н. И. и др.* Правовой эксперимент и совершенствование законодательства : монография / под ред. В. И. Никитинского, И. С. Самощенко. – Москва: Юридическая литература, 1988. – 304 с.
11. *Любутова А. Н.* Общественное мнение и советское правотворчество / XXVI съезд КПСС и проблемы теории государства и права / ред. кол.: А. М. Васильев (отв. ред.) и др. – Москва: ИГПАН, 1982. – С. 189–192.
12. *Штофф В. А.* Моделирование и философия. – Москва: Наука, 1966. – 302 с.
13. *Копнин П. В.* Эксперимент и его роль в познании // Вопросы философии. – 1955. – № 4. – С. 29–40.
14. *Авдеенко Н. И.* Механизм и пределы регулирующего воздействия гражданско-процессуального права. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1969. – 72 с.
15. *Журавлева О. О.* Принцип баланса частных и публичных интересов и экспериментальное регулирование в налоговой сфере // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 89–101.

References

1. *Gromova Ye. A.* Eksperimental'nyye rezhimy sozdaniya tsifrovyykh innovatsiy i problemy obespecheniya dobrosovestnoy konkurentsii // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2022. – Т. 26. – № 10. – С. 41–51.
2. *Davydova M. L., Makarov V. O.* Pravovyye statusy sub»yektov eksperimental'nogo pravovogo rezhima / Sub»yekt prava: stabil'nost' i dinamika pravovogo statusa v usloviyakh tsifrovizatsii : sbornik nauchnykh trudov / pod obshch. red. D. A. Pashentseva, M. V. Zaloilo. – Moskva: Infotropik Media, 2022. – С. 202–210.
3. *Degtyarev M. V.* Eksperiment v kontinuueme normotvorchestva v gosudarstvennom upravlenii // Administrativnoye pravo i protsess. – 2021. – № 9. – С. 27–30.
4. *Pashentsev D. A.* Pravovoy eksperiment v pravotvorcheskom protsesse v usloviyakh tsifrovizatsii // Chernyye dyry v Rossiyskom zakonodatel'stve. – 2021. – № 1. – С. 34–36.
5. *Povetkina N. A.* Pravovoy eksperiment kak novaya tendentsiya razvitiya byudzhetnogo prava // Finansovoye pravo. – 2020. – № 9. – С. 21–24.
6. *Rep'yev A. G., Senyakin I. N.* Ekspertnoye znachenie eksperimental'noy normy rossiyskogo prava // Yuridicheskaya tekhnika. – 2022. – № 16. – С. 36–42.
7. *Lazarev V. V.* K voprosu o ponyatii i predelakh eksperimenta v oblasti gosudarstva i prava // Pravovedeniye. – 1966. – № 1. – С. 17–23.
8. *Nikitinskiy V. I.* Znachenie eksperimenta v normotvorcheskoy deyatel'nosti // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1967. – № 6. – С. 26–34.
9. *Artamonov A. N., Kal'chenko A. I.* Federal'nyy zakon «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniya v Rossiyskoy Federatsii» kak zakonodatel'nyy eksperiment ili rezul'tat proyavleniya pravovogo nigilizma // Vestnik RPA. – 2021. – № 4. – С. 12–16.
10. *Glazyrin V. V., Zakharov M. L., Kashepov V. P., Kleyn N. I. i dr.* Pravovoy eksperiment i sovershenstvovaniye zakonodatel'stva : monografiya / pod red. V. I. Nikitinskogo, I. S. Samoshchenko. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1988. – 304 s.
11. *Lyubutova A. N.* Obshchestvennoye mneniye i sovetskoye pravotvorchestvo / XXVI s»yezd KPSS i problemy teorii gosudarstva i prava / red. kol.: A. M. Vasil'yev (otv. red.) i dr. – Moskva: IG PAN, 1982. – С. 189–192.
12. *Shtoff V. A.* Modelirovaniye i filosofiya. – Moskva: Nauka, 1966. – 302 s.
13. *Kopnin P. V.* Eksperiment i yego rol' v poznanii // Voprosy filosofii. – 1955. – № 4. – С. 29–40.
14. *Avdeyenko N. I.* Mekhanizm i predely reguliruyushchego vozdeystviya grazhdansko-protsessual'nogo prava. – Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1969. – 72 s.
15. *Zhuravleva O. O.* Printsip balansa chastnykh i publichnykh interesov i eksperimental'noye regulirovaniye v nalogovoy sfere // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2018. – № 8. – С. 89–101.

Статья поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 13.01.2023.

The article was submitted September 8, 2022; approved after reviewing December 19, 2022; accepted for publication January 13, 2023.

Уголовно-правовые науки

Научная статья

УДК 343.27

doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-53-60

Екатерина Николаевна Бархатова

кандидат юридических наук, доцент

[https:// orcid.org/0000-0002-0381-5462](https://orcid.org/0000-0002-0381-5462), solncevelvet@rambler.ru

Восточно-Сибирский институт МВД России

Российская Федерация, 664074, Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110

Иные меры уголовно-правового характера: отражение в современной уголовной политике

Аннотация: *Введение.* Иные меры уголовно-правового характера на современном этапе фактически выступают вспомогательными средствами по отношению к основной форме реализации уголовной ответственности – наказанию. Между тем такой подход не обоснован и требует пересмотра. В законодательной перестройке нуждается не только система уголовно-правового воздействия, но и отдельные его формы, которые либо морально устарели, либо стали неэффективными в новых условиях развития общества. Цель исследования: формирование базовых предложений по совершенствованию законодательной регламентации форм уголовно-правового воздействия в целом и иных мер уголовно-правового характера в частности.

Методы исследования: общенаучные методы и приёмы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, сравнение) и частнонаучный формально-юридический метод.

Результаты: исследование иных мер уголовно-правового характера в общей системе уголовно-правового воздействия создало основу для дальнейшего изучения проблемных аспектов данного института. Среди основных результатов исследования необходимо назвать предложения по отражению основополагающих положений об уголовно-правовом воздействии и его формах в уголовном законе; переработке системы Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации относительно регламентации иных мер уголовно-правового характера с позиций новых положений об уголовно-правовом воздействии; урегулированию частных вопросов, касающихся иных мер уголовно-правового характера с целью повышения эффективности уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших преступления.

Ключевые слова: воспитательное воздействие, конфискация имущества, судебный штраф, уголовная ответственность, уголовная политика

Для цитирования: Бархатова Е. Н. Иные меры уголовно-правового характера: отражение в современной уголовной политике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 53–60; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-53-60.

Ekaterina N. Barkhatova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

[https:// orcid.org/0000-0002-0381-5462](https://orcid.org/0000-0002-0381-5462), solncevelvet@rambler.ru

The East-Siberian Institute of the MIA of Russia

110, Lermontova str., Irkutsk, 664074, Russian Federation

Other criminal legal measures: reflection in modern criminal policy

Abstract: Introduction: Other measures of criminal-legal nature at the present stage act as auxiliary means in relation to the main form of implementation of criminal responsibility - punishment. However, this approach is not justified and should be reconsidered. Not only the system of criminal-legal influence, but also some of its forms that have either become outdated or ineffective in the new conditions of society development, need legislative revision.

The purpose of the study is to formulate basic proposals for improving the legislative regulation of forms of criminal legal influence in general and other measures of criminal legal nature in particular.

The research methods are general scientific methods and methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction, generalisation, comparison) and the special scientific formal-legal method.

The results: the study of other measures of criminal legal nature in the general system of criminal legal influence provided a basis for further study of the problematic aspects of this institution. The main results of the study include proposals for: reflection of the fundamental provisions on criminal legal influence and its forms in the criminal law; revision of the system of the General Part of the Criminal Code of the Russian Federation regarding the regulation of other measures of criminal legal nature from the viewpoint of new provisions on criminal legal influence; regulation of specific issues concerning other measures of criminal legal nature in order to increase the effectiveness of criminal legal influence on persons who committed crimes.

Keywords: educational influence, confiscation of property, judicial fine, criminal responsibility, criminal policy

For citation: Barkhatova E. N. Other criminal legal measures: reflection in modern criminal policy // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 53–60; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-53-60.

Введение

Иные меры уголовно-правового характера – неотъемлемая часть уголовно-правового воздействия. Предусматривая подобные меры в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ), законодатель подчёркивает доброжелательное отношение государства к своим гражданам, заботу о них. Значение иных мер уголовно-правового характера с точки зрения эффективности предупреждения преступлений в теории уголовного права трудно переоценить. Вместе с тем при практическом применении отдельные положения закона самостоятельно или во взаимосвязи с другими нормами демонстрируют свою несостоятельность.

Вопросы регламентации и реализации отдельных мер уголовно-правового характера рассматривались в работах Л. М. Прокументова, Е. В. Роговой, К. Н. Карпова. Частично, в рамках исследований о формах уголовно-правового воздействия и уголовной ответственности, указанные вопросы нашли отражение в работах М. В. Бавсуна, В. М. Степашина, М. Ю. Дворецкого, Ю. Е. Пудовочкина.

К настоящему моменту назрела необходимость переработки положений уголовного закона об иных мерах уголовно-правового характера. Целью данного исследования являются конкретные предложения по совершенствованию

законодательного регулирования. Для достижения указанной цели необходимо детально разобрать структуру института иных мер уголовно-правового характера и определить их место в системе уголовно-правового воздействия; проанализировать эффективность отдельных мер и скорректировать нормы о них на основе результатов анализа.

Описание исследования (методы, материалы, результаты)

Сегодня раздел VI УК РФ включает три вида иных мер уголовно-правового характера: принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества и судебный штраф. Судебный штраф нашёл отражение в данном разделе по причине закрепления его в качестве основания освобождения от уголовной ответственности. Такая необходимость возникла ввиду исполнения такого штрафа постфактум, в то время как нормы о других видах освобождения от уголовной ответственности предусматривают предварительное выполнение ряда условий до принятия решения об освобождении. Интересно, что при таком подходе принудительные меры воспитательного воздействия остались за рамками исследуемого раздела. Отчасти логика законодателя понятна: предпринята попытка объединить в одной главе все формы воздей-

Сведения о несовершеннолетних, к которым применены принудительные меры воспитательного воздействия, и несовершеннолетних, совершивших преступление после применения принудительных мер воспитательного воздействия

Отчётный период	Число несовершеннолетних, освобождённых от уголовной ответственности с применением ПМБВ	Число несовершеннолетних, совершивших преступления, к которым ранее применялись ПМБВ
2021 год	532	378
2020 год	564	420
2019 год	705	436
2018 год	443	658
2017 год	480	506

ствия на несовершеннолетних. Между тем представляется логически и технически верным, обозначив существование принудительных мер воспитательного воздействия в разделе V, раскрыть их суть и порядок применения в разделе VI УК РФ.

Встаёт вопрос о статусе такой меры, как помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, представленной в ст. 92 УК РФ как вид освобождения от наказания. Законодатель не указал данную меру в перечне принудительных мер воспитательного воздействия, представленном в ст. 90 УК РФ. В таком случае было бы технически верным либо дополнить указанный перечень, либо изъять данную меру из раздела V, поместив её в главу 12 в статье 83¹ «Освобождение несовершеннолетнего от наказания с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа». Это предложение поддерживает Л. М. Прокументов: «Действующий УК РФ предусматривает два вида принудительных мер воспитательного воздействия: применяемые при освобождении от уголовной ответственности и наказания и применяемые только при освобождении от уголовного наказания» [1, с. 12]. Указанной позиции придерживаются также М. А. Сутурин и В. А. Терентьева [2, с. 42], О. П. Грибунов и И. П. Попова [3, с. 194], С. А. Корягина [4, с. 83]. На необходимость включения помещения несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа в число принудительных мер воспитательного воздействия указывает и Е. В. Рогова [5, с. 174].

Эффективность принудительных мер воспитательного воздействия можно увидеть из статистических данных. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2021 году к уголовной ответственности привлечены 14 863 несовершеннолетних, из которых к 378 ранее применялись принудительные меры воспитательного воздействия. При этом 532 подростка были освобождены от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Если проанализировать статистические данные за предыдущие годы (см. табл. 1), то можно про-

следить тенденцию к изменению соотношения числа несовершеннолетних, освобождённых от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, с числом таких лиц, совершивших преступления снова, т. е. после применения к ним соответствующих принудительных мер, в диапазоне от 62 до 100 %¹. Это значит, что большинство несовершеннолетних, освобождённых от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия, снова совершают преступление.

В этом аспекте вызывает неоднозначное отношение проект Федерального закона от 16 апреля 2021 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних, подозреваемых и обвиняемых, примирившихся с потерпевшим» в части установления необходимости прекращения уголовных дел о преступлениях частного-публичного обвинения в связи с примирением потерпевшего с несовершеннолетним обвиняемым, подозреваемым². Указание в пояснительной записке к законопроекту на преследуемую предлагаемыми изменениями цель формирования дружественного к ребёнку правосудия, по нашему мнению, не совпадает с избранным в проекте способом³. В данном случае формируется ско-

¹ Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] / Судебный департамент при ВС РФ: сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 26.10.2022).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, примирившихся с потерпевшим: проект Федерального закона [Электронный ресурс] // Сайт Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – URL: http://www.president-sovets.ru/docs/Project_FZ_16.04.2021.doc (дата обращения: 24.11.2022).

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для совершенствования порядка освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, примирившихся с потерпевшим» [Электронный ресурс] // Сайт Совета при Президенте Российской Федерации по

рее безразличное отношение, обуславливающее ощущение вседозволенности у подростка и возможность уйти от ответственности, не испытывая при этом раскаяния.

В уголовно-правовой науке и на практике назрела необходимость изменения как самих принудительных мер воспитательного воздействия, так и порядка их исполнения. Так, например, Е. В. Шишмарева говорит о необходимости тщательного выбора мер профилактики преступности несовершеннолетних и совершенствования организации деятельности правоохранительных органов в данном направлении [6, с. 57]. Т. А. Малыхина, анализируя преступность несовершеннолетних на региональном уровне за период с 2016 по 2020 гг., показывает тенденции роста числа повторных преступлений, в том числе по причине низкой эффективности принятых к подросткам мер [7, с. 67]. К. Н. Карпов отмечает противоречие принципу вины такой меры, как передача под надзор родителей [8, с. 15]. Отмечается факт слабого использования судами потенциала принудительных мер воспитательного воздействия [9, с. 63]. Это утверждение подтверждается позицией Е. В. Роговой, обращающей внимание на редкое применение судами к несовершеннолетним такой меры, как помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа⁴.

На наш взгляд, такие изменения могли бы быть выражены в том, чтобы официально придать такой мере, как помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, юридическое статуса принудительной меры воспитательного воздействия, включив её в соответствующий перечень. Несмотря на мнение о том, что между данной мерой и остальными, предусмотренными в ст. 90 УК РФ, имеются существенные различия в юридических последствиях, основаниях, условиях применения и даже целях, что препятствует их объединению в рамках одного института [5, с. 173], возражим, что суть данных мер одинакова – уменьшение уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних, демонстрация дружелюбия государства. Полагаем, включение такой меры, как помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа, в перечень принудительных мер воспитательного воздействия в большей степени отвечало бы правилам юридической техники и смыслу существования таких мер в законе.

Предусмотренные же ч. 2 ст. 90 УК РФ меры, на наш взгляд, небыстречны. При невысокой степени эффективности предупреждения как меры воспитательного воздействия, полагаем, его существование в законе оправданно, однако, по нашему мнению, применять его следует только к лицам, совершившим преступление неболь-

шой или средней тяжести фактически впервые по неосторожности, причём неосторожность должна быть выражена в форме преступной небрежности, предполагающей лишь невнимательность ребёнка, но не предвидение наступления общественно опасных последствий.

Не вызывает вопросов и ограничение досуга. Мера, на наш взгляд, достаточно эффективная и соответствующая всем аспектам уголовно-правового воздействия.

Относительно возложения обязанности загладить причинённый вред также возражений нет, но лишь при условии, что у подростка имеется официальный источник дохода и расходы понесёт сам несовершеннолетний, а не другие лица (родители или законные представители).

Полностью согласимся с К. Н. Карповым по поводу противоречия принципу вины такой меры, как передача под надзор родителей [8, с. 15]. Более того, содержание данной меры заставляет усомниться в её эффективности: ведь если родители не смогли предотвратить преступление, следовательно, они не справились с задачей воспитания. В данном случае законодатель скорее предоставляет родителям «вторую попытку», шанс исправиться и заняться качественным воспитанием ребёнка. Считаем возможным и целесообразным заменить данную меру на такую, как оказание общественного воздействия, предполагающую направление несовершеннолетнего на некоторый срок в какую-либо общественную организацию (например, волонтерскую, занимающуюся помощью пожилым людям), где под присмотром наиболее ответственных членов этой организации несовершеннолетний вовлекался бы в её работу, используя при этом свои навыки и умения (например, несовершеннолетний, обладающий навыками рисования и дизайна, использовал бы их при оформлении помещений, нанесении муралов, декорировании костюмов и т. п.). В данном случае важно выяснить, чем увлекается несовершеннолетний и в какой общественно полезной деятельности он может быть задействован, исходя из его увлечений. От наказания в виде обязательных работ данный вид уголовно-правового воздействия отличается тем, что воздействие на несовершеннолетнего осуществляется не через труд, а через заинтересованность, через хобби, которым он может заниматься в общественно полезных целях. Срок, который определяется судом, в данном случае, на наш взгляд, не должен иметь нижнего и верхнего предела и может выражаться не в количественном измерении (часах, днях, месяцах), а быть привязанным к какому-либо конкретному периоду (на период подготовки проекта, конкурса и т. п.).

Ряд исследователей поднимают справедливый вопрос о том, что применение принудительных мер воспитательного воздействия, а также судебного штрафа после освобождения лица от уголовной ответственности противоречит смыслу закона: официально указывая на то, что преступник прощён, государство ставит ему условия и устанавливает обязанности [9, с. 62].

развитию гражданского общества и правам человека. – URL: http://www.president-sovet.ru/docs/Poyasnitelnaya_zapiska_16.04.2021.doc (дата обращения: 24.11.2022).

⁴ Рогова Е. В. Меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним: учебное пособие. – Иркутск: ВСИ МВД России, 2017. – С. 18.

Вместе с тем следует отметить, что в данном случае нужно ставить вопрос шире: о соотношении понятий «уголовная ответственность» и «уголовно-правовое воздействие». Справедливо в этом отношении утверждение М. В. Бавсуна о том, что целями уголовно-правового воздействия являются подавление наиболее опасных форм поведения, установление контроля над преступностью, обеспечение безопасности общества. Однако выделение указанных целей не исключает необходимости формулировать собственные цели для каждой группы такого воздействия (т. е. форм реализации уголовной ответственности в том числе) [10, с. 14]. Уголовно-правовое воздействие на человека призвано прежде всего оградить общество от преступности, используя при этом инструменты закона как в рамках реализации уголовной ответственности по наступившему факту, так и вне этих рамок, путём применения иных мер уголовно-правового характера (к которым мы относим также принудительные меры воспитательного воздействия). В этой связи следует также согласиться с Ю. Е. Пудовочкиным, отмечающим, что меры, применяемые к лицам, совершившим преступления, по сути своей являются последствиями совершения преступления, однако, наряду с ними существуют и предупредительные меры, которые, выступая формой воздействия, не относятся к последствиям совершения преступления. Меры уголовно-правового воздействия разделены Ю. Е. Пудовочкиным на меры-последствия и меры-предупреждения. Автор также отмечает, что ни те, ни другие не являются собственно уголовно-правовыми последствиями совершения преступления⁵. Изложенное мнение позволяет подтвердить позицию о возможности применения к лицу вне рамок уголовной ответственности отдельных мер, предусмотренных уголовным законом.

Следует отметить, что вопрос об уголовной ответственности и наказании в советский и постсоветский период решался сложно. Влияние на выработку правовых рычагов оказывали идеологические стереотипы и утопические проекты. Наказание и иные меры принуждения воспринимались прежде всего как репрессия. Предпочтение отдавалось изоляции от общества и физическому уничтожению [12, с. 185].

Позиция о возможности уголовно-правовой репрессии вне рамок уголовной ответственности подвергается критике [13, с. 123]. Согласимся с этим мнением в части распространения действия закона на лиц, невиновных в совершении преступления, либо введения мер, не соответствующих принципам уголовного права, однако в целом вопрос о возможности уголовно-правового воздействия вне рамок уголовной ответственности может быть решён положительно. Такое воздействие должно носить не ка-

рательный, не репрессивный, а предупредительный характер. Согласимся также, что с такой точки зрения на уголовно-правовое воздействие из числа мер, его составляющих, должен быть исключён судебный штраф как мера, нарушающая принцип равенства всех перед законом.

Примечательно в этой связи указание на высокую возможность коррупционного использования судебного штрафа, излишне частое применение судебных штрафов в делах с публичным интересом⁶.

В ряде случаев судами допускаются ошибки при принятии решений об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, обусловленные упущением ряда обстоятельств, подлежащих оценке (таких, например, как способ возмещения ущерба потерпевшему)⁷.

Не в полной мере соответствует принципу равенства и такой вид освобождения от уголовной ответственности, как возмещение ущерба. В целом сама по себе данная мера позволяет решить вопросы необходимого уголовно-правового воздействия в той части, в которой требует наряду с возмещением ущерба взыскать с нарушителя дополнительную штрафную сумму. Положение же ч. 1 ст. 761 УК РФ о возмещении в федеральный бюджет только суммы неуплаченных налогов (по налоговым преступлениям) умаляет предупредительный характер уголовного закона. Возможно, такое решение законодателя обусловлено тем, что лицу, совершившему налоговое преступление, для освобождения от уголовной ответственности понадобится не только возместить в бюджет неуплаченную сумму налогов, но и заплатить пени, предусмотренные Налоговым кодексом Российской Федерации. Вместе с тем уплата пеней – мера гражданско-правовая. Дополнение её уголовно-правовыми средствами, на наш взгляд, не приведёт к усилению репрессии, а выступит в качестве уравнивающего фактора, устраняющего в том числе и несоответствие данного положения принципу равенства всех перед законом.

Интересна позиция К. Н. Карпова об отнесении к иным мерам уголовно-правового характера фактически всех (за исключением наказания) форм уголовно-правового воздействия [8, с. 18]. Мы разделяем данную позицию с тем только уточнением, что считаем правильным в таком случае объединить эти меры в блок «иные меры уголовно-правового воздействия». Именно воздействия, а не характера, поскольку они являются не косвенными, не обеспечивающими функционирование какого-либо «основ-

⁵ Пудовочкин Ю. Е. Понятие и система уголовно-правовых последствий совершения преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 128.

⁶ Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс] // Официальный сайт. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/new?item=57130754> (дата обращения: 03.03.2023).

⁷ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) [Электронный ресурс]. – URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329089 (дата обращения: 03.03.2023).

ного» блока мер, а способами воздействия на лицо, совершившее преступление, и должны стоять в одном ряду с наказанием, а не быть дополнением к нему. Вместе все формы уголовно-правового воздействия должны образовывать набор инструментов, находящихся в распоряжении правоприменителя и комбинируемых в зависимости от ситуации.

Кроме того, на наш взгляд, более правильным было бы предложить в уголовном законе определение уголовно-правового воздействия с указанием его целей и перечень его форм, что исключило бы споры о возможных пределах действия уголовного закона (например, в части возложения каких-либо обязанностей на лиц, освобождаемых от уголовной ответственности, являющихся условием такого освобождения) [14, с. 260]. Необходимо помнить о том, что воздействие на лицо, совершившее преступление, не должно ограничиваться рамками уголовной ответственности. Прощая своего гражданина за ошибку, государство и общество не должны при этом отказываться от его воспитания. В этом, на наш взгляд, и заключается экономия средств уголовной репрессии – в предупреждении новых преступлений через воспитание, в том числе и некарательными способами уголовно-правового воздействия.

Подтверждение своей позиции мы находим в работах М. В. Бавсуна, считающего, что единый механизм уголовно-правового воздействия должен быть описан в самостоятельном разделе УК РФ, а перечень средств такого воздействия должен дополняться такими, действие которых направлено прежде всего на предупреждение преступлений, а также что уголовно-правовые меры, не являющиеся наказанием, вовсе не приобретают в связи с этим характер второстепенных [10, с. 45; 15, с. 70].

Необходимость определения концептуальных понятий в уголовном законе нашла отражение и в работах М. Ю. Дворецкого (в части закрепления определения уголовной ответственности, её целей и форм) [16, с. 72].

Так, конфискация имущества как одна из форм реализации иных мер уголовно-правового воздействия до сих пор подвергается критике. И. И. Голубов, А. П. Кузнецов выступают за исключение конфискации из системы наказаний. Их оппоненты С. Ф. Милюков, А. В. Степанищев предлагают вернуться к прежней системе наказаний, где конфискация имущества присутствовала [17, с. 433].

В целом относительно иных мер уголовно-правового характера следует отметить, что некоторые исследователи относят их к своего рода «специальному наказанию» [18, с. 54]. Другие поддерживают официальную позицию о специфической природе данных мер [19, с. 55].

Описанные в настоящей статье положения лишь задают вектор возможного развития уголовного права и совершенствования уголовного закона. Остались неразрешёнными вопросы структуры уголовного закона при условии возникновения самостоятельного раздела, посвя-

щённого уголовно-правовому воздействию как юридической категории. Требуется кардинального пересмотра и подход к законодательной регламентации механизма реализации видов уголовно-правового воздействия, не относящихся к наказанию. Полагаем, в рамках одной статьи подобные вопросы не могут и не должны быть разрешены, а потому предлагаем промежуточные результаты исследования.

Заключение

В результате анализа законодательного регулирования и сущности иных мер уголовно-правового характера нами были затронуты глобальные вопросы уголовно-правовой концепции. Согласно нашему мнению, уголовно-правовое воздействие требует отражения в уголовном законе в следующем ключе:

1) определение понятия «уголовно-правовое воздействие» (авторское определение предложено в более ранних работах⁸);

2) закрепление форм уголовно-правового воздействия (виды форм представлены в иных публикациях автора⁹) и формирование у правоприменителя чёткого представления о том, что все данные формы являются равнозначными по своему юридическому статусу. Наказание не выступает в качестве приоритетной формы уголовно-правового воздействия;

3) изменение названия раздела VI на «Иные меры уголовно-правового воздействия» с изменением его содержания, которое должно включать описание содержания всех форм уголовно-правового воздействия;

4) совершенствование видов освобождения от уголовной ответственности за счёт приведения их в соответствие с принципом равенства граждан перед законом (исключение судебного штрафа, изменение условий освобождения в связи с возмещением ущерба по налоговым преступлениям);

5) совершенствование законодательного регулирования принудительных мер воспитательного воздействия путём:

5.1) исключения из их числа такой меры, как передача под надзор родителей и дополнение данного блока мерой под названием «оказание общественного воздействия», суть которой изложена выше, и мерой «помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа», не являющейся таковой в настоящее время;

5.2) установления в законе дополнительных условий, описанных выше, при которых могут применяться такие меры, как предупреждение и возложение обязанности загладить причинённый вред;

6) комплексный подход к пересмотру уголовно-исполнительной политики государства как воплощающей в жизнь различные формы уголовно-правового воздействия, а не только наказание.

⁸ Пудовочкин Ю. Е. Указ. соч. – С. 260.

⁹ Там же. – С. 261.

Список литературы

1. Прокументов Л. М. Об основаниях специальных видов освобождения от наказания несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2020. – № 1. – С. 12–14.
2. Прокументов Л. М., Сутурин М. А., Терентьева В. А. Особенности уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних: история и перспективы развития // Сибирский юридический вестник. – 2016. – № 4. – С. 40–45.
3. Грибунов О. П., Попова И. П. Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних: проблемы уголовно-процессуальной формы // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 192–198.
4. Корягина С. А. Актуальные проблемы назначения принудительных мер воспитательного воздействия // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 1. – С. 82–88.
5. Рогова Е. В. Освобождение несовершеннолетних от уголовной ответственности и от наказания / Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : сборник материалов XXII Международной научно-практической конференции. – Ч. 1. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2019. – С. 172–174.
6. Шишмарева Е. В. Некоторые аспекты противодействия преступности несовершеннолетних // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 4. – С. 55–60.
7. Малыхина Т. А. Актуальные проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних в Иркутской области // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 2. – С. 62–71.
8. Карнов К. Н. Иные меры уголовно-правового характера: система, виды : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2012. – 205 с.
9. Карнов К. Н., Николаев К. Д., Фисенко Д. Ю. Практика применения принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних // Законодательство и практика. – 2016. – № 2. – С. 62–67.
10. Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография. – Омск: Омская академия МВД России, 2014. – 248 с.
11. Баумштейн А. Б. Иные меры уголовно-правового характера в современном уголовном праве: понятие и содержание // Закон и право. – 2018. – № 8 [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inye-meru-ugolovno-pravovogo-haraktera-v-sovremennom-ugolovnom-prave-ponyatie-i-soderzhanie> (дата обращения: 24.11.2022).
12. Колошинская Н. В. Эволюция теоретико-правовых взглядов на уголовное наказание в России // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2007. – Вып. 1. – С. 180–198.
13. Степашин В. М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 122–128.
14. Бархатова Е. Н. Уголовно-правовое воздействие: особенности, формы, вопросы реализации // Пенитенциарная наука. – 2022. – № 3. – С. 254–262.
15. Бавсун М. В. Уголовная ответственность как юридическая фикция // Российское правосудие. – 2017. – № 5. – С. 68–78.
16. Дворецкий М. Ю. Эффективность реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. – 2016. – № 1. – С. 71–77.
17. Дворецкий М. Ю. Иные меры уголовно-правового характера в системе видов уголовной ответственности: оценка состояния и эффективности // Вестник Тамбовского университета: Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 11 (79). – С. 432–435.
18. Крастиньш У. Я. Иные меры уголовно-правового характера, как форма реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. – 2015. – № 2. – С. 51–55.
19. Келина С. Г. Наказание и иные меры уголовно-правового характера // Государство и право. – 2017. – № 6. – С. 51–58.

References

1. Prokumentov L. M. Ob osnovaniyakh spetsial'nykh vidov osvobozhdeniya ot nakazaniya nesovershennoletnikh // Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. – 2020. – № 1. – S. 12–14.
2. Prokumentov L. M., Suturin M. A., Terent'yeva V. A. Osobennosti ugolovno-pravovogo vozdeystviya v otnoshenii nesovershennoletnikh: istoriya i perspektivy razvitiya // Sibirskiy yuridicheskiy vestnik. – 2016. – № 4. – S. 40–45.
3. Gribunov O. P., Popova I. P. Proizvodstvo po ugolovnym delam v otnoshenii nesovershennoletnikh: problemy ugolovno-protsessual'noy formy // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 2. – S. 192–198.
4. Koryagina S. A. Aktual'nyye problemy naznacheniya prinuditel'nykh mer vospitatel'nogo vozdeystviya // Sibirskiy ugolovno-protsessual'nyye i kriminalisticheskiye chteniya. – 2017. – № 1. – S. 82–88.

5. Rogova Ye. V. Osvobozhdeniye nesovershennoletnikh ot ugovolnoy otvetstvennosti i ot nakazaniya / Aktual'nyye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki : sbornik materialov XXII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Ch. 1. – Krasnoyarsk: Sibirskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2019. – S. 172–174.
6. Shishmareva Ye. V. Nekotoryye aspekty protivodeystviya prestupnosti nesovershennoletnikh // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2014. – № 4. – S. 55–60.
7. Malykhina T. A. Aktual'nyye problemy preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnikh v Irkutskoy oblasti // Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2021. – № 2. – S. 62–71.
8. Karpov K. N. Inyye mery ugovolno-pravovogo kharaktera: sistema, vidy : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2012. – 205 s.
9. Karpov K. N., Nikolayev K. D., Fisenko D. Yu. Praktika primeneniya prinuditel'nykh mer vospitatel'nogo vozdeystviya v otnoshenii nesovershennoletnikh // Zakonodatel'stvo i praktika. – 2016. – № 2. – S. 62–67.
10. Bavsun M. V. Ugovolno-pravovoye vozdeystviye: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii : monografiya. – Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2014. – 248 s.
11. Baumshteyn A. B. Inyye mery ugovolno-pravovogo kharaktera v sovremennom ugovolnom prave: ponyatiye i sodержaniye // Zakon i pravo. – 2018. – № 8 [Elektronnyy resurs] // Cyberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/inyye-mery-ugovolno-pravovogo-harakter-a-v-sovremennom-ugovolnom-prave-ponyatie-i-soderzhanie> (data obrashcheniya: 24.11.2023).
12. Koloshinskaya N. V. Evolyutsiya teoretiko-pravovykh vzglyadov na ugovolnoye nakazaniye v Rossii // Uchonyye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. – 2007. – Vyp. 1. – S. 180–198.
13. Stepashin V. M. Problema ugovolnoy repressii vne ugovolnoy otvetstvennosti // Pravoprimeneniye. – 2017. – № 1. – S. 122–128.
14. Barkhatova Ye. N. Ugovolno-pravovoye vozdeystviye: osobennosti, formy, voprosy realizatsii // Penitentsiarnaya nauka. – 2022. – № 3. – S. 254–262.
15. Bavsun M. V. Ugovolnaya otvetstvennost' kak yuridicheskaya fiktsiya // Rossiyskoye pravosudiye. – 2017. – № 5. – S. 68–78.
16. Dvoret'skiy M. Yu. Effektivnost' realizatsii ugovolnoy otvetstvennosti // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskiye nauki i pravo. – 2016. – № 1. – S. 71–77.
17. Dvoret'skiy M. Yu. Inyye mery ugovolno-pravovogo kharaktera v sisteme vidov ugovolnoy otvetstvennosti: otsenka sostoyaniya i effektivnosti // Vestnik Tambovskogo universiteta: Seriya: Gumanitarnyye nauki. – 2009. – Vyp. 11 (79). – S. 432–435.
18. Krastin'sh U. Ya. Inyye mery ugovolno-pravovogo kharaktera, kak forma realizatsii ugovolnoy otvetstvennosti // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Politicheskiye nauki i pravo. – 2015. – № 2. – S. 51–55.
19. Kelina S. G. Nakazaniye i inyye mery ugovolno-pravovogo kharaktera // Gosudarstvo i pravo. – 2017. – № 6. – S. 51–58.

Статья поступила в редакцию 25.11.2022; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 17.03.2023.

The article was submitted November 25, 2022; approved after reviewing March 13, 2023; accepted for publication March 17, 2023.

Научная статья
УДК 340.13
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-61-65

Илья Александрович Белецкий
кандидат юридических наук
<https://orcid.org/0000-0002-8506-8455>, abinik@inbox.ru

*Омская академия МВД России
Российская Федерация, 644092, Омск, пр. Комарова, 7*

Общественная опасность преступления: о чем нужно писать в кандидатских диссертациях?

Аннотация: *Актуальность:* Уголовный кодекс дополняется новыми составами преступлений без учета обратной связи. Большинство уголовно-правовых исследований являются ретроспективными, учёные работают с нормативным материалом, пытаются догадаться, что же имел в виду законодатель, быстро принимая очередную новеллу УК РФ, обосновать такое нововведение «задним числом». Такой подход к содержанию научных исследований не только не способствует развитию науки уголовного права, но и в некотором смысле поощряет необдуманные законодательные решения. *Цель:* дать рекомендации по исследованию общественной опасности преступления в диссертациях на соискание ученой степени кандидата наук. *Задачи:* показать значимость кандидатской диссертации как элемента обратной связи при изменении уголовного закона, выявить отношение законодателя к классическому пониманию общественной опасности преступления. *Методология:* использованы системный и формально-логический методы исследования. *Результаты:* автор приходит к выводу, что диссертация на соискание ученой степени рассматривается в качестве элемента обратной связи, который должен содержать исследование общественной опасности деяния в указанных аспектах и может повысить качество принимаемых законов; доказывает, что общественная опасность деяния заслуженно занимает место в структуре объекта научного исследования, но только в том случае, когда достигается цель обоснования криминализации нового деяния, декриминализации старого, унификации или дифференциации ответственности; выдвигает гипотезу о том, что законодатель рассматривает общественную опасность не как объективное свойство деяния, как в «классическом подходе», а скорее в качестве предположения, которое зачастую свидетельствует не о возможности причинить деянием вред общественным отношениям, а о значимости охраняемых отношений, которые затрагиваются деянием.

Ключевые слова: преступление, общественная опасность, криминализация, декриминализация, дифференциация ответственности, методология исследования

Для цитирования: Белецкий И. А. Общественная опасность преступления: о чем нужно писать в кандидатских диссертациях? // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 61–65; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-61-65.

Ilya A. Beletsky
Cand. Sci (Jurid.)
<https://orcid.org/0000-0002-8506-8455>, abinik@inbox.ru

*Omsk Academy of the MIA of Russia
7, Komarova str., Omsk, 644092, Russian Federation*

Social danger of crime: what to research in PhD thesis?

Abstract: *Relevance:* The Criminal Code is supplemented with new elements of crime without taking feedback into account. Most criminal law researches are retrospective. Scientists work with normative material trying to guess what the legislator kept in mind while accepting another “novel” of the Criminal Code of the Russian Federation and justifying it by ex post facto. Such an approach to the content of scientific research does not contribute to the development of the science of criminal law, but in a sense encourages hasty legislative decisions. *Purpose:* to give PhD candidates recommendations on the research of social danger of crime. *Objectives:* to reveal the significance of the thesis as an element of feedback when changing

the criminal law, to identify the attitude of the legislator to the classical understanding of social danger of crime. *Methodology*: systematic and formal-logical research methods were used. *Results*: the author comes to the conclusion that the PhD thesis is considered as an element of feedback, which should contain a study of social danger of the act in these aspects and can improve the quality of the adopted laws; proves that social danger of crime deservedly occupies a place in the structure of the object of scientific research, but only when it is achieved the purpose of substantiating the criminalization of a new act, decriminalization of an old one, unification or differentiation of responsibility; puts forward the hypothesis that the legislator considers social danger not as an objective element of the act, as in the “classical approach”, but rather as an assumption, which does not often indicate the possibility of harming public relations by the act, but points out the significance of protected relations being affected by the act.

Keywords: crime, social danger, criminalization, decriminalization, differentiation of responsibility, research methodology

For citation: Beletsky I. A. Social danger of crime: what to research in PhD thesis? // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 61–65; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-61-65.

1. В последние годы Уголовный кодекс Российской Федерации меняется стремительно. Как правило, изменения происходят молниеносно, а в тех случаях, когда научная общественность знает о готовящихся очередных, зачастую ненужных изменениях – ничего поделать с ними не может. В этом смысле, безусловно, ценным является замечание А. Г. Карапетова, что профессиональное юридическое сообщество должно работать не с тем, что уже принято законодателем, а с тем, что законодатель может принять. «Если юристы не занимаются правовой политикой, это значит, что они принципиально отказываются участвовать в развитии позитивного права на рациональных началах, смиряясь и работая с тем позитивно-правовым материалом, которым их обрадуют официальные правотворцы. Нас такой подход категорически не устраивает. Именно юристы, т. е. те, чья профессия целиком и исключительно посвящена праву, должны быть в центре всех дискуссий о путях правовой реформы, именно они должны разрабатывать вопросы политики права, активно взаимодействуя с представителями других наук и областей знания» [1, с. 16]. Отличное высказывание, которое, к сожалению, зачастую является лишь лозунгом для уголовно-правовой науки.

Из сказанного можно сделать вывод, что, большинство уголовно-правовых исследований являются ретроспективными, учёные работают с нормативным материалом, пытаются догадаться, что же имел в виду законодатель. Сделать это весьма непросто, и не только по причине невысокого качества законопроектов, которые готовятся кулуарно, но и по причине того, что пояснительные записки к таким проектам – образец лаконичности. Справедливо сказать, что правоприменитель вынужден истолковывать закон, а не понимать его. Впору вообще поставить вопрос – не нарушается ли принцип правовой определённости уже в момент принятия закона?

О ретроспективном исследовании принятых уголовно-правовых норм свидетель-

ствует и содержание большинства кандидатских диссертаций по уголовному праву. Почти традицией стало включение в структуру исследования параграфа, который посвящён характеристике общественной опасности того или иного деяния – центрального вопроса в учении о преступлении [2, с. 66]. В качестве выводов соискатели, будущие кандидаты юридических наук, отражают какие-то особенности или факторы, обуславливающие и обосновывающие место уголовно-правового запрета в Уголовном кодексе Российской Федерации. Молодым учёным приходится не просто «работать» с этим материалом, а как бы обосновывать его «задним числом».

При классическом, назовём его так, подходе общественная опасность, то есть возможность деяния причинить ощутимый вред общественным отношениям или создать угрозу такого причинения – это точка отсчёта в криминализации деяния. С её (общественной опасности) установления должно начинаться обсуждение вопроса о возможности криминализации деяния [3,4,5]. Точнее, можно считать, что целью ревизии общественной опасности деяния является установление возможности инициировать законотворческий процесс: криминализовать новое, декриминализовать старое, унифицировать нормы, предложить дифференциацию ответственности. Представляется, что именно названные формы законотворчества характерны для охранительных правовых норм.

Следует особо отметить, что ставить вопрос о декриминализации деяния в рамках диссертации возможно только в том случае, когда объектом исследования выступает несколько норм, охраняющих группу общественных отношений.

Диссертация на соискание учёной степени кандидата наук должна быть научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно обоснованные

решения, имеющие существенное значение для развития страны¹. Очевидно, что выявление критериев обоснованности уже существующего уголовно-правового запрета, не может считаться решением научной задачи или быть решением, имеющим существенное значение для развития страны, в отличие от предложений по криминализации, декриминализации, унификации или дифференциации ответственности. Чем более вероятно сообщение, тем меньше оно содержит информации [6, с. 34]. Дублирование информации приводит к тому, что, чем больше ты читаешь, тем меньше получаешь информации [7, с. 47]. Констатация в диссертации того, что уже криминализованное деяние обладает определёнными критериями общественной опасности, на наш взгляд, не добавляет новизны исследованию, не соответствует критерию фальсификации теории по Карлу Р. Попперу [8, с. 105; 9, с. 126].

Почему мы считаем, что исследование общественной опасности деяния в кандидатских диссертациях должно преследовать цели обоснования криминализации нового, декриминализации старого, унификации или дифференциации ответственности? Во-первых, как уже было отмечено, суть общественной опасности – материальный признак преступления. Без этого признака уголовно-правовой норме нет возможности попасть в Особенную часть УК РФ, а имеющаяся там норма, предусматривающая ответственность за неопасное деяние – подлежит исключению. Во-вторых, цель кандидатской диссертации – решить задачу или найти решение, имеющие значение для развития науки или страны. Очевидно, что выявление факторов, обусловивших, а не обуславливающих уголовно-правовой запрет – не способствует достижению цели исследования. Цель исследования – помочь законодателю принять верное решение о судьбе уголовно-правового запрета².

Другими словами, кандидатская диссертация³ должна выступать элементом обратной связи. Нельзя не согласиться с В. А. Болдыревым – для эффективного управления «машинной уголовно-правовой законотворчества» необходимо создавать элементы обратной связи в виде Советов по кодификации определённой отрасли законодательства (далее – Советов) [10, с. 10]. Для всех форм поведения необходимо иметь принимающие решения центральные органы, определяющие дальнейшую работу машины на основе поступающей в неё информации, которую эта машина накапливает [6, с. 46]. По-

мимо Советов, такими элементами могут быть правоприменительная практика [11, с. 27] и, как уже было заявлено, диссертации на соискание учёной степени. При этом последние, с одной стороны, должны выступать обобщением имеющихся знаний (теории и практики), с другой, что важнее, демонстрировать новое, то есть научное, знание.

Итак, «классический» подход к исследованию общественной опасности деяний обязывает учёного не просто установить возможность причинить преступлением вред общественным отношениям или создать угрозу причинения вреда, но преследовать при этом цель обоснования криминализации нового, декриминализации старого, унификации или дифференциации ответственности. Простая констатация общественной опасности или выявление её неких критериев уже криминализованного деяния не достигает целей диссертации и не создаёт нового знания.

2. Осмелимся предположить, что не всегда новые составы преступлений соответствуют классическому подходу к природе общественной опасности. Скорее, они – реакция государства на изменившуюся структуру общественных отношений, при этом нередко по инициативе самой власти. Право – это воля правящего класса, возведённая в закон [12]?

В качестве наглядного примера выступает спешное – меньше, чем за один месяц⁴ – введение уголовной ответственности за необоснованный отказ в приёме на работу лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста, а равно необоснованное увольнение с работы такого лица по тем же мотивам (ст. 144¹ УК РФ). Как верно отмечает Д. А. Корецкий, криминализованное на потребу дня (в преддверии так называемой «пенсионной реформы» – И. Б.) преступление, ответственность за которое предусмотрена указанной нормой, до сих пор ни разу не было зарегистрировано [13, с. 33]. Точно так же не зарегистрировано ни одного преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 124¹ УК РФ⁵. Эта статья была введена в связи с наличием прецедентов, вызывающих широкий общественный резонанс, возникающих при осуществлении медицинскими работниками своей деятельности по оказанию медицинской помощи больным либо иных действий, связанных и направленных на оказание им помощи⁶.

⁴ О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (об установлении уголовной ответственности за необоснованный отказ в приёме на работу или необоснованное увольнение лица по мотивам достижения им предпенсионного возраста) (законопроект) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/544570-7> (дата обращения: 10.09.2022).

⁵ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК [Электронный ресурс] // Судебная статистика РФ : сайт. – URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.09.2022).

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления ответственности за воспрепятствование законной деятель-

¹ О порядке присуждения ученых степеней : постановление Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 11 сентября 2021 г.) (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней») // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Речь, конечно, ведётся только об одной из областей исследования в рамках паспорта соответствующей специальности. Справедливости ради стоит отметить, что изменение номенклатуры научных специальностей не должно кардинально повлиять на содержание собственно уголовно-правовых исследований.

³ Докторская – тем более.

Ещё одним примером может служить ст. 207² УК РФ «Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия», которая ни разу не применялась с момента её введения. Норма была принята в условиях пика распространения коронавирусной инфекции меньше чем за одну неделю, и появилась лишь в редакции законопроекта ко второму чтению⁷. «Уголовный закон не должен дополняться спонтанно. Даже реакция на новые угрозы должна быть выверенной, соответствовать уголовно-правовой доктрине, учитывать опыт предыдущих законодательных решений» – справедливо обращает внимание на ошибочное описание в законе возможных последствий преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ [14, с. 70].

Примечательно, что все описанные выше составы преступлений были введены не после скрупулёзного анализа общественной опасности деяний, а в связи с происходящими в обществе значимыми событиями. Все это позволяет поставить вопрос о том, что общественная опасность – это не объективное свойство деяния, как в «классическом подходе», а скорее предположение, которое зачастую свидетельствует не о возможности причинить деянием вред общественным отношениям, а о значимости охраняемых отношений, которые затрагиваются деянием. Эти деяния – *malum prohibitum* (с лат. «противоправное деяние только на основании закона»), а не *malum in se* (с лат. «противоправное деяние само по себе»).

«Сегодня мы имеем упрощённую процедуру перехода от обычного регулирования к чрезвычайному и возможность полной временной неопределённости существования последнего. При этом необходимо констатировать тот факт, что реальное событие перестало быть определяющим. В некоторой мере можно утверждать, что оно вообще потеряло свою значимость. На первое место вышла лишь потенциальная возмож-

ность его возникновения либо даже выдвинутое предположение о том, что такое может случиться»⁸. Может быть, в некоторых случаях сама по себе криминализация является общественно опасным деянием?

Заслуживает внимания, по нашему мнению, вывод О. С. Гузеевой о том, что «достаточная для криминализации величина опасности деяния определяется обратной пропорциональной зависимостью вероятности наступления вреда от ценности объекта уголовно-правовой охраны: чем более значима конституционная ценность, тем меньшей будет выраженность угрозы, наличие которой даёт основание для признания посягательства преступным» [15, с. 102].

Такой «современный», назовём его так, подход к определению общественной опасности деяния, без сомнений, требует дополнительных исследований. В частности, необходимо установить, действительно ли только особая значимость общественных отношений в одномоментно складывающейся конъюнктуре – независимо от криминальной степени общественной опасности деяний, в том числе масштаба распространённости и динамики их роста, существенности причиняемого ими вреда, а также невозможности их преодоления с помощью иных правовых средств⁹ – позволяет охранять их уголовно-правовыми средствами?

3. Общественная опасность как объект (часть объекта) уголовно-правовых исследований, как правило, кандидатских диссертаций должна подвергаться ревизии с целью обоснования криминализации нового деяния, декриминализации старого, унификации или дифференциации ответственности. Констатация того, что криминализованное деяние обладает общественной опасностью, а равно выявление критериев его общественной опасности, не обладает научной новизной.

Представляется, что перспективным является исследование общественной опасности с позиции особой значимости охраняемых общественных отношений в одномоментно складывающейся конъюнктуре.

ности либо законным требованиям медицинских работников) (законопроект) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/184570-7> (дата обращения: 10.09.2022).

⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (об усилении ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических правил) (законопроект) [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/929651-7> (дата обращения: 10.09.2022).

⁸ Бавсун М. В. «Чрезвычайное» правовое регулирование как новая модель управления общественными отношениями // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 13.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2005 года № 7-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

Список литературы

1. Каранетов А. Г. Экономический анализ права. – Москва: Статут, 2016. – 528 с.
2. Гузеева О. С. Некоторые вопросы теории общественной опасности преступления // Российский журнал правовых исследований. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 66–73.
3. Прокументов Л. М. Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 4. – С. 18–24.
4. Марцев А. И. Общественная вредность и общественная опасность преступления // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4(237). – С. 148–155.

5. Устинова Т. Д. Общественная опасность и ее влияние (учёт) при конструировании норм Общей части УК РФ // Lex Russica. – 2015. – Т. 100. – № 3. – С. 63–72.
6. Винер Н. Кибернетика и общество. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1958. – 201 с.
7. Талев Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – Москва: КоЛибри, 2009. – 528 с.
8. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания : избранные труды / перевод с англ. В. Н. Садовского. – Москва: Прогресс, 1983. – 605 с.
9. Мартишина Н. И. О применении принципа фальсифицируемости в работе над диссертацией // Высшее образование в России. – 2013. – № 3. – С. 124–129.
10. Болдырев В. А. Обратная связь в регулировании правоотношений // Российское правосудие. – 2022. – № 6. – С. 5–11.
11. Абрамова А. И. Правоприменительная практика и её влияние на развитие законодательства // Журнал российского права. – 2015. – № 12 (228). – С. 18–27.
12. Александрова И. А. Уголовное право и политика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 60–65.
13. Корецкий Д. А. Уголовно-правовое законотворчество в условиях «новой нормальности» и современный конституционализм // Российская юстиция. – 2022. – № 5. – С. 30–34.
14. Борков В. Н. Распространение ложной информации не может быть причиной смерти человека (ст. 207² УК России) // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 7. – С. 70–75.
15. Гузеева О. С. Общественная опасность преступления: конституционно-правовой и уголовно-правовой анализ // Lex Russica. – 2021. – Т. 74. – № 3 (172). – С. 95–106.

References

1. Karapetov A. G. Ekonomicheskiy analiz prava. – Moskva: Statut, 2016. – 528 с.
2. Guzeyeva O. S. Nekotoryye voprosy teorii obshchestvennoy opasnosti prestupleniya // Rossiyskiy zhurnal pravovykh issledovaniy. – 2020. – Т. 7. – № 4. – С. 66–73.
3. Prozumetov L. M. Obshchestvennaya opasnost' kak osnovaniye kriminalizatsii (dekriminalizatsii) deyaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2009. – № 4. – С. 18–24.
4. Martsev A. I. Obshchestvennaya vrednost' i obshchestvennaya opasnost' prestupleniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye. – 2001. – № 4(237). – С. 148–155.
5. Ustinova T. D. Obshchestvennaya opasnost' i yeye vliyaniye (uchet) pri konstruirovani norm Obshchey chasti UK RF // Lex Russica. – 2015. – Т. 100. – № 3. – С. 63–72.
6. Viner N. Kibernetika i obshchestvo. – Moskva: Izdatel'stvo inostrannoy literatury, 1958. – 201 s.
7. Taleb N. N. Chernyy lebed'. Pod znakom nepredskazuyemosti. – Moskva: KoLibri, 2009. – 528 s.
8. Popper K. R. Logika i rost nauchnogo znaniya : izbrannyye trudy / perevod s angl. V. N. Sadovskogo. – Moskva: Progress, 1983. – 605 s.
9. Martishina N. I. O primenenii printsipa fal'sifitsiruyemosti v rabote nad dissertatsiyey // Vysheye obrazovaniye v Rossii. – 2013. – № 3. – С. 124–129.
10. Boldyrev V. A. Obratnaya svyaz' v regulirovani pravootnosheniy // Rossiyskoye pravosudiye. – 2022. – № 6. – С. 5–11.
11. Abramova A. I. Pravoprimeritel'naya praktika i yeye vliyaniye na razvitiye zakonodatel'stva // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2015. – № 12 (228). – С. 18–27.
12. Aleksandrova I. A. Ugolovnoye pravo i politika // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2014. – № 3 (27). – С. 60–65.
13. Koretskiy D. A. Ugolovno-pravovoye zakonotvorchestvo v usloviyakh «novoy normal'nosti» i sovremennyy konstitutsionalizm // Rossiyskaya yustitsiya. – 2022. – № 5. – С. 30–34.
14. Borkov V. N. Rasprostraneniye lozhnoy informatsii ne mozhet byt' prichinoy smerti cheloveka (st. 207² UK Rossii) // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2020. – № 7. – С. 70–75.
15. Guzeyeva O. S. Obshchestvennaya opasnost' prestupleniya: konstitutsionno-pravovoy i ugolovno-pravovoy analiz // Lex Russica. – 2021. – Т. 74. – № 3 (172). – С. 95–106.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 14.03.2023.

The article was submitted November 16, 2022; approved after reviewing December 19, 2022; accepted for publication March 14, 2023.

Научная статья
УДК 343.01
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-66-74

Елена Андреевна Зорина
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-4552-0256>, zorina_lena@mail.ru

*Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России
имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева
Российская Федерация, 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149*

Принцип неотвратимости уголовной ответственности и вопросы освобождения от неё

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности в институте освобождения от уголовной ответственности. Актуальность темы вызвана широкой практикой применения норм об освобождении от уголовной ответственности и, как следствие, продолжающейся уже не первый год в научных кругах полемикой о целесообразности закрепления вышеназванного принципа в уголовном законодательстве России. Цель работы заключается в исследовании соотношения принципа неотвратимости уголовной ответственности и института освобождения от неё, его реализации в указанном уголовно-правовом институте. Кроме того, с помощью логико-юридического, сравнительно-правового, структурного и статистического методов исследования в работе анализируются различные точки зрения учёных-правоведов на рассматриваемую проблему, обозначена взаимосвязь указанного принципа с некоторыми другими принципами уголовного права в данном уголовно-правовом институте. Автор приходит к выводу о том, что рассматриваемые институт уголовного права и принцип не противоречат друг другу, первый выступает продолжением последнего. Неотвратимость ответственности следует воспринимать именно через призму раскрытия преступления, что и позволяет гармонично сочетать исследуемый принцип и институт освобождения от уголовной ответственности в действующем уголовном законодательстве. В заключение в целях повышения эффективности действия уголовно-правовых норм об освобождении от уголовной ответственности в контексте её неотвратимости в статье вносятся авторские предложения по совершенствованию уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: уголовная ответственность, гуманизация законодательства, поощрительные методы, освобождение от ответственности, принцип неотвратимости

Для цитирования: Зорина Е. А. Принцип неотвратимости уголовной ответственности и вопросы освобождения от неё // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 66–74; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-66-74.

Elena A. Zorina
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-4552-0256>, zorina_lena@mail.ru

*St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia
named after the Hero of the Russian Federation, General of the Army E. N. Zinichev
149, Moskovsky pr., St. Petersburg, 196105, Russian Federation*

The principle of inevitability of criminal responsibility and issues of its exemption

Abstract: The article is devoted to the consideration of the implementation of the principle of the inevitability of criminal liability at the institute of exemption from criminal liability. The relevance of the topic is caused by the wide practice of applying norms on exemption from criminal liability and, as a result, the controversy that has been going on for several years in scientific area about the advisability of consolidating the above principle in the criminal legislation of Russia. The purpose of the work is to study the relationship between the principle of inevitability of criminal liability and the institution of its exemption, its implementation in the specified criminal law institute. In addition, using logical-legal, comparative-legal,

structural and statistical research methods, the study analyzes various points of view of legal scholars on the designated problem, indicates the relationship of this principle with some other principles of criminal law in this criminal law institute. The author concludes that the criminal law institute under consideration and the above principle do not contradict each other, the former principle being a continuation of the latter. The inevitability of responsibility should be taken precisely through the prism of solving a crime, which allows to combine harmoniously the principle under the study and the institution of exemption from criminal liability in the current criminal law. In order to improve the effectiveness of the exemption of criminal liability from criminal law norms in the context of its inevitability, the article gives the author's proposals for improving criminal law norms.

Keywords: criminal liability, humanization of legislation, incentive methods, exemption from liability, principle of inevitability.

For citation: Zorina E. A. The principle of inevitability of criminal responsibility and issues of its exemption // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 66–74; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-66-74.

Уголовное право любого государства традиционно зиждется на определённой сумме ключевых идей, принципиальных положений, основным предназначением которых является обеспечение гарантированного корректного и единообразного применения норм рассматриваемой отрасли права. Не вдаваясь в исследование содержания закреплённых в уголовном законодательстве и не раз раскрытых в работах учёных принципов уголовного права, а также тех, которые безусловно подразумеваются и вытекают из буквы закона (например, принцип неотвратимости уголовной ответственности), и не подвергая сомнению их колоссальное значение для стабильности, устойчи-

вости уголовного права, отметим лишь то, что, любой уголовно-правовой институт должен отвечать действующей системе принципов.

Известно, что арсенал методов уголовного права, несмотря на свою, как видится в первом приближении, основную карательную составляющую, все-таки имеет помимо названной и поощрительные методы, находящие выражение, например, как раз в таком достаточно «популярном» сегодня институте, как освобождение от уголовной ответственности.

Практика применения норм указанного института достаточно велика, что можно видеть в таблице ниже.

Таблица 1

Практика применения норм института освобождения от уголовной ответственности (2017–2021 гг.)

2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	Примечание
<i>Прекращено уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим</i>					
135 956	125 873	106 091	99 115	99491	Тенденция к снижению количества прекращённых уголовных дел
<i>Прекращено уголовных дел с назначением судебного штрафа</i>					
20 692	33 329	52 460	56 980	36679	Неоднозначные тенденции
<i>Прекращено уголовных дел в связи с деятельным раскаянием</i>					
12 817	11 991	8 889	7 258	7770	Тенденция к снижению количества прекращённых уголовных дел
<i>Прекращено уголовных дел на основании примечания к статьям УК РФ (в том числе в связи с деятельным раскаянием ч. 2 ст. 28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)</i>					
4236	6184	6685	6525	6547	Стабильные показатели с небольшими отклонениями как в сторону незначительного уменьшения, так и в сторону незначительного увеличения
<i>Прекращено уголовных дел в связи с истечением сроков давности</i>					
2945	3554	3537	3804	4687	Количество прекращённых дел увеличивается
<i>Прекращено уголовных дел с применением принудительных мер воспитательного воздействия</i>					
2 250	2295	2 320	1 821	1526	Тенденция к снижению количества прекращённых дел
<i>Прекращено уголовных дел в связи с возмещением ущерба по делам экономической направленности</i>					
39	31	62	59	72	Тенденция к незначительному увеличению количества прекращённых дел
<i>Прекращено уголовных дел в связи с применением амнистии</i>					
924	250	126	32	22	Тенденция к снижению количества прекращённых дел

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за последние пять лет практически ежегодно лидером среди оснований для прекращения уголовных дел по частоте применения выступает именно примирение с потерпевшим, а уже за ним идут назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа и деятельное раскаяние¹. Следует отметить, что второе место судебному штрафу достаётся со значительным разрывом в показателях по сравнению с другими основаниями прекращения уголовного дела (преследования) [1, с. 111]. Несмотря на то, что в 2021 году практика применения института судебного штрафа сократилась, она не утратила своей актуальности, как не утратили её и иные основания для освобождения от уголовной ответственности. Так, например, до 17 % дел о преступлениях небольшой и средней тяжести прекращается за примирением сторон².

Итак, в целом в России показатель прекращения судами уголовных дел по тем или иным основаниям составляет 23 %³.

Очевидно, что в борьбе с преступностью законодатель использует известное сочетание «кнута и пряника». Конечно, поощрять и стимулировать положительное постпреступное поведение необходимо, и в этой связи становится вполне объяснимым широкое использование инструментов рассматриваемого выше уголовно-правового института, где становится возможным достижение сразу нескольких значимых целей: и предоставление шанса, некоего аванса, кредита доверия тем, кто, возможно, оступился однажды и не представляет значительной общественной опасности (либо указанное обусловлено спецификой общественной опасности преступления), и экономия сил правоохранительной системы, и предотвращение перегрузки уголовно-исполнительной системы.

Вместе с тем при всех преимуществах рассматриваемого уголовно-правового института невольно возникает несколько важных, на наш взгляд, вопросов.

1. Реализуется ли принцип справедливости, как и некоторые другие принципы уголовного права, при применении института освобожде-

ния от уголовной ответственности? В частности, можно ли говорить о неотвратимости уголовной ответственности (хоть напрямую и не оговоренную в качестве принципа в действующем уголовном законе, но тем не менее ожидаемую всеми членами общества) при реализации норм Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) об освобождении от неё? Не вступают ли рассматриваемые уголовно-правовые нормы в противоречие с важнейшим социальным обусловленным принципом неотвратимости уголовной ответственности?

2. Даёт ли активное применение оснований для освобождения от уголовной ответственности обществу уверенность в том, что уголовное законодательство работает эффективно?

3. Действительно ли восстанавливается социальная справедливость, удовлетворены ли потерпевшие исходом дела и предотвращаются ли новые преступления, если преступник освобожден пусть и по нереабилитирующим основаниям, однако ведь фактически освобожден?

4. Не порождают ли закреплённые в уголовном законодательстве основания для освобождения от уголовной ответственности уверенность у преступников в том, что можно остаться безнаказанным, что у них есть официальная «лазейка» для того, чтобы не подвергнуться осуждению за совершённое преступление, что всегда есть возможность «договориться» (в плохом смысле этого слова) с обществом в лице правоохранительной, судебной системы и всё-таки избежать ответственности?

Думается, что с позиции «простого гражданина» скорее всего именно гарантия неизбежности привлечения к уголовной ответственности виновного в совершении преступления будет выступать в сознании правопослушного лица показателем результативности государственного противодействия преступности. Несомненно, эффективность уголовной ответственности определяется прежде всего её неотвратимостью. Именно в неизбежности привлечения к уголовной ответственности заключается один из способов предупредить преступление.

Итоги ряда исследований показывают, что, по мнению общества, самое сильное превентивное воздействие на преступников оказывает неизбежность ответственности [2, с.16].

Безусловно, рассматриваемый нами институт должен отвечать действующей системе принципов уголовного закона и вселять уверенность в том, что уголовное преследование должно, конечно же, неотвратимо последовать в отношении лиц, совершивших преступления.

В уголовно-правовой литературе некоторые авторы видят недостаток института освобождения от уголовной ответственности в его определённом несоответствии требованиям принципа неотвратимости уголовной ответственности [3, с. 22–26].

Вместе с тем стоит заметить, что сегодня принцип неотвратимости уголовной ответственности не нашёл закрепления в законе, хотя его значимость не вызывает, как представ-

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017–2021 года; № 10.2: отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. – URL: //http://www.cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 30.08.2022).

² До 17 % дел о нетяжких преступлениях прекращаются за примирением сторон [Электронный ресурс] // РГ.ру: – сайт. – URL: https://rg.ru/2021/04/12/do-17-del-onetiazhkih-prestupleniiah-prekrashchaiutsia-za-primireniem-storon.html (дата обращения: 30.08.2022).

³ Данные в базе хранятся 100 лет, даже если оправдали. Как меняется жизнь после уголовного дела [Электронный ресурс] // МФЦ : сайт. – URL:https://mfc74.ru/sovety/dannye-v-baze-hranyatsya-100-let-dazhe-esli-opravdali-kak-menyaetsya-zhizn-posle-ugolovnogo-dela.html (дата обращения: 30.08.2022).

ляется, сомнений, и достаточно понятно, что нет его – нет и реализации самой уголовной ответственности, а его игнорирование или нечёткость применения могут снизить авторитет и превентивный ресурс уголовного законодательства, причём достаточно серьёзно. К сожалению, действующий Уголовный кодекс Российской Федерации не даёт точного уяснения роли этого принципа в современном уголовном законе, который даже не позволяет чётко и единообразно определиться с его содержанием.

Очевидно, все вышеуказанные упреки и столь иногда противоречивые тенденции, складывающиеся в практике применения некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности (например, того же судебного штрафа) не могут не порождать интереса отечественных учёных к рассматриваемому институту, его эффективности, целесообразности и соответствию основам, принципам уголовного законодательства, в том числе принципу неотвратимости уголовной ответственности [4, с. 96]⁴.

В литературе до сих пор нет общей точки зрения насчёт содержания указанного принципа: некоторые исследователи говорят о возмездии и обязательном применении наказания, мер уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим преступления, а иные указывают на его уникальность и некорректность сведения только к наказанию.

Так, свою обеспокоенность отсутствием чёткости понимания исследуемого принципа высказывал Ю. С. Жариков, объясняя, что указанное ведёт к упрощённым вариантам его понимания с ключевой идеей лишь обязательности выявления и наказания всех лиц, совершивших преступления [5, с. 23].

В. Д. Филимонов же полагал, что принцип неотвратимости уголовной ответственности, будучи стержневым, действуя в паре с принципом стимулирования предупреждения преступлений, подавляет намерение лица совершить преступление [6, с. 139].

С. Г. Келина, В. Н. Кудрявцев утверждают, что рассматриваемый принцип конкретизирует другие принципы, такие как принципы законности, равенства [7].

Т. А. Малаш говорит о реальности и неизбежности наступления ответственности⁵, а В. С. Бялт и С. Н. Трипутин схоже считают, что неотвратимость уголовной ответственности реализуется в том, что все преступления должны быть раскрыты, а виновные наказаны⁶.

Подобной позиции придерживается И. Г. Горелова, понимая под рассматриваемым

принципом своевременное привлечение преступника к ответственности и отсутствие привилегий у лиц перед уголовным законом [8, с. 96].

Говоря о должном содержании принципа неотвратимости уголовной ответственности, Сабитов Т. Р. в своей работе отмечает не только обязательность, но и скорейшее наступление мер ответственности⁷.

Н. С. Малеин дополняет, что неизбежность должна сочетаться с индивидуализацией ответственности [9], в то время как М. Б. Мироненко дополнительно говорит о необходимости при этом отсутствия оснований освобождения от неё [10]. На эти же дополнения ссылается и Д. А. Липинский, отстаивая существование принципа неотвратимости юридической ответственности и подчёркивая некоторые особенности его проявления в общественных отношениях [11, с. 8–14].

Вышеназванное дополнение последних двух авторов к пониманию содержания и реализации принципа уголовной ответственности с указанием на отсутствие оснований для освобождения от неё представляется более полноценным и удачным по сравнению с предыдущими.

В. В. Русских, считая рассматриваемый принцип обязанностью правонарушителя в пределах сроков давности понести неблагоприятные последствия за совершенное преступление, считает, что он «зашифрован» в текстах нормативных правовых актов и имеет значение прежде всего для правоприменителя [12, с. 89].

Интересно, что мнения учёных в значительной степени варьируются и, можно сказать, порой уходят в диаметрально противоположные точки иногда даже со своим собственным суждением, высказанным ранее.

Так, Т. Р. Сабитов, рассуждая о наличии в уголовном праве принципа неотвратимости, сначала сделал вывод о том, что «если в отечественном уголовном законодательстве данный принцип не реализуется или “не всегда реализуется”, то о нём и нет смысла вести речь» [13, с. 63–65], а в дальнейшем уже выступает за закрепление этого принципа в действующем УК РФ⁸.

Указанная позиция не единственная. Так, по мнению Р. Ф. Шахбазова, Г. И. Плохих, рассматриваемый нами принцип является «недостающим фрагментом фундаментальной основы уголовного права России и должен выступать нормативным предписанием» [14, с. 162].

Учёные в своих работах, указывая на необходимость нормативного правового закрепления данного принципа [15], подчёркивают целесообразность построения уголовной политики сообразно перспективной модели юридической ответственности, а именно, неотвратимости уголовного наказания и ответственности в целом [2, с. 18]. При этом некоторые говорят

⁴ Каматесов П. А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа как уголовно-процессуальная форма : дис. ... канд. юрид. наук – Санкт-Петербург, 2022. – 507 с. – С. 6.

⁵ Малаш Т. А. Принцип неотвратимости юридической ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. – Москва: 1996. – 158 с.

⁶ Бялт В. С., Трипутин С. Н. Принципы юридической ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 3. – С. 28–32.

⁷ Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2019. – 421 с. – С. 120.

⁸ Там же. – С. 191.

о невозможности замены уголовной ответственности иными видами юридической ответственности, а равно применения иных мер воздействия и, минуя назначение уголовного наказания, предлагают вообще отказаться от норм главы 11 УК РФ с перемещением её содержания в следующую главу УК РФ [5].

И. М. Агзамов полагает, что сегодня уголовное наказание не выступает главенствующим методом противодействия преступности и, как следствие, можно уже говорить о состоявшемся переходе от принципа неотвратимости наказания к принципу неотвратимости уголовной ответственности, что нужно законодательно закрепить [16, с. 12–13].

В. Д. Филимонов, признавая указанный выше принцип фактически одним из принципов, действующих в уголовном праве, вместе с тем обращал внимание на то, что он не функционирует должным образом из-за большого количества поощрительных норм в УК РФ, и в целом его поглощают принцип законности и равенства граждан перед законом [6].

Вместе с тем ряд авторов (например, Н. Ф. Кузнецова, В. П. Малков) вообще не считают указанный принцип уместным в уголовном праве, подчёркивая его уголовно-процессуальный характер⁹.

И. Э. Звечаровский полагает, что принцип неотвратимости ответственности относится к задачам органов правоохраны, применяющих закон, и не отражает не только реалии правоприменительной практики, но и имеющийся нормативно-правовой материал [17].

Критически настроен по отношению к данному принципу А. В. Иванчин, ссылаясь на то, что не имеет смысла закреплять в законе очевидные вещи, поскольку всем понятно и без того, что уголовная ответственность должна обязательно находить свою реализацию, в этом её предназначение [18, с. 300].

Среди причин, работающих не в пользу рассматриваемого принципа, выделяют и латентность преступлений, и тот факт, что существуют преступления частного и частного-публичного характера, уголовные дела по которым возбуждаются исключительно по заявлениям потерпевших [19], некачественная работа правоохранительных структур и в целом значительное количество поощрительных норм, которые, по мнению авторов, вступают в противоречие с рассматриваемым принципом¹⁰. Поясняя свою позицию, авторы говорят о невозможности самой постановки вопроса о неотвратимости ответственности, так как в УК РФ существует институт освобождения от неё¹¹ [20, с. 64].

⁹ Малков В. П. Уголовное право. Часть Общая : учебник для вузов – Москва: БЕК, 1999. – 560 с. – С. 39; Кузнецова Н. С. Курс уголовного права. Часть Общая: учебник. – Москва: Зерцало, 1999. – Т. 1. – 387 с. – С. 66.

¹⁰ Дуюнов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия (теоретические основы и практика реализации): дис. ... д-ра юрид. наук. – Тольятти, 2001. – 512 с. – С. 140.

¹¹ Там же.

Некоторые учёные выработали собственный подход к решению рассматриваемого уголовно-правового конфликта, идея которого заключается в максимально возможном устранении негативных последствий совершённого преступления с использованием альтернативных мер [21, с. 7–17].

Другие же освобождение от уголовной ответственности относят к одной из форм механизма уголовно-правового воздействия, который представляет собой объективно необходимый сложный динамичный процесс практической реализации негативной, справедливой и неотвратимой реакции государства на совершение преступления¹².

Вместе с тем стоит добавить, что ряд правоведов подчеркивают исключительность института освобождения от уголовной ответственности, и это его свойство называют главным условием именно непротиворечивости принципу неотвратимости ответственности, вкладом в копилку его жизнеспособности и оправданности¹³ наряду с утратой общественной опасности. Они также считают, что институт освобождения от уголовной ответственности ни в коей мере не противоречит принципу неотвратимости и, кроме того, не может препятствовать его реализации при условии отсутствия злоупотребления при применении освобождения от ответственности [22].

Безусловно, институт освобождения от уголовной ответственности оправдывает себя в отношении некоторых виновных в совершении преступлений лиц, демонстрируя гуманизм. Но, с другой стороны, не бросаемся ли мы в крайность всепрощения и дарования сей милости в ситуациях, когда за серьёзные преступления виновные реально осознают возможность избежать так называемой непоколебимой, «неотвратимой» ответственности и смогут реально это сделать, насмехаясь тем самым над потерпевшими и безопасностью всего общества?

Очевидно, в данном случае ответы на эти вопросы должны лежать именно в плоскости выставления более чётких границ разумного применения норм об освобождении от уголовной ответственности.

Гуманизм и неотвратимость ответственности, реализованные посредством экономного применения мер уголовно-правового воздействия, будут плодотворны при сбалансированности запретительных и поощрительных мер, разумном сочетании убеждения и принуждения, а также соблюдении интересов общественной безопасности [23, с. 148–152].

Вместе с тем сегодня нередко высказывания о том, что законотворческие инициативы последних лет, направленные на гуманизацию уголовно-правового подхода к преступникам,

¹² Там же. С. 12, 33.

¹³ Нечепуренко А. А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права : учебное пособие. – Омск: Издательство Омского юридического института МВД России, 1996. – 80 с.

неявно исходят из принципа максимальной терпимости (толерантности) к лицам, нарушающим уголовный закон [24, с. 163–170], и это не может не настораживать.

В целом соглашаясь с мнением некоторых авторов о том, что принцип неотвратимости ответственности и институт освобождения от неё не являются антагонистами [25, с. 106], отметим, что самим помещением в систему российского уголовного права вышеуказанного института законодатель не пренебрегает принципом неотвратимости уголовной ответственности, что указанный институт не вступает в диссонанс с ранее названным принципом, а скорее является логическим развитием последнего, вариантом разрешения уголовно-правового конфликта с опорой не на уступки, а именно на взвешенное и разумное решение, поскольку он есть вариация воздействия на виновное в преступлении лицо, т. к. освободить от ответственности возможно только доказанно виновное лицо. К тому же далеко не всегда имеются стопроцентные гарантии реализации «на деле» норм об освобождении, так как в некоторых случаях закреплено именно право (например, ст. 75, 76 УК РФ), а не обязанность применять соответствующие положения УК РФ, а порой и вообще запрет (ч. 5 ст. 78 УК РФ), что как раз и наводит на мысль о реальной работе принципа неотвратимости уголовной ответственности в действующем современном уголовном законодательстве.

Кроме того, нелишним будет вспомнить и мнение В. И. Ленина, который утверждал, что «важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы ни один случай преступления не проходил нераскрытым»¹⁴. Разделяя указанную позицию о восприятии неотвратимости через раскрытие преступления, отметим, что такое его понимание не противоречит мирному сосуществованию исследуемого принципа и освобождения от уголовной ответственности. Ведь если лицо освобождается от уголовной ответственности, то оно и его преступление стали известными, лицо считается преступником, на него возлагаются обременения, сходные с ограничениями при судимости – всё это и есть реализация принципа неотвратимости уголовной ответственности при применении норм об освобождении от неё.

Однако всё же нам есть над чем работать и к чему стремиться, поскольку практически в каждом из оснований освобождения от уголовной ответственности правоведа находят те или иные недостатки.

На наш взгляд, усилению превентивной функции института уголовной ответственности с опорой на её неотвратимость, выставлению более понятных критериев «допустимой гуманности и милости» при применении указанных уголовно-правовых норм, поспособствовало бы следующее.

Во-первых, закрепление данного принципа в действующем УК РФ.

В развитии тех или иных принципов абсолютно любой отрасли права всегда находила выражение трансформация общественного развития и априори очевидно, что современные социальные изменения диктуют необходимость обращения внимания законодателя, а порой и актуализации пусть и таких фундаментальных, чётко выверенных основ, но явно нуждающихся в совершенствовании, а порой и в корректировке, как законодательно зафиксированные принципы отрасли права. И уголовное право в этом отношении не является исключением.

Сегодня невозможно не заметить крупных дополнений и изменений, внесённых за последние годы и даже месяцы в уголовное законодательство. Безусловно, все они корреспондируют имеющимся принципам уголовного права. Но изменяются мир и общественные отношения, меняется и практика применения уголовно-правовых норм. Социуму в современных условиях особо нужны гарантии безопасности и уверенности в действенности уголовно-правовых норм, в их эффективности, чего невозможно, на наш взгляд, достичь без обновления имеющегося набора принципов уголовного права, с упором на безусловные гарантии его применения. Исходя из вышесказанного, представляется необходимым закрепление принципа неотвратимости уголовной ответственности в УК РФ. Кроме того, законодательное закрепление данного принципа поставит наконец точку в длительнейшей дискуссии на этот счёт.

За основу можно взять формулировку в Модельном уголовном кодексе, документе, носящем рекомендательный характер для участников Содружества Независимых Государств, в котором ст. 7 гласит: лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию или иным мерам воздействия, предусмотренным Уголовным кодексом, а освобождение от уголовной ответственности и наказания возможно только при наличии оснований и условий, предусмотренных законом¹⁵.

Во-вторых, видится целесообразным плавный переход от частого применения общих оснований освобождения от уголовной ответственности, порой вызывающих нарекания и сомнения в жизнеспособности и «выгоде применения» (например, ст. 76¹ УК РФ) и иногда и вообще целесообразности существования [26, с. 101–110], к специальным основаниям, предусмотренным в конкретных статьях Особенной части УК РФ с расширением количества

¹⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений / 5-е изд. – Т. 4. – Москва: Издательство политической литературы, 1967. – 656 с. – С. 412.

¹⁵ Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) Общая часть (ст. 1–102) Раздел I. Уголовный закон (ст. 1–16) Глава 1. Задачи и принципы уголовного законодательства (ст.ст. 1–10) Статья 7. Принцип неотвратимости ответственности [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/2566472/e88847e78cc d9fdb54482c7fa15982bf/> (дата обращения: 20.08.2022).

подобных возможностей в различных уголовно-правовых нормах с составами преступлений Особенной части УК РФ.

В-третьих, вероятно, стоит рассмотреть вариант законодательно предусмотренной возможности трансформации освобождения от уголовной ответственности в применении иных видов юридической ответственности (чтобы получить некую «компенсацию» и избежать «ощущения» безнаказанности и отсутствия справедливости при применении рассматриваемых норм) или мер общественного воздействия, которые, например, уже знала история российского уголовного права, но сочетающихся с современными реалиями.

И наконец, в-четвёртых, необходимо запретить применение некоторых оснований освобождения от уголовной ответственности (напр., ст. 76² УК РФ) к лицам, совершившим преступления, охватывающие в содержании их состава административную преюдицию (напр., ст. 151¹ УК РФ и др.).

Таким образом, центр тяжести при применении норм института освобождения от уголовной ответственности несколько сместится в сторону её неотвратимости, а освобождаемые полноценно ощутят на себе существо «угрозы» реализации уголовной ответственности в процедурах и возможных для них в перспективе правовых последствиях.

Список литературы

1. Плошкина Я. М., Кириллова Н. П. Прекращение уголовного преследования с возложением на обвиняемого обязанностей, предписаний как альтернативный способ разрешения уголовно-правового конфликта в германском уголовном процессе // *Lex Russica*. – 2022. – Т. 75. – № 6 (187). – С. 109–122.
2. Петрянин А. В., Ивенин В. О. Строгость наказания и неотвратимость ответственности как пути развития уголовной политики России // *Вестник БелЮИ МВД России*. – 2022. – № 2. – С. 12–18.
3. Проценко С. В. О противоречии действующего института освобождения от уголовной ответственности основным положениям Конституции РФ // *Российский следователь*. – 2010. – № 19. – С. 22–26.
4. Зорина Е. А., Агаев Г. А., Сафонов В. Н. Принцип равенства граждан перед законом в контексте реализации положений правовых норм, предусмотренных статьями 76.1 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // *Теория и практика общественного развития*. – 2022. – № 1 (167). – С. 95–102.
5. Жариков Ю. С. Принцип неотвратимости уголовной ответственности и проблемы его реализации в современном отечественном уголовном законодательстве // *Российский следователь*. – 2014. – № 18. – С. 22–26.
6. Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. – Москва: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 139 с.
7. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. – Москва: Наука, 1988. – 176 с.
8. Горелова Г. И. Принцип неотвратимости ответственности в уголовном праве Российской Федерации // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 4. – С. 95–97.
9. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. – Москва: Юридическая литература, 1985. – 193 с.
10. Мироненко М. Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права. – Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2001. – 202 с.
11. Липинский Д. А. Принцип неотвратимости юридической ответственности с позиции её двухаспектного понимания // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2015. – № 3 (33). – С. 8–14.
12. Русских В. В. Неотвратимость как принцип юридической ответственности // *Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии*. – 2020. – № 2 (39). – С. 88–92.
13. Сабитов Т. Р. О принципе неотвратимости ответственности в российском уголовном законодательстве // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. – 2006. – № 11. – С. 63–65.
14. Шахбазов Р. Ф., Плохих Г. И. Неотвратимость уголовной ответственности как принцип уголовного права // *Известия Юго-Западного государственного университета*. Серия: История и право. – 2018. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 162–166.
15. Анашкин Г. З. [и др.]. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / отв. ред. В. Н. Кудрявцев, С. Г. Келина. – Москва: Наука, 1987. – 276 с.
16. Агзамов И. М. Отраслевые принципы уголовного права и институт условного неприменения наказания // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 7 (21): в 3-х ч. – Ч. I. – С. 12–13.
17. Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. Ассоц. юрид. центр. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2001. – 100 с.
18. Иванчин А. В. К вопросу о круге принципов уголовного права России / *Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества : сборник материалов Междуна-*

родной научно-практической конференции, посвящённой памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В. П. Малкова: в 2-х частях. Ч. 1. Чебоксары, 02–03 октября 2020 г. – Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2020. – С. 294–305.

19. Романова Н. Л. О принципах уголовного права // Глаголь правосудия. – 2020. – № 1 (23). – С. 24–27.

20. Головкин Л. В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Государство и право. – 1999. – № 3. – С. 61–68.

21. Максудов Р. Восстановительная медиация: на пути к разработке концепции // Вестник восстановительной юстиции. – 2010. – № 7. – С. 7–17.

22. Shevchenko A. Y., Kudin S. V., Loshchykhin O. M., Fatkhutdinov F. H. The principle of inevitability and the institution of exemption from legal liability // Revista Gênero e Interdisciplinaridade. – 2021. – S.153–175.

23. Хатневич Т. Г. Экономия мер уголовно-правового воздействия в свете реализации принципов уголовно-правовой политики // Проблемы управления (Минск). – 2020. – № 1(75). – С. 148–152.

24. Скобликов П. А. Принцип максимальной толерантности в рамках противодействия преступности: современное российское законодательство // Закон. – 2022. – № 2. – С. 163–170.

25. Лепина Т. Г. Проблема достижения целей наказания при освобождении от уголовной ответственности и уголовного преследования // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2019. – № 2 (58). – С. 103–108.

26. Быстриков А. Retrospective Analysis of the Institute of Privacy of Criminal Responsibility // Studia Sieci Uniwersytetów Pogranicza. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2019. – Т. 3. – С. 101–110. DOI: 10.15290/sup.2019.03.07.

References

1. Ploshkina Ya. M., Kirillova N. P. Prekrashcheniye ugovornogo presledovaniya s vozlozheniyem na obvinyayemogo obyazannostey, predpisaniy kak al'ternativnyy sposob razresheniya ugovornopravovogo konflikta v germanskom ugovornom protsesse // Lex Russica. – 2022. – Т. 75. – № 6 (187). – С. 109–122.

2. Petryanin A. V., Ivenin V. O. Strogost' nakazaniya i neotvratimost' otvetstvennosti kak puti razvitiya ugovornoj politiki Rossii // Vestnik BelYul MVD Rossii. – 2022. – № 2. – С. 12–18.

3. Protsenko S. V. O protivorechii deystvuyushchego instituta osvobozhdeniya ot ugovornoj otvetstvennosti osnovnym polozheniyam Konstitutsii RF // Rossiyskiy sledovatel'. – 2010. – № 19. – С. 22–26.

4. Zorina Ye. A., Agayev G. A., Safonov V. N. Printsip ravenstva grazhdan pered zakonom v kontekste realizatsii polozheniy pravovykh norm, predusmotrennykh stat'yami 76.1 i 76.2 Ugovornogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2022. – № 1 (167). – С. 95–102.

5. Zharikov Yu. S. Printsip neotvratimosti ugovornoj otvetstvennosti i problemy yego realizatsii v sovremennom otechestvennom ugovornom zakonodatel'stve // Rossiyskiy sledovatel'. – 2014. – № 18. – С. 22–26.

6. Filimonov V. D. Printsipy ugovornogo prava. – Moskva: AO «Tsentr YurInfoR», 2002. – 139 s.

7. Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. Printsipy sovetskogo ugovornogo prava. – Moskva: Nauka, 1988. – 176 s.

8. Gorelova G. I. Printsip neotvratimosti otvetstvennosti v ugovornom prave Rossiyskoy Federatsii // «Chernyye dyry» v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2006. – № 4. – С. 95–97.

9. Malein N. S. Pravonarusheniye: ponyatiye, prichiny, otvetstvennost'. – Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1985. – 193 s.

10. Mironenko M. B. Printsipy yuridicheskoy otvetstvennosti v sisteme printsiptov prava. – Tol'yatti: Izd-vo VUiT, 2001. – 202 s.

11. Lipinskiy D. A. Printsip neotvratimosti yuridicheskoy otvetstvennosti s pozitsii yeyo dvukhaspektного ponimaniya // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2015. – № 3 (33). – С. 8–14.

12. Russkikh V. V. Neotvratimost' kak printsip yuridicheskoy otvetstvennosti // Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii. – 2020. – № 2 (39). – С. 88–92.

13. Sabitov T. R. O printsipe neotvratimosti otvetstvennosti v rossiyskom ugovornom zakonodatel'stve // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2006. – № 11. – С. 63–65.

14. Shakhbazov R. F., Plokhikh G. I. Neotvratimost' ugovornoj otvetstvennosti kak printsip ugovornogo prava // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2018. – Т. 8. – № 4 (29). – С. 162–166.

15. Anashkin G. Z. [i dr.]. Ugovornyy zakon: opyt teoreticheskogo modelirovaniya / otv. red. V. N. Kudryavtsev, S. G. Kelina. – Moskva: Nauka, 1987. – 276 s.

16. Agzamov I. M. Otrazlevyye printsipy ugovornogo prava i institut uslovnogo neprimeneniya nakazaniya // Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki. – Tambov: Gramota, 2012. – № 7 (21): v 3-kh ch. – Ch. I. – С. 12–13.

17. Zvecharovskiy I. E. Sovremennoye ugovornoye pravo Rossii: ponyatiye, printsipy, politika. Assots. yurid. tsentr. – Sankt-Peterburg: Yurid. tsentr Press, 2001. – 100 s.

18. Ivanchin A. V. K voprosu o krugе printsiptov ugovornogo prava Rossii. Pravovyye i нравstvennyye aspekty funktsionirovaniya grazhdanskogo obshchestva / sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-

prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati zaslužhennogo deyatelya nauki Rossiyskoy Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professora V. P. Malkova: v 2-kh chastyakh. Ch. 1. Cheboksary, 02–03 oktyabrya 2020 g. – Cheboksary: Chuvashskiy gosudarstvennyy universitet imeni I. N. Ul'yanova, 2020. – S. 294–305.

19. *Romanova N. L.* O printsipakh ugovolnogo prava // *Glagol» pravosudiya.* – 2020. – № 1 (23). – S. 24–27.

20. *Golovko L. V.* Printsipy neotvratimosti otvetstvennosti i publichnosti v sovremennom rossiyskom ugovolnom prave i protsesse // *Gosudarstvo i pravo.* – 1999. – № 3. – S. 61–68.

21. *Maksudov R.* Vosstanovitel'naya mediatsiya: na puti k razrabotke kontseptsii // *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii.* – 2010. – № 7. – S. 7–17.

22. *Shevchenko A. Y., Kudin S. V., Loshchykhin O. M., Fatkhutdinov F. H.* The principle of inevitability and the institution of exemption from legal liability // *Revista Género e Interdisciplinaridade.* – 2021. – S.153–175.

23. *Khatenevich T. G.* Ekonomiya mer ugovolno-pravovogo vozdeystviya v svete realizatsii printsipov ugovolno-pravovoy politiki // *Problemy upravleniya (Minsk).* – 2020. – № 1(75). – S. 148–152.

24. *Skoblikov P. A.* Printsip maksimal'noy tolerantnosti v ramkakh protivodeystviya prestupnosti: sovremennoye rossiyskoye zakonotvorchestvo // *Zakon.* – 2022. – № 2. – S. 163–170.

25. *Lepina T. G.* Problema dostizheniya tseley nakazaniya pri osvobozhdenii ot ugovolnoy otvetstvennosti i ugovolnogo presledovaniya // *Vestnik TvGU. Seriya: Pravo.* – 2019. – № 2 (58). – S. 103–108.

26. *Bystrikov A.* Retrospective Analysis of the Institute of Privacy of Criminal Responsibility // *Studia Sieci Uniwersytetów Pogranicza.* – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2019. – T. 3. – S. 101–110. DOI: 10.15290/sup.2019.03.07.

Статья поступила в редакцию 16.12.2022; одобрена после рецензирования 17.01.2023; принята к публикации 27.01.2023.

The article was submitted December 16, 2022; approved after reviewing January 17, 2023; accepted for publication January 27, 2023.

Научная статья
УДК 343.97
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-75-86

Илья Сергеевич Ильин

кандидат юридических наук, доцент
[https:// orcid.org/0000-0003-1362-0519](https://orcid.org/0000-0003-1362-0519), isilyin@yandex.ru

*Управление МВД России по Красногвардейскому району г. Санкт-Петербурга
Российская Федерация, 195176, Санкт-Петербург, ул. Краснодонская д. 14*

*Северо-Западный институт управления –
филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний проспект В. О., д. 57/43*

Динамика и криминогенный потенциал протестных акций

Аннотация: Актуальность исследования. Современная действительность характеризуется ростом протестных настроений, которые рассматриваются как неотъемлемая часть общественного мнения. В связи с этим особое значение приобретает изучение основных показателей состояния и факторов социальной протестной активности.

Публичные мероприятия (с 2010 по 2021 год их было проведено более 637 тысяч) сами по себе не обладают повышенным криминогенным и деликтогенным потенциалом. Иную ситуацию демонстрируют несогласованные публичные мероприятия, изначально находящиеся вне рамок правового поля (их число в 2021 году возросло более чем в 6 раз по сравнению с 2010 годом – с 428 до 2736).

Методология. В процессе исследования применялись методы системного анализа, статистический, формально-логический.

Исследование позволило установить, что протестная активность и радикализация являются взаимообуславливающими явлениями, вызываемыми сходными детерминирующими факторами. Граждане, принимающие участие в несанкционированных мероприятиях, сознательно ставят себя в положение нарушителей установленного порядка, демонстрируя пренебрежение ценностью права, преодолевая сдерживающее воздействие закона.

Такая дефектность социально-психологических характеристик участников несогласованных публичных мероприятий создаёт специфический криминологический «фон»: на ограниченном пространстве аккумулируется группа граждан, для которых собственные интересы обладают более высоким значением по сравнению с интересами общества и ценностью правопорядка и которые готовы пренебречь общественными интересами ради достижения личных целей, что делает эту акцию изначально конфликтной, а следовательно, и потенциально опасной в криминогенном отношении.

Ключевые слова: протестная акция, последствия, динамика, предупреждение, преступление, общественная безопасность, личность, характеристика

Для цитирования: Ильин И. С. Динамика и криминогенный потенциал протестных акций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 75–86; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-75-86.

Илья С. Ильин

Cand. Sci. (jurid.), Docent
[https:// orcid.org/0000-0003-1362-0519](https://orcid.org/0000-0003-1362-0519), isilyin@yandex.ru

*Directorate of the MIA of Russia for the Krasnogvardeisky District Saint Petersburg
14, Krasnodonskaya str. Saint Petersburg, 195176, Russian Federation*

*North-Western Institute of Management – branch of the RANEP
under the President of the Russian Federation
57/43, Middle Avenue V. O., Saint Petersburg, 199178, Russian Federation*

Dynamics and criminogenic potential of protest actions

Abstract: *The relevance of research.* Modern reality is characterized by the growth of protest moods, which are considered as an integral part of public opinion. In this regard, the study of the main indicators of the state and factors of social protest activity is of particular importance.

Public events (more than 637 thousand of them were held from 2010 to 2021) do not in themselves have an increased criminogenic and delictogenic potential. A different situation is demonstrated by uncoordinated public events that were initially outside the legal framework (their number in 2021 increased by more than 6 times compared to 2010 - from 428 to 2736).

Methodology. In the course of the study, methods of system analysis, statistical, formal-logical, were used.

The study established that protest activity and radicalization are interdependent phenomena caused by similar determinants. Citizens who take part in unauthorized events deliberately put themselves in the position of violators of the established order, demonstrating a disregard for the value of law, overcoming the deterrent effect of the law.

Such defectiveness of the socio-psychological characteristics of participants of uncoordinated public events creates a specific criminological "background": in a limited space, a group of citizens accumulates, for whom their own interests are of higher importance than the interests of society and the value of the rule of law and who are ready to neglect public interests in order to achieve personal goals, which makes this action initially conflictual, and therefore potentially dangerous in terms of criminogenic.

Keywords: protest action, consequences, dynamics, warning, crime, public safety, personality, characteristics

For citation: Ilyin I. S. Dynamics and criminogenic potential of protest actions // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 75–86; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-75-86.

Общим фоном, на котором разворачиваются исследуемые нами криминальные процессы, выступает общественная активность граждан в форме митингов, демонстраций, шествий, пикетирований, собраний (далее – публичных мероприятий).

Имеющиеся официальные данные (см. диаграмму 1) свидетельствуют, что за период с 2010 по 2021 год в стране было проведено более 637 тысяч публичных мероприятий разного вида и направленности¹.

При этом, однако, нет оснований говорить о том, что распределение этих мероприятий по годам подвержено какой-либо выраженной закономерности. Оно имеет волнообразную динамику с весьма сильной волатильностью, хотя и с нисходящим трендом.

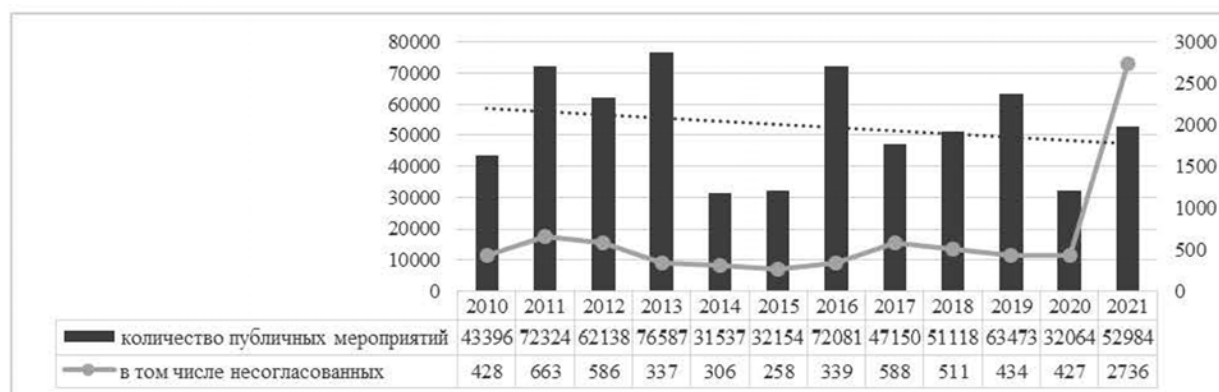
Иную динамику показывает линия несогласованных публичных мероприятий. Их число в 2021 году возросло более чем в 6 раз по сравнению с 2010 годом (с 428 до 2736). Вырос и удельный вес этой разновидности акций

¹ Используются статистические данные, полученные в рамках официальных запросов, в том числе ответ на запрос информации ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу

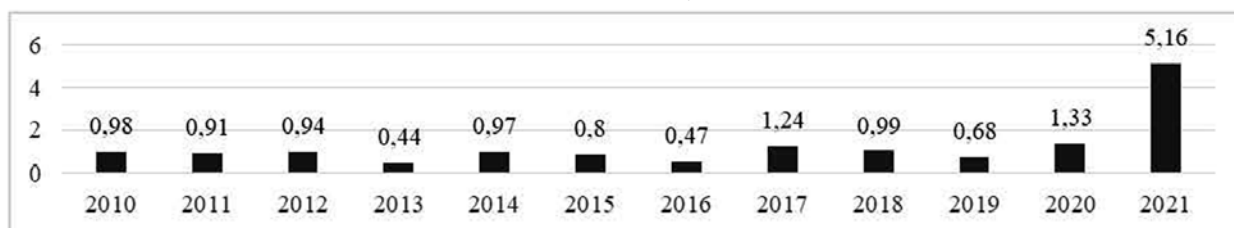
и Ленинградской области от 14 февраля 2022 г.; ответ на запрос информации ГУ МВД России по г. Москве от 8 ноября 2021 г.

Диаграмма 1

Динамика общего числа публичных мероприятий и несогласованных публичных мероприятий

Удельный вес несогласованных публичных мероприятий

в общем массиве публичных мероприятий (см. диаграмму 2).

Стоит обратить внимание, что существенный рост несогласованных акций наблюдается в 2020 и 2021 годах. И связан он, как представляется, не столько с объективным ростом общественной активности населения или ухудшением политической либо социально-экономической ситуации в стране, сколько с существенным изменением нормативной основы проведения публичных мероприятий и введёнными в этот период ограничениями на их организацию в связи с пандемией коронавирусной инфекции. Полагаем, после снятия ограничений рассматриваемый показатель вернётся к своим обычным значениям: в течение 2010–2019 годов удельный вес несогласованных акций составлял в среднем 0,84 % от общего числа публичных мероприятий.

Отсутствие явно выраженной закономерности общего числа публичных мероприятий создаёт особый социальный фон для исследования и прогнозирования демонстративно-протестной преступности, ибо в каждый отдельный момент времени сложно предсказать на основании ранее полученной статистической информации, каким будет это число в следующем году, через год и т. д. Методы экстраполяции не работают ни для определения количества публичных мероприятий, ни для определения объёмов правонарушений, совершаемых во время их проведения. Это, конечно, не означает полного отсутствия закономерностей. Надо учитывать, что в массиве публичных мероприятий всегда будут присутствовать те, что приурочены к традиционным, значимым в общественном сознании датам и событиям: празднованию Дня Победы, Дня России, Праздника весны и труда, Дня народного единства и др. Они составляют некое «ядро» ежегодно проводимых публичных мероприятий, причём, как правило, ядро легальное. Вокруг него будут аккумулироваться мероприятия нерегулярные, но вполне прогнозируемые. Это те, что приурочены к запланированным или уже состоявшимся общественным событиям – выборам, голосованию, принятию тех или иных нормативных правовых актов, планируемым изменениям социальной или транспортной инфраструктуры и т. п. И, наконец, третий блок публичных мероприятий – наименее предсказуемый, но всегда вероятный: это мероприятия, как правило, инспирированные оппозиционно

настроенными общественно-политическими силами с сознательным формированием какого-либо триггера.

Анализ показывает, что именно две последние группы публичных мероприятий представляют для криминологов повышенный интерес, демонстрируя наиболее высокие показатели прежде всего общего числа несогласованных публичных акций.

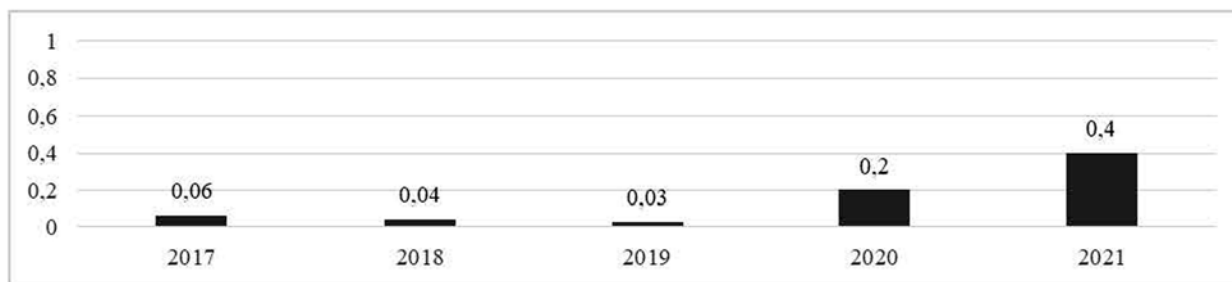
Сопоставление динамики удельного веса несогласованных акций с хронологией важнейших политических событий в стране доказывает наличие здесь определённой корреляции. Региональные выборы 2010 и 2014 годов, выборы депутатов Государственной Думы в 2011 году, выборы Президента в 2012 и 2018 годах, голосование по поправкам к Конституции в 2020 году сопровождалось заметным повышением удельного веса несогласованных акций.

Это обстоятельство заставляет обратить специальное внимание на мотивационный характер публичных мероприятий и их направленность – и в первую очередь на динамику публичных акций, которые проходят с политическими требованиями. В связи с изменением в 2016 году форм статистического наблюдения представить сопоставимые данные за весь период наблюдения с 2010 по 2021 год не представляется возможным (до 2016 года число политически мотивированных акций выделялось в общем числе публичных мероприятий, а с 2017 года – в числе протестных акций). Тем не менее обратим внимание, что с 2010 по 2016 год число всех публичных мероприятий с политическими требованиями сократилось с 2149 до 863 (удельный вес соответственно снизился с 5,0 % до 1,1 %). Однако с 2017 года число только протестных акций с политическими требованиями возросло с 2442 до 3112 в 2021 году. За это же время число протестных акций с социально-экономическими требованиями сократилось с 3917 до 1612.

Рост объёмов публичных мероприятий с политической мотивацией происходит на фоне отмеченного увеличения числа несогласованных публичных мероприятий. Этот факт заставляет выяснить соотношение мотивации публичного мероприятия и формы (легальной или нелегальной) его проведения.

После корректировки в 2016 году формы статистической отчётности органов внутренних дел («Общие сведения о состоянии оперативной

Отношение несогласованных акций к протестным

обстановки в Российской Федерации» – Форма «565»)² наряду с контролем общего числа публичных мероприятий и числа несогласованных мероприятий введено отдельное наблюдение за числом протестных акций.

Согласно Методическим рекомендациям по заполнению этой формы «несогласованные мероприятия – это публичные мероприятия, проводимые с нарушением установленного действующим законодательством порядка их организации либо проведения, а протестная акция – публичное общественно-политическое действие, ставящее перед собой цель привлечь к определённой проблеме внимание властей, общественности, СМИ, либо выразить своё недовольство, несогласие с совершёнными или планируемыми действиями (принятыми решениями, их проектами), либо бездействием органов власти, организаций или отдельных лиц.

Протестная акция, таким образом, не обязательно является несогласованным мероприятием. Она обособляется в статистических формах, исходя из цели и направленности. В то же время несогласованное мероприятие не обязательно является протестным. Оно обособляется по формальным критериям наличия или отсутствия факта согласования. Отдельного наблюде-

ния именно за несогласованными протестными акциями Форма № 565 не предусматривает, что можно отнести к числу её недостатков и что позволяет уже в первом приближении высказать предложение о её корректировке с тем, чтобы несогласованные протестные публичные мероприятия признать отдельным, самостоятельным объектом статистического наблюдения.

В восполнение этого существующего недостатка, исходя из имеющихся данных, полагаем возможным сопоставить два анализируемых показателя (о несогласованных акциях и о протестных акциях) с тем, чтобы определить их возможное соответствие. В качестве условного показателя их сопряжённости возьмём коэффициент, отражающий отношение числа несогласованных акций к числу протестных (см. диаграмму 3). Чем ближе этот коэффициент к 1, тем теснее связь, тем большее число несогласованных акций является протестными, и наоборот.

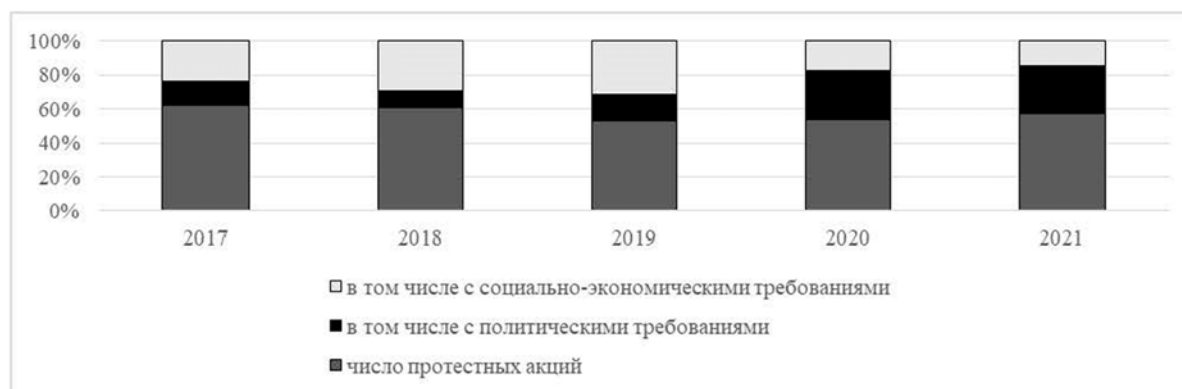
Как видим, в 2020–2021 годах значение коэффициента сопряжённости имело выраженный восходящий тренд и было максимальным за пятилетний период наблюдения. Это позволяет говорить о том, что в 2021 году большая часть несогласованных акций носила именно протестный характер.

Детальное статистическое исследование мотивации протестных публичных мероприятий (см. диаграмму 4) позволяет установить также, что он стал все более политически окрашенным.

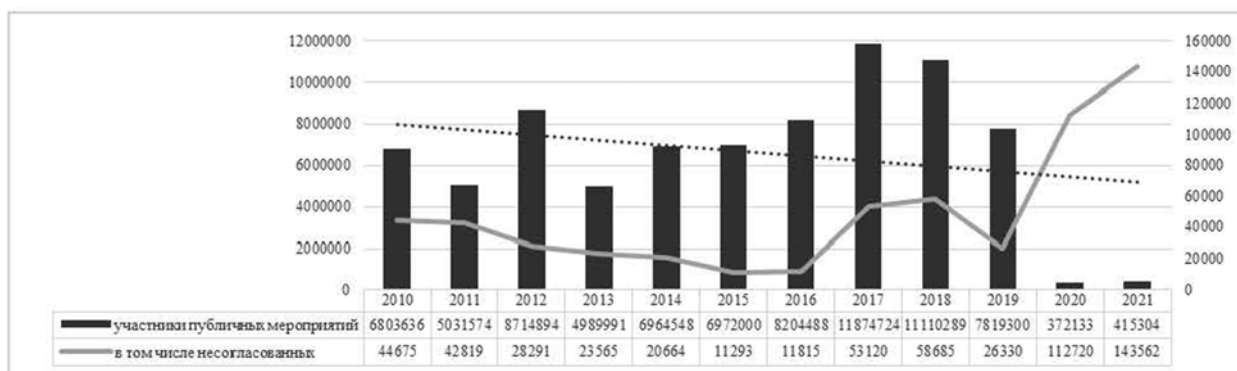
² Об утверждении формы статистической отчетности. Общие сведения о состоянии оперативной обстановки в Российской Федерации : приказ МВД России № 471 от 15 мая 2016 г. – Форма «565» (взамен утративших силу приказа МВД России № 466 от 22 июня 2009 г. и приказа МВД России № 53 от 30 января 2013 г.).

Диаграмма 4

Мотивация протестных акций

Количество лиц, принявших участие в публичных мероприятиях

Удельный вес политически мотивированных протестных акций вырос с 23,5 % до 48,7 %, в то время как доля протестов с социально-экономическими требованиями сократилась с 37,8 % до 25,2 %.

Дифференциация публичных мероприятий по признакам формы и мотивации является отправной точкой для исследования криминографии демонстративно-протестной преступности и прежде всего в исследовании показателей деликтной и криминальной активности участников публичных мероприятий [1–4].

Анализ показывает, что число участников публичных мероприятий в целом подтверждает тенденции, отмеченные при анализе общего числа самих мероприятий (см. диаграмму 5).

Нисходящий тренд показателей общей численности участников здесь отчётливо противопоставлен острому подъёму числа участников несогласованных публичных акций в последние два года; заметна также корреляция между ростом численности участников публичных мероприятий и важными политическими событиями, происходившими в стране.

Интересно также заметить, что в 2020–2021 годах существенным образом изменился коэффициент массовости несогласованных публичных мероприятий. Под этим коэффициентом нами понимается среднее число участников одного мероприятия (образуемое путём деления числа всех участников на число всех меропри-

ятий определённого вида). С 2010 по 2019 годы коэффициент массовости несогласованных публичных мероприятий был стабильно ниже общего коэффициента массовости всех публичных мероприятий, тогда как в 2020–2021 годах ситуация принципиально изменилась (см. диаграмму 6).

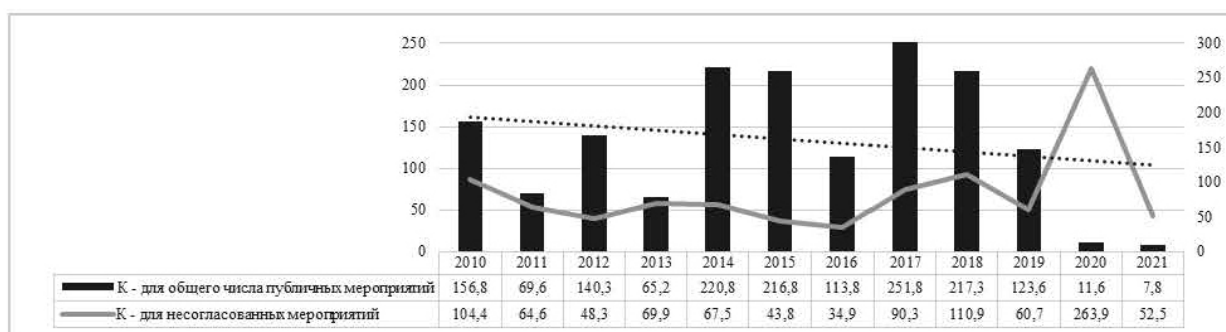
Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что массовость несогласованных публичных мероприятий существенно ниже показателя массовости всех мероприятий, а резкое увеличение данного показателя в 2020–2021 годах связано исключительно с изменением порядка проведения публичных мероприятий в условиях пандемии (когда практически все публичные мероприятия были запрещены).

Такое положение вещей объясняется не столько непривлекательностью несогласованных мероприятий, сколько специфическими формами их проведения. Согласно данным за 2017–2021 годы, 79 % всех протестных акций имели форму пикетирования, то есть изначально не предполагающую большого числа участников. На массовые формы протестных публичных мероприятий приходится соответственно 21 %, в том числе 17 % – на митинги.

Форма проведения публичного мероприятия и масштабы его массовости оказывают прямое влияние на правонарушающее поведение, создавая потенциально разные условия и разные ситуации для противоправной деятельности.

Диаграмма 6

Коэффициент массовости публичных мероприятий

Количество лиц, задержанных во время проведения публичных мероприятий

Имеющиеся данные свидетельствуют в частности, что количество лиц, задержанных сотрудниками органов правопорядка во время проведения публичных акций, напрямую определяется видом этих акций. В период 2010–2021 годов общий тренд задержаний на публичных мероприятиях рос. Если в 2010 году были задержаны 5028 человек, то в 2021 году – уже 21734 (см. диаграмму 7).

Удельный вес задержанных от общего числа всех участников всех публичных мероприятий составил в 2010 году – 0,07 %, в 2021 году – 5,23 %. Как видим, 2021 год заметно выделя-

ется из общего ряда. Объяснение этому опять же видится в том, что это был особый, «пандемийный» год, когда проведение публичных мероприятий было практически полностью блокировано санитарными требованиями. В целом же, если не брать во внимание эту флуктуацию, объём задержаний при проведении публичных мероприятий является крайне небольшим.

Вместе с тем, если дифференцированно определить удельный вес задержанных при проведении несогласованных и протестных акций, данные будут принципиально иными (см. таблицу 1).

Таблица 1

Удельный вес задержанных лиц от общего числа участников публичного мероприятия в зависимости от его вида

	Все мероприятия	Несогласованные мероприятия	Протестные акции		
			все	с политическими требованиями	с социально-экономическими требованиями
2017	0,05	10,1	0,8	1,0	0,2
2018	0,04	5,1	0,4	1,3	0,1
2019	0,06	14,9	0,8	3,4	0,3
2020	0,66	1,8	0,8	0,6	1,0
2021	5,23	14,8	9,3	11,1	0,8

Как наглядно представлено в таблице, объём задержаний на несогласованных акциях закономерно выше, чем в среднем при проведении публичных мероприятий. Эта закономерность предопределена изначально внеправовым характером несогласованной публичной акции, в силу чего едва ли не все её участники выступают в роли правонарушителей или лиц, злоупотребляющих правом на свободу мирных собраний и свободу выражения мнения.

Заметим также, что удельный вес задержаний на протестных акциях (хотя он и выше, чем в среднем по всем публичным мероприятиям) несопоставим с удельным весом задержаний на

несогласованных акциях. Это, с одной стороны, объясняется тем, что протестные акции в принципе вполне могут быть и согласованы (по большей части), а с другой стороны, даёт основание опровергнуть расхожее (особенно в средствах массовой информации) мнение о том, что протестные акции всегда жёстко пересекаются с массированным задержанием участников. Протест, когда он мирный и легальный, сам по себе не создаёт оснований для применения мер полицейского сдерживания и административных ограничений.

В то же время отметим в качестве значимого наблюдения, что удельный вес лиц, задержан-

Удельный вес и число привлечённых к административной ответственности, в общем числе лиц, задержанных при проведении публичных мероприятий

ных при проведении протестных акций с политическими требованиями, в целом стабильно более высок, чем доля задержанных участников протестов с социально-экономическими требованиями.

На протяжении всего периода наблюдения остаётся относительно стабильным удельный вес лиц, привлечённых к административной ответственности, в общем числе задержанных при проведении публичного мероприятия граждан. Он колеблется в пределах 65–80 % (см. диаграмму 8).

Вместе с тем, дифференцированный анализ объёмов административной деликтности в зависимости от вида публичного мероприятия подтверждает высказанные соображения о различной степени их деликтогенности (см. таблицу 2).

Наиболее неблагоприятными с точки зрения объёмов выявленных правонарушителей являются, как и ожидалось, несогласованные мероприятия и протестные акции с политическими требованиями.

Важное наблюдение даёт сопоставление общего массива лиц, привлечённых к административной ответственности во время проведения публичного мероприятия, с массивом лиц, привлечённых к ответственности во время проведения несогласованных мероприятий и протестных акций. Расчёты показывают, что

число лиц, привлечённых к административной ответственности во время проведения несогласованных акций, составляет в среднем за период 2017–2021 годов 92,4 % от общего массива лиц, привлечённых к административной ответственности во время публичных акций; число лиц, привлечённых к административной ответственности во время проведения протестных акций, меньше и составляет 62,5 %.

Эти закономерности подтверждаются и анализом показателей удельного веса лиц, привлечённых к уголовной ответственности за деяния, совершённые во время публичных мероприятий. Масштабы здесь, конечно, несопоставимы с показателями административной деликтности. За период 2010–2021 годов число лиц, привлечённых к уголовной ответственности, составило всего 113 человек, что в процентном отношении к общему числу участников всех публичных мероприятий крайне незначительно, на уровне статистической погрешности.

Тем не менее анализ показывает, что 99,0 % всех привлечённых к уголовной ответственности составили участники именно несогласованных публичных мероприятий; на долю участников протестных акций с политическими требованиями приходится 42,5 % привлечённых к уголовной ответственности, на долю протестующих с социально-экономическими требованиями – 28,9 %.

Таблица 2

Удельный вес привлечённых к административной ответственности от общего числа участников публичного мероприятия в зависимости от его вида

	Все мероприятия	Несогласованные мероприятия	Протестные акции		
			все	с политическими требованиями	с социально-экономическими требованиями
2017	0,04	8,3	0,7	0,8	0,1
2018	0,03	4,1	0,4	1,2	0,1
2019	0,05	14,2	0,7	3,2	0,2
2020	0,6	1,5	0,7	0,5	0,9
2021	4,6	13,0	8,0	9,7	0,7

Заметим также, что количество лиц, привлечённых к административной или уголовной ответственности, находится в зависимости и от формы проведения протестной акции.

В массе участников протестных собраний и демонстраций удельный вес лиц, привлечённых к административной ответственности, составляет в среднем 0,4 %, в массе участников протестных митингов – 0,9 %, пикетирований – 1,3 %, шествий – 1,6 %, среди участников мероприятий, сочетающих различные формы, – 3,2%. Объяснение таких весьма существенных расхождений видится в сочетании нескольких факторов: массовость, наличие факта передвижения, соблюдение заранее запланированной формы мероприятия. Среди участников протестных пикетирований объём привлечённых к административной ответственности выше, чем среди участников митингов, поскольку отсутствие массового, масштабного характера акции обеспечивает лучший контроль и выявляемость правонарушителей. Среди участников протестных собраний он ниже, чем среди участников митингов и шествий, поскольку само мероприятие строго ограничено в пространстве. Среди участников протестных митингов и шествий он ниже, чем среди участников сочетанных форм публичных мероприятий, поскольку граждане соблюдают заранее предустановленные и согласованные маршруты движения. Но как только и если протестная акция в процессе её развития меняет форму (с пикетирования на демонстрацию, с собрания на шествие и т. д.), как только возникает неорганизованное, стихийное, неуправляемое и неконтролируемое движение граждан, вероятность совершения административных правонарушений, а как следствие, и удельный вес привлечённых к административной ответственности участников мероприятия существенно возрастает.

Что касается преступной деятельности, то 94,9 % от общего числа лиц, привлечённых к уголовной ответственности во время проведения протестных акций, составили участники митингов. Это объясняется, по-видимому, массовостью мероприятия и его особым, наиболее ярко выраженным идеологическим настроением, поскольку митинг по определению есть выражение общественного мнения по поводу наиболее актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера.

Статистическая информация о повышенной деликтогенной и криминогенной опасности несогласованных публичных акций достоверно подтверждается и результатами анализа экспертного мнения³. Согласно проведённому опросу сотрудников правоохранительных органов, в среднем 78,3 % респондентов убеждены, что участники несогласованных с органами власти публичных акций в большей степени, нежели иные лица, склонны к совершению проти-

воправных деяний во время проведения таких мероприятий (и хотя этот показатель варьируется в зависимости от региона опроса – от 57,4 % в Московской области до 96,0 % в Республике Крым, в целом он подтверждает устойчивое и согласованное мнение экспертов). Представляют интерес и данные ответа на вопрос о том, как бы эксперты оценили в процентах риск совершения участниками несогласованных акций противоправных деяний. 23,1 % оценили такой риск в 50 %, а более половины (52,2 %) посчитали, что такая вероятность превышает 50 %. Здесь региональные различия в ответах особенно заметны и связаны, как представляется, с имеющимся в регионах опытом реагирования на несогласованные и протестные акции. Так, в Хабаровском и Приморском краях, в Москве и Республике Крым, где наблюдался высокий уровень протестной активности, эксперты оценивают криминогенность несогласованных акций как более вероятную.

Изложенное позволяет сделать несколько важных промежуточных выводов, значимых для продолжения настоящего исследования.

1. Публичные мероприятия сами по себе не обладают повышенным криминогенным и деликтогенным потенциалом. Представляя собой реализацию гражданами их конституционных прав и свобод, в основной своей массе эти мероприятия используются для выражения единства, сплочённости нации, для демонстрации уважения к памятным датам и общественно значимым событиям. Они проникнуты духом солидарности и объединяют политически и социально активных граждан, не склонных к деструктивной деятельности. Даже в тех случаях, когда публичное мероприятие являет собой протестную акцию, то есть используется для выражения несогласия с официальным, властным решением того или иного политически или общественно значимого вопроса, такая акция изначально не несёт в себе высокого криминогенного заряда.

2. Качественно иную ситуацию демонстрируют публичные мероприятия, проведение которых не согласовано с властными органами. Отсутствие факта согласования изначально выводит публичное мероприятие за рамки правового поля. Граждане, принимающие в нём участие, сознательно игнорируют это обстоятельство и столь же сознательно и самостоятельно ставят себя в положение нарушителей установленного порядка, игнорируя не только распоряжение официальной власти, но и ценность права, преодолевая упреждающее, сдерживающее воздействие закона. Неуважение к закону и поощрение такого неуважения справедливо признаётся одним из наиболее тревожных аспектов движения за гражданские права [5, с.785–803].

В связи с этим уместно вспомнить интересные рассуждения криминологов о наличии антикриминальных барьеров, которые преодолевает лицо, совершающее преступление. М. М. Бабаев и М. С. Крутер пишут: «Среди ряда барьеров, которые люди так или иначе должны

³ Итоги экспертного опроса, проведённого И. С. Ильиным на базе 14 субъектов Российской Федерации.

преодолеть на своём пути к преступлению, есть три, на наш взгляд, самых главных: их воздвигает нравственность (этика), культура, право. Неслучаен и порядок их перечисления по степени важности. ... Можно, наверняка, спорить о том, какой из этих барьеров первый, какой более высок. Главное в другом: нравственная и правовая культура, если они настоящие, несомненно способны увести человека с неправильного пути. Что же касается права, то его запреты, как мы уже сказали, есть последний, хотя и, конечно же, очень важный бастион. Но, как представляется, его важности, к сожалению, более скромны» [6, с. 185–186].

Если в нашей ситуации граждане преодолевают этот «последний барьер» – барьер права и закона, значит, можно уверенно говорить о том, что барьеры более высокого порядка – барьеры нравственности и культуры – не оказали сдерживающего эффекта, не смогли выступить препятствием на пути участия в неправовых акциях. Это обстоятельство привносит важный аспект в обсуждение личностных, социально-психологических характеристик участников несогласованных публичных мероприятий.

С одной стороны, можно, конечно, рассуждать о том, что такие граждане являют собой наиболее активную в общественно-политическом отношении часть населения страны, можно предположить благородство их намерений заявить протест и высказать свою позицию. Но с другой стороны, нельзя сбрасывать со счетов принципиально важную характеристику таких лиц: для реализации своих устремлений они сознательно избирают путь, нарушающий требования правовых норм. Отстаивая ценность права на свободу выражения мнений и свободу собраний, они по сути попирают ценность права как такового, игнорируют свойство прав выражать оптимальный баланс интересов всех участников всех общественных отношений.

С. А. Левицкий писал: «Совершённый моим “я” акт выбора руководящей ценности влечёт за собой не один “анатомический” поступок, а целую серию поступков, в которой каждое звено цепи психической причинности вытекает одно из другого» [7, с. 345]. Раз выбрав неправовой путь отстаивания собственных интересов, участники несогласованных акций едва ли не автоматически определяют вектор своего дальнейшего поведения, заранее устраняя барьеры права и культуры на пути криминальной деятельности.

Такая дефектность социально-психологических характеристик участников несогласованных публичных мероприятий создаёт специфический криминологический «фон»: на ограниченном пространстве аккумулируется группа граждан, для которых собственные интересы обладают более высоким значением по сравнению с интересами общества и ценностью правопорядка и которые готовы пренебречь общественными интересами ради достижения личных целей. Изначально присутствующий в несогласованной публичной акции элемент

противопоставления личных и общественных интересов делает эту акцию конфликтной, а следовательно, и потенциально опасной в криминальном отношении.

3. В общем массиве несогласованных публичных мероприятий отдельного внимания заслуживают несогласованные протестные акции. Важно при этом обратить внимание на содержание самого протеста. Он, как представляется, может быть весьма различным. Речь идёт не только и не столько о различии политических и социально-экономических требований протестующих граждан. Речь – о направленности протеста. Развивая идеи С. А. Левицкого о дифференциации свободы на отрицательную («от» чего-либо) и положительную («ради» чего-то), можно утверждать, что и протест как высшая форма демонстрации свободы в общественном пространстве может быть «позитивным» и «негативным».

Позитивный протест проникнут не просто несогласием с чем-либо, он призван утвердить некие положительные ценности и побуждать к конструктивным решениям, он всегда конкретен и чётко артикулирован. Такова, к примеру, протестная акция в форме митинга, состоявшаяся 7 ноября 2016 г. в Санкт-Петербурге, ориентированная на то, чтобы привлечь внимание государственной и районной власти к неудовлетворительному состоянию дополнительного образования для детей в Тосненском районе в сфере детского технического творчества, содержащая требования к органам исполнительной власти решить вопрос по капитальному ремонту здания Дома юного техника. Аналогично собрание граждан, состоявшееся 26 декабря 2020 г. с целью привлечения внимания СМИ, муниципальных властей и жителей к проблеме расширения мусорного полигона «Северная Самарка» и т. д.

Негативный протест, как правило, не конкретизирован в требованиях и направлен не столько на утверждение, сколько на отрицание существующего порядка вещей, на отмену принятых в установленном порядке решений. Он в большей степени демонстрирует негативное эмоциональное отношение участников к текущей ситуации и не направлен на предметный конструктивный диалог протестующих с властью. К примеру, к этому разряду событий можно отнести серию из восьми одиночных пикетов, состоявшихся в Санкт-Петербурге 3 октября 2020 г., участники которых выступали под лозунгами: «В моей смерти прошу винить Российскую Федерацию», «Путинский режим убивает!», «Отпустите полицейских на дачи. Хватит посылать их к людям с плакатами» и т. п.

Полагаем очевидным, что подчёркнуто негативный протест в социально-психологическом отношении более разрушителен, а криминологическом – более опасен⁴ [9]. Отсутствие

⁴ Это обстоятельство признают и социологи. В. Потуремский отмечает, в частности, что у современной оппозиции нет конструктивной повестки, её представители

созидательной идеи у протестующих рождает, если допустимо так выразиться, «бунтарский дух» участников публичной акции, мотивируя их исключительно на разрушение всего, что им противостоит – от идеологических ценностей до окружающих предметов материального мира (транспорта, витрин, дорог и пр.) и людей, пытающихся противостоять деструкции.

4. И, наконец, ещё одно замечание общего порядка, характеризующее негативный несанкционированный протест. Содержательная мотивация протеста – политическая либо социально-экономическая – вносит свой вклад в характеристику криминогенного потенциала публичного мероприятия. Анализ убедительно свидетельствует, что несогласованные акции с политическими требованиями всегда более разрушительны по сравнению с акциями социально-экономическими. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, линии социально-экономического и политического протеста не всегда и не обязательно совпадают. В отсутствие такого совпадения, когда социально-экономический протест лишён политической подоплёки (например, протесты против повышения тарифов ЖКХ), он обладает существенным интегративным свойством, обеспечивая сплочение как самих участников протеста, так и протестующих с внешним окружением, включая силы правопорядка. Во-вторых, в силу этого сугубо социально-экономический протест воспринимается общественным сознанием как одобряемая акция, которая, кстати, совершенно особым образом освещается средствами массо-

вой информации, по преимуществу в спокойных и неосуждаемых тонах. В-третьих, такой протест, как правило, в большей степени созидателен и потому находит лучший отклик у представителей власти и администрации, к которой он, собственно, и обращён. Иное дело протесты сугубо политические. Они имеют подчёркнуто идеологическое содержание, а разделение и противостояние по идеологическому принципу, как известно, всегда более агрессивно.

На основании сказанного можно провести градацию публичных мероприятий по степени их потенциальной криминогенности и деликтогенности. Ранжирование в данном случае имеет лестничный характер, где на первой ступени расположен общий массив всех публичных мероприятий, затем – протестные акции (и прежде всего политически мотивированные), затем – несогласованные акции, а на самой вершине лестницы – несогласованные политически мотивированные публичные мероприятия. Именно они обладают наивысшим потенциалом криминогенной опасности и в силу этого должны стать объектом пристального наблюдения как исследователей-криминологов, так и практических сотрудников правоохранительных органов. Такие мероприятия сочетают в себе негативную разрушительную мотивацию, идеологическое противостояние и заведомо неправовую форму, что в совокупности образует уникальный сплав характеристик, располагающих к противоправным действиям, в социально-психологическом отношении способствующим им и облегчающим их совершение.

Наглядным подтверждением выявленных закономерностей могут служить данные, отражающие противоправную активность участников публичных мероприятий. Опрошенные при проведении исследования эксперты в основной массе полагают, что к противоправной деятельности склонна большая часть участников несогласованных акций: 22 % при ответе на вопрос «Многие ли участники несогласованных пу-

не пытаются договариваться, созидать, исправлять. «Это сродни современному акционизму, то есть способ самовыражения и достижения эмоциональной реакции», – полагает эксперт. Он не исключает, что такое поведение оппозиции повышает вероятность радикализации протестов. «Если мы не понимаем, что мы хотим сказать, то это диссонансное состояние может перетечь в радикализацию. И это вызывает сильную тревогу и напряжение».

Таблица 3

Коэффициенты противоправной активности (2021)

Вид мероприятий	Удельный вес задержанных от общего числа участников	Удельный вес от числа задержанных лиц привлечённых к ответственности:		Коэффициент активности (на 10 тыс человек)	
		Административной	Уголовной	Административно-деликтной	Криминальной
Все публичные мероприятия	5,4	87,7	0,2	477,3	1,15
Несогласованные	15,4	88,1	0,2	1359,2	3,3
Протестные акции (все)	9,7	85,7	0,3	832,6	3,13
Протест с политическими требованиями	11,8	87,3	0,4	1026,6	4,3
Протест с соц.-эконом. требованиями	0,8	85,7	0,0	68,0	0,0

бличных акций, по Вашему мнению, совершают противоправные деяния?» предпочли ответ «большинство» и еще 35,8 % – ответ «примерно половина»; только 6,5 % опрошенных считает, что противоправной деятельностью занимается «крайне незначительное меньшинство» участников несогласованных акций.

Дополняют и уточняют эти оценки показатели коэффициентов противоправной активности участников различных публичных мероприятий (табл. 4).

Для расчёта здесь использованы данные за 2021 год, когда было выявлено наибольшее за все время наблюдения число лиц, привлечённых к уголовной ответственности. Анализ убедительно свидетельствует, что коэффициент административно-деликтной и криминальной активности в разы выше именно на несогласованных и политически мотивированных протестных акциях по сравнению с показателями этой же активности в общем массиве всех публичных мероприятий. Коэффициент административно-деликтной активности наиболее высок при проведении несогласованных акций (что вполне объясняется, кроме прочего, самим характером таких акций, едва ли не все участники которых могут быть признаны нарушителями административного запрета), а наиболее высокий коэффициент криминальной активности – у протестных акций с политическими требованиями.

Список литературы

1. Аюшеева Д. А. Участие молодежи в протестных акциях в современной России как способ самоидентичности // *Управленческое консультирование*. – 2019. – № 6 (126) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-molodezhi-v-protestnyh-aktsiyah-v-sovremennoy-rossii-kak-sposob-samoidentichnosti> (дата обращения: 16.01.2023).
2. Бареев М. Ю., Качурина И. О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // *Регионология*. – 2019. – № 3 (108) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/youtube-kak-faktor-formirovaniya-protestnogo-potentsiala-molodezhi> (дата обращения: 16.01.2023).
3. Дементьева И. Н. Протестные настроения жителей региона как проявление деструктивных форм гражданской активности // *Society and Security Insights*. – 2020. – № 2 [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnye-nastroeniya-zhiteley-regiona-kak-proyavlenie-destruktivnyh-form-grazhdanskoj-aktivnosti> (дата обращения: 16.01.2023).
4. Пономарев Н. А., Белов С. И., Майлис А. А. Противодействие росту вовлечённости молодежи в радикальный политический протест (на материалах массовых выступлений 2017 г.) // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2018. – № 67 [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-rostu-vovlechnosti-molodezhi-v-radikalnyy-politicheskiy-protest-na-materialah-massovyh-vystupleniy-2017-g> (дата обращения: 16.01.2023).
5. Marshall B. The Protest Movement and the Law. *Virginia Law Review*. – 1965. – Vol. 51. – № 5. – P. 785–803.
6. Бабаев М. М., Крутер М. С. Молодёжная преступность. – Москва: Юрист, 2006. – 381 с. С. 185–186.
7. Левитский С. А. Трагедия свободы (1958) // *Трагедия свободы. Избранные произведения*. – Москва: Астрель, 2008. – С. 345.
8. Савенков Р. В., Сотников А. И. Стратегия и тактика действий региональных и муниципальных властей в период локальных акций общественного протеста (пример Воронежской области 2016–2018 гг.) // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2019. – № 76. [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-taktika-deystviy-regionalnyh-i-munitsipalnyh-vlastey-v-period-lokalnyh-aktsiy-obschestvennogo-protesta-primer-voronezhskoy> (дата обращения: 16.01.2023).
9. Рожкова Е. Далеко не школата. Социологи о портрете и мотивации вышедших на протестные акции россиян [Электронный ресурс] // *Kommersant.ru*: сайт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (дата обращения: 03.04.2022).
10. Ильин И. С. Теоретические основы криминологического анализа и предупреждения демонстративно-протестной преступности. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Юнити-Дана», 2022. – 208 с.
11. Петросяниц Д. В., Юшков И. В. Анализ-прогноз возможной динамики социально-политических предпочтений российской студенческой молодежи в 2018–2024 гг. // *РППЭ*. – 2018. – № 11 (97) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prognoz-vozmozhnoy-dinamiki-sotsialno-politicheskikh-predpochteniy-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi-v-2018-2024-gg> (дата обращения: 16.01.2023).
12. Назаров М. М. Политический протест: опыт эмпирического анализа // *Социологические исследования*. – 1995. – № 1. – С. 47–59. 54 с.
13. Гусейнов А. Ш. Негативный потенциал протеста: психологический анализ // *Армия и общество: Научно-информационный журнал*. – 2013. – № 1 (33). – С. 169–175.
14. Чеботарева И. В., Мрочко Л. В., Пирогова Л. И. Причины и особенности протестных настроений в молодежной среде // *ЭСГИ*. – 2019. – № 3 (23) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-osobennosti-protestnyh-nastroeniy-v-molodezhnoy-srede> (дата обращения: 16.01.2023).

15. Юдина Т. Н., Мазаев Ю. Н., Бормотова Т. М., Жуков П. С. Состояние и динамика протестной активности в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2020. – № 1 [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-dinamika-protestnoy-aktivnosti-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 16.01.2023).

References

1. Ayusheyeva D. A. Uchastie molodozhi v protestnykh aktsiyakh v sovremennoy Rossii kak sposob samoidentichnosti // Upravlencheskoye konsul'tirovaniye. – 2019. – № 6 (126) [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-molodezhi-v-protestnyh-aktsiyah-v-sovremennoy-rossii-kak-sposob-samoidentichnosti> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
2. Bareyev M. Yu., Kachurina I. O. YouTube kak faktor formirovaniya protestnogo potentsiala molodezhi // Regionologiya. – 2019. – № 3 (108) [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/youtube-kak-faktor-formirovaniya-protestnogo-potentsiala-molodezhi> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
3. Dement'yeva I. N. Protestnyye nastroyeniya zhiteley regiona kak proyavleniye destruktivnykh form grazhdanskoy aktivnosti // Society and Security Insights. – 2020. – № 2 [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protestnye-nastroeniya-zhiteley-regiona-kak-proyavlenie-destruktivnykh-form-grazhdanskoy-aktivnosti> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
4. Ponomarev N. A., Belov S. I., Maylis A. A. Protivodeystviye rostu vovlechonnosti molodozhi v radikal'nyy politicheskiy protest (na materialakh massovykh vystupleniy 2017 g.) // Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. – 2018. – № 67 [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-rostu-vovlechonnosti-molodezhi-v-radikalnyy-politicheskiy-protest-na-materialah-massovykh-vystupleniy-2017-g> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
5. Marshall B. The Protest Movement and the Law. Virginia Law Review. – 1965. – Vol. 51. – № 5. – P. 785–803.
6. Babayev M. M., Kruter M. S. Molodozhnaya prestupnost'. – Moskva: Yurist, 2006. – 381 s. S. 185–186.
7. Levitskiy S. A. Tragediya svobody (1958) // Tragediya svobody. Izbrannyye proizvedeniya. – Moskva: Astrel', 2008. – S. 345.
8. Savenkov R. V., Sotnikov A. I. Strategiya i taktika deystviy regional'nykh i munitsipal'nykh vlastey v period lokal'nykh aktsiy obshchestvennogo protesta (primer Voronezhskoy oblasti 2016–2018 gg.) // Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. – 2019. – № 76 [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-i-taktika-deystviy-regionalnyh-i-munitsipalnyh-vlastey-v-period-lokalnyh-aktsiy-obshchestvennogo-protesta-primer-voronezhskoy> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
9. Rozhkova Ye. Daleko ne shkolota. Sotsiologi o portrete i motivatsii vyshedshikh na protestnyye aktsii rossiyan [Elektronnyy resurs] // Kommersant.ru: sayt. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4670663> (data obrashcheniya: 03.04.2022).
10. Il'in I. S. Teoreticheskiye osnovy kriminologicheskogo analiza i preduprezhdeniya demonstrativno-protestnoy prestupnosti. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu Izdatel'stvo «Yuniti-Dana», 2022. – 208 s.
11. Petrosyants D. V., Yushkov I. V. Analiz-prognoz vozmozhnoy dinamiki sotsial'no-politicheskikh predpochteniy rossiyskoy studencheskoy molodozhi v 2018–2024 gg // RPPE. – 2018. – № 11 (97) [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prognoz-vozmozhnoy-dinamiki-sotsialno-politicheskikh-predpochteniy-rossiyskoy-studencheskoy-molodezhi-v-2018-2024-gg> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
12. Nazarov M. M. Politicheskiy protest: opyt empiricheskogo analiza // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 1995. – № 1. – S. 47–59. 54 s.
13. Guseynov A. Sh. Negativnyy potentsial protesta: psikhologicheskii analiz // Armiya i obshchestvo: Nauchno-informatsionnyy zhurnal. – 2013. – № 1 (33). – S. 169–175.
14. Chebotareva I. V., Mrochko L. V., Pirogova L. I. Prichiny i osobennosti protestnykh nastroyeniy v molodezhnoy srede // ESGI. – 2019. – № 3 (23) [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-osobennosti-protestnyh-nastroeniy-v-molodezhnoy-srede> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
15. Yudina T. N., Mazayev Yu. N., Bormotova T. M., Zhukov P. S. Sostoyaniye i dinamika protestnoy aktivnosti v sovremennom rossiyskom obshchestve // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya. – 2020. – № 1 [Elektronnyy resurs] // Syberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sostoyanie-i-dinamika-protestnoy-aktivnosti-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (data obrashcheniya: 16.01.2023).

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 15.11.2022; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted October 25, 2022; approved after reviewing November 15, 2022; accepted for publication January 23, 2023.

Научная статья
УДК 343.36
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-87-92

Арсений Алексеевич Кирьянов

<https://orcid.org/0000-0003-2976-0444>, russtyle89@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации

Аннотация: Введение. Ущерб от преступлений за 2022 год (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 748,3 млрд руб. Статья 312 УК РФ призвана обеспечивать нормальное функционирование правоохранительной системы по исполнению наказания или возмещению вреда. Существуют теоретические и практические проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 312 УК РФ. Данные проблемы усиливают риск причинения вреда правосудию, а также затрудняют либо делают невозможным исполнение судебного решения (в исполнительном производстве), возмещение ущерба, который причинён преступлением или иным правонарушением, осуществление конфискации имущества, назначенной по приговору суда.

Методы. Методологической основой исследования выступают следующие методы познания: системно-структурный, описательно-аналитический и статистический, применение которых позволило исследовать преступления, предусмотренные ст. 312 УК РФ.

Результаты. В качестве выводов автором формулируются предложения по совершенствованию действующей правоприменительной практики квалификации незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации. Рассмотрено, какое имущество само по себе не может выступать предметом преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ. Выявлены случаи, когда исследуемые деяния надлежит квалифицировать по совокупности преступлений – рассматриваемых норм (ст. 312 УК РФ) и соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: преступления против правосудия, арест имущества, конфискации, исполнение наказания, возмещение вреда, исполнение судебного решения

Для цитирования: Кирьянов А. А. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 87–92; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-87-92.

Arseniy A. Kiryanov

<https://orcid.org/0000-0003-2976-0444>, russtyle89@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Illegal acts in relation to property subjected to inventory, seizure or confiscation

Abstract: Introduction. Damages from crimes in 2022 (for completed and suspended criminal cases) amounted to 748.3 billion roubles. Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation is designed to ensure the proper functioning of the law enforcement system for the execution of punishment or compensation of damages. There are theoretical and practical problems in qualifying offences under paragraphs 1 and 2 of Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation. These problems increase the risk of harm to justice, and also make it difficult or impossible to execute court decisions (in enforcement proceedings), to compensate for damages caused by a crime or other offence, to carry out confiscation of property imposed by a court verdict.

Methods. The following cognitive methods serve as a methodological basis for the study: system-structural, descriptive-analytical and statistical methods, the application of which made it possible to study the crimes under Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Results. As a conclusion the author formulates proposals for improving the current law enforcement practice of qualification of illegal actions in relation to property subjected to inventory, seizure or confiscation. The author considers types of property that cannot be the subject of an offence under Article 312 of the Criminal Code of the Russian Federation. The cases when the investigated acts should be qualified under the totality of crimes – the norms in question (Art. 312 of the Criminal Code of the RF) and the relevant articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation were revealed.

Keywords: crimes against justice, seizure of property, confiscation, execution of punishment, compensation for damages, execution of a court decision

For citation: Kiryanov A. A. Illegal acts in relation to property subjected to inventory, seizure or confiscation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 87–92; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-87-92.

Введение

Ущерб от преступлений за 2022 год (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 748,3 млрд руб.¹ Статья 312 УК РФ призвана обеспечивать нормальное функционирование правоохранительной системы по исполнению наказания или возмещению вреда. Общественная опасность исследуемых деяний, прежде всего, состоит в их способности причинять вред правосудию [1, с. 115–116], а также в затруднении либо невозможности обеспечения исполнения судебного решения (в исполнительном производстве), возмещения ущерба, который причинён преступлением или иным правонарушением, осуществления конфискации имущества, назначенной по приговору суда. Цель исследования – выявление теоретических и практических проблем квалификации преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 312 УК РФ, а также предложение способов их решения путём совершенствования действующей правоприменительной практики.

Задачи исследования:

- рассмотреть предмет преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 312 УК РФ;
- проанализировать объективные и субъективные признаки незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации;
- разработать научно обоснованные рекомендации по квалификации исследуемых деяний;
- выявить меры по предупреждению незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации.

Методы. Методологической основой выступают следующие методы познания: системно-структурный (при раскрытии уголовно-правовых особенностей объективных и субъективных признаков незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту

либо подлежащего конфискации), описательно-аналитический (при формулировании мер по предупреждению) и статистический (при рассмотрении и обобщении материалов судебно-следственной практики, статистических данных), применение которых позволило исследовать преступления, предусмотренные ст. 312 УК РФ.

Результаты. Незаконные действия с имуществом, подвергнутому аресту, нарушают нормальную деятельность правосудия, интересы юридических и физических лиц по обеспечению возмещения ущерба, причинённого правонарушением или преступлением [2, с. 80]. Ю. И. Кулешов считает, что исследуемая уголовно-правовая норма служит реальной гарантией исполнения судебного акта в целях защиты нарушенных прав и законных интересов физических и юридических лиц [3, с. 204]. Неверная уголовно-правовая оценка общественно опасного деяния, а также необоснованный отказ в иске или его удовлетворение по гражданскому делу могут являться основаниями для признания акта суда неправосудным [4, с. 94].

Предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, может выступать только имущество, подвергнутое описи или аресту по закону. При изучении правоприменительной практики было выявлено, что диапазон стоимости данного имущества весьма широк. Распространены случаи, когда стоимости предмета исследуемого преступления не уделяется должного внимания. При этом даже если имущество, подвергнутое описи или аресту либо подлежащее конфискации, имеет стоимость свыше 1 млн рублей, всё равно деяние будет квалифицировано по ч. 1 или ч. 2 ст. 312 УК РФ. Необходимо учитывать, когда те же деяния совершаются в крупном или особо крупном размере, так как в этом случае степень общественной опасности повышается. В связи с этим крупным размером в ст. 312 УК РФ необходимо признавать стоимость имущества, превышающую 250 000 рублей, а особо крупным – превышающую 1 000 000 рублей.

Учитывая диспозицию ч. 2 ст. 312 УК РФ, предметом преступления является имущество, подлежащее конфискации по приговору суда.

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года [Электронный ресурс] // Сайт МВД России. – URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 09.02.2023).

Отсюда важный признак предмета данного преступления. Поскольку имеется формулировка «по приговору суда», таковым может быть только имущество, конфискованное или подлежащее конфискации в рамках уголовного судопроизводства. А. И. Коробеев и Ю. И. Кулешов обоснованно полагают, что имущество, конфискованное в порядке ст. 3.7 КоАП РФ, уже нельзя отнести к предмету данного преступления в связи с тем, что конфискация осуществляется в рамках не уголовного, а административного производства, где приговор не выносится [5, с. 57].

По мнению А. И. Друзина, сокрытие или присвоение имущества, подлежащего конфискации по приговору суда, а равно иное уклонение от исполнения вступившего в законную силу приговора суда о назначении конфискации имущества (ч. 2 ст. 312 УК РФ) – это квалифицированный вид преступления, который предусмотрен ч. 1 ст. 312 УК РФ [6, с. 26]. Думается, что ч. 2 ст. 312 УК РФ необходимо рассматривать как самостоятельный состав преступления, так как предметы преступлений здесь разные. Ю. И. Кулешов также придерживается мнения, что ч. 2 ст. 312 УК РФ предусматривает самостоятельный состав преступления [3, с. 211].

Долгое время в отечественном уголовном законодательстве конфискация имущества предусматривалась в качестве дополнительного вида наказания. После принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ конфискация имущества была упразднена как вид уголовного наказания (п. «ж» ст. 44 УК РФ утратил силу) [7, с. 39]. В связи с этим уголовным законодательством было утрачено одно из активных средств влияния на корыстную преступность [8, с. 3]. Конфискация имущества не является теперь видом наказания и представляет собой иную меру уголовно-правового воздействия, в соответствии с которой имущество, деньги и иные ценности, находящиеся во владении субъекта преступления, могут быть конфискованы в доход государства лишь в том случае, когда будет доказано, что они добыты преступным путём [9, с. 194].

Также необходимо учитывать, что предметами преступлений, предусмотренных ст. 312 УК РФ, не могут выступать сами по себе: огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывные устройства, взрывчатые вещества, наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры и аналоги, сильнодействующие и ядовитые вещества, психоактивные вещества, лекарственные средства, медицинские изделия, биологически активные добавки и т. п., так как посягательства, совершаемые посредством воздействия на данные предметы, направлены на причинение вреда иным основным объектам уголовно-правовой охраны.

Если такие предметы подвергнуты описи или аресту либо конфискации, то необходимо квалифицировать по совокупности преступлений – рассматриваемых норм (ст. 312 УК РФ) и соответствующих статей Особенной части УК РФ, которые предусматривают ответствен-

ность за незаконные деяния, совершённые с данными предметами.

Встречаются случаи, когда не учитываются признаки преступлений, предусмотренных ст. 312 УК РФ, при совершении должностным лицом незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации.

Так, Советским районным судом гор. Улан-Удэ 24 января 2018 года вынесен приговор в отношении М., который признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 УК РФ – совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан, а именно – использовал арестованную автомашину марки «Toyota Corolla» в личных целях, в том числе самостоятельно перемещался на ней по территории Республики Бурятия, а потом продал своему родственнику². В представлении некоторых следователей ст. 286 УК РФ считается универсальной и её необходимо вменять лицам, которые совершили хищение, злоупотребление должностными полномочиями и другие преступления [10, с. 48].

Думается, что в данном деянии содержатся также признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ, при условии, что данное имущество было вверено на ответственное хранение. В этом случае необходимо квалифицировать данное деяние по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 312 УК РФ и ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Квалификация преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 312 УК РФ, вызывает большие трудности при соотношении со смежными составами преступлений и в случаях конкуренции с другими уголовно-правовыми нормами [11, с. 12]. Практика применения исследуемой нормы основывается на позиции, что состав данного преступления будет иметь место только в случае, когда вступило в силу судебное решение, в соответствии с которым осуществляется наложение ареста на имущество. А незаконные действия в отношении имущества, на которое наложен арест в соответствии с решением налогового или таможенного органа с санкции прокурора, как правило, не влекут уголовной ответственности [12, с. 18–19].

Отсутствие единого толкования признаков исследуемого состава преступления ведёт к тому, что судами и прокурорами в субъектах Российской Федерации применяются различные подходы к квалификации и требованиям. Объективная сторона исследуемого состава преступления предусматривает широкий спектр деяний. Несмотря на это, всё равно существует возможность не обнаружить арестованное имущество в месте хранения из-за

² Советский районный суд г. Улан-Удэ : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: sovetsky.bur.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=524 (дата обращения: 24.01.2023).

противоправных действий хранителя, причём некоторые деяния не образуют данного состава преступления. Например, в случае уничтожения имущества, подвергнутого аресту, лицом, которому оно было вверено. Данное деяние более общественно опасно, чем сокрытие имущества. При уничтожении имущество уже невозможно использовать для исполнения имущественных взысканий. В данном случае возможно привлечение лица за преступление, предусмотренное ст. 315 УК РФ, но для привлечения к уголовной ответственности необходимо наличие специального субъекта [13, с. 35–39]. В случае, когда было уничтожено чужое имущество, возможно вменение ст. 167 УК РФ при условии, если ущерб был значительным. А если имущество было собственное либо чужое, но ущерб был незначительным, уничтожение такого имущества не образует состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. Повреждение, ухудшение состояния, приведение в негодность полностью или частично тоже не охватывается объективной стороной состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 312 УК РФ. Действия по уничтожению или утрате имущества, подвергнутого аресту, лицом, которому оно было вверено, необходимо квалифицировать как растрата, но при условии, что они совершаются умышленно и с целью отказа от возмещения ущерба, причинённого преступлением или иным правонарушением.

Под растратой в ст. 312 УК РФ необходимо рассматривать умышленные потребление, израсходование, уничтожение, повреждение, подмену, утрату имущества, подвергнутого описи или аресту, лицом, которому это имущество было вверено.

Также одной из проблем квалификации является то, что ущерб относят к необходимым признакам исследуемого состава преступления. В действующем законодательстве отсутствует минимально необходимый размер ущерба для возбуждения уголовного дела. Размер имущественного ущерба не является признаком ст. 312 УК РФ и не влияет на образование данного состава преступления, поскольку не стоимость имущества, а его специфический правовой статус обуславливает общественную опасность анализируемого преступления.

Основная задача предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 312 УК РФ, – устранение причин и условий их совершения [14, с. 71]. Для преступления, предусматривающего ответственность по ст. 312 УК РФ, добровольная сдача вышеуказанных предметов знаменует собой фактическое окончание преступного деяния [15, с. 215]. Думается, что добровольную сдачу имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации по приговору суда, необходимо поощрять и рассматривать как обстоятельство, смягчающее наказание, либо в отдельных случаях освобождать от уголовной ответственности в связи с тем, что экономятся силы и время должностных лиц по поиску и обнаружению предмета преступления,

предусмотренного ст. 312 УК РФ. Довольно часто можно обнаружить данное имущество только благодаря помощи со стороны виновного лица. При этом предупреждается наступление большего вреда и выполняется профилактическая функция.

Заключение

Предметом преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации», не могут выступать сами по себе огнестрельное оружие, боеприпасы, взрывные устройства, взрывчатые вещества, наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры и аналоги, сильнодействующие и ядовитые вещества, психоактивные вещества, лекарственные средства, медицинские изделия и биологически активные добавки и т. п., так как посягательства, совершаемые посредством воздействия на данные предметы, направлены на причинение вреда иным основным объектам уголовно-правовой охраны.

В то же время, если таковые предметы подвергнуты описи или аресту либо конфискации, посягательство на них образует совокупность преступлений – рассматриваемых норм (ст. 312 УК РФ) и соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса России, предусматривающих ответственность за незаконные деяния, совершенные с данными предметами.

Уголовная ответственность может быть дифференцирована и в зависимости от стоимостного выражения имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ «Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации», может являться вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, которому имущество, подвергнутое описи или аресту либо подлежащее конфискации, оставлено (вверено) на ответственное хранение.

В случаях, когда лицо, совершившее незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации, помимо вышеперечисленных признаков обладает признаками должностного лица и использует при этом своё должностное или служебное положение, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности преступлений – рассматриваемых норм (ст. 312 УК РФ) и соответствующих статей Особенной части Уголовного кодекса России, предусматривающих ответственность за преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Учитывая фактически складывающуюся отечественную практику квалификации посягательств на арестованное имущество как растрату, предлагается внести дополнение в постановление Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 28 июня 2022 года № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» п. 28 следующего содержания:

«Под растратой применительно к ст. 312 УК РФ следует понимать умышленное потребление, израсходование, уничтожение, повреждение, подмену, утрату имущества, подвергнутого описи или аресту, лицом, которому это имущество было вверено»;

«Разъяснить судам, что преступление, предусмотренное ст. 312 УК РФ, признается оконченным с момента совершения незаконных действий, запрещённых данной нормой (формальный состав преступления). Наступление общественно опасных последствий не является признаком состава преступления, предусмотренного ст. 312 УК РФ, но может учитываться при назначении наказания».

С целью устранения или минимизации незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации, требуется применять комплекс социально-экономических, организационно-управленческих, правовых, морально-психологических мер профилактики (усиление контроля за деятельностью должностных лиц и законностью принимаемых ими решений, с учётом характеристики личности, на чьё хранение передаётся имущество; эффективная ресоциализация ранее судимых лиц; введение в виде обязательных требований наличия мест хранения конфискованного, арестованного имущества; проверка сохранности вверенного на хранение имущества; совершенствование законодательства; материальное стимулирование добросовестного исполнения служебных обязанностей; повышение уровня правосознания и др.).

Список литературы

1. *Дворянсков И. В.* Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации / Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всерос. научно-практической конференции, Томск 19–20 апреля 2018 г.: в 2 ч. / под общ. ред. В. А. Уткина, вып. 6. – Томск: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России, 2018. – Ч. 1. – С. 115–121.
2. *Гельдибаев М. Х.* Квалификация преступлений против правосудия : монография. – Санкт-Петербург: Центр научно-производственных технологий «Астерион», 2021. – 104 с.
3. *Кулешов Ю. И.* Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения : монография. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2007. – 296 с.
4. *Метельский П. С., Верченко Н. И.* Уголовная ответственность за заведомо неправосудные приговор, решение или иной судебный акт // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 17. – № 3. – С. 93–102.
5. *Коробеев А. И., Кулешов Ю. И.* Будет ли востребована ст. 312 УК РФ после восстановления конфискации имущества? // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 55–58.
6. *Друзин А.* Диспозиция ст. 312 УК РФ требует уточнения // Законность. – 2002. – № 10. – С. 12–16.
7. *Лаптев Д. Б.* О совершенствовании института конфискации имущества в уголовном праве России // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 39–44.
8. *Бавсун М. В., Николаев К. Д., Самойлова С. Ю.* Конфискации имущества в российском уголовном законодательстве : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – С. 240 с.
9. *Сучков Ю. И.* Конфискацию имущества необходимо вернуть в уголовное законодательство Российской Федерации в виде меры наказания / V Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии» : материалы Международной научно-практической конференции. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2017. – С. 193–195.
10. *Векленко В. В., Борков В. Н.* Расширительное толкование превышения должностных полномочий // Российский следователь. – 2019. – № 6. – С. 48–51.
11. *Векленко С. В., Виноградов Д.* Проблемы отграничения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 312 УК РФ от смежных и конкурирующих составов преступлений // Уголовное право. – 2007. – № 5. – С. 12–16.
12. *Швейгер А. О.* Проблемные вопросы уголовной ответственности за совершение незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту (ст. 312 УК РФ) // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2019. – № 4 (49). – С. 17–22.
13. *Плаксина Т. А.* Уголовная ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ) : монография. – Баранул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2007. – 93 с.
14. *Кашапов Р. М.* Специальные меры предупреждения преступлений против правосудия / Система профилактики преступности: современное состояние, проблемы и перспективы развития : материалы Ежегодного межведомственного круглого стола. Санкт-Петербург, 25 октября 2017 года / сост.: Клишков В. Б., Сагайдак А. Ю., Павлик Е. М. – Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2017. – С. 70–75.

15. Лобанова Л., Суркова О. Добровольная сдача предметов, находящихся в незаконном владении лица, совершившего преступление, как смягчающее наказание обстоятельство // Уголовное право. – Москва: АНО «Юридические программы», 2014. – № 2. – С. 46–52.

References

1. Dvoryankov I. V. Nezakonnyye deystviya v otnoshenii imushchestva, podvergnutogo opisi ili arestu libo podlezhashchego konfiskatsii / Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo : materialy Vseros. nauchno-prakticheskoy konferentsii, Tomsk 19–20 aprelya 2018 g.: v 2 ch. / pod obshch. red. V. A. Utkina, vyp. 6. – Tomsk: FKU DPO Tomskiy IPKR FSIN Rossii, 2018. – Ch. 1. – S. 115–121.
2. Gel'dibayev M. Kh. Kvalifikatsiya prestupleniy protiv pravosudiya : monografiya. – Sankt-Peterburg: Tsentr nauchno-proizvodstvennykh tekhnologiy «Asterion», 2021. – 104 s.
3. Kuleshov Yu. I. Prestupleniya protiv pravosudiya: problemy teorii, zakonotvorchestva i pravoprimeneniya : monografiya. – Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta, 2007. – 296 s.
4. Metel'skiy P. S., Verchenko N. I. Ugolovnaya otvetstvennost' za zavedomo nepravosudnyye prigovor, resheniye ili inoy sudebnyy akt // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2020. – T. 17. – № 3. – S. 93–102.
5. Korobeyev A. I., Kuleshov Yu. I. Budet li vostrebovana st. 312 UK RF posle vosstanovleniya konfiskatsii imushchestva? // Ugolovnoye pravo. – 2007. – № 2. – S. 55–58.
6. Druzin A. Dispozitsiya st. 312 UK RF trebuet utochneniya // Zakonnost'. – 2002. – № 10. – S. 12–16.
7. Laptev D. B. O sovershenstvovanii instituta konfiskatsii imushchestva v ugolovnom prave Rossii // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 3. – S. 39–44.
8. Bavsun M. V., Nikolayev K. D., Samoylova S. Yu. Konfiskatsiya imushchestva v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – S. 240 s.
9. Suchkov Yu. I. Konfiskatsiyu imushchestva neobkhodimo vozvratit' v ugolovnoye zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii v vide mery nakazaniya / V Baltiyskiy yuridicheskiy forum «Zakon i pravoporyadok v tret'yem tysyacheletii» : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Kaliningrad: Kaliningradskiy filial Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii, 2017. – S. 193–195.
10. Veklenko V. V., Borkov V. N. Rasshiritel'noye tolkovaniye prevysheniya dolzhnostnykh polnomochiy // Rossiyskiy sledovatel'. – 2019. – № 6. – S. 48–51.
11. Veklenko S. V., Vinogradov D. Problemy otgranicheniya prestupleniy, predusmotrennykh ch. 1 st. 312 UK RF ot smezhnykh i konkuriruyushchikh sostavov prestupleniy // Ugolovnoye pravo. – 2007. – № 5. – S. 12–16.
12. Shveyger A. O. Problemnyye voprosy ugolovnoy otvetstvennosti za soversheniye nezakonnykh deystviy v otnoshenii imushchestva, podvergnutogo opisi ili arestu (st. 312 UK RF) // Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 4 (49). – S. 17–22.
13. Plaksina T. A. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnyye deystviya v otnoshenii imushchestva, podvergnutogo opisi ili arestu libo podlezhashchego konfiskatsii (st. 312 UK RF) : monografiya. – Baranul: Izd-vo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007. – 93 s.
14. Kashapov R. M. Spetsial'nyye mery preduprezhdeniya prestupleniy protiv pravosudiya / Sistema profilaktiki prestupnosti: sovremennoye sostoyaniye, problemy i perspektivy razvitiya : materialy Yezhegodnogo mezhdvedomstvennogo kruglogo stola. Sankt-Peterburg, 25 oktyabrya 2017 goda / sost.: Klishkov V. B., Sagaydak A. Yu., Pavlik Ye. M. – Sankt-Peterburg: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2017. – S. 70–75.
15. Lobanova L., Surkova O. Dobrovol'naya sdacha predmetov, nakhodyashchikhsya v nezakonnom vladenii litsa, sovershivshogo prestupleniye, kak smyagchayushcheye nakazaniye obstayatel'stvo // Ugolovnoye pravo. – Moskva: АНО «Юридические программы», 2014. – № 2. – С. 46–52.

Статья поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted January 10, 2023; approved after reviewing February 9, 2023; accepted for publication March 15, 2023.

Научная статья
УДК 343
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-93-100

Александр Сергеевич Лебедев

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0002-1145-2403>, naukarus@mail.ru

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Российская Федерация, 655017, Абакан, пр. Ленина, д. 90*

Особенности формирования уголовно-правового воздействия на управление транспортными средствами в состоянии опьянения

Аннотация: Государственная политика в области безопасности дорожного движения направлена на охрану жизни, здоровья и имущества граждан, защиту интересов общества и государства путём предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий. Законодатель в поисках механизмов реализации данных целей порой вынужден прибегать к менее популярным, но более действенным мерам. Речь идёт об уголовно-правовом противодействии тем вызовам в области безопасности дорожного движения, которые способствуют дорожно-транспортным происшествиям. В статье рассматриваются тенденции уголовно-правового воздействия на управление транспортными средствами лицами в состоянии опьянения. Раскрываются критерии криминализации деяния по ст. 264¹ УК РФ. При этом автор делает акцент на раскрытии общественной опасности деяния, обращая внимание на существующие ошибки в правоприменительной деятельности, а также оценивает эффективность применения ст. 264 УК РФ в решении вопросов обеспечения безопасности дорожного движения.

По результатам исследования автор приходит к выводу о наличии действенного потенциала уголовно-правового запрета на управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость. Предлагается внесение изменений в уголовно-правовое законодательство, направленных на усиление мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, управляющих транспортным средством в состоянии опьянения.

Ключевые слова: безопасность, дорожное движение, криминализация, уголовное право, уголовно-правовое воздействие, управление, опьянение, транспортное средство

Для цитирования: Лебедев А. С. Особенности формирования уголовно-правового воздействия на управление транспортными средствами в состоянии опьянения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 93–100; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-93-100.

Alexander S. Lebedev

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0002-1145-2403>, naukarus@mail.ru

*Khakass State University named after N. F. Katanov
90, Lenin ave., Abakan, 655017, Russian Federation*

Peculiarities of the formation of the criminal-legal impact on driving while under the influence of alcohol

Abstract: State policy in the field of road safety is aimed at protecting the life, health and property of citizens and protecting the interests of society and the state by preventing road accidents and reducing the severity of their consequences. In searching for mechanisms to implement these goals, the legislator

sometimes has to use less popular but more effective measures. This refers to the criminal-law counteraction to the challenges in the field of road safety, which contribute to road accidents. The article examines the trends in criminal law responses to driving under the influence of alcohol. The criteria for criminalisation of an act under article 264¹ of the Criminal Code of the Russian Federation are disclosed. The author focuses on the disclosure of public danger of the act, drawing attention to the existing shortcomings in law enforcement, as well as assesses the effectiveness of the application of Art. 264¹ of the Criminal Code in solving the issues of road safety.

Based on the results of the study, the author concludes that there is an effective potential of the criminal law prohibition of driving a vehicle while under the influence of alcohol by a person who has been subjected to administrative penalty or has a criminal record. The author proposes the introduction of amendments to the criminal law legislation, aimed at strengthening the measures of criminal law impact on persons operating a vehicle in a state of intoxication.

Keywords: safety, road traffic, criminalisation, criminal law, criminal-legal influence, driving, intoxication, vehicle.

For citation: Lebedev A. S. Peculiarities of the formation of the criminal-legal impact on driving while under the influence of alcohol // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 93–100; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-93-100.

В последнее десятилетие российский законодатель уделяет повышенное внимание вопросу установления новых механизмов уголовно-правового воздействия в сфере безопасности дорожного движения. Криминализация нормы – это правовой механизм, непосредственно связанный с формированием нормы, который, как нам представляется, является более длительным и непрерывным процессом, чем криминализация деяния, поскольку норма начинает свой «жизненный путь» после криминализации деяния. За время своего существования норма претерпевает изменения, относящиеся к процессу её формирования. От качества сформированных уголовно-правовых норм будет зависеть получение социально значимого результата.

Обращаясь к истокам понятия «формировать», заметим, что в русском языке оно означает «набирать, строить, составлять, пополнять до полного состава»¹ [1, с. 537]. Криминализация общественно-опасного деяния, закрепленного в ст. 264¹ УК РФ, состоялась 1 июля 2015 года.

Вместе с тем процесс окончательного формирования уголовно-правового запрета на действия, описанные в диспозиции ст. 264¹ УК РФ, по нашему мнению, до конца не завершён и, полагаем, продолжится². Это связано с повышенной эффективностью уголовно-правового воздействия на ту часть общества, которая пренебрегает безусловным запретом на управление автомобилем в состоянии опьянения. При этом требуются дальнейшие исследования, направленные на поиск действенных механизмов криминологического, уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия на основные причины данного преступления, среди которых в первую очередь необходимо отметить такие

разновидности деструктивного поведения, как наркомания и алкоголизм. Так, законодатель для некоторых преступлений (ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ) предусмотрел отсрочку отбывания наказания для больных наркоманией. Иными словами, речь идёт о стимулировании добровольной реабилитации больных наркоманией, уголовно-правовом и уголовно-исполнительном воздействии, в том числе на категорию лиц, которые могут совершить преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ.

В уголовном праве принято считать, что для криминализации норм уголовно-правового назначения требуется присутствие следующих правовых факторов: общественная опасность деяния; его распространённость; невозможность противодействия деянию иными правовыми средствами. Полагаем, что четвёртым, ещё одним обязательным фактором криминализации является наличие социальной установки на потребность криминализации деяния. Рассмотрим эти факторы более подробно.

1. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ обуславливается следующим.

Во-первых, тем, что лицо, лишённое права управления транспортным средством, находясь в состоянии опьянения, изначально совершает умышленное противоправное деяние против общественной безопасности³.

Во-вторых, высокой значимостью охраняемых законом ценностей, так как речь идёт о потенциальной угрозе нарушения Правил дорожного движения РФ (ПДД РФ), вследствие чего могут произойти дорожно-транспортные происшествия (ДТП) [2, с. 121–124], в том числе такие, в которых могут погибнуть люди.

¹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. – Т. 4. Н–В. – Санкт-Петербург: ТОО «Диамант», 1996. – 688 с.

² Прогнозируется корректировка санкции в части перемещения пределов наказаний. Возможно, появится примечание к этой статье или будет уточняться уже имеющееся примечание к ст. 264 УК РФ, которое распространяется на ст. 264¹ УК РФ.

³ Официальный отзыв ВС РФ на проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // Информационный ресурс Государственной Думы РФ «Система обеспечения законодательной деятельности». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/186587-6> (дата обращения: 20.08.2022).

В-третьих, существенностью причиняемого деянием вреда, которая выражается в создании условий опасности для себя и неопределённого круга лиц, поскольку у лица, находящегося в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, происходит торможение высших отделов центральной нервной системы (головного мозга): снижается качество интеллектуальных операций, способность осмысления и критического отношения к своему поведению, а в случае сильного опьянения возможна утрата способности к целенаправленным двигательным актам [3, с. 125–134]. Очевидно, что при управлении в таком состоянии автомобилем, являющимся источником повышенной опасности, риск участия в ДТП увеличивается.

В-четвёртых, преступление, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ, сопряжено с негативным влиянием на публичную оценку деятельности государственных органов исполнительной власти, так как в полном объёме не достигается цель наказания в виде «исправления осуждённого и предупреждения совершения новых преступлений». Впрочем, уже сама по себе новость о случившемся преступлении (ст. 264¹ УК РФ) отражается в общественном сознании. Задача законодателя, правоприменителя и отчасти суда – мотивировать общество на формирование нетерпимости к управлению транспортным средством в состоянии опьянения.

В-пятых, наносится вред духовным и социально-экономическим отношениям. Духовность предопределяет присутствие коллективного иммунитета к любым преступным проявлениям, социальное противостояние им. Что касается вопроса о влиянии на экономическую среду рассматриваемого состава преступления, то здесь ответ более чем очевиден – ведь при управлении транспортным средством лицом в состоянии опьянения риск гибели людей возрастает. Смерть даже одного человека в ДТП способна нанести невосполнимый вред другому человеку, семье, социальной группе, организации и даже государству.

2. Распространённость деяния выражается в следующем. Ключевым криминологическим сегментом, который создает предпосылку массовости управления транспортными средствами, является увеличение числа лиц, имеющих права на управление транспортными средствами. Здесь мы наблюдаем следующую тенденцию по естественному движению населения в стране. Например, в 2000 г. убыль населения (соотношение родившихся к умершим) имела отрицательную динамику и составляла 958 532 человека, в 2005 г. – 846 559, в 2010 г. – 239 568, в 2015 г. + 32 038, в 2019 г. – 317 233 человека⁴. При этом количество лиц, получивших водительские удостоверения на право управления транспортными средствами впервые, после обучения в орга-

низациях, осуществляющих образовательную деятельность по профессиональному обучению водителей транспортных средств, имеет другую тенденцию. К примеру, в 2015 г. таких водителей транспортных средств было 1 585 214, в 2016 г. – 1 662 161, 2017 г. – 1 142 893, 2018 г. – 1 103 322, 2019 г. – 1 098 354, 2020 г. – 1 057 025, 2021 г. – 1 184 543⁵, что свидетельствует об увеличении водителей в РФ в среднем на 1 миллион человек в год. Причём, исходя из данных официальной статистики в РФ, за период с 2015 по 2020 г. родилось 10 041 547 человек⁶. Отсюда следует, что количество такой категории участников дорожного движения, как «водитель транспортного средства», примерно сопоставимо с уровнем рождаемости в РФ.

Для участия в дорожном движении также необходимо транспортное средство, на котором будет осуществлен акт управления. По состоянию на 31 декабря 2021 г., на регистрационном учёте в подразделениях ГИБДД МВД России состояло 64 041 029 транспортных средств⁷. В целом по сравнению с 1999 г. их количество возросло на 92,7 %, или на 30,8 млн единиц.

Очевидно, что транспорт активно используют абсолютно все социальные группы, следовательно, число потенциальных водителей постоянно увеличивается, что повышает значимость охраняемых общественных отношений в области безопасности дорожного движения. Законодатель учитывал уровень автомобилизации населения, конструируя средства противодействия при криминализации и последующем формировании нормативного материала.

Что касается уголовной статистики, то в 2015 г. по ст. 264¹ УК РФ были осуждены 18 987 человек, в 2016 г. – 75 271, в 2017 г. – 72 018, в 2018 г. – 66 287, в 2019 г. – 59 543, в 2020 г. – 57 731, 2021 г. – 56 774⁸. Интересно, что с каждым годом существования нормы статистическая тенденция была весьма любопытной с точки зрения изменения доли лиц, осуждённых к реальному лишению свободы. Так, в 2016 г. это значение составляло – 4,2 %, в 2017 г. – 7,3 %, в 2018 г. – 10,3 %, в 2019 г. – 13,4 %, в 2020 г. –

⁵ Раздел 2. Сведения о деятельности по допуску граждан к управлению транспортными средствами // Информационный ресурс ГИБДД МВД России [Электронный ресурс] // Госавтоинспекция. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения : сайт. – URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁶ Демография [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 20.08.2022).

⁷ Раздел 3. Количество автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов к ним, стоящих на учёте // Госавтоинспекция. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения : сайт. – URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁸ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015–2021 годы. Форма 10 а: отчёт о числе осуждённых по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : офиц. сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁴ Россия в цифрах. – 2020 : краткий статистический сборник [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики : сайт. – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf (дата обращения: 20.08.2022).

13,6 %, 2021 г. – 14,5 %⁹. Как видим, с каждым годом снижается количество осуждённых, при этом наблюдаем рост доли лиц, осуждённых к реальному лишению свободы.

В корреляции с описанными выше тенденциями находится статистика аварийности по вине водителей в состоянии опьянения. Так, в 2021 г. указанных ДТП зафиксировано 15 552, что на 7,6 % меньше, чем за аналогичный период 2016 г.¹⁰ Иными словами, гипотетически обеспечение доли назначаемых реальных лишений свободы в 20 % способно сократить количество таких ДТП на 800 происшествий, в связи с чем трудно спорить об отсутствии влияния ст. 264¹ УК РФ на состояние безопасности дорожного движения.

Если до принятия законодателем решения об установлении уголовной ответственности за нарушение ПДД РФ лицом, подвергнутым административному наказанию, к примеру, в 2014 г., фиксировалось 953 695 лиц, управлявших транспортными средствами в состоянии опьянения¹¹, то в 2016 году, после появления такого запрета, их было 753 823. Таким образом, за полтора года существования рассматриваемого запрета, снижение составило 20,9 %. Следует констатировать, что выбранный государством курс оказался верным: законодатель, криминализовав нарушение ПДД РФ лицом, подвергнутым административному наказанию, тем самым повысил эффективность противодействия данному правонарушению.

Именно поэтому на платформе уголовно-правового регулирования выстраивается основа для противодействия новым преступным вызовам и угрозам, которые не поддаются воздействию на них иными, «некриминальными» отраслями права.

3. Невозможность противодействия деянию иными правовыми средствами. Имевшийся в арсенале правоприменителя до 1 июля 2015 г. административный запрет на управление транспортными средствами в состоянии опьянения (ст. 12.8 КоАП РФ и ст. 12.26 КоАП РФ), как мы уже ранее отмечали, был недостаточно эффективен, поскольку роль мер административного воздействия на лицо, виновное в совершении того или иного посягательства на общественные отношения в имеющемся варианте их регулирования, сводится к выполнению предупредительной функции [4, с. 8–11].

Криминализация деяний с «однократной» административной преюдицией, в число которых входит деяние, закреплённое в ст. 264¹ УК РФ, обуславливается неэффективностью

существующих мер административной ответственности [5, с. 5–11].

Хотя на момент принятия данной законодательной новеллы не было проведено детальных теоретических разработок, имелся исторический опыт эффективной четвертьвековой работы, с 1968 по 1993 г. в этой области. Речь идёт о ст. 211¹ УК РСФСР, в соответствии с которой подлежали уголовной ответственности лица, лишённые права управления и управляющие транспортными средствами в состоянии опьянения.

Таким образом, поскольку административное воздействие на лиц, которые допустили управление транспортными средствами в состоянии опьянения, оказалось неэффективным, государством для повышения результативности противодействию этому явлению было принято решение прибегнуть к каре и репрессии. Данный тезис подтверждает также М. В. Бавсун, по мнению которого «воздействие на преступность посредством уголовно-правовых мер является одним из основных способов её сдерживания» [6, с. 99–102].

4. Наличие социальной установки на необходимость криминализации нарушения ПДД РФ лицом, подвергнутым административному наказанию. Председатель Комитета Государственной Думы РФ И. А. Яровая 13 марта 2013 г. в ходе первого чтения проекта закона на заседании № 83 заявила: «Сегодня более 80 % граждан РФ на первое место как наиболее реальную угрозу для своей жизни и безопасности ставят действия лиц, находящихся в состоянии алкогольного или наркотического опьянения на автодорогах»¹².

По мнению депутата Государственной думы РФ А. Е. Хинштейна, «проблема алкоголизации нашего общества, проблема пьяных водителей стоит крайне остро... принятые законодателем меры оказались недостаточными и эти меры нуждаются в ужесточении»¹³.

Через средства массовой информации освещаются и, как показывает практика, привлекают особое внимание общественности ДТП, допущенные водителями в состоянии опьянения, а также громкие высказывания общественных деятелей. «Если человека не пугает, – пишет один из них, – когда алкоголь попал в мозг, обычно граждане считают, что они невидимы для полиции, неуязвимы, знают, как объехать и не попасться. Это люди, которые не боятся наказания, каким бы оно ни было»¹⁴.

¹² Стенограмма обсуждения законопроекта № 186587-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» // Система обеспечения законодательной деятельности : информационный ресурс Государственной Думы РФ. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/186587-6> (дата обращения: 20.08.2022).

¹³ Там же.

¹⁴ Нетрезвых водителей предложено позорить синими правами в России // Quto.ru : автомобильный журнал. – URL: <https://quto.ru/journal/news/netrezvykh-voditelei-predlozhenno-pozorit-sinimi-pravami-v-rossii-16-03-2021.html> (дата обращения: 20.08.2022).

⁹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016–2021 годы. Форма 10.3.1: отчёт о сроках лишения свободы и размерах штрафов // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : офиц. сайт. – URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.08.2022);

¹⁰ Раздел 1. Об административных правонарушениях в области дорожного движения и лицах, их совершивших // Госавтоинспекция. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения : сайт. – URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 20.08.2022).

¹¹ Там же.

В контексте образования социальной потребности при формировании общественной негативной установки на управление транспортным средством в состоянии опьянения учёные подчёркивают, что криминализация нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, является эффективным способом предупредительного воздействия на указанные правонарушения не только с точки зрения усиления ответственности, но и с позиции обеспечения функции неотвратимости наказания [7, с. 156–161].

Кроме того, международный уголовно-правовой опыт противодействия рецидивному управлению транспортным средством в состоянии опьянения подкрепляет позицию отечественного законодателя. Так, по законодательству Республики Казахстан существует уголовная ответственность за управление транспортным средством водителем, лишённым права управления транспортными средствами, находящимся в состоянии алкогольного, наркотического и (или) токсикоманического опьянения, передача управления или допуск к управлению транспортным средством такого лица должностным лицом или собственником либо владельцем транспортного средства (ст. 346 УК РК) [8, с. 69–75]. Примечательно, что в качестве наказания предусмотрено «пожизненное» лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью¹⁵.

Эти предпосылки криминализации привели к тому, что 10 декабря 2012 г. 31 (это 6,8 % всех депутатов) депутатом Государственной Думы и одним членом Совета Федерации, что подчёркивает масштаб значимости проблемы, в Государственную Думу РФ был внесен соответствующий проект Федерального закона и принят в третьем чтении по итогам чуть более чем двухлетней законотворческой работы.

Вместе с тем в науке уголовного права существует и другая точка зрения на проблему криминализации ст. 264¹ УК РФ. К примеру, М. Г. Решняк считает необходимым признать ст. 264¹ УК РФ утратившей силу с одновременным восстановлением ч. 4 ст. 12.8 КоАП РФ, с установлением в ней ответственности за повторное совершение указанного правонарушения либо деяния, предусмотренного ст. 12.26 КоАП РФ, с обязательным применением к нарушителю такой меры, как конфискация транспортного средства или взыскание денежной суммы, эквивалентной стоимости последнего, если оно не находится в собственности виновного лица [9, с. 69–73]. Данное утверждение представляется спорным, поскольку, во-первых, велики социальные последствия от декриминализации данного деяния: подобного свойства идеи не основаны на прогностическом подходе

и могут породить такую негативную тенденцию, как ослабление позиций уголовно-правовой политики, о которой говорит М. П. Клеймёнов, утверждая, что эффективная уголовная политика должна основываться на прогностическом подходе [10, с. 131–134]. Во-вторых, законодатель не раз сталкивался с инициативами по установлению конфискации транспортного средства при управлении лицом в состоянии опьянения и всегда был категоричен в своем решении о нецелесообразности таких нормативных положений¹⁶, ссылаясь на то, что транспортное средство не может быть признано орудием совершения преступления, предусмотренного статьями 264, 264¹ УК РФ¹⁷. Полагаем, что подобная правовая позиция останется неизменной, если только не будут откорректированы задачи УК РФ. Дело в том, что здесь задача охраны прав и свобод человека и гражданина вступает в противоречие с охраняемыми общественными отношениями в области безопасности дорожного движения в части того, что владелец источника повышенной опасности, который передал право управлять транспортным средством субъекту преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ, никак не «страдает»¹⁸. В случае же с конфискацией такого автомобиля налицо имущественные потери для владельца источника повышенной опасности.

Вместе с тем в авангарде вопроса формирования уголовно-правового запрета на нарушение ПДД РФ лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264¹ УК РФ), выступает правоприменительная деятельность, которая не лишена ошибок, зачастую приводящих к недостаточной эффективности формируемого уголовно-правового воздействия на управление транспортными средствами в состоянии опьянения.

Так, 14 сентября 2021 г. было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, предусмотренного ч. 2 ст. 264¹ УК РФ, в отношении гр. М. Поводом для отказа в возбуждении уголовного дела послужило то, что в ходе дознания было установлено, что гр. М. употребил алкоголь через 2 часа 20 минут после ДТП, утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент

¹⁶ Государственной Думой РФ не раз отклонялись соответствующие проекты федеральных законов (№ 385629-6 от 15 ноября 2013 г., 557585-6 от 30 июня 2014 г., 380922-7 от 5 февраля 2018 г., 1130809-7 от 17 марта 2021 г.).

¹⁷ Заключение Комитета Государственной Думы РФ по государственному строительству и законодательству по проекту Федерального закона № 1130809-7 «О внесении изменения в статью 104¹ УК РФ», внесённому Государственным Собранием – Курултаем Республики Башкортостан // Система обеспечения законодательной деятельности : информационный ресурс Государственной Думы. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1130809-7> (дата обращения: 20.08.2022).

¹⁸ Под «страданием» здесь подразумеваются не нормы административного права, которые регулируют запрет передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения, а то, что владелец источника повышенной опасности не несёт имущественных и иных материальных потерь, которые присутствуют в случае с конфискацией.

¹⁵ Уголовный кодекс Республики Казахстан // Ваш гид в законодательстве Казахстана : сайт. – URL: https://kodeksy-kz.com/ka/ugolovnyj_kodeks/346.htm (дата обращения: 20.08.2022).

ДТП, пострадавшая – пешеход гр. Т. пояснила: «...от мужчины, который, управляя автомобилем, допустил на неё наезд, после чего, выйдя из автомобиля, он её перенёс с проезжей части на газон, запаха алкоголя она не почувствовала». Орган дознания пришел к выводу, что в момент управления транспортным средством водитель был трезв, и состав преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264¹ УК РФ, отсутствует¹⁹.

Всё дело в том, что в соответствии с п. 10.2 Пленума Верховного суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное статьей 264 или 264¹ УК РФ, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством. В случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования данное лицо признается управлявшим транспортным средством в состоянии опьянения. Таким образом, Верховный Суд РФ определил, что отказ лица пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения (в указанных случаях) подтверждает наличие такого признака объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 264¹ УК РФ, как «действие» – управление транспортным средством.

Учитывая, что должностными лицами ГИБДД гр. М. было предложено пройти медицинское освидетельствование на состояние опьянения, от которого он отказался, его действия следует квалифицировать по ст. 264¹ УК РФ.

Другой пример, который также подтверждает наличие проблем в правоприменительной деятельности, базируется на ошибках в толковании легитимности привлечения лица к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Так, 22 октября 2021 г. в отношении гр. Ф. было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, предусмотренного ч. 2 ст. 264¹ УК РФ. Поводом для отказа в возбуждении уголовного дела послужило то, что в ходе дознания было установлено, что гр. Ф. не получал копию постановления мирового судьи, поэтому не был надлежащим образом уведомлён о том, что он лишён права управления транспортными средствами, следовательно, не знал об этом²⁰.

При этом постановление мирового судьи было направлено в адрес гр. Ф. почтовым от-

правлением и в установленный срок было возвращено в адрес отправителя по истечении срока хранения, поскольку не было получено адресатом.

В подобном усмотрении, как нам представляется, нет очевидной ясности, поскольку пунктом 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 определено, что лицо, в отношении которого ведётся производство по делу, считается извещённым о времени и месте судебного рассмотрения и в случае возвращения почтового отправления с отметкой об истечении срока хранения.

Опираясь на указанные основания, мировым судьей была поставлена отметка о вступлении постановления в законную силу, следовательно, в действиях гр. Ф. все же усматривается состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 264¹ УК РФ.

В итоге, несмотря на имеющиеся проблемы в правоприменительной сфере, сегодня наблюдается тенденция к приближению к стадии завершения процесса формирования уголовно-правового запрета на управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264¹ УК РФ). Видится позитивный результат семилетнего существования нормы, который не без труда вписывается в современный вектор развития общества, выражающийся в уменьшении количества лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения. Для устранения проблем в правоприменительной практике примечание к статье 264 УК РФ предлагаем дополнить пунктом 3 следующего содержания: «Водитель, скрывшийся с места дорожно-транспортного происшествия, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством, в случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования признаётся управлявшим транспортным средством в состоянии опьянения и может быть признан совершившим преступление, предусмотренное статьей 264 или 264¹ УК РФ, в состоянии опьянения».

В целях совершенствования уголовно-правового воздействия на управление транспортными средствами лицами в состоянии опьянения имеется практическая потребность в повышении эффективности реализации назначаемых наказаний. Так, лиц, которые два и более раз совершили деяние по ст. 264¹ УК РФ, необходимо наказывать реальным лишением свободы, что в современных условиях будет отвечать государственным целям по достижению нулевой смертности в ДТП к 2030 г. Движение правовых институтов в данном направлении позволит усилить уголовно-правовое воздействие, которое в свою очередь способно позитивно повлиять на показатели не только преступности, но и аварийности.

¹⁹ Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (КУСП № 39825 от 4 сентября 2021 г.) // Архив отдела дознания УМВД России по г. Абакану.

²⁰ Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (КУСП № 46669 от 13 октября 2021 г.) // Архив отдела дознания УМВД России по г. Абакану.

Список литературы

1. Баранчикова М. В. Особенности уголовно-правовой оценки лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения // Правопорядок: история, теория, практика. – 2019. – № 2 (21). – С. 33–38.
2. Осокин Р. Б., Кокорев В. Г. К вопросу о повышении интенсивности криминализации деяния, сопряжённого с нарушением правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264¹ УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 121–124.
3. Бавсун М. В., Векленко С. В., Фаткуллина М. Б. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве // Правоведение. – 2006. – № 6. – С. 125–135.
4. Бавсун М. В., Бавсун И. Г. Проблемы квалификации преступлений в сфере экономической деятельности со смешанной противоправностью // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2008. – № 1 (28). – С. 8–11.
5. Вишнякова Н. В. Преступления с административной преюдицией: проблемы, законодательного и правоприменительного характера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (34). – С. 5–12.
6. Бавсун М. В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 336. – С. 99–102.
7. Ильин И. В., Шевченко О. А. Проблемы реализации института административной преюдиции при квалификации и расследовании нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264¹ УК РФ) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 2 (34). – С. 156–161.
8. Бакишев К. А. Нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О практике применения судами уголовного законодательства по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» от 29 июня 2011 года и уголовный закон // Российско-Азиатский правовой журнал. – 2020. – № 2. – С. 69–75.
9. Решняк М. Г. К вопросу о целесообразности введения в УК РФ состава преступления с административной преюдицией на примере криминализации нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию // Современное право. – 2020. – № 2. – С. 69–73.
10. Клеймёнов М. П. Профанация уголовной политики // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2017. – № 3 (52). – С. 131–134.
11. Шкеля О. В. Правовой анализ ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения // Общество и право. – 2020. – № 3 (73). – С. 94–96.
12. Ильин И. В., Шевченко О. А. Проблемы квалификации и расследования преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 264¹ УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» (административно-правовые и уголовно-правовые аспекты) // Вестник ННГУ. – 2016. – № 3. – С. 138–142.
13. Озеров И. Н., Рудов Д. Н., Александров А. Н. К вопросу о расследовании преступлений, предусмотренных ст. 264¹ УК РФ (по материалам УМВД России по Белгородской области) // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2016. – № 3. – С. 67–70.
14. Гончаров И. В. Проблема управления транспортным средством: уголовно-правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 6 (119). – С. 214–218.
15. Гончаров И. В. Некоторые вопросы криминализации управления транспортным средством в состоянии опьянения // Вестник СГЮА. – 2020. – № 3 (134). – С. 201–207.

References

1. Baranchikova M. V. Osobennosti ugovolno-pravovoy otsenki lits, upravlyayushchikh transportnymi sredstvami v sostoyanii op'yaneniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. – 2019. – № 2 (21). – S. 33–38.
2. Osokin R. B., Kokorev V. G. K voprosu o povyshenii intensivnosti kriminalizatsii deyaniya, sopryazhonnogo s narusheniyem pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu (st. 264¹ UK RF) // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 2. – S. 121–124.
3. Bavsun M. V., Veklenko S. V., Fatkullina M. B. Ob'ektivnost' i tselesoobraznost' nekotorykh form vinovnogo vmeneniya v ugovolnom prave // Pravovedeniye. – 2006. – № 6. – S. 125–135.
4. Bavsun M. V., Bavsun I. G. Problemy kvalifikatsii prestupleniy v sfere ekonomicheskoy deyatel'nosti so smeshannoy protivopravnost'yu // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2008. – № 1 (28). – S. 8–11.
5. Vishnyakova N. V. Prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey: problemy, zakonodatel'nogo i pravoprimenitel'nogo kharaktera // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 1 (34). – S. 5–12.
6. Bavsun M. V. Ponyatiye i sodержaniye ugovolno-pravovogo vozdeystviya na prestupnost' // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2010. – № 336. – S. 99–102.
7. Il'in I. V., Shevchenko O. A. Problemy realizatsii instituta administrativnoy preyuditsii pri kvalifikatsii i rassledovanii narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu

nakazaniyu (st. 264¹ UK RF) // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii. – 2016. – № 2 (34). – S. 156–161.

8. *Bakishiev K. A.* Normativnoye Postanovleniye Verkhovnogo Suda Respubliki Kazakhstan «O praktike primeneniya sudami ugolovnogo zakonodatel'stva po delam o prestupleniyakh, svyazannykh s narusheniyem pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnykh sredstv» ot 29 iyunya 2011 goda i ugolovnyy zakon // Rossiysko-Aziatskiy pravovoy zhurnal. – 2020. – № 2. – S. 69–75.

9. *Reshnyak M. G.* K voprosu o tselesoobraznosti vvedeniya v UK RF sostava prestupleniya s administrativnoy preyuditsiyey na primere kriminalizatsii narusheniya pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu // Sovremennoye pravo. – 2020. – № 2. – S. 69–73.

10. *Kleymonov M. P.* Profanatsiya ugolovnoy politiki // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». – 2017. – № 3 (52). – S. 131–134.

11. *Shkelya O. V.* Pravovoy analiz otvetstvennosti za upravleniye transportnym sredstvom v sostoyanii op'yaniya // Obshchestvo i pravo. – 2020. – № 3 (73). – S. 94–96.

12. *Il'in I. V., Shevchenko O. A.* Problemy kvalifikatsii i rassledovaniya prestupleniy, otvetstvennost' za kotoryye predusmotrena st. 264¹ UK RF «Narusheniye pravil dorozhnogo dvizheniya litsom, podvergnutym administrativnomu nakazaniyu» (administrativno-pravovyye i ugolovno-pravovyye aspekty) // Vestnik NNGU. – 2016. – № 3. – S. 138–142.

13. *Ozerov I. N., Rudov D. N., Aleksandrov A. N.* K voprosu o rassledovanii prestupleniy, predusmotrennykh st. 264¹ UK RF (po materialam UMVD Rossii po Belgorodskoy oblasti) // Problemy pravookhranitel'noy deyatel'nosti. – 2016. – № 3. – S. 67–70.

14. *Goncharov I. V.* Problema upravleniya transportnym sredstvom: ugolovno-pravovoy aspekt // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. – 2017. – № 6 (119). – S. 214–218.

15. *Goncharov I. V.* Nekotoryye voprosy kriminalizatsii upravleniya transportnym sredstvom sostoyanii op'yaniya // Vestnik SGYUA. – 2020. – № 3 (134). – S. 201–207.

Статья поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 09.01.2023; принята к публикации 06.02.2023.

The article was submitted August 27, 2022; approved after reviewing, January 9, 2023; accepted for publication February 6, 2023.

Научная статья
УДК 343.2/.7
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-101-109

Андрей Вячеславович Никуленко

доктор юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-1332-4621>, nikulenkoa@mail.ru

Максим Андреевич Смирнов

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0003-3805-2933>, gazan87@rambler.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Проблемы правовой оценки причинения вреда сотрудниками полиции, Росгвардии, военнослужащими Федеральной службы безопасности России и Вооружённых Сил Российской Федерации при проведении контртеррористических операций

Аннотация: *Введение.* В статье рассмотрены актуальные вопросы правовой регламентации применения оружия и боевой техники сотрудниками полиции и Росгвардии, а также военнослужащими ФСБ России и Вооружённых Сил Российской Федерации в рамках проведения контртеррористической операции, и сделан вывод о несогласованности данных норм между собой, а также с нормами Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» и с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, закреплёнными в главе 8 УК РФ, устанавливающими условия правомерности причинения вреда для всех лиц, вне зависимости от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Так, согласно ч. 6 ст. 15 Федерального закона «О противодействии терроризму», участвующие в контртеррористической операции сотрудники полиции и Росгвардии, военнослужащие ФСБ России и Вооружённых Сил Российской Федерации применяют боевую технику, оружие и специальные средства (далее – сила и оружие) в соответствии с так называемым «специальным законодательством», определяющим порядок и основания применения силы и оружия, в котором, в свою очередь, закреплены соответствующие запреты на применение силы и оружия при определённых обстоятельствах, в связи с чем не любой вред, причинённый в результате применения силы и оружия, может быть признан правомерным. Вместе с тем в соответствии со ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму» любой вред, причинённый в результате пресечения террористического акта, должен признаваться правомерным. Складывается впечатление, что при разработке положений «специального законодательства», Федерального закона «О противодействии терроризму» в части применения силы и оружия сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств законодатель не принял во внимание тот факт, что условия правомерности причинения вреда должны соответствовать исключительно условиям, закреплённым в уголовном законе, а нормы «специального законодательства» и Федерального закона «О противодействии терроризму» в данной части ни в коей мере им противоречить не могут. Таким образом, имеющаяся несогласованность норм «специального законодательства» в части применения сотрудниками вышеуказанных силовых ведомств силы и оружия, ч. 6 ст. 15, ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму», а также главы 8 УК РФ влияет на правовую защищённость указанных сотрудников и может привести к необоснованному привлечению последних к уголовной ответственности за причинение чрезмерного вреда при пресечении преступлений террористического характера.

Методы исследования: теоретический, статистический, сравнительно-правовой, метод формальной логики, метод толкования правовых норм.

Результаты: Авторы обосновывают необходимость внесения изменений в ст. 37 УК РФ, Федеральный закон «О противодействии терроризму», а также в нормативные правовые акты, регламентирующие основания и порядок применения оружия и боевой техники сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств.

© Никуленко А. В., Смирнов М. А., 2023

¹ О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.12.2022).

Ключевые слова: необходимая оборона, правомерность необходимой обороны, контртеррористическая операция, специальная военная операция, террористический акт, преступления террористического характера, применение оружия и боевой техники

Для цитирования: Никуленко А. В., Смирнов М. А. Проблемы правовой оценки причинения вреда сотрудниками полиции, Росгвардии, военнослужащими Федеральной службы безопасности России и Вооружённых Сил Российской Федерации при проведении контртеррористических операций // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 101–109; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-101-109.

Andrey V. Nikulenko

Dr. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-1332-4621>, nikulenkoa@mail.ru

Maxim A. Smirnov

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-3805-2933>, gazan87@rambler.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Problems of legal assessment of harm caused by police Officers, the Russian Guard, military personnel of the Federal Security Service of Russia and the Armed Forces of the Russian Federation during a counter-terrorism operation

Abstract: Introduction. The article examines topical issues of the use of weapons and military equipment by police and National Guard officers, as well as officers of the Federal Security Service of Russia and the Armed Forces of the Russian Federation in the framework of a counter-terrorism operation. The authors come to the conclusion that the norms of the Federal Law «On Countering Terrorism» are inconsistent with each other, as well as with the circumstances excluding the criminality of the act, enshrined in Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the provisions of other regulatory legal acts regulating the conditions for the legality of causing harm to all persons, regardless of their professional or other special training and official position.

According to Part 6 of Article 15 of the Federal Law «On Countering Terrorism», police and officers of the Federal Security Service of Russia and the Armed Forces of the Russian Federation officers participating in the counterterrorist operation, use military equipment, weapons and special means (hereinafter – force and weapons) in accordance with the so-called «special legislation» defining the procedure and grounds for the use of force and weapons, which, in turn, enshrines the relevant prohibitions for the use of force and weapons under certain circumstances. And therefore which not any harm caused as a result of the use of force and weapons, can be recognized as legitimate.

Nevertheless, according to Article 22 of Federal Law «On Countering Terrorism», any harm caused as a result of the suppression of a terrorist act must be recognized as lawful. It seems that when developing the provisions of the «special legislation», Federal Law «On Countering Terrorism» regarding the use of force and weapons by employees (military personnel) of the above-mentioned law enforcement agencies, the legislator did not take into account the fact that the conditions for the legality of harm must comply with exclusively to the conditions stipulated in the criminal law, and the norms of the «special legislation» and the Federal Law «On Countering Terrorism» in this part cannot contradict them in any way. Thus, the existing inconsistency of the norms of «special legislation» regarding the use of force and weapons by employees of the above-mentioned law enforcement agencies, Part 6 of Article 15, Article 22 of the Federal Law «On Countering Terrorism», as well as Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation, affects the legal protection of these employees and may lead to unjustified criminal prosecution of the latter for causing excessive harm while suppressing crimes of a terrorist nature.

Research methods: theoretical, statistical, comparative legal, method of formal logic, method of interpretation of legal norms.

Results: The authors substantiate the need to amend Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, the Federal Law «On Countering Terrorism», as well as regulatory legal acts regulating the grounds and procedure for the use of weapons and military equipment by employees (military personnel) of the above-mentioned law enforcement agencies.

Keywords: necessary defense, legitimacy of necessary defense, counter-terrorist operation, special military operation, terrorist act, crimes of a terrorist nature, use of weapons and military equipment

For citation: Nikulenko A. V., Smirnov M. A. Problems of legal assessment of harm caused by police Officers, the Russian Guard, military personnel of the Federal Security Service of Russia and the Armed Forces of the Russian Federation during a counter-terrorism operation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 101–109; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-101-109.

Введение

Согласно сведениям Национального анти-террористического комитета Российской Федерации, «на территории Российской Федерации в 2020 году на стадии приготовления предотвращено 61 преступление террористической направленности, в том числе 41 теракт. В ходе контртеррористических операций и оперативно-боевых мероприятий нейтрализовано 49 бандитов, в том числе 8 главарей. Задержаны 36 бандглаварей, 162 боевика и 591 пособник. В 2021 году на стадии приготовления предотвращено 65 преступлений террористической направленности, в том числе 32 теракта. В ходе специальных мероприятий были нейтрализованы 23 бандита, задержаны 312 боевиков и 821 пособник. Сотрудники госбезопасности пресекли деятельность 211 преступных групп. С начала 2022 г. в России предотвращено 123 террористических преступления, в том числе 64 теракта. Пресечена деятельность 68 законспирированных ячеек международных террористических организаций»².

Председатель НАК, директор Федеральной службы безопасности (ФСБ) Александр Бортников на заседании подчеркнул, что «в 2022 г. существенно выросло число террористических проявлений, особенно в приграничных регионах, которые расположены в ЦФО и ЮФО. По его словам, «это связано как с разведывательно-подрывной деятельностью украинских спецслужб, проводимой при поддержке стран Запада во главе с США, так и с попытками создания сторонниками международных террористических организаций законспирированных ячеек и совершения преступлений террористической направленности»³.

Вместе с тем в борьбе с терроризмом на территории нашей страны за последние годы можно отметить положительную динамику, так как число преступлений террористического характера с 2020 по 2022 годы неукоснительно снижается.

Так, по данным Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, «в 2020 году в России было зарегистрировано 2342 преступления террористического характера, что на 29,7 % больше по сравнению с 2019 годом. В 2021 году зарегистрировано 2136 преступлений террористического характера (на 8,8 % меньше по сравнению с 2020 годом). В январе-ноябре 2022 года зарегистрировано 2109 преступлений террористиче-

ского характера (всего на 4 преступления больше, чем за аналогичный период 2021 года)»⁴.

Вместе с тем, несмотря на наметившуюся положительную динамику, стоит отметить, что преступления террористической направленности обладают повышенной степенью и характером общественной опасности, так как террористы представляют угрозу не только интересам отдельной личности, в связи с чем государству необходимо и дальше активно противодействовать терроризму.

Стоит отметить, что одной из форм противодействия терроризму является прямое силовое воздействие на террористов со стороны правоохранительных органов, на которые возложена задача по борьбе с этим явлением [1, с. 148–151]. К таким органам, помимо МВД России и Росгвардии, относятся Федеральная служба безопасности РФ и Вооружённые Силы РФ. Именно вышеуказанные силовые ведомства наделены законным правом на применение боевого оружия в отношении лица, осуществляющего террористический акт.

Пресечение террористического акта зачастую происходит в рамках контртеррористической операции (далее – КТО).

Проведённый нами анализ показывает, что в настоящее время не выработано единого подхода, определяющего условия правомерности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в рамках КТО при применении сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств огнестрельного оружия, боевой техники, специальных средств, не говоря уже о физической силе, применение которой в рамках КТО не получает должной правовой оценки [2, с. 115–119].

Тем не менее рассматриваемый вопрос (условия правомерности причинения вреда в деятельности сотрудников / военнослужащих силовых ведомств в рамках проведения контртеррористической операции), на наш взгляд, требует значительного внимания и проработки. Мы уже не раз говорили о «праве безопасности» [3, с. 36–45].

Из-за нарастающей угрозы со стороны различных террористических и экстремистских организаций в настоящее время на первый план выходит концепция, получившая название «право безопасности». Термин «меры безопасности» был употреблён профессором Д. А. Шестаковым [4, с. 13–22]. Кроме него, вопросами мер безопасности активно занимается

² В Москве прошло заседание Национального анти-террористического комитета [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет : сайт. – URL: <http://nac.gov.ru/> (дата обращения: 25.12.2022).

³ Там же.

⁴ Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 20.12.2022).

на протяжении довольно длительного времени профессор Н. В. Щедрин⁵. Право безопасности предусматривает возможность причинения любого вреда для обеспечения общественной безопасности и личной безопасности причинителю вреда. В последнее время мы видим множество примеров уничтожения «боевиков», иных опасных и организованных преступников, причём задерживать их явно никто и не собирался. Ни у надзирающих органов, ни у подавляющей части населения страны это не вызывает ни малейших вопросов. О внесудебном способе расправы (правда, не называя его правом безопасности) в своё время писали Д. А. Корецкий и С. Ф. Милюков [5, с. 112–113]. Кроме того, право на причинение вреда прямо предоставлено в соответствии со ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму»⁶.

Так, согласно ч. 6 ст. 15 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», подразделения, воинские части и соединения Вооружённых Сил Российской Федерации, подразделения ФСБ России, МВД России и Росгвардии применяют оружие, боевую технику в соответствии с нормативными правовыми актами Российской Федерации⁷.

Например, порядок и основания применения оружия и боевой техники подразделениями, воинскими частями и соединениями Вооружённых Сил Российской Федерации регламентируется правовыми нормами боевых уставов и Уставом внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации. Вместе с тем стоит отметить, что порядок и основания применения оружия и боевой техники военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации непосредственно при проведении КТО регулируются постановлением Правительства РФ от 6 июля 2007 г. № 352 «О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму»⁸. Порядок и основания применения оружия и боевой техники подразделениями ФСБ России регулируются положениями главы 3 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ⁹, в системе МВД России – нормами главы 5 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ¹⁰, в системе Росгвардии – нормами главы 3 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-

ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»¹¹.

При этом обращает на себя внимание положение ст. 22 Федерального закона от 6 апреля 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», согласно которому является правомерным лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица при пресечении террористического акта. Норма данной статьи, по сути, закрепляет положение о том, что каких-либо пределов причинения вреда при пресечении террористического акта априори не имеется.

Таким образом, очевидна рассогласованность между ч. 5 ст. 15 и ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», так как пределы допустимого причинения вреда при проведении КТО чётко не предусмотрены, а правовая неопределённость ведёт к злоупотреблениям как с той, так и с другой стороны.

Целью публикации является стремление авторов акцентировать внимание на существующей проблеме определения правомерности причинения вреда сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств в рамках пресечения общественно опасных посягательств, к которым относятся в том числе и преступления террористического характера, а также о путях её решения.

Задачами исследования являются изучение особенностей правового регулирования причинения вреда сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств в рамках проведения контртеррористической операции, а также разработка рекомендаций и предложений по применению уголовно-правовой нормы о праве на необходимую оборону в их деятельности в рамках проведения контртеррористической операции.

Методологической основой исследования выступают современные общенаучные принципы и методы познания социально-правовых явлений. Так, в качестве частнонаучного метода использован статистический метод, позволяющий получить количественные показатели, характеризующие состояние и динамику совершения преступлений террористического характера. Частноправовые методы позволили изучить особенности вопроса правомерности причинения вреда сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств в рамках проведения контртеррористических операций.

Результаты. Проведённый нами анализ наглядно демонстрирует наличие противоречий между вышеуказанными нормативными правовыми актами в части применения сотрудниками (военнослужащими) отмеченных силовых ведомств оружия и боевой техники как между

⁵ Щедрин Н. В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2001. – С. 32.

⁶ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

⁷ Там же.

⁸ О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму» : постановление Правительства РФ от 6 июля 2007 г. № 352 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2921.

⁹ О федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269.

¹⁰ О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

¹¹ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (часть 1). – Ст. 4159.

собой, так и Федеральным законом от 6 апреля 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, закреплёнными в главе 8 Уголовного кодекса РФ, призванными единолично определять правомерность (неправомерность) причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам в отмеченных ситуациях.

Критический анализ пунктов 5–7 «Положения о применении Вооружёнными Силами Российской Федерации оружия, боевой техники и специальных средств при участии в проведении контртеррористической операции», утверждённого постановлением Правительства РФ от 6 июня 2007 г. № 352 «О мерах по реализации Федерального закона “О противодействии терроризму”» (далее – Положение) показывает, что в нём не содержится запрета на применение оружия с производством выстрела на поражение в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, в отличие от положений ст. 14.3 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ, ст. 23 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, и ст. 21 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации». При этом Положение содержит запрет на применение специальных средств в рамках проведения КТО, что вызывает по меньшей мере недоумение, так как вред от применения специальных средств по сравнению с применением оружия является меньшим.

В соответствии со ст. 14.3 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ, ст. 23 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, сотрудникам (военнослужащим) ФСБ России и Росгвардии разрешено применение оружия при значительном скоплении людей в целях пресечения теракта. При этом анализ положений ст. 23 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ показывает, что данное право на сотрудников полиции почему-то не распространяется, хотя, как мы уже отмечали выше, МВД России является одним из субъектов, на который законом возложена обязанность противодействия терроризму путём силового воздействия на преступников, в связи с чем полагаем необходимым внести изменения в ст. 23 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, закрепив за сотрудниками полиции право на применение оружия при значительном скоплении людей в целях пресечения теракта.

Кроме того, положениями ст. 14.3 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ, ст. 23 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ и ст. 21 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» сотрудники (военнослужащие) данных силовых ведомств

наделены правом на применение оружия в целях защиты другого лица либо себя от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья, для освобождения заложников, для остановки транспортного средства путём его повреждения, если управляющее им лицо отказывается выполнить неоднократные требования об остановке и пытается скрыться, создавая угрозу жизни и здоровью граждан, без предъявления дополнительного требования к правомерности причинения вреда ввиду невозможности пресечения посягательства иными, более щадящими способами, которое, в свою очередь, закреплено в п. 5 Положения при применении оружия и боевой техники военнослужащими Вооружённых Сил Российской Федерации в аналогичных ситуациях.

Это нормативное установление также выглядит несогласованным, как и закреплённое в ч. 5 ст. 18 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации», в ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ, в ст. 14.2 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ требование о минимизации причиняемого при пресечении общественно опасных посягательств вреда сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств всегда и при любых обстоятельствах.

Не вполне укладывается в рамки поставленных перед правоохранительными ведомствами задач требование нормативных правовых актов, регламентирующих основания и порядок применения сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств оружия и боевой техники, в котором красной нитью проходит обязанность минимизировать любой вред при любых обстоятельствах, а также требование о возможности применять оружие и боевую технику исключительно в случаях, когда защита охраняемого блага иными несиловыми способами невозможна [6, с. 21–32]. То есть, по сути, на сотрудников (военнослужащих) вышеуказанных силовых ведомств возлагается обязанность по причинению вреда меньшего, чем предотвращённый.

Но, пресекая совершение общественно опасных посягательств, к наиболее опасным из которых, несомненно, относятся преступления террористического характера, сотрудники (военнослужащие) силовых ведомств находятся в состоянии необходимой обороны либо задержания лица, совершившего преступление [7, с. 136–144], в связи с чем причиняемый вред должен отвечать признаку достаточности и соответствовать обстановке совершения общественно опасного посягательства, а не минимальности. Считаем, что требование о минимизации причиняемого вреда не гарантирует правовой защищённости сотрудников (военнослужащих) силовых ведомств при применении оружия и боевой техники в рамках проведения КТО, так как правомерность причиняемого

вреда (определяемая постфактум) в большой степени зависит от усмотрения правоприменителя (надзирающих инстанций), на которое, к сожалению, могут влиять и общественное мнение, и политическая обстановка.

Заметим, что условие причинения меньшего вреда, чем предотвращённый, является одним из условий правомерности крайней необходимости. Однако следует помнить, что причинение вреда при крайней необходимости является исключительным (крайним) средством защиты данного блага. В реальности же, особенно в рамках КТО, ситуации могут быть различными, и выбор средств для защиты правоохраняемых интересов сотрудники (военнослужащие) вышеуказанных силовых ведомств производят в условиях жёсткого лимита времени, стресса, повышенной опасности быть раненым и даже убитым. При пресечении любого посягательства (в том числе и террористического акта) сотрудник (военнослужащий) должен стремиться к причинению не наименьшего, а разумного вреда. То есть вред, причиняемый сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств при пресечении общественно опасных посягательств (в т. ч. при пресечении террористического акта) должен отвечать признаку достаточности и соответствовать обстановке совершения общественно опасного посягательства, а не минимальности.

На основе изложенного предлагаем исключить требование о минимизации причиняемого вреда, а также о применении оружия и боевой техники исключительно в случаях, когда защита охраняемого блага иными, несиловыми способами невозможна, из нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы применения оружия и боевой техники сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств. Обоснованно полагаем, что правомерность причинения вреда во всех случаях должна определяться в соответствии с положениями главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, прежде всего нормами о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление (общественно опасное деяние) [8, с. 32–35].

Правовая неопределённость ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» влечёт и проблемы правоприменительной деятельности. Так, не вполне ясным представляется положение закона, согласно которому правомерным может признаваться причинение любого вреда исключительно лицу, совершающему террористический акт, или лицам, совершающим, к примеру, иные преступления террористической направленности, коих в настоящее время насчитывается не менее шести в главе 24 УК РФ (ст. 205–205⁵).

Отвечая на данный вопрос, полагаем необходимым подробнее рассмотреть понятие террористического акта, а также установить, какие преступления относятся к преступлениям террористического характера.

В соответствии с п. 3 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» под террористическим актом понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Анализ положений п. 1–5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» показывает, что целями теракта являются дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, совершение иных действий, направленных на устрашение населения, создание опасности гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий. При этом как теракт должны квалифицироваться действия лица, осуществляющего посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля либо лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа путём совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений¹².

Но если следовать букве закона, то есть положению ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», то правомерным должен признаваться любой вред при пресечении действий лица, направленных на совершение теракта, то есть действий, направленных на дестабилизацию деятельности органов власти или международных организаций либо воздействие на принятие ими решений, а также устрашение населения, совершаемых путём взрыва, поджога или иных действий. А как же тогда быть с определением правомерности причиняемого вреда при пресечении иных преступлений террористической направленности? По логике законодателя, иные преступления террористической направленности обладают меньшим характером и степенью общественной опасности по сравнению с совершением теракта, в связи с чем при пресечении таких преступлений законодатель допускает причинение чрезмерного вреда и, как следствие, наступление ответственности для со-

¹² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 4. – Апрель, 2012.

трудников (военнослужащих) вышеуказанных силовых ведомств, в том числе, и уголовной?

В то же время, анализ положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» показывает, что к преступлениям террористической направленности относятся составы преступлений, предусмотренные статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ.

Сотрудникам (военнослужащим) вышеуказанных силовых ведомств не реже чем с пресечением теракта приходится сталкиваться, например, с освобождением заложников, пресечением деятельности незаконного вооруженного формирования. Получается, что при пресечении данных преступлений сотрудники (военнослужащие) силовых структур должны беспокоиться о том, будет ли причиненный ими вред соразмерным характеру и степени пресекаемого посягательства? Полагаем, что при пресечении преступлений террористического характера сотрудники (военнослужащие) вышеуказанных силовых ведомств должны сосредоточиться прежде всего на выполнении поставленной задачи и ни в коем случае не задумываться о пределах допустимого причинения вреда, так как в такой ситуации промедление с применением оружия и боевой техники может привести не только к смерти самого сотрудника (военнослужащего), но и к иным, более тяжким последствиям.

В связи с этим предлагаем дополнить ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» пунктом 3.1, в котором закрепить перечень преступлений террористического характера: «совершение преступлений террористического характера выражается в совершении лицом одного из преступлений, предусмотренных статьями 205–206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ».

Кроме того, предлагаем внести изменения в ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», и изложить данную статью в следующей редакции: «Лишение жизни лица, совершающего преступление (-ия) террористического характера, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении преступлений террористического характера либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешёнными законодательством Российской Федерации, являются правомерными».

Также требуется внесение изменений в ст. 37 УК РФ, так как именно в данной статье закреплены условия правомерности причинения вреда при пресечении общественно опасных посягательств, в связи с чем вопрос о правомерности причинения вреда при пресечении в том числе преступлений террористического

характера должен решаться в соответствии с вышеуказанной нормой уголовного закона.

При этом считаем, что нормативные правовые акты, определяющие основания и порядок применения сотрудниками (военнослужащими) силовых ведомств оружия и боевой техники носят вспомогательный характер и лишь конкретизируют возможности применения силы и оружия последними в определённых правовых ситуациях.

Учитывая, что в ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» речь идёт о правомерности любого вреда, причинённого в результате пресечения теракта, полагаем, что данное условие правомерности следует закрепить и в ч. 1 ст. 37 УК РФ с учётом нашего предложения о необходимости распространения «беспредельной обороны» на пресечение не только теракта, но и преступлений террористического характера, в связи с чем поддерживаем предложение учёных о внедрении в практику казуальной системы защищаемых благ и закреплении на законодательном уровне перечня посягательств, пресечение которых влечёт так называемую «беспредельную оборону» [9, с. 1064; 10, с. 72–76; 11, с. 92–99; 12, 336–341]. При этом мы предлагаем расширить данный перечень посягательств за счёт включения в них преступлений террористического характера.

Кроме того, стоит отметить еще одно важное обстоятельство. Так, 24 февраля 2022 года Президент Российской Федерации В. В. Путин принял решение о проведении специальной военной операции на территории ДНР и ЛНР. «Её цель – защита людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима»¹³. В проведении специальной военной операции принимают участие сотрудники (военнослужащие) вышеуказанных силовых ведомств.

В свою очередь, понятие специальной военной операции не согласуется с понятием контртеррористической операции, содержащимся в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», в связи с чем возникает вопрос об условиях правомерности причинения вреда сотрудниками (военнослужащими) силовых ведомств при применении оружия и боевой техники в рамках проведения специальной военной операции. Вопрос актуальный, так как вред, причиняемый при пресечении общественно опасных посягательств, всегда должен отвечать требованию соразмерности [13, с. 92–96]. И если бы, например, данная специальная военная операция имела статус войны, то право на применение оружия и боевой техники сотрудниками (военнослужащими) вышеуказанных силовых ведомств могло

¹³ Владимир Путин объявил о специальной военной операции в Донбассе [Электронный ресурс] // Российская газета : официальный сайт. – URL: <https://rg.ru/2022/02/24/vladimir-putin-soobshchil-o-specialnoj-voennoj-operacii-v-donbasse.html> (дата обращения: 28.12.2022).

быть ограничено нормами международного права, которое регулирует применение допустимых средств и методов ведения вооруженной борьбы [14, с. 17–28], в связи с чем вопрос о правомерности причинения вреда сотрудниками (военнослужащими) силовых ведомств в рамках проведения специальной военной операции остаётся открытым.

Заключение. Таким образом, полагаем, что отмеченные пробелы и противоречия в регу-

лятивном и отраслевом (имеем ввиду УК РФ) законодательстве негативным образом сказываются на правовой защищённости сотрудников (военнослужащих) полиции и Росгвардии, что в свою очередь приводит к уклонению от активного пресечения общественно опасных посягательств (в том числе преступлений террористического характера) ввиду опасений [15, с. 151–163] быть обвинёнными в причинении чрезмерного вреда.

Список литературы

1. Мейер В. В., Чуйков А. Ю. Контртеррористическая операция как форма борьбы с терроризмом // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса : материалы Международной научной конференции студентов и молодых учёных. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / под общ. ред. С. В. Беспаловой. – Т. 7. – Донецк: Издательство Донецкого национального университета, 2017. – С. 148–151.
2. Луценко В. В. Юридические пределы правового режима контртеррористической операции: понятия и виды // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7. – № 3–2. – С. 115–119.
3. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Неочевидные решения проблем силового противодействия преступности // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 36–45.
4. Шестаков Д. А. Еще раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2014. – № 1 (32). – С. 13–22.
5. Корецкий Д. А., Милюков С. Ф. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 112–113.
6. Егорова Н. А., Егоров А. Г. Необходимая оборона в деятельности сотрудников полиции: вопросы уголовно-правовой оценки // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 2 (49). – С. 21–32.
7. Чаптыков О. А., Харитонов А. Н. Пределы необходимой обороны в деятельности сотрудников полиции // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2022. – № 3 (26). – С. 136–144.
8. Заречнев Д. О., Левченко А. А., Федулов Б. А. Особенности правового обеспечения личной безопасности сотрудников полиции при выполнении служебно-боевых задач // Алтайский юридический вестник. – 2020. – № 1 (29). – С. 32–35.
9. Побегайло Э. Ф. Избранные труды. Ассоц. юридический центр. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2008. – 1064 с.
10. Пархоменко С. В. Законодательная регламентация необходимой обороны: состояние и перспективы // Научное наследие иркутских учёных уголовно-правовой науки : материалы Национальной научно-исследовательской конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Г. С. Гаверова и доктора юридических наук, профессора В. Я. Рыбальской, Иркутск, 12 июня 2021 года. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. – С. 72–76.
11. Пархоменко С. В. К вопросу о теоретических основах регламентации необходимой обороны в уголовном законодательстве // Пролог: журнал о праве. – 2021. – № 3 (31). – С. 92–99.
12. Нагорный А. П. Проблемы квалификации необходимой обороны в России // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 336–341.
13. Будагьянц Г. Н., Кондрашов А. В. Уголовно-правовая ответственность сотрудника полиции за неправомерное применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 92–96.
14. Сидоров Э. Т. Проблемы применения боевой и специальной техники подразделениями МВД России и Вооружённых Сил России при проведении контртеррористической операции // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2017. – № 1. – С. 17–28.
15. Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Девиантное поведение сотрудников органов внутренних дел: опыт диалектической оценки // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1 (1). – С. 151–163.

References

1. Meyyer V. V., Chuikov A. Yu. Kont'rterroristicheskaya operatsiya kak forma bor'by s terrorizmom // Donetskiye chteniya 2017: Russkiy mir kak tsivilizatsionnaya osnova nauchno-obrazovatel'nogo i kul'turnogo razvitiya Donbassa : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii studentov i molodykh uchonykh. Posvyashchena 80-letiyu DonNU, Donetsk, 17–20 oktyabrya 2017 goda / pod obshchey redaktsiyey S. V. Bespalovoy. – Т. 7. – Donetsk: Izdatel'stvo Donetskogo natsional'nogo universiteta, 2017. – С. 148–151.

2. *Lutsenko V. V.* Yuridicheskiye predely pravovogo rezhima kontrterroristicheskoy operatsii: ponyatiya i vidy // Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2021. – Т. 7. – № 3-2. – С. 115–119.
3. *Milyukov S. F., Nikulenko A. V.* Neochevidnyye resheniya problem silovogo protivodeystviya prestupnosti // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2021. – Т. 15. – № 1. – С. 36–45.
4. *Shestakov D. A.* Yeshche raz o prave bezopasnosti v svyazi s pravom protivodeystviya prestupnosti // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2014. – № 1 (32). – С. 13–22.
5. *Koretskiy D. A., Milyukov S. F.* Vnesudebnaya repressiya kak zakonnyy sposob bor'by s prestupnost'yu // Ugolovnoye pravo. – 2004. – № 1. – С. 112–113.
6. *Yegorova N. A., Yegorov A. G.* Neobkhodimaya oborona v deyatel'nosti sotrudnikov politzii: voprosy ugolovno-pravovoy otsenki // Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii. – 2019. – № 2(49). – С. 21–32.
7. *Chaptykov O. A., Kharitonov A. N.* Predely neobkhodimoy oborony v deyatel'nosti sotrudnikov politzii // Forum. Seriya: Gumanitarnyye i ekonomicheskkiye nauki. – 2022. – № 3(26). – С. 136–144.
8. *Zarechnev D. O., Levchenko A. A., Fedulov B. A.* Osobennosti pravovogo obespecheniya lichnoy bezopasnosti sotrudnikov politzii pri vypolnenii sluzhebno-boyevykh zadach // Altayskiy yuridicheskiy vestnik. – 2020. – № 1(29). – С. 32–35.
9. *Pobegaylo E. F.* Izbrannyye trudy. Acsofs. yuridicheskiy tsentr. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2008. – 1064 s.
10. *Parkhomenko S. V.* Zakonodatel'naya reglamentatsiya neobkhodimoy oborony: sostoyaniye i perspektivy // Nauchnoye naslediyе irkutskikh uchonykh ugolovno-pravovoy nauki: materialy natsional'noy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii, posvyashchonnoy 90-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo yurista Rossiyskoy Federatsii, doktora yuridicheskikh nauk, professora G. S. Gaverova i doktora yuridicheskikh nauk, professora V. Ya. Rybal'skoy, Irkutsk, 12 iyunya 2021 goda. – Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet, 2021. – С. 72–76.
11. *Parkhomenko S. V.* K voprosu o teoreticheskikh osnovakh reglamentatsii neobkhodimoy oborony v ugolovnom zakonodatel'stve // Prolog: zhurnal o prave. – 2021. – № 3 (31). – С. 92–99.
12. *Nagornyy A. P.* Problemy kvalifikatsii neobkhodimoy oborony v Rossii // Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2022. – Т. 8. – № 3. – С. 336–341.
13. *Budag'yants G. N., Kondrashov A. V.* Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' sotrudnika politzii za nepravomernoye primeneniye fizicheskoy sily, spetsial'nykh sredstv i ognestrel'nogo oruzhiya // Uchonyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskiye nauki. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 92–96.
14. *Sidorov E. T.* Problemy primeneniya boyevoy i spetsial'noy tekhniki podrazdeleniyami MVD Rossii i Vooruzhennykh Sil Rossii pri provedenii kontrterroristicheskoy operatsii // NB: Administrativnoye pravo i praktika administrirovaniya. – 2017. – № 1. – С. 17–28.
15. *Milyukov S. F., Nikulenko A. V.* Deviantnoye povedeniye sotrudnikov organov vnutrennikh del: opyt dialekticheskoy otsenki // Rossiyskiy deviantologicheskiy zhurnal. – 2021. – № 1 (1). – С. 151–163.

Статья поступила в редакцию 04.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted December 4, 2022; approved after reviewing January 10, 2023; accepted for publication March 1, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 340.132.85
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-110-119

Александр Николаевич Пирожников
<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

Главное управление МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области
Российская Федерация, 191015, Санкт-Петербург, Суворовский пр., 50/52

Исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации

Аннотация: Актуальность темы обусловлена необходимостью ретроспективного анализа отдельных мер государственного принуждения с целью понимания их уголовно-правовой сущности. История развития иных мер уголовно-правового характера применительно к отдельно взятым группам преступлений в уголовно-правовой литературе практически не рассматривается. Не являются исключением и посягательства на интересы государства, наказание за которые традиционно было одним из самых суровых среди общественно опасных деяний, запрещённых уголовным законом. Тем не менее анализ исторических источников показывает, что пределы принуждения в данной области с течением времени существенно менялись. Происходившие изменения были связаны с политикой государства, а именно гуманизацией наказания – смягчением средств воздействия, применяемых в отношении лиц, виновных в совершении преступлений против интересов государства. Сегодня эта тенденция в целом сохраняется. Наряду с жёсткостью подхода власть допускает компромисс, обоснованно полагая, что иное воздействие или пограничные меры способны обеспечить эффективность превенции.

При организации исследования использовались традиционные *методы* – обобщение, анализ, аналогия.

Результаты. Развитие науки уголовного права, а также доминирование идей гуманизма, экономики человеческого материала обусловили реализацию принципиально иного подхода во всей сфере уголовно-правового регулирования. Полагаем, дальнейшее развитие данного направления позволит определить новые перспективы противодействия преступлениям исследуемой группы.

Ключевые слова: система наказаний, средства воздействия, гуманизация, экономия репрессии, ретроспективное исследование

Для цитирования: Пирожников А. Н. Исторические предпосылки разработки иных мер уголовно-правового характера, направленных на ограничение прав лиц, совершивших преступления против интересов Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 110–119; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-110-119.

Alexander N. Pirozhnikov
<https://orcid.org/0000-0002-1004-5945>, pir@mail.ru

The Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in St. Petersburg and the Leningrad region
50/52, st. Suvorovsky ave., St. Petersburg, 191015, Russian Federation

Historical prerequisites for the development of other measures of a criminal law nature aimed at restricting the rights of persons committed crimes against the interests of the Russian Federation

Abstract: The relevance of the topic is due to the need for a retrospective analysis of individual measures of state enforcement in order to understand their criminal legal nature. The history of the development of other measures of a criminal law nature in relation to individual groups of crimes is practically not

considered in the criminal law literature. Encroachments on the interests of the state the punishment for which has traditionally been one of the most severe among socially dangerous acts prohibited by criminal law are not excluded. Nevertheless, the analysis of historical sources shows that the limits of coercion in this area have changed over time significantly. The changes that took place were related to the policy of the state, namely the humanization of punishment - the mitigation of the means of influence used against persons guilty of committing crimes against the interests of the state. Today, this trend generally continues. Along with the rigidity of the approach, the authorities allow a compromise, reasonably believing that a different impact or border measures can ensure the effectiveness of prevention.

Traditional *methods* were used in the study organizing - generalization, analysis, analogy.

Results. The development of the criminal law science, as well as the humanism ideas dominance, the human resources economy, led to the implementation of a fundamentally different approach in the entire field of criminal law regulation. We believe that the further development of this area will allow us to determine new prospects for countering the crimes of the group under study.

Keywords: system of punishments, means of influence, humanization, economy of repression, retrospective study

For citation: Pirozhnikov A. N. Historical prerequisites for the development of other measures of a criminal law nature aimed at restricting the rights of persons committed crimes against the interests of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 110–119; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-110-119.

Полагаем, что достижение максимально объективного результата применительно к предмету нашего исследования возможно лишь при обращении к одним из первых централизованных актов Русского государства, Судебникам 1497 г. и 1550 г. Оба документа были продуктами своей эпохи и содержали лишь некие зачатки так называемых мер иного воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений. Безусловно, говорить о непосредственной правовой регламентации ответственности отдельных средств, выступающих в качестве альтернативных наказанию, не приходится. Тем более об этом сложно вести речь применительно к отдельно взятой группе посягательств (против государства и всего, что к таковым может относиться, с учётом исторического периода).

Вместе с тем упоминание обоих памятников отечественного права совершенно необходимо – прежде всего, с позиции их уникальности как первоначальных актов, позволивших создать основу для последующего развития отечественной правовой системы. Оба документа содержали ответственность за такие преступные посягательства против государства, как: *убийство господина, крамола, церковная кража или святотатство, кража, сопровождавшаяся убийством, передача секретных сведений или оговор невиновного, поджог города с целью предать его врагу* (ст. 9 Судебника 1497 г. [19], ст. 61 Судебника 1550 г.)¹. Все они предусматривали однозначно определённую санкцию, содержащую единственный вид наказания – смертную казнь. Какая-либо альтернатива в уголовно-правовом плане на тот момент была ещё невозможна, а вот в уголовно-процессуальном аспекте уже

тогда просматривались средства принуждения, выходящие за пределы уголовного наказания, способные при этом претендовать на роль прообраза иных средств принуждения лиц, виновных в совершении преступления. В частности, ст. 53 Судебника 1550 г. устанавливала возможность предварительного заключения до определения наказания государем [21, с. 82]. Даже при наличии в отечественном УПК РФ нормы о заключении под стражу (ст. 108) идея именно предварительного заключения как иной меры уголовно-правового характера и сегодня имеет право на существование, находя соответствующее обоснование в современной литературе². При этом специалисты говорят и об иных средствах воздействия, способных оказаться в числе отдельных мер противодействия преступности, не входящих в систему наказаний. Например: «Если же находили дело у подьячего за городом или на подворье, весь ущерб от иска оплачивал дьяк, а подьячего наказывали торговой казнью и увольняли, в результате чего он нигде больше не мог служить подьячим» [12, с. 37]. Некий прообраз ныне существующего наказания в виде запрета на возможность заниматься определёнными видами деятельности или занимать определённые должности просматривался уже тогда. При этом именно данное наказание способно перейти в разряд иных мер уголовно-правового характера в силу своего крайне низкого карательного потенциала и в основном ограничительной направленности, реализуемой в основном уже после исполнения основного вида наказания.

Безусловно, наиболее прогрессивным как в этом, так и во всех других отношениях было Соборное уложение 1649 г., существенно рас-

¹ Судебник 1550 г. / перевод В. Г. Цыганова [Электронный ресурс] // Pnzgu.ru: сайт. – URL: https://dep_iogip.pnzgu.ru/files/dep_iogip.pnzgu.ru/normativnie_akti/sudebnik_1550_goda.pdf?ysclid=15z63yka5j687290179 (дата обращения: 15.11.2022).

² См., напр.: Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : дис... д-ра юрид. наук. – Омск, 2013. – 650 с.

ширившее систему средств уголовно-правового противодействия преступности. Так, в данном документе широко используется наказание в виде изгнания преступника из земли по месту жительства, включающее в себя запрет на посещение определённых мест, территории, ограничение на выезд за пределы территории муниципального образования³. Помимо изгнания используется также ссылка, применяющаяся, например, за кражу, разбой, самовольный переход из городского состояния в крестьян или холопы [14, с. 82]. Кроме того, широко используются имущественные наказания в виде конфискации имущества [24, с. 32], компенсации причиненного вреда. Многие из них применялись в дополнение к собственно наказаниям: смертной казни, торговой казни, тюремному заключению, физическому воздействию в виде битья кнутом или батогами и прочими видами кары. Именно они выступают в качестве исторических предвестников средств иного воздействия, которые сегодня могут найти соответствующее нормативное закрепление в санкциях за преступления против интересов Российской Федерации. Речь в данном случае, конечно, идёт о блоке средств воздействия имущественного, компенсационного, ограничительного и изоляционного (ссылка, изгнание) свойства, которые, несмотря на течение времени, нисколько не потеряли (а с учётом происходящих на геополитическом пространстве событий только приобрели) актуальности. При этом важен сам факт внимания законодателя к данному аспекту уголовно-правового воздействия, с учётом того что его видовое содержание в каждую из исторических эпох существенно меняется.

В дальнейшем отмеченная выше тенденция лишь усилилась, получая соответствующий импульс параллельно с развитием как государственного устройства в целом, так и правовых институтов и механизмов в частности. Вполне естественно, что они не обошли стороной и сферу уголовно-правового воздействия, в том числе за преступные посягательства на интересы государства. Тем не менее их основными видами оставались (помимо не входящей в предмет нашего исследования смертной казни) конфискация имущества виновного (а также вычет из жалования и штрафа), ссылка на каторгу [6, с. 17]. При этом основная неопределённость правового регулирования строилась отчасти на процессуальных аспектах применения наказания, а отчасти на зависимости его вида и размера от сословности как потерпевшего, так и виновного, возможности крайне широкого усмотрения правоприменителя и прочих моментах, не относящихся собственно к самим видам воздействия.

Пожалуй, наибольший интерес в нашем случае представляют собой наказания, поража-

ющие в правах. Ни тогда, ни сейчас, не будучи наделенными карательным потенциалом, данные способы воздействия на виновного влекли для него мощные психологические и социальные последствия. Так, наказания, поражающие в правах, носили самостоятельный или дополнительный характер, а также применялись в виде «осрамительных» обрядов, к которым прибегали в случае отсутствия виновного. К самостоятельным относились следующие: публичное испрашивание отпущения вины (гл. III ст. 21; гл. XVII ст. 141) или отозвание оскорбительных слов перед судом и сознание во лжи (гл. XVIII ст. 151); заоплеушение палачом или удар профоса по щеке (гл. XVII ст. 145); ношение в присутствии полка пики, мушкета или карабина (гл. I ст. 7–8). Сюда же мог быть отнесен и арест у профоса. Лишение чести часто встречается в «Артикуле» как наказание без обозначения, что под этим понимается (гл. III ст. 29) [10, с. 49].

При этом в качестве отдельной меры подобного плана предусматривалось шельмование, которое в некоторых случаях сопровождало смертную казнь и влекло за собою конфискацию (гл. XII ст. 99). Шельмование происходило в виде переламывания над преступником шпаги и объявления его «шельмом»; вслед за тем происходила казнь (гл. XV ст. 123). Объявленный шельмом считался вне закона, человеком бесправным.

Шельмовать значило «из числа добрых людей и верных извергнуть». «Воинские Процессы» устанавливали следующие ограничения для шельмованных: 1) Ни в какое дело, ниже свидетельство не принимать; 2) Кто такого ограбит, побьет или ранит, или у него отымет, у оного челобитья не принимать и суда ему не давать, разве до смерти кто его убьёт, то яко убийца судитися будет; 3) В компании (общество) не допускать и единым словом, таковой весьма лишён общества добрых людей; а кто сие преступит, сам может наказан быть⁴.

Из изложенного следует, что в отмеченный исторический период уже активно используются так называемые дополнительные виды наказаний, а также способы воздействия, которые смело можно рассматривать в качестве иных мер, не имеющих в своем содержании карательных элементов. Более того, потенциал некоторых из них, что важно, процедура приведения их в исполнение, на рассматриваемый исторический момент были выше, чем сейчас у тех мер, которые содержатся в уголовном законодательстве.

Отметим, что ситуация в части правовой регламентации рассматриваемых вопросов практически не изменилась в годы царствования Екатерины I, Петра II [23, с. 45] и Анны Иоанновны. По-настоящему она начала трансформироваться в период правления Елизаветы Петровны, когда на законодательном уров-

³ Сидоркин А. И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения : дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2005. – 451 с.

⁴ Краткое изображение процессов или судебных тяжб // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое 1649–1825 гг.: в 45 т. – Т. 5 (1713–1719). – Санкт-Петербург: Типография II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – С. 410–411.

не было закреплено понятие «политическая смерть». При этом четко оговаривалось, что считать смертью политической, а что наказанием [2]. В 1753 г. императрица повелела, «учиня экстракт», доложить, «за какие вины политическая смерть и какая именно по указам положена». «Политическою смертию», по мнению Сената, следовало считать, «ежели кто положен будет на плаху, или взведён будет на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей» или подвергнут вечной ссылке «без всякого наказания». После рассмотрения в Главных командах «обстоятельные и краткие экстракты» дел с приложением законодательного обоснования и мнением сыщика отправляли в Сенат. За «наказание, а не за политическую смерть», по мнению законодателей, «почиталось» битие виновных кнутом «с вырезанием ноздрей» и отправление «в ссылки вечно» [25, с. 41–42].

Таким образом, в исследуемый период практически впервые используется иное средство воздействия на преступников – «политическая смерть». При этом, и что самое главное, на законодательном уровне даются её отличия от наказания. Впервые обозначается статус иной меры, а её отличия начинают входить в сферу интересов законодателя, и именно данный факт выступает в качестве наиболее значимого для проведения дальнейшего анализа российского законодательства.

По-настоящему серьезный разворот к самой идее некарательного воздействия на виновного произошел чуть позднее, в период правления Екатерины II. Находясь во власти идей Ш. Л. Монтескье и Ч. Беккариа, Екатерина II с первых дней нахождения во власти начинает работу над новым законодательством. Итогом такой работы, как известно, стал «Наказ», который впервые в истории (как в России, так и в Европе) формулирует другую, помимо уже известных возмездия и устрашения, цель наказания, а именно охранение общества от преступлений [7, с. 144–145], или «возвратить заблудшие умы на путь правый» (ст. 84). Поэтому «Наказ» рассчитывает более на предупредительные меры, чем на карательные (ст. 83), и не рекомендует в законе деяний безразличных, требует, чтобы закон не благодетельствовал одним во вред другим, чтобы просвещение распространялось между людьми [26, с. 19–25]. В связи с этим «Наказ» предписывает применять наказания с осторожностью (ст. 208) и даёт специальные пояснения. Впрочем, сама идея смягчения наказания, а часто и отказ от кары, звучит в документе неоднократно. «Если бы даже жестокость наказаний не была отвергнута добродетелями, то к отрицанию одной довольно было бы и того, что она бесполезна, а следовательно, и несправедлива» (ст. 85); «надлежит, чтобы оно (наказание – Авт.) было народное, по надлежащему скорое, потребное для общества, умеренное, сколь можно, при данных обстоятельствах, уравненное с преступлением и точно показанное в законе» (ст. 200); и др.

Именно этот момент связан с рождением первых научных изысканий, посвящённых

данной проблематике, которые также стояли на позиции отказа от доминирования начала кары и были настроены на поиск их альтернатив. Так, целью наказания, по мнению А. Н. Радищева, является не мщение (оно всегда гнусно), а «исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления». Далее, развивая эту мысль, писатель отмечал, что «верховная власть многие имеет средства направлять деяния граждан в стезю закона, и все они могут быть предметом общего законоположения. Средства сия суть: 1) воспретительные; 2) побуждающие; 3) предупреждающие» [13, с. 405]. Предупреждение вновь и вновь оказывается среди целей наказания, что даёт серьезный импульс для развития начал некарательного воздействия на лиц, совершивших преступления, в отечественном уголовном законодательстве. При этом среди наиболее ярких средств реализации идей предупреждения и исправления было введение в уголовное законодательство работных домов [4, с. 12–14]. Несмотря на её заимствование у У. Блэкстоуна, для российской системы правосудия она была новаторской, особенно с учётом специфики её реализации в отечественном уголовном законодательстве. В этом отношении следует признать прогрессивность указанного периода, что позволяет рассматривать его как прочную основу для формирования всего направления иного воздействия на осуждённых средствами уголовного-правового характера.

Важно отметить, не стали исключением из сформировавшейся тенденции и преступления против государственной власти. Оказавшись под влиянием идей смягчения, гуманизма, экономии человеческого ресурса и терпимости, ответственность за данные посягательства также изменилась. В основном это произошло за счёт расширения практики применения такого вида наказания, как ссылка, которая стала носить все более колониционный характер (колонизированная ссылка). При этом «ссылка за тяжкие государственные преступления приобретает более широкий размах и значение»⁵, более того, постепенно трансформируется (существуя параллельно) в ещё более гуманное и, что самое главное, необходимое государству средство воздействия на преступника, совершившего в том числе преступление данной группы, – поселение [22, с. 81].

Всё это свидетельствует о серьёзном эволюционном пути, который был пройден законодателем, начиная от первого Судебника до появления «Наказа» Екатерины II, в части определения, разработки и реализации самой идеи более гуманного подхода к лицам, совершившим в том числе государственные преступления, за счёт иного, в основном некарательного воздействия.

Система уголовно-правового противодействия преступности уже в первой четверти XIX столетия стала представлять собой слож-

⁵ Таганцев Н. С. Русское уголовное право (лекции): часть общая: в 2 т. – Москва: Наука, 1994. – 419 с.

ную иерархию наказаний уголовных и исправительных. При этом исправительные наказания сопровождались лишением некоторых прав состояния, телесным воздействием, ссылкой в Сибирь, кратковременным заключением в тюрьме или в крепости, арестом, штрафом, выговором. Между тем уже из наименований наказаний становится понятным, что часть из них (лишение прав состояния, выговор и др.), мало напоминая собственно наказания, в большей степени являясь выражением идеи иного воздействия на виновных в совершении преступлений. Одни только работы, назначаемые в рамках уголовного наказания, делились на каторжные, крепостные, в портах, работы в казённых заведениях и фабриках, смирительном доме, рабочем доме, городские работы и работу у частных лиц вместо рабочих домов.

«В качестве наказания за государственные преступления Уложение предусматривало лишение всех прав состояния и смертную казнь, лишение всех прав состояния и каторжную работу на разные сроки, ссылку на поселение в отдаленнейшие места Сибири, а для лиц, «не изъятых от наказаний телесных», – наказание плетью с наложением клейм. Последние из указанных мер наказания были связаны с последующим (после окончания срока) правопоражением. Восстановление сословных прав и снятие полицейского надзора было возможно лишь исключительно по воле императора. Статья 277 разрешала применять в качестве дополнительного наказания конфискацию всего имущества, родового и благоприобретенного».

Такое многообразие видов наказаний, которые не имели собственно карательного потенциала и предусматривались за указанные виды преступных посягательств, во многом было обусловлено видовой трансформацией, которая произошла с ними с течением времени. Например, с развитием книгопечатания (и в целом издательского дела) распространёнными стали такие явления, как критика власти, открытые призывы к её смене на страницах книг и журналов. Позднее законодатель перевел данные действия в разряд уголовно наказуемых, при сохранении определённых условий, способных повлечь административно-правовые последствия⁶. Во многом это было обусловлено тем, что Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не было юридически обоснованным разработанным уголовным кодексом. Для него, так же как для Свода законов 1832 г., характерно отсутствие чёткого разграничения уголовной, административной и дисциплинарной ответственности. Тем не менее именно данный факт, несмотря на, казалось бы, отрицательные предпосылки, оказал значительное влияние на появление и дальнейшую проработку средств воздействия на виновного.

Что характерно, отмеченная выше проблема, проявившись в указанный период, получила дальнейшее развитие в российском законодательстве и продолжает сохраняться и сегодня. Разграничение сфер правового регулирования именно в части решения вопроса о виде юридической ответственности, в том числе и применительно к рассматриваемой группе преступных посягательств, практически не поддавалось российскому законодателю XIX столетия. Так, Н. С. Таганцев по этому поводу замечает, что меры, применяемые полицейскими и другими административными властями для предупреждения и пресечения преступлений, не относятся к наказанию, их применение не зависит от карательной власти. «При издании Судебных уставов предполагалось, что они будут определены новыми уставами полиции; но это предположение не осуществилось, и система административных взысканий осталась и ныне в крайне неопределённом виде»⁷. Далее автор отмечает, что в Уложении о наказании в ред. от 1857 г. в примечании к ст. 62 было указано, что в некоторых случаях (включая посягательства на интересы государства) могут быть использованы такие средства, как «высылка за границу», «отдача под надзор полиции», «запрещение жить в определённых местах», «кратковременный арест» и др.⁸ Все эти меры в полном объёме могла применять полиция, в том числе (а в отдельных случаях и в особенности) и за преступления против государства, действуя при этом за пределами уголовного наказания. Однако, по мнению учёного, так называемые полицейские меры представляли полную неопределённость⁹. Между тем именно они в последующем легли в основу некоторых мер уголовно-правового характера некарательного свойства за преступления против государства и, более того, стали использоваться в качестве таковых в дальнейшем.

Несмотря на прогрессивность некоторых мер, применяемых в этот период, следует отметить его высокий уровень неопределённости именно в части установления средств воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений, в том числе в сфере государственной власти. Составители Уложения, по мнению Н. С. Таганцева, не установили основного принципа деления наказаний. Это в равной степени относилось как к его видам (рудники, крепости, заводы, поселения в Сибири, проживание в отдалённых губерниях, арестантские роты, рабочий дом, смирительный дом, тюрьма, арест и др.), так и к дифференциации (возможность деления наказаний по месяцам, неделям, дням и даже часам)¹⁰. По большому счёту это время перехода от сугубо карательной модели к её компромиссному варианту, в котором иное воздействие начало занимать по-настоящему своё, если ещё не по статусу, то по крайней мере, фактическое место.

⁶ В частности, в 1826 году был учреждён цензурный комитет, в обязанности которого входило выявление вещей подобного рода, их документирование и последующий доклад о самом нарушении и его степени.

⁷ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: часть общая. – Т. II. – Тула: Автограф, 2001 – 798 с.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С. 126–127.

Таким образом, несмотря на качественно новый подход к правовой регламентации и в целом пониманию уголовно-правового воздействия, период с конца XIX в. – начала XX столетия характеризуется высоким уровнем неопределённости, что не могло не сказаться и на отношении к иным мерам в общем, и к возможности их применения за преступления, посягающие на интересы государства.

Однако уже в начале XX в. П. И. Люблинский пишет, что наряду с так называемыми общими наказаниями, имеющими по преимуществу карательное значение, существуют меры, назначаемые дополнительно, лишённые самостоятельного существования в качестве основных наказаний. По-иному учёный называет их ещё дополнительными наказаниями, которые при этом имеют смешанный характер, и в которых карательный элемент является лишь одной из составных частей. При этом среди таковых (мер или дополнительных наказаний) применительно к преступлениям, посягающим на интересы государства, использовались, например, меры репрессивно-предупредительные (высылка – ст. 35, ссылка на водворение – ст. 275, ограничения в избрании места жительства – ст. 128, высылка в пределы осёдлости – ст. 130), а также меры чисто репрессивного свойства (праволишения – ст. 128, 130, удаление от должности – ст. 93, 425).

К дополнительным наказаниям В. В. Есипов, Н. Д. Сергиевский и другие исследователи в конце XIX столетия относили такие его разновидности, как лишение всех прав состояния при всех наказаниях уголовных (ст. 17, 22 и след.); лишение всех особенных прав и преимуществ при ссылке на жительство, заключении в арестантские отделения или в тюрьме (ст. 30, I, II; ст. 43 и след.); лишение некоторых особенных прав и преимуществ при заключении в крепости или в тюрьме (ст. 30, III, IV; ст. 50), церковное покаяние, конфискация имущества или вещей, опубликование приговора, высылка за границу, воспрещение жительства, надзор полиции, запрещение ремесла или промысла (ст. 58).

При этом учёный выделял и другие наказания, которые называл заменяющими. В эту группу он включал политическую смерть, высылку за границу и общественные работы. Все перечисленные наказания, вне зависимости от категории, в которые включали их ученые (и которые выделялись на уровне Уложения о наказаниях), в большей мере относятся к иным мерам в силу отсутствия в их содержании карательного начала.

В этом отношении рассматриваемый период, безусловно, стал прогрессивным в части правовой регламентации ответственности за посягательства на интересы государства (как, впрочем, и в целом ответственности в её самом широком понимании), когда наряду с жёсткостью санкций государство накопило существенный опыт некарательного воздействия в отношении виновных. Можно утверждать, что именно этот этап отображает тенденцию всего

предыдущего исторического отрезка, на протяжении которого происходило формирование подхода государства к преступникам данной категории, с учётом получивших развитие идей гуманизма, терпимости, законности, экономии репрессии и человеческого материала.

Важно отметить, что на тот момент максимально индивидуализирующим качеством наказания за преступления, посягающие против государства, выступала изоляция виновного, а если быть ещё более точным, то изъятие его из общества за счёт видов наказаний (дополнительных), не имеющих под собой карательной сущности, а именно, в нынешней классификации – мер иного характера. Как раз они оказывали максимально индивидуализирующее воздействие на виновных, которое проявлялось уже на стадии самого замысла их появления и включения в санкции преступлений против основ государственного устройства.

Ссылка на поселение предусматривалась и за ряд других преступлений против государственной власти. Например, за непубличное распространение среди военнослужащих учений или суждений, возбуждающих у них желание нарушать условия несения службы (ст. 131 Уложения); или за участие в скопище в целях выражения неуважения Верховной Власти, или порицания установленных Законами Основными образа правления или порядка наследия Престола (ст. 121 Уложения); и др.

Таким образом, указанный период характеризовался, с одной стороны, значительным увеличением группы преступных посягательств против государства (и неповиновении власти¹¹), а с другой – серьёзной дифференциацией ответственности за данные деяния наряду с её относительным смягчением. Так, за целый ряд деяний подобного рода законодатель предусматривал наказание в виде денежной пени (как единственный вид наказания) – ст. 138–141, ст. 153 Уложения и др., или помещение в исправительный дом (в некоторых из перечисленных статей также в качестве единственного вида наказания) – ст. 125, 134, 145, 154, 155 Уложения и др. Между тем оба вида наказания не относились к категории наиболее репрессивных, скорее, наоборот. В свою очередь, помещение в исправительный дом как вид наказания может изменяться в иную меру как раз в силу отсутствия карательного элемента в его содержании и способности к высокой степени корректирующего воздействия на лицо, виновное в совершении преступления.

Несмотря на то что данные виды наказаний предусматривались лишь за посягательства против власти, а не за все преступления данной группы, следует отметить безусловную прогрессивность позиции законодателя по данному вопросу, что нашло отражение не только в увеличении конкретных видов преступлений, но

¹¹ См. об этом: Малиновский И. А. Лекции по истории русского права. – Ростов н/Д: Изд. кооп. т-ва «Единение», 1918. – 488 с.

и в изменении государственного подхода к ответственности за таковые.

Надо сказать, что первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. был в этом отношении принципиально иным документом. При отсутствии наказания как такового и его замене на меры социальной защиты уголовный законодатель продемонстрировал несколько иное отношение, прежде всего, к самому уголовно-правовому воздействию, и уже как следствие – к пределам ответственности за различные группы посягательств. Не являлись исключением и преступления против основ молодого Советского государства. Наряду с появлением в уголовном кодексе принципиально новых составов преступлений, относящихся к рассматриваемой группе, советский законодатель в целом сохранил общую тенденцию относительно ответственности за их совершение. И если наиболее опасные посягательства на государство карались традиционно максимально жёстко, то другие деяния, также как и по Уложению 1903 г., оценивались относительно умеренно, где собственно наказание не выступало в качестве единственной меры воздействия. В частности, такое общественно опасное деяние, как пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии, указанной в ст. 57, наказывалось изгнанием из пределов РСФСР или лишением свободы на срок не ниже трёх лет. Или, например, организация в контрреволюционных целях вооружённых восстаний или вторжения на советскую территорию вооружённых отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории, или расторгнуть заключённые ею договоры, при наличии смягчающих обстоятельств каралось лишением свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества. При этом как изоляция (удаление из пределов РСФСР или из пределов отдельной местности с обязательным поселением в других местностях или без этого или с запрещением проживания в отдельных местностях либо без такого запрещения – п. «ж» ст. 20 УК РСФСР в ред. от 1926 г.), так и конфискация вполне способны претендовать на роль иных средств воздействия на виновных в совершении любых видов преступлений.

Следует отметить, что первый уголовный кодекс во многом перенял сформировавшуюся к тому времени общую тенденцию трансформации наказания наряду с его гуманизацией. И уже в 1930 г. помимо указанных выше также включал такие виды наказаний, как общественное порицание – п. «к» ст. 20 УК РСФСР; возложение обязанности загладить причинённый вред – п. «и» ст. 20 УК РСФСР; предостережение – п. «л» ст. 20 УК РСФСР¹². Отмеченные нака-

зания наряду с конфискацией активно упоминались законодателем и в законе об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г., например, ст. ст. 7, 15, 21 и др.¹³

При этом и ссылка, и высылка устанавливались в качестве как основных, так и дополнительных видов наказаний за преступления против государства уже в УК РСФСР 1960 г. (например, ст. ст. 70, 74 и др.), а возложение обязанности загладить причинённый вред и общественное порицание были предусмотрены в общей системе наказаний (п. 8, 9 ст. 21 УК РСФСР, успешно применяясь за другие виды преступных посягательств. Интересным представляется и то, что советский законодатель допускал возможность применения к лицам, совершившим преступления против государства, условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осуждённого к труду (фактически оно представляло собой иную меру). Невозможность применения такого способа воздействия не допускалась только к тем, кто совершил особо опасные государственные преступления¹⁴. При этом элементов собственно карательного воздействия все перечисленные средства уголовно-правового принуждения в себе не содержат, по сути, в большей степени относясь к средствам иного (обеспечительного) воздействия на лиц, виновных в совершении преступлений.

Что характерно, подобная перспектива наиболее реализуемой видится именно на современном этапе развития общества, значительно превосходя по своему организационному, нормативному и психологическому потенциалу любой из исследованных исторических периодов. Во многом это обусловлено тем, что УК РФ 1996 г. впервые предусматривает количество мер иного характера значительно больше, чем любой другой исторический правовой акт. Более того, отдельные виды наказаний, которые сегодня устанавливаются за преступления исследуемой группы (ч. 1 ст. 280¹, ч. 2 ст. 282³ УК РФ и др.) могут поменять свой статус и быть отнесенными именно к иному воздействию, в частности: принудительные работы (ч. 1 ст. 280¹, ч. 2 ст. 282³, ч. 1, 2 ст. 282⁴ УК РФ и др.), споры о правовой природе которых идут с момента их появления в системе наказаний российского уголовного законодательства, или ограничение свободы (например, ч. 1, 1.1 ст. 282², ч. 1 ст. 284⁴ УК РФ и некоторые др.).

Несмотря на особый характер и высокую степень общественной опасности рассматриваемых посягательств (как явления), государство

¹³ См.: Законы СССР и постановления Верховного Совета СССР, принятые на второй сессии Верховного Совета СССР пятого созыва (22–25 декабря 1958 г.): стеногр. отчет. – Москва: Верховный Совет СССР, 1959. – 710 с. – С. 53, 55, 57 и др.

¹⁴ См.: Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осуждённого к труду: п. «а» ч. 2 постановления Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1970. – № 24. – Ст. 204.

¹² Уголовный кодекс РСФСР в ред. 1930 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : сайт. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 24.09.2022).

уже сейчас на законодательном уровне демонстрирует свою способность к реализации компромиссного варианта, неизбежность которого обусловлена потребностью в дифференциации уголовной ответственности, необходимой в том числе и для повышения эффективности предупреждения совершения преступлений данной группы. В целом признавая объективность потребности в непримиримости и бескомпромиссности борьбы с посягательствами подобного рода, в то же время отметим, что их количество и качество в исторической ретроспективе стабильно менялось в сторону, во-первых, видового увеличения, во-вторых, относительной умеренности в степени общественной опасности. Наряду с традиционными – государственной изменой, шпионажем, свержением государственной власти (конституционного строя) – уголовное законодательство, начиная с первой половины XIX столетия, активно стало пополняться значительным числом так называемых иных видов преступле-

ний исследуемой группы. Отсюда появление в санкциях статей в нормах, регламентирующих ответственность за деяния, посягающие на интересы государства, наказаний, имеющих пограничный характер, способных оказаться в статусе иных мер уголовно-правового характера, не случайно и исторически обусловлено, что находит соответствующее подтверждение как в памятниках русского права, так и в специализированной литературе, посвящённой данной проблематике.

Развитие науки уголовного права, а также доминирование идей гуманизма, экономии человеческого материала обусловили реализацию принципиально иного подхода во всей сфере уголовно-правового регулирования. Это привело, в частности, к многообразию видов преступлений против государства и, соответственно, наказаний за них, часть из которых, в силу отсутствия в их содержании карательной составляющей, можно отнести к средствам иного воздействия на виновных.

Список литературы

1. *Авдеев В. А.* Принудительные работы как новый вид наказания в системе мер уголовно-правового характера // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 6. – С. 100–101.
2. *Анисимов Е. В.* Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. – Санкт-Петербург: Норинт, 2004. – 461 с.
3. *Астахова Н. Ю.* Уголовное уложение 1903 г.: ответственность за организацию и участие в преступных сообществах // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 1. – С. 126–131.
4. *Бабкова Г. О.* Уголовно-процессуальные законопроекты Екатерины II и российское законодательство второй половины XVIII в. (к истории Указа «О трёх родах воровства» 1781 г. и «Устава благочиния» 1782 г.) // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2. – С. 12–14.
5. *Буклова В. А.* Эволюционные особенности системы уголовного наказания в уголовном законодательстве Российской империи XIX в. // Социально-экономические явления и процессы. – 2009. – № 4. – С. 19–23.
6. *Булдыгерова Л. Н.* Право Российской Империи (XVII–начало XX века). – Хабаровск, 2019. – 288 с.
7. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. – Санкт-Петербург, 1892. – 712 с.
8. *Григорьев О. В.* Артикул воинский и «краткое изображение процессов и судебных тяжёб» как основа отправления правосудия в русской армии в XVIII в. // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – № 1. – С. 28–38.
9. *Горячева Е. М.* Особенности административного и уголовного законодательства в сфере борьбы с инакомыслием в годы правления Николая I // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2014. – № 3-2. – С. 111–119.
10. *Егошин О. А.* Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I // Вопросы теории и истории государства и права. Марийский юридический вестник. – 2009. – № 7. – С. 43–55.
11. *Ефименко И. А.* Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 55–58.
12. *Загидуллин М. Р.* Юридическая ответственность в судебном процессе России по судейникам 1497 и 1550 г. // Учёные записки Казанского университета. Серия «гуманитарные науки». – 2019. – № 1. – С. 32–40.
13. *Радищев А. Н.* Избранные философские сочинения. – Москва: Госполитиздат, 1949. – 559 с.
14. *Луппова М. А.* К вопросу о системе наказаний и практика её применения по Соборному Уложению 1649 года // Молодой учёный. – 2021. – № 20. – С. 346–349.
15. *Люблинский П. И.* Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. – Москва: Зерцало-М, 2014. – 234 с.
16. *Марасинова Е. Н.* Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века // Российская история. – 2014. – № 4. – С. 53–69.
17. *Непомнящая Т. В.* Иные меры уголовно-правового характера: понятие, юридическая природа, система // Правоприменение. – 2017. – № 1. – С. 118–119.

18. Новикова Е. А. Правовая природа ограничения свободы // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 8. – С. 1699–1700.
19. Памятники русского права : Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. / сост.: В. Н. Автократов, А. А. Зимин, С. М. Каштанов, А. Г. Поляк ; под редакцией Л. В. Черепнина. – Москва: Госюриздат, 1955. – Вып. 3 – 527 с.
20. Савченко Д. А. Модернизация российского законодательства XIX века об ответственности за государственные преступления // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2014. – № 9-1. – С. 231–249.
21. Сквозников А. Н. Ответственность за преступления против правосудия и интересов государственной службы по Судебникам 1497 и 1550 гг. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». – 2012. – № 1. – С. 79–84 (82).
22. Степанова О. В. Зарождение новой формы ссылки в России в XVIII веке // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. – 2008. – № 6. – С. 79–84.
23. Томсинов В. А. Законодательство императрицы Екатерины I: комментарий. Опубликовано в издании: Законодательство Екатерины I и Петра II (Серия «Русское юридическое наследие») / составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. – Москва: Зерцало, 2009. – С. XIII–XXIII.
24. Томсинов В. А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции. Опубликовано в издании: Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / составитель, автор предисловия и вступительных статей В. А. Томсинов. – Москва: Зерцало, 2011. – С. 1–52.
25. Чирскова И. М. Сыск и наказания «воров» и «разбойников» в правовой культуре периода царствования Елизаветы Петровны // Вестник Российского государственного гуманитарного университета: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2020. – № 8. – С. 41–42.
26. Упоров И. В. Теория уголовного наказания в России: от екатерининского «Наказа» до системных исследований начала XIX века // Гуманитарный научный вестник. – 2017. – № 7. – С. 19–25.

References

1. Avdeyev V. A. Prinuditel'nyye raboty kak novyy vid nakazaniya v sisteme mer ugolovno-pravovogo kharaktera // Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii. – 2012. – № 6. – S. 100–101.
2. Anisimov Ye. V. Russkaya pytka. Politicheskii syisk v Rossii XVIII veka. – Sankt-Peterburg: Norint, 2004. – 461 s.
3. Astakhova N. Yu. Ugolovnoye ulozheniye 1903 g.: otvetstvennost' za organizatsiyu i uchastiye v prestupnykh soobshchestvakh // Gumanitarnyye issledovaniya. – 2013. – № 1. – S. 126–131.
4. Babkova G. O. Ugolovno-protsessual'nyye zakonoprojekty Yekateriny II i rossiiskoye zakonodatel'stvo vtoroi poloviny XVIII v. (k istorii Ukaza «O trokh rodakh vorovstva» 1781 g. i «Ustava blagochiniya» 1782 g.) // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2015. – № 2. – S. 12–14.
5. Buklova V. A. Evolyutsionnyye osobennosti sistemy ugolovnogo nakazaniya v ugolovnom zakonodatel'stve Rossiyskoy imperii XIX v. // Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy. – 2009. – № 4. – S. 19–23.
6. Buldygerova L. N. Pravo Rossiyskoy Imperii (XVII–nachalo XX veka). – Khabarovsk, 2019. – 288 s.
7. Vladimirovskii-Budanov M. F. Obzor istorii russkogo prava. – Sankt-Peterburg, 1892. – 712 s.
8. Grigor'yev O. V. Artikel voinskiy i «kratkoye izobrazheniye protsessov i sudebnykh tyazheb» kak osnova otpravleniya pravosudiya v russkoy armii v XVIII v. // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2018. – № 1. – S. 28–38.
9. Goryacheva Ye. M. Osobennosti administrativnogo i ugolovnogo zakonodatel'stva v sfere bor'by s inakomyshyem v gody pravleniya Nikolaya I // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskiye i yuridicheskiye nauki. – 2014. – № 3-2. – S. 111–119.
10. Yegoshin O. A. Vidy nakazaniy v otnoshenii voyennosluzhashchikh i ikh primeneniye v epokhu Petra I // Voprosy teorii i istorii gosudarstva i prava. Mariyskiy yuridicheskiy vestnik. – 2009. – № 7. – S. 43–55.
11. Yefimenko I. A. Sostavy politicheskikh prestupleniy v Ulozhenii o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitel'nykh 1845 g. // Obshchestvo i pravo. – 2010. – № 4. – S. 55–58.
12. Zagidullin M. R. Yuridicheskaya otvetstvennost' v sudebnom protsesse Rossii po sudebnikom 1497 i 1550 g. // Uchonyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya «gumanitarnyye nauki». – 2019. – № 1. – S. 32–40.
13. Radishchev A. N. Izbrannyye filosofskiyе sochineniya. – Moskva: Gospolitizdat, 1949. – 559 s.
14. Luppova M. A. K voprosu o sisteme nakazaniy i praktika yeyо primeneniya po Sobornomu Ulozheniyu 1649 goda // Molodoy uchonyy. – 2021. – № 20. – S. 346–349.
15. Lyublinskiy P. I. Tekhnika, tolkovaniye i kazuistika ugolovnogo kodeksa. – Moskva: Zertsalo-M, 2014. – 234 s.
16. Marasinova Ye. N. Smertnaya kazn' i politicheskaya smert' v Rossii serediny XVIII veka // Rossiiskaya istoriya. – 2014. – № 4. – S. 53–69.
17. Nepomnyashchaya T. V. Inyye mery ugolovno-pravovogo kharaktera: ponyatiye, yuridicheskaya priroda, sistema // Pravoprimeneniye. – 2017. – № 1. – S. 118–119.

18. *Novikova Ye. A.* Pravovaya priroda ogranicheniya svobody // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2014. – № 8. – S. 1699–1700.
19. Pamyatniki russkogo prava.: Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. / sost.: V. N. Avtokratov, A. A. Zimin, S. M. Kashtanov, A. G. Polyak; pod redaktsiyey L. V. Cherepnina. – Moskva: Gosyurizdat, 1955. – Vyp. 3 – 527 s.
20. *Savchenko D. A.* Modernizatsiya rossiyskogo zakonodatel'stva XIX veka ob otvetstvennosti za gosudarstvennyye prestupleniya // Istoriko-pravovyye problemy: novyy rakurs. – 2014. – № 9-1. – S. 231–249.
21. *Skvoznikov A. N.* Otvetstvennost' za prestupleniya protiv pravosudiya i interesov gosudarstvennoy sluzhby po Sudebnikam 1497 i 1550 gg. // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo». – 2012. – № 1. – S. 79–84 (82).
22. *Stepanova O. V.* Zarozhdeniye novoy formy ssylki v Rossii v XVIII veke // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni V. G. Belinskogo. – 2008. – № 6. – S. 79–84.
23. *Tomsinov V. A.* Zakonodatel'stvo imperatritsy Yekateriny I: kommentarii. Opublikovano v izdanii: Zakonodatel'stvo Yekateriny I i Petra II (Seriya «Russkoye yuridicheskoye naslediyе») / sostavitel' i avtor vstupitel'nykh statei V. A. Tomsinov. – Moskva: Zertsalo, 2009. – S. XIII–XXIII.
24. *Tomsinov V. A.* Sobornoye ulozheniye 1649 goda kak pamyatnik russkoй yurisprudentsii. Opublikovano v izdanii: Sobornoye ulozheniye 1649 goda. Zakonodatel'stvo tsarya Alekseyа Mikhaylovicha / sostavitel', avtor predisloviya i vstupitel'nykh statei V. A. Tomsinov. – Moskva: Zertsalo, 2011. – S. 1–52.
25. *Chirskova I. M.* Sysk i nakazaniya «vorov» i «razboinikov» v pravovoi kul'ture perioda tsarstvovaniya Yelizavety Petrovny // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta: Literaturovedeniye. YAzykoznaniiye. Kul'turologiya. – 2020. – № 8. – S. 41–42.
26. *Uporov I. V.* Teoriya ugolovnogo nakazaniya v Rossii: ot yekaterininskogo «Nakaza» do sistemnykh issledovaniy nachala XIX veka // Gumanitarnyy nauchnyy vestnik. – 2017. – № 7. – S. 19–25.

Статья поступила в редакцию 09.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 18.01.2023.

The article was submitted December 9, 2022; approved after reviewing January 10, 2023; accepted for publication January 18, 2023.

Научная статья
УДК 343.976
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-120-126

Елизавета Сергеевна Пустовойт

адъюнкт

<http://orcid.org/0000-0002-3992-1064>, lizapustovoit@yandex.ru

*Сибирский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 660131, Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20*

Незаконный оборот наркотиков в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности как самостоятельный вид преступности

Аннотация: *Введение.* В статье даётся криминологическая характеристика незаконного оборота наркотиков в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности (далее – Организация, ОДКБ). Данная характеристика отражает одну из основных криминологических проблем – неизменно растущий наркотрафик, источником которого выступает территория Афганистана. Указывается, что Организация является важным актором международной правоохранительной деятельности, осуществляющим противодействие незаконному обороту наркотических средств афганского происхождения. В статье выявлены особенности незаконного оборота наркотиков в регионе ответственности государств – членов ОДКБ.

Методы. Методологическую основу данного исследования составили такие методы, как формально-логический, социологический, статистический, исторический и научная интерпретация модели преступности, предложенной Д. А. Шестаковым.

Результаты. По результатам исследования автор предлагает понятие «наркопреступность в регионе ответственности государств – членов ОДКБ» и показывает опасность незаконного оборота наркотиков (наркопреступности) как социально-правового явления в данном регионе. На основе многоуровневой модели понимания преступности («воронки Шестакова») предложена авторская динамическая модель «воронки» наркопреступлений в данном регионе, которая состоит из пяти уровней и трёх трендов. Предложенная модель наркопреступлений имеет динамический характер и может меняться в зависимости от рассматриваемого периода. Результаты проведённого исследования также могут быть использованы сотрудниками правоохранительных органов и учёными, занимающимися данной проблематикой. Выявленные особенности способствуют пониманию направлений профилактического воздействия на рассматриваемый вид преступности.

Ключевые слова: наркотрафик, государственная безопасность, «северный маршрут», Республика Армения, трансрегиональность, «воронка Шестакова»

Для цитирования: Пустовойт Е. С. Незаконный оборот наркотиков в регионе ответственности государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности как самостоятельный вид преступности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 120–126; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-120-126.

Elizaveta S. Pustovoyt

Graduate

<http://orcid.org/0000-0002-3992-1064>, lizapustovoit@yandex.ru

*Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
20, Rokossovsky str., Krasnoyarsk, 660131, Russian Federation*

Illicit drug trafficking in the region of responsibility of the member states of the Collective Security Treaty Organization as an independent type of crime

Abstract: Introduction. The article provides criminological characteristics of drug trafficking in the region of responsibility of the member states of the Collective Security Treaty Organization (hereinafter referred to as the Organization, the CSTO). This characteristic reflects one of the main criminological problems - constantly growing drug trafficking, the source of which is the territory of Afghanistan. It is indicated that the Organization is an important actor of international law enforcement activities that counteract the illicit trafficking of narcotic drugs of Afghan origin. The article reveals the peculiarities of drug trafficking in the region of responsibility of the CSTO member states.

Methods. The methodological basis of this study was formed by such methods as formal-logical, sociological, statistical, historical and scientific interpretation of the crime model proposed by D.A. Shestakov.

Results. According to the results of the study, the author proposes the concept of «drug crime in the region of responsibility of the CSTO member states» and indicates the danger of drug trafficking (drug crime) as a socio and legal phenomenon in this region. Based on the multilevel model of understanding crime («Shestakov funnel»), the author's dynamic model of the «funnel» of drug crimes in this region, which consists of five levels and three trends, is proposed. The proposed model of drug crimes has a dynamic character and may vary depending on the period under review. The results of the study can also be used by law enforcement officers and scientists dealing with this issue. The identified features contribute to understanding the directions of preventive impact on the considered type of crime.

Keywords: drug trafficking, state security, «northern route», Republic of Armenia, trans-regionality, Shestakov funnel

For citation: Pustovoyt E. S. Illicit drug trafficking in the region of responsibility of the member states of the Collective Security Treaty Organization as an independent type of crime // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 120–126; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-120-126.

Введение

Незаконный оборот наркотиков сегодня является одной из актуальных проблем для всего мирового сообщества, поскольку представляет собой не только угрозу государственной (национальной) безопасности, но и ведёт к деградации и вымиранию всего человечества, стимулирует рост преступности, коррупции. Следует учитывать также и то, что формы и методы наркопреступлений одновременно с развитием общества, научно-техническим прогрессом постоянно совершенствуются.

Под незаконным оборотом наркотиков понимается совокупность совершённых общественно опасных и противоправных деяний, связанных с наркотическими средствами, над которыми установлен международно-правовой и внутригосударственный контроль¹. Преступность, связанная с незаконным оборотом наркотиков, складывается не только из совокупности преступлений, предусмотренных уголовным законом – наркопреступлений. Наркопреступность является более ёмкой и содержательной категорией, включающей в себя антиобщественные действия в сфере оборота наркотических средств. Она охватывает и особенности детерминанта незаконного оборота наркотиков, и личность наркопреступника, и фоновые явления (в частности, наркопотребление). Соответственно, категории «наркопреступность» и «незаконный оборот наркотиков» могут быть соотнесены как целое и часть.

Обращаясь к теме исследования, нельзя не согласиться с А. В. Козаченко и Н. В. Клеваном в том, что «незаконный оборот наркотиков как вид преступности одним из первых вышел за пределы одного государства – вначале в поисках рынков сбыта, а позже для расширения масштабов преступной деятельности и сокрытия от уголовного преследования – и приобрёл транснациональный характер. Именно этот вид преступной деятельности стал катализатором развития транснациональных преступных организаций, который содействовал не только значительному росту их количества, но и финансовому обеспечению их противоправной деятельности: становление индустрии наркобизнеса прямо способствовало укреплению транснациональных преступных сообществ; индустрия наркобизнеса обусловила появление и развитие системы отмывания денег» [1, с. 92]. Масштабы незаконных операций могут быть

стивенные действия в сфере оборота наркотических средств. Она охватывает и особенности детерминанта незаконного оборота наркотиков, и личность наркопреступника, и фоновые явления (в частности, наркопотребление). Соответственно, категории «наркопреступность» и «незаконный оборот наркотиков» могут быть соотнесены как целое и часть.

¹ Кадыров М. М. Проблемы уголовно-правовой борьбы с незаконным оборотом наркотических средств : автореф. ... д-ра юрид. наук. – Ташкент, 1994. – С. 11.

весьма обширны. По словам В. И. Третьякова, «чтобы обеспечить эту систематичность криминальных трансграничных акций, необходимо создание инфраструктуры качественно нового уровня» [2, с. 81]. А. Л. Репецкая совершенно справедливо отмечает, что модели транснациональной преступности имеют корпоративно-сетевой характер, который обеспечивает высокий уровень защищённости и дохода от криминальной деятельности².

Противодействие наркопреступности является предметом пристального внимания ОДКБ. Организация выступает в качестве представительного межгосударственного объединения, государствами-членами которого являются Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан. В соответствии с Договором о коллективной безопасности от 15 мая 1992 года данные государства придерживаются идеи о том, что они принимают «согласованные действия в интересах обеспечения коллективной безопасности». Становление и развитие ОДКБ, как отмечает Д. Т. Турлыбаева, привело к тому, что компетентными органами Организации «общие вызовы и угрозы, появляющиеся в широко понимаемой силовой сфере, парируются существующими механизмами взаимодействия» [3, с. 80]. Подобные высказывания можно также встретить в работах иных авторов [4; 5]. Кроме того, значительная работа «проводится по сближению и гармонизации национального законодательства в сфере обороны, военного строительства, военно-технического сотрудничества, национальной безопасности, противодействия терроризму, экстремизму, незаконному обороту наркотических средств» [6, с. 30].

В рамках Организации международное взаимодействие в области коллективной безопасности усиливается совпадением стратегических интересов, принимаются необходимые меры по сокращению преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, их немедицинского потребления, подрыв экономических основ трансрегиональной наркопреступности. В Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года³ указано, что серьёзную угрозу национальной безопасности и экономической составляющей государств – членов ОДКБ, здоровью и благополучию их населения представляет незаконный оборот наркотиков.

В частности, территория государств – членов ОДКБ выступает каналом поступления опиоидных наркотиков, планетарным центром производства которых является территория Афганистана. Продолжительное время серьёзную обеспокоенность вызывает наркотрафик с территории Афганистана в регион Организации, где все ещё не наблюдается тенденции к улучшению ситуации. Пятый год подряд в Афганистане производство превышает 6 000 тонн. Такое количество опиума можно переработать примерно в 270–320 тонн чистого героина или в 390–650 тонн героина экспортного качества. При этом в 2021 году объём производства опиума здесь вырос на 8 %. Наркопроизводители опиатов афганского происхождения снабжают этими наркотиками 85 % всех потребителей героина в мире⁴.

Наличие чёрного рынка и повышенный спрос на наркотики опиоидной группы позволил организованной преступности монополизировать незаконный оборот наркотиков (выращивание, распространение) на территории Афганистана и выйти за границы государства, ставя под угрозу здоровье населения, проживающего в регионе ответственности государств – членов ОДКБ. Демонстрация масштабности данной проблемы показывает существенную важность её решения. Так, нельзя не вспомнить слова В. Н. Кудрявцева о том, что «интернационализация преступности должна иметь своим следствием интернационализацию мер по противодействию ей, а это означает необходимость осуществления комплекса мероприятий таких, как координация деятельности правоохранительных органов различных государств, заключение системы соглашений о взаимопомощи в международной преступности» [7, с. 7].

Методы

За основу приняты такие методы, как формально-логический, социологический, статистический и исторический, что обусловлено характером данной преступности и связанных с ней явлений, а также научная интерпретация «воронки Шестакова» – модели преступности, предложенной Д. А. Шестаковым. Представленный в данном исследовании её вариант состоит из пяти уровней и трёх трендов движения.

Результаты

Действительно, в регионе ответственности государств – членов ОДКБ проблема незаконного оборота наркотиков существует в течение нескольких десятилетий и имеет такую существенную особенность, как трансрегиональность, что является одним из отличительных криминологических признаков преступности в данном регионе, и означает всеохватность преступной деятельности организованных наркогрупп, преступных наркосообществ на территории

² Репецкая А. Л. Транснациональная организованная преступность: учебное пособие. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. – С. 77.

³ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года : решение Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности «О Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года» от 14 октября 2016 [Электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности: сайт. – URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_2025_goda (дата обращения: 12.10.2022).

⁴ Производство опиума в Афганистане выросло на 8 % [Электронный ресурс] // Gazeta.uz: сайт. – URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/11/17/opium/> (дата обращения: 12.10.2022).

неопределённого ряда стран, использующих коррупционные связи в правоохранительных органах (например, в таможенных) для совершения незаконных действий (контрабанды). Как известно, в основном наркотики, спрятанные в тайниках, перевозят на транспортных средствах через пункты таможенного контроля на границе.

Трансграничность наркопреступности в рассматриваемом регионе характеризуется налаженными маршрутами наркотрафика, наличием транспортных узлов наркотранспортировки, соответствующей инфраструктуры, которые обеспечивают интенсивное распространение наркотических средств как на территории государств – членов ОДКБ, так и на территории Центрально-Азиатского региона (далее – ЦАР): 1) по «северному маршруту» (Таджикистан, Кыргызская Республика, Казахстан, Узбекистан); 2) по «северно-причерноморскому маршруту», путь которого проходит через территории Азербайджана и Грузии, акваторию Черного моря, а также Болгарию и Украину; 3) по «закавказскому маршруту» – через Иран, Турцию и страны Закавказья (в частности, Армению); 4) по «восточному маршруту» – преимущественно через Китай; 5) по «южному маршруту» – через территории Пакистана и Индии [8, с. 29]. Также важно заметить, что вследствие укрепления государственной границы в Таджикистане с сопредельной границей Афганистана и усиления борьбы с контрабандой наркотиков по «северному маршруту» обнаруживается постепенная трансформация маршрутизации наркотрафика. В частности, наблюдается «крен» в сторону «закавказского», «севернопричерноморского» и «южного» маршрутов [8, с. 29].

Данная маршрутизация реализуется путём конспирации и легендирования наркотрафика, оптимизации взаимодействия между членами наркогрупп за счёт развития информационно-телекоммуникационных сетей, а также посредством фактического игнорирования государственных границ, международного и национального законодательства. Это приводит к широкому социальному наркотическому абсорбированию, что крайне негативно влияет на здоровье населения, проживающего в соответствующих регионах. Проблема наркотрафика является одной из актуальных для Республики Казахстан, так как в силу своего геополитического положения эта страна является своеобразным «транзитным коридором» между Европой и Азией. Республика Казахстан одной из первых встречается с наркоугрозой с территории Афганистана и входит в так называемый «Северный маршрут» [9, с. 74].

Особенностью наркобизнеса в Афганистане является его клановый и этнический характер. Клановая структура организации афганского общества способствует развитию коррупции, конспирации и вовлечению представителей государственного аппарата в наркоэкономику. Подобная ситуация детерминирует активное проникновение наркотизма в широкие слои

населения, проживающего на территории государств – членов ОДКБ и ЦАР. Совершенно верно П. В. Тепляшин пишет, что «на фоне недостаточно эффективного общественного иммунитета перед угрозой наркотического заражения социальная среда становится менее защищённой от наркотического синдрома» и как результат, в девиантную среду наркопотребителей все шире вовлекаются группы населения, характеризующиеся приемлемыми социальными показателями: достаточно высоким образовательным уровнем, наличием стабильных доходов, отсутствием жилищных проблем, проживанием в благополучных семьях и т. п. [10, с. 154].

Стоит сказать, что население Афганистана также страдает от огромного объёма наркопроизводства. Например, в 2015 г. от 2,5 до 2,9 млн. человек, или около 11 % систематически употребляли наркотики, из которых от 1,9 до 2,3 млн человек употребляли опиаты, а уже в 2021 году количество афганцев, употребляющих наркотики достигло рекордного показателя 2,5 млн человек, из которых 850 000 – это женщины, употребляющие наркотики на постоянной основе, что существенно препятствует оздоровлению социальной среды в государстве [11, с. 376]. Большая часть населения Афганистана участвует в выращивании и производстве наркотика ввиду политической и социально-экономической нестабильности в стране, так как выращивание незаконных культур приносит «лёгкие» и быстрые доходы.

Валовой объём производства афганской незаконной опиатной экономики оценивался в 1,8 – 2,7 миллиарда долларов в 2021 году. Общая стоимость опиатов, включая внутреннее потребление и экспорт, составляла от 9 % до 14 % ВВП Афганистана, что превышает стоимость официально зарегистрированного законного экспорта товаров и услуг (по оценкам, в 2020 году он составил 9 % ВВП)⁵.

В 2021 году в государствах – членах Организации наблюдалась тенденция к снижению числа наркозависимых лиц, состоящих на учёте, кроме Республики Армения, где в 2021 году на учёте состояли 7392 человека (2020 году – 7209), что на 183 человека больше. Так, в Республике Беларусь на учёте в 2021 году состояли 7313 человека (в 2020 году – 7507), что на 194 человека меньше, в Республике Казахстан в 2021 году число наркозависимых лиц, состоявших на учёте, снизилось на 7,8 %, в Кыргызской Республике на 1,4 %, в Российской Федерации на учёте состоят 448 тысяч человек, что ниже на 6,8 % показателей предыдущего года, в Республике Таджикистан – на 7,3 %.

Но в государствах – членах Организации в 2021 году увеличилось количество зарегистрированных наркопреступлений, кроме Республи-

⁵ Afghanistan Opium Survey 2021 – Cultivation and Production. UNODC. 2021 % [Электронный ресурс] // Unodc.org: сайт. – URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghanistan_Opium_Survey_2021.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

ки Казахстан и Российской Федерации. Так, в Республике Армения число наркопреступлений увеличилось на 25,9 %, в Республике Беларусь – на 31,1 %, в Кыргызской Республике – 24,5 % и в Республике Таджикистан на 1 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Следующие особенности наркопреступности в рассматриваемом регионе связаны с расширением оборота «дизайнерских» наркотиков (синтетических наркотиков) и немедицинского потребления психоактивных веществ, меры контроля в отношении которых не установлены, энергичным использованием наркобизнесом информационно-телекоммуникационных технологий, новейших финансовых инструментов, экономической и транспортной инфраструктуры, а также компаний, предоставляющих услуги почтовой и курьерской доставки⁶. В настоящее время происходит процесс цифровой трансформации наркопреступности: если раньше незаконный сбыт наркотиков осуществлялся способом «из рук в руки», то сейчас, с развитием цифровых технологий, для сбыта используются электронные торговые площадки в теневом сегменте интернета, принимающие оплату посредством электронных платежей (то есть сбыт стал обезличенным). Наркодеятельность становится более безопасной, отчего и увеличивается сеть сбыта, в том числе путём вовлечения новых участников.

Нельзя не согласиться с Е. А. Русскевичем, который говорит, что опасность незаконного сбыта наркотиков с использованием IT-технологий не только в том, что их использование позволяет законспирировать преступную деятельность, но и, что более важно, оно значительно упрощает распространение наркотиков⁷.

Для более полного понимания данной преступности (наркопреступности) обратимся к модели изучения преступности, которую предложил Д. А. Шестаков, разработавший девятиуровневую модель преступности, именуемую «воронка Шестакова» – «Shestakov's Trichter».

Стоит обратить внимание, что «воронка Шестакова» представляет собой многослойную модель преступности – от обыденного до планетарно-олигархического уровня. Неслучайно Д. А. Шестаков в основании воронки расположил именно планетарно-олигархический уровень, так как он характеризуется глобальным контролем над сырьевыми ресурсами, банковской системой, информационными сетями и средствами массовой информации, государственной властью [12, с. 13]. В таком контроле

значительную роль играют транснациональные корпорации, что способно порождать огромное количество опаснейших для населения преступлений.

Распределение всей совокупности наркопреступлений по уровням и трендам поможет в дальнейшем эффективно предотвращать, пресекать и проводить профилактические мероприятия с целью снижения наркопреступности в рассматриваемом регионе. Как верно отмечает

В. В. Измайлов, модель, представленная Д. А. Шестаковым, имеет «резервы для модернизации» [13, с. 24], и поэтому воронка может быть применена с учётом специфики совершаемых наркопреступлений в регионе ответственности государств – членов ОДКБ.

Рассмотрим тренды, предложенные вышеуказанным учёным, с небольшими корректировками согласно теме исследования, что не повлечёт существенных изменений содержательной характеристики «воронки Шестакова».

Применительно к региональной трансрегиональной наркопреступности модель обладает меньшим количеством уровней (вместо девяти – пять) и только тремя трендами движения. Итак, в указанной преступности (наркопреступности) предлагается различать такие уровни, как:

1) обыденный уровень (бытовой), который охватывает наркопреступления, обладающие единичным характером, то есть не сопровождающиеся совершением других «попутных» общественно опасных деяний;

2) уровень профессиональной преступной деятельности характеризуется совершением наркопреступлений должностными лицами с использованием своего служебного положения и с корыстной мотивацией. Так, А. И. Гуров определял профессиональную преступность как «разновидность преступного занятия, являющегося для субъекта источником средств существования, требующего необходимых знаний и навыков для достижения конечной цели и обуславливающего определённые контакты с антиобщественной средой» [14, с. 22].

3) внутренний государственный уровень охватывает наркопреступления, а также сбыт наркотиков, которые совершаются на территории одного государства – члена ОДКБ.

4) внешний трансрегиональный уровень включает наркопреступления, а также сбыт (распространение) наркотиков на территории нескольких государств – членов ОДКБ (по маршрутам наркотрафика). Данный уровень связан с циркулированием «неотмытых» преступных доходов, коррупцией в системе правоохранительных органов.

5) надгосударственный уровень связан с установлением контроля над государственной властью, природными ресурсами государства (в частности, это широкомасштабное выращивание опиумного мака на территории Афганистана) и над правоохранительными органами.

Предложенная структура наркопреступлений имеет динамический характер и может меняться в зависимости от конкретно рассма-

⁶ Антинаркотическая стратегия государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] // Odkb.mfa.tj: сайт. – URL: https://odkb.mfa.tj/images/documents/ODKB-Antinarkoticheskaya_strategiya_gosudarstv_chlenov_ODKB_na_baze_2021.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

⁷ Русскевич Е. А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2020. – С. 202–203.

триваемого периода. Для полного понимания предложенной структуры необходимо рассмотреть тренды.

Первый тренд – количество наркопреступников в зависимости от уровня. Чем выше уровень, тем меньше количество наркопреступников, так как на более высоких уровнях происходит усложнение процедуры идентификации наркопреступника ввиду того, что он может занимать определённый политический или общественный пост.

Второй тренд связан с общественной опасностью и причинением им ущерба. Чем выше уровень, тем больше общественная опасность совершаемых наркопреступлений и, соответственно, ущерб, наносимый общественным отношениям.

Третий тренд связан с тем, что по мере движения к основанию воронки наблюдается рост численности жертв наркопреступлений (наркотрафика), которым причинён ущерб в результате их совершения.

Заключение

Стоит согласиться с П. В. Тепляшиным и Е. А. Федоровой, которые предлагают понимать под транснациональной наркопреступностью относительно массовое социально-правовое явление, состоящее из совокупности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков (наркобизнеса), совершаемых в целях получения финансовой выгоды (сверхприбыли) лицами, как правило, имеющими гражданство разных стран, при участии организованных преступных групп, функционирующих на территории различных государств, деятельность которых направлена на извлечение финансового дохода криминальным путём и предполагает совместное согласованное участие неограниченного количества криминальных образований, расположенных на территории нескольких государств, имеющих устойчивые коррумпированные связи, и поэтому представляющих угрозу безопасности не только для отдельного

государства, но и для всего международного сообщества, противодействие которым требует совместных усилий многих государств [15, с. 69].

Применительно к теме исследования допустимо сформулировать следующее определение наркопреступности в регионе ответственности государств – членов ОДКБ: это относительно массовое социально-правовое явление, обладающее трансрегиональным характером, складывающееся в регионе Организации из совокупности общественно опасных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков (наркобизнеса), совершаемых в целях получения существенной финансовой выгоды (сверхприбыли) организованными наркогруппами, наносящих ущерб государствам – членам ОДКБ, ответственность за которые предусмотрена нормами национального уголовного законодательства.

Таким образом, наркопреступность представляет собой опасное социальное явление, существующее на территории нескольких государств. Наркотизм и тесно связанная с ним преступность приобретают всё более значительные трансрегиональные масштабы. Данное явление оказывает разрушительное влияние на государственную (национальную) безопасность. Кроме того, на рост наркопреступности оказывает большое влияние наличие собственной значительной сырьевой базы для незаконного изготовления и производства наркотиков, исторически сложившийся афганский наркотрафик опиоидных наркотиков по отлаженным маршрутам и благоприятная рыночная (в первую очередь – спрос) обстановка для приобретения наркотиков и получения многомиллиардной прибыли. С помощью многоуровневой модели понимания преступности – «воронки Шестакова» – удалось систематизировать представления о наркопреступности в регионе ответственности государств – членов ОДКБ путем обнаружения соответствующих уровней и трендов.

Список литературы

1. Козаченко А. В. Феномен транснациональной преступности : науч.-практ. пособие. – Николаев : Иллион, 2009. – 408 с.
2. Третьяков В. И. Транснациональная организованная преступность в России: понятие, структура, признаки // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 80–83.
3. Турлыбаева Д. Т. Этапы формирования и становления Организации Договора о коллективной безопасности // Человеческий капитал. – 2022. – № 7 (163). – С. 75–82.
4. Корнеева Е. В., Корнеев В. А. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) как ключевой фактор мировой экономики / Актуальные проблемы социально-экономического развития общества : сборник статей участников IV Национальной научно-практической конференции. – Керчь: КГМТУ, 2022. – С. 235–240.
5. Абдулмуталинова Т. А. К вопросу о проблемах и перспективах деятельности Организации Договора о коллективной безопасности в контексте новых вызовов и угроз // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2021. – № 2 (77). – С. 8–11.
6. Бондуровский В. В., Поспелов С. В. Задачи, решаемые Парламентской Ассамблеей Организации Договора о коллективной безопасности в условиях трансформации вызовов и угроз безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 2 (55). – С. 29–37.
7. Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью / РАН. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Наука, 2005. – 366 с.

8. *Тепляшин П. В.* Криминологический анализ корреляции между динамикой афганской опиийной экспансии и героиновой наркоситуацией в России // Наркоконтроль. – 2020. – № 4. – С. 27–31.
9. *Омарова Б. К., Байгейлова М. К.* Казахстан как «транзитный коридор» при транспортировке наркотических средств между Европой и Азией // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2008. – № 3. – С. 73–77.
10. *Тепляшин П. В.* Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex Russica (Русский закон). – 2017. – № 10 (131). – С. 147–157.
11. *Blanchet K., Ferozuddin F., Naeem A. J. J., Farewar F., Saeedzai S. A., Simmonds S.* Priority setting in a context of insecurity, epidemiological transition and low financial risk protection, Afghanistan // Bulletin of the World Health Organization. – 2019. – V. 97. – I. 5. – P. 374–376.
12. *Шестаков Д. А.* Планетарная олигархическая преступная деятельность: девятый уровень преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 2 (25). – С. 12–23.
13. *Измайлов В. В.* Динамическая модель преступности: новый взгляд на «Воронку Шестакова» // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2015. – № 4. – С. 24–28.
14. *Гуров А. И.* Профессиональная преступность: прошлое и современность. – Москва: Юридическая литература, 1990. – 301 с.
15. *Тепляшин П. В., Федорова Е. А.* Транснациональная наркопреступность: понятие, признаки, детерминанты и отдельные направления противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2017. – № 3. – С. 68–74.

References

1. *Kozachenko A. V.* Fenomen transnatsional'noy prestupnosti : nauch.-prakt. posobiye. – Nikolayev : Ilion, 2009. – 408 s.
2. *Tret'yakov V. I.* Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost' v Rossii: ponyatiye, struktura, priznaki // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2009. – № 1. – S. 80–83.
3. *Turlybayeva D. T.* Etapy formirovaniya i stanovleniya Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti // Chelovecheskiy kapital. – 2022. – № 7 (163). – S. 75–82.
4. *Korneyeva Ye. V., Korneyev V. A.* Organizatsiya Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti (ODKB) kak klyuchevoy faktor mirovoy ekonomiki / Aktual'nyye problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya obshchestva : sbornik statey uchastnikov IV Natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Kerch': KGMTU, 2022. – S. 235–240.
5. *Abdulmutalinova T. A.* K voprosu o problemakh i perspektivakh deyatel'nosti Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti v kontekste novykh vyzovov i ugroz // Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. – 2021. – № 2 (77). – S. 8–11.
6. *Bondurovskiy V. V., Pospelov S. V.* Zadachi, reshayemye Parlamentskoy Assambleyey Organizatsii Dogovora o kollektivnoy bezopasnosti v usloviyakh transformatsii vyzovov i ugroz bezopasnosti // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychaynyye situatsii. – 2022. – № 2 (55). – S. 29–37.
7. *Kudryavtsev V. N.* Strategii bor'by s prestupnost'yu / RAN. – 2-ye izd., pererab. i dop. – Moskva: Nauka, 2005. – 366 s.
8. *Teplyashin P. V.* Kriminologicheskiy analiz korrelyatsii mezhdudinamikoy afganskoj opiynoy ekspansii i heroinovoy narokosituatsiyey v Rossii // Narkokontrol'. – 2020. – № 4. – S. 27–31.
9. *Omarova B. K., Baygeylova M. K.* Kazakhstan kak «tranzitnyy koridor» pri transportirovke narokoticheskikh sredstv mezhdud Yevropoy i Aziyey // Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoy informatsii Respubliki Kazakhstan. – 2008. – № 3. – S. 73–77.
10. *Teplyashin P. V.* Sostoyaniye narokoprestupnosti v Rossiyskoy Federatsii: osnovnyye kriminologicheskiye pokazateli i tendentsii // Lex Russica (Russkiy zakon). – 2017. – № 10 (131). – S. 147–157.
11. *Blanchet K., Ferozuddin F., Naeem A.J.J., Farewar F., Saeedzai S.A., Simmonds S.* Priority setting in a context of insecurity, epidemiological transition and low financial risk protection, Afghanistan // Bulletin of the World Health Organization. – 2019. – V. 97. – I. 5. – P. 374–376.
12. *Shestakov D. A.* Planetarnaya oligarkhicheskaya prestupnaya deyatel'nost': devyatyy uroven' prestupnosti // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2012. – № 2 (25). – S. 12–23.
13. *Izmaylov V. V.* Dinamicheskaya model' prestupnosti: novyy vzglyad na «Voronku Shestakova» // Aktual'nyye voprosy bor'by s prestupleniyami. – 2015. – № 4. – S. 24–28.
14. *Gurov A. I.* Professional'naya prestupnost': proshloye i sovremennost'. – Moskva: Yurid. lit, 1990. – 301 s.
15. *Teplyashin P. V., Fedorova Ye. A.* Transnatsional'naya narokoprestupnost': ponyatiye, priznaki, determinanty i ot del'nyye napravleniya protivodeystviya // Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra. – 2017. – № 3. – S. 68–74.

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 06.03.2023; принята к публикации 16.03.2023.

The article was submitted November 23, 2022; approved after reviewing March 6, 2023; accepted for publication March 16, 2023.

Научная статья
УДК 343.13
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-127-136

Елена Борисовна Серова

кандидат юридических наук, доцент
<http://orcid.org/0000-0002-3166-0867>, serowa@yandex.ru

*Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
Российская Федерация, 191104, Санкт-Петербург, Литейный проспект, 44*

Екатерина Владимировна Пушторская

<http://orcid.org/0000-0002-0835-0748>, pushtik@yandex.ru

*Межрайонная инспекция ФНС России № 11 по Ленинградской области
Российская Федерация, 188643, Ленинградская область, Всеволожск, Колтушское шоссе, 138 а*

Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения

Аннотация: *Введение.* Налоговые преступления, сущность которых заключается в неисполнении налогоплательщиками своих обязанностей и неуплате налогов в определённых законодателем размерах, чаще всего выявляются в рамках деятельности налоговых органов, что отражает возможность возбуждения указанной категории уголовных дел на современном этапе исключительно по материалам налогового органа. При этом содержащиеся в налоговом законодательстве гарантии защиты добросовестного налогоплательщика от необоснованных претензий налоговых органов успешно используются недобросовестными налогоплательщиками, сознательно уклоняющимися от исполнения своих обязанностей, поскольку предоставляют возможность оперативно совершать действия, направленные на сокрытие следов преступной деятельности. Не все вопросы, связанные с получением налоговыми органами информации о противоправной деятельности участников предпринимательской деятельности, фиксации обнаруженных следов преступления и направлением полученных результатов в следственные органы, нашли разрешение в законодательстве, следовательно, достижение налоговой службой необходимых результатов при проведении налогового контроля также нуждается в поддержке правовыми механизмами в целях эффективного выявления налоговых преступлений, их документирования и передачи в следственные органы для начала уголовного преследования виновных.

Целью исследования является необходимость на основе анализа проблем реализации современной законодательной модели возбуждения уголовных дел и механизма проведения совместных проверок с правоохранительными органами определить возможность расширения числа поводов возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях.

Методы. В ходе исследования использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования: формально-логические методы (анализ, синтез, обобщение, выдвижение гипотез), сравнительно-правовой, системно-структурный методы исследования, метод статистического анализа, наблюдение, анкетирование, интервьюирование, контент-анализ документов.

Результаты. При исследовании судебной практики и статистической отчётности ФНС России сделан вывод о возможности налогоплательщиков, заранее осведомлённых о выявленных рисках налоговых правонарушений, а также о суммах и обстоятельствах вменяемого уклонения, до возбуждения уголовного дела скрыть следы преступления, вывести имущество либо перевести бизнес. Выявлены противоречия между основными задачами органов внутренних дел и их полномочиями в ходе проведения проверки и после её завершения. Авторами внесены предложения в части предоставления возможности инициации органом внутренних дел уголовного преследования в случае совершения уклонения от уплаты налогов в особо крупном размере, наличия фактов вывода имущества либо перевода бизнеса после вручения налогоплательщику акта налоговой проверки и получения от налогового органа всех необходимых документов.

Ключевые слова: налоговые преступления, возбуждение уголовного дела, налоговые органы, органы внутренних дел, налоговая проверка

Для цитирования: Серова Е. Б., Пушторская Е. В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 127–136; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-127-136.

Elena B. Serova

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<http://orcid.org/0000-0002-3166-0867>, serowa@yandex.ru

*Saint Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
44, Liteiny prospect, Saint Petersburg, 191104, Russian Federation*

Ekaterina V. Pushtorskaya

<http://orcid.org/0000-0002-0835-0748>, pushtik@yandex.ru

*Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service of Russia No. 11 for the Leningrad Region
138 a, Koltushskoe highway, Vsevolozhsk, Leningrad region, 188643, Russian Federation*

Initiation of criminal cases on tax crimes: problems and possible solutions

Abstract: *Introduction.* Tax crimes, the essence of which lies in the failure of taxpayers to fulfill their obligations and pay taxes in the amounts stipulated by the legislator, are most often detected within the framework of the activities of tax authorities, which reflects the possibility of initiating this category of criminal cases at the present stage solely on the basis of materials of a tax authority. At the same time, the guarantees contained in the tax legislation to protect a conscientious taxpayer from unfounded claims of tax authorities are successfully used by unscrupulous taxpayers who deliberately evade their duties, since they provide an opportunity to act quickly to conceal the traces of criminal activity. Not all the issues related to the receipt by tax authorities of information on the illegal activities of business participants, fixation of detected traces of a crime and sending the obtained results to the investigating authorities, have been resolved in the legislation, therefore, the achievement by tax service of the necessary results when conducting tax control also needs to be supported by legal mechanisms for the effective detection of tax crimes, their documentation and transfer to the investigating authorities for the initiation of criminal prosecution of the perpetrators.

The aim of the study is the need to determine the possibility of expanding the number of reasons for initiating criminal cases on tax crimes based on the analysis of the problems of implementing the modern legislative model for initiating criminal cases and the mechanism for conducting joint inspections with law enforcement agencies.

Methods. In the course of the study, general scientific and particular scientific research methods were used: formal-logical methods (analysis, synthesis, generalization, hypotheses), comparative-legal, system-structural research methods, statistical analysis method, observation, questioning, interviewing, content analysis of documents.

Results. When studying the judicial practice and statistical reporting of the Federal Tax Service of Russia, it has been concluded that it is possible for taxpayers who are aware in advance of the identified risks of tax violations, as well as the amounts and circumstances of alleged evasion, to hide the traces of a crime, withdraw property or transfer business before a criminal case is initiated. Contradictions have been identified between the main tasks of the internal affairs bodies and their powers during the inspection and after its completion. The authors have made proposals regarding the possibility of initiating criminal prosecution by the internal affairs body in the event of tax evasion on an especially large scale, presence of facts of property withdrawal or business transfer after the taxpayer is handed a tax audit report and receives all the necessary documents from the tax authority.

Keywords: tax crimes, initiation of a criminal case, tax authorities, internal affairs bodies, tax audit

For citation: Serova E. B., Pushtorskaya E. V. Initiation of criminal cases on tax crimes: problems and possible solutions // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – No. 1 (97). – S. 127–136; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-127-136.

Введение

Налоговые органы играют ключевую роль в выявлении налоговых преступлений, что позволило законодателю вернуться к ранее существовавшей модели правового регулирования возбуждения уголовных дел об указанных пре-

ступлениях, предусмотрев исключительный повод их возбуждения. Тем самым законодатель выделил налоговые преступления в особую группу преступлений экономической направленности, уголовное производство по которым ведётся с соблюдением особых процедур и правил.

Налоговые преступления, характеризующиеся высокой латентностью и опасными социальными последствиями, подрывают экономические устои любого, даже самого благополучного общества. Особую общественную опасность они приобретают в экономически сложные и нестабильные периоды. Данное обстоятельство обуславливает необходимость активного противодействия налоговым преступлениям, их своевременного выявления, расследования и предупреждения. Между тем выявление и расследование налоговых преступлений в силу их специфики вызывает определённые трудности. Более того, следственные ситуации уже на первоначальном этапе расследования осложняются низким уровнем взаимодействия следственных и налоговых органов, а также наличием определённых пробелов и противоречий в законодательстве, на что уже достаточно давно обращается внимание в научной литературе [1; 2 и др.].

Не вызывает сомнений, что налоговые преступления, сущность которых заключается в неисполнении налогоплательщиками своих обязанностей и неуплате налогов в определённых законодателем размерах, чаще всего выявляются в рамках деятельности налоговых органов. Именно налоговые органы владеют всей полнотой информации о налогоплательщиках, их бюджете, налоговых обязательствах перед государством, что позволяет им при реализации предоставленных законом полномочий выявлять все факты нарушений налогового законодательства, включая уголовно наказуемые деяния в данной сфере экономики.

Федеральная налоговая служба России в сфере налогового контроля идет по пути минимизации количества выездных проверок, так как это снижает нагрузку на производственный и бизнес-секторы экономики. Снижение реализуется в ходе контрольно-аналитической работы по побуждению налогоплательщиков к добровольному уточнению налоговых обязательств при выявлении налоговым органом финансово-хозяйственных операций с высоким налоговым риском.

Как отметил в своём выступлении глава ФНС России Д. В. Егоров, количество выездных налоговых проверок в 2020 году сократилось на треть и составило 6 тысяч, в том числе в связи с введением моратория на их проведение. Контрольные мероприятия дополнительно принесли в бюджет почти 300 млрд рублей, причём более половины (158 млрд рублей) обеспечены аналитической работой¹.

Принятие мер организационного характера, бесспорно, способствует защите бизнес-общества от необоснованных налоговых претензий и уголовного преследования, однако этот

путь не единственный. Существенным шагом по защите интересов предпринимателей в налоговой сфере является изменение правовой регламентации порядка возбуждения уголовного дела о преступлениях рассматриваемой группы. Несомненно, трансформация законодательного регулирования процедуры возбуждения уголовного дела и дополнение системы поводов к возбуждению дела новым поводом, применимым исключительно к налоговым преступлениям, свидетельствует о стремлении законодателя исключить необоснованные проверки участников предпринимательской деятельности в части соблюдения ими налогового законодательства. О том, что такие проверки могут рассматриваться как важный рычаг давления на бизнес, в научной литературе говорится уже достаточно давно.

В то же время не все вопросы, связанные с получением налоговыми органами информации о противоправной деятельности участников предпринимательской деятельности, фиксацией обнаруженных следов преступления и направлением полученных результатов в следственные органы, нашли своё разрешение в законодательстве. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что достижение налоговой службой необходимых результатов при проведении налогового контроля также нуждается в поддержке правовыми механизмами в целях эффективного выявления налоговых преступлений, их документирования и передачи в следственные органы для начала уголовного преследования виновных.

Методы. Сказанное позволяет нам прийти к выводу о необходимости на основе анализа проблем реализации современной законодательной модели возбуждения уголовных дел и механизма проведения совместных проверок с правоохранительными органами определить возможность расширения числа поводов возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях. Для достижения названной цели авторы исследования использовали общенаучные и частнонаучные методы исследования: формально-логические методы (анализ, синтез, обобщение, выдвижение гипотез), сравнительно-правовой, системно-структурный методы исследования, метод статистического анализа, наблюдение, анкетирование, интервьюирование, контент-анализ документов.

Описание исследования

Неисполнение налоговых обязанностей подрывает основы конституционного строя государства, что сказывается на устойчивом развитии экономики страны в целом. Сложности в реализации механизма уголовного преследования за такие преступления, отсутствие у налоговой службы ряда полномочий способствуют избеганию лицами, совершившими налоговые преступления как привлечения к уголовной ответственности, так и возмещения ущерба, причинённого преступлением.

Всё это оказывает негативное влияние на авторитет государственных органов в целом

¹ Даниил Егоров подвел итоги работы налоговых органов в 2020 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФНС России. – 2021. – 17 фев. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/10558423/ (дата обращения 02.05.2022).

и ФНС – в частности, так как добросовестные налогоплательщики ожидают от органов власти реализации принципа справедливого распределения общественных благ и справедливости в сфере равного для всех налогообложения, когда недобросовестный налогоплательщик обязательно понесет наказание и вынужден будет доплатить налоги в бюджет.

Анализ налогового законодательства показывает, что осведомленность налогоплательщика о выявленных фактах налоговых правонарушений налоговым органом ещё до начала проверки, значительная продолжительность проверки (в среднем от 6 до 8 месяцев), длительный срок составления документов по её результатам, наличие срока для добровольной уплаты, возможность апелляционного и судебного обжалования являются факторами, обеспечивающими соблюдение прав и законных интересов добросовестных налогоплательщиков. Названные факторы по сути предоставляют гарантии защиты добросовестного налогоплательщика от необоснованных претензий налоговых органов.

В то же время, данные факторы успешно используются недобросовестными налогоплательщиками, сознательно уклоняющимися от исполнения своих налоговых обязанностей, поскольку предоставляют возможность оперативно совершить действия, направленные на сокрытие следов преступной деятельности. Перевод бизнеса на вновь создаваемое либо аффилированное лицо (или, как минимум, попытка такого перевода), действия, направленные на фиктивное банкротство, значительно затрудняют возможность реализации налоговыми и следственными органами задач по привлечению виновных лиц к уголовной ответственности и возмещению ущерба бюджету. Более того, данная особенность выявления налоговых преступлений позволила П. И. Иванову выдвинуть обоснованный тезис о том, что эффективность предстоящей выездной налоговой проверки намного увеличивается, когда ей предшествует получение оперативным подразделением полиции информации о налоговом правонарушении и преступлении [3, с. 112].

Нами проанализирована судебная практика Верховного Суда РФ в части арбитражных споров с налоговыми органами о признании взаимозависимым лица, на которое налогоплательщиком был переведен бизнес, и взыскании с него сумм налоговой недоимки в рамках ст. 45 НК РФ. Проведённое исследование показало, что суммы ущерба, подлежащего взысканию со взаимозависимых лиц, на которых переводили бизнес налогоплательщики, по результатам проведённых проверок только по спорам, дошедшим до Верховного Суда РФ (25 дел), составили за период с 2017 по 2021 г. более 6,5 млрд руб. В целом же арбитражная практика по спорам налогоплательщиков с налоговыми органами на предмет рассматриваемого взыскания в период с 2015 г. по настоящее время насчитывает более 800 арбитражных дел, что свидетельствует

об активном применении схем перевода бизнеса в целях уклонения от возмещения ущерба бюджетной системе России.

В настоящее время ФНС России при проведении налогового контроля реализует Концепцию системы планирования выездных налоговых проверок, закрепляющую в качестве одного из основных принципов планирования проверок предоставление налогоплательщику права на самостоятельную оценку рисков и оценку преимуществ самостоятельного выявления и исправления допущенных ошибок при исчислении налогов².

Реализация данного принципа особенно актуальна в случаях, когда налоговым органом в ходе всестороннего анализа установлено предполагаемое участие налогоплательщика в схемах ухода от налогообложения либо минимизации налоговых обязательств и выявлены наиболее вероятные для него «зоны риска» (нарушения законодательства о налогах и сборах). Следует признать, что закрепление данного положения в качестве одного из основных начал при планировании и проведении налоговых проверок свидетельствует о стремлении государства снизить репрессивную составляющую при одновременном усилении превентивного воздействия со стороны налоговых органов. Способствует предупреждению налоговых нарушений и пресечению их на ранней стадии и широкое использование в работе налоговых органов информационных ресурсов, содержащих подробные сведения о совершаемых налогоплательщиками операциях, связанных с формированием налоговой базы. Е. С. Ефремова в связи с этим обращает внимание на то, что использование информационных ресурсов может рассматриваться в качестве новеллы современной практики деятельности налоговых органов и способствует восстановлению баланса частных и публичных интересов [4, с. 41].

Налогоплательщик, уведомлённый налоговым органом о предполагаемых нарушениях налогового законодательства, в результате принятия решения о самостоятельном признании проблемных операций как входящих в зону риска, может представить в налоговый орган уточнённые налоговые декларации и доплатить налоги в бюджет.

Реализация данной концепции для добросовестных налогоплательщиков как раз и является гарантией минимальной вероятности проведения выездной налоговой проверки, а также декларирует принцип того, что в отношении недобросовестного налогоплательщика, не оценившего в полной мере налоговые претензии, выявленные в ходе анализа его деятельности, налоговый орган должен будет предпринять

² Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок : приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/ (дата обращения: 12.08.2022).

все меры, направленные на обеспечение уплаты в бюджет сокрытых им налоговых платежей. Это обеспечивается проведением в отношении налогоплательщика предпроверочного анализа, включением в план выездных проверок и в дальнейшем назначением выездной налоговой проверки, а в случае установления налоговых правонарушений в суммах, подпадающих под признаки преступления, и их неуплате – обязательным направлением материалов в следственные органы Российской Федерации.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на следующее обстоятельство. Налоговые преступления традиционно относятся к числу латентных. Доказывание события преступления, причастных к нему лиц и их виновности требует использования доказательств (документов, предметов и др.), поиск которых вызывает определённые затруднения у органов предварительного следствия. Важное место в системе доказывания занимают такие следственные действия, как обыск и выемка, отличительной особенностью которых является внезапность для того, у кого они производятся. Однако после многомесячной налоговой проверки субъект прекрасно осознает перспективы привлечения к уголовной ответственности и, что самое главное, имеет физическую возможность уничтожить имеющиеся доказательства, сфальсифицировать новые документы, внести подлог в уже имеющиеся. На это обстоятельство неоднократно указывалось в научной литературе [5, с. 165].

Назначение выездной проверки является крайней мерой, применяемой к нарушителям налогового законодательства.

В рассматриваемом нами вопросе важным является тот факт, что должностные лица налогоплательщика, совершившие пока ещё не выявленные в необходимом процессуальном формате налоговые преступления, уже до назначения выездной проверки осведомлены о квалификации налоговым органом их финансово-хозяйственных операций как проблемных, например, о выявлении фиктивных контрагентов, используемых для минимизации налоговых платежей. В этом заключается отличие налоговых преступлений от остальных преступлений экономической направленности, так как налогоплательщик заранее уведомляется контролирующим органом об их выявлении.

В дальнейшем при назначении проверки, продолжающейся от начала проверки до вынесения решения о привлечении в среднем 12 месяцев, налогоплательщики могут препятствовать осуществлению налогового контроля, не представлять бухгалтерские и налоговые документы, оказывать давление на свидетелей, предпринимать действия по сокрытию следов преступления – всё это в целях затруднения выявления налоговым органом преступления. В целях избежания возмещения ущерба бюджету налогоплательщики выводят активы общества на юридически независимых лиц, переводят бизнес, фиктивно банкротят проверяемое юридическое лицо.

Позиция самостоятельности налоговых органов в выявлении налоговых преступлений находит поддержку в научном сообществе. Так, Д. Г. Горобец отмечает, что «полномочия налоговых органов, порядок и средства проведения камеральных и выездных налоговых проверок, установленные налоговым законодательством, достаточны и эффективны для выявления факта нарушения налогового законодательства. Примечательна их схожесть с проверочными и следственными действиями, предусмотренными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. По сути, налоговыми проверками (камеральными и выездными) устанавливаются обстоятельства, образующие объективную сторону налогового преступления» [6, с. 3].

С ним соглашается и А. Р. Шарипова, которая изучила утверждённые в 2020 году обвинительные заключения по уголовным делам, возбужденным по ст. 199 УК РФ. По её мнению, «информация обретения уголовно-процессуальной формы доказательств черпалась стороной обвинения из документов налогоплательщика, добровольно представленных им в налоговый орган, и из документов, самостоятельно полученных налоговым органом (ответы контрагентов и банков на запросы о деятельности налогоплательщика). ... Широчайшие доказательственные возможности органов уголовного преследования не дают им каких-либо значимых преимуществ перед налоговыми органами в плане доказывания занижения сумм подлежащих уплате налогов» [5, с. 165].

Несмотря на позицию ряда учёных, утверждающих, что налоговые органы профессионально не ориентированы на выявление признаков налоговых преступлений [7; 8], отметим, что они тем не менее обладают правовыми механизмами для сбора доказательной базы в отношении налоговых правонарушений – проводят допросы, осмотры, выемки документов, исследования документов, предметов, привлекают специалистов, устанавливают круг лиц, причастных к совершению налогового правонарушения, и исследуют вопрос умышленной неуплаты должностными лицами. Помимо НК РФ, данные действия налоговому органу предписывают совершать Методические рекомендации «Об исследовании и доказывании фактов умышленной неуплаты или неполной уплаты сумм налога (сбора)», утверждённые СК России, ФНС России³ (далее – Методические рекомендации), так как установленные налоговым органом обстоятельства умышленного уклонения являются таковыми и для следственного органа и свидетельствуют именно о совершении преступления.

³ О направлении методических рекомендаций по установлению в ходе налоговых и процессуальных проверок обстоятельств, свидетельствующих об умысле в действиях должностных лиц налогоплательщика, направленном на неуплату налогов (сборов): письмо ФНС России от 13 июля 2017 г. № ЕД-4-2/13650 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/ (дата обращения: 12.08.2022).

При этом налоговые преступления характеризуются их обязательным документированием и, следовательно, оставлением следов в первичных документах, бухгалтерских и налоговых регистрах, в организационно-распорядительной документации и в телекоммуникационных системах связи при взаимодействии с налоговыми органами и кредитными организациями.

На налоговый контроль и оперативно-розыскную деятельность как средства выявления налоговых преступлений обращает внимание Д. Г. Горобец, с чьей позицией трудно не согласиться [6, с. 2–3].

Что касается средств и методов оперативно-розыскной деятельности, необходимых для выявления преступлений исследуемой группы, следует упомянуть включение сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в состав лиц, проверяющих налогоплательщика. Делать это целесообразно в тех случаях, когда на стадии предпроверочного анализа либо уже в ходе самой налоговой проверки выявляются признаки налогового преступления, в том числе использование фирм-однодневок.

Сотрудники органов внутренних дел участвуют в проведении выездной налоговой проверки путём осуществления полномочий, предоставленных им Федеральным законом «О полиции», Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации⁴.

Надлежит отметить, что согласно Письму ФНС от 24 августа 2012 г. № АС-4-2/14007 сотрудники органа внутренних дел обязательно привлекаются в проверку также в случаях, если проверяемым лицом осуществляется активное противодействие проведению выездной налоговой проверки⁵, что явно свидетельствует о намерении скрыть следы преступления и избежать возмещения причинённого бюджету ущерба.

В последнее десятилетие совместные с органами внутренних дел проверки проводятся налоговыми органами в 9 случаях их назначения из 10, так как деятельность налоговых органов нацелена в первую очередь на исключение из финансово-хозяйственных операций налого-

плательщиков взаимоотношений с фиктивными компаниями.

Для выявления налоговых преступлений в рамках совместных проверок могут использоваться различные оперативно-розыскные мероприятия. Так, С. В. Бажанов называет в качестве наиболее типичных «негласное наблюдение за перемещением и сбытом товарно-материальных ценностей, сырья, продукции, за технологическими процессами производства; изучение документооборота, негласный осмотр помещений, транспорта, беседы с работниками, всевозможными очевидцами» [9, с. 44].

Признавая значимость названных мероприятий, отметим, что положительный эффект дают поиск и опрос в ходе совместных проверок номинальных директоров, наведение справок, исследование документов и предметов, прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации.

Однако в настоящее время, как отмечалось выше, уголовные дела о налоговом преступлении могут быть возбуждены не иначе как по материалам, направленным налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Следовательно, налоговые органы в своей деятельности должны не просто соблюдать требования ст. 32 НК РФ. Для инициирования возбуждения уголовного дела им необходимо вступившее в законную силу решение о привлечении к налоговой ответственности. Также должен быть установлен и документально подтверждён факт неуплаты в срок установленной по результатам проверки недоимки [10, с. 121–122].

При этом следует помнить, что может потребоваться проведение дополнительной проверки, а налогоплательщик может обжаловать состоявшиеся решения. Всё это значительно увеличивает временной период с даты составления акта проверки, вручённого налогоплательщику со всеми приложениями и подтверждающими документами, до даты вступления решения в законную силу. В ряде случаев такой период составляет свыше 6 месяцев. Всё это время налогоплательщик осведомлён о сумме доначисленных по результатам проверки налогов, пени и штрафных санкций, а также о содержании и объёме доказательств, которыми оперируют налоговые органы. Несомненно, наличие такой информации побуждает налогоплательщиков искать пути избежания уголовной ответственности и возмещения ущерба бюджету.

При анализе статистической отчётности ФНС России (Отчёта о задолженности по налогам и сборам, пеням и налоговым санкциям в бюджетную систему Российской Федерации, форма 4-НМ) видно, что по состоянию на 1 января 2022 г. совокупная задолженность налогоплательщиков перед бюджетом по результатам налоговых проверок только по двум субъектам

⁴ Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений : приказ МВД России № 495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/ (дата обращения: 12.08.2022).

⁵ Об участии органов внутренних дел в выездных налоговых проверках : письмо ФНС России от 24 августа 2012 г. № АС-4-2/14007 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/ (дата обращения: 12.08.2022).

РФ – Москве и Санкт-Петербургу – составила более 101 млрд руб.⁶

Указанные обстоятельства могут свидетельствовать о целесообразности инициации начала уголовного производства по делам о налоговых преступлениях уже после составления акта налоговой проверки. Поясним, почему это видится разумным в современных реалиях.

Согласно пп. 12 п. 3 ст. 100 НК РФ в акте налоговой проверки указываются документально подтвержденные факты нарушений законодательства о налогах и сборах, выявленные в ходе проверки. Для выявления данных фактов сотрудники налогового органа используют методы документальной проверки, исследуя с их помощью бухгалтерскую и налоговую отчетность и первичные документы. Кроме того, необходимо изучение структуры и механизмов всей финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика. В результате проверки у них формируется мнение относительно соблюдения налогоплательщиком норм действующего законодательства о налогах и сборах, что находит своё отражение в акте налоговой проверки. Важным свойством данного акта является его мотивированность, которая проявляется в обосновании выводов проверяющих ссылкой на конкретные документы и иные доказательства, изученные в ходе проверки. Таким образом, следует согласиться с мнением О. В. Пантюшова, подчеркивающего, что акт налоговой проверки должен содержать доказательства совершённого налогового правонарушения [11, с. 65–66].

Мероприятия налогового контроля, положенные в основу акта проверки, как справедливо отмечает Д. Г. Горобец, «позволяют установить общественно опасное действие – нарушение налогового законодательства и его последствие – неуплату налогов, причинную связь между ними, а также способ, место и время их совершения» [6, с. 3–4]. Таким образом, в акте проверки содержатся сведения об объективной стороне состава налогового преступления.

Подводя итог, отметим, что в случае выявления признаков налогового преступления материалы, направляемые налоговыми органами в следственные подразделения Следственного комитета РФ, во всех случаях содержат акты и решения, выносимые и принимаемые по результатам налоговой проверки. Мы разделяем высказанную в литературе точку зрения, согласно которой для принятия решения о возбуждении уголовного дела данные материалы далеко не всегда требуют дополнительной процессуальной проверки [6, с. 3].

Согласно п. 3 Методических рекомендаций налоговым органам рекомендуется в ходе проведения контрольных мероприятий устанавли-

вать и отражать в акте наличие умысла в действиях должностных лиц либо собственников проверяемой организации. Данные обстоятельства, отражённые в акте проверки, заметно улучшают уголовно-правовую перспективу выявленных правонарушений.

Для того чтобы обосновать умышленность совершённого деяния, в акте налоговой проверки требуется в обязательном порядке сформулировать цели и мотивы, которые преследовались определённым лицом при совершении противоправных действий⁷. Такой подход позволяет в значительной степени ускорить решение вопроса о возбуждении уголовного дела и в самом начале расследования установить лиц, причастных к преступлению [см.: 5, с. 5]. Отметим здесь и ещё один важный, с нашей точки зрения, момент. В случае установления предполагаемого виновного уже в ходе налоговой проверки уголовное дело должно быть возбуждено не по факту совершения преступления, а в отношении лица, что, бесспорно, является дополнительной гарантией защиты его прав и законных интересов.

Помимо предполагаемого виновного лица налоговые органы указывают в акте налоговой проверки и данные лиц, контролирующих деятельность проверяемого налогоплательщика.

Таким образом, можно говорить о том, что помимо информации об объективной стороне деяния акт налоговой проверки содержит сведения о субъекте и субъективной стороне налогового преступления.

Мы приходим к выводу, что акт налоговой проверки обладает всеми признаками сообщения о преступлении. Несомненно, он корреспондирует по своему содержанию с решением о привлечении виновных лиц к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения. Данное решение представляет собой ненормативный правовой акт, выносимый по результатам рассмотрения результатов налоговой проверки руководителем налогового органа либо его заместителем. Хотя упомянутые нами документы отличаются своей формой и значением, содержание решения в части формулирования доказательств выявленных нарушений и ссылок на первичные документы и регистры, а также результатов мероприятий налогового контроля и оперативно-розыскной деятельности идентично содержанию акта проверки, который представляет собой первый документ, в котором установлены признаки преступления.

Десятилетие назад И. В. Маслов и А. М. Новиков отмечали, что «законодатель, предусмотрев определённые процессуальные особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, виновных в совершении налоговых преступлений (особые основания для применения в качестве меры пресечения заключения под стражу,

⁶ Отчет по форме 4-НМ по состоянию за 2021 год [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФНС России. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/10662105 (дата обращения 14.09.2022).

⁷ Шишкин Р. Н. Методика доказывания умысла на неуплату налогов. Стратегия защиты прав налогоплательщика: практические рекомендации. – Москва: Юстицинформ, 2020. – С. 34–35.

освобождения от уголовной ответственности), не счёл необходимым предусмотреть какой-либо специфики принятия процессуальных решений при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях» [12, с. 85]. Внесение анализируемых нами изменений в уголовно-процессуальный закон в части поводов к возбуждению уголовного дела о налоговом преступлении устранило данный пробел законодательства, на который указывали учёные.

Как известно, всякая процессуальная деятельность в стадии возбуждения уголовного дела направлена на получение доказательств, являющихся достаточным основанием для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела, а также на выявление обстоятельств, исключающих производство по делу [9, с. 45]. Начало такой деятельности связано с появлением законного повода, который запускает уголовно-процессуальный механизм, порождает субъективные права и обязанности участников уголовного процесса в стадии возбуждения уголовного дела и саму стадию [13, с. 138; 14, с. 3–44].

Вводя новый повод для возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении, законодатель тем самым не только подчеркнул особое значение налоговых органов в решении данного вопроса, но и стремился защитить участников предпринимательской деятельности от административного давления и недобросовестной конкуренции [14, с. 3]. Исключение возможности появления у правоохранительных органов информации о налоговом преступлении из иных источников, помимо государственных органов, сводит на нет возможность злоупотребления со стороны конкурентов и коррумпированных чиновников.

Снижает риск злоупотреблений и процедура оформления результатов совместной выездной налоговой проверки. Так, акт совместной выездной налоговой проверки составляется в трёх экземплярах и подписывается проверяющими – должностными лицами налогового органа и сотрудниками органа внутренних дел. Первый экземпляр акта хранится в налоговом органе, второй вручается налогоплательщику установленным НК РФ способом, третий направляется органу внутренних дел, сотрудники которого участвовали в проведении проверки⁸. Таким образом, внесение каких-либо изменений в акт после его подписания становится невозможным.

В то же время обратим внимание и на некоторое противоречие между теми задачами, которые решают территориальные органы МВД, и предоставленными им полномочиями. Сотрудники органа внутренних дел являются полноценными участниками проверяющей группы. Они совместно с налоговым органом в рамках деятельности группы осуществляют сбор дока-

зательств налоговых правонарушений и выявление признаков преступления. В то же время они процессуально не уполномочены должным образом реагировать на факт совершения преступления вопреки своим основным задачам функционирования в системе правоохранительных органов, что представляется нам в известной мере нелогичным. Для устранения данного противоречия, по нашему мнению, необходимо частично вернуться к ранее существовавшей модели возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении, предоставив сотрудникам органов внутренних дел право составления рапорта об обнаружении признаков налогового преступления с последующим его направлением в следственные органы для процессуальной проверки.

При этом повод, предусмотренный ч. 1.3 ст. 140 УПК РФ, сохраняется в главном – инициатива выявления преступления возникла из проверки налогового органа, и имеются материалы такой проверки, содержащие достаточные данные о выявленном преступлении, которые могут служить основанием для возбуждения уголовного дела. Эти данные содержатся прежде всего в самом акте налоговой проверки, в котором установлено событие преступления и наличие умысла на уклонение от уплаты налогов, повлекшее доначисление суммы налогов – налоговой недоимки. Содержание акта позволяет сделать вывод и о сумме ущерба, причинённого бюджету – в крупном либо особо крупном размерах. Здесь же отметим, что значимая для принятия процессуального решения информация, полученная в ходе проверки, представляет собой результаты мероприятий налогового контроля и оперативно-розыскной деятельности.

В соответствии с действующим законодательством к акту налоговой проверки прикладываются документы, подтверждающие выявленные в ходе проверки нарушения, за исключением документов, представленных самим налогоплательщиком. Несомненно, наличие такого приложения к акту ускоряет принятие решения о возбуждении уголовного дела и способствует соблюдению разумных сроков судопроизводства. В противном случае у органа внутренних дел возникла бы необходимость получения отсутствующих документов, что может быть сделано только путём направления соответствующего запроса в налоговый орган.

Отметим также, что документы, представленные плательщиком и положенные в основу квалификации налогового правонарушения как преступления, при необходимости могут быть запрошены следственным органом в рамках проверки сообщения о преступлении.

В предлагаемом механизме инициации уголовного преследования после получения органом дознания от налогового органа материалов проверки (до вынесения решения о привлечении к налоговой ответственности), получения их следственным органом и установления достаточных оснований уголовное дело может быть возбуждено по факту уклонения от уплаты налогов.

⁸ О рекомендациях по проведению выездных налоговых проверок : Письмо ФНС России от 25 июля 2013 г. № АС-4-2/13622 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55729/ (дата обращения: 12.08.2022).

Результаты и ключевые выводы

В заключение отметим, что, как утверждает Я. П. Ряполова, возвращение специального налогового повода для возбуждения уголовного дела говорит о новой «оттепели» в уголовно-процессуальной сфере, когда эффективность раскрытия преступления сменяется на риск-ориентированный подход в вопросе выявления налоговых преступлений [15, с. 138].

В современных условиях жёсткого санкционного давления и необходимости поддержки российских предприятий (в том числе с учётом тенденции на декриминализацию ряда экономических преступлений, на введение особого порядка прекращения уголовного преследования за налоговые преступления) расширение поводов для возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях путём частичного применения ранее существовавшего порядка при сохранении их первоначального

выявления именно по результатам проводимой налоговыми и правоохранительными органами налоговой проверки видится необходимым для достижения задач уголовного преследования, а также защиты прав и законных интересов добросовестных налогоплательщиков, не применяющих схемы уклонения от уплаты налогов.

В связи с этим данные законодательные изменения можно предложить для налоговых преступлений, совершённых в особо крупном размере, а также в случаях активного противодействия налогоплательщика проведению проверки либо при выявлении в ходе проверки фактов перевода бизнеса или вывода активов общества. Указанные обстоятельства предлагается в обязательном порядке фиксировать в рапорте об обнаружении признаков преступления и подтверждать соответствующими документами.

Список литературы

1. *Гришин А. В.* Анализ состояния и тенденции налоговых преступлений в контексте деятельности правоохранительных органов по противодействию налоговым преступлениям / Актуальные проблемы уголовного и гражданского судопроизводства. ГИБДД и иные правоохранительные органы как субъекты правоприменения : сборник статей, Орёл, 24 июня 2016 года. – Орёл: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. – С. 39–44.
2. *Матушкина Н. В.* Особенности возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2017. – Т. 27. – № 5. – С. 140–146.
3. *Иванов П. И.* Оперативно-розыскное обеспечение налоговой безопасности (вопросы теории и практики) // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 1 (57). – С. 107–118.
4. *Ефремова Е. С.* О критике налоговых комиссий и налоговом комплаенсе // Налоги. – 2021. – № 2. – С. 38–41.
5. *Шарипова А. Р.* Преюдиция в механизме конвергенции процессуальных отраслей (на примере производства по уголовным делам о налоговых преступлениях) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 1 (138). – С. 161–167.
6. *Горбеев Д. Г.* Зависимость сроков процессуальных проверок по сообщениям о совершении налоговых проверок от информации, содержащейся в материалах налоговых органов // Юрист. – 2021. – № 12. – С. 2–5.
7. *Бажанов С. В.* Эффективность взаимодействия правоохранительных и контролирующих органов по выявлению и расследованию налоговых преступлений, а также обеспечению возмещения причиняемого ими ущерба // Российская юстиция. – 2017. – № 12. – С. 55–59.
8. *Назаренко Б. А.* Уголовная политика в сфере налогообложения // Журнал российского права. – 2015. – № 4 (220). – С. 78–86.
9. *Бажанов С. В.* Проведение процессуальных проверок о налоговых преступлениях следователями следственного комитета // Законность. – 2012. – № 6 (933). – С. 41–45.
10. *Пушторская Е. В.* О препятствиях для реализации налоговыми органами полномочий по направлению материалов о выявленных налоговых преступлениях в следственные органы / Роль прокуратуры в построении правового государства: история и современность (К 300-летию Российской прокуратуры) : сборник статей по материалам научно-практического круглого стола (18 февраля 2022 г., Владивосток). – 2022. – С. 121–124.
11. *Пантюшов О. В.* Акт налоговой проверки // Право и экономика. – 2009. – № 4. – С. 62–67.
12. *Маслов И. В., Новиков А. М.* Нерешённые проблемы стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 85–90.
13. *Косенко А. М.* Критический обзор системы поводов для возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 1 (98). – С. 138–145.
14. *Тарабан Н. А.* Актуальные проблемы приёма, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях // Российский следователь. – 2015. – № 21. – С. 43–46.
15. *Ряполова Я. П.* Оптимизация правового режима возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях в свете циклических изменений уголовно-процессуального закона // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2022. – Т. 12. – № 6. – С. 132–142.

References

1. *Grishin A. V.* Analiz sostoyaniya i tendentsii nalogovykh prestupleniy v kontekste deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov po protivodeystviyu nalogovym prestupleniyam / Aktual'nyye problemy ugovolnogo i grazhdanskogo sudoproizvodstva. GIBDD i inyye pravookhranitel'nyye organy kak sub'yekty pravoprimeneniya : sbornik statey, Orol, 24 iyunya 2016 goda. – Orol: Orlovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova, 2016. – S. 39–44.
2. *Matushkina N. V.* Osobennosti vzbuzhdeniya ugovolnykh del po nalogovym prestupleniyam // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». – 2017. – T. 27. – № 5. – S. 140–146.
3. *Ivanov P. I.* Operativno-rozysknoye obespecheniye nalogovoy bezopasnosti (voprosy teorii i praktiki) // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2021. – № 1 (57). – S. 107–118.
4. *Yefremova Ye. S.* O kritike nalogovykh komissiy i nalogovom komplayyense // Nalogi. – 2021. – № 2. – S. 38–41.
5. *Sharipova A. R.* Preyuditsiya v mekhanizme konvergentsii protsessual'nykh otrasley (na primere proizvodstva po ugovolnym delam o nalogovykh prestupleniyakh) // Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii. – 2021. – № 1 (138). – S. 161–167.
6. *Gorobets D. G.* Zavisimost' srokov protsessual'nykh proverok po soobshcheniyam o sovershenii nalogovykh proverok ot informatsii, sodержashcheysya v materialakh nalogovykh organov // Yurist. – 2021. – № 12. – S. 2–5.
7. *Bazhanov S. V.* Effektivnost' vzaimodeystviya pravookhranitel'nykh i kontroliruyushchikh organov po vyyavleniyu i rassledovaniyu nalogovykh prestupleniy, a takzhe obespecheniyu vozmeshcheniya prichinyayemogo imi ushcherba // Rossiyskaya yustitsiya. – 2017. – № 12. – S. 55–59.
8. *Nazarenko B. A.* Ugolovnaya politika v sfere nalogooblozheniya // Zhurnal rossiyskogo prava. – 2015. – № 4 (220). – S. 78–86.
9. *Bazhanov S. V.* Provedeniye protsessual'nykh proverok o nalogovykh prestupleniyakh sledovatelyami sledstvennogo komiteta // Zakonnost'. – 2012. – № 6 (933). – S. 41–45.
10. *Pushtorskaya Ye. V.* O prepyatstviyakh dlya realizatsii nalogovymi organami polnomochiy po napravleniyu materialov o vyyavlennykh nalogovykh prestupleniyakh v sledstvennyye organy / Rol' prokuratury v postroyenii pravovogo gosudarstva: istoriya i sovremennost' (K 300-letiyu Rossiyskoy prokuratury) : sbornik statey po materialam nauchno-prakticheskogo kruglogo stola (18 fevralya 2022 g., Vladivostok). – 2022. – S. 121–124.
11. *Pantyushov O. V.* Akt nalogovoy proverki // Pravo i ekonomika. – 2009. – № 4. – S. 62–67.
12. *Maslov I. V., Novikov A. M.* Nereshonnyye problemy stadii vzbuzhdeniya ugovolnogo dela pri rassmotrenii soobshcheniy o nalogovykh prestupleniyakh // Ugolovnoye pravo. – 2011. – № 5. – S. 85–90.
13. *Kosenko A. M.* Kriticheskiy obzor sistemy povodov dlya vzbuzhdeniya ugovolnogo dela // Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava. – 2019. – № 1 (98). – S. 138–145.
14. *Taraban N. A.* Aktual'nyye problemy priyoma, registratsii i rassmotreniya soobshcheniy o prestupleniyakh // Rossiyskiy sledovatel'. – 2015. – № 21. – S. 43–46.
15. *Ryapolova Ya. P.* Optimizatsiya pravovogo rezhima vzbuzhdeniya ugovolnykh del o nalogovykh prestupleniyakh v svete tsiklichnykh izmeneniy ugovolno-protsessual'nogo zakona // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. – 2022. – T. 12. – № 6. – S. 132–142.

Статья поступила в редакцию 21.10.2022; одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 14.03.2023.

The article was submitted October 21, 2022; approved after reviewing March 3, 2023; accepted for publication March 14, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.3/.7; 343.5
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-137-143

Екатерина Николаевна Рахманова
доктор юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-4602-4676>, rachmanova@mail.ru

Андрей Николаевич Берестовой
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0003-0805-900X>, andreyberestovoy@gmail.com

Павел Валерьевич Цветков
<https://orcid.org/0000-0002-1724-6125>, pavel.tsvetkov.71@mail.ru

Северо-Западный филиал ФГБОУВО
Российский государственный университет правосудия
Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5

Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ

Аннотация: Социальные сети сегодня являются одной из наиболее распространённых форм современных цифровых технологий. Наряду с несомненными плюсами взаимодействия и общения между людьми в интернете социальная сеть порождает определённые криминологические риски, в том числе связанные с проявлением различных форм девиантного поведения и созданием новой субкультуры. Социально-политическая напряжённость, экономические проблемы, снижение общего культурного уровня, агрессивность средств массовой информации, пандемия Covid-19, а также обезличенность интернета и его возможности способствовали возникновению и быстрому распространению сетевой агрессии. Пользователи сети перенесли в виртуальное пространство свои ценностные установки и личные проблемы. Одним из проявлений такого девиантного поведения является треш-стрим, законодательное определение которого пока не выработано. Средства массовой информации изобилуют примерами, сопряжёнными с насилием, оскорблениями, унижением человеческого достоинства, причинением вреда жизни и здоровью, совершёнными в ходе прямых трансляций в интернете. Общество и законодатели подготовили законопроект о внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство, предлагающий установить уголовную ответственность за совершение подобных деяний в сети. Цель статьи – исследовать названные законодательные инициативы и предложения. Для достижения указанной цели поставлены задачи сформулировать общее понятие данного явления и осуществить анализ существующей научной литературы и законопроекта, предусматривающего криминализацию данного негативного явления. Авторами применялись контент-анализ и общенаучные методы, в частности, сравнение, анализ и синтез, статистический и дедуктивный методы, позволившие сформулировать некоторые общие выводы. Рассмотрены возможные объективные и субъективные признаки рассматриваемого деяния и делается вывод о необходимости дополнительной работы над законопроектом, учитывая, в том числе, мнение научной общественности.

Ключевые слова: законопроект, интернет, общественная нравственность, предупреждение, треш-стрим, уголовный закон

Для цитирования: Рахманова Е. Н., Берестовой А. Н., Цветков П. В. Треш-стрим – форма сетевой агрессии: уголовно-правовой анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 137–143; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-137-143.

Ekaterina N. Rakhmanova
Dr. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-4602-4676>, ekaterina.rachmanova@gmail.com

Andrey N. Berestovoy
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0003-0805-900X>, andreyberestovoy@gmail.com

Pavel V. Tsvetkov
<https://orcid.org/0000-0002-1724-6125>, pavel.tsvetkov.71@mail.ru

Thrash-streaming as a form of online aggression: a criminal law analysis

Abstract: Social networking is one of the most widespread forms of modern digital technologies today. Along with the undoubted advantages of interaction and communication between people on the Internet, the social network generates certain criminological risks, including those associated with the manifestation of various forms of deviant behavior and the creation of a new subculture. Socio-political tensions, economic problems, a decline in the general cultural level, media aggression, the Covid-19 pandemic, as well as the impersonality of the internet and its capabilities contributed to the emergence and rapid spread of online aggression. Netizens have transferred their values and personal problems to the virtual space. One of the manifestations of this deviant behavior is the trash streaming, which has not yet been legally defined. The media abounds with examples of violence, insults, humiliation of human dignity, harm to life and health committed during live broadcasts on the internet. The public and legislators have drafted a bill to amend and supplement the criminal law, proposing to criminalize the commission of such acts online. This article aims at exploring these legislative initiatives and proposals. The authors were therefore faced with the tasks of formulating a general concept of this phenomenon and analyzing the existing scientific literature and the bill criminalizing this negative phenomenon. The authors applied content analysis and general scientific methods, in particular, comparison, analysis and synthesis, statistical and deductive methods, which made it possible to formulate some general conclusions. The authors consider possible objective and subjective features of the act in question and make a conclusion about the need for additional work on the bill, taking into account, inter alia, the opinion of the scientific community.

Keywords: bill, Internet, public morals, prevention, trash stream, criminal law.

For citation: Rakhmanova E. N., Berestovoy A. N., Tsvetkov P. V. Thrash-streaming as a form of online aggression: a criminal law analysis // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 137–143; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-137-143.

Жизнь неумолимо движется вперёд, и вместе с ней развиваются IT-технологии, которые, несомненно, должны делать её комфортнее и безопаснее. Во многом этому способствуют социальные сети. Благодаря им в интернет-общении в том или ином виде вовлечены практически все – от подростков до представителей старшего поколения. Интернет расширяет границы личного взаимодействия, способствует самообразованию.

Но в то же время появление новых веб-технологий в начале XXI столетия привело к тому, что начали быстро нарушаться привычные социальные нормы, личная информация стала предметом обсуждения многих, зачастую незнакомых друг с другом людей. Очевидно унижительное, оскорбительное, а порой агрессивное поведение тех или иных лиц транслируется в прямом эфире, а в последние годы в интернете распространились новые опасные формы преступного поведения – так называемые «треш-стримы». Наибольшую популярность они получили во время пандемии Covid-19.

Научных работ на эту тему пока явно недостаточно, несмотря на то, что впервые к проблемам ненависти в интернете внимание было привлечено ещё в 1995 г. профессором Гарвардского университета Дэвидом Гольдманом, который создал страницу под названием «Гид для групп ненависти в интернете». Спустя несколько лет

она была переименована в «Часы ненависти» (10, с. 332).

Отечественные специалисты в области уголовного права и криминологии начали изучать данную проблему сравнительно недавно [1; 4; 6; 9]. В то же время благодаря многочисленным публикациям в средствах массовой информации и, самое главное, последствиям треш-стримов законодателями был разработан и представлен на обсуждение законопроект, предлагающий установить уголовную ответственность за подобные деяния.

Треш (от английского Trash – мусор, отбросы, сор; strim – поток) – это потоковое видео или аудио. Данный термин также употребляется пользователями как сленговое название прямых трансляций на видеохостингах. Иначе говоря, треш-стрим – это специфический жанр прямых трансляций в интернете, в ходе которых за вознаграждение (как правило, это деньги) участники (стримеры) выполняют различные задания, сознательно нарушая грани дозволенного и приемлемого в обществе поведения (насилие, унижение, оскорбление) [3, с. 88].

Треш-стриминг существует с момента появления всемирной паутины. Смысл треш-стриминга содержится в первоначальном слогане YouTube: «Транслируй себя». Изначально он использовался для демонстрации компьютерных игр, но затем возникла идея приглашать

друзей провести совместно время и транслировать происходящее в прямом эфире. Постепенно стремление достичь высокой популярности и заработать больше денег привело к треш-стриму в его современной форме. При этом главными участниками треш-стримов являются не только исполнители, но и зрители, которые контролируют действия стримеров и от которых зависят их заработки.

Желая быстро заработать деньги, стримеры готовы на что угодно. Их можно увидеть пьющими спиртное, совершающими физическое и эмоциональное и даже сексуальное насилие, поедаящими личинки или рыбки кишки, — всё это делается в прямом эфире. И хотя стримеры уверяют, что делают они это добровольно, но в ряде случаев видно, как они умоляют своих мучителей остановиться, прося о помощи.

Так, в октябре 2020 года гражданин Республики Беларусь Андрей Бурим, известный в сети под ником Mellstroy, выложил запись с вечеринки, на которой он несколько раз бьёт 21-летнюю Instagram-модель Алену Ефремову головой о стол. Суд признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, и назначил наказание в виде 6 месяцев исправительных работ с удержанием 10 % от заработка. Кроме того, с виновного взыскали 22 тыс. рублей за оплату лечения девушки и 50 тыс. в счёт возмещения морального вреда¹.

Российский блогер С. Решетников, известный в сети как Reeflay, во время эфира на одном из YouTube-каналов, который транслировался в сети интернет, перед камерой заливал лицо своей знакомой перцовым газом из баллончика, избивал, унижал и в завершение выгнал её на мороз в нижнем белье. Его действия не удивили подписчиков YouTube-канала. Это был не первый случай, когда он ради их денег (на интернет-жаргоне – донатов) издевался над своей подругой в прямом эфире. Но в этот раз всё закончилось трагически – девушка погибла в результате переохлаждения, проведя раздетой несколько часов на холоде. Трансляция продолжалась вплоть до прибытия сотрудников правоохранительных органов, вызванных врачами скорой помощи. Следственными органами С. Решетникову было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Проведённая судмедэкспертиза констатировала у погибшей закрытую черепно-мозговую травму, множественные кровоподтеки на различных частях тела, субдуральную гематому, образовавшуюся вследствие многократных ударов по лицу².

¹ Мировой судья рассмотрел уголовное дело в отношении блогера [Электронный ресурс] // Mos-gorsud.ru : сайт. – URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnenskiy/news/mirovoj-sudya-rassmotrel-ugolovnoe-delo-v-otnoshenii-blogera-andreya-burima> (дата обращения: 22.09.2022).

² Облить зелёной с головы до ног: жизнь и хаос интернет-трансляций, где за деньги унижают и избивают людей [Электронный ресурс] // Tjournal.ru: сайт. – URL: <https://tjournal.ru/internet/189382-oblit-zelenoy-s-golovy-do-nog-zhizn-i-internet-translyaciy-gde-za-dengi-unizhayut-lyudey> (дата обращения: 27.09.2022).

Быстрое распространение треш-стримов и очевидное их влияние, прежде всего на молодёжную аудиторию, не оставил без внимания Совет Федерации РФ: 21 января 2021 г. на заседании временной комиссии по информационной политике и взаимодействию со СМИ был представлен законопроект, в котором предлагается расширить содержание ст. 282 УК РФ, добавив в неё часть третью, и установить самостоятельную ответственность за совершение действий, «унижающих человеческое достоинство, с применением насилия или угрозы его применения, физических издевательств, оскорблений и различных иных форм хулиганского поведения, умаляющего достоинство личности, совершённые публично с использованием сети Интернет в режиме реального времени или видеозаписи с целью получения материальной (наращивание популярности) выгоды». Наказание за подобные действия может быть в виде штрафа от 300 до 600 тысяч рублей, а также принудительных работ на срок от двух до пяти лет, либо тюремного заключения на срок от 3 до 6 лет³. Кроме того, сенаторы предлагают рассмотреть порядок перекрытия каналов финансирования подобных трансляций и их блокировку.

По мнению зампреда профильного комитета Совета Федерации по законодательству и государственному строительству Ирины Рукавишниковой, данные поправки в Уголовный кодекс должны помочь в борьбе с кибербуллинг (травлей в сети), поскольку он может осуществляться в том числе и в форме треш-стримов⁴.

Лига безопасного интернета также поддержала эту инициативу. Как разъяснила член ОП РФ, директор Лиги безопасного интернета Екатерина Мизулина, «мы видим, что государство прикладывает усилия, чтобы бороться с таким деструктивным контентом. В этом году вступил в силу закон о самоцензуре социальных сетей, был принят закон об обязательной регистрации в качестве юридических лиц иностранных социальных сетей, и несмотря на все эти действия, мы видим, что деструктивный контент, особенно такой опасный как насильственные треш-стримы, продолжает распространяться на довольно широкую аудиторию, большую часть которой составляют дети и подростки. Основная проблема состоит в том, что действующие законы не позволяют быстро пресечь распространение такого контента. Конечно, мы приветствуем законодательную инициативу, озвученную Советом Федерации в лице Алексея Пушкова и будем надеяться, что она появится в ближайшее вре-

³ В Совфеде предложили наказывать за треш-стримы лишением свободы и штрафами [Электронный ресурс] // Realnoevremya.ru: сайт. – URL: <https://realnoevremya.ru/news/200620-v-sovete-federacii-predlozhili-nakazyvat-za-tresh-strimy> (дата обращения: 23.09.2022).

⁴ Ирина Рукавишниковая предложила наказывать за треш-стримы [Электронный ресурс] // Alrf.ru: сайт. – URL: <https://alrf.ru/news/irina-rukavishnikova-predlozhila-nakazyvat-za-tresh-strimy/> (дата обращения: 18.09.2022).

мя и такого рода контент будет запрещён на территории России»⁵.

Необходимыми условиями криминализации рассматриваемого деяния, по нашему мнению, должны быть: его относительная распространённость; общественная опасность; соответствие уголовно-правового запрета нравственным представлениям населения; соотношение положительных и отрицательных последствий введения уголовно-правового запрета [5, 208].

В настоящее время точных статистических данных, насколько треш-стримы в нашей стране распространены, нет. Об этом можно судить лишь по публикациям в средствах массовой информации. Но следует признать, что иногда даже единичные случаи могут заставить законодателя реагировать на них. Так поступили законодатели Южной Кореи, в которой в 2019 г. широкую огласку получила история девушек, которых называли «рабынями». Их заставили на камеру в прямом эфире наносить себе раны, выполнять самые разнообразные и унижительные секс-желания подписчиков конференций. Это выглядело настолько безжалостно и отвратительно, что под влиянием общественности корейский законодатель был вынужден срочно внести изменения в законодательство, запретив подобные действия в сети.

В нашей стране с каждым годом «каналов, которые публикует контент с физическими и психологическими издевательствами над людьми, становится всё больше. Они собирают миллионы подписчиков на YouTube и сотни тысяч подписчиков на платформе Twitch. Трансляции идут открыто, без возрастных ограничений. Все желающие, в том числе несовершеннолетние, могут подключиться и не только посмотреть, но и за определённую плату стать соучастниками происходящего на экране»⁶, что позволяет говорить об распространённости данного явления. По существу, в сети активно развивается прибыльная субкультура – насильственный треш-стрим.

При этом согласно опросу, который проводил ВЦИОМ, большинство пользователей интернета ответили, что треш-стримы нужно блокировать (87 %), и только 9 % против. Об этом явлении слышал почти каждый второй опрошенный (49 %), совсем не знали 51 %. Чаще всего их просматривают молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет (42 %). Наконец, 74 % заявили, что за организацию и демонстрацию треш-стримов необходима уголовная ответственность организаторов, 33 % – уголовная ответственность участников, и только 6 % ответили, что уголовная ответственность не нужна⁷.

Анализ законопроекта показывает, что законодателю прежде всего необходимо определиться с основными признаками данного деяния – такими как объект и объективная сторона.

Непосредственным объектом, как полагают сенаторы, являются общественные отношения, обуславливающие конституционный запрет на осуществление экстремистской деятельности, с чем согласны, в частности, Е. Н. Полупина и А. В. Антонова [6, с. 91].

Действительно, достаточно сложно провести границу между преступлениями ненависти, к которым можно отнести насильственные треш-стримы, и экстремизмом. Эта граница до сих пор не установлена и в уголовном законодательстве. В постановлении Пленума ВС РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» специально разъясняется, что «преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Для правильного установления мотива преступления следует учитывать, в частности, длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе».

Принимая во внимание данное разъяснение, нужно признать, что социальная и общественная опасность такого рода деяний состоит в том, что главными зрителями и главными, по существу, потерпевшими являются несовершеннолетние и молодёжь, которые приучаются к подобным формам противоправного поведения, что не может не сказаться на их нравственном развитии и воспитании. Из приведённых нами примеров треш-стримов видно, что в них отсутствуют мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, они не посягают и не причиняют вред общественным отношениям, обуславливающим конституционный запрет на осуществление экстремистской деятельности. Несмотря на то, что они, благодаря возможностям интернета, совершаются публично, их опасность состоит в том, что они посягают на здоровье населения и общественную нравственность. В то же время жизнь, здоровье, достоинство личности, собственность и т. п. могут выступать в качестве дополнительных объектов⁸ предлагаемого состава преступления.

Анализ треш-стрима позволяет также выделить признаки, необходимые для определения объективной стороны анализируемого состава

⁵ Лига безопасного интернета поддержала законопроект о запрете треш-стримов [Электронный ресурс] // Ligainternet.ru: сайт. – URL: <https://ligainternet.ru/liga-bezopasnogo-interneta-podderzhala-zakonoproekt-o-zaprete-tresh-strimov/> (дата обращения: 21.09.2022).

⁶ Треш-стрим как образ жизни [Электронный ресурс] // Expert.ru: сайт. – URL: <https://expert.ru/expert/2020/51/tresh-strim-kak-obraz-zhizni/> (дата обращения: 19.09.2022).

⁷ Большинство россиян поддерживают введение наказания за организацию и демонстрацию треш-стримов [Электронный ресурс] // Kazanfirst.ru: сайт. – URL: <https://kazanfirst.ru/news/568046> (дата обращения: 15.09.2022).

⁸ Нико ван Эйк. Регулирование старых ценностей в век цифровых технологий // Справочник по свободе массовой информации в Интернете / под ред. К. Меллера и А. Арму. – Вена: ОБСЕ, 2004. – С. 29–37.

преступления и отграничения его от деяний экстремистского характера [3].

Первый признак – место совершения преступления. Это только прямой эфир в сети, который, в принципе, обладает очевидными преимуществами по сравнению с живым общением с аудиторией. Он позволяет получить доступ к большому количеству заинтересованных в такого рода эфирах людей, кроме того, дистанция между зрителем и жертвой создаёт определённую иллюзию контроля над происходящим, в то же время сохраняя анонимность. Именно поэтому для треш-стрима прямой эфир является важным и неотъемлемым признаком объективной стороны данного деяния.

Первый признак неразрывно связан со вторым. Действия всех, стримеров, лиц, приглашённых к участию в стриме, а также зрителей должны носить взаимосогласованный и зачистую добровольный характер.

Третий и обязательный признак объективной стороны – насилие, издевательства, оскорбления, унижение человеческого достоинства.

Особенностью насилия в данном случае является то, что организаторы и участники чаще всего добровольно выполняют задания, поступающие от зрителей во время прямого эфира. При этом аудитория, которая смотрит данные стримы, поощряет их к совершению подобных действий, наблюдая за ним/ними в прямом эфире. В результате особенность насилия в треш-стриме состоит в том, что зачастую «внешнее проявление признаков противоправного поведения во время треш-стрима часто является лишь имитацией применения насилия (выделено нами), что не позволяет обнаружить в подобных действиях основания уголовной или административной ответственности. В таких стримах ведущий («агрессор») и участник («жертва») выполняют заранее подготовленные роли, являясь обоюдозаинтересованными выгодоприобретателями. Это объясняет, почему «потерпевшие» в ролевых играх с коммерческой составляющей не обращаются в полицию и продолжают терпеть «унижение» [9].

Но, конечно, совершенно иная ситуация, как справедливо замечает Фильченко, когда подобные действия совершаются в отношении малолетних или стариков, либо в отношении животных, лиц, страдающих психическими расстройствами, и т. д. [9, с. 91]. Например, стример Н. Белов из города Энгельс в 2019 г. с целью достичь популярности во время прямого эфира ударил свою мать по лицу, подвергал унижениям отца, разбивая о его голову яйца⁹. Или в Тверской области стример находил бездомных, приводил к себе домой и заставлял их употреблять спиртные напитки перед камерой. В настоящее время в отношении него возбуждено уголовное дело в связи с тем, что во время

треш-стрима умер бездомный, которого блогер в прямом эфире избивал табуреткой¹⁰.

Дополнительным (альтернативным) признаком объективной стороны законодателями называется такой признак как совершение подобных деяний из хулиганских побуждений. Но в этом случае необходимо определиться, что именно необходимо понимать под совершением подобных действий из хулиганских побуждений, поскольку, как указывалось выше, совершаются они совершенно из иных, прежде всего корыстных побуждений, ради получения пожертвованных (донатов) за счёт увеличения аудитории.

Не случайно Федеральная налоговая служба планирует внести соответствующие изменения в налоговое законодательство, обязав стримеров регистрироваться в качестве предпринимателей и платить налог за прибыль¹¹. Например, в налоговое законодательство Республики Беларусь уже внесены соответствующие изменения, и стриминг рассматривается как разновидность электронных услуг, подпадая таким образом под НДС¹².

Следует отметить, что практически все действия, совершаемые стримерами в интернет-пространстве, уже имеют самостоятельную уголовно-правовую оценку. Они могут также содержать составы административных правонарушений, предусмотренных, например, ст. 6.1.1, 5.61 КоАП РФ и некоторыми другими. Кроме того, в действиях организаторов или участников треш-стримов могут усматриваться признаки и иных преступлений, таких как причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 111–118 УК РФ), лишение жизни человека (ст. 105, 109 УК РФ) и т. д. В свою очередь зрители, провоцирующие или подталкивающие и даже поощряющие стримеров, могут быть привлечены в качестве соучастников.

В настоящее время уже принято и действует достаточное количество нормативных правовых актов, позволяющих блокировать и удалять нежелательный и опасный контент, но несмотря на это, треш-стримы продолжают существовать, оказывая негативное воздействие на аудиторию и принося вред участникам и зрителям. Всё это говорит о необходимости и своевременности самостоятельного законодательного урегулирования трансляций подобного рода в интернете. Но эффективно действовать данный закон может лишь при тесном взаимодействии всех заинтересованных лиц. Кроме того, необходима разработка и внедрение профилактических мер образовательного, воспитательного и информационного характера.

¹⁰ Мужчина умер во время треш-стрима [Электронный ресурс] // Lenta.ru: сайт. – URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/17/stream/> (дата обращения: 16.02.2022).

¹¹ Треш-стримеров обяжут платить налоги с донатов [Электронный ресурс] // Kod.ru: сайт. – URL: <https://kod.ru/nalog-donaty-trash-streamerov/> (дата обращения: 15.02.2022).

¹² Об изменении законов по вопросам налогообложения: закон Республики Беларусь от 31 декабря 2021 г. № 141-3 [Электронный ресурс] // www.minfin.gov.by: сайт. – URL: https://www.minfin.gov.by/upload/np/acts/zakon_311221_141z.pdf (дата обращения: 16.02.2022).

⁹ Шок-контент: почему стали популярны треш-стримы: как с ними бороться [Электронный ресурс] // Hi-tech.mail.ru: сайт. – URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/52595-shok-kontent-pochemu-stali-populyarny-tresh-strimy-i-kak-s-etim-borotsya/> (дата обращения: 16.02.2022).

Список литературы

1. *Абрамович Е. О.* Стрим как угроза здоровью населения и общественной нравственности // *Общество: политика, экономика, право.* – 2022. – № 1 (102). – С. 41–44. – DOI 10.24158/pep.2022.1.6.
2. *Агапов П. В., Улянов М. В., Сальников Н. В.* Противодействие новым деструктивным проявлениям в информационно-коммуникационном пространстве // *Вестник университета прокуратуры Российской Федерации.* – 2021. – № 3 (83). – С. 86–92.
3. *Грачева Ю. В., Маликов С. В.* Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // *Актуальные проблемы российского права.* – 2021. – № 16 (6). – С. 202–210.
4. *Климова Я. А.* Совершение преступления в условиях треш-стрима: криминалистический аспект / Актуальные вопросы охраны общественного порядка и административной деятельности полиции : материалы внутриведомственной научно-практической конференции, Волгоград, 16–17 июня 2022 года. – Москва: ООО «Издательство «Спутник+», 2022. – С. 108–110.
5. *Богатырев К. М.* Треш-контент как форма информационных угроз медиабезопасности в цифровой среде // *Юрислингвистика.* – 2022. – № 24 (35). – С. 38–43.
6. *Полунина Е. Н., Антонова А. В.* Проблемы законодательного регулирования ответственности за «треш-стрим» в Интернете // *Закон и право.* – 2021. – № 3. – С. 90–91.
8. *Попов А. А., Алтухов С. А.* Треш-стрим как новый криминальный феномен: проблемы законодательной регламентации и ответственности / *Правовое образование : сборник научных статей / под ред. Б. М. Магомедова, А. И. Вакула.* – Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО Всероссийский государственный университет юстиции, 2021. – С. 253–257.
9. *Фильченко А. П.* Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // *Труды Академии управления МВД России.* – 2021. – № 4 (60). – С. 90–100.
10. *Carol M. Swain.* *The New White Nationalism in America: Its Challenge to Integration.* – New York: Cambridge University Press, 2002. – 526 p.
11. *Григорьев В. Н., Терехов А. Ю.* Об усилении уголовной ответственности создателей треш-стримов // *Вестник Волгоградской академии МВД России.* – 2021. – № 2 (57). – С. 36–39.
12. *Смирнов А. М.* «Треш-стримы» как новая криминологическая проблема современного мира // *Электронный научный журнал «Дневник науки».* – 2021. – № 5 [Электронный ресурс] // *Dnevniknauki.ru* : сайт. – URL: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2021/5/law/Smirnov.pdf> (дата обращения: 13.12.2022).
13. *Кулагина О. Н., Милова К. А.* Деятельность органов прокуратуры по противодействию преступности в сети интернет // *Вестник ПензГУ.* – 2021. – № 4 (36). – С. 75–77.
14. *Петрянина О. А., Сулейманов С. Т.* Конституционные и уголовно-правовые вопросы дифференциации ответственности за криминальное использование телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет: теория, техника, практика // *Вестник РУК.* – 2019. – № 2 (36). – С. 145–148.
15. *Урбан В. В.* Преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: общая характеристика и уголовно-процессуальные меры по противодействию // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России.* – 2019. – № 1 (88). – С. 55–63.

References

1. *Abramovich E. O.* Strim kak ugroza zdorov'yu naseleniya i obshchestvennoy нравственности // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo.* – 2022. – № 1 (102). – S. 41–44. – DOI 10.24158/pep.2022.1.6.
2. *Agapov P. V., Ulyanov M. V., Sal'nikov N. B.* Protivodeystviye novym destruktivnym proyavleniyam v informatsionno-kommunikatsionnom prostranstve // *Vestnik universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii.* – 2021. – № 3 (83). – S. 86–92.
3. *Gracheva Yu. V., Malikov S. B.* Tresh-strim: sotsial'no obuslovlennost' kriminalizatsii // *Aktual'nyye problemy rossiyskogo prava.* – 2021. – № 16 (6). – S. 202–210.
4. *Klimova Ya. A.* Soversheniye sluchayev v usloviyakh tresh-strima: kriminalisticheskiy aspekt Aktual'nyye voprosy okhrany obshchestvennogo poriyadka i administrativnoy deyatelnosti politsii : materialy vnutrivedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Volgograd, 16–17 iyunya 2022 goda. – Moskva: ООО «Izdatel'stvo «Sputnik+», 2022. – S. 108–110.
5. *Bogatyrev K. M.* 3-soderzhaniye informatsii o sredstvakh massovoy informatsii v yazyke // *Yurislingvistika.* – 2022. – № 24 (35). – S. 38–43.
6. *Polunina Ye. N., Antonova A. B.* Problemy s regulirovaniyem problemy «trekhpotoka» v Internete // *Zakon i pravo.* – 2021. – № 3. – S. 90–91.
8. *Popov A. A., Altukhov S. A.* Tresh-strim kak novyy kriminal'nyy fenomen: problemy sudebnoy reglamentatsii i otchetnosti / *Pravovoye obrazovaniye : sbornik nauchnykh statey / pod red. B. M. Magomedova, A. Ya. Vakula.* – Rostov-na-Donu : Rostovskiy institut (filial) FGBOU VO Vserossiyskiy gosudarstvennyy universitet yustitsii, 2021. – S. 253–257.
9. *Filchenko A. P.* Okhrana obshchestvennoy нравственности ot posyagatel'stv v ramkakh pryamykh translyatsiy protivopravnogo povedeniya (tresh-strimov) // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii.* – 2021. – № 4 (60). – S. 90–100.
10. *Kerol M Sueyn.* *Novyy belyy natsionalizm v Amerike: vyzov integratsii.* – N'yu-York: Izdatel'stvo Kembriidzhskogo universiteta, 2002. – 526 str.

11. *Grigor'yev V. N., Terekhov A. Yu.* Ob usilenii ugovnogo presledovaniya Sozdateley tresh-strimov // Volgogradskaya akademiya MVD Rossii. – 2021. – № 2 (57). – S. 36–39.
12. *Smirnov A. M.* «Tri strimy» dlya novoy zadachi po raskrytiyu prestupleniy. – 2021. – № 5 [Elektronnyy resurs] // Dnevniknauki.ru : sayt. – URL: <http://dnevniknauki.ru/images/publications/2021/5/law/Smirnov.pdf> (data publikatsii: 13.12.2022).
13. *Kulagina O. N., Milova K. A.* Deyatel'nost' organov prokuratury po protivodeystviyu prestupnosti v seti internet // Vestnik PenzGU. – 2021. – № 4 (36). – S. 75–77.
14. *Petryanina O. A., Suleymanov S. T.* Konstitutsionnyye i ugovno-pravovyye voprosy differentsiatsii za kriminal'noye ispol'zovaniye telekommunikatsionnykh setey, vklyuchaya Internet: teoriya, tekhnika, praktika // Vestnik RUK. – 2019. – № 2 (36). – S. 145–148.
15. *Urban V. B.* Prestupleniya, vyigryshi s ispol'zovaniyem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey: obshchaya kharakteristika i ugovno-protsessual'nyye mery po protivodeystviyu // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 1 (88). – S. 55–63.

Статья поступила в редакцию 12.12.2022; одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 25.01.2023.

The article was submitted December 12, 2022; approved after reviewing January 10, 2023; accepted for publication January 25, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 343.97
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-144-152

Леонид Витальевич Смирнов
<https://orcid.org/0000-0003-0838-6334>, smirnovlv@bk.ru

*Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1*

Международный опыт превенции рецидива правоохранительными структурами

Аннотация: Рецидивная преступность представляет собой криминальную патологию в любой стране. Её повышенная общественная опасность заключается в формировании профессиональной преступности – авангарда криминала. В рамках рецидивной преступности поддерживаются и распространяются криминальные традиции, развивается и воспроизводится преступная субкультура. Воздействие криминального рецидива губительно для уязвимых слоёв населения. В результате его негативного воздействия омолаживается и феминизируется преступность. Актуальность представленной работы заключается в анализе положительного опыта международного сообщества по борьбе с криминальным рецидивом. Российское правоохранительное законодательство и правоприменение остро нуждаются в эффективной антирецидивной практике. Рассмотрен соответствующий правоприменительный опыт в США и Израиле, а также европейских (Азербайджан, Беларусь, Великобритания, Польша) и азиатских (Китай, Южная Корея, Япония) странах. Раскрыты национальные механизмы ресоциализации экс-заключённых, особенности пробационной деятельности и специфика постпенитенциарной опеки в зарубежных странах. Отражены формы международного сотрудничества по антирецидивному взаимодействию между Россией и иностранными государствами. Особое внимание уделено конвенционной и институциональной юридическим формам.

В целях внедрения зарубежного опыта по антирецидивной профилактике в правоохранительную деятельность в России предложены законодательные и правоприменительные меры.

Ключевые слова: рецидив, пробация, осуждённый, лишение свободы, постпенитенциарная ресоциализация

Для цитирования: Смирнов Л. В. Международный опыт превенции рецидива правоохранительными структурами // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 144–152; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-144-152.

Leonid V. Smirnov
<https://orcid.org/0000-0003-0838-6334>, smirnovlv@bk.ru

*Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

International experience in the prevention of recidivism by law enforcement agencies

Abstract: Recidivism is a criminal pathology in any country. Its increased public danger consists in formation of professional crime - vanguard of criminality. Within recidivism crime maintains and spreads criminal traditions, develops and reproduces criminal subculture. The impact of criminal recidivism is devastating for vulnerable segments of the population. As a result of its negative impact, criminality is rejuvenated and feminized. The relevance of the presented work lies in the analysis of positive experience of the international community in fighting criminal recidivism. Russian law enforcement and legislation are in dire need of effective anti-recidivism practices. The relevant law enforcement experience in the USA and Israel, as well as European (Azerbaijan, Belarus, Great Britain, Poland) and Asian (China, South Korea, Japan) countries is considered. National mechanisms of resocialization of ex-prisoners, features of probation activities and specifics of post-penitentiary care in foreign countries are described. The forms of international cooperation on counter-recidivism between Russia and foreign countries are reflected. Particular attention is paid to conventional and institutional legal forms.

Legislative and law enforcement measures are proposed to introduce foreign experience in the field of anti-recidivism prevention into law enforcement activities in Russia.

Keywords: recidivism, probation, convict, imprisonment, post-penitentiary resocialization.

For citation: Smirnov L. V. International experience in the prevention of recidivism by law enforcement // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 144–152; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-144-152.

Введение

В каждой стране ежегодно из мест заключения после отбытия уголовного наказания выходят множество бывших осуждённых. Органы правоохраны всех стран, беспокоясь о дальнейшей судьбе этих лиц, объединены в стремлении вернуть каждого экс-осуждённого к законопослушному образу жизни и сделать его полноценным членом общества. Ресоциализация каждой упомянутой персоны тесно связана с национальными особенностями региона проживания, его географическим положением, менталитетом местного населения, личностной деформацией.

Российские учёные-правоведы (А. И. Бастрыкин, В. П. Сальников, В. Б. Романовская, К. И. Воронков) едины во мнении, «что изучение зарубежного опыта может быть полезно для российской науки и практической деятельности в сфере предупреждения правонарушений в целом и рецидивной преступности в частности» [1, с. 371].

В странах мирового сообщества на основе международного и национального законодательства осуществляется нормативно-правовое регулирование механизма социальной адаптации бывших осуждённых.

К числу основных международных документов в рассматриваемой сфере следует отнести Всеобщую декларацию прав человека¹, Конвенцию против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания², Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключёнными³, Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением⁴, Резолюцию (65) I Комитета министров Совета Европы «Отложенные приговоры, пробация и другие альтернативы лишению свободы»⁵, Европейские правила примене-

ния общественных (альтернативных) санкций и мер⁶. Правовые нормы данных международных актов декларируют гуманное отношение к лицам, преступившим закон. В частности, положения Всеобщей декларации прав человека предусматривают запрет пыток, а также жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания (ст. 5), произвольный арест (ст. 9), запрет обратной силы закона, устанавливающего или ужесточающего наказание (ст. 11). Международным законодательством рекомендовано в отношении заключённых осуществлять подготовку к свободной жизни за пределами пенитенциарных учреждений, а в отношении экс-заключённых – обеспечивать правотворчество и правоприменение некарательной направленности. Так, Минимальными стандартными правилами обращения с заключёнными (ст. 58) установлено, что цели защиты общества и предотвращения угрожающих обществу преступлений следует добиваться только в том случае, если по отбытию срока заключения при возвращении к нормальной жизни в обществе правонарушитель оказывается не только готовым, но и способным подчиниться законодательству и обеспечить своё существование⁷. Нормы Европейских пенитенциарных правил детализируют механизм вышеуказанной подготовки заключённых и институт постпенитенциарной ресоциализации экс-заключённых. В частности, нормой статьи 72 рассматриваемого документа закреплено, что персонал пенитенциарного учреждения «должен ... содействовать возвращению заключённых в общество после отбытия наказания на основе программы позитивной мотивации и помощи». В указанном документе нормой статьи 107 установлено, что до освобождения из мест заключения осуждённым необходимо оказывать содействие в виде специально разработанных программ и процедур⁸. Планируемую законопослушность осуждённых в обществе

¹ Всеобщая декларация прав человека (утверждена Генеральной Ассамблеей ООН от 10 декабря 1948 года) // Российская газета. – 1995. – № 67.

² Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (утверждена резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1984 г.) // Международное право в документах. – Москва, 1999. – С. 179–189.

³ Минимальные стандартные правила ООН обращения с заключёнными [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT&n=15558&req=dos#02551356503478397> (дата обращения: 08.08.2022).

⁴ Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) 1990 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 08.08.2022).

⁵ Отложенные приговоры, пробация и другие альтернативы лишению свободы : резолюция (65) I Комитета министров Совета Европы от 22 января 1965 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 08.08.2022).

⁶ Европейских правилах по общим санкциям и мерам : рекомендация № R (92) 16 Комитета министров Совета Европы (утверждена 19 октября 1992 года) / Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – Москва: Спарк, 1998. – С. 123–124.

⁷ Минимальные стандартные правила обращения с заключёнными [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» // – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT&n=15558&req=doc#02551356503478397> (дата обращения: 08.08.2022).

⁸ Европейские пенитенциарные правила : рекомендация № Rec (2006) 2 Комитета министров Совета Европы [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=INT&n=33928&req=doc#0817067113374097/> (дата обращения: 08.08.2022).

предлагается сопровождать проводимым надзором и эффективной социальной поддержкой [11, с. 80–85]. Наряду с указанным, в местах заключения осуждённых не вправе ограничивать в свободе вероисповедания [14, с. 96–101].

Описание исследования

Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственного предмета научной работы, необходимо обозначить методы её проведения. Методологическую основу исследования составили диалектико-материалистический, логический, исторический, системный, аксиологический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы правовых исследований.

В настоящее время становление института пробации в России нуждается в продуктивной правовой регламентации [2, с. 201], в связи с чем представляется актуальным анализ законодательства зарубежных государств в исследуемой области.

В нормативных правовых документах отдельных стран постпенитенциарная ресоциализация бывших осуждённых включает стадию постпенитенциарной пробации. Постпенитенциарная пробация представляет собой социальную поддержку лиц, освобождённых из мест заключения, в целях успешной адаптации их к изменяющимся условиям свободы в гражданском обществе. Постпенитенциарная пробация означает контрольно-надзорное сопровождение бывших осуждённых со стороны органов внутренних дел и других правоохранительных структур. Сведения о пробационных технологиях в постпенитенциарный период содержатся в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы государствам-членам о Правилах Совета Европы о пробации⁹, Законе Республики Казахстан «О пробации»¹⁰, Законе Кыргызской Республики «О пробации»¹¹, Законе Грузии «О превенции преступлений, порядке исполнения наказаний, не связанных с заключением под стражу, и пробации»¹². В аналогичном дей-

ствующем законодательстве Молдовы¹³ и Узбекистана¹⁴ использован положительный опыт деятельности службы пробации зарубежных стран. В нормативных правовых документах государств, в которых закреплён рассматриваемый институт, отражены механизм организации и функционирования органов пробации, их компетенция в сфере профилактики криминального рецидива, регламентация оказания помощи экс-заключённым. Следует отметить, что рассматриваемый институт регламентирован в международном праве уже свыше пятидесяти лет, и со временем его содержание изменяется. Историко-правовой анализ показывает, что термин «пробация» впервые использован в 1965 году в международном акте «Отложенные приговоры, пробация и другие альтернативы лишению свободы», принятом Комитетом министров Совета Европы¹⁵. Впоследствии рассматриваемый правовой феномен нашёл отражение в Токийских правилах, утверждённых в 1990 году¹⁶, и в Европейских правилах применения общественных (альтернативных) санкций и мер, принятых в 1992 году¹⁷. Поскольку институт пробации детально исследован в научной литературе [см., напр.: 3, с. 38–42], мы лишь обозначили его наиболее характерные черты.

Во многих странах созданы информационные базы данных о ранее судимых и рецидивистах, в которых сосредоточены сведения о лицах рассматриваемой категории, их связях и окружении. Упомянутая информация активно используется в пробационной деятельности.

В *Республике Азербайджан* конкретный механизм ресоциализации экс-заключённых отрегулирован законом «О социальной адаптации лиц, освобождённых от наказания в пенитенциарных учреждениях»¹⁸. В указанном документе

¹³ О пробации : закон Республики Молдова от 14 февраля 2008 г. № 8-XVI [Электронный ресурс] // Lex.justice.md : сайт. – URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=333426&lang=2> (дата обращения: 08.08.2022).

¹⁴ О мерах по коренному совершенствованию уголовно-исполнительного законодательства : постановление Президента Республики Узбекистан от 7 ноября 2018 г. № ПП-4006 [Электронный ресурс] // Lex.uz – Законодательство Узбекистана: сайт. – URL: <https://lex.uz/docs/4045448> (дата обращения: 08.08.2022).

¹⁵ Отложенные приговоры, пробация и другие альтернативы лишению свободы: резолюция (65) I Комитета министров Совета Европы от 22 января 1965 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 08.08.2022).

¹⁶ Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) от 14 декабря 1990 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 08.08.2022).

¹⁷ О Европейских правилах по общим санкциям и мерам: рекомендация от 19 октября 1992 г. № R (92) 16 Комитета министров Совета Европы / Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – Москва: Спарк, 1998. – С. 123–124.

¹⁸ О социальной адаптации лиц, освобождённых от наказания в пенитенциарных учреждениях : закон Республики Азербайджан от 31 мая 2007 г. № 353 III Г [Электронный ресурс] // Международная организация труда : сайт. – URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/89956/103455/> (дата обращения: 08.08.2022).

⁹ О Европейских правилах пробации : рекомендация CM/Rec (2010) 1 Комитета министров Совета Европы государствам-членам [Электронный ресурс] // – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=58510#amxvGSTQxv0407z> (дата обращения: 08.08.2022); Российское уголовно-исполнительное право: в 2-х т. – Т. 2. Особенная часть: учебник / под ред. В. Е. Эминова, В. Н. Орлова. – Москва: МГЮА им. О. Е. Кутафина, 2011. – С. 625–648.

¹⁰ О пробации : закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 г. № 38-VI ЗРК [Электронный ресурс] // Законы, Постановления, Приказы, Кодексы в РК 2023 | Юрист : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36232217 (дата обращения: 08.08.2022).

¹¹ О пробации : закон Кыргызской Республики от 24 февраля 2017 г. № 34 [Электронный ресурс] // Законы, Постановления, Приказы, Кодексы в РК 2023 | Юрист : сайт. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34251536 (дата обращения: 08.08.2022).

¹² О превенции преступлений, порядке исполнения наказаний, не связанных с заключением под стражу, и пробации : закон Грузии от 29 ноября 2019 г. № 5390 [Электронный ресурс] // Законодательный вестник Грузии : – URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/21610/35/ru/pdf> (дата обращения: 08.08.2022).

закреплены полномочия компетентных лиц по постпенитенциарной опеке и меры по её реализации.

В *Великобритании* после освобождения все осуждённые, отбывшие срок свыше одного года в местах заключения, и все несовершеннолетние, освобождённые из мест лишения свободы, находятся под превентивным наблюдением, которое зависит от срока уголовного наказания. Сотрудники пробационной службы осуществляют наблюдение за ними с применением электронных браслетов [4, с. 59–65].

Антирецидивная ориентация японской криминологической политики отличается принципом экономии репрессии, отражающим следующий дискурс: массовость и суровость уголовных наказаний, не влечёт сдерживания преступности. В *Японии* участие общественности в социальной адаптации бывших осуждённых реализуется в деятельности добровольных сотрудников служб защитного надзора¹⁹.

В *Южной Корее* активно функционирует целенаправленная система обучения осуждённых по подготовке к освобождению. Действующие в стране правоохранительные структуры, такие как Агентство гражданской реабилитации, Служба надзора за условно и досрочно освобождёнными, оказывают бывшим осуждённым помощь в трудоустройстве и получении жилья [5]. Для предотвращения рецидива проводятся беседы, переписка, наблюдение за окружением подопечного.

В *Соединенных Штатах Америки* фигуранты, получившие право на условно-досрочное освобождение, направляются в общественные исправительные центры для подготовки к жизни на свободе. В упомянутых центрах осуждённые самостоятельно подыскивают себе работу, укрепляют контакты с родственниками и другими людьми для дальнейшей успешной адаптации на свободе. В Соединенных Штатах Америки и Канаде осуждённые регулярно привлекаются к участию в специально разработанных программах, основной целью которых является содействию превращению их в законопослушных граждан и недопущение совершения ими повторных преступлений.

В *Польше* ресоциализационные мероприятия оказывают социальные кураторы, работающие в отделах социального обеспечения, и органы опеки молодёжи в отношении молодых экс-заключённых. Работники указанных учреждений помогают в трудовом и бытовом устройстве бывших осуждённых, а также обеспечивают контроль за ними.

В *Израиле* к бывшим осуждённым применяется требование, обеспеченное залогом, воздержаться от совершения криминальных посягательств на срок до трёх лет после осво-

бождения, в *Китае* в отношении рассматриваемого контингента применяется обязательное обучение и трудоустройство, соединённое с контролем²⁰.

В *Великобритании* и *Канаде* после освобождения из мест лишения свободы лицо, пожизненно осуждённое, обязано оставаться под надзором до конца своей жизни. В любой момент, установленный в законе, поднадзорный может быть вновь возвращён в место заключения, если совершит постпенитенциарное преступление или не выполнит требования, ему поставленные²¹.

В законодательстве многих стран мира предусмотрены нормы повышенной уголовной ответственности за повторные преступления.

Своеобразно решена проблема предотвращения рецидива преступлений в *Республике Беларусь*. Превентивный надзор и профилактическое наблюдение после отбывания уголовного наказания предусмотрены в нормах Уголовного кодекса указанной страны за лицами, склонными к рецидиву (ст. 80, 81, 421, 422 УК РБ²²). Меры профилактического наблюдения и превентивного надзора, а также контроль за условно-досрочно освобождёнными выделены в самостоятельную главу 27 белорусского уголовно-исполнительного кодекса (ст. 195–204 УИК РБ)²³.

Российская Федерация, будучи правопреемницей Советского Союза, взяла на себя обязательства соблюдать ратифицированные СССР международные соглашения. Одним из фундаментальных ратифицированных документов является Венская Конвенция «О добросовестном выполнении международных обязательств»²⁴.

На современном этапе международное сотрудничество по противодействию постпенитенциарной и иной преступности осуществляется в таких юридических формах, как конвенционная (договорно-правовая) и институционная.

Конвенционная (договорно-правовая) форма международного сотрудничества выражается в исполнении международных конвенций, соглашений и договоров. Выделим среди них такие, как Декларация принципов и про-

²⁰ Сергеев Д. Н. Социально-правовые грани постпенитенциарного контроля : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2016. – С. 15.

²¹ Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2014. – С. 85.

²² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : сайт. – URL <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 31.08.2022).

²³ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2000 г. [Электронный ресурс] // Информационно-правовая система ЭТАЛОН-ONLINE – Все законодательство РБ : сайт. – URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=HK0000365> (дата обращения: 30.08.2022).

²⁴ О добросовестном выполнении международных обязательств: Венская Конвенция о праве международных договоров 1969 года // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1986. – № 37. – Ст. 772.

¹⁹ Морозов Н. А. Преступность в современной Японии: проблемы криминологической и уголовно-правовой политики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2016. – С. 2–7.

грамм действий ООН в области предупреждения преступности уголовного правосудия²⁵, Декларация о преступности и общественной безопасности²⁷, Руководящие принципы для предупреждения преступности²⁸, Дохинская декларация Организации Объединенных Наций. В частности, Дохинская декларация ООН провозгласила обязанность стран-участников создавать инклюзивные и всеобъемлющие внутригосударственные стратегии, программы по противодействию преступности и уголовного правосудия. Рассматриваемая декларация закрепила, что международным сообществом признается право любого государства реализовывать собственный комплекс антикриминальных мер в соответствии с национальными нормативами и с учётом сформировавшегося уклада региональных отношений в обществе.

В сфере борьбы с преступлениями в постпенитенциарный период существенное значение имеют соглашения между государствами об обмене оперативно-справочной, розыскной, криминалистической, иной конфиденциальной информацией²⁹, конвенции и договоры о создании совместных следственно-оперативных групп³⁰, выдаче осуждённых [6, с. 181; 12, с. 32–37]³¹.

Институциональная форма международного сотрудничества выражается в нормотворческом и правоприменительном взаимодействии специализированных международных организаций, таких как Россия–ОБСЕ, Шанхайская

организация сотрудничества, Организация Черноморского сотрудничества, Совет государств Балтийского моря, другие универсальные и региональные международные правоохранительные структуры. Значимую роль в борьбе с постпенитенциарной преступностью играют не только Международная организация уголовной полиции – Интерпол, но и полицейская служба Европейского союза – Европол [13, с. 62–71]. Так, в рамках Интерпола объединена деятельность 192 государств в целях обмена конфиденциальной информацией, выявления разыскиваемых преступников, проведения специальных превентивных операций [7, с. 78]. Под эгидой международных полицейских структур регулярно проводятся оперативно-профилактические мероприятия с наименованием «Граница» по противодействию организованной преступности на сопредельных территориях соседних стран, а также розыскные операции под кодовым названием «Инфра-Рэд».

Эффективное сотрудничество органов внутренних дел Российской Федерации с зарубежными правоохранительными структурами в сфере предотвращения постпенитенциарных преступлений осуществляется в рамках действующего института представителей правоохранительных органов при посольских и консульских учреждениях в виде «полицейских атташе» и «офицеров связи». В современной России функционируют около шестидесяти полицейских атташе из более чем тридцати иностранных государств в таких российских городах, как Москва, Хабаровск, Санкт-Петербург, Мурманск и др. В то же время Министерство внутренних дел РФ делегировало российских представителей с подобной целью в ряд иностранных государств, в том числе в Азербайджан, Армению, Китай, США, Швейцарию [8, с. 124].

Таким образом, за рубежом успешно реализуются позитивные меры профилактического и контрольно-надзорного характера в отношении бывших осуждённых. Для дальнейшего совершенствования деятельности российских правоохранительных органов важной задачей является использование передового зарубежного опыта в сфере превенции криминальных посягательств, носящих повторный характер, в частности, специально-криминологическая профилактика [9, с. 234; 15, с. 107], позволяющая снижать криминогенность поведения рассматриваемой категории лиц.

Для внедрения зарубежного опыта антирецидивной профилактики заслуживают внимания следующие меры:

- установление профилактического наблюдения и превентивного надзора за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы (Беларусь);
- создание и применение общественного института добровольцев службы защитного надзора (Япония);
- целенаправленная система обучения осуждённых по подготовке к освобождению из мест лишения свободы (Южная Корея, Китай);

²⁵ Декларация принципов и программ действий ООН в области предупреждения преступности уголовного правосудия от 18 декабря 1991 г. (утверждена резолюцией 46/52 Генеральной Ассамблеи ООН) (документ не опубликован) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 08.08.2022).

²⁶ Декларация о преступности и общественной безопасности (Резолюция 51/60 утверждена 12 декабря 1996 г. на заседании Генеральной Ассамблеи ООН) (документ не опубликован) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 08.08.2022).

²⁷ Руководящие принципы для предупреждения преступности (утверждены Резолюцией 2002/13 ЭКОСОС ООН от 24 июля 2002 г. (документ не опубликован) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 08.08.2022).

²⁸ О включении вопросов предупреждения преступности и уголовного правосудия в более широкую повестку дня в целях решения социально-экономических проблем и обеспечения верховенства права на национальном и международном уровне, а также участия общественности: Дохинская декларация ООН от 12 апреля 2015 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 08.08.2022).

²⁹ См., напр.: Соглашение Содружества Независимых Государств об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью от 22 мая 2009 года (г. Астана) // Бюллетень международных договоров. – 2011. – № 1.

³⁰ О ратификации Соглашения о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств: федеральный закон от 22 февраля 2017 г. № 15-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/online/> (дата обращения: 08.08.2022).

³¹ См., напр.: Конвенция Содружества Независимых Государств о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (г. Минск) // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1472.

– применение электронного контроля за бывшими осуждёнными, которые склонны к совершению постпенитенциарных преступлений (Великобритания, Канада);

– формирование и применение пробационных технологий (Грузия, Великобритания, Казахстан, Молдова, США);

– наличие специального фонда постпенитенциарной поддержки, аккумулирующего материальные средства, полученные за счёт отчислений из заработной платы осуждённых, отбывающих наказание.

Заключение

В современной России сохраняется ведущая роль органов внутренних дел в системе противодействия постпенитенциарной преступности. Органы правопорядка обладают наиболее полной информацией о состоянии, динамике и структуре преступлений, совершенных экс-заключёнными, причём для обеспечения полноценного исправительного воздействия на лиц данной категории со стороны правоохранительных органов требуется высокий уровень профессионализма [10, с. 14].

Кроме того, в соответствии с действующим законодательством предупредительная антикриминальная деятельность – это прямая обязанность органов внутренних дел. Профилактическая деятельность служб и подразделений органов правопорядка сфокусирована на проведении в отношении экс-заключённых превентивных мероприятий, скоординированных с органами государственной власти и общественными структурами. Указанные превентивные мероприятия направлены на снижение рецидивогенности ранее судимых, укрепление межличностных связей населения. В настоящее время сформированы концептуальные основы деятельности ОВД по противодействию преступлениям, совершённым лицами, освобождёнными из мест лишения свободы. Однако пробелы в нормативном регулировании превентивной деятельности в сфере рецидивной преступности не позволяют в полном объёме реализовать позитивные профилактические возможности ОВД. Совершенствование законодательства о постпенитенциарной профилактике рецидива на международном, федеральном, региональном, ведомственном и межведомственном уровнях позволит обеспечить тесное сотрудничество органов государственной власти и местного самоуправления в области профилактики рецидива на основе координации усилий власти всех уровней, средств массовой информации, общестественности, а также научно-го ресурса с применением накопленных знаний и опыта. Действующее законодательство о постпенитенциарной профилактике рецидива не подкреплено всеобъемлющим механизмом поддержки в трудовом и бытовом устройстве лиц, отбывших уголовные наказания. Оно отчасти декларативно и не имеет достаточного обеспечения. Указанные упущения влекут нарушения системности в ресоциализационных мероприяти-

ях, случайное распределение реальной помощи нуждающимся экс-заключённым. Кроме того, в отношении последних отсутствует необходимое государственное сопровождение в рамках ресоциализационного процесса. До настоящего времени за нарушение и несоблюдение прав лиц, освобождённых из мест лишения свободы, не определена ответственность должностных и иных лиц, намеренно создающих препятствия их трудовому и бытовому устройству.

В целях совершенствования направлений профилактики постпенитенциарных преступлений в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (п. 1 ст. 6) предлагается расширить перечень закреплённых направлений профилактики включением следующих новых видов: специализированное постпенитенциарное сопровождение лиц, освободившихся из мест лишения свободы и склонных к вовлечению в совершение преступлений несовершеннолетних и взрослых граждан, ресоциализация лиц, освободившихся из мест лишения свободы; обеспечение кибербезопасности; виктимологическая профилактика.

Подобными новациями требуется дополнить приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» путём их включения п.п. 1.2 в раздел II «Общие положения» «Направления профилактики преступности».

Усиление роли семьи в содействии исправлению осуждённого родственника видится в дополнении части 4 статьи 110 УИК РФ «Основные формы и методы воспитательной работы с осуждёнными к лишению свободы» формулировкой: «Члены семьи осуждённого имеют право принимать участие в мероприятиях по исправлению виновного по согласованию с руководством исправительного учреждения».

Следует принять правовые и организационные меры по совершенствованию института условно-досрочного освобождения, который регулируется ст. 79 УК РФ и ст. 175 УИК РФ. Представляется, что критерием получения кандидатом условно-досрочного освобождения должно стать подтверждение его личного активного стремления к социально одобряемому поведению во время отбывания наказания – то есть кандидат такое своё стремление в период испытательного срока должен подтвердить обязательным занятием общественно-полезным трудом и добросовестным отношением к режиму отбывания лишения свободы. К участию в заседаниях административных комиссий исправительных колоний, разрешающих вопросы представления к условно-досрочному освобождению, целесообразно активнее привлекать представителей работодателей, органов государственной власти, органов местного самоуправления, попечительских советов исправительных учреждений.

В рамках настоящего исследования большинство опрошенных нами сотрудников орга-

нов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы (93,0 % респондентов) считают необходимым дополнить ст. 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания» требованием о недопустимости совершения новых преступлений осуждёнными. В ходе проведенного мониторинга сотрудники уголовно-исполнительной системы на вопрос: «Следует ли прилагать в обязательном порядке оценочный прогноз о вероятности совершения осуждённым нового преступления в постпенитенциарный период к материалам, направляемым в суд администрацией исправительного учреждения?» положительно ответили 75,0 % респондентов. Таким образом, назрела необходимость дополнить следующие правовые нормы:

– часть 2 статьи 175 УИК РФ «Порядок обращения с ходатайством и направления представления об освобождении от отбывания наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания» формулировкой: «К материалам, направляемым в суд администрацией исправительного учреждения, в обязательном порядке следует прилагать оценочный прогноз вероятности совершения осуждённым нового преступления в постпенитенциарный период»;

– часть 4.1 статьи 79 УК РФ «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания» – формулировкой: «При рассмотрении ходатайства осуждённого об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания суд принимает положительное решение, если судом будет признано, что лицо не нуждается в дальнейшем отбывании полученного наказания в связи с достижением его целей и персональным признанием недопустимости совершения новых преступлений».

Вышеуказанные дополнения позволят снизить конфликтогенность и коррупциогенность действующего механизма условно-досрочного освобождения.

Политика государства в сфере постпенитенциарной профилактики рецидива предполагает активное участие в её реализации не только государственных структур, но и различных институтов гражданского общества. Указанная

деятельность должна осуществляться как на общегосударственном, так и на международном уровне, что будет способствовать осуществлению планомерной, регулярной, повсеместной и непрерывной работы по уменьшению степени общественной опасности преступности. Эффективность постпенитенциарной профилактики рецидива выражается в результате согласованных действий различных подразделений и служб МВД России, работающих в тесном взаимодействии с сопряжёнными государственными органами и общественными формированиями.

В целях повышения эффективности деятельности по профилактике постпенитенциарных преступлений предлагается расширить в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (п. 1 ст. 5) перечень закреплённых субъектов профилактики правонарушений добавлением института омбудсмена и согласительных (примирительных) комиссий.

Для внедрения зарубежного опыта по антирецидивной профилактике заслуживают внимания следующие меры:

– установление профилактического наблюдения и превентивного надзора за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы (Беларусь);

– создание и применение общественного института добровольцев службы защитного надзора (Япония);

– целенаправленная система обучения осуждённых по подготовке к освобождению из мест лишения свободы (Южная Корея, Китай);

– применение электронного контроля за бывшими осуждёнными, которые склонны к совершению постпенитенциарных преступлений (Великобритания, Канада);

– формирование и применение пробационных технологий (Грузия, Великобритания, Казахстан, Молдова, США);

– наличие специального фонда постпенитенциарной поддержки, аккумулирующего материальные средства, полученные за счёт отчислений из заработной платы осуждённых, отбывающих наказание.

Список литературы

1. Бастрыкин А. И., Сальников В. П., Романовская В. Б., Воронков К. И. Антикриминогенная ресоциализация: зарубежный опыт // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371–378.
2. Голодов П. В. Пробация в Российской Федерации: некоторые проблемы содержания и правовой регламентации // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16. – № 2 (58). – С. 194–203.
3. Векленко В. В., Бекетов О. И. Административный надзор милиции за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы: аргументы в пользу восстановления // Полицейское право. – 2006. – № 1. – С. 38–42.
4. Кэнтом Р. Британский опыт привлечения общественности к помощи заключённым и их последующей адаптации / В защиту прав и свобод в уголовно-исполнительной системе: сборник материалов 16-го заседания Руководящей группы Совета Европы по реформированию уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Саратов (16–20 сентября 2003 г.) / под общ. ред. Ю. И. Калинина. – Москва: НИИ УИС Минюста России, 2003. – С. 59–65.

5. *Гармаш А., Аносов М., Музалева Л.* Ресоциализация бывших заключённых: опыт зарубежных стран [Электронный ресурс] // Портал «Мудрый юрист» : сайт – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/59347-resocializaciya-byvshikh-zaklyuchennykh-opyt-zarubezhnykh-stran> (дата обращения: 31.08.2022).
6. *Корабельникова Ю. Л.* Правовое регулирование международного сотрудничества Министерства внутренних дел Российской Федерации с компетентными органами зарубежных государств в правоохранительной сфере // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 2 (46). – С. 177–182.
7. *Дьяков Н. В.* Национальное бюро Интерпола и его возможности в борьбе с преступностью // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. – 2016. – № 1. – С. 78–83.
8. *Саркисов О. Р.* Международное сотрудничество органов внутренних дел: правовое регулирование, практика взаимодействия // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 3. – С. 120–123.
9. *Харламов В. С.* Специально-криминологическая профилактика поведения юных петербуржцев, осуждённых без изоляции от общества / Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 года / сост. А. А. Сарсенова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 231–234.
10. *Смирнов Л. В., Харламов В. С.* Типология личности постпенитенциарного рецидивиста // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27. – № 1 (80). – С. 10–15.
11. *Варушкин А. А.* Компаративный анализ института ресоциализации осуждённых к лишению свободы в России и за рубежом // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 3 (48). – С. 80–85.
12. *Никитина И. Э.* Становление объединённых следственных бригад в странах-членах ЕС / Полиция и борьба с преступностью за рубежом: сборник информационно-аналитических материалов. Вып. 11 – ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2012. – С. 32–37.
13. *Родионов К. С.* Интерпол и Европол // Государство и право. – 2009. – № 6. – С. 62–71.
14. *Селиверстов В. И.* Международные рекомендации в области реализации осуждёнными свободы вероисповедания и их отражение в уголовно-исполнительном законодательстве и пенитенциарной практике России // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 3 (48). – С. 96 – 101.
15. *Тамаев Р.* Проблемы предупреждения преступлений в сфере международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 107–114.

References

1. *Bastrykin A. I., Sal'nikov V. P., Romanovskaya V. B., Voronkov K. I.* Antikriminogennaya resotsializatsiya: zarubezhnyy opyt // Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal. – 2020. – Т. 14. – № 3. – С. 371–378.
2. *Golodov P. V.* Probatsiya v Rossiyskoy Federatsii: nekotoryye problemy sodержaniya i pravovoy reglamentatsii // Penitentsiarnaya nauka. – 2022. – Т. 16. – № 2 (58). – С. 194–203.
3. *Veklenko V. V., Beketov O. I.* Administrativnyy nadzor militsii za litsami, osvobozhdonnymi iz mest lisheniya svobody: argumenty v pol'zu vosstanovleniya // Politseyskoye pravo. – 2006. – № 1. – С. 38–42.
4. *Kentom P.* Britanskiy opyt privlecheniya obshchestvennosti k pomoshchi zaklyuchonnykh i ikh posleduyushchey adaptatsii / V zashchitu prav i svobod v ugovolno-ispolnitel'noy sisteme: sbornik materialov 16-go zasedaniya Rukovodyashchey grupy Soveta Yevropy po reformirovaniyu ugovolno-ispolnitel'noy sistemy Possiyskoy Federatsii. Saratov (16–20 sentyabrya 2003 g.) / pod obshch. ped. YU. I. Kalinina. – Moskva: NII UIS Minyusta Rossii, 2003. – С. 59–65.
5. *Garmash A., Anosov M., Muzaleva L.* Resotsializatsiya byvshikh zaklyuchonnykh: opyt zarubezhnykh stran [Elektronnyy resurs] // Portal «Mudryy yurist» : sayt – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/59347-resocializaciya-byvshikh-zaklyuchennykh-opyt-zarubezhnykh-stran> (data obrashcheniya: 31.08.2022).
6. *Korabel'nikova Yu. L.* Pravovoye regulirovaniye mezhdunarodnogo sotrudnichestva Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii s kompetentnymi organami zarubezhnykh gosudarstv v pravookhranitel'noy sfere // Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. – 2018. – № 2 (46). – С. 177–182.
7. *D'yakov N. V.* Natsional'noye byuro Interpola i yego vozmozhnosti v bor'be s prestupnost'yu // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I. D. Putilina. – 2016. – № 1. – С. 78–83.
8. *Sarkisov O. R.* Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo organov vnutrennikh del: pravovoye regulirovaniye, praktika vzaimodeystviya // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. – 2016. – № 3. – С. 120–123.
9. *Kharlamov V. S.* Spetsial'no-kriminologicheskaya profilaktika povedeniya yunyh peterburzhtsev, osuzhdonnykh bez izolyatsii ot obshchestva / Pravookhranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 4 dekabrya 2020 goda / sost. A. A. Sarsenova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – С. 231–234.
10. *Smirnov L. V., Kharlamov V. S.* Tipologiya lichnosti postpenitentsiarnogo retsidivista // Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. – 2021. – Т. 27. – № 1 (80). – С. 10–15.

11. *Varushkin A. A.* Komparativnyy analiz instituta resotsializatsii osuzhdonnykh k lisheniyu svobody v Rossii i za rubezhom // Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii. – 2020. – № 3 (48). – S. 80–85.

12. *Nikitina I. E.* Stanovleniye ob»yedinonnykh sledstvennykh brigad v stranakh-chlenakh YES / Politsiya i bor'ba s prestupnost'yu za rubezhom: sbornik informatsionno-analiticheskikh materialov. Vyp. 11 – FGKU «VNII MVD Rossii», 2012. – S. 32–37.

13. *Rodionov K. S.* Interpol i Yevropol // Gosudarstvo i pravo. – 2009. – № 6. – S. 62–71.

14. *Seliverstov V. I.* Mezhdunarodnyye rekomendatsii v oblasti realizatsii osuzhdonnymi svobody veroispovedaniya i ikh otrazheniye v ugovovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve i penitentsiarnoy praktike Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii. – 2020. – № 3 (48). – S. 96 – 101.

15. *Tamayev R.* Problemy preduprezhdeniya prestupleniy v sfere mezhdunarodnogo sotrudnichestva gosudarstv v bor'be s prestupnost'yu // Ugolovnoye pravo. – 2006. – № 2. – S. 107–114.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 20.01.2023.

The article was submitted November 16, 2022; approved after reviewing December 19, 2022; accepted for publication January 20, 2023.

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-153-159

Елена Викторовна Стебенева

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-3659-3595>, st.el@list.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как мера предупреждения правонарушений должностных и иных лиц

Аннотация: Коррупция неизбежно оказывает негативное влияние на экономику, общество и государство, неся угрозу национальной безопасности, предопределяя высокие риски, издержки и общественно опасные последствия. Стабильное развитие экономики, криминологическая безопасность, общественная поддержка государственной власти определяют предупреждение коррупции как необходимость в обеспечении развития социума в целом. Реализация направлений государственной политики невозможна без правовой регламентации деятельности субъектов, обеспечивающих её, поэтому актуализируется развитие и формирование соответствующего законодательства, что предполагает исключение коррупционных рисков непосредственно в нормативных правовых актах и их проектах с целью предупреждения правонарушений со стороны должностных и иных лиц. Данной цели служит антикоррупционная экспертиза, анализу содержания которой посвящена представленная статья. В ходе проведения исследования посредством методов анализа, сравнительно-правового, статистического выявляются особенности содержания рассматриваемого вида экспертизы; определены коррупциогенные факторы и некоторые проблемы, связанные с их устранением с учётом действующего законодательства и правоприменительной практики. Предложенные отдельные меры по совершенствованию антикоррупционной экспертизы (расширение перечня коррупциогенных факторов, подлежащих выявлению в нормативных правовых актах и учёт специфики правовых объектов, подвергающихся анализу; внесение дополнений в законодательство об антикоррупционной экспертизе; совершенствование межведомственного взаимодействия и др.) направлены на повышение качества проведения рассматриваемого вида экспертной деятельности с целью предупреждения правонарушений коррупционной направленности.

Ключевые слова: законодательство, профилактика коррупции, антикоррупционная экспертиза, коррупциогенные факторы, коррупционные правонарушения

Для цитирования: Стебенева Е. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как мера предупреждения правонарушений должностных и иных лиц // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 153–159; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-153-159.

Elena V. Stebeneva

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-3659-3595>, st.el@list.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts as a measure to prevent offenses of officials and others

Abstract: Corruption inevitably has a negative impact on the economy, society and the state, posing a threat to national security, predetermining high risks, costs and socially dangerous consequences.

The stable development of the economy, criminological security, public support for the state authorities determine the prevention of corruption as a necessity in ensuring the development of society as a whole. The implementation of public policy directions is impossible without legal regulation of the activities of entities that ensure it, therefore, the development and formation of relevant legislation is being updated, which implies the elimination of corruption risks directly in regulatory legal acts and their drafts in order to prevent offenses by officials and other persons. This is the purpose of anti-corruption expertise, which is analysed in this article. In the course of the study, the specific features of the content of this type of expert examination are identified using analytical, comparative legal and statistical methods; corruption risk factors and certain problems related to their elimination are identified with the account of the current legislation and law enforcement practice. The proposed individual measures to improve anti-corruption expertise (expanding the list of corruption factors to be identified in regulatory legal acts and taking into account the specifics of legal objects that are being analyzed; making additions to the legislation on anti-corruption expertise; improving interdepartmental interaction, etc.) are aimed at improving the quality of conducting the type under consideration expert activities in order to prevent corruption offenses.

Keywords: legislation, corruption prevention, anti-corruption expertise, corruption factors, corruption offenses

For citation: Stebeneva E. V. Anti-corruption expertise of normative legal acts and their drafts as a measure to prevent offenses of officials and others // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 153–159; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-153-159.

Современное общество, развиваясь в экономической, культурной и иных сферах, неизбежно поражается различного рода негативными явлениями, которые сопутствуют любому государству. Коррупция выступает одним из указанных явлений как фактор, детерминирующий дестабилизацию доверия государственной власти, нормальное функционирование экономики, обостряя социальные противоречия и общественную напряжённость.

Принятие Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» положило начало активизации антикоррупционной политики в государстве, что предопределило формирование системы нормативной правовой основы противодействия коррупции, которая совершенствуется и по настоящее время. Наличие коррупционных факторов в нормативных правовых актах определяет коррупционность самого закона, что актуализирует необходимость выявления возможных рисков при реализации должностных, служебных полномочий и обязанностей¹. Одним из обязательных условий проведения эффективной антикоррупционной политики является совершенствование законодательства, которое осуществляется в том числе путём устранения норм, способствующих совершению коррупционных правонарушений. Поэтому устранение коррупционности закона является обязательным требованием не только законодательной регламентации предупреждения коррупционных правонарушений, но и формирования антикоррупционного правопорядка в целом. Недостатки в правотворчестве неизбежно влекут за собой сбои механизма правоприменения

и, как следствие, дефекты эффективности противодействия коррупции.

Среди нормативных правовых актов, наиболее высокими возможными коррупциогенными рисками обладают те, что регулируют финансовые, таможенные и др. правоотношения [7, с. 18], которые определяют сферу полномочий должностных лиц, процедуры привлечения к ответственности и др.

Особенности антикоррупционного анализа нормативных правовых актов складывалась одновременно и под воздействием развития всего антикоррупционного законодательства. Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»² устанавливает правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов) в целях выявления в них коррупциогенных факторов и их последующего устранения.

Антикоррупционную экспертизу законодательных актов (их проектов) можно поделить на два вида: государственную, проводимую федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, их должностными лицами; и независимую, которую осуществляют институты гражданского общества и граждане. Независимая в свою очередь подразделяется на общественную и научную, что обеспечивает всесторонность исследования объектов.

Законодатель относит к коррупциогенным факторам положения нормативных правовых

¹ Стебенева Е. В. Антикоррупционное российское законодательство: проблемы совершенствования и интерпретации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 2 (78). – С. 166–169.

² Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.11.2022).

актов (и их проектов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределённые, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции.

По критерию распространённости преобладающее большинство среди коррупциогенных факторов относятся к связанным с реализацией полномочий: неопределённый предел применения полномочий должностным лицом; отсутствие регламентации конкретных прав и обязанностей должностного лица, граждан, представителей юридических лиц; неопределённость процедуры, сроков подготовки и принятия решения; дифференциация и персонализация ответственности за совершение неправомερных действий и др. Указанные факторы повышают свою опасную значимость в условиях правовых пробелов: недостаточная регламентация правил по конкретным направлениям деятельности; низкий уровень контроля за деятельностью должностных лиц; недостаточная «прозрачность» в принятии решений с целью социального контроля и др. [11, с. 144].

При этом юридико-лингвистическая неопределённость в виде употребления двусмысленных, противоречивых или свободно трактуемых терминов («в указанный срок», «в предусмотренном объёме» и т. п.), значительно повышает коррупционные риски.

Как следствие, это благоприятствует злоупотреблениям со стороны должностных лиц, игнорированию установленных требований и норм участниками общественных отношений и уходу от ответственности виновных.

Важность проведения антикоррупционной экспертизы, её полноты и объективности обуславливается также необходимостью принятия нормативных правовых актов в соответствии с установленными процедурами и требованиями. Нередко при обращении в суд о признании недействительным нормативного правового акта в доводах истцов приводятся заключения антикоррупционной экспертизы (например, решение Верховного Суда РФ от 11 февраля 2020 года № АКПИ-19-857 по иску о признании недействующим приказа Министерства транспорта РФ от 5 июня 2019 г. № 167 «Об утверждении Порядка выдачи специального разрешения на движение по автомобильным дорогам тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства»; кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 14 октября 2020 г. по иску о признании недействующим постановления администрации Петрозаводского городского округа от 15 июля 2014 года № 3463 «Об утверждении перечня организаций и объектов, на прилегающих к которым территориях не допускается розничная продажа алкогольной продукции» и др.).

При проведении антикоррупционной экспертизы выявляются также факторы, связанные с неверным определением компетенции органов государственной власти, местного самоуправления и наличием правовых пробелов; факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения и применения полномочий и прав; факторы, содержащие трудновыполнимые или обременительные требования к гражданам и организациям и др.

Согласно Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (далее – Методика), к коррупциогенным факторам, устанавливающим для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, относятся³:

- неограниченная широта полномочий, выражающаяся в отсутствии или неопределённости сроков, условий или оснований принятия решения; наличие дублирующих полномочий государственных органов, их подразделений и должностных лиц;

- излишнее наделение компетенцией с формулировкой «вправе», что предполагает возможность вольного (по своему усмотрению) распоряжения правом совершения государственными органами и их должностными лицами действий в отношении граждан и организаций;

- необоснованная возможность выборочного изменения объёма прав, установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению государственных органов и их должностных лиц;

- чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества, выражающаяся в наличии бланкетных и отсылочных норм, приводящая к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию государственного органа, органа местного самоуправления или организации, принявшего первоначальный нормативный правовой акт;

- отсутствие или неполнота административных процедур, а именно, отсутствие порядка совершения государственными органами и их должностными лицами определённых действий;

- отказ от конкурсных (аукционных) процедур, а именно, закрепление административного порядка предоставления права (блага) по усмотрению;

³ Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (вместе с Правилами проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, Методикой проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов): постановление Правительства РФ от 26 февраля 2010 г. № 96 (ред. от 10 июля 2017 г.) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_98088/9a217db2fc2942a34d7a4cdc8574ea56951da929/ (дата обращения: 11.10.2022).

– нормативные коллизии в виде противоречий, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов и их должностных лиц возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае⁴.

Также к коррупциогенным факторам, содержащим неопределённые, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям, относятся:

– наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, а именно, установление неопределённых, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям;

– злоупотребление правом заявителя государственными органами и их должностными лицами в связи с отсутствием чёткой регламентации прав граждан и организаций;

– юридико-лингвистическая неопределённость в виде употребления неустоявшихся двусмысленных терминов и категорий оценочного характера⁵.

Однако указанный перечень нельзя назвать полным и исчерпывающим, в чём можно согласиться с рядом авторов [6, с. 438; 7, с. 67]. Недостаточное правовое регулирование регламентов, процедур, правил по отдельным направлениям деятельности; низкий уровень контроля за деятельностью должностных лиц и отсутствие соответствующих положений и указаний; невысокая прозрачность принятых ими решений; нерегламентация ответственности должностных лиц за неисполнение и ненадлежащее исполнение ими своих обязанностей; коллизии правовых норм; нарушения в процедурах юридической техники, неточность в употреблении терминов и нечёткая граница применения полномочий повышает коррупционные риски.

В совокупности это благоприятствует совершению коррупционных правонарушений в виде злоупотреблений со стороны должностных лиц, обхода установленных требований и норм иными участниками отношений и в итоге – уходу от ответственности всех перечисленных субъектов [11, с. 145].

Отсутствие или неопределённость сроков, условий и оснований принятия решения, ненадлежащая правовая регламентация должностных полномочий, отсутствие чёткого разграничения компетенции в нормативных правовых актах влекут за собой дублирование, совмещение служебных обязанностей сотрудников различных отделов, подразделений и служб. Недостаточно чёткое разграничение и слабая конкретизация регламента обязанностей должностных лиц, приводит к деперсонализации их ответственности и, как следствие, к недобросовестному исполнению служебных, должностных обязанностей, что влечёт нарушение сроков и качества выполняемых задач; нарушение законности, учётно-регистрационной и исполнительской

дисциплины; совершение коррупционных преступлений [1, с. 41].

Для качественного проведения антикоррупционной экспертизы необходима более чёткая дифференциация закреплённых в Методике коррупциогенных факторов по видам нормотворческой деятельности и видам возможных коррупционных рисков.

Так, ряд коррупциогенных факторов, а именно: «чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества», «принятие нормативного правового акта за пределами компетенции», «заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов» и др., также выявляются в ходе правовой экспертизы, что способствует смешиванию видов экспертиз на основе юридического и антикоррупционного анализа нормативных правовых актов, отчего страдает специфика методики последнего.

Кроме того, ряд факторов, например, «широта дискреционных полномочий», «определение компетенции по формуле «вправе», «выборочное изменение объёма прав» содержат идентичный коррупционный риск, а именно, ненадлежащую регламентацию установления и применения административного усмотрения должностными лицами государственных и иных органов, но отражают различные формы реализации ими таких полномочий.

Коррупциогенные факторы «наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права», «злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами)», «отсутствие или неполнота административных процедур», «отказ от конкурсных (аукционных) процедур» также указывают на одну причину – нарушение требований к правовому регулированию административных процедур или нормативному закреплению отдельных элементов административных процедур.

Следующие аспекты, которые отмечают и другие учёные⁶ – неурегулированность алгоритмов выявления коррупциогенных факторов, способов и методов их вычленения в конкретных нормативных правовых актах (отметка «индикаторов»); «закрытость» перечня коррупциогенных факторов, что лишает экспертов эффективного механизма проверки нормативных актов с возможностью выявления уникальных коррупционных практик и схем совершения коррупционных правонарушений.

Нельзя не согласиться с мнением некоторых учёных о необходимости расширения перечня коррупциогенных факторов в Методике и введения таких как, например, отсутствие ме-

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ См., напр.: Бахтина М. С. Административно-правовые основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2020. – С. 11.

⁷ Воронина Ю. И. Антикоррупционная экспертиза законодательных актов (их проектов) в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. – Тюмень, 2016. – С. 22.

ханизма контроля за реализацией предписания правовой нормы⁷.

При этом существующая методика не учитывает специализации нормативных правовых актов, которые, обладая различной юридической силой, регулируют отношения в отдельных отраслях и содержат специфичные коррупционные риски, что предполагает разработку отдельных экспертных методик. Несовершенство имеющейся антикоррупционной экспертизы также можно охарактеризовать как существующую низкую вероятность оценки степени коррупционных рисков, вызываемых тем или иным нормативным положением во взаимосвязи с нормами в иных нормативных актах; незакреплённость контроля и гарантий достоверности и проверяемости экспертизы; недостаточность мер ответственности разработчиков и экспертов за результаты экспертизы и их учёта при принятии нормативного правового акта.

Дискуссионно и положение об обязательности исполнения заключения по антикоррупционной экспертизе, так как согласно Федеральному закону от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», оно носит рекомендательный характер.

Пункт 5 статьи 4, пункт 3 статьи 5 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» предусматривают, что заключение, составляемое при проведении антикоррупционной экспертизы федеральным органом исполнительной власти в области юстиции, носит лишь рекомендательный характер. То же касается и заключения независимой антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов (и их проектов), на которую имеют право институты гражданского общества и граждане. Таким образом, заключение экспертизы обязательно для рассмотрения, но необязательно для применения (учитывая рекомендательный характер).

Позиция суда также противоречива. Так, согласно пункту 4 постановления Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П⁸, неопределённость содержания правовых норм влечёт неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создаёт возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведёт к произволу, а значит – к нарушению конституционных принципов, реализация которых не может быть обеспечена без единообразного понимания

⁸ Постановление Конституционного суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П по делу о проверке конституционности положений ч. 4 ст. 170, п. 1 ст. 311, ч. 1 ст. 312 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобами ЗАО «ПО «Берег», ОАО «Карболит», «Завод «Микропровод», «НПП «Респиратор» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=WwJg1Q&base=ARB&n=138039#9jRYJGTFY0xVOEPB> (дата обращения: 30.08.2022).

и толкования правовой нормы всеми правоприменителями.

Приведённый пример в очередной раз подтверждает, что антикоррупционная экспертиза непосредственно направлена на установление факторов, способствующих неоднозначному толкованию норм и, как следствие, неограниченной широте применения. Но при этом, например, в апелляционном определении Верховного Суда РФ от 20 февраля 2019 г. № 127-АПГ18-14⁹ отмечено, что отсутствие антикоррупционной экспертизы не является основанием для признания нормативного правового акта недействующим, так как не свидетельствует о существенном нарушении процедуры принятия акта, тем более что наличие каких-либо коррупционных факторов в данном случае не усматривается.

Учитывая сложившуюся практику, а также с целью эффективного проведения антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов, предусмотренной пунктом 2 статьи 6 «Меры по профилактике коррупции» Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», необходимо внести изменения и дополнения в указанные ранее статьи 4 и 5 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» об обязательности устранения выявленных коррупционных факторов при подтверждении их реального наличия в ходе рассмотрения заключения соответствующим органом.

Отмечается кроме того отдельная проблема, связанная с обеспечением взаимодействия субъектов, проводящих антикоррупционную экспертизу, и определения сроков устранения выявленных коррупционных факторов в нормативных правовых актах и их проектах, указанных в экспертном заключении.

Подводя итог, отметим, что приоритетным направлением государственной политики является обеспечение национальной безопасности государства, что труднодостижимо без снижения угроз внутреннего и внешнего характера, одной из которых является коррупция. Немаловажным в данном направлении деятельности является качественное нормативное правовое обеспечение, чему служит антикоррупционная экспертиза, направленная на создание устойчи-

⁹ Об утверждении Положения о порядке определения размера арендной платы, цены продажи, платы за сервитут, платы за проведение перераспределения земельных участков, находящихся в муниципальной собственности муниципального образования городской округ Алушта Республики Крым : апелляционное определение Верховного суда РФ от 20 февраля 2019 г. № 127-АПГ18-14 по административному исковому заявлению ООО «Региональный комплекс «Донбасс», ООО «Строитель», ООО «Югурортстрой» о признании недействующим в части решения Алуштинского городского совета Республики Крым от 23 декабря 2016 г. № 25/79 [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. – URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliationsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20022019-n-127-apg18-14/> (дата обращения: 11.09.2022).

вой системы законодательства, лишенной несовершенств, в том числе коррупционности.

Антикоррупционная экспертиза позволяет выявлять и устранять коррупциогенные факторы; повышать эффективность, простоту, доступность применения, реализации норм правовых актов. Поэтому проведение антикоррупционной экспертизы, её качество и эффективность востребованы в современных условиях развития законодательской деятельности и правоприменения.

Успешность проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов достигается чёткой регламентацией её осуществления, методикой выявления и устранения коррупциогенных факторов; обязательностью исполнения указаний по результатам антикоррупционной экспертизы; подготовкой специалистов в данной сфере. Антикоррупционная экспертиза выступает не-

отъемлемым элементом правотворчества и направлена на высокое качество и действенность нормативных правовых актов, издаваемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Коррупциогенные факторы, содержащиеся в нормативных правовых актах и их проектах, способствуют совершению правонарушений коррупционной направленности должностных и иных лиц, что актуализирует совершенствование проведения рассматриваемого вида экспертиз и в свою очередь обуславливает необходимость анализа и выявления отдельных проблем её осуществления, что и было предпринято в представленной статье с учётом конкретных примеров с целью определения наиболее дискуссионных аспектов, положений, затруднительных в практическом проведении антикоррупционной экспертизы, в том числе требующих законодательной регламентации.

Список литературы

1. Алиев Я. Л. Соблюдение законности в контексте предупреждения преступности сотрудников ОВД : монография. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2017 – 114 с.
2. Будатаров С. М. Коррупциогенные факторы: понятие, виды, проблемы их практического применения // Мониторинг правоприменения. – 2013. – № 2. – С. 19–25.
3. Гольцов В. Б., Стебенева Е. В., Варданян С. Г. Социальные основы предупреждения коррупции в правоохранительных органах России : монография / под общ. ред. В. Б. Гольцова. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2014. – 108 с.
4. Грачев Ю. А., Кежов А. А., Степанов И. В. и др. Должностная корыстная преступность в сфере государственной службы : монография. – Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2021. – 132 с.
5. Кабанов П. А. Правовое регулирование антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации на муниципальном уровне // Мониторинг правоприменения. – 2013. – № 2. – С. 38–42.
6. Казанцев М. Ф. Легальное понятие коррупциогенного фактора нормативного правового акта: логико-юридический анализ / Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики РФ в области противодействия коррупции : сборник трудов по итогам 3-й Всероссийской научной конференции с международным участием. – Екатеринбург, 26–27 октября 2018 г. – Екатеринбург: Институт философии и права. Уральское отделение РАН, 2019. – С. 436–452.
7. Абузярова Н. Я., Артемов В. Ю., Булаевский Б. А. и др. Коррупциогенность законодательства: причины, факторы, преодоление : монография. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; юридическая фирма «Контракт», 2013. – 304 с.
8. Астанин В. В., Андрианов Д. В., Радченко В. И., Роговая А. В., Фадеева Н. А. Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах). – Москва: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2017. – 56 с.
9. Новые вызовы преступности и противодействия ей : монография / под общ. ред. В. И. Тюнина. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2019. – 126 с.
10. Стебенева Е. В. Коррупциогенность закона как один из криминогенных факторов экономической преступности / Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы : сборник материалов III научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ / под науч. ред. Н. А. Крайновой. Санкт-Петербург, 9 апреля 2020 г. – Санкт-Петербург: СПбГЭУ, 2020. – С. 153–157.
11. Мижарева Н. В. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов как мера профилактики коррупции // Образование и право. – 2021. – № 3. – С. 81–84.
12. Астанин В. В. Антикоррупционная экспертиза законодательства в развитии практики и методики: образовательный компонент // Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования : сборник научных статей по материалам II Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 15–16 сентября 2016 года / отв. ред. И. А. Дамм, Е. А. Акунченко. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2018. – С. 14–21.
13. Карнаушенко Л. В., Курдюк Г. П., Урумов А. В. Антикоррупционная экспертиза в законодательстве Российской Федерации: развитие и правовое закрепление // Пробелы в российском законодательстве. – 2019. – № 6. – С. 16–20.
14. Кабанов П. А., Райков Г. И., Чироков Д. К. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации. – Москва: ООО «Издательство Юрайт», 2022. – 194 с.

15. Лаврова Е. В., Верхоглядова С. С. Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов // Государственная служба. – 2018. – № 2 (112). – С. 31–36.

References

1. Aliyev Ya. L. Soblyudeniye zakonnosti v kontekste preduprezhdeniya prestupnosti sotrudnikov OVD : monografiya. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2017 – 114 s.
2. Budatarov S. M. Korruptsiogennyye faktory: ponyatiye, vidy, problemy ikh prakticheskogo primeneniya // Monitoring pravoprimereniya. – 2013. – № 2. – С. 19–25.
3. Gol'tsov V. B., Stebeneva Ye. V., Vardanyan S. G. Sotsial'nyye osnovy preduprezhdeniya korruptsii v pravookhranitel'nykh organakh Rossii : monografiya / pod obshchey redaktsiyey V. B. Gol'tsova. – Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2014. – 108 s.
4. Grachev Yu. A., Kezhov A. A., Stepanov I. V. i dr. Dolzhnostnaya korystnaya prestupnost' v sfere gosudarstvennoy sluzhby : monografiya. – Sankt-Peterburg: SPbU MVD Rossii, 2021. – 132 s.
5. Kabanov P. A. Pravovoye regulirovaniye antikorrupcionnogo monitoringa v sub'yektakh Rossiyskoy Federatsii na munitsipal'nom urovne // Monitoring pravoprimereniya. – 2013. – № 2. – С. 38–42.
6. Kazantsev M. F. Legal'noye ponyatiye korruptsiogennogo faktora normativnogo pravovogo akta: logiko-yuridicheskiy analiz / Aktual'nyye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki RF v oblasti protivodeystviya korruptsii : sbornik trudov po itogam 3-y Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem. – Yekaterinburg, 26–27 oktyabrya 2018 g. – Yekaterinburg: Institut filosofii i prava. Ural'skoye otdeleniye RAN, 2019. – С. 436–452.
7. Abuzyarova N. Ya., Artemov V. Yu., Bulayevskiy B. A. i dr. Korruptsiogennost' zakonodatel'stva: prichiny, faktory, preodoleniye : monografiya. – Moskva: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo provedeniya pri Pravitel'stve RF; yuridicheskaya firma «Kontrakt», 2013. – 304 s.
8. Astanin V. V., Andrianov D. V., Radchenko V. I., Rogovaya A. V., Fadeyeva N. A. Metodicheskiye rekomendatsii po provedeniyu pravovoy i antikorrupcionnoy ekspertizy normativnykh pravovykh aktov sub'yektov Rossiyskoy Federatsii i munitsipal'nykh obrazovaniy (s illyustratsiyey na konkretnykh primerakh). – Moskva: FBU NTSPI pri Minyuste Rossii, 2017. – 56 s.
9. Novyye vyzovy prestupnosti i protivodeystviya yey : monografiya / pod red. V. I. Tyunina. – Sankt-Peterburg: SPbGEU, 2019. – 126 s.
10. Stebeneva Ye. V. Korruptsiogennost' zakona kak odin iz kriminogennykh faktorov ekonomicheskoy prestupnosti / Pravo i sovremennaya ekonomika: novyye vyzovy i perspektivy: sbornik materialov III nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem yuridicheskogo fakul'teta SPbGEU / pod red. N. A. Kraynovoy. Sankt-Peterburg, 9 aprelya 2020 g. – Sankt-Peterburg: SPbGEU, 2020. – С. 153–157.
11. Mizhareva N. V. Antikorrupcionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i ikh proyektov kak mera profilaktiki korruptsii // Obrazovaniye i pravo. – 2021. – № 3. – С. 81–84.
12. Astanin V. V. Antikorrupcionnaya ekspertiza zakonodatel'stva v razvitii praktiki i metodiki: obrazovatel'nyy komponent // Aktual'nyye problemy antikorrupcionnogo prosveshcheniya i antikorrupcionnogo obrazovaniya : sbornik nauchnykh statey po materialam II Sibirskogo antikorrupcionnogo foruma, Krasnoyarsk, 15–16 sentyabrya 2016 goda / otv/ red/ I. A. Damm, Ye. A. Akunchenko. – Krasnoyarsk: Sibirskiy federal'nyy universitet, 2018. – С. 14–21.
13. Karнаushenko L. V., Kurdyuk G. P. Urumov A. V. Antikorrupcionnaya ekspertiza v zakonodatel'stve Rossiyskoy Federatsii: razvitiye i pravovoye zakrepleniye // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. – 2019. – № 6. – С. 16–20.
14. Kabanov P. A., Raykov G. I., Chirokov D. K. Antikorrupcionnoye protsessual'noye zakonodatel'stvo sub'yektov Rossiyskoy Federatsii. – Moskva: ООО «Izdatel'stvo Yurayt», 2022. – 194 s.
15. Lavrova Ye. V., Verkhoglyadova S. S. Pravovaya i antikorrupcionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov // Gosudarstvennaya sluzhba. – 2018. – № 2 (112). – С. 31–36.

Статья поступила в редакцию 30.11.2022; одобрена после рецензирования 29.12.2022; принята к публикации 18.01.2023.

The article was submitted November 30, 2022; approved after reviewing December 29, 2022; accepted for publication January 18, 2023

Методология и технология профессионального образования

Научная статья
УДК 371.385.3
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-160-168

Елена Владимировна Пиганова
<https://orcid.org/0000-0002-7633-6681>, lena.piganova@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России,
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Практика внедрения интерактивных технологий в процесс подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел

Аннотация: *Введение.* Говоря об актуальности проведённого исследования, необходимо отметить положительную роль изучения вопроса управленческих решений в период подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел в образовательных организациях системы МВД России при изучении учебной дисциплины «Основы управления в органах внутренних дел». Представляется, что для укрепления практической составляющей изучения данного вопроса необходим поиск подходящих интерактивных технологий проведения учебных занятий, которые мы попытались найти в рамках проведенного исследования. Цель исследования продиктована необходимостью создания определённых методических средств обучения, применение которых позволит внедрять в процесс обучения практическую реализацию изучения отдельных вопросов в рамках проведения учебных занятий в интерактивной форме по дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел».

Методы исследования. В процессе проведения исследования использованы такие теоретические методы, как анализ, синтез, систематизация, обобщение, сравнение, и эмпирические методы: наблюдение, беседа, описание, тестирование, эксперимент).

Результаты исследования. Решение обозначенной проблемы найдено в процессе апробации и применения в процессе обучения по дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел» интерактивных технологий в виде кейс-метода и метода деловой игры. В рамках проведённого исследования отражены новые, ранее не применяемые, разработанные для указанной учебной дисциплины методические средства обучения, содержащие обозначенные методы обучения и результаты их практического применения, которые показали ярко выраженную положительную динамику в овладении обучающимися новыми знаниями, умениями и навыками в процессе обучения, что позволяет говорить о практической значимости результатов данного исследования.

Ключевые слова: исследование, учебное занятие, метод обучения, интерактивная технология, управление, управленческое решение

Для цитирования: Пиганова Е. В. Практика внедрения интерактивных технологий в процесс подготовки будущих сотрудников органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 160–168; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-160-168.

Elena V. Piganova

<https://orcid.org/0000-0002-7633-6681>, [lena.piganova@mail.ru](mailto:lana.piganova@mail.ru)

*Saint-Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation*

The practice of introducing interactive technologies in the training process of future employees of internal affairs bodies

Abstract: Introduction: Speaking about the relevance of the study, it is necessary to note the positive role of studying the issue of managerial decisions during the training of future employees of the internal affairs bodies in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia while studying the academic discipline «Fundamentals of Management in the Internal Affairs Bodies». It seems that in order to strengthen the practical component of studying this issue, it is necessary to search for suitable interactive technologies for conducting training sessions, which we tried to find in the framework of the study. The purpose of the study is dictated by the need to create certain methodological teaching aids, the use of which will make it possible to introduce into the learning process the practical implementation of the study of certain issues within the framework of conducting classes in an interactive form in the discipline «Fundamentals of Management in the Internal Affairs Bodies».

Research methods: In the course of the research, such theoretical methods as analysis, synthesis, systematization, generalization, comparison and suchempirical methods as observation, conversation, description, testing, experiment were used.

Results of the study: We saw the solution to the problem in the testing and application of interactive technologies in the form of «Case method» and the «Business game» method in the trainingcourse of the discipline «Fundamentals of Management in the Internal Affairs Bodies». The study reflects new, previously not used, methodological teaching aids developed for this specified academic discipline, containing the designated teaching methods and the results of their practical application, which showed a pronounced positive trend in mastering new knowledge, skills and abilities by learners in the educational process, which allows us to speak about the practical significance of his studyresults.

Keywords: research, training session, teaching method, interactive technology, management, management decision.

For citation: Piganova E. V. The practice of introducing interactive technologies in the training process of future employees of internal affairs bodies // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 160–168; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-160-168.

Введение

Совершенствование правоохранительной деятельности является одним из важных условий реализации реформ в Российской Федерации. Важное место в решении этого вопроса отводится в том числе подготовке будущих специалистов для службы в органах внутренних дел, что осуществляются в большинстве своём образовательные организации системы МВД России.

На заседании коллегии МВД России, посвящённом подведению итогов деятельности органов внутренних дел РФ в 2021 году и постановке перспективных задач, Президент Российской Федерации В. В. Путин заметил: «Уверен, что сотрудники МВД понимают свою колоссальную ответственность перед нашим обществом и страной в целом и, безусловно, сделают всё, чтобы решать поставленные задачи на самом

высоком уровне»¹. Среди задач, стоящих перед ОВД, президент обозначил повышение эффективности защиты граждан и бизнеса в цифровом пространстве, дальнейшую декриминализацию экономики, противодействие коррупции, борьбу с наркобизнесом, важность профилактической работы, сосредоточение усилий на обеспечении безопасности пешеходов, борьбе с пьянством за рулем и иные.

И здесь необходимо заметить, что для выполнения указанных задач основной формой, выражающей реакцию органов внутренних дел на состояние правопорядка, являются управ-

¹ Материалы расширенного заседания коллегии МВД России «Об итогах оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел РФ в 2021 году и задачах на 2022 год» [Электронный ресурс] // Kremlin.ru: сайт. – URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/67795 (дата обращения: 24.02.2023).

ленческие решения. Конкретизировать эту работу, оставляя без особого внимания технологии принятия управленческих решений, и без значительного улучшения качества организаторской работы в органах внутренних дел невозможно. Ведь когда речь идет о фактах нарушения законности, сопровождающих принятие и исполнение управленческих решений, это неизбежно влечёт за собой необходимость их отмены и высокий процент неисполнения. Это происходит в том числе и потому, что не все руководители на должном уровне обладают компетентностью по разработке, знаниями, навыками по технологиям принятия управленческих решений. В данном случае необходимо отметить важность изучения вопроса управленческих решений обучающимися образовательных организаций системы МВД России в рамках изучения учебной дисциплины «Основы управления в органах внутренних дел», в программе которой обозначены требования по формированию компетенций у обучающихся, заключающиеся в том числе в овладении умениями и навыками по принятию, разработке и использованию управленческих решений в органах внутренних дел. Представляется, что для укрепления практической составляющей необходимо разработать действенные методические средства проведения учебных занятий в интерактивной форме, где предполагается использование кейс-метода и метода деловой игры.

Проблема исследования

Вопросом использования интерактивных средств в обучении занимались такие учёные, как Д. В. Арустамян, О. А. Андриенко, Т. В. Виноградова, И. А. Котова, О. В. Горшкова, П. Д. Гаджиева, К. В. Екимова, М. П. Данчук, О. Н. Пономарева, К. Б. Сафонов, Д. А. Сергейчев и другие [1–11 и др.]. Собственно интерактивное обучение, например, М. П. Данчук и М. И. Павлова определяют как специальную форму организации познавательной деятельности, организацию комфортных условий для продуктивного диалогового обучения, чтобы будущий специалист чувствовал свою успешность, интеллектуальную состоятельность [8, с. 51]. Д. И. Мустафина считает интерактивным обучением специальную форму организации познавательной деятельности, способ познания, осуществляемый в форме совместной деятельности студентов [12, с. 33].

Средством обучения в педагогике обозначен источник получения знаний, формирования умений. В широком смысле под средствами обучения подразумевается всё то, что способствует достижению целей образования, т. е. вся совокупность форм, методов, содержания, специальных средств обучения. Методы же обучения представляют собой способы взаимодействия между обучаемым и обучающимися, в результате которого происходит передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержанием обучения. Следует отметить, что на занятиях по учебной дисциплине «Основы

управления в органах внутренних дел» практически не используются современные интерактивные технологии для проведения семинаров и практических занятий, позволяющих отработать практическую составляющую изучаемых вопросов по дисциплине, получить необходимый опыт для реализации его в будущей практической деятельности. Сложившаяся ситуация по данному вопросу показывает необходимость создания и последующего применения при проведении учебных занятий материалов, позволяющих разрешить обозначенную проблему, помочь формированию у обучающихся соответствующих умений и навыков, а также вызвать интерес и показать актуальность дисциплины для будущей профессии.

Цель, задачи и методы исследования

Безусловно, вопрос подготовки, принятия управленческих решений первоначально рассматривается слушателями с теоретической стороны, для этого имеются необходимые литературные источники. Целью же нашего исследования является создание определённых методических средств обучения с применением интерактивных технологий в виде кейс-метода и метода деловой игры для привлечения внимания обучающихся и приобретения ими практических навыков по принятию и разработке управленческих решений.

Для достижения поставленной цели сформулированы следующие задачи: интегрировать в учебный процесс по дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел» новые методические средства обучения, содержащие интерактивные технологии; стимулировать с их помощью у обучающихся активную познавательную деятельность, способность к формированию творческого мышления, умения действовать в нестандартных ситуациях; развивать у обучающихся способности к анализу и сопоставлению служебной информации с целью правильного выбора и принятия качественных управленческих решений в рамках учебной дисциплины «Основы управления в органах внутренних дел»; формировать у обучающихся навыки планирования, организации и контроля служебной деятельности в малом коллективе, а также работы с литературными источниками и нормативными правовыми актами для подготовки управленческих решений.

Для проведения исследования были выбраны и использованы теоретические **методы**: анализ, синтез, систематизация, обобщение, сравнение. Также применялись эмпирические **методы**: наблюдение, беседа, описание, тестирование, эксперимент.

Ожидаемые результаты

По результатам реализации проводимого исследования планируется получить и использовать в дальнейшей учебной деятельности методические средства, содержащие интерактивные технологии в виде кейс-метода и метода деловой игры для проведения практических за-

нятий по учебной дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел».

По мнению Т. Б. Мирзахановой, применение кейсов даёт возможность студентам сплотиться в команду, формирует групповую работу, активизирует мыслительную деятельность студентов [13, с. 63]. В. Г. Семенова отмечает, что интерактивное обучение имеет ряд методологических преимуществ и основано на активном общении студентов друг с другом и с преподавателем [14, с. 242]. В нашем случае в процессе практического изучения отдельных учебных вопросов с использованием интерактивных технологий ожидается формирование у обучающихся ряда компетенций по овладению теоретическими знаниями в области управленческих решений в органах внутренних дел, а главное, выработка умений, навыков по их реализации в практической деятельности. С таким подходом согласны такие исследователи как Е. М. Ибрагимова, Л. Т. Бакулина, которые считают, что в качестве средства формирования правовой компетентности выступают не только содержание обучения, но и методы обучения, ответственные за характер (активный, пассивный, продуктивный, репродуктивный) познавательной, коммуникативной, рефлексивной деятельности обучающихся [15, с. 62].

Описание исследования

По сроку реализации данное исследование – краткосрочное, разработано и исполнено в период одного семестра обучения (январь–май

2022 г.). По характеру контактов – реализовано среди участников малых групп (учебная группа обучающихся делится на малые группы (3–5 человек).

Для реализации запланированного исследования мы начали с оценки знаний обучающихся до проведения занятий в интерактивной форме с использованием разработанных методических средств и для сравнения и описания полученных результатов провели повторную оценку знаний обучающихся после проведения занятия в интерактивной форме (входной контроль в форме тестирования в двух учебных группах и повторный контроль в форме тестирования в тех же учебных группах с одинаковым перечнем вопросов). Для организации тестирования предлагался перечень из 15 вопросов.

В период между обозначенными тестированиями обучающимся для использования в ходе проведения практического занятия по учебной дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел» были предложены вышеуказанные методические средства. Ожидаемые результаты – наработка знаний, умений и навыков у обучающихся в процессе изучения вопросов разработки, принятия и исполнения управленческих решений. Учебные группы обучающихся поделили на четыре подгруппы (малые группы 3–5 человек), каждая малая группа получила разработанные методические средства в виде кейса или деловой игры, что ранее при изучении указанной учебной дисциплины не применялось (таблицы 1–4).

Таблица 1

Кейс № 3	
Вводная часть задания	В УМВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга было направлено управленческое решение о создании нового структурного подразделения (это подразделение, в котором Вы в настоящее время проходите службу). Вы назначены на должность руководителя создающегося структурного подразделения, в связи с чем Вам необходимо составить нормативно-правовой акт, в котором систематизированно излагаются правовые нормы, в которых определяется порядок образования, основные правила организации и деятельности, задачи, функции, структура указанного подразделения
Задание для выполнения	1. Определите, какое управленческое решение Вам необходимо подготовить в описанной ситуации, обоснуйте ответ 2. Оформите выбранное управленческое решение как документ

Таблица 2

Кейс № 2	
Вводная часть задания	В конце календарного года начальник УМВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга полковник полиции Жагрин В. П. поставил перед руководителями структурных подразделений задачи по подготовке предложений по основным мероприятиям, запланированным для проведения на следующий календарный год
Задания для выполнения	1. Определите, какое управленческое решение должен принять в описанной ситуации полковник полиции Жагрин В. П., обоснуйте ответ. 2. Оформите выбранное управленческое решение как документ

Таблица 3

Кейс № 3	
Вводная часть задания	В УМВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга было направлено управленческое решение о создании нового структурного подразделения (это подразделение, в котором Вы в настоящее время проходите службу). Вы назначены на должность руководителя создающегося структурного подразделения, в связи с чем Вам необходимо составить нормативно-правовой акт, в котором систематизированно излагаются правовые нормы, в которых определяется порядок образования, основные правила организации и деятельности, задачи, функции, структура указанного подразделения
Задание для выполнения	1. Определите, какое управленческое решение Вам необходимо подготовить в описанной ситуации, обоснуйте ответ 2. Оформите выбранное управленческое решение как документ

Таблица 4

Деловая игра «Разработка и принятие управленческого решения»	
Вводная часть задания	Для выполнения задания необходимо распределить роли участников (из числа выбранной малой группы): начальник структурного подразделения МВД России, заместитель начальника, исполнитель управленческого решения, представитель делопроизводства, представитель правового подразделения. Каждому учащемуся определяется роль (выбирают посредством случайного выбора). Один из учащихся зачитывает фабулу задания: «В УМВД России по Пушкинскому району г. Санкт-Петербурга 10.01.2022 прошло заседание с участием начальника и руководителей структурных подразделений УМВД по подведению итогов работы подразделения за год. На заседании с кратким обзором итогов работы за год по направлениям работы выступили заместители начальника УМВД (заместитель начальника по следственной работе, заместитель начальника по охране общественного порядка, заместитель начальника по оперативной работе, заместитель начальника по работе с личным составом). Общие итоги подвел начальник УМВД, которым помимо прочего были обозначены основные задачи подразделения УМВД на следующий календарный год»
Задания для выполнения	1. Какой документ должен быть оформлен по итогам указанного заседания? (решение обсуждается совместно участниками малой группы, озвучивает один участник). 2. Составьте указанный документ, оформите в соответствии с соблюдением основных требований делопроизводства (участие в составлении принимают все выбранные для выполнения задания участники малой группы). 3. Каждый участник малой группы представляется персонажем, выбранным в ходе распределения ролей. Затем каждый обучающийся, с точки зрения описанной ситуации, должен указать и продемонстрировать с пояснениями последовательные действия по разработке и реализации составляемого управленческого решения, которые он должен осуществить, находясь в роли начальника указанного структурного подразделения МВД России, заместителей начальника, исполнителя управленческого решения, представителя делопроизводства и правового подразделения

Результаты исследования

По результатам проведённой практической части исследования мы можем оценить качественные изменения, которые получили в ходе его осуществления, что прослеживается в сравнении показателей оценки знаний обучающихся по определённой теме перед её изучением и после организации практического учебного занятия с использованием интерактивных технологий в виде кейс-метода и метода деловой игры, используемых для реализации цели и задач исследования.

Для оценки качественных изменений в табл. 5 приведены сравнительные данные оценки знаний обучающихся до проведения практического учебного занятия по учебной дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел» с использованием разработанных методических средств, содержащих инте-

рактивные технологии в виде кейс-метода и метода деловой игры (входной контроль в виде теста) и по результатам повторной оценки знаний после проведения занятия (повторный контроль в виде теста).

На диаграмме наглядно продемонстрирована динамика показателей количества правильных ответов на задания, представленные для прохождения входного и повторного контролей (рис. 1).

Рассмотрим подробнее процесс изменения показателей в ходе исследования. В проведённом входном контроле принял участие 31 человек из двух учебных групп (513-й и 514-й уч. группы). В процессе проведения входного контроля выяснилось, что по учебному курсу «Основы управления в органах внутренних дел» занятия с использованием интерактивных технологий не проводились, что подтвердили

Сравнительная характеристика оценки знаний обучающихся

	513 учебный взвод		514 учебный взвод	
	Количество правильных ответов	Количество неправильных ответов	Количество правильных ответов	Количество неправильных ответов
Результат входного контроля	140	85	189	51
Результат повторного контроля	192	33	218	22
Сравнительная оценка (разница по результатам входного и повторного контроля)	+ 52	- 52	+ 29	- 29

Рисунок 1

все обучающиеся, ответив отрицательно на первый вопрос. Все обучающиеся ответили, что ранее при изучении курса не получали практического опыта по составлению деловой, управленческой документации органов внутренних дел (31 человек ответил отрицательно). Также треть обучающихся (11 из 31 человека) не знают, что представляет собой управленческое решение, и 13 из 31 человека – что представляет собой план. Стоит отметить, что многие обучающиеся (12 из 31 человека), проходя службу в органах внутренних дел, не знают ответ на один из основных вопросов курса – определение понятия «устав».

После входного контроля в двух обозначенных учебных группах проведены практические учебные занятия в интерактивной форме с использованием кейс-метода и метода деловой игры). В их ходе были успешно отработаны оба метода. Обучающиеся с интересом выполняли задания, демонстрировали друг другу подготовленные управленческие решения.

По итогам повторного контроля после проведенных учебных занятий, все обучающиеся ответили, что по результатам занятия имеют практический опыт по составлению деловой, управленческой документации (31 человек). Количество учащихся, не знающих ответы на во-

просы о том, что такое управленческое решение и план, уменьшилось с 11 до 2 и с 13 до 7 человек соответственно. Также увеличилось количество правильных ответов на вопрос об определении понятия «устав» (с 12 до 19 человек). Положительную динамику показали ответы и на другие вопросы тестирования. Можно сделать вывод о достижении поставленных целей и задач нашего исследования.

Таким образом, сравнивая полученные результаты оценки знаний обучающихся по результатам входного и повторного контролей, мы увидели положительную динамику в получении новых знаний и практических навыков после проведенного практического занятия в интерактивной форме по учебной дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел».

Опираясь на полученные данные, а также на подготовленные обучающимися в ходе учебного занятия управленческие решения, мы увидели произошедшие изменения по восприятию изучаемого обучающимися материала до проведения занятия в интерактивной форме и после его проведения, т. е. показатели результатов практического применения разработанных для использования при проведении учебных занятий по дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел» методических средств,

Описание результатов, заложенных в цели и задачи исследования (ожидаемые изменения)	Количественные и качественные показатели, подтверждающие, что ожидаемые изменения произошли
1. Применяя интерактивные технологии при проведении практических учебных занятий по тематике управленческих решений, выработать у обучающихся умения, направленные на принятие правильных управленческих решений и приобретение знаний, навыков по их подготовке	1. После проведённого занятия в интерактивной форме видны количественные изменения в пользу повышения уровня знаний по рассматриваемым вопросам. Количество правильных ответов обучающихся при проведении повторного тестирования увеличилось на 81. Каждой учебной группой разработаны по четыре из числа востребованных на практике управленческих решения
2. Разработать и интегрировать в учебный процесс по дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел» новые методические средства обучения с использованием интерактивных технологий в виде кейс-метода и метода деловой игры, развивать с их помощью способности к анализу, планированию и сопоставлению служебной информации с целью правильного выбора и принятия качественных управленческих решений	2. При проведении учебного занятия по дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел» впервые были использованы интерактивные технологии в виде кейс-метода и метода деловой игры. Обучающиеся обсуждали в группах тематику управленческих решений, алгоритм их принятия и создания, изготовили проекты управленческих решений, приобрели навыки планирования, организации и контроля служебной деятельности
3. Внедряя в процесс обучения материал, использовать способы практической отработки отдельных вопросов, что позволит обучающимся овладеть новыми знаниями, практическими умениями и навыками	3. В рамках исследования проведено внедрение в учебный процесс разработанного материала, апробирование которого показало положительные для процесса обучения результаты

содержащих интерактивные технологии в виде кейс-метода и метода деловой игры. В итоге можем оценить их потребность для внедрения в процесс обучения (табл. 6).

Заключение

Практику внедряют в процесс обучения при положительном опыте её использования. Учёные Восточно-Сибирского института МВД России выделяют четыре условия, позволяющие говорить о том, что практика имеет дело с положительным опытом. Такими условиями являются: соответствие опыта нормам существующего законодательства; практическая эффективность; научная обоснованность; повторяемость (воспроизводимость)².

² Борисова И. И., Горылев А. И., Грудзинская Е. Ю. и др. Руководство по внедрению проектно-ориентированных

Соглашаясь с такой позицией, учитывая обозначенные условия и полученные нами положительные результаты по разработанному исследованию, можно сделать вывод о высокой степени преимуществ интерактивных технологий и о возможности внедрения разработанных методических средств, содержащих интерактивные технологии в виде кейс-метода и метода деловой игры в процесс обучения по дисциплине «Основы управления в органах внутренних дел», с целью реализации практической составляющей по выработке у обучающихся умений, направленных на принятие правильных управленческих решений и приобретению знаний, навыков по их подготовке, как результат – освоение обучающимися новых компетенций.

ных методов в образовании: учебно-методические материалы. – Н. Новгород: ННГУ, 2007. – 124 с.

Список литературы

1. Арустамян Д. В., Дроздова Е. А. Использование интерактивных методов обучения в учебном процессе // Евразийский союз учёных. – 2018. – № 7–4 (52). – С. 7–8.
2. Андриенко О. А. О необходимости применения игровых технологий обучения // Балканское научное обозрение. – 2019. – Т. 3. – № 2 (4). – С. 5–8.
3. Виноградова Т. В. Интерактивные методы обучения как инновации в образовании / Интеграция науки, общества, производства и промышленности : сб. статей Международной научно-практической конференции, Казань, 5 мая 2018 года. – Часть 2. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Аэтерна», 2018. – С. 152–154.

4. Котова И. А., Алексеева Г. Д. Организационный аспект методов обучения // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 4 [Электронный ресурс] // rae.ru : сайт. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26692> (дата обращения: 19.03.2022).
5. Горшкова О. В. Активные методы обучения: формы и цели применения // Концепт : научно-методический электронный журнал. – 2017. – № S3. – С. 10–15.
6. Гаджиева П. Д. Интерактивные методы обучения в правовом образовании // Право и образование. – 2011. – № 1. – С. 55–62.
7. Екимова К. В., Пирогова А. А. Особенности применения интерактивных методов обучения в профессиональном образовании / Инновационные подходы к решению профессионально-педагогических проблем: сборник статей по материалам V Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 1 апреля 2020 года / Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 2020. – С. 26–29.
8. Данчук М. П., Павлова М. И. Актуальность применения интерактивных методов обучения в современном профессиональном образовании // Успехи современной науки. – 2016. – Т. 1. – № 10. – С. 49–55.
9. Пономарева О. Н., Шурыгин С. В., Абаев Т. Б. Воспитательный ресурс интерактивных методов обучения в военном образовании // Молодежь. Образование. Наука. – 2018. – Т. 1. – № 1-1 (1). – С. 195–203.
10. Сафонов К. Б. О применении интерактивных методов обучения в образовательном процессе педагогического вуза / Приоритетные направления регионального развития : сборник статей по материалам II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием, Курган, 25 февраля 2021 года / под общ. ред. И. Н. Миколайчика. – Курган: Курганская государственная сельскохозяйственная академия имени Т. С. Мальцева, 2021. – С. 585–589.
11. Сергейчев Д. А. Современные методы преподавания юридических дисциплин // Цифровая наука. – 2021. – № 6-2. – С. 62–71.
12. Мустафина Д. И. Деловая игра как метод интерактивного обучения в сфере профессионального образования // Теория и практика мировой науки. – 2020. – № 2. – С. 33–37.
13. Мирзаханова Т. Б. Кейс-метод как способ организации современного урока / Инновационные методы обучения и воспитания : сборник статей Международной научно-практической конференции. – Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. – С. 63–67.
14. Семенова В. Г. Интерактивные технологии в образовательном процессе в высшем учебном заведении / Стратегические ориентиры развития высшей школы : сборник научных трудов участников II Национальной научно-практической конференции, Москва, 25 ноября 2020 года. – Москва: КноРус, 2020. – С. 240–246.
15. Ибрагимова Е. М., Бакулина Л. Т. Интерактивные методы обучения в вузе как средство формирования правовой компетентности / Развитие профессиональных компетенций учителя: основные проблемы и ценности : сборник научных трудов V Международного форума по педагогическому образованию, Казань, 29–31 мая 2019 года / Казанский федеральный университет. Часть 3. – Казань: Отечество, 2019. – С. 62–72.

References

1. Arustamyan D. V., Drozdova Ye. A. Ispol'zovaniye interaktivnykh metodov obucheniya v uchebnom protsesse // Yevraziyskiy soyuz uchonykh. – 2018. – № 7-4 (52). – S. 7–8.
2. Andriyenko O. A. O neobkhodimosti primeneniya igrovykh tekhnologiy obucheniya // Balkanskoye nauchnoye obozreniye. – 2019. – Т. 3. – № 2 (4). – S. 5–8.
3. Vinogradova T. V. Interaktivnyye metody obucheniya kak innovatsii v obrazovanii / Integratsiya nauki, obshchestva, proizvodstva i promyshlennosti : sb. statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Kazan', 5 maya 2018 goda. – Chast' 2. – Kazan': Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Aeterna», 2018. – S. 152–154.
4. Kotova I. A., Alekseyeva G. D. Organizatsionnyy aspekt metodov obucheniya // Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. – 2017. – № 4 [Elektronnyy resurs] // rae.ru : sayt. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26692> (data obrashcheniya: 19.03.2022).
5. Gorshkova O. V. Aktivnyye metody obucheniya: formy i tseli primeneniya // Kontsept : nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal. – 2017. – № S3. – S. 10–15.
6. Gadzhiyeva P. D. Interaktivnyye metody obucheniya v pravovom obrazovanii // Pravo i obrazovaniye. – 2011. – № 1. – S. 55–62.
7. Yekimova K. V., Pirogova A. A. Osobennosti primeneniya interaktivnykh metodov obucheniya v professional'nom obrazovanii / Innovatsionnyye podkhody k resheniyu professional'no-pedagogicheskikh problem: sbornik statey po materialam V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Nizhniy Novgorod, 1 aprelya 2020 goda / Nizhegorodskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet imeni Koz'my Minina, 2020. – S. 26–29.
8. Danchuk M. P., Pavlova M. I. Aktual'nost' primeneniya interaktivnykh metodov obucheniya v sovremennom professional'nom obrazovanii // Uspekhi sovremennoy nauki. – 2016. – Т. 1. – № 10. – S. 49–55.

9. *Ponomareva O. N., Shurygin S. V., Abayev T. B.* Vospitatel'nyy resurs interaktivnykh metodov obucheniya v voyennom obrazovanii // *Molodezh'. Obrazovaniye. Nauka.* – 2018. – Т. 1. – № 1-1 (1). – S. 195–203.

10. *Safonov K. B.* O primeneni interaktivnykh metodov obucheniya v obrazovatel'nom protsesse pedagogicheskogo vuza / *Prioritetnyye napravleniya regional'nogo razvitiya : sbornik statey po materialam II Vserossiyskoy (natsional'noy) nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Kurgan, 25 fevralya 2021 goda / pod obshch. red. I. N. Mikolaychika.* – Kurgan: Kurganskaya gosudarstvennaya sel'skokhozyaystvennaya akademiya imeni T. S. Mal'tseva, 2021. – S. 585–589.

11. *Sergeychev D. A.* Sovremennyye metody prepodavaniya yuridicheskikh distsiplin // *Tsifrovaya nauka.* – 2021. – № 6-2. – S. 62–71.

12. *Mustafina D. I.* Delovaya igra kak metod interaktivnogo obucheniya v sfere professional'nogo obrazovaniya // *Teoriya i praktika mirovoy nauki.* – 2020. – № 2. – S. 33–37.

13. *Mirzakhanova T. B.* Keys-metod kak sposob organizatsii sovremennogo uroka / *Innovatsionnyye metody obucheniya i vospitaniya : sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii.* – Penza: MTSNS «Nauka i Prosveshcheniye», 2020. – S. 63–67.

14. *Semenova V. G.* Interaktivnyye tekhnologii v obrazovatel'nom protsesse v vysshem uchebno zavedenii / *Strategicheskiye orientiry razvitiya vysshey shkoly : sbornik nauchnykh trudov uchastnikov II Natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 25 noyabrya 2020 goda.* – Moskva: KnoRus, 2020. – S. 240–246.

15. *Ibragimova Ye. M., Bakulina L. T.* Interaktivnyye metody obucheniya v vuze kak sredstvo formirovaniya pravovoy kompetentnosti / *Razvitiye professional'nykh kompetentsiy uchitelya: osnovnyye problemy i tsennosti : sbornik nauchnykh trudov V Mezhdunarodnogo foruma po pedagogicheskomu obrazovaniyu, Kazan', 29–31 maya 2019 goda / Kazanskiy federal'nyy universitet. Chast' 3.* – Kazan': Otechestvo, 2019. – S. 62–72.

Статья поступила в редакцию 29.09.2022; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 16.03.2023.

The article was submitted September 29, 2022; approved after reviewing March 9, 2023; accepted for publication March 16, 2023.

Научная статья
УДК 796.012.2
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-169-173

Андрей Александрович Третьяков

кандидат педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0001-7498-6675>, delphin87@inbox.ru

*Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина
Российская Федерация, 308024, Белгород, ул. Горького, д. 71*

Алексей Иванович Ткаченко

кандидат педагогических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0003-0227-6118>, tkachenkoai@yandex.ru

*Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя
117997, Москва, ул. Академика Волгина, д. 12*

Определение эффективности комплексного теста для оценки координационных способностей у курсантов

Аннотация: В статье затрагивается проблема оценки развития координационных способностей у курсантов образовательных организаций МВД России. Несомненно, большая роль отведена координационным способностям и в деятельности сотрудника полиции. Ежедневно ему приходится выполнять комплекс различных двигательных действий, от слаженности которых зависит эффективность его служебной деятельности. В настоящее время для анализа физической подготовленности используется ряд тестовых заданий, предложенных ведомственными приказами и рабочими программами дисциплины «Физическая подготовка». Для оценки координационных способностей используется лишь челночный бег. Необходимость в использовании других информативных тестовых заданий для оценки координационных способностей обуславливается требованиями служебной деятельности. Для проверки предложенного способа оценки были привлечены обучающиеся Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина в количестве 300 человек. В исследовании приняли участие в основном слушатели 5-х курсов. В связи с этим была поставлена цель исследования – определить эффективность комплексного теста для оценки координационных способностей у курсантов. В результате был найден комплексный способ оценки координационных способностей курсантов. Оценка валидности теста Горелова показала высокую взаимосвязь с рядом двигательных и компьютерных тестов для оценки когнитивных способностей.

Ключевые слова: физическая подготовка, координационные способности, курсанты, оценка уровня подготовленности, модифицированный тест, образовательные организации МВД

Для цитирования: Третьяков А. А., Ткаченко А. И. Определение эффективности комплексного теста для оценки координационных способностей у курсантов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 169–173; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-169-173.

Andrey A. Tretyakov

Cand. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0001-7498-6675>, delphin87@inbox.ru

*Belgorod Law Institute of the MIA of Russia named after I. D. Putilina
71, Gorky str., Belgorod, 308024, Russian Federation*

Alexey I. Tkachenko

Cand. Sci. (Ped.), Docent

<https://orcid.org/0000-0003-0227-6118>, tkachenkoai@yandex.ru

*Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikot
12, Academician Volgina str., Moscow, 117997, Russian Federation*

Determining the effectiveness of a comprehensive test to assess the coordination abilities of cadets

Abstract: The article addresses the problem of assessing the development of coordination abilities of cadets of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Undoubtedly, a great role is assigned to coordination abilities in the activities of a police officer. On a daily basis he has to perform a complex of various physical actions and their consentaneity determines the effectiveness of police service performance. Currently, a number of test tasks initiated by departmental orders and work program of the discipline «Physical Training» are used to analyze physical fitness of cadets. And only shuttle running is used to assess coordination abilities. The need to use other informative test tasks to assess coordination abilities is determined by the service performance requirements. To test the proposed method of assessment, 300 students of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin were engaged. Basically, 5th year students took part in the study. In this regard, the aim of the study was to determine the effectiveness of a comprehensive test to assess the coordination abilities of cadets. As a result of the conducted research, a comprehensive way of assessing the coordination abilities of cadets was found. Validity assessment of the Gorelov Test showed a high correlation with a number of motor and computer tests for assessing cognitive abilities.

Keywords: physical training, coordination abilities, cadets, assessment of the proficiency level, modified test, educational institutions of the Ministry of Internal Affairs

For citation: Tretyakov A. A., Tkachenko A. I. Determining the effectiveness of a comprehensive test to assess the coordination abilities of cadets // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 169–173; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-169-173.

Введение. Совершенствование координационных способностей у курсантов является неотъемлемым процессом физической подготовки и физического воспитания. Современные исследования [1; 2; 4; 6] указывают на тесную взаимосвязь эффективного освоения учебного материала обучающимися при своевременной диагностике и совершенствовании координационных способностей средствами физической культуры и спорта.

Несомненно, большая роль отведена координационным способностям и в деятельности сотрудника полиции [3; 5]. Ежедневно ему приходится выполнять комплекс различных двигательных действий, от слаженности, которых зависит эффективность его служебной деятельности [5; 8; 10].

Н. А. Бернштейн отмечал, что «координация движений обеспечивается взаимодействием всех структур построения движения за счёт сенсорной интеграции структур центральной нервной системы» [2]. Можно сказать, что под координационными способностями понимается возможность человека точно и быстро, эффективно и находчиво решать разнообразные двигательные задачи [7; 9; 11; 13].

Развитие и совершенствование физических способностей должно проходить под полным контролем педагогов, обеспечивающих образовательный процесс [12; 14; 15]. К сожалению, в органах внутренних дел нормативными правовыми документами предусмотрено определение уровня развития координационных способностей лишь челночным бегом (10 × 10 метров, 4 × 20 метров). Данные тестовые задания не позволяют комплексно оценить уровень подготовленности. В связи с этим возникает

проблема поиска эффективных средств оценки развития координационных способностей у курсантов.

Цель нашего исследования – определить эффективность комплексного теста для оценки координационных способностей у курсантов. Для её достижения были предложены задачи исследования, в рамках которых были проведены анализ литературных источников по проблеме исследования, поиск эффективных средств оценки развития координационных способностей у курсантов, оценивалась валидность теста Горелова для комплексной оценки данных способностей.

Организация и методы исследования. Для достижения поставленной цели и решения задач исследования использовались следующие методы исследования: анализ литературных источников, тестирование физических способностей, психофизиологическое тестирование с помощью «БиоМыши исследовательской», методы математической статистики.

Для проверки предложенного способа оценки были привлечены 300 обучающиеся Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. В исследовании приняли участие в основном слушатели 5-х курсов.

Им были предложены тестовые задания, которые позволяли оценить через двигательные действия «чувство времени» (остановить секундомер без зрительного контроля на определённых отметках), «чувство пространства» (выполнялись три прыжка на различную длину), статическую координацию (проба Ромберга), челночный бег 10 × 10 метров, 4 × 20 метров.

Результаты тестирования курсантов в тесте Горелова

	Время выполнения, сек	Среднее время выполнения 1 стимула, сек	Ошибки, количество
Девушки	7,92 ± 0,25	0,88 ± 0,02	0,2 ± 0,01
Юноши	8,31 ± 0,33	0,92 ± 0,03	0,3 ± 0,01

Кроме того, курсанты выполнили ряд тестовых заданий с использованием «БиоМыши исследовательской»: простая сенсомоторная реакция (ПСР), сложная сенсомоторная реакция (ССР), реакция на движущийся объект (РДО), распределение внимания (РВ) и сложение чисел (СЧ).

Результаты исследования и их обсуждение. По результатам анализа литературных источников выяснилось, что во время подготовки лётчиков для комплексной оценки координационных способностей использовался тест Горелова, однако в доступных источниках не указывается, что данный тест используется в диагностике военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел.

Суть теста заключается в передвижении прыжками на время по специально подготовленным квадратам. На квадратах изображены цифры, количество квадратов было ограничено девятью. Задание заключалось в передвижении прыжками на двух ногах по квадратам в порядке возрастания от 1 до 9 или в порядке убывания. В начале теста испытуемый не видел расположения квадратов и при выполнении новой попытки квадраты менялись местами. Измерялось общее время, затраченное на выполнение теста, количество ошибок и среднее время выполнения одного стимула. Каждому испытуемому давались три попытки, по которым рассчитывалось среднее время. Все измерения выполнялись электронным секундомером.

В результате тестирования были получены данные, которые отражены в табл. 1. Как видно из полученных результатов, среднее время выполнения теста у девушек лучше (7,92 ± 0,25 сек), чем у юношей (8,31 ± 0,33 сек). Также было рассчитано среднее время, затраченное на выполнение 1 стимула из 9. И по этому показателю время у девушек (0,88 ± 0,02 сек) лучше, чем у юношей (0,92 ± 0,03 сек). При выполнении теста девушки допустили меньшее количество ошибок.

Для данного теста была проведена оценка валидности. В исследовании приняли участие 300 слушателей 5-х курсов. Им было предложено выполнить помимо теста Горелова другие тестовые задания, результаты которых сравнивались с помощью корреляционного анализа.

На рис. 1 представлены уровни связи между результатами теста Горелова и тестовыми заданиями, которые позволяли оценить координационные способности через двигательные действия.

Как видно из представленного рисунка, высокая положительная связь отмечена в те-

стах «челночный бег» 10×10 метров ($r = 0,55$), 4×20 метров ($r = 0,57$), средняя положительная связь «чувство пространства» ($r = 0,48$).

Можно сказать, что тест Горелова даёт возможность оценить координационные способности, связанные с возможностью организма согласовать двигательные действия. С другой стороны, испытуемому после команды «Старт» необходимо оценить всю площадку с номерами и правильно выполнить прыжки по квадратам. Кроме того, испытуемые должны выполнить данное задание как можно быстрее, на время.

Рис. 1. Взаимосвязь двигательных тестов с тестом Горелова

На рис. 2 представлены уровни связи между результатами теста Горелова и тестовыми заданиями, которые выполнялись с использованием «БиоМыши исследовательской».

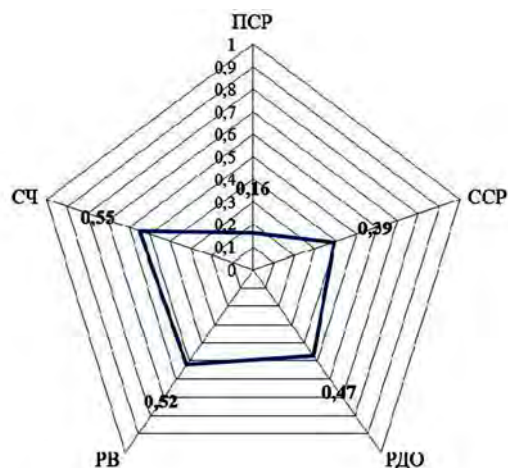

Рис. 2. Взаимосвязь компьютерных тестов с тестом Горелова

Отмечается высокая положительная связь в тестах с использованием «БиоМыши исследовательской», «сложение чисел» ($r = 0,55$), «распределение внимания» ($r = 0,52$) и «реакция на движущийся объект» ($r = 0,47$).

Представленная батарея тестов оценивала взаимосвязь теста Горелова с когнитивными процессами обучающихся. При выполнении теста Горелова испытуемым необходимо было оценить расположение квадратов, за что отвечает распределение внимания, продумать алгоритм своих действий, а затем скоординировать свои движения для точного прыжка с минимальными временными затратами.

Заключение

В результате проведённого исследования был найден комплексный способ оценки координационных способностей курсантов. Оценка валидности теста Горелова показала высокую взаимосвязь с рядом двигательных компьютерных тестов для оценки когнитивных способностей.

Последующие исследования и расчёты должны позволить разработать оценочную шкалу для теста, после чего представленный тест можно рекомендовать для использования в учебном процессе курсантов образовательных организаций МВД России с целью комплексной оценки координационных способностей.

Список литературы

1. Алексеев Н. А., Вахрушева П. А. Влияние двигательных-координационных способностей на эффективность обучения курсантов приёмам борьбы / Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях : XVII Международная научная конференция: в 2 ч. Белгород, 2021. – Ч. 1. – С. 25–29.
2. Бернштейн Н. А. О построении движений : монография. – Москва: Книга по требованию, 2013. – 254 с.
3. Бобровик А. П., Зубарев Ю. М. Методологические основы совершенствования физического качества ловкость у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России / Физическая культура и спорт в постиндустриальную эпоху: проблемы и пути их решения : материалы VII Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2019. – С. 14–16.
4. Ботяев В. Л., Бойко В. Н., Ботяев С. В. Проблемы двигательной координации и пути её решения в учебном процессе студентов-бакалавров педагогического вуза // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 1. – С. 41–43.
5. Вавилкин Д. С., Горбатенко Д. Г. Развитие координации сотрудника ОВД в процессе проведения занятий по физической подготовке // Физическое воспитание и спорт: актуальные вопросы теории и практики / сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. ФГКОУ ВО Ростовский юридический институт МВД России, 2016. – С. 26–30.
6. Венгерова Н. Н., Пискун Т. М., Щеголев В. А., Мухина А. В. Диагностика физического состояния студентов как определяющий фактор подбора средств физкультурно-оздоровительных технологий // Теория и практика физической культуры. – 2020. – № 12. – С. 73–75.
7. Злыгостев О. В., Татьянаенко С. А. Оценка физической подготовленности студентов западной Сибири // Теория и практика физической культуры. – 2018. – № 3. – С. 47–48.
8. Лисогор К. А., Сапунов А. С. Развитие координации на занятиях по физической подготовке у курсантов образовательных организаций МВД России // Студенческий вестник. – 2019. – № 43-1 (93). – С. 65–67.
9. Лях В. И. Развитие координационных способностей у дошкольников : монография. – Москва: Спорт, 2019. – 128 с.
10. Коник А. А., Дыбов В. Е., Кулиничев А. Н., Алексеев Н. А. Развитие координационных способностей обучающихся с использованием элементов координационной лестницы // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2020. – № 1. – С. 17–24.
11. Кузьмин В. В. Факторы развития утомления в условиях мышечной деятельности, влияющие на точность двигательных действий / Проблемы современного социума глазами молодых исследователей : Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции. Волгоград, 2021. – С. 525–528.
12. Кутергин Н. Б., Кулиничев А. Н., Воротник А. Н. Средства формирования сложно-координационных навыков у курсантов образовательных организаций МВД России // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 3. – С. 119–121.
13. Маличенко А. А. Изучение показателей стабилотрии у студентов медицинского университета // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. – 2021. – № 9. – С. 15–21.
14. Маскаева Т. Ю., Урываев Ю. В., Греков Ю. А., Руцкий Д. А. Оценка координационных способностей студентов с разной степенью тревожности // Учёные записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 10 (188). – С. 237–242.
15. Медников А. Б. Координационная подготовка в системе физической подготовки сотрудников полиции // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 1. – С. 219–221.

References

1. *Alekseyev N. A., Vakhrusheva P. A. Vliyaniye dvigatel'no-koordinatsionnykh sposobnostey na effektivnost' obucheniya kursantov priyomam bor'by / Fizicheskoye vospitaniye i sport v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh : XVII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: v 2 ch. Belgorod, 2021. – Ch. 1. – S. 25–29.*
2. *Bernshhteyn N. A. O postroyenii dvizheniy : monografiya. – Moskva: Kniga po trebovaniyu, 2013. – 254 s.*
3. *Bobrovik A. P., Zubarev Yu. M. Metodologicheskiye osnovy sovershenstvovaniya fizicheskogo kachestva lovkost' u kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii / Fizicheskaya kul'tura i sport v postindustrial'nyu epokhu: problemy i puti ikh resheniya : materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet imeni A. S. Pushkina, 2019. – S. 14–16.*
4. *Botyayev V. L., Boyko V. N., Botyayev S. V. Problemy dvigatel'noy koordinatsii i puti yeyo resheniya v uchebnoy protsesse studentov-bakalavrov pedagogicheskogo vuza // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. – 2020. – № 1. – S. 41–43.*
5. *Vavilkin D. S., Gorbatenko D. G. Razvitiye koordinatsii sotrudnika OVD v protsesse provedeniya zanyatiy po fizicheskoy podgotovke // Fizicheskoye vospitaniye i sport: aktual'nyye voprosy teorii i praktiki / sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. FGKOU VO Rostovskiy yuridicheskiy institut MVD Rossii, 2016. – S. 26–30.*
6. *Vengerova N. N., Piskun T. M., Shchegolev V. A., Mukhina A. V. Diagnostika fizicheskogo sostoyaniya studentov kak opredelyayushchiy faktor podbora sredstv fizkul'turno-ozdorovitel'nykh tekhnologiy // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. – 2020. – № 12. – S. 73–75.*
7. *Zlyogstev O. V., Tat'yanenko S. A. Otsenka fizicheskoy podgotovlennosti studentov zapadnoy Sibiri // Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury. – 2018. – № 3. – S. 47–48.*
8. *Lisogor K. A., Sapunov A. S. Razvitiye koordinatsii na zanyatiyakh po fizicheskoy podgotovke u kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Studencheskiy vestnik. – 2019. – № 43-1 (93). – S. 65–67.*
9. *Lyakh V. I. Razvitiye koordinatsionnykh sposobnostey u doshkol'nikov : monografiya. – Moskva: Sport, 2019. – 128 s.*
10. *Konik A. A., Dybov V. Ye., Kulnichev A. N., Alekseyev N. A. Razvitiye koordinatsionnykh sposobnostey obuchayushchikhsya s ispol'zovaniyem elementov koordinatsionnoy lestnitsy // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport. – 2020. – № 1. – S. 17–24.*
11. *Kuz'min V. V. Faktory razvitiya utomleniya v usloviyakh myshechnoy deyatel'nosti, vliyayushchiye na tochnost' dvigatel'nykh deystviy / Problemy sovremennogo sotsiuma glazami molodykh issledovateley : Materialy XIII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Volgograd, 2021. – S. 525–528.*
12. *Kutergin N. B., Kulnichev A. N., Vorotnik A. N. Sredstva formirovaniya slozhno-koordinatsionnykh navykov u kursantov obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'. – 2014. – № 3. – S. 119–121.*
13. *Malichenko A. A. Izucheniye pokazateley stabilometrii u studentov meditsinskogo universiteta // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport. – 2021. – № 9. – S. 15–21.*
14. *Maskayeva T. Yu., Uryvayev Yu. V., Grekov Yu. A., Rutskiy D. A. Otsenka koordinatsionnykh sposobnostey studentov s raznoy stepen'yu trevozhnosti // Uchonyye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta. – 2020. – № 10 (188). – S. 237–242.*
15. *Mednikov A. B. Koordinatsionnaya podgotovka v sisteme fizicheskoy podgotovki sotrudnikov politzii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2014. – № 1. – S. 219–221.*

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted November 7, 2022; approved after reviewing December 19, 2022; accepted for publication March 9, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 796.89
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-174-179

Рустам Борисович Хыбыртов

<https://orcid.org/0000-0002-9150-7952>, fppe@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Значение боевых приёмов борьбы в структуре служебно-оперативной деятельности сотрудников полиции

Аннотация: *Введение.* В статье исследуется проблема использования боевых приёмов борьбы в процессе обучения курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России с целью выработки навыков их применения в дальнейшей службе в практических органах внутренних дел России Федерации.

Актуальность работы обосновывается необходимостью исследования разновидностей боя, в котором применяются как холодное и огнестрельное оружие, так и специальные (в т. ч. подручные) средства и боевые приёмы борьбы без оружия. Эти приёмы составляют базовый комплекс самозащиты на близкой дистанции путём нанесения опережающих ударов для активизации деятельности сотрудников полиции и других правоохранительных органов с целью защиты граждан.

В процессе обсуждения результатов исследования разработаны рекомендации по защите гражданского населения от преступного произвола, а также предлагается переименовать раздел «Боевые приёмы борьбы» в «Рукопашный бой».

Методология. В процессе работы над темой применялись следующие методы: анализ научно-методической литературы, наблюдение, математико-статистические.

Результаты исследования показали, что курсанты хорошо подготовлены в плане усвоения правовых основ применения боевых приёмов борьбы, изучают эти приёмы более качественно, чем слабоподготовленные сотрудники, и выполняют их на оценку «отлично».

Кроме того, боевые приёмы борьбы являются составной частью самозащиты. Показано, что для более качественного и глубокого освоения приёмов, изучаемых в рамках данной дисциплины, сотрудник органов внутренних дел должен вначале хотя бы теоретически изучить систему самозащиты, а затем, вооружённый знаниями, практически обучаться основным боевым приёмам.

В заключении отмечено, что рукопашный бой способствует развитию и совершенствованию физических качеств и эффективному выполнению оперативно-служебных задач. Рекомендовано при физкультурно-спортивных обществах организовывать курсы для широких слоёв населения по изучению приёмов самозащиты.

Ключевые слова: боевые приёмы борьбы, преследование правонарушителя, рукопашная схватка, самооборона, единоборство

Для цитирования: Хыбыртов Р. Б. Значение боевых приёмов борьбы в структуре служебно-оперативной деятельности сотрудников полиции. – 2023. – № 1 (97). – С. 174–179; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-174-179.

Rustam B. Khybyrtov

<https://orcid.org/0000-0002-9150-7952>, fppe@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

The importance of fighting techniques in the structure of the official and operational activities of police officers

Abstract: *The introduction* shows the role and importance of physical training in improving the service and operational activities of police officers.

The article reveals the problem of using combat fighting techniques for cadets and students of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia, their development and application in further service in the practical internal affairs bodies of the Russian Federation, and also notes that combat fighting techniques are one of the main components of the service and operational activities of policemen in hand-to-hand combat with offenders. Consequently, this is a kind of combat in which both firearms and cold weapons are used, as well as improvised means and martial arts without weapons. These techniques constitute the basic complex of self-defense at close range with the help of preemptive strikes to enhance the activities of police officers and other law enforcement agencies in order to protect civilians.

In the process of discussing the research results, recommendations were developed for the protection of the civilian population from criminal arbitrariness, based on the analysis; it was proposed to rename the section «Combat fighting techniques» to «Hand-to-hand combat».

The results of the study showed that the cadets are well prepared in terms of mastering the legal foundations for the use of combat fighting techniques; they study these techniques more qualitatively than poorly trained officials and perform them with an «excellent» rating.

In addition, fighting techniques of wrestling are an integral part of self-defense. It is shown that for a better and deeper mastering techniques studied within the framework of this discipline, an official of the internal affairs bodies must first at least theoretically study the system of self-defense, and then, enriched with knowledge, practically learn the basic combat techniques.

In conclusion, it was noted that hand-to-hand combat contributes to the development and improvement of physical qualities and the effective implementation of operational and service tasks. It is recommended that physical culture and sports societies organize courses for the general population on the study of self-defense techniques.

Keywords: fighting techniques, pursuing the offender, hand-to-hand combat, self-defense, martial arts.

For citation: Khybyrtov R. B. The importance of fighting techniques in the structure of the official and operational activities of police officers // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 174–179; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-174-179.

Введение. Анализ служебно-оперативной деятельности, литературных источников и результатов научных исследований показывает важную роль, которую играет физическая подготовка в совершенствовании служебно-оперативной деятельности сотрудников полиции. Она заключается в следующем:

- в воспитании и совершенствовании физических морально-волевых и психологических качеств сотрудников полиции;
- в формировании жизненно важных качеств для службы в подразделениях полиции;
- в воспитании навыков умелого владения и применения боевых приёмов борьбы.

Министр внутренних дел издал приказ № 450 от 1 июля 2017 г. «Об утверждении Наставления по организации физической подготовки в органах внутренних дел Российской Федерации». В этом приказе отмечено, что сотрудникам полиции на занятиях по физической подготовке необходимо:

- развивать физические качества, формировать и отрабатывать прикладные, двигательные навыки, для эффективного выполнения оперативно-служебных задач;

- обучать преследованию, задержанию и доставке преступников в отдел полиции;

- разучивать технику и способы передвижения на различной местности, преодоления искусственных и естественных препятствий, а также водных преград с помощью подручных средств и вплавь;

- воспитывать бесстрашие для действий в опасных ситуациях;

- изучать технику и тактику выполнения боевых приёмов борьбы в средствах индивидуальной бронезащиты [1].

Методология. В процессе проведения исследования применялись методы системного анализа, а также научной литературы, руководящих документов и методических материалов. Анализ учебного процесса показал, что обучение сотрудников полиции рукопашному бою проводится под названием «Боевые приёмы борьбы». Далее было установлено, что чёткое определение данного раздела отсутствует, а содержательный компонент обоих разделов аналогичен. Исходя из этого мы предлагаем следующую формулировку: «Боевые приёмы борьбы – это те же приёмы рукопашного боя, которые

применяются сотрудниками при задержании правонарушителей».

Подтверждением этого является то, что чемпионаты образовательных организаций МВД России проводятся по рукопашному бою, а не по боевым приёмам борьбы. Полагая, что такие силовые ведомства как Вооружённые Силы Российской Федерации и Министерство внутренних дел Российской Федерации должны «идти в ногу», предлагаем, раздел «Боевые приёмы борьбы» переименовать в раздел «Рукопашный бой» [2; 3].

На занятиях по рукопашному бою необходимо:

- изучать и совершенствовать технику выполнения боевых приёмов борьбы;
- изучать технику этих приёмов в средствах индивидуальной бронезащиты;
- развивать и совершенствовать физические качества и формировать прикладные навыки;
- воспитывать морально-волевые качества.

Результаты исследования. Проверка знаний правовых основ применения боевых приёмов борьбы среди курсантов в ходе исследования, проведённого В. А. Тороповым и С. В. Науменко (2018) показала, что курсанты, хорошо подготовленные в аспекте знаний правовых основ применения боевых приёмов борьбы, намного успешнее и качественнее изучают эти приёмы, чем слабоподготовленные, и выполняют их на оценку «отлично» с высоким уровнем достоверности [4].

Слабое знание сотрудниками правовых основ применения боевых приёмов борьбы не освобождает их от ответственности в случае неправомерного их применения. Чтобы из защищающегося не превратиться в нарушителя, необходимо не только знать статьи 37, 38, 39 УК РФ и статьи 18, 19, 20 Закона «О полиции», но и перед каждым занятием повторять их с обучающимися.

Анализ дидактических материалов и рабочей учебной программы по физической подготовке показал, что раздел «Боевые приёмы борьбы» перенасыщен этими приёмами. Это подтверждают результаты исследования В. А. Торопова, Р. Б. Хыбыртова и Е. Е. Новоторова [5], где было показано, что диалектический закон перехода количества в качество в данном случае не срабатывает, а наносит только вред, так как времени для изучения такого объёма недостаточно. Изучение базовых приёмов (болевые приёмы, приёмы обезоруживания, броски и т. д.) носит поверхностный характер. В результате не выполняются основные требования – изучать боевые приёмы борьбы до навыка, то есть до автоматизма [6].

В такой ситуации целесообразно руководствоваться принципом «лучше меньше, да лучше». Этот принцип заложен во всех наставлениях по физической подготовке Вооружённых Сил, где содержание рукопашного боя состоит из приёмов самоотражения и болевых приёмов

борьбы. На основе этих приёмов проводятся приёмы обезоруживания, далее удушающие захваты, передняя подножка и бросок через бедро [7; 8].

Яркое подтверждение сказанного – спортивный путь двукратного олимпийского чемпиона по греко-римской борьбе Анатолия Александровича Рощина. Он владел большим количеством этих приёмов, но побеждал своих соперников всего двумя. Что интересно, они знали эти приёмы, но почему-то всегда проигрывали ему.

Так как рукопашный бой включает и единоборство без оружия, необходимо рассмотреть роль и значение применения этих приёмов на ближней дистанции с нанесением опережающих ударов [9,10].

Обсуждение результатов. Вопросы обучения приёмам единоборства без оружия являются актуальными всегда, но особенно в «смутные времена» – времена различных социальных потрясений и кризисов. Множество людей теряют работу, что толкает их на отчаянные и, зачастую безрассудные поступки. Одна из проблем современной России – тысячи мигрантов, лишившихся работы, не имеющих средств к существованию и вынужденных добывать их грабежом и разбоем. Их жертвами становятся не только женщины, дети и старики, но и взрослые мужчины.

Какие меры необходимо предпринимать для защиты гражданского населения от произвола подобных элементов?

Во-первых, активизировать деятельность полиции и других правоохранительных органов, выработать адекватную в сложившейся ситуации тактику защиты граждан.

Во-вторых, и это очевидно, чтобы обезопасить общество, необходимо организовать для широких слоёв населения курсы и занятия по тактике и технике самообороны. Для учащейся молодёжи это проще делать во время плановых занятий по физической культуре [11; 12].

Для этого необходимо разработать доступный и эффективный комплекс самозащиты, который могли бы освоить не только обучающиеся, но и преподаватели физической культуры независимо от специализации, а также гражданское население.

Из анализа оперативных сводок полиции и практики правоохранительной службы видно, что разбойные нападения, как правило, совершаются группой преступников от двух и более человек, которые наносят удары руками, ногами и подручными средствами (палки, кастеты, бутылки и т. д.). Поэтому обороняющимся необходимо овладеть техникой приёмов самообороны. Так как нападающих, чаще всего более двух, а те, на кого нападают, не всегда имеют внушительные рост, вес и хорошую физическую подготовленность, единственными эффективными приёмами для самозащиты должны быть удары по болевым и уязвимым точкам (пах, горло, шея, глаза, нос, голень, солнечное сплетение, нижние ребра и т. д.).

Таким образом, за основу самозащиты, в первую очередь необходимо брать ударную технику различных видов единоборств [13; 14].

Мы предлагаем базовый комплекс самозащиты на близкой дистанции при помощи опережающих ударов. С этих приёмов начиналась подготовка по самозащите курсантов и слушателей Санкт-Петербургского университета МВД России [15].

Предлагаем следующие приёмы самообороны:

- а) при нападении спереди:
- удар по носу лбом;
  - боковой удар по подбородку локтем;
  - удар локтем в солнечное сплетение, печень;
  - удар по ушам ладонями;
  - удар кулаком в пах;
  - удар коленом в пах;
  - удар стопой, пяткой по голени, колену;
  - удар пяткой сверху по ступне;
  - одновременный удар ладонями по ушам и коленом в пах.
- б) при нападении сбоку:
- удар по носу лбом;
  - удар локтем по подбородку с поворотом в сторону;
  - удар локтем в туловище;
  - удар кулаком в пах;
  - удар коленом в пах;
  - удар стопой, пяткой по голени, колену;
  - удар пяткой сверху по ступне;
- в) при нападении сзади:
- удар в нос затылком;
  - удар локтем назад по подбородку с поворотом;

- удар локтем назад в туловище;
- удар кулаком назад в пах;
- удары стопой, пяткой по голени, колену;
- удар пяткой сверху по ступне.

После изучения этих приёмов осваиваются приёмы защиты от нападений.

Как показала практика, курсанты быстро осваивают ударную технику и могут эффективно использовать её при самозащите. Уже через 4–5 месяцев занятий по два раза в неделю они уверенно проводят боевые спарринги против нескольких нападающих, а некоторые успешно выступают в соревнованиях по единоборствам.

В заключение необходимо отметить, что знание приёмов рукопашного боя и умение их применять, а также овладение приёмами самообороны без оружия имеют важное значение при самозащите в противостоянии с преступниками. Исходя из этого, следует подчеркнуть, что:

- содержательный компонент «Рукопашного боя» состоит из разнообразных приёмов и способствует развитию и совершенствованию физических навыков, формированию прикладных навыков, т. е. воспитывает гармонически развитую личность, способную эффективно выполнять оперативно-служебные задачи в процессе служебной деятельности;
- в содержание Федеральной программы по физической культуре необходимо включить обязательный раздел по изучению приёмов нападения и самозащиты;
- при физкультурно-спортивных обществ для широких слоёв населения организовывать курсы по изучению приёмов для самозащиты.

Список литературы

1. *Хыбыртов Р. Б., Торопов В. А., Дутчак П. Р.* Дидактические основы и методика обучения приёмам рукопашного боя в средствах индивидуальной бронезащиты сотрудников МВД России // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. – 2021. – № 2. – С. 125–129.
2. *Торопов В. А., Хыбыртов Р. Б., Дудчик В. И.* Значение рукопашного боя в структуре оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел / Состояние здоровья: медицинские, психолого-педагогические и социальные аспекты : материалы IX Международной научно-практической интернет-конференции, Чита, 23–29 апреля 2018 года / отв. ред. А. Э. Мелоян. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2018. – С. 492–498.
3. *Куликов М. Л., Хыбыртов Р. Б.* Инновации в обучении сотрудников полиции боевым приёмам борьбы / Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября 2020 года / сост.: В. В. Горбатов, С. А. Горелов, О. В. Григорьева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 209–212.
4. *Торопов В. А., Науменко С. В., Хыбыртов Р. Б., Новоторов Е. Е.* Правовые основы применения сотрудниками полиции приёмов рукопашного боя // Актуальные проблемы защиты и безопасности : Труды XXII Всероссийской научно-практической конференции РАРАН, Санкт-Петербург, 1–4 апреля 2019 года. – Санкт-Петербург: Российская академия ракетных и артиллерийских наук, 2019. – С. 178–182.
5. *Торопов В. А., Хыбыртов Р. Б., Новоторов Е. Е.* Обоснование эффективности приёмов рукопашного боя, часто применяемых при выполнении оперативно-служебных задач сотрудников ОВД // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – 2018. – № 3 (10). – С. 105–114.
6. *Степанов Г. И.* Роль и значение тактической подготовленности сотрудников подразделений органов внутренних дел, в применении боевых приёмов борьбы в различных ситуациях опера-

тивно-служебной деятельности // Актуальные вопросы совершенствования тактико-специальной, огневой и профессионально-прикладной физической подготовки в современном контексте практического обучения сотрудников органов внутренних дел : материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 30 ноября 2020 года / Составители : В. В. Горбатов, С. А. Горелов, О. В. Григорьева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2020. – С. 351–354

7. Алдошин А. В., Алдошина Е. А., Гуняев Е. В. Анализ применения боевых приёмов борьбы сотрудниками полиции в оперативно-служебной деятельности // Автономия личности. – 2021. – № 1 (24) [Электронный ресурс] / Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-primeneniya-boevykh-priemov-borby-sotrudnikami-politsii-v-operativno-sluzhebnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 03.02.2023).

8. Подрезов И. Н., Коломиец С. Р. К вопросу об оценке эффективности боевых приёмов борьбы в практической деятельности полицейских // Наука-2020. – 2021. № – 5 (50) [Электронный ресурс] / Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otsenke-effektivnosti-boevykh-priemov-borby-v-prakticheskoy-deyatelnosti-politseyskikh> (дата обращения: 03.02.2023).

9. Торопов В. А., Хыбыртов Р. Б. Педагогические технологии в содержании учебной дисциплины «Физическая подготовка» в образовательных организациях МВД России / Вопросы совершенствования физической, тактико-специальной и огневой подготовки сотрудников полиции к оперативно-служебной деятельности : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 23 июня 2022 года. Вып. 5. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 191–198.

10. Торопов В. А., Трипутин С. Н., Куликов М. Л., Хыбыртов Р. Б. О повышении качества организации и проведения учебных занятий по физической подготовке в образовательных организациях МВД России / Совершенствование педагогических технологий в формировании профессиональных компетенций сотрудников полиции средствами физической культуры и спорта : электронный сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И. Д. Путилина, 2020.

11. Кошевец Г. В. Проблемы методики обучения боевым приёмам борьбы курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России // Физическая культура и спорт в структуре профессионального образования: ретроспектива, реальность и будущее : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 30 апреля 2020 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2020. – С. 243–246.

12. Куликов М. Л., Марченко Е. М., Хыбыртов Р. Б. Особенности подготовки специалистов по физической культуре и спорту для органов внутренних дел // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 4 (70) . – С. 60–63.

13. Муслимов Р. А. Обучение сотрудников полиции боевым приёмам борьбы на основе бросков самбо / Стратегия формирования здорового образа жизни населения средствами физической культуры и спорта: целевые ориентиры, технологии и инновации : материалы Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти д-ра пед. наук, профессора В. Н. Зуева, Тюмень, 25–26 ноября 2021 года. – Тюмень: Вектор Бук, 2021. – С. 202–204.

14. Ашкинази С. М. Вклад Санкт-Петербургской научной школы в развитие теории, методики и практики рукопашного боя, прикладных единоборств и боевых искусств / Научно-педагогические школы в сфере спорта и физического воспитания : материалы I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 27 мая 2016 года. – Москва: Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодёжи и туризма (ГЦОЛИФК), 2016. – С. 74–84.

15. Баркалов С. Н. Некоторые особенности моделирования ситуаций ограничения свободы передвижения ассистента в ходе занятий по физической подготовке с сотрудниками полиции России // Наука-2020. – 2020. – № 5 (41) [Электронный ресурс] / Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-modelirovaniya-situatsiy-ogranicheniya-svobody-peredvizheniya-assistenta-v-hode-zanyatiy-po-fizicheskoy> (дата обращения: 03.02.2023).

References

1. Khybyrtov R. B., Toropov V. A., Dutchak P. R. Didakticheskiye osnovy i metodika obucheniya priyomam rukopashnogo boya v sredstvakh individual'noy bronezashchity sotrudnikov MVD Rossii // Aktual'nyye problemy fizicheskoy i spetsial'noy podgotovki silovykh struktur. – 2021. – № 2. – С. 125–129.

2. Toropov V. A., Khybyrtov R. B., Dudchik V. I. Znachenije rukopashnogo boya v strukture operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del / Sostoyaniye zdorov'ya: meditsinskiye, psikhologo-pedagogicheskiye i sotsial'nyye aspekty : materialy IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii, Chita, 23–29 aprelya 2018 goda / otv. red. A. E. Meloyan. – Chita: Zabaykal'skiy gosudarstvennyy universitet, 2018. – S. 492–498.

3. Kulikov M. L., Khybyrtov R. B. Innovatsii v obuchenii sotrudnikov politsii boevym priyomam bor'by / Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya taktiko-spetsial'noy, ognevoy i professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki v sovremennom kontekste prakticheskogo obucheniya sotrudnikov organov vnutrennikh del : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg,

30 noyabrya 2020 goda / sost.: V. V. Gorbatov, S. A. Gorelov, O. V. Grigor'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 209–212.

4. *Toropov V. A., Naumenko S. V., Khybyrtov R. B., Novotorov Ye. Ye.* Pravovyye osnovy primeneniya sotrudnikami politzii priyomov rukopashnogo boya // Aktual'nyye problemy zashchity i bezopasnosti : Trudy XXII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii RARAN, Sankt-Peterburg, 1–4 aprelya 2019 goda. – Sankt-Peterburg: Rossiyskaya akademiya raketnykh i artilleriyskikh nauk, 2019. – S. 178–182.

5. *Toropov V. A., Khybyrtov R. B., Novotorov Ye. Ye.* Obosnovaniye effektivnosti priyomov rukopashnogo boya, chasto primenyayemykh pri vypolnenii operativno-sluzhebnykh zadach sotrudnikov OVD // Zdorov'ye cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta. – 2018. – № 3 (10). – S. 105–114.

6. *Stepanov G. I.* Rol' i znachenije takticheskoy podgotovlennosti sotrudnikov podrazdeleniy organov vnutrennikh del, v primeneni priyomov bor'by v razlichnykh situatsiyakh operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti // Aktual'nyye voprosy sovershenstvovaniya taktiko-spetsial'noy, ognevoy i professional'no-prikladnoy fizicheskoy podgotovki v sovremennom kontekste prakticheskogo obucheniya sotrudnikov organov vnutrennikh del : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 30 noyabrya 2020 goda / Sostaviteli : V. V. Gorbatov, S. A. Gorelov, O. V. Grigor'yeva. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet MVD Rossii, 2020. – S. 351–354

7. *Aldoshin A. V., Aldoshina Ye. A., Gunyayev Ye. V.* Analiz primeneniya boevykh priyomov bor'by sotrudnikami politzii v operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti // Avtonomiya lichnosti. – 2021. – № 1 (24) [Elektronnyy resurs] / Cyberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-primeneniya-boevykh-priyomov-borby-sotrudnikami-politzii-v-operativno-sluzhebnoy-deyatelnosti> (data obrashcheniya: 03.02.2023).

8. *Podrezov I. N., Kolomiyets S. R.* K voprosu ob otsenke effektivnosti boevykh priyomov bor'by v prakticheskoy deyatel'nosti politseyskikh // Nauka-2020. – 2021. № – 5 (50) [Elektronnyy resurs] / Cyberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otsenke-effektivnosti-boevykh-priyomov-borby-v-prakticheskoy-deyatelnosti-politseyskikh> (data obrashcheniya: 03.02.2023).

9. *Toropov V. A., Khybyrtov R. B.* Pedagogicheskiye tekhnologii v sodержanii uchebnoy distsipliny «Fizicheskaya podgotovka» v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii / Voprosy sovershenstvovaniya fizicheskoy, taktiko-spetsial'noy i ognevoy podgotovki sotrudnikov politzii k operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Volgograd, 23 iyunya 2022 goda. Vyp. 5. – Volgograd: Volgogradskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2022. – S. 191–198.

10. *Toropov V. A., Triputin S. N., Kulikov M. L., Khybyrtov R. B.* O povyshenii kachestva organizatsii i provedeniya uchebnykh zanyatiy po fizicheskoy podgotovke v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii / Sovershenstvovaniye pedagogicheskikh tekhnologiy v formirovani professional'nykh kompetentsiy sotrudnikov politzii sredstvami fizicheskoy kul'tury i sporta : elektronnyy sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, – Belgorod: Bel YuI MVD Rossii imeni I. D. Putilina, 2020.

11. *Koshevets G. V.* Problemy metodiki obucheniya boevym priyomam bor'by kursantov i slushateley obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii // Fizicheskaya kul'tura i sport v strukture professional'nogo obrazovaniya: retrospektiva, real'nost' i budushcheye : materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 30 aprelya 2020 goda. – Irkutsk: Vostochno-Sibirskiy institut MVD Rossii, 2020. – S. 243–246.

12. *Kulikov M. L., Marchenko Ye. M., Khybyrtov R. B.* Osobennosti podgotovki spetsialistov po fizicheskoy kul'ture i sportu dlya organov vnutrennikh del // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2022. – № 4 (70) . – S. 60–63.

13. *Muslimov R. A.* Obucheniye sotrudnikov politzii boevym priyomam bor'by na osnove broskov sambo / Strategiya formirovaniya zdorovogo obraza zhizni naseleniya sredstvami fizicheskoy kul'tury i sporta: tselevyye orientiry, tekhnologii i innovatsii : materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchonnoy pamyati d-ra ped. nauk, professora V. N. Zuyeva, Tyumen', 25–26 noyabrya 2021 goda. – Tyumen': Vektor Buk, 2021. – S. 202–204.

14. *Ashkinazi S. M.* Vklad Sankt-Peterburgskoy nauchnoy shkoly v razvitiye teorii, metodiki i praktiki rukopashnogo boya, prikladnykh yedinoborstv i boevykh iskusstv / Nauchno-pedagogicheskiye shkoly v sfere sporta i fizicheskogo vospitaniya : materialy I Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, Moskva, 27 maya 2016 goda. – Moskva: Rossiyskiy gosudarstvennyy universitet fizicheskoy kul'tury, sporta, molodozhi i turizma (GTSOLIFK), 2016. – S. 74–84.

15. *Barkalov S. N.* Nekotoryye osobennosti modelirovaniya situatsiy ogranicheniya svobody peredvizheniya assistenta v khode zanyatiy po fizicheskoy podgotovke s sotrudnikami politzii Rossii // Nauka-2020. – 2020. – № 5 (41) [Elektronnyy resurs] / Cyberleninka.ru: sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-modelirovaniya-situatsiy-ogranicheniya-svobody-peredvizheniya-assistenta-v-hode-zanyatiy-po-fizicheskoy> (data obrashcheniya: 03.02.2023).

Статья поступила в редакцию 27.06.2022; одобрена после рецензирования 20.09.2022; принята к публикации 15.03.2023.

The article was submitted June 27, 2022; approved after reviewing September 20, 2022; accepted for publication March 15, 2023.

Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Научная статья
УДК 159.9.072.432
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-180-189

Евгений Владимирович Распопин
кандидат психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0002-9404-2054>, ev73@mail.ru

*Уральский юридический институт МВД России
Российская Федерация, 620057, Екатеринбург, ул. Корепина, д. 66*

Яна Александровна Черепанова
<https://orcid.org/0000-0001-6422-1054>, korotaeva.yan@yandex.ru

*Межмуниципальный отдел МВД России «Асбестовский»
Российская Федерация, 624260, Асбест, ул. Королева, д. 22*

Методика изучения социально-психологического климата в коллективах обучающихся образовательных организаций МВД России

Аннотация: Целью исследования является разработка методики изучения социально-психологического климата в коллективах обучающихся образовательных организаций МВД России.

Теоретическими основаниями методики выступили представления о том, что основными структурными элементами, из которых складывается социально-психологический климат в коллективах обучающихся, являются особенности организации учебно-профессиональной деятельности, бытовых, материальных и санитарно-гигиенических условий в учебном заведении; характер взаимоотношений между обучающимися и преподавателями, офицерами, друг с другом; эмоциональное и физическое самочувствие обучающихся; особенности организации внеучебной (научной, спортивной и творческой) деятельности; возможности для удовлетворения экзистенциальных потребностей (в самоактуализации, саморазвитии и т. д.).

Эти факторы были положены в основу шкал разрабатываемой методики. Также методика содержит общую шкалу, которая отражает интегральный уровень социально-психологического климата в коллективе.

Пункты методики представлены утверждениями и вопросами, на которые обследуемым предлагается ответить в дихотомической форме. Также предусмотрены открытые вопросы для полу-

чения дополнительной информации. Обработка полученных результатов сводится к подсчёту процентных долей опрошенных, удовлетворённых различными сторонами социально-психологического климата, представленных отдельными шкалами методики. На основании этих данных делается вывод об уровне социально-психологического климата в коллективе. Климат может быть удовлетворительным, неустойчивым либо неудовлетворительным.

Методика характеризуется удовлетворительными значениями дискриминативности пунктов, надёжности по внутренней согласованности, валидности конструктивной и критериальной. Стандартизирована процедура сбора и обработки полученных результатов.

Ключевые слова: социально-психологический климат, обучающиеся, психодиагностическая методика, надёжность, валидность

Для цитирования: Распопин Е. В., Черепанова Я. А. Методика изучения социально-психологического климата в коллективах обучающихся образовательных организаций МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 180–189; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-180-189.

Evgeniy V. Raspopin

Cand. Sci (Psy.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-9404-2054>, ev73@mail.ru

Ural Law Institute of the MIA of Russia

66, Korepina str., Yekaterinburg, 620057, Russian Federation

Yana A. Cherepanova

<https://orcid.org/0000-0001-6422-1054>, korotaeva.yan@yandex.ru

*Intermunicipal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Asbestovsky»
22, Koroleva str., Asbest, 624260, Russian Federation*

Methodology for studying the socio-psychological climate in teams of students of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract: The aim of the research is to develop a methodology for studying the socio-psychological climate in teams of students of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Theoretical grounds for the methodology were the ideas that the main structural elements that make up the socio-psychological climate in teams of students are: features of the organisation of educational and professional activities; features of the daily living, material and sanitary conditions in an educational organisation; nature of the relationship between students and teachers, students and officers, students' relationships with each other; emotional and physical well-being of students; features of the organisation of extracurricular (scientific, sports and creative) activities; opportunities for meeting existential needs (in self-actualisation, self-development, etc.).

These factors form the basis of the scales of the methodology being developed. The methodology also contains an overall scale that reflects the integral level of socio-psychological climate in a team.

The points in the methodology are represented with statements and questions, asking respondents to answer them in a dichotomous way. Open-ended questions are also included to collect additional information. The processing of the results is limited to calculating the percentages of interviewees satisfied with the various aspects of the socio-psychological climate represented in separate scales of the methodology. On the basis of these data, a conclusion about the level of socio-psychological climate in the team is made. The climate can be satisfactory, unstable or unsatisfactory.

The methodology is characterised by satisfactory values of discriminativeness, internal consistency reliability, construct validity and criterion validity. The procedure for collecting and processing the results is standardised.

Keywords: socio-psychological climate, students, psychodiagnostic methodology, reliability, validity.

For citation: Raspopin E. V., Cherepanova Y. A. Methodology for studying the socio-psychological climate in teams of students of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 180–189; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-180-189.

Введение

Эффективность профессиональной деятельности служебных коллективов правоохранительных органов обусловлена многими факторами. Она тесно взаимосвязана с уровнем мотивации и сплочённости сотрудников, их удовлетворённостью взаимоотношениями в коллективе, системой оценки и вознаграждения труда, системой групповых норм и правил поведения в коллективе, стилем руководства и т. д. Все эти компоненты складываются в уникальную систему, которая может быть обозначена как социально-психологический климат.

В целом социально-психологический климат можно определить как показатель психологического здоровья, функционального состояния и работоспособности коллектива. Климат оказывает выраженное влияние на эффективность деятельности трудового коллектива, стимулирует формирование организационной культуры, положительно влияет на вовлечённость сотрудников в выполнение своих профессиональных обязанностей [1; 2]. При этом социально-психологический климат играет важную роль в деятельности не только рабочих коллективов, но и учебных групп [3; 4], спортивных команд [5], творческих коллективов [6] и т. д. В подразделениях правоохранительных органов социально-психологический климат имеет свою специфику, обусловленную военизированным, уставным характером системы, предполагающим высокую степень регламентации поведения и дисциплины [7, 8], управленческой компетентностью руководителей [9; 10], конфликтологической грамотностью сотрудников и руководителей [11; 12] и т. д.

При благоприятном климате на первый план выступают чувство групповой сплочённости, позитивное отношение руководства к сотрудникам, прозрачность системы вознаграждений, доброжелательность и взаимовыручка, а при неблагоприятном климате – обратные тенденции [13]. Поэтому социально-психологический климат может оказывать как положительное, так и негативное влияние на психическое состояние членов коллектива, их мотивацию и эффективность деятельности. Это касается не только служебных коллективов, но и коллективов обучающихся образовательных организаций МВД России [14], поэтому мониторинг климата с целью организации своевременных коррекционно-развивающих мероприятий является важной задачей психологического сопровождения учебного коллектива [15, с. 20]. В свою очередь, для этого нужны надёжные и валидные психодиагностические инструменты, арсенал которых нуждается в периодическом расширении и дополнении. Эта необходимость обусловлена в первую очередь тем, что многие известные и применяемые психологами органов внутренних дел методики утратили эффект новизны¹.

В связи с этим, целью работы выступила разработка методики изучения социально-психологического климата в коллективах обучающихся образовательных организаций МВД России.

1. Общие характеристики методики

Целью методики является оценка социально-психологического климата (СПК) в коллективах обучающихся образовательных организаций МВД России. Методика может применяться для оценки текущего состояния СПК и его динамики.

Теоретическими основаниями методики выступили представления о том, что основными структурными элементами, из которых складывается социально-психологический климат в коллективах обучающихся, являются:

- 1) особенности организации учебно-профессиональной деятельности;
- 2) особенности организации бытовых, материальных и санитарно-гигиенических условий обучения и проживания;
- 3) характер взаимоотношений между обучающимися и преподавателями;
- 4) характер взаимоотношений между обучающимися и офицерами;
- 5) характер взаимоотношений обучающихся друг с другом;
- 6) эмоциональное и физическое самочувствие обучающихся;
- 7) особенности организации внеучебной (научной, спортивной и творческой) деятельности;
- 8) возможность удовлетворения экзистенциальных потребностей (в самоактуализации, саморазвитии и т. д.).

Эти факторы были положены в основу шкал разрабатываемой методики. Также методика содержит общую шкалу, которая отражает интегральный уровень социально-психологического климата в коллективах обучающихся.

Методика разработана в форме стандартизированной анкеты. Понятие «стандартизированная анкета» подразумевает, что анкета разрабатывалась в соответствии с требованиями, предъявляемыми к разработке психологических тестов, и удовлетворяет требованиям надёжности, валидности и стандартизации [16, с. 79].

2. Процедура разработки и психометрические характеристики методики

Отбор пунктов осуществляется на основе классического подхода к разработке психодиагностических методик – путём оценки корреляций каждого пункта с итоговым баллом по шкале [17]. Были отобраны пункты, показавшие корреляцию не ниже 0,3. Отбор пунктов и составление шкал проводились на выборке, состоящей из 102 испытуемых – курсантов вуза МВД России.

Надёжность методики изучалась по методу внутренней согласованности [18]. Также были изучены дискриминативность пунктов и внутренняя согласованность между шкалами методики. Коэффициенты надёжности, дискриминативности пунктов и внутренней согласованности между шкалами приведены в таблицах 1, 2 и 3 соответственно.

¹ Злоказов К. В., Юренкова В. А., Рожков А. А. Трудности в измерении и оценке социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 191–197. doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-191-197.

Таблица 1

Коэффициенты надёжности шкал по внутренней согласованности

Шкала	1	2	3	4	5	6	7	8	0
Rxx	0,72	0,78	0,62	0,79	0,72	0,80	0,60	0,82	0,90

Примечание к таблице 1

Шкалы методики изучения СПК: 1) организация учебно-профессиональной деятельности; 2) бытовые, материальные и санитарно-гигиенические условия; 3) взаимоотношения между преподавателями и обучающимися; 4) взаимоотношения между офицерами и обучающимися; 5) взаимоотношения обучающихся друг с другом; 6) физическое и эмоциональное самочувствие обучающихся; 7) организация внеучебной деятельности; 8) возможности удовлетворения экзистенциальных потребностей; 0) общая шкала (данное примечание относится и к последующим таблицам).

Таблица 2

Коэффициенты дискриминативности пунктов методики

№ пункта	Шкалы методики изучения СПК							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	0,40	0,55	0,62	0,68	0,51	0,49	0,73	0,82
2	0,68	0,34	0,68	0,69	0,79	0,68	0,80	0,65
3	0,65	0,59	0,72	0,59	0,68	0,78	0,64	0,70
4	0,36	0,71	0,69	0,69	0,79	0,81		0,80
5	0,50	0,49		0,77	0,48	0,63		0,81
6	0,39	0,55		0,79	0,57	0,73		
7	0,42	0,64				0,64		
8	0,55	0,49						
9	0,65	0,63						
10	0,45	0,52						
11	0,54	0,58						

Таблица 3

Коэффициенты внутренней согласованности между шкалами методики

Шкала	1	2	3	4	5	6	7	8
2	0,46							
3	0,36	0,23						
4	0,32	0,32	0,28					
5	0,34	0,25	0,33	0,22				
6	0,39	0,44	0,21	0,43	0,20			
7	0,28	0,33	0,20	0,28	0,24	0,07		
8	0,39	0,51	0,13	0,58	0,17	0,48	0,34	
0	0,72	0,77	0,45	0,67	0,48	0,69	0,45	0,74

Как видно из таблиц, внутренняя структура методики характеризуется высокими значениями надёжности шкал, дискриминативности пунктов и согласованности между шкалами методики и соответствует современным требованиям, предъявляемым к психодиагностическим методикам.

Валидность методики изучалась двумя способами:

1) путём сопоставления результатов методики с данными других тестов, предназначенных для изучения СПК;

2) путём сравнения результатов методики между разными группами.

Для сопоставления с другими тестами были использованы:

1. Методика оценки психологической атмосферы А. Ф. Фидлера (ПА).

2. Методика определения индекса групповой сплочённости Сисшора (ИГС). Методика многомерная, состоит из следующих шкал: 1) принадлежность к группе; 2) желание перейти в другую группу; 3) взаимоотношения между членами группы; 4) взаимоотношения с командирами; 5) отношение к учёбе в группе; 0) общий уровень групповой сплочённости.

Связи между методиками изучались на выборке, состоящей из 101 испытуемого. Результаты сопоставления между шкалами разрабатываемой методики и методиками валидации представлены в таблицах 4 и 5.

Таблица 4

Корреляции между методикой оценки психологической атмосферы (ПА) и шкалами методики изучения СПК

	Шкалы методики изучения СПК								
	1	2	3	4	5	6	7	8	0
ПА	0,35	0,39	0,43	0,37	0,54	0,43	0,18	0,32	0,57

Таблица 5

Корреляции между методикой определения индекса групповой сплоченности (ИГС) и шкалами методики изучения СПК

Шкалы ИГС	Шкалы методики изучения СПК								
	1	2	3	4	5	6	7	8	0
1	0,39	0,32	0,32	0,20	0,63	0,33	0,23	0,23	0,50
2	-0,10	-0,29	-0,22	-0,03	-0,35	-0,27	-0,09	-0,21	-0,30
3	0,00	0,03	0,02	-0,05	0,52	0,12	0,17	0,05	0,13
4	0,26	0,17	0,22	0,37	0,18	0,22	0,13	0,31	0,36
5	0,15	0,08	0,08	0,19	0,37	0,30	0,19	0,24	0,29
0	0,29	0,32	0,29	0,21	0,66	0,41	0,25	0,33	0,51

Как видно из таблицы 4, чем выше уровень психологической атмосферы в группе, тем в большей степени испытуемые удовлетворены показателями СПК по шкалам разрабатываемой методики.

Как видно из таблицы 5, чем выше обучающиеся оценивают уровень СПК в своем коллективе, тем в большей степени они удовлетворены своей принадлежностью к группе, отношениями с командирами, общим уровнем групповой сплоченности и тем меньше они испытывают желание перейти в другую группу. Соответственно, чем выше индекс групповой сплоченности, тем в большей степени обучающиеся удовлетворены бытовыми условиями в институте, характером взаимоотношений друг с другом, своим физическим и эмоциональным самочувствием, возможностью удовлетворения экзистенциальных потребностей и общим уровнем СПК в коллективе.

Сравнительный анализ проводился между группами обучающихся, находящимися на карантине в связи с профилактикой распространения COVID-19 и посещающими учебное учреждение в обычном режиме, вне карантинных мероприятий. На карантине обучающиеся мало общаются друг с другом лично, меньше непосредственно контактируют с офицерами и преподавателями, вынуждены подолгу находиться в условиях изоляции. В то же время, у них появляется больше свободного времени и возможностей для самостоятельной организации своего времени и т. д. Поэтому логично было предположить, что группы обучающихся на карантине и вне карантина будут по-разному оценивать состояние климата в своём коллективе. Объём выборки обучающихся на карантине составил 102 человека, вне карантина – 101 человек. Сравнительный анализ по отдельным пунктам проводился с помощью ϕ^* -критерия Фишера, по шкалам – с помощью U-критерия Манна-Уитни. Были получены следующие результаты.

По параметру организации учебно-профессиональной деятельности обучающиеся, на-

ходящиеся на карантине, были в меньшей степени удовлетворены ориентацией получаемых знаний на практическую деятельность ($p \leq 0,05$) и творческим подходом преподавателей к проведению занятий, их умением заинтересовать своим предметом ($p \leq 0,01$). Очевидно, это связано с тем, что проведение занятий через интернет не способно заменить живого общения с преподавателем.

По параметру «Организация бытовых условий» обучающиеся, находящиеся на карантине, были в меньшей степени удовлетворены организацией питания ($p \leq 0,01$), что, очевидно, связано с тем, что они не имели возможности регулярно посещать столовую института. В то же время они были в большей степени удовлетворены условиями проживания ($p \leq 0,01$), что, скорее всего, связано с тем, что многие из них проживали не в общежитиях, а в своих квартирах.

По параметру взаимоотношений с преподавателями обучающиеся, находящиеся на карантине, были в меньшей степени удовлетворены возможностью сотрудничества и выстраивания партнёрских отношений с преподавателями ($p \leq 0,01$), что обусловлено отсутствием личного, прямого взаимодействия с ними. Это ещё раз показывает, насколько важен очный формат обучения и личного общения с преподавательским составом.

По параметру взаимоотношений с офицерами обучающиеся, находящиеся на карантине, отмечали, что офицеры стали менее внимательными и отзывчивыми ($p \leq 0,05$) и чаще стали проявлять властность и предвзятость ($p \leq 0,01$), избыточный контроль ($p \leq 0,01$), нелогичность и противоречивость требований ($p \leq 0,01$). Вероятно, это связано с тем, что офицеры таким образом стремились сохранить контроль над дисциплиной и поведением обучающихся, многие из которых проживали за территорией института.

По параметру взаимоотношений друг с другом обучающиеся, находящиеся на карантине, чаще отмечали, что в их коллективе выросли взаимопомощь и взаимовыручка ($p \leq 0,05$).

Что касается эмоционального самочувствия, то обучающиеся, находящиеся на карантине, чаще отмечали, что испытывают такие негативные эмоции, как грусть и печаль ($p \leq 0,01$), тревогу и напряжение ($p \leq 0,01$).

Наконец, по шкале удовлетворения экзистенциальных потребностей обучающиеся, находящиеся на карантине, имели меньше возможностей для общения с людьми, имеющими схожие взгляды на жизнь ($p \leq 0,01$), и в то же время могли быть более самостоятельными и распоряжаться своим временем ($p \leq 0,01$). Очевидно, это также обусловлено переводом на «домашнее» обучение, когда обучающиеся, с одной стороны, вынуждены были находиться на самоизоляции и, с другой стороны, имели больше возможностей для самостоятельного планирования своего времени.

Таким образом, методика логично сочетается с показателями других тестов, измеряющих сходные характеристики, и дифференцирует группы

испытуемых по уровню выраженности измеряемых признаков, что позволяет сделать вывод об удовлетворительной валидности методики.

Для нормирования результатов анкеты была использована квартильная процедура стандартизации, в соответствии с которой три квартильные отметки (Q1, Q2, Q3) разбивают эмпирическое распределение тестовых оценок на 4 части (кварти) таким образом, что 25 % испытуемых располагаются ниже Q1, 50 % – ниже Q2 и 75 % – ниже Q3. 75-процентный порог положительных ответов был принят за границу, отделяющую удовлетворительную оценку оцениваемого параметра (шкалы) от неудовлетворительной. Иными словами, если испытуемый дал 75 и более процентов положительных ответов по шкале, то он удовлетворён состоянием СПК; если менее 75 процентов, то не удовлетворён. Количество положительных ответов по шкалам анкеты, соответствующее 75-процентному порогу, представлено в таблице 6.

Таблица 6

Корреляции между методикой оценки психологической атмосферы (ПА) и шкалами методики изучения СПК

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Положительные ответы	8 и более	8 и более	3 и более	5 и более	5 и более	5 и более	2 и более	4 и более	40 и более

Групповая оценка удовлетворённости состоянием СПК сводится к подсчёту процентной доли испытуемых, удовлетворённых состоянием СПК, следующим образом:

1) если количество испытуемых, удовлетворённых состоянием СПК по шкалам методики, не достигает значения Q2 (т. е. ниже 50 %), то климат оценивается как неудовлетворительный;

2) если количество испытуемых, удовлетворённых состоянием СПК по шкалам методики, составляет от 50 до 74 %, то климат оценивается как неустойчивый;

3) если количество испытуемых, удовлетворённых состоянием СПК по шкалам методики, превышает значение Q3 (т. е. составляет 75 % и более), то климат оценивается как удовлетворительный.

3. Руководство по проведению методики

Инструкции для обследуемых. Вашему вниманию предлагается ряд вопросов, касающихся различных сторон Вашей учебно-профессиональной деятельности. Внимательно прочитайте данные вопросы и, ориентируясь на собственное мнение, выразите свое согласие или несогласие с каждым из них. Для этого подчеркните (обведите) выбранный вариант ответа рядом с оцениваемой характеристикой.

На каждый пункт можно дать только один вариант ответа. Оставлять вопросы без ответа нельзя, должны быть даны ответы на все вопросы. Если Вы затрудняетесь выбрать однозначный ответ, то выбирайте тот вариант, к которому склоняетесь в большей степени. При работе

с методикой постарайтесь проявить максимальную внимательность и откровенность.

Текст методики

1. Удовлетворены ли Вы следующими сторонами организации учебно-профессиональной деятельности:

1.1. Содержание учебных занятий:

- а) объём получаемой информации: да – нет
- б) польза изучаемого материала: да – нет
- в) ориентация получаемых знаний на практическую деятельность: да – нет.

1.2. Организация проведения учебных занятий:

- а) материально-техническое оснащение учебных аудиторий: да – нет
- б) удобство учебных аудиторий: да – нет
- в) доступ к сети интернет: да – нет
- г) удобство работы с библиотечным фондом: да – нет.

1.3. Форма, стиль проведения учебных занятий:

- а) педагогическое мастерство преподавателей: да – нет
- б) творческий подход к проведению занятий, умение преподавателей заинтересовать своим предметом: да – нет
- в) знание преподавателями своего предмета (умение ответить на вопросы, привести примеры и т. д.): да – нет
- г) наличие у преподавателей опыта практической деятельности в преподаваемой дисциплине: да – нет.

Если Вы не удовлетворены какими-либо аспектами организации учебно-профессиональной деятельности, то укажите, чем именно.

2. Удовлетворены ли Вы следующими бытовыми, материальными и санитарно-гигиеническими условиями:

2.1. Организация питания в институте:

а) вкус и качество приготовления пищи: да – нет

б) объём порций: да – нет

в) разнообразие меню: да – нет.

2.2. Условия проживания в общежитиях:

а) удобство жилых помещений: да – нет

б) обустройство бытовых комнат: да – нет

в) душевые кабины: да – нет.

2.3 Обеспечение форменным обмундированием:

а) возможность выбрать нужный размер: да – нет

б) качество обмундирования (материал, удобство и т. п.): да – нет

в) учет половых особенностей: да – нет.

2.4. Медицинское обслуживание:

а) возможность получения своевременной помощи: да – нет

б) квалификация специалистов: да – нет.

Если Вы не удовлетворены какими-либо условиями, то укажите, чем именно.

3. На каких принципах преподаватели выстраивают отношения с курсантами:

а) вежливость и корректность: да – нет

б) сотrudничество, партнёрские отношения: да – нет

в) безразличие и равнодушие: да – нет

г) власть и предвзятость: да – нет

Свой вариант, если есть.

4. На каких принципах офицеры выстраивают отношения с курсантами:

а) вежливость и корректность: да – нет

б) внимательность и отзывчивость: да – нет

в) психологическое давление: да – нет

г) властность и предвзятость: да – нет

д) избыточный контроль: да – нет

е) нелогичность, противоречивость, изменчивость требований: да – нет

Свой вариант, если есть.

5. Какие отношения существуют между курсантами в учебной группе:

а) взаимопомощь и взаимовыручка: да – нет

б) сплочённость: да – нет

в) внимательность и отзывчивость: да – нет

г) взаимное доверие: да – нет

д) взаимная требовательность: да – нет

е) конфликтность, напряжённость в отношениях: да – нет

Свой вариант, если есть.

6.1 Оцените своё физическое самочувствие и настроение в последнее время:

а) физическое самочувствие: хорошее – не очень

б) настроение: хорошее – не очень.

6.2 Какие эмоции в последнее время вы испытываете наиболее часто:

а) грусть, печаль: да – нет

б) тревога, напряжение: да – нет

в) злость, гнев: да – нет

г) спокойствие: да – нет

д) воодушевление: да – нет

Свой вариант, если есть.

7. Удовлетворены ли Вы организацией внеучебной деятельности:

а) возможностью заниматься спортом: да – нет

б) возможностью заниматься в творческих коллективах: да – нет

в) возможностью заниматься научно-исследовательской работой: да – нет

Если Вы не удовлетворены организацией внеучебной деятельности, то укажите, чем именно.

8. Обучаясь в институте, имеете ли Вы возможности для удовлетворения следующих потребностей:

а) жить интересной, наполненной жизнью: да – нет

б) общаться с людьми с общими интересами и взглядами на жизнь: да – нет

в) заниматься саморазвитием: да – нет

г) быть самостоятельным, иметь свободу выбора: да – нет

д) планировать, распоряжаться своим временем: да – нет

Свой вариант, если есть.

Обработка и интерпретация полученных результатов

Обработка полученных результатов начинается с подсчёта баллов, набранных каждым обследуемым по отдельным шкалам анкеты. Для этого суммируются положительные ответы («да») на пункты шкалы. Исключение составляют пункты 3в, 3г, 4в, 4г, 4д, 4е, 5е, 6.2а, 6.2б, 6.2в: ответы на них нужно преобразовать в обратные. То есть за ответ «нет» начисляется 1 балл, за ответ «да» начисляется 0 баллов.

После этого подсчитывается результат по анкете в целом, который получается путём суммирования баллов по всем шкалам.

По итогам этой процедуры делается вывод о том, удовлетворён или нет каждый отдельный участник обследования состоянием СПК как по отдельным параметрам (шкалам) анкеты, так и по методике в целом. Как отмечалось выше, обследуемый удовлетворён оцениваемым параметром, если он набрал 75 и более процентов положительных ответов по шкале (для оценки удовлетворённости используется таблица 6). Если он набрал менее 75 %, то делается вывод о его неудовлетворённости оцениваемым параметром.

После этого подсчитывается процентная доля обследованных лиц, удовлетворённых и не удовлетворённых параметрами СПК, вначале по отдельным шкалам анкеты, а затем по общей шкале. Для этого подсчитывается процент обследованных, давших 75 % и более положительных ответов по каждой шкале и по анкете в целом, после чего даётся итоговая оценка состоянию СПО:

1) если число таких испытуемых составило 75 % и более, то делается вывод о том, что состояние СПК является удовлетворительным;

2) если число таких испытуемых составляет от 50 до 74 %, то делается вывод о том, что климат является неустойчивым;

3) если число таких испытуемых составило менее 50 %, то делается вывод о том, что климат является неудовлетворительным.

Завершают интерпретацию рекомендации по улучшению состояния СПК, сформулированные на основе полученных результатов.

Таким образом, процедура обработки полученных результатов состоит из двух этапов. На первом этапе определяется, удовлетворен ли каждый отдельный обучающийся состоянием СПК по шкалам анкеты. На втором, основном этапе подсчитывается процентная доля обучающихся, удовлетворённых состоянием СПК по шкалам анкеты, и на этой основе делаются выводы о состоянии СПК в учебном коллективе.

Результаты анкетирования предоставляются в описательном виде, в следующей последовательности:

1) вначале делается вывод о процентной доле обследованных лиц, удовлетворённых или не удовлетворённых по первому оцениваемому параметру (шкале) методики;

2) затем отмечается, какими конкретными пунктами этой шкалы удовлетворены или не удовлетворены обследуемые.

Например: «Отношением офицеров к курсантам удовлетворены 60 % опрошенных, не удовлетворены 40 %. Таким образом, оценка по этому параметру является неудовлетворительной. В качестве основных причин неудовлетворенности курсанты отмечают избыточный контроль (50 % ответов), нелогичность и противоречивость требований (60 % ответов)...

...Организацией внеучебной деятельности удовлетворены 75 % курсантов. При этом возможностью заниматься спортом удовлетворены 90 % опрошенных, творчеством – 60 %, научно-исследовательской деятельностью – 75 % опрошенных. Таким образом, общая оценка по этому параметру является удовлетворительной» и т. д.;

3) далее выводы делаются по последующим шкалам и пунктам методики;

4) на завершающем этапе делается итоговый вывод по общей шкале.

Например: «Общим уровнем состояния СПК удовлетворены 80 % курсантов. Таким образом, социально-психологический климат в коллективе является удовлетворительным» ...

То есть при описании результатов количественная оценка результатов СПК сочетается с качественной, что позволяет уточнять и подкреплять количественные выводы конкретными данными.

Также возможно изучение корреляций между отдельными показателями анкеты. Это возможно в тех случаях, когда данные внесены в таблицы для статистической обработки. Например, на этапе изучения валидности методики было установлено, что возможностью жить интересной, наполненной жизнью удовлетворены всего 39 % опрошенных. Корреляционный анализ показал, что низкая удовлетворённость этим параметром связана с избыточной властью и предвзятостью со стороны офицеров ($r = 0.3$ при $p \leq 0,01$), нелогичностью и противоречивостью их требований ($r = 0.3$ при $p \leq 0,01$) и увеличивается при положительном отношении офицеров к курсантам в целом ($r = 0.36$ при $p \leq 0,01$). То есть чем лучше офицеры относятся к курсантам, тем больше у курсантов возможностей для удовлетворения этой потребности. Такой анализ позволяет раскрывать внутренние связи между различными показателями методики.

Заключение

Таким образом, разработанная методика характеризуется удовлетворительными значениями дискриминативности пунктов, надёжности по внутренней согласованности, конструктивной и критериальной валидности. Стандартизирована процедура сбора и обработки полученных результатов. Методика может быть использована для изучения СПК в коллективах обучающихся образовательных организаций МВД России.

Список литературы

1. Барсукова А. В., Задворная В. В. Сущность социально-психологического климата в организации и основы его формирования // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 10 (38). – С. 310–321.
2. Гурьев М. Е. Анализ факторов, влияющих на формирование благоприятного социально-психологического климата внутриколлективных отношений // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. – 2015. – № 21. – С. 86–94.
3. Априщенко Л. И., Безверхая Л. Ф. Аспекты формирования социально-психологического климата студенческой группы // Инновационное развитие. – 2019. – № 2 (29). – С. 92–93.
4. Кукулите Т. Г. Проблема социально-психологического климата в студенческой группе вуза // Учёные записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2021. – № 1 (73). – С. 56–61.
5. Заптаров И. И., Можяев Э. Л. Снижение уровня нейротизма как фактор формирования благоприятного социально-психологического климата в хоккейной команде 13–14 лет // Образовательная среда сегодня: стратегии развития. – 2016. – № 1 (5). – С. 304–306.
6. Моринова Т. П. Любительский хореографический коллектив: проблемы социально-психологического климата // Труды Санкт-Петербургского института культуры. – 2020. – Т. 221. – С. 53–58.

7. Синицин С. В. Особенности социально-психологического климата в коллективах сотрудников органов внутренних дел // Молодой ученый. – 2019. – № 25 (263). – С. 85–87.
8. Щеголева Т. В. Особенности социально-психологического климата в подразделениях с высоким уровнем нарушений служебной дисциплины // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2017. – № 1 (68). – С. 45–50.
9. Зуева О. В., Зорин А. В. Стиль управления в органах внутренних дел как один из факторов формирования социально-психологического климата служебного коллектива // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2021. – Т. 13. – № 4. – С. 138–145. doi: 10.47370/2078-1024-2021-13-4-138-145.
10. Попов Д. Г. Морально-психологическое состояние сотрудников и социально-психологический климат служебного коллектива // Юридическая психология. – 2009. – № 4. – С. 26–29.
11. Запевалова О. В., Бабуринов В. В. Профилактика конфликтных ситуаций в служебном коллективе // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2018. – № 2 (73). – С. 30–34. doi: 10.24411/1999-6241-2018-12005.
12. Михайлова Т. В., Трубников О. В. Управленческая деятельность руководителя территориального органа МВД России в предупреждении и разрешении профессиональных конфликтов // Прикладная психология и педагогика. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 33–42. doi: 10.12737/article_5b1ef5392f6574.07715728.
13. Зародина В. В. Социально-психологический климат в организации и его влияние на эффективность профессиональной деятельности // Молодой ученый. – 2017. – № 2. – С. 696–698.
14. Виноградов М. В., Ульянина О. А. Социально-психологические проблемы профессионального образования сотрудников ОВД // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 8. – С. 326–334. doi: 10.24411/2073-0454-2020-10505.
15. Бубнов А. Л. Особенности социально-психологического климата в коллективах курсантов вуза системы МВД России // Вестник ВГУ. Серия: проблемы высшего образования. – 2020. – № 4. – С. 20–23.
16. Степанова Е. С., Распопин Е. В. Методика изучения социально-психологической обстановки в среде осуждённых // Правоохранительные органы: теория и практика. – 2017. – № 2. – С. 78–84.
17. Батуринов Н. А., Мельникова Н. Н. Технология разработки психодиагностических методик : монография. – Челябинск: ЮУрГУ, 2012. – 135 с.
18. Фер Майкл Р., Бакарарк Верн Р. Психометрика: Введение / пер. с англ. А. С. Науменко, А. Ю. Попова; под ред. Н. А. Батурина, Е. В. Эйдмана. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – 445 с.

References

1. Barsukova A. V., Zadornaya V. V. Sushchnost' sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v organizatsii i osnovy yego formirovaniya // Skif. Voprosy studencheskoy nauki. – 2019. – № 10 (38). – S. 310–321.
2. Gur'yev M. Ye. Analiz faktorov, vliyayushchikh na formirovaniye blagopriyatnogo sotsial'no-psikhologicheskogo klimata vnutrikollektivnykh otnosheniy // Novoye slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobatsiya rezul'tatov issledovaniy. – 2015. – № 21. – S. 86–94.
3. Aprishchenko L. I., Bezverkhaya L. F. Aspekty formirovaniya sotsial'no-psikhologicheskogo klimata studencheskoy gruppy // Innovatsionnoye razvitiye. – 2019. – № 2 (29). – S. 92–93.
4. Kukulite T. G. Problema sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v studencheskoy grupe vuza // Uchenyye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologiy upravleniya i ekonomiki. – 2021. – № 1 (73). – S. 56–61.
5. Zapparov I. I., Mozhayev E. L. Snizheniye urovnya neyrotizma kak faktor formirovaniya blagopriyatnogo sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v khokkeynoy komande 13–14 let // Obrazovatel'naya sreda segodnya: strategii razvitiya. – 2016. – № 1 (5). – S. 304–306.
6. Morinova T. P. Lyubitel'skiy khoreograficheskiy kollektiv: problemy sotsial'no-psikhologicheskogo klimata // Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta kul'tury. – 2020. – Т. 221. – S. 53–58.
7. Sinitsin S. V. Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v kolektivakh sotrudnikov organov vnutrennikh del // Molodoy uchenyy. – 2019. – № 25 (263). – S. 85–87.
8. Shchegoleva T. V. Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v podrazdeleniyakh s vysokim urovнем narusheniy sluzhebnoy distsipliny // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2017. – № 1 (68). – S. 45–50.
9. Zuyeva O. V., Zorin A. V. Stil' upravleniya v organakh vnutrennikh del kak odin iz faktorov formirovaniya sotsial'no-psikhologicheskogo klimata sluzhebnoy kolektiva // Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. – 2021. – Т. 13. – № 4. – S. 138–145. doi: 10.47370/2078-1024-2021-13-4-138-145.
10. Popov D. G. Moral'no-psikhologicheskoye sostoyaniye sotrudnikov i sotsial'no-psikhologicheskii klimat sluzhebnoy kolektiva // Yuridicheskaya psikhologiya. – 2009. – № 4. – S. 26–29.
11. Zapevalova O. V., Baburin V. V. Profilaktika konfliktnykh situatsiy v sluzhebnoy kolektive // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2018. – № 2 (73). – S. 30–34. doi: 10.24411/1999-6241-2018-12005.
12. Mikhaylova T. V., Trubnikov O. V. Upravlencheskaya deyatel'nost' rukovoditelya territorial'nogo organa MVD Rossii v preduprezhdenii i razreshenii professional'nykh konfliktov // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. – 2018. – Т. 3. – № 3. – S. 33–42. doi: 10.12737/article_5b1ef5392f6574.07715728.

13. *Zarodina V. V.* Sotsial'no-psikhologicheskiy klimat v organizatsii i yego vliyaniye na effektivnost' professional'noy deyatel'nosti // *Molodoy uchenyy*. – 2017. – № 2. – S. 696–698.

14. *Vinogradov M. V., Ulyanina O. A.* Sotsial'no-psikhologicheskiye problemy professional'nogo obrazovaniya sotrudnikov OVD // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. – 2020. – № 8. – S. 326–334. doi: 10.24411/2073-0454-2020-10505.

15. *Bubnov A. L.* Osobennosti sotsial'no-psikhologicheskogo klimata v kollektivakh kursantov vuza sistemy MVD Rossii // *Vestnik VGU. Seriya: problemy vysshego obrazovaniya*. – 2020. – № 4. – S. 20–23.

16. *Stepanova Ye. S., Raspopin Ye. V.* Metodika izucheniya sotsial'no-psikhologicheskoy obstanovki v srede osuzhdonnykh // *Pravookhranitel'nyye organy: teoriya i praktika*. – 2017. – № 2. – S. 78–84.

17. *Baturin N. A., Mel'nikova N. N.* Tekhnologiya razrabotki psikhodiagnosticheskikh metodik : monografiya. – Chelyabinsk: YuUrGU, 2012. – 135 s.

18. *Fer Maykl R., Bakarak Vern R.* Psikhometrika: Vvedeniye / per. s angl. A. S. Naumenko, A. Yu. Popova; pod red. N. A. Baturina, Ye. V. Eydmana. – Chelyabinsk: Izdatel'skiy tsentr YuUrGU, 2010. – 445 s.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 23.01.2023; принята к публикации 09.02.2023.

The article was submitted July 8, 2022; approved after reviewing January 23, 2023; accepted for publication February 9, 2023

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 656.7:/331.101.1:656.7.086
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-190-196

Александр Михайлович Собченко
кандидат психологических наук, доцент
sobchenko1963@mail.ru

*Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации
имени Главного маршала авиации А. А. Новикова
Российская Федерация, 196210, Санкт-Петербург, ул. Пилотов, д. 38*

Проверка валидности и психометрические показатели окончательной формы опросника «Прогноз-3» при тренажёрной подготовке

Аннотация: Введение. Проверка валидности и психометрические показатели окончательной формы опросника «Прогноз-3» при тренажёрной подготовке пилотов (исправленная его форма) используются при профотборе на лётные должности пилотов, которые продемонстрировали достаточную дискриминативность по ключевым и неключевым ответам в ходе внедрения исследования в практическую деятельность.

Цель исследования: разработать конкретный опросник и подтвердить основную гипотезу о том, что анализ системы значений позволяет создавать опросники, обладающие более высокими психометрическими показателями, чем традиционные.

Задача: проверка психометрических показателей и валидности разработанных на основе реконструкции семантического пространства измерительного конструкта, которые подтверждают предполагаемый нами результат: более высокие характеристики, чем у опросника, измеряющего тот же конструкт, но созданного без специального анализа значений.

Методы исследования и конструкторско-технологические решения: исследованы психометрические показатели опросника и валидности разработанных на основе реконструкции семантического пространства измерительного конструкта и подтверждены более высокие характеристики по сравнению с опросником, который измеряет тот же конструкт, однако не использует специальный анализ значений.

Результаты и выводы: разработкой конкретного опросника достигнута цель исследования и подтверждена основная гипотеза о том, что анализ системы значений позволяет создавать опросники, обладающие более высокими психометрическими показателями по сравнению с традиционными.

Ключевые слова: дискриминативность, нервно-психическая устойчивость, психометрическая проверка валидности, проверочные методики, корреляционные связи, анализ системы значений, тесты опросника «Прогноз-3»

Для цитирования: Собченко А. М. Проверка валидности и психометрические показатели окончательной формы опросника «Прогноз-3» при тренажёрной подготовке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 190–196; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-190-196.

Alexander M. Sobchenko
Cand. Sci. (Psy.), Professor
sobchenko1963@mail.ru

*Saint Petersburg State University of Civil Aviation named after Chief Marshal of Aviation A. A. Novikov
38, Pilotov str., Saint Petersburg, 196210, Russian Federation*

Validity check and psychometric indicators of the final form of the questionnaire «Prognoz-3» in simulator training

Abstract: Introduction. Validity checks and psychometric indicators of the final form of the questionnaire «Prognoz-3» for pilot simulator training (its corrected form) are used in professional selection for flight positions of pilots, which demonstrated sufficient discrimination on key and non-key answers when implementing the study in practical activities.

The purpose of the study: to develop a specific questionnaire and confirm the main hypothesis that the analysis of the value system allows to create questionnaires that have higher psychometric indicators than traditional ones.

The task: to check the psychometric indicators and validity of the measuring construct developed on the basis of the reconstruction of the semantic space, which confirm the expected result: higher characteristics than the questionnaire measuring the same construct, but created without special analysis of meanings.

Research methods and design and technological solutions: the psychometric indicators of the questionnaire and the validity of the measuring construct developed on the basis of the reconstruction of its semantic space were studied and higher characteristics were confirmed in comparison with the questionnaire measuring the same construct without using a special analysis of meanings.

The results and conclusions: the development of a specific questionnaire achieved the goal of the study and confirmed the main hypothesis that the analysis of the system of values allows creating questionnaires that have higher psychometric indicators compared to traditional ones.

Keywords: Discrimination, mental stability, psychometric validity verification, validation techniques, correlation links, value system analysis, questionnaire tests «Prognoz-3»

For citation: Sobchenko A. M. Validity check and psychometric indicators of the final form of the questionnaire «Prognoz-3» in simulator training // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 190–196; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-190-196.

Введение

Разработка первичной формы опросника «Прогноз-3» основывается на принципах формулировки заданий. Разработчики приняли за основу положение о том, что они являются моделью ситуаций, относящихся к категориям «напряжённая» либо «субъективная». По этому принципу построен один из блоков теста, которому мы присвоили условное наименование «блок категоризации».

Материалы, модели, эксперименты и методы

Проверка первичной формы «Прогноза-3» была проведена на 138 пилотах. После отборки были проанализированы оставшиеся 122 бланка.

Приведём результаты этого анализа в таблицах, где заодно покажем связи по коэффициенту линейной корреляции Пирсона заданий не только с общим итоговым баллом «своей» шкалы, но и с другой шкалой, а также с отдельными блоками, чтобы иметь возможность проиллюстрировать их диагностические особенности. В целях компактности мы будем приводить не формулировки заданий, а только их номера. 19 заданий с недостаточной дискриминативностью мы тоже не приводим.

В табл. 1 представлены результаты психометрической проверки «шкалы лжи».

Как видно из табл. 1, у всех заданий корреляция со своей шкалой намного больше, чем

с какой-либо другой шкалой или блоком. Общая надёжность по однородности (коэффициент α Кронбаха) шкалы лжи составил 0,815, что более чем приемлемо.

Аналогичным образом в табл. 2 представлены результаты по «старым» заданиям.

В этой таблице, как и в последующих, красным цветом обозначены строки, соответствующие тем заданиям, показатели которых неудовлетворительны. Так, среди «старых» заданий такое одно – № 46. Оно имеет достоверную корреляционную связь с другими заданиями своего блока, но близкую к нулю корреляцию с общим итоговым баллом шкалы нервно-психической устойчивости, в которую входит. Очевидно, так сказалось влияние других заданий, которое, разумеется, было разным в «Прогнозе-2» и «Прогнозе-3». Это задание было исключено из исправленной формы опросника.

Что касается остальных заданий, некоторые из них достоверно коррелируют со шкалой «лжи», но эти коэффициенты гораздо меньше, чем со своей шкалой».

Следующий блок заданий, который мы условно назвали «категориальным», представлен в табл. 3.

Здесь неприемлемых по однородности заданий больше. Например, задания № 7 и № 62 не связаны достоверно с итоговым баллом своей шкалы, а задания № 36 и № 69, помимо этого, не связаны достоверно даже с другими заданиями своего блока. Эти задания пришлось также

Таблица 1

Психометрические показатели заданий шкалы лжи первичной формы опросника «Прогноз-3»

№ задания	Коэффициенты корреляции со шкалами:				
	лжи	«старые» задания	«категориальный» блок	«семантический» блок	нервно-психической устойчивости
Z 21	0,69 *	-0,09	-0,18	-0,39 *	-0,36 *
Z 28	0,47 *	-0,25 *	-0,22 *	-0,24 *	-0,34 *
Z 30	0,68 *	-0,22 *	-0,23 *	-0,23 *	-0,33 *
Z 32	0,61 *	-0,01	0,00	-0,14	-0,09
Z 35	0,70 *	-0,08	-0,29 *	-0,19	-0,28 *
Z 37	0,66 *	-0,15	-0,36 *	-0,16	-0,31 *
Z 40	0,77 *	-0,13	-0,28 *	-0,26 *	-0,34 *
Z 43	0,68 *	-0,17	-0,12	-0,18	-0,23 *
Z 45	0,46 *	-0,02	-0,00	-0,02	-0,02

Примечание * – достоверные корреляционные связи

Таблица 2

Психометрические показатели блока «старых» заданий шкалы нервно-психической устойчивости в первичной форме опросника «Прогноз-3»

№ задания	Коэффициенты корреляции со шкалами:				
	лжи	«старые» задания	«категориальный» блок	«семантический» блок	нервно-психической устойчивости
Z 46	0,06	0,26 *	-0,04	-0,01	0,08
Z 48	0,08	0,09	-0,11	-0,06	-0,05
Z 52	-0,12	0,38 *	0,23 *	-0,04	0,22 *
Z 54	-0,15	0,34 *	0,26 *	0,32 *	0,44 *
Z 57	-0,21 *	0,49 *	0,21 *	-0,06	0,23 *
Z 59	0,20 *	0,17	-0,02	-0,09	-0,00
Z 61	-0,18	0,43 *	0,07	0,24 *	0,35 *
Z 63	-0,29 *	0,55 *	0,22 *	0,08	0,36 *
Z 66	0,04	0,30 *	-0,05	0,04	0,12
Z 68	-0,13	0,35 *	0,04	0,09	0,21 *

Примечание * – достоверные корреляционные связи

исключить из исправленной формы опросника. При их содержательном анализе выяснилось, что наиболее вероятная причина этого – «фоновое» воздействие других заданий, которое актуализирует не те контексты, которые имели

в виду мы, когда формулировали эти задания отдельно от остальных.

Наконец, в табл. 4 показаны корреляционные связи заданий того блока, который мы обозначили как «психосемантический».

**Психометрические показатели блока «категориальных» заданий
шкалы нервно-психической устойчивости в первичной форме опросника «Прогноз-3»**

№ задания	Коэффициенты корреляции со шкалами:				
	лжи	«старые» задания	«категориальный» блок	«семантический» блок	нервно-психической устойчивости
Z 5	0,28 *	0,19	0,41 *	0,19	0,32 *
Z 7	-0,21 *	-0,27 *	0,27 *	0,17	0,09
Z 8	0,02	0,16	0,32 *	0,23 *	0,31 *
Z 14	0,18	0,02	0,35 *	0,06	0,16
Z 16	0,29 *	0,15	0,45 *	0,33 *	0,41 *
Z 19	-0,05	0,30 *	0,38 *	0,27 *	0,40 *
Z 29	0,16	0,27 *	0,43 *	0,28 *	0,41 *
Z 36	0,20	-0,12	0,02	0,01	-0,03
Z 38	0,11	0,06	0,51 *	0,24 *	0,34 *
Z 62	-0,04	0,12	0,28 *	0,02	0,15
Z 69	-0,18	-0,01	0,17	-0,10	-0,01
<i>Примечание</i> * – достоверные корреляционные связи					

Здесь неприемлемыми по однородности оказались шесть из двадцати заданий, причём задание № 55 имеет достоверный коэффициент корреляции с итоговым баллом, но он меньше, чем все остальные. Мы стремились создать максимально компактный опросник, удовлетворяющий тем не менее принятым психометрическим показателям, измеряющим нервно-психическую устойчивость достаточно надёжно.

Общая однородность шкалы нервно-психической устойчивости в первичной форме по

Кронбаха составила 0,568, что ниже принятой нормы 0,7. После отбрасывания недискриминативных заданий, а также тех, причины исключения которых мы описали в данном подразделе, она составила 0,742. Однако этот показатель не может служить признаком достаточной надёжности, так как он не учитывает взаимное влияние заданий в изменившейся после отсева структуре опросника.

В таблице 5 представлены результаты проверки валидности в виде корреляционных связей с проверочными методиками – Шкалой эмоциональной возбудимости и показателем тревоги в тесте Люшера.

Корреляционные связи со Шкалой эмоциональной возбудимости (нейротиз-

мом) и показателем тревоги по тесту Люшера также подтверждают валидность всей шкалы нервно-психической устойчивости даже с отдельными блоками, которые можно было бы считать отдельными подшкалами, если не очень высокая их корреляция друг с другом.

Результаты

1. В процессе исследования основных подходов к определению значения

психодиагностики установлено, что анализ системы значений позволяет создавать опросники, обладающие более высокими психометрическими показателями по сравнению с традиционными.

2. Из анализа опросников и общепринятой технологии разработки психодиагностических методик следует, что все измеряемые свойства личности определяются системой значений разработчиков, где процедура психометрической проверки валидности не позволяет выявить степень их совпадения.

3. Оптимальный метод – изучение значения измерительного конструкта, который и был реализован как составная часть процедуры разработки «психосемантического» опросника.

Психометрические показатели блока «психосемантических» заданий шкалы нервно-психической устойчивости в первичной форме опросника «Прогноз-3»

№ задания	Коэффициенты корреляции со шкалами:				
	лжи	«старые» задания	«категориальный» блок	«семантический» блок	нервно-психической устойчивости
Z 2	-0,13	0,04	0,03	0,20 *	0,15
Z 4	0,07	-0,04	0,19	0,37 *	0,27 *
Z 9	0,07	0,12	0,14	0,18	0,20
Z 11	0,13	0,07	0,14	0,37 *	0,30 *
Z 15	0,06	0,01	0,22 *	0,42 *	0,33 *
Z 17	0,08	-0,03	0,09	0,22 *	0,15
Z 18	0,28 *	0,23 *	0,29 *	0,41 *	0,43 *
Z 20	0,14	0,26 *	0,16	0,45 *	0,42 *
Z 24	-0,02	0,15	0,08	0,31 *	0,27 *
Z 25	0,17	0,34 *	0,09	0,14	0,24 *
Z 31	-0,08	-0,01	-0,07	0,16	0,07
Z 33	0,23 *	0,17	0,18	0,35 *	0,33 *
Z 49	-0,11	0,09	0,15	0,24 *	0,23 *
Z 50	0,25 *	0,17	0,25 *	0,47 *	0,43 *
Z 51	0,01	-0,02	0,07	0,25 *	0,17
Z 53	0,04	0,16	0,29 *	0,46 *	0,44 *
Z 55	0,02	0,01	0,14	0,31 *	0,24 *
Z 56	0,29 *	-0,03	0,29 *	0,53 *	0,41 *
Z 60	0,27 *	0,23 *	0,07	0,34 *	0,32 *
Z 67	0,05	0,12	0,20 *	0,36 *	0,33 *

Примечание * – достоверные корреляционные связи

Таблица 5

Шкалы эмоциональной возбудимости и показатели тревоги по тесту М. Люшера

Шкалы и блоки	Коэффициенты корреляции со шкалами:				
	лжи	«старые» задания	«категориальный» блок	«семантический» блок	нервно-психической устойчивости
Блоки:					
«Старые» задания	-0,3008*	10,0000	0,2721*	0,2663*	0,6211*
	p = 0,002*	p = —	p = 0,006*	p = 0,008*	p = 0,000*
«Категориальные»	-0,2211*	0,2721*	10,0000	0,4862*	0,7270*
	p = 0,028*	p = 0,006*	p = —	p = 0,000*	p = 0,000*
«Психосемантические»	-0,1517	0,2663*	0,4862*	10,0000	0,8695*
	p = 0,176	p = 0,008*	p = 0,000*	p = —	p = 0,000*
Шкалы					
Нервно-психической устойчивости	-0,3382*	0,6211*	0,7270*	0,8695*	10,0000
	p = 0,001*	p = 0,000*	p = 0,000*	p = 0,000*	p = —
ШЭВ	0,124	0,7110*	0,7123*	0,7958*	0,7844*
	p = 0,156	p = 0,000*	p = 0,000*	p = 0,000*	p = 0,000*
Показатель тревоги по Люшеру	0,0218	0,2663*	0,3282*	0,3134*	0,4862*
	p = 0,698	p = 0,008*	p = 0,004*	p = 0,005*	p = 0,000*

Примечание * – достоверные корреляционные связи

Список литературы

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. – Санкт-Петербург: Питер, 2001. – 288 с.
2. Абульханова-Славская К. А. Типологический подход к личности профессионала. Психологические исследования проблемы формирования личности профессионала / под ред. В. А. Бодрова. – Москва: Институт психологии АН СССР, 1991. – С. 110–125.
3. Аleshin В. И., Афанасьев В. О. Система отображения состояния орбитального комплекса сложной структуры // Космонавтика и ракетостроение. – 2001. – № 25. – С. 99–109.
4. Агафонов А. Ю. Основы смысловой теории сознания. – Санкт-Петербург: «Речь», 2003. – 296 с.
5. Бодров В. А. Психология профессиональной пригодности. – Москва: ПЕР СЭ, 2001. – 512 с.
6. Барабаншичкова В. В., Кузнецова А. С. Современные тенденции в развитии психологических исследований труда и трудящегося в динамичной профессиональной и организационной среде // Национальный психологический журнал. – 2022. – № 4 (48). – С. 3–7.
7. Баканов А. С., Обознов А. А. Эргономика пользовательского интерфейса. – Москва: Изд-во Институт психологии РАН, 2011. – 176 с.
8. Бовин Б. Г. Экстремальная психология в особых условиях деятельности: монография / под науч. ред. Б. Г. Бовина, А. В. Кокорина, А. М. Ракова. – Москва: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2015. – 514 с.
9. Береговой Г. Т., Пономаренко В. А. Психологические основы обучения человека-оператора готовности к действиям в экстремальных условиях // Вопросы психологии. – 1983. – № 1. – С. 51–58.
10. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – Санкт-Петербург: прайм-Еврознак, 2001. – 512 с.
11. Бенсон А. Д. Пространственная дезориентация в полете // Проблемы психологии и эргономики. – 2003. – № 5. – С. 42–46.
12. Воронов И. А. Экстремальная психология: комплексный подход: монография. – Санкт-Петербург: ЧОУВПО СПбИПиА, 2012. – 146 с.
13. Воронов И. А. Теория и профилактика ошибок принятия решений средствами психотехнологии «Пульсар» / Учёные записки университета имени П. Ф. Лесгафта. – 2018. – № 1 (155). – С. 287–291.
14. Вильвер П. Ю., Юрин А. Ю. Специализированный программный комплекс «АСТ» для создания тренажёров // Программные продукты и системы. – 2016. – № 3 (115) [Электронный ресурс] // Cyberleninka.ru: сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsializirovannyy-programmnyy-kompleks-ast-dlya-sozdaniya-trenazherov> (дата обращения: 24.01.2023).
15. Голиков Ю. Я. Концепции адаптивной автоматизации и подходы к человеку и технике для современных человеко-машинных комплексов // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / отв. ред. Д. Г. Дикая, А. Л. Журашлец. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – С. 392–408.
16. Маклаков А. Г. Человек в экстремальных условиях деятельности // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2020. – № 4. – С. 165–179.
17. Дворников М. В., Сухолишко В. А. Проблемы разработки и внедрения активной системы безопасности полётов // Проблемы психологии и эргономики. – 2003. – № 5. – С. 33–42.
18. Львов В. М. Проблема безопасности полётов и эргономические технологии. Проблемы психологии и эргономики. – 2003. – № 5. – С. 22–26.
19. Ломов Б. Ф., Забродин Ю. М. Психологические проблемы деятельности в особых условиях. – Москва: Наука, 1985. – 231 с.
20. Меденков А. А. Обеспечение безопасности маневренных полетов // Проблемы психологии и эргономики. – 2003. – № 5. – С. 46–51.
21. Менделевич В. Д. Тест антиципационной состоятельности (прогностической компетентности) – экспериментально-психологическая методика для оценки готовности к невротическим расстройствам // Социальная и клиническая психиатрия. – 2003. – № 1. – С. 35–40.

References

1. Anan'yev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. – Sankt-Peterburg: Piter, 2001. – 288 s.
2. Abul'khanova-Slavskaya K. A. Tipologicheskii podkhod k lichnosti professionala. Psikhologicheskiye issledovaniya problemy formirovaniya lichnosti professionala / pod red. V. A. Bodrova. – Moskva: Institut psikhologii AN SSSR, 1991. – S. 110–125.
3. Aleshin V. I., Afanas'yev V. O. Sistema otobrazheniya sostoyaniya orbital'nogo kompleksa slozhnoy struktury // Kosmonavtika i raketostroyeniye. – 2001. – № 25. – S. 99–109.
4. Agafonov A. Yu. Osnovy smyslovooy teorii soznaniya. – Sankt-Peterburg: «Rech'», 2003. – 296 s.
5. Bodrov V. A. Psikhologiya professional'noy prigodnosti. – Moskva: PER SE, 2001. – 512 s.
6. Barabanshchikova V. V., Kuznetsova A. S. Sovremennyye tendentsii v razvitii psikhologicheskikh issledovaniy truda i trudyashchegosya v dinamichnoy professional'noy i organizatsionnoy srede // Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal. – 2022. – № 4 (48). – S. 3–7.
7. Bakanov A. S., Oboznov A. A. Ergonomika pol'zovatel'skogo interfeysa. – Moskva: Izd-vo Institut psikhologii RAN, 2011. – 176 s.
8. Bovin B. G. Ekstremal'naya psikhologiya v osobykh usloviyakh deyatel'nosti: monografiya / pod nauch. red. B. G. Bovina, A. V. Kokorina, A. M. Rakova. – Moskva: Nauchno-issledovatel'skiy institut FSIN Rossii, 2015. – 514 s.

9. *Beregovoy G. T., Ponomarenko V. A.* Psikhologicheskiye osnovy obucheniya cheloveka-operatora gotovnosti k deystviyam v ekstremal'nykh usloviyakh // *Voprosy psikhologii.* – 1983. – № 1. – S. 51–58.
10. *Berkovits L.* Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'. – Sankt-Peterburg: praym-YEVROZNAK, 2001. – 512 s.
11. *Benson A. D.* Prostranstvennaya dezoriyentatsiya v polete // *Problemy psikhologii i ergonomiki.* – 2003. – № 5. – S. 42–46.
12. *Voronov I. A.* Ekstremal'naya psikhologiya: kompleksnyy podkhod: monografiya. – Sankt-Peterburg: CHOUVPO SPbIPiA, 2012. – 146 s.
13. *Voronov I. A.* Teoriya i profilaktika oshibok prinyatiya resheniy sredstvami psikhotekhnologii «Pul'sar» / *Uchonyye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta.* – 2018. – № 1 (155). – S. 287–291.
14. *Vil'ver P. Yu., Yurin A. Yu.* Spetsializirovannyi programmnyy kompleks «AST» dlya sozdaniya trenazhorov // *Programmnyye produkty i sistemy.* – 2016. – № 3 (115) [Elektronnyy resurs] // *Cyberleninka.ru: sayt.* – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsializirovannyi-programmnyy-kompleks-ast-dlya-sozdaniya-trenazherov> (data obrashcheniya: 24.01.2023).
15. *Golikov Yu. Ya.* Kontseptsii adaptivnoy avtomatizatsii i podkhody k cheloveku i tekhnike dlya sovremennykh cheloveko-mashinnykh kompleksov // *Psikhologiya adaptatsii i sotsial'naya sreda: sovremennyye podkhody, problemy, perspektivy* / *otv. red. D. G. Dikaya, A. L. Zhurashlets.* – Moskva: Izd-vo «Institut psikhologii RATS», 2007. – S. 392–408.
16. *Maklakov A. G.* Chelovek v ekstremal'nykh usloviyakh deyatelnosti // *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina.* – 2020. – № 4. – S. 165–179.
17. *Dvornikov M. V., Sukholitko V. A.* Problemy razrabotki i vnedreniya aktivnoy sistemy bezopasnosti polotov // *Problemy psikhologii i ergonomiki.* – 2003. – № 5. – S. 33–42.
18. *L'vov V. M.* Problema bezopasnosti polotov i ergonomicheskiye tekhnologii. *Problemy psikhologii i ergonomiki.* – 2003. – № 5. – S. 22–26.
19. *Lomov B. F., Zabrodin Yu. M.* Psikhologicheskiye problemy deyatelnosti v osobykh usloviyakh. – Moskva: Nauka, 1985. – 231 s.
20. *Medenkov A. A.* Obespecheniye bezopasnosti manevrennykh poletov // *Problemy psikhologii i ergonomiki.* – 2003. – № 5. – S. 46–51.
21. *Mendelevich V. D.* Test antitsipatsionnoy sostoyatel'nosti (prognosticheskoy kompetentnosti) – eksperimental'no-psikhologicheskaya metodika dlya otsenki gotovnosti k nevroticheskim rasstroystvam // *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya.* – 2003. – № 1. – S. 35–40.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 27.03.2023.

The article was submitted February 1, 2023; approved after reviewing March 2, 2023; accepted for publication March 27, 2023.

Юридическая психология и психология безопасности

Научная статья
УДК 343.95
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-197-204

Ольга Васильевна Александрова
аспирант
<https://orcid.org/0000-0002-7572-667X>, alexandrowa@yandex.ru

Вали Фатехович Енгальчев
доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>, valiyen@gmail.com

*Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского
Российская Федерация, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, д. 26*

Дело о поджоге Рейхстага в 1933 г. с позиций психологической экспертизы достоверности показаний в Германии

Аннотация: Ведущаяся в последние десятилетия научная дискуссия о возможности и допустимости экспертизы достоверности показаний обуславливает необходимость исследования опыта некоторых ведущих зарубежных стран, где такая экспертиза давно стала фактом практической юриспруденции.

Цель – изучение теоретических разработок немецких учёных и экспертов, анализирующих с позиции современной психологической экспертизы наиболее резонансные факты.

В качестве объекта исследования выступает дело о поджоге Рейхстага в 1933 г. В результате совершённого деяния был приговорён к смертной казни рабочий из голландского Лейдена Маринус ван дер Люббе, обвинённый в поджоге Рейхстага, который в 2007 г. был амнистирован на основании закона «Об отмене несправедливых судебных приговоров национал-социалистического режима», вступившего в силу в 1998 г., без пересмотра дела по существу. До сегодняшнего дня ведутся споры о причастности ван дер Люббе к организации поджога и его виновности.

Методология исследования основывается на предложенной Хартмутом Бёмом концепции и разработанном им методе психологической экспертизы достоверности показаний. Формулируются исследовательские гипотезы о причастности ван дер Люббе к поджогу Рейхстага, а также его непричастности вследствие дачи ложных показаний путем самооговора. Процедура исследования заключается в оценке состоятельности показаний ван дер Люббе. Оценке подвергаются такие параметры показаний, как константность (целостность и непротиворечивость изложенных фактов), достоверность (логическая структура изложения обстоятельств, степень их детализации, наличия упоминаний препятствий, типичных признаков планирования деликта и пр.).

Результаты оценки свидетельствуют о неполноте фактов, указывающих на причастность ван дер Люббе к поджогу Рейхстага в 1933 г. и вероятную недостоверность его показаний. Исследование в целом раскрывает практику применения инструментария психологической экспертизы достоверности показаний немецкими специалистами и свидетельствует о возможных перспективах его применения отечественными специалистами и учёными.

Ключевые слова: психология показаний, судебная психологическая экспертиза, достоверность показаний, Германия, поджог Рейхстага 1933 г.

Для цитирования: Александрова О. В., Енгальчев В. Ф. Дело о поджоге Рейхстага в 1933 г. с позиций психологической экспертизы достоверности показаний в Германии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 197–204; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-197-204.

Olga V. Aleksandrova

Graduate

<https://orcid.org/0000-0002-7572-667X>, alexandrowa@yandex.ru

Vali F. Engalychev

Dr. Sci. (Psychol.), Professor

<https://orcid.org/0000-0002-3587-8986>, valiyen@gmail.com

*Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky
26, Stepan Razin str., Kaluga, 248023, Russian Federation*

Reichstag fire case. Psychological expertise of reliability of testimony in Germany

Abstract: The scientific discussion that has been going on in recent decades about the possibility and admissibility of examination of the reliability of testimony demands the study of some leading foreign countries experience, where such examination has long become a fact of practical jurisprudence.

The goal of the study is to analyse the theoretical insights of German scientists and experts into the most resonant facts from the perspective of modern psychological expertise.

The object of the study is the case of the Reichstag fire, 1933. Marinus van der Lubbe, a worker from the Dutch Leiden, was accused of setting the Reichstag on fire and then sentenced to death. In 2007 the law on “Abolition of unjust judgments of the national socialist regime” (1998) granted a pardon to van der Lubbe without revision au fond. To this day, there are disputes about the involvement of van der Lubbe in organizing the arson and his guilt. The German psychologist Hartmut Böhm made an attempt to evaluate van der Lubbe’s testimony from the perspective of modern psychology and forensic psychological examination of the reliability of testimony. The article briefly outlines some results of this attempt to give a general idea of the logic of the developed and recognized tools applied.

Keywords: psychology of testimony, forensic psychological examination, reliability of testimony, Germany, Reichstag fire

For citation: Aleksandrova O. V., Engalychev V. F. Reichstag fire case. Psychological expertise of reliability of testimony in Germany // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 197–204; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-197-204.

Ведущаяся в последние десятилетия на постсоветском пространстве напряжённая дискуссия о возможности и допустимости экспертизы достоверности показаний, даже в таком её усечённом виде, как выявление только психологических признаков их достоверности и недостоверности [1–4, 6]¹, побуждает исследовать опыт некоторых ведущих зарубежных стран, где такая экспертиза давно стала фактом практической юриспруденции. В связи с этим вызывают

интерес теоретические разработки немецких учёных и экспертов, рефлексирующих по поводу определённых исторических событий Германии и пробующих с позиции современной психологической экспертизы проанализировать и оценить те из них, которые стали поворотными пунктами истории страны. В частности, такому изучению подверглось знаменитое дело о поджоге Рейхстага в 1933 г.

На фоне напряжённой внутривнутриполитической обстановки в Германии поджогу Рейхстага 27 февраля 1933 г. как противниками, так и сторонниками национал-социалистической диктатуры сразу было приписано политическое значение, что стало поводом для издания указа «О защите народа и государства», отменившего гражданские права Веймарской конституции. Данный инцидент способствовал захвату власти национал-социалистической рабочей партии. На месте преступления был схвачен голландский рабочий Маринус ван дер Люббе

¹ Кадыров Р. В., Калита В. В. Судебная экспертиза по выявлению психологических признаков достоверности / недостоверности информации по видеозаписям следственных действий : методические рекомендации. – Ульяновск: Зебра, 2017. – 74 с.; Симоненко С. И. Психологические основания оценки ложных и правдивых сообщений : дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1998. – 117 с.; Шаповалов В. А. Методика определения психологических признаков достоверности / недостоверности показаний в юридической практике : методическое пособие. – 2-е изд., перераб. и дополн. – Киев, 2013. – 108 с.

(13.01.1909 г. р.), который сразу признался в совершении поджога и в том же году был приговорён к смертной казни. Приведённый в исполнение 10 января 1934 г., приговор был отменён в декабре 2007 г. на основании закона «Об отмене несправедливых приговоров национал-социалистического режима» 1998 г. Приговор отменён без пересмотра дела по существу, так как был вынесен на основании двух нормативных правовых актов национал-социалистического режима, принятых в целях утверждения последнего и допускавших нарушения базовых представлений о справедливости: указа «О защите народа и государства» 28 февраля 1933 г. (который ввёл в том числе смертную казнь за инкриминируемое Маринусу ван дер Люббе деяние) и закона «О назначении и исполнении смертной казни» 29 марта 1933 г. (предусматривающего, помимо прочего, обратную силу действия положений о применении более строгих мер наказания за деликты, совершённые до 28 февраля 1933 г.). Вопрос о вине и роли ван дер Люббе в организации поджога до настоящего времени остаётся спорным [9, S. 33–55; 2, 10, S. 106; 11].

Немецкий эксперт-психолог Хартмут Бём (Hartmut Böhm) в статье «Маринус ван дер Люббе и поджог Рейхстага – размышления с позиции психологии показаний и криминологии», опубликованной в 2013 г. в журнале «Практика юридической психологии» («Praxis der Rechtspsychologie»), предпринял попытку оценки достоверности показаний ван дер Люббе, опираясь на признаваемую надёжной и валидной в Германии методику психологической экспертизы достоверности показаний, известную за пределами немецкоязычных стран как SVA (Statement Validity Assessment). Допустимым видом доказательства психологическая экспертиза достоверности показаний официально признаётся судами ФРГ с 1954 г. [12, S. 13–16; 13]. Методологические основы психологической экспертизы достоверности показаний зафиксированы Федеральным Верховным судом ФРГ в решении по BGH 1 StR 618/98 1999 г.²

Логика психолого-криминологического исследования Х. Бёма, подвергнувшего эти события ретроспективному анализу, в целом сводится к следующему [14, с. 166–185]:

1. Исходная информация

В обвинительном заключении отражены следующие сведения.

После прохождения стационарного лечения офтальмологической болезни, длившегося несколько недель, Маринус ван дер Люббе 3 февраля 1933 г. отправился пешком, иногда используя поезд или автобус, в Берлин, куда прибыл 19 февраля 1933 г. Как и в предыдущее посещение Берлина в 1931 г., он ночевал в мужском общежитии на Александринен-штрассе,

² Ansbach L. G. BGHSt 45, 164; Sachverständige; Sexueller Mißbrauch eines Kindes; Glaubhaftigkeitsgutachten; Darstellung eines Gutachtens im Urteil : BGH 1 StR 618/98 – Urteil v. 30. Juli 1999 // Rechtsprechung: site. – URL: <https://www.hrr-strafrecht.de/hrr/1/98/1-618-98.php3> (дата обращения: 7.12.2022).

участвовал в разговорах на политические темы и агитировал к восстанию рабочих против нового правительства. Им инициировались также разговоры о поджогах.

25 февраля 1933 г. было совершено несколько попыток поджога общественных зданий – социального ведомства, ратуши, городского замка, но без существенного для них вреда.

26 февраля 1933 г. Маринус ван дер Люббе отправился в Хеннигсдорф с намерением вернуться в Голландию. В Хеннигсдорфе он ночевал в приюте при полицейском участке.

На следующий день он принял решение вернуться в Берлин, чтобы поджечь Рейхстаг. Осмотрев издали здание Рейхстага, ван дер Люббе определил, что вход справа от западного портала подходит для проникновения в здание. Около 21.00 часа он взобрался на балкон. Чтобы быстрее осуществить поджог, уже на балконе он поджёг одну упаковку средства для розжига, затем разбил ногой стекла двустворчатой балконной двери, что длилось немного дольше, чем ожидалось, потому что ван дер Люббе чуть не обжёг пальцы. Проникнув внутрь здания, он оказался в баре. Преодолев барную стойку, попал в ресторан, где и начал поджог. Затем, уже в коридоре, он побежал направо, продолжая поджигать. После этого он вернулся, снял часть одежды перед рестораном, направился на первый этаж по лестнице в бар, разбил там стекло в двери и пролез через отверстие (позднее следствие установило, что положение осколков противоречит этой версии). Затем разбил стекло раздаточного окна с помощью тарелки (впоследствии на тарелке действительно были обнаружены отпечатки пальцев, но они не принадлежали ван дер Люббе). Он продолжил движение по зданию и поднялся на этаж выше. Поскольку средство для розжига закончилось, он стал использовать ранее снятую одежду и найденные скатерти как факелы для поджога и освещения. Далее он сорвал штору и с её помощью поджег зал пленарных заседаний. Следствием пожара в зале пленарных заседаний стало его полное разрушение.

Позднее Маринус ван дер Люббе добровольно сдался на месте преступления полицейскому и сопровождавшему его управляющему зданием, а также сознался в совершении преступления.

2. О личностно-психологических особенностях и свидетельской дееспособности Маринуса ван дер Люббе

Окружающие характеризовали Маринуса ван дер Люббе исключительно как добродушного и честного человека, который никогда не обманул бы другого. В суде 22 сентября 1933 г. психиатр Карл Бонхёффер отметил, что ван дер Люббе производил впечатление умного, сообразительного, пребывающего в хорошем настроении человека. Какие-либо признаки душевного расстройства установлены не были³.

³ История психиатрической экспертизы в данном процессе представляет отдельный интерес для исследования – см., напр.: Uwe Gerrens «Zum Karl-Bonhoeffer»

Офтальмологические проблемы, приобретённые вследствие несчастного случая на работе, упоминаются вскользь. Тот факт, что Маринус ван дер Люббе в начале 1933 г. перенёс операцию на глазах, которая не принесла положительного результата, учтён не был, лишь в общих чертах сообщалось о прохождении им стационарного лечения. Психические изменения личности, которые могли возникнуть в результате этого несчастного случая, не выявлялись.

Следовательно, можно предположить, что во время совершения инкриминируемого преступления ван дер Люббе не страдал нарушениями когнитивной сферы и обладал неограниченной свидетельской дееспособностью. Однако вывод о наличии свидетельской дееспособности предполагает оценку перцептивных способностей. В случае ван дер Люббе по этой причине необходимо детальное изучение вопроса о нарушении зрения.

В 1924 г. коллеги-каменщики в драке надели Маринусу ван дер Люббе пустой мешок из-под известки на голову; небольшое количество негашёной известки попало в левый глаз, что привело к незначительному повреждению роговицы. Позже у него было диагностировано хроническое воспаление слизистой оболочки обоих глаз, которое привело к ухудшению состояния повреждённой роговицы. Началось нагноение раны, которая медленно заживала, оставив впоследствии шрам, в итоге это вызвало ухудшение зрения до 30% на левом глазу. Осенью 1927 г. в правый глаз ван дер Люббе попал осколок, началось воспаление, вследствие чего он мог видеть пальцы рук, только поднеся их непосредственно к глазам. В феврале 1928 г. его признали профессионально непригодным. С этого момента он жил на маленькую пенсию в 7,44 гульдена в неделю и на случайные заработки. С 1 апреля 1932 г. по 28 января 1933 г. он проходил стационарное лечение по причине хронического воспаления слизистой оболочки глаз: у него были постоянно опухшие веки и резь в глазах. Лечение закончилось безрезультатно: воспаление не поддавалось лечению, повреждения роговицы были стабильны, на обоих глазах в центре наблюдалось помутнение. По этой причине он мог видеть как через матовое стекло; оставшееся зрение оценивалось на 20% на правом глазу и 15% на левом. По краям поле зрения не было повреждено, что позволяло ван дер Люббе сохранять самостоятельность в повседневной жизни: он мог видеть и обходить встречных прохожих, но узнавал людей по голосу или подходя совсем близко; мог читать газеты, но только поднося их близко к лицу. Современные офтальмологи, которых Х. Бём попросил оценить состояние и возможности зрения ван дер Люббе в контексте поджога Рейхстага, сделали следующие выводы: ван дер Люббе мог видеть указатели на улице только в непосредственной

близости к ним или же с помощью бинокля; чтение обычного газетного шрифта было, вероятно, невозможно; острота зрения с наступлением темноты снижалась, если вообще не наступала слепота. Один из офтальмологов всё же заключил, что, возможно, в темноте при расширении зрачков зрение могло несколько улучшаться, но свет от свечей или факела мог слепить, поэтому ван дер Люббе в лучшем случае мог ориентироваться только в знакомом помещении.

Принимая во внимание значительное нарушение зрения, полагаем, в показаниях ван дер Люббе следовало бы ожидать упоминания вызванных этим обстоятельством трудностей. Вместе с тем его когнитивные способности, напротив, допускают предположение, что мало детализированные показания о проникновении в здание и поджоге могут не соответствовать действительности.

3. Нулевая гипотеза

Дальнейший анализ основан на следующих предположениях.

По смыслу нулевой гипотезы (иначе – гипотезы ложных показаний) следует исходить из того, что в основе показаний ван дер Люббе не лежат реально пережитые им события. Данную гипотезу необходимо рассматривать как несостоятельную, если будет установлено, что показания содержат необходимые качественные признаки достоверности.

В целях дифференциации гипотезы ложных показаний необходимо также ответить на вопрос, могли ли показания быть даны, не будучи основанными на реальных событиях, и если да, то каким именно образом.

4. Генезис показаний

Генезис показаний может быть восстановлен с помощью протоколов допросов, но последние не отличаются высоким уровнем аутентичности, поскольку фиксация показаний велась на языке лица, ведущего протокол, и в форме обобщений, что было распространённой практикой в Германии того времени. Также есть основания предполагать манипуляции при фиксации показаний: в содержании стенограммы и официального протокола первого допроса в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г. обнаруживаются расхождения. В протоколе изначально упоминается лишь поджог Рейхстага, в стенограмме названы только три не повлёкших серьёзных последствий поджога здания социального ведомства, подвала ратуши и городского замка, а также ещё один, ранее не известный эпизод поджога. В ходе судебного заседания со стороны ван дер Люббе не было сделано никаких конкретных заявлений относительно поджога. Важно отметить, что современная оценка состояния ван дер Люббе позволяет сделать предположение о наличии у него признаков интоксикации во время судебного процесса.

Как к дополнительному источнику информации, можно обратиться к письмам Маринуса ван дер Люббе из тюрьмы. В них не

Gutachten vom 30. März im Reichstagsbrandprozess», Jahrbuch des Landesarchivs Berlin, 1991. Siedler Verlag) [Электронный ресурс] // Academia.edu : сайт. – URL : https://www.academia.edu/27251738/Zum_Karl_Bonhoeffer_Gutachten_vom_30_M%C3%A4rz_1933_im_Reichstagsbrandprozess.

содержится ни единого, даже формального признания в совершении поджога, что удивительно, поскольку у него не было уже необходимости в сокрытии причастности к поджогу, а в письмах родственников и друзей выражается их убежденность в его не причастности и невиновности.

5. Оценка показаний Маринуса ван дер Люббе по качественным критериям

5.1. Константность. 8 апреля 1933 г. сотрудник полиции, ведущий допрос, сделал следующее примечание: «Ван дер Люббе трудно поверить. Он путается в противоречиях: делает очень точные заявления, а затем, как только они занесены в протокол, сам же их опровергает. Он постоянно корректирует свои показания; иногда упоминает, что так уже говорил на одном из прошлых допросов. Создается впечатление, что ему нужно время подумать, чтобы его показания совпадали с теми, которые он уже давал на прошлых допросах... Его сегодняшнее заявление о поджоге в Рейхстаге, по большей части о поджоге зала пленарных заседаний и возвращении в зал Бисмарка, не соответствует его предыдущим показаниям».

Сам процесс поджога ван дер Люббе описывает каждый раз по-новому: если допрашиваемый действительно пережил описываемое событие и сохранил о нём воспоминание, то такое воспоминание имеет свойство стабильности и исключительности. Ван дер Люббе, напротив, делает отсылки к своим ранее данным показаниям, а не к воспоминанию. На одном из допросов 26 апреля 1933 г. он ответил, что не помнит о своем заявлении, что был в зале с фигурами рыцарей (вероятно, имеется в виду памятник Бисмарку), и уже на первом допросе сообщал, что не помнит, в каких конкретно помещениях он был и что там видел. Судебный следователь Фойгд на судебном заседании заявил, что даже если опросить всех, кто допрашивал ван дер Люббе, и прочесть все протоколы, то получить ясное представление о том, как был осуществлён поджог, будет невозможно. Решающим является тот факт, что относительно и эпизода проникновения в здание, и непосредственно хода поджога у ван дер Люббе постоянно появляются новые версии.

Ввиду многочисленных противоречий в показаниях и постоянного выдвигания новых версий следует вывод, что показания Маринуса ван дер Люббе не соответствуют даже минимальным требованиям к константности и по этой причине неотличимы по качественным признакам от лжи.

5.2. Оценка показаний по критериям достоверности. Как правило, оценка по критериям достоверности в случае отсутствия константности показаний не проводится. Тем не менее в данном случае оценка будет проведена, чтобы продемонстрировать контраст с ожидаемым содержанием.

Оценка по критериям достоверности проводится по следующему правилу: только соответствие критерию имеет значение, несоответ-

ствие не имеет доказательной силы в психологии показаний.

5.2.1. Логическая структура. Принятому утром 27 февраля 1933 г. решению о поджоге Рейхстага могли бы предшествовать, например, следующие размышления: в какие часы здание Рейхстага открыто; в какое время в здании Рейхстага нет людей; есть ли возможность осмотреть здание изнутри легальным путём; возможно ли спрятаться в здании и дожидаться закрытия; какой инструмент необходим для проникновения внутрь; можно ли ориентироваться в здании, учитывая нарушение зрения; есть ли там источники света или необходимо взять фонарь; будет ли достаточно средства для розжига, если его использовать и для освещения, и т. п.

Однако в показаниях Маринуса ван дер Люббе нет информации о таком мыслительном проигрывании ситуации. Если он осуществил проникновение в здание описанным им способом, то следовало бы ожидать в показаниях сообщений об ощущении холода на руках, о трудностях при ориентации в темноте и при подъёме по стене и др. Описание эпизода проникновения в здание также не отличается детализацией.

Показания в отношении эпизода проникновения в здание. Ван дер Люббе взобрался на балкон, после нескольких неудачных попыток разбил стёкла в двери и, держа в руках горящую пачку средства для розжига, вошёл внутрь. То, что это было особо прочное, двойное остекление, он сообщает после соответствующей подсказки допрашивающего. Но показания ван дер Люббе противоречат показаниям случайных свидетелей, которые сообщили, что слышали звук разбивающегося стекла только однократно. Один из свидетелей пояснил, что заметил на балконе рядом с лестницей с южной стороны две человеческие фигуры; одна из них стояла, вторая вползала в тёмное отверстие и потом там исчезла, затем за ней последовала вторая фигура (выдвигалось предположение, что вторая фигура могла быть просто тенью).

Отсутствие плана поджога. Возникает вопрос, почему ван дер Люббе закончил поджог в 21:20 и ждал задержания на месте преступления. В показаниях о поджогах, предшествовавших поджогу Рейхстага, как и в показаниях относительно поджога Рейхстага, нет сведений о том, что он осознанно остался на месте, чтобы проверить успешность поджога. Следовательно, он не мог знать, что поджог зала пленарных заседаний был успешен, как не мог знать и того, что в 21:15 уже поступило первое сообщение о пожаре.

Странным также выглядит сообщение ван дер Люббе о том, что он снял часть одежды, чтобы использовать её для поджога и как факел для освещения. В таком случае одежда, вероятно, должна быть пропитана жидкостью для розжига, но сведения, подтверждающие это, отсутствуют.

Противоречие в описании действий внутри здания. Из показаний не следует, что Маринус ван дер Люббе при проникновении в здание оказался в баре – легко идентифицируемом

помещении. Он сообщил, что не знал, были ли закрыты дверцы барной стойки слева и справа. На обратном пути, перед тем как спуститься по лестнице, он прошёл через дверь барной стойки. По словам ван дер Люббе, возможно, он перепрыгнул через стойку. Принимая во внимание её размеры, полагаем, достовернее выглядит версия о том, что он перелез через неё.

Освещение в здании на момент совершения преступления. На улице было темно, в здании освещение было выключено полностью. В комнате, окна которых выходили на улицу, как в ресторане, мог пробиваться слабый свет от уличных фонарей; в других помещениях было темно. Ориентация внутри здания была бы затруднительна для любого человека, а у ван дер Люббе к тому же имелись существенные офтальмологические проблемы. Если бы в то время презумпция невиновности принималась во внимание, несомненно, был бы поднят вопрос о том, мог Маринус ван дер Люббе вообще совершить такое преступление. Из протоколов допросов не следует, что ему задавались вопросы о имеющемся у него серьёзном нарушении зрения. Вопрос о наличии офтальмологических проблем и их влиянии на способность осуществить поджог не рассматривался ни следствием, ни судом.

5.2.2. Детализация. Немногочисленные детали в показаниях Маринуса ван дер Люббе оцениваются ввиду отсутствия константности. Ожидаемы были упоминания о ходе мыслей относительно выбора Рейхстага как объекта поджога, трудностях при проникновении внутрь и т. п.

5.2.3. Препятствия. Ван дер Люббе не упоминал о каких-либо препятствиях. Он без препятствий взобрался на балкон; о трудностях с остеклением двери он сообщает только после подсказки допрашивающего; не было никаких упоминаний, что зажжённая упаковка средства для розжига обжигала пальцы. Отсутствие подобных деталей выглядит более чем странным.

5.2.4. Типичные особенности деликта. Тот, кто планирует поджог, как правило, тщательно изучает место будущего преступления. Ван дер Люббе лишь единожды, в день преступления, осмотрел здание. О наблюдениях за зданием, о наличии охраны в вечернее время не сообщается. Он не осведомлялся о часах работы Рейхстага. Политики и служащие обычно покидали здание к 21:00. При таком положении вещей он мог быть замечен покидающими здание людьми. Он взял лишь один коробок спичек и никакого инструмента для взлома дверей. Если представить, что единственный коробок спичек выпал из рук или кармана на балконе, то вряд ли он смог бы найти его в темноте. Отсутствие знаний о планировке здания могло привести к тому, что он мог оказаться перед закрытой дверью без подходящего для взлома инструмента.

5.2.5. Прочие детали, вызывающие сомнения в реальности описываемых событий. Признательное показание должно сопровождаться не только точными показаниями о преступлении, но и точными показаниями о событиях до и после совершения преступления.

Путешествие из Лейдена в Берлин. Согласно показаниям Маринуса ван дер Люббе, он отправился пешком в дорогу, не взяв с собой каких-либо вещей: ни спального мешка или одеяла, ни бритвы, ни щётки для ботинок, ни сменного белья. Он взял с собой только кусок мыла, но не взял настойку, которой он промывал ежедневно глаза. В своем дневнике он делал пометки, что ночевал в приютах или стогах сена (зимой). Сомнительным представляется и то, что он мог осилить путь в 1000 км в основном пешком за 15 дней.

Пребывание в Хеннигсторфе. 26 февраля 1933 г. Маринус ван дер Люббе решил вернуться в Голландию. Поскольку дорога была ему известна, сомнительно, что он выбрал окольный путь через Шпандау и Хеннигсторф. Он не дал объяснений относительно выбора такого маршрута, но его об этом и не спрашивали.

5.6.2. Выводы о достоверности показаний. То, что показания Маринуса ван дер Люббе основаны на реально пережитых событиях, не может быть подтверждено ни константностью его показаний, ни оценкой по критериям достоверности. Свойства показаний недостаточны, чтобы признать гипотезу об их ложности несостоятельной.

Кроме того, оставшиеся неучтёнными серьёзные офтальмологические нарушения ставят под сомнение возможность совершения поджога Рейхстага таким образом, как это описано в материалах дела.

6. Альтернативные криминалистические гипотезы

В случае Маринуса ван дер Люббе можно предположить самооговор или добровольную дачу ложных признательных показаний. На одном из допросов он сообщил, что поджог должен был стать сигналом, направленным против укрепляющегося режима национал-социалистов, а также что он желал быть задержанным. В суде он заявил, что не думал о возможном задержании или бегстве с места преступления. Необходимо учитывать и возможный корыстный мотив. Его катастрофическое финансовое положение могло сыграть определённую роль. Хотя его близкие утверждали, что совершение такого поступка из-за денег противоречило его личностным качествам, следует обратить внимание на один эпизод из биографии ван дер Люббе: когда была объявлена премия в 6 тысяч гульденов, которую получит первый голландец, переплывший Ла-Манш, ван дер Люббе отправился в Кале, чтобы оттуда совершить заплыв в Дувр. Однако мероприятие было отменено из-за плохих погодных условий.

7. Единоличное преступление или заговор и инсценировка?

Органы следствия и суд отработывали версию заговора со стороны коммунистов, но версия не нашла подтверждений. Противники национал-социалистов утверждали, что поджог является инсценировкой, подготовленной са-

мими национал-социалистами. Версии о непричастности Маринуса ван дер Люббе не выдвигались. Важно упомянуть, что во время судебного разбирательства ван дер Люббе предположительно был в измененном состоянии сознания, на что указывает ряд косвенных признаков. Общественность за пределами Германии активно обсуждала версию инсценировки и возможную интоксикацию ван дер Люббе вследствие применения скополамина или бромида калия, что должно было повлиять на содержание его показаний. Психиатры, обследовавшие его, объясняли его состояние следствием психоза, вызванного заключением.

Таким образом, психологический анализ материалов уголовного дела Маринуса ван дер Люббе, обвинённого в поджоге Рейхстага – умышленном, подготовленном и выполненном

единолично, и приговорённого на этом основании к смертной казни, выявляет вероятную недостоверность его показаний и не позволяет поддержать версию о одиночном поджоге. На это указывает также ситуационно-психологический анализ [15] совокупности всех изученных обстоятельств. В то же время ретроспективный психологический анализ уголовного дела, давно отправленного в архив, демонстрирует серьёзные возможности инструментария, используемого немецкими учёными и экспертами-психологами, состоятельность теории и практики психологической экспертизы достоверности показаний. Этот инструментарий может помочь отечественным специалистам и экспертам при изучении дел, остающихся в поле актуального внимания судебно-следственных органов и научной общественности.

Список литературы

1. Auväärt L., Jengalõtsõev V. Kohtupsõuhhõloogiaekspertiis : monograafia. – Tartu: Trõkitud Trõkikojas Greif, 2018. – 340 Lk.
2. Дозорцева Е. Г., Афанасьева А. Г. Оценка достоверности свидетельских показаний несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. – 2015. – Т. 4. № 3. – С. 47–56. doi: 10.17759/jmfr.2015040306.
3. Егорова Т. М. Судово-психологична експертиза комуникативної діяльності особи, зафіксованої на відеозаписі слідчої дії, як новий вид досліджень // Актуальні питання судової експертизи та криміналістики : зб. матер. засідання «круглого столу», присвяченого 85-річчю створення Харківського науково-дослідного інституту судових експертиз ім. Засл. проф. М. С. Бокаріуса, 11–12 лист. – 2008 р. – Х., 2008. – С. 347–351.
4. Енгалычев В. Ф., Кравицова Г. К., Холопова Е. Н. Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности / недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий) : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2016. – 328 с.
5. Славгородская О. А. К вопросу о достоверности показаний свидетеля // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 1 [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru : сайт – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dostovernosti-pokazaniy-svidetelya> (дата обращения: 16.01.2023).
6. Махмудова Х. Т. Суд-психологик експертизанинг турлари ва ривожланиш йуналишлари : монография. – Тошкент: Ўзбекистон Республикаси ИИВ Академияси, 2020. – 288 с.
7. Молодочкина В. В., Тухканен В. О. Судебно-психологическая экспертиза способности несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать показания // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. – 2020. – № 1–2 [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru : сайт – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-psihologicheskaya-ekspertiza-sposobnosti-nesovershennoletnego-svidetelya-ili-poterpevshego-pravilno-vosprinimat> (дата обращения: 16.01.2023).
8. Харламова О. А. Актуальные вопросы производства отдельных видов судебных экспертиз // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 1 [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru : сайт – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-proizvodstva-otdelnyh-vidov-sudebnyh-ekspertiz> (дата обращения: 16.01.2023).
9. Backes U., Janssen K.-H., Jesse E., Köhler H., Mommsen H., Tobias F. Reichstagsbrand – Aufklärung einer historischen Legende. – Zürich München: R. Piper GmbH & Co KG, 1986. – 326 S.
10. Pfäfflin F. Zur Aufhebung des Todesurteils gegen den Reichstagsbrandstifter Marinus van der Lubbe durch den Generalbundesanwalt am 6. Dezember // Recht & Psychiatrie. – 2008. – № 26. – S. 106–118.
11. Шурер У. Фашизация Германии: 1933–1934 годы // Взлёт и падение Третьего рейха = The Rise and Fall of the Third Reich. – Москва: Воениздат, 1991. – Т. 1. – 653 с.
12. Steller M. Vier Jahrzehnte forensische Aussagepsychologie: eine nicht nur persönliche Geschichte // Praxis der Rechtspsychologie. – 2013. – № 23 (1). – S. 11–32.
13. Steller M. Stand und Herausforderungen der Aussagepsychologie // Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie. – 2020. – 14 (2). – S. 188–196.
14. Böhm H. Marinus van der Lubbe und der Reichstagsbrand – Aussagepsychologisches und kriminologisches Nachdenken // Praxis der Rechtspsychologie. – 2013. – № 23 (1). – S. 166–186.

15. *Енгальчев В. Ф.* Ситуационно-психологический анализ обстоятельств смерти подследственного в следственном изоляторе, имеющей признаки суицида / Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития : сборник материалов IV Международного симпозиума психологов, Рязань, 7–8 апреля 2022 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 241–245.

References

1. *Auväärt L., Jengalõtšev V.* Kohtupsühhoologiaekspertiis : monograafia. – Tartu: Trükitud Trükikojas Greif, 2018. – 340 Lk.
2. *Dozortseva Ye. G., Afanas'yeva A. G.* Otsenka dostovernosti svidetel'skikh pokazaniy nesovershennoletnikh [Elektronnyy resurs] // *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. – 2015. – Т. 4. – № 3. – С. 47–56. doi: 10.17759/jmfp.2015040306.
3. *Егорова Т. М.* Судово-психологічна експертиза комунікативної діяльності особи, зафіксованої на відеозаписі слідчої дії, як новий вид досліджень // *Актуальні питання судової експертизи та криміналістики : зб. матер. засідання «круглого столу», присвяченого 85-річчю створення Харківського науково-дослідного інституту судових експертиз ім. Засл. проф. М. С. Бокаріуса*, 11–12 лист. – 2008 р. – Х., 2008. – С. 347–351.
4. *Yengalychev V. F., Kravtsova G. K., Kholopova Ye. N.* Sudebnaya psikhologicheskaya ekspertiza po vyyavleniyu priznakov dostovernosti/nedostovernosti informatsii, soobshchayemoy uchastnikami ugolovnoogo sudoproizvodstva (po videozapisyam sledstvennykh deystviy i operativno-razysknykh meropriyatiy) : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2016. – 328 s.
5. *Slavgorodskaya O. A.* K voprosu o dostovernosti pokazaniy svidetelya // *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki*. – 2019. – № 1 [Elektronnyy resurs] // *Cyberleninka.ru* : sayt – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-dostovernosti-pokazaniy-svidetelya> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
6. *Makhmudova Kh. T.* Sud-psikhologik ekspertizaning turlari va rivozhlanish yunalishnari: monografiya. – Toshkent: Uzbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2020. – 288 s.
7. *Molodochkina V. V., Tukhkanen V. O.* Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza sposobnosti nesovershennoletnego svidetelya ili poterpevshego pravil'no vosprinimat' obstoyatel'stva, imeyushchiye znacheniye dlya dela, i davat' pokazaniya // *Novyye impul'sy razvitiya: voprosy nauchnykh issledovaniy*. – 2020. – №1-2 [Elektronnyy resurs] // *cyberleninka.ru* : sayt – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-psihologicheskaya-ekspertiza-sposobnosti-nesovershennoletnego-svidetelya-ili-poterpevshego-pravilno-vosprinimat> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
8. *Kharlamova O. A.* Aktual'nyye voprosy proizvodstva otdel'nykh vidov sudebnykh ekspertiz // *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. – 2018. – № 1 [Elektronnyy resurs] // *cyberleninka.ru* : sayt – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-proizvodstva-otdelnyh-vidov-sudebnyh-ekspertiz> (data obrashcheniya: 16.01.2023).
9. *Backes U., Janssen K-H., Jesse E., Köhler H., Mommsen H., Tobias F.* Reichstagsbrand – Aufklärung einer historischen Legende. – Zürich München: R. Piper GmbH & Co KG, 1986. – 326 S.
10. *Pfäfflin F.* Zur Aufhebung des Todesurteils gegen den Reichstagsbrandstifter Marinus van der Lubbe durch den Generalbundesanwalt am 6. Dezember // *Recht & Psychiatrie*. – 2008. – № 26. – S. 106–118.
11. *Shirer U.* Fashizatsiya Germanii:1933–1934 gody // *Vzlot i padeniye Tret'yego reykh = The Rise and Fall of the Third Reich*. – Moskva: Voenizdat, 1991. – Т. 1. – 653 s.
12. *Steller M.* Vier Jahrzehnte forensische Aussagepsychologie: eine nicht nur persönliche Geschichte // *Praxis der Rechtspsychologie*. – 2013. – № 23 (1). – S. 11–32.
13. *Steller M.* Stand und Herausforderungen der Aussagepsychologie // *Forensische Psychiatrie, Psychologie, Kriminologie*. – 2020. – 14 (2). – S. 188–196.
14. *Böhm H.* Marinus van der Lubbe und der Reichstagsbrand – Aussagepsychologisches und kriminologisches Nachdenken // *Praxis der Rechtspsychologie*. – 2013. – № 23 (1). – S. 166–186.
15. *Yengalychev V. F.* Situatsionno-psikhologicheskii analiz obstoyatel'stv smerti podsledstvennogo v sledstvennom izolyatore, imeyushchey priznaki suitsida / *Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya* : sbornik materialov IV Mezhdunarodnogo simpoziuma psikhologov, Ryazan', 07–08 aprelya 2022 goda. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2022. – S. 241–245.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2022; принята к публикации 07.02.2023.

The article was submitted November 7, 2022; approved after reviewing December 19, 2022; accepted for publication February 7, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-205-214

Кирилл Витальевич Злоказов

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Социально-психологический подход к адаптации лиц, находящихся под административным надзором: анализ зарубежного опыта

Аннотация: Введение. Исследование посвящено совершенствованию процесса адаптации лиц, находящихся под административным надзором. Актуальность работы обосновывается наличием высоких показателей повторной преступности поднадзорных лиц, обусловленной отсутствием постоянного источника дохода, низким уровнем образования, отсутствием профессии или необходимой квалификации, прекращением (разрывом) отношений, наличием алкогольных или наркотических зависимостей. Проблема заключается в необходимости совершенствования индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами и отсутствии целостного представления о методах её организации. Одним из этапов решения проблемы выступает изучение зарубежного опыта социальной адаптации поднадзорных лиц и концептуализации её теоретических оснований, определения предметной области, характеристик и параметров.

Методы исследования: теоретические методы познания: обобщение, категоризация и систематизация информации о подходах, теориях и концепциях адаптации поднадзорных лиц.

Результаты исследования. Показано, что основаниями зарубежных программ адаптации выступают социологические (структурно-функциональная и интеракционистская) теории и группа социально-психологических идей и концепций. Типичными направлениями адаптации поднадзорных лиц выступают: 1) восстановление социального функционирования, осуществляемое мерами правовой, социальной и психологической поддержки; 2) реинтеграция в виде контролируемого вовлечения в социальные отношения, существовавшие до назначения уголовного наказания; 3) социально-психологическая адаптация, направленная на противодействие криминализации, ресоциализацию и реабилитацию.

Выводы. Определяются возможности социального окружения в адаптации поднадзорных лиц. Отмечается, что оно обладает отсутствующими у субъекта материальными и социальными ресурсами, является источником экспертной информации, способно оказывать воспитывающее воздействие и психологическую поддержку. Обосновывается необходимость верификации выводов, дальнейшей операционализации характеристик социального окружения для объективной оценки его способности к осуществлению адаптации лиц, подвергнутых административному надзору.

Ключевые слова: административный надзор, социальная адаптация поднадзорных, психология противодействия рецидиву, психологические факторы превенции, профилактика преступности

Для цитирования: Злоказов К. В. Социально-психологический подход к адаптации лиц, находящихся под административным надзором: анализ зарубежного опыта // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 205–214; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-205-214.

Kirill V. Zlokazov

Cand. Sci. (Psychol.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, zkirvit@yandex.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Social-psychological approach to the adaptation of persons under probation: a review of foreign experience

Abstract: Introduction. The research focuses on improving adaptation measures for offenders under probation. The relevance of the study is determined by the high rates of re-offending of supervised persons caused by the lack of a stable source of income, low level of education, absence of profession or necessary qualification, cessation (breakdown) of relationships, alcohol or drug addictions.

The *problem* consists in the fact that individual preventive work with supervised persons needs to be improved and that there is a lack of a systemic understanding of how it should be organised. One of the stages of solving the problem is the examination of foreign experience of social adaptation of supervised persons and conceptualisation of its theoretical foundations, definition of the subject area, characteristics and parameters.

Research methods: theoretical methods of cognition: generalisation, categorisation and systematisation of information on approaches, theories and concepts on the adaptation of administratively supervised persons.

Results. The author reasons that foreign adaptation programs are based on sociological (structural-functional and interactionist) theories and a group of socio-psychological ideas and concepts. Analysis of the programs also reveals the influence of national and cultural specificity on the organisation of work with supervised persons. The main directions of adaptation are: (1) restoration of social functioning of this category of persons, carried out by means of legal, social and psychological support, (2) reintegration in the form of controlled involvement into the social relationships existed before the criminal punishment; (3) social and psychological adaptation aimed at countering criminalisation, re-socialisation and rehabilitation.

Conclusions. The value of social environment in social adaptation of supervised persons is identified. This environment can offer material and social resources that the subject lacks, be a source of expert information, education and psychological support. The author substantiates the need to verify the findings by further operationalising the characteristics of the social environment in order to objectively assess its ability to implement the adaptation of persons subjected to administrative supervision.

Keywords: administrative supervision, social adaptation of supervised persons, psychology of resisting recidivism, psychological factors of prevention, crime prevention.

For citation: Zlokazov K. V. Social-psychological approach to the adaptation of persons under probation: a review of foreign experience // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 205–214; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-205-214.

Введение

Административный надзор предполагает оказание на определённую законом¹ категорию лиц профилактического воздействия, нацеленного на снижение риска совершения ими преступлений и правонарушений. Следует отметить, что содержание воздействия на поднадзорных лиц в настоящее время не конкретизировано, что позволяет его субъектам – сотрудникам органов внутренних дел – использовать широкий арсенал методов и средств [4]. Поскольку осуществление административного надзора не предполагает методически обоснованного воздействия на поведение, отношения и / или представления поднадзорных лиц, это, с учётом института административного принуждения [2], указывает на преобладание формальной стороны профилактики над содержательной. Конечно, современное состояние института

административного надзора способствует снижению правонарушений и преступлений поднадзорных лиц², однако представляется, что наличие научно обоснованных методов и средств индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами будет способствовать повышению её эффективности.

Обращение к социально-психологической методологии осуществления данной работы связано с тем, что эффективность административного надзора определяется на основе оценки образа жизни поднадзорного лица. Так, досрочное прекращение административного надзора допускается при соблюдении ряда условий, в том числе если поднадзорное лицо положительно характеризуется по месту работы и (или) месту жительства, пребывания или фактического нахождения³. Длительное проживание в ад-

¹ Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (в ред. от 01.10.2019) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/ (дата обращения: 06.02.2023).

² Так, количество лиц, совершивших повторные преступления за период январь–ноябрь 2022 г. снизилось на 2,2 %, из них ранее судимых – 1,1 %, однако в целом составило 58,6 % от количества выявленных лиц, совершивших преступления (цит. по «Состояние преступности в России за январь–ноябрь 2022 года» – URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 18.12.2022)).

ном и том же месте, наличие работы и семьи, положительные отношения с социальным окружением и, безусловно, отсутствие преступлений и правонарушений являются результатом социально-психологической адаптации, полностью совпадающим с идеологией административного надзора. С учётом изложенного разработка социально-психологических методов оказания индивидуального профилактического воздействия на поднадзорных лиц будет способствовать их социальной адаптации, повышению уровня и качества жизни, а также снизит риск противоправных действий с их стороны.

Цель данной статьи – анализ зарубежных практик социально-психологической адаптации лиц, подвергнутых административному надзору или альтернативной ему формы контроля правоохранительных органов за поведением лиц, ранее совершивших преступление.

Задача исследования – описание социально-психологических оснований адаптации поднадзорных лиц. Данные основания рассматриваются как факторы, влияющие на результативность адаптации. Кроме того, делается попытка обобщения социально-психологических концепций, применяемых зарубежными правоохранительными органами для социальной адаптации поднадзорных лиц.

Методами исследования выступают теоретические методы познания: обобщение, категоризация и систематизация информации, в данном случае – о подходах, теориях и концепциях адаптации поднадзорных лиц.

Научная и практическая значимость данной работы заключается в разработке методов противодействия повторной (в том числе рецидивной) преступности, совершенствования постепенитенциарного сопровождения лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Структура статьи соответствует её цели и задачам.

Теоретическое изложение разделено на две части. В первой рассматриваются виды направленности воздействия на лиц, находящихся под административным надзором, во второй описываются социологические и социально-психологические факторы социальной адаптации поднадзорных, служащие основанием для организации работы с данной категорией лиц.

Теоретические предпосылки социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором

Разработанные в отечественной юридической психологии теоретические подходы к адаптации лиц, находящихся под административным надзором, имеют социальную и воспитательную направленность и в целом отражают идеологию и методы мер социального воздействия, присущих советской системе постепенитенциарного

сопровождения. Её признаки прослеживаются в деятельности подразделений ФСИН России, осуществляющих социальную адаптацию осуждённых.

Социальная направленность основывается на предположении о необходимости восстановления функционирования данной категории лиц в обществе. Под этим понимается создание условий для проживания, трудоустройства путём применения комплекса мер защиты прав и свобод осуждённых. Так, к примеру, согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, уголовно-исполнительным инспекциям даны полномочия для оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жильём, психологической и правовой помощи лицам, освобождённым от отбывания наказания условно-досрочно⁴. Социальная работа с осуждёнными осуществляется в различных формах, среди которых – восстановление социальных связей с родственниками, друзьями, коллегами и иными лицами, информирование и консультирование по правам данной категории лиц, особенностям и условиям нахождения в местах лишения свободы, трудоустройства, оформления (восстановления) документов и других направлений.

Воспитательный подход нацелен на коррекцию мировоззрения, ценностей, установок и убеждений поднадзорного лица, формирующей отношение к окружающей действительности и обществу. Воспитательная работа осуществляется в целях профилактики преступлений, а также предупреждения дальнейшей криминализации поднадзорных лиц. Её видами являются не только индивидуальные беседы, но и трудовая деятельность, обучение, участие в работе общественных и религиозных объединений. Воспитательная работа учреждений системы исполнения наказаний осуществляется комплексно, посредством сочетания различных её видов, а также с учётом индивидуальных склонностей осуждённых.

Важно отметить, что и социальный, и воспитательный подходы сопряжены в деятельности такого субъекта постепенитенциарного надзора, как уголовно-исполнительная инспекция. Однако вне её внимания остаются лица, состоящие под административным надзором, а функции социальной защиты и воспитательного воздействия не возлагаются на основных субъектов профилактической работы – участковых уполномоченных полиции [1]. Поэтому для совершенствования индивидуальной профилактической работы с поднадзорными лицами целесообразно проанализировать социально-психологические предпосылки их адаптации после отбывания уголовного наказания. Это

³ П. 2 ст. 9 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ (ред. от 01.10.2019) «Об административном надзоре за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112702/ (дата обращения: 06.02.2023).

⁴ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : сайт. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_oc_LAW_383610/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения : 20.12.22).

позволит выявить факторы и условия, способствующие восстановлению социального функционирования поднадзорных лиц.

С этой целью в статье анализируются социологические и социально-психологические подходы к социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором. Социологические аспекты адаптации рассматриваются через призму структурно-функциональной и интеракционистской теорий, тогда как социально-психологические факторы используются в концепциях ресоциализации, основанных на эклектических теориях социального взаимодействия. Рассмотрим их последовательно, фокусируясь на теоретических основаниях и их практическом воплощении.

Структурно-функциональный и интеракционистский подходы к адаптации поднадзорных лиц

В рамках структурно-функционального подхода адаптация поднадзорных лиц нацелена на восстановление их функционирования посредством социально-структурных изменений. Поскольку последствия уголовного наказания ухудшают возможности данной категории лиц в построении желаемого образа жизни и удовлетворении потребностей, уровень их маргинализации усиливается. Об этом свидетельствуют трудности в трудоустройстве, в том числе обусловленные ограничением видов деятельности, которыми может заниматься поднадзорное лицо. Кроме того, нахождение в исправительных учреждениях приводит к разрыву связей с социальным окружением, распаду семей, утрате дружеских отношений и другим негативным последствиям.

Исследователи отмечают, что возвращение к жизни в обществе после отбывания уголовного наказания для этой категории лиц требует создания специальных условий и изменений в структуре его социального взаимодействия. Со структурно-функциональной точки зрения адаптация лиц, отбывших наказание или находящихся под надзором, всецело зависит от комплекса экономических, социальных и индивидуально-психологических возможностей вести правопослушный образ жизни. Для обозначения этих возможностей используется понятие «капитал» и рассматриваются три его разновидности – человеческий, социальный и структурный [10]. Объём капитала сопоставляется с рисками криминализации, которые оцениваются для каждого лица индивидуально. К рискам относятся половозрастные характеристики, длительность отбывания наказания, а также выраженность асоциальной направленности, подверженность различным видам зависимостей, влияние асоциального окружения, отсутствие постоянных источников дохода и занятости.

Методика социальной адаптации заключается в реструктурировании взаимодействия с обществом, способствующем увеличению разных характеристик капитала и снижению

влияния рисков. С этой целью, к примеру, в Великобритании используются различные формы правовой, социальной и психологической поддержки, облегчающие взаимодействие по наиболее проблемным вопросам проживания, устройства на работу, получения медицинской помощи и иных мер адресной поддержки [7].

Исследователи отмечают, что наиболее сложной задачей адаптации бывших осуждённых является восстановление их социальной репутации.

Представители структурно-функционального подхода предлагают различные способы повышения социального статуса лица, отбывшего наказание. Рассматриваются такие действия, как признание за индивидом изменений в социальном поведении путём «демаркирования» или «сертификации декриминализации». По их мнению, признание «исправления» социального поведения должно облегчить социальное взаимодействие, сняв тем самым препятствия в проживании, трудоустройстве и иных аспектах удовлетворения своих потребностей. Ещё одним способом повышения социального статуса лиц, отбывших уголовное наказание, становится освоение разных видов профессиональной деятельности. Один из разработчиков этого метода адаптации Д. Дж. Мартинез отмечает, что разнообразие профессий повышает шансы бывших осуждённых на социальную адаптацию, поскольку способности и умения выступают в качестве источника социального капитала, облегчают установление новых социальных связей и, в целом, повышают их социальный статус [13].

Представители интеракционистского подхода рассматривают социальную адаптацию данной категории лиц как способ частичного либо полного изменения выполняемой ими социальной роли. Опираясь на идею Э. Гоффмана об исправительных учреждениях как «тотальных институтах» (местах проживания и работы групп людей, изолированных от общества на значительное время, которые проводят большую часть своей жизни в закрытом и формально управляемом режиме), исследователи отмечают, что адаптация должна не только закрепить требуемую обществом ролевую модель поведения, но и устранить негативные последствия длительного нахождения в исправительном учреждении [6].

Реализация интерактивной модели осуществляется посредством реинтеграции. Одним из примеров выступает канадская модель, предполагающая последовательное контролируемое освобождение лиц, отбывающих наказание [12]. В ней используются такие виды условно-досрочного освобождения, как временное отсутствие, дневное и полное условно-досрочное освобождение. Если временное отсутствие предполагает перемещение под контролем сотрудника службы исполнения наказания по ограниченному перечню оснований, то дневное условно-досрочное освобождение обязывает лишь к ночному нахождению в исправительном учрежде-

нии. Полное условно-досрочное освобождение снимает и это ограничение.

Исследователи отмечают, что адаптация методом реинтеграции эффективнее модели «подготовки к освобождению» в стенах исправительного учреждения [15]. Осуждённые склонны поддерживать отношения, существовавшие до отбывания наказания, и использовать их для решения жизненных проблем, восстановления привычного образа жизни. Возможность контактов с близкими им людьми поддерживает отношения, а постепенное и контролируемое включение способствует прекращению криминальных связей. Конечно, реализация программы реинтеграции сложнее, чем подготовка к освобождению. Она требует решения ряда задач (обладание полной и объективной информацией о личности и социальном окружении поднадзорного лица, разработку методики и процедуры оценки риска криминального поведения, подготовки сотрудников, осуществляющих надзор). Вместе с тем подобная модель имеет ряд преимуществ, поскольку обеспечивает закрепление социально-приемлемого ролевого поведения, не нарушая, а реконструируя систему взаимодействия поднадзорного лица с его окружением.

В целом социологические концепции адаптации фокусируются на восстановлении социального функционирования лиц, подвергнутых уголовному наказанию. Основные усилия направлены на обеспечение трудоустройства, получение образования, восстановление отношений с родственниками и членами семьи. При этом социологические концепции не уделяют внимания субъективным факторам адаптации, среди которых главенствующую роль играет отношение поднадзорных лиц к уголовному наказанию, последствия его переживания, сказывающиеся на восприятии себя, своей жизни, окружающих людей и общества в целом. Рассмотрению этих аспектов посвящён следующий раздел статьи.

Социально-психологические концепции адаптации поднадзорных лиц

В зарубежной науке социально-психологические концепции адаптации представляют собой разнородную по характеру целей, методов и средств их достижения область. Различия между ними обусловлены в первую очередь национальными и культурными особенностями организации постпенитенциарного сопровождения поднадзорных лиц, во вторую – теоретическими и методологическими основаниями концепций.

Несмотря на существенные различия, эффективность концепций оценивается объективно, исходя из силы воздействия, оказываемого на мировоззрение, ценности, установки, убеждения и представления поднадзорных лиц с учётом, конечно, социально-экономических

и правовых условий, создаваемых для этой категории лиц⁵.

Показателями эффективности адаптации в большинстве стран выступает снижение повторной преступности данной категории лиц, однако в ряде национальных программ оценивается качество жизни и удовлетворённость ею. Поэтому в рамках статьи рассматриваются концепции, преследующие две группы целей: а) противодействие криминализации поднадзорных лиц; б) ресоциализацию и реабилитацию, обеспечивающие адаптацию к обществу и косвенным образом обеспечивающие качество жизни.

Противодействие криминализации направлено на снижение повторной преступности поднадзорных лиц. В зарубежной исследовательской литературе обозначается несколько направлений, среди которых распространение получили концепции, эксплуатирующие проявления страха перед последствием уголовного наказания. К ним относятся: опасение за собственную жизнь и здоровье; страх разрыва отношений с родителями и родственниками; страх отчуждения, обусловленный социальными представлениями об опасности преступников и установками на разрыв отношений с ними; чувство стыда, обусловленное признанием преступником.

Несмотря на внешнюю схожесть, психологические предпосылки страхов существенно различаются. Страхи эгоистического вида (за себя, свою жизнь, здоровье или будущее), основанные на потребности в собственной безопасности, следует ограничивать от страхов социоцентрического вида (за других людей, в первую очередь родственников и близких), возникающих на основе осознания значимости социального существования [5]. Наиболее сложным по природе формирования является страх репутации, проявляющийся в чувстве стыда перед другими людьми за совершенные действия. Исследования показывают, что формирование чувства вины и раскаяния статистически снижает вероятность совершения повторного преступления [9]. При этом следует отметить, что влияние страха опосредовано возрастом, полом и социально-культурными особенностями, а его проявление может варьироваться в зависимости от индивидуальных сочетаний этих переменных.

Чувство страха используется в психологических программах противодействия повторной преступности. К примеру, предложенная Р. Патерностером и С. Бушвеем концепция использует страх преступника за своё будущее в качестве основания для отказа от совершения преступлений [18]. Предлагая преступнику изменить свое представление о себе и представить просоциальный образ своего существования взамен криминального, исследователи добиваются признания бесперспективности преступного существования. По сведениям Л. Лью и Р. Бачмана, отказ от преступного образа жизни посредством изменения отношения к себе

⁵ Подробный анализ будет представлен в специальной работе «Социально-психологическая адаптация лиц, подлежащих административному надзору», готовящейся в настоящее время к опубликованию.

оказывает положительное влияние на различные стороны социального функционирования – от повышения продолжительности ведения просоциального образа жизни до коренных изменений – образования семьи, рождения детей, освоения новой профессии [11].

Альтернативное направление противодействия криминализации нацелено на развитие возможностей социального функционирования. Так, концепция «сопротивления криминализации», разработанная Ф. МакНейлом, базируется на предположении о том, что потребность в принадлежности к социальной группе, а также потребность получения знаний и навыков являются ведущими побуждениями к правопослушному образу жизни. Социально-психологическими ресурсами реализации этих потребностей выступают личностная зрелость, умение образовывать межличностные отношения, формировать просоциальный образ собственной жизни [17].

Значение данных компонентов обосновано следующими соображениями. Возраст и личностная зрелость влияют на способность индивида выбирать между законным и противозаконным действием, оценивать последствия своих деяний для себя и окружающих. Социальные отношения связывают преступника с окружающими его людьми, в первую очередь, с семьей, друзьями, социальными группами или институтами, усиливая просоциальную направленность его поведения.

Наконец, просоциальное представление о себе (образ Я) соответствующим образом регулирует отношения индивида с окружающими его людьми и обществом. Как показывает Ш. Маруна, преступники, отказавшиеся от продолжения антиобщественного образа жизни, имели ясное и целостное представление о себе и своём будущем, тогда как преступники, повторно совершившие преступление, имели размытое и противоречивое мнение о себе, не задумывались о своём будущем [14].

Таким образом, противодействие криминализации поднадзорных лиц социально-психологическими методами нацелено на формирование и усиление просоциальной части социального окружения, развитие соответствующих социальных связей.

Концепции ресоциализации и реабилитации

Концепции ресоциализации и реабилитации представляют собой комплекс мер социально-психологического воздействия на осуждённых, а также лиц, отбывших наказание и находящихся под административным надзором.

В зарубежной практике работы с этой категорией лиц выделяется несколько направлений деятельности: личностная ресоциализация и реабилитация (приобретение новых умений и навыков или восстановление имевшихся), правовая (реинтеграция в сообщество через восстановление в правах), моральная (символическое возмещение ущерба через признание

вины перед потерпевшим), социальная (подготовка к выполнению функций в семье, трудовом коллективе, занятии общественной деятельностью). Данные направления являются основными, но в то же время, не исключают других, вторичных по отношению к ним направлений.

Следует отметить, что ресоциализация и реабилитация у зарубежных исследователей нередко рассматриваются взаимозависимыми частями социальной адаптации. В ряде работ ресоциализация описывается в качестве процесса интеграции индивида в общество, тогда как реабилитация выступает одной из её стадий. Нередко ресоциализация рассматривается как результат коррекционно-реабилитационного воздействия на определённую категорию лиц, чаще – осуждённых за совершение серийных насильственных преступлений. Подобная терминологическая многозначность обусловлена национальными подходами к работе с осуждёнными и лицами, совершавшими преступные деяния.

Термин «ресоциализация» применяется в концепциях, признающих преступление следствием социальных дисфункций, а ресоциализирующее воздействие предполагает устранение недостатков воздействия дефектного социального окружения.

Термин «реабилитация» подразумевает, что совершение преступления обусловлено нарушениями на личностном или микрогрупповом уровне, искажившими способность индивида удовлетворять потребности социально приемлемым способом. Реабилитация заключается в формировании новых или восстановлении нефункционирующих психологических механизмов регуляции поведения.

Программы ресоциализации реализуются в виде социально-психологического тренинга, вырабатывающего отсутствующие либо неполностью проявляющиеся социально-значимые знания, умения и навыки. К примеру, в сингапурскую модель ресоциализации входят тренинги просоциального мышления, управления гневом и эмоциями, противодействия приёму психоактивных веществ, управлению насилием, превенции сексуальных преступлений [19]. Оценка их эффективности показывает, что обучение межличностным навыкам, индивидуальное структурированное консультирование и коррекция поведения снижают количество повторных преступлений до 40 % [16].

Программы реабилитации направлены на устранение негативного воздействия условий отбывания наказания, влияния других осуждённых и криминального окружения. Ими выступают «деиндивидуализация» – снижение самостоятельности решений и поступков; «дискультурация» – потеря ценностей и установок, существовавших до заключения, «изоляция» – отсутствие социального взаимодействия с внешним миром; «отчуждение» из-за потери способности к адаптации вследствие однородности и бедности социального пространства исправительного учреждения, монотонного

и медленного ритма жизни лиц, отбывающих наказание [6]. Они осуществляются в форме индивидуальных и групповых психокоррекционных занятий, наиболее эффективным методом проведения которых выступают когнитивно-поведенческие тренинги. Оценка программ реабилитации, выполненная Дж. Фолк с коллегами, свидетельствует об их способности снижать до 30 % риск повторной преступности [8].

Обсуждение результатов

Проведённый анализ показал, что зарубежные практики адаптации осуждённых основываются на работе с социально-структурными и социально-психологическими характеристиками поднадзорных лиц. Проблемы адаптации описываются зарубежными исследователями в виде совокупности нарушений социального функционирования, существовавших на момент совершения преступления и отчасти выступивших его предпосылками. Среди них выделяется низкий уровень дохода при высоком уровне потребностей, отсутствие постоянного места работы и образования, наличие аддикций, сниженный волевой контроль, дефекты саморегуляции, отсутствие социальных связей, обеспечивающих поддержку и помощь.

Данные проблемы не решаются, а зачастую усугубляются в период отбывания наказания и пребывания в исправительных учреждениях. Отягчающими факторами являются субкультура осуждённых, а также криминальная субкультура, формирующая эгоцентрическое и иждивенческое мировоззрение поднадзорных лиц, пропагандирующих маргинальный, антиобщественный образ жизни.

Под влиянием насаждаемой ими эгоистической и гедонистической направленности, безответственности и попустительства, пропаганды криминального образа жизни искажается представление о социальных отношениях, прерываются связи с родственниками, членами семьи, близким неформальным окружением. В результате отдельные лица после завершения срока отбывания наказания в период нахождения под административным надзором не прилагают усилий для адаптации, рассматривая себя как жертву несправедливого и предвзятого отношения со стороны окружающих, общества и власти.

Можно констатировать, что проблема адаптации обусловлена не только объективно возникающими трудностями, но и субъективными представлениями иждивенчески-эгоистической природы. Как следствие, задачами социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором, могут выступать не только обеспечение источника дохода (трудоустройство), организация проживания и получения профессиональной квалификации, но и решение социально-психологических проблем. К ним относятся восстановление связей и отношений с социальным окружением, налаживание межличностного взаимодействия с родственниками, членами семьи, неформаль-

ным окружением, формирование альтруистических и просоциальных убеждений и представлений. Можно прийти к выводу, что стратегия адаптации данной категории лиц должна быть направлена на развитие социального взаимодействия.

С учётом значения социального окружения в противодействии криминализации и обеспечении социального функционирования можно рассмотреть его в качестве ключевого фактора социальной адаптации. К основным функциям окружения, способствующим адаптации можно отнести:

- ресурсную, выражающуюся в предоставлении средств и возможностей удовлетворения потребностей в жилье, пище и других жизненных нуждах;
- информирующую, обеспечивающую сбор, обобщение и передачу сведений о проблемных вопросах социальной интеграции (проживании, трудоустройстве, образовании, получении квалификации и др.);
- воспитательную, заключающуюся в закреплении моральных принципов и нравственных оснований взаимодействия с другими людьми и обществом в целом;
- психологическую, формирующую установки на преодоление проблем адаптации к новым условиям жизни, преодоление жизненных трудностей.

Рассмотрение окружения поднадзорного лица в качестве фактора адаптации целесообразно начать с оценки его способности выполнять эти функции. С практической точки зрения это подразумевает выявление возможностей лиц, которые его составляют, оказывать указанные виды воздействия.

Сложность изучения социального окружения заключается в том, что оно является квазигруппой, участие в которой люди принимают на основании собственных представлений. Некоторые члены этой группы могут не взаимодействовать друг с другом, или вовсе быть неизвестными. Наиболее стабильной частью этой группы является т. н. «ближайшее социальное окружение», образованное по признакам родства, семейственности или интенсивного взаимодействия.

Таким образом, даже определение лиц, составляющих социальное окружение субъекта, представляет собой методическую проблему. Нами предполагается, что основанием для его построения может выступать критерий субъективного отношения, устанавливающий принадлежность людей к окружению в зависимости от характера социальной связи между ними и субъектом.

Этим же способом могут быть оценены характеристики социального окружения. Ими, по

⁶ Злоказов К. В. Влияние характеристик социального окружения на делинквентное поведение лиц, находящихся под административным надзором // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1 (93). – С. 225–233. DOI 10.35750/2071-8284-2022-1-225-233.

нашему мнению, выступают: а) ресурсы, которые могут применяться для оказания помощи и поддержки; б) межличностные отношения между поднадзорным лицом и участниками его социального окружения; в) возможности лиц, включённых в социальное окружение, изменять свое отношение, поведение под влиянием его субъекта.

Данные характеристики формируют потенциал помощи и поддержки социального окружения, показывают его влияние на самого субъекта (его представления, убеждения, установки) а также позволяют установить готовность к соучастию окружающих лиц. Возможности адаптации, которыми обладает социальное окружение, определяются способностями к осуществлению ресурсной, воспитательной, психологической, информизирующей функций.

Минимальным потенциалом адаптации обладает социальное окружение, не имеющее ресурсов, которые могут быть использованы для оказания помощи и поддержки; характеризующееся негативными межличностными отношениями, ухудшающими социальное самочувствие и искажающими представления субъекта; не принимающими участия в жизни субъекта.

Максимальным потенциалом адаптации обладает социальное окружение, располагающее ресурсами для предоставления поддержки и оказания помощи, позитивным межличностным отношением к субъекту, готовностью принимать участие в жизни субъекта.

С учётом изложенного можно заключить, что возможность адаптации, которыми обладает социальное окружение, определяются, с одной стороны, ресурсами его участников, а с другой, отношениями, которые обеспечивают передачу, перераспределение и исполь-

зование данных ресурсов субъектом. Эта особенность обозначает зависимость между успешной социальной адаптацией и способностью лиц, находящихся под административным надзором, устанавливать гармоничные отношения с близкими людьми, обладать определённым уровнем морально-нравственного развития и личностной зрелости для образования межличностных отношений необходимого качества.

Заключение

В статье рассмотрены социально-психологические аспекты организации работы по социальной адаптации лиц, находящихся под административным надзором. На материале отечественной практики и зарубежных научных исследований показано, что предметом адаптации выступает восстановление социального функционирования поднадзорных лиц. Описываются возможности социального окружения в их адаптации, показана его роль и значение в декриминализации, снижении уровня повторной преступности. Описываются функции социального окружения, способствующие адаптации, рассматриваются показатели, позволяющие измерять и оценивать потенциал социального окружения по социальной адаптации конкретных лиц.

Полученные результаты в виде описания функций, показателей и критериев социального окружения нуждаются в дальнейшей верификации, в том числе операционализации. С этой целью дальнейшая работа будет направлена на проверку положений посредством их экспертного оценивания, разработку эмпирического инструментария оценки характеристик социального окружения поднадзорных лиц.

Список литературы

1. Аврутин Р. Ю., Фомин А. А., Фомина Т. Ф. О некоторых проблемах проведения профилактической работы участками уполномоченными полиции // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (69). – С. 64–68.
2. Каплунов А. И. О понятии административного принуждения как отраслевого вида государственного принуждения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2004. – № 3 (254). – С. 118–126.
3. Холманский В. И., Стульнова Т. В. Административно-правовые аспекты установления административного надзора за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы // Научный портал МВД России. – 2013. – № 4 (24). – С. 73–79.
4. Холманский В. И. Что мешает взаимодействию полиции и уголовно-исполнительных инспекций в борьбе с ростом рецидивной преступности в обществе? / В. И. Холманский, Т. В. Стульнова // Юридическая наука и практика: история и современность : сборник материалов I Международной научно-практической конференции, Рязань, 05 июня 2013 года / Филиал МИГУП в Рязанской области; Ответственный редактор И. В. Пантюхина. – Рязань: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Концепция», 2013. – С. 243–250.
5. Allen D. F., D'Alessandro M. F., Bethell K. A resocialization intervention model in the prison – the family: people helping people project // Sociology International Journal. – 2017. – Vol. 1(4). – pp. 113–119. DOI: 10.15406/sij.2017.01.00019.
6. Esposito M. The Rehabilitation Role of Punishment in Prisons in Italy. Theoretical Development and Sociological Considerations // Sociology Mind. – Vol. 4. – 2014. – pp. 183–191. DOI: 10.4236/sm.2014.42018.
7. Faulkner D. The new shape of probation in England and Wales: Values and opportunities in a changing context // Probation Journal. – Vol. 55 (1). – 2008. – pp. 71–83. DOI: 10.1177/0264550507088684.

8. *Folk J. B., Disabato D. J., Daylor J. M., Tangney J. P., Barboza S., Wilson J. S., Bonieskie L., & Holwager J.* Effectiveness of a self-administered intervention for criminal thinking: Taking a chance on change // *Psychological Services*. – Vol. 13 (3). – 2016. – pp. 272–282. DOI: 10.1037/ser0000079.
9. *Friedrich W.* What Makes People Reoffend? Predictors of Reconviction – A 2-year Longitudinal Study // *Deviant Behavior*. – July, 2022. – pp. 1–17. DOI: 10.1080/01639625.2022.2095238.
10. *Gough D. & Coghlan M.* Understanding Reoffending: Push factors and Preventative Responses. – University of Portsmouth, 2022. – 94 pp.
11. *Liu L., Bachman R.* Self-identity and persistent offending: a quantitative test of identity theory of desistance // *Journal of Offender Rehabilitation*. – Vol. 60 (5). – 2021. – pp. 341–357. DOI: 10.1080/10509674.2021.1931623.
12. *MacKenzie C., Amirault J.* From Incarceration to Reintegration: Using the Human Services Model to Manage Canadian Prisoner Mental Health // *Journal Correction Health Care*. – Vol. 27 (1). – 2021. – pp. 66–70. DOI: 10.1089/jchc.19.05.0046.
13. *Martinez D. J.* Role accumulation theory and prisoner reintegration: The pursuit of transformative social roles // *Probation Journal*. – Vol. 57 (2). – 2010. pp. 139–151. DOI:10.1177/0264550510362560.
14. *Maruna S.* Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives. Washington DC. – American Psychological Association Books. – 2001. – 211 p.
15. *Maruna S.* 'Going Straight: Desistance from Crime and Self-Narratives of Reform' // *Narrative Study of Lives*. – Vol. 5. – 1997. – pp. 59–93.
16. *McGuire J.* Integrating Findings from Research Reviews // *Offender Rehabilitation and Treatment: Effective Programmes and Policies to Reduce Reoffending*. – New York: J. Wiley, 2002. – 394 pp.
17. *McNeill F.* A desistance paradigm for offender management // *Criminology and Criminal Justice*. – Vol. 6(1). – 2006. – pp. 39–62.
18. *Paternoster R. & Bushway S.* Desistance and the “feared self”: Toward an identity theory of criminal desistance // *Journal of Criminal Law and Criminology*. – Vol. 99. – 2009. – pp. 1103–1156.
19. *Tang S.* Effective Rehabilitation and Reintegration of Offenders. Resource Material Series. – Vol. 82. – Tokyo, Japan: UNAFEI, December, 2010. – pp. 41–51.

References

1. *Avrutin R. Yu., Fomin A. A., Fomina T. F.* O nekotorykh problemakh provedeniya profilakticheskoy raboty uchastkovymi upolnomochennymi politzii // *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2022. – № 3 (69). – S. 64–68.
2. *Kaplunov A. I.* O ponyatii administrativnogo prinuzhdeniya kak otraslevogo vida gosudarstvennogo prinuzhdeniya // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*. – 2004. – № 3 (254). – S. 118–126.
3. *Kholmanskiy V. I., Stul'nova T. V.* Administrativno-pravovyye aspekty ustanovleniya administrativnogo nadzora za litsami, osvobozhdonnymi iz mest lisheniya svobody // *Nauchnyy portal MVD Rossii*. – 2013. – № 4 (24). – S. 73–79.
4. *Kholmanskiy, V. I.* Chto meshayet vzaimodeystviyu politzii i ugovovno-ispolnitel'nykh inspektsiy v bor'be s rostom retsidivnoy prestupnosti v obshchestve? / V. I. Kholmanskiy, T. V. Stul'nova // *Yuridicheskaya nauka i praktika: istoriya i sovremennost' : sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Ryazan', 05 iyunya 2013 goda / Filial MIGUP v Ryazanskoy oblasti; Otvetstvennyy redaktor I.V. Pantyukhina*. – Ryazan': Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo «Kontseptsiya», 2013. – S. 243–250.
5. *Allen D. F., D'Alessandro M. F., Bethell K.* A resocialization intervention model in the prison – the family: people helping people project // *Sociology International Journal*. – 2017. – Vol. 1(4). – pp. 113–119. DOI: 10.15406/sij.2017.01.00019.
6. *Esposito M.* The Rehabilitation Role of Punishment in Prisons in Italy. Theoretical Development and Sociological Considerations // *Sociology Mind*. – Vol. 4. – 2014. – pp. 183–191. DOI: 10.4236/sm.2014.42018.
7. *Faulkner D.* The new shape of probation in England and Wales: Values and opportunities in a changing context // *Probation Journal*. – Vol. 55 (1). – 2008. – pp. 71–83. DOI: 10.1177/0264550507088684.
8. *Folk J. B., Disabato D. J., Daylor J. M., Tangney J. P., Barboza S., Wilson J. S., Bonieskie L., & Holwager J.* Effectiveness of a self-administered intervention for criminal thinking: Taking a chance on change // *Psychological Services*. – Vol. 13 (3). – 2016. – pp. 272–282. DOI: 10.1037/ser0000079.
9. *Friedrich W.* What Makes People Reoffend? Predictors of Reconviction – A 2-year Longitudinal Study // *Deviant Behavior*. – July, 2022. – pp. 1–17. DOI: 10.1080/01639625.2022.2095238.
10. *Gough D. & Coghlan M.* Understanding Reoffending: Push factors and Preventative Responses. – University of Portsmouth, 2022. – 94 pp.
11. *Liu L., Bachman R.* Self-identity and persistent offending: a quantitative test of identity theory of desistance // *Journal of Offender Rehabilitation*. – Vol. 60 (5). – 2021. – pp. 341–357. DOI: 10.1080/10509674.2021.1931623.
12. *MacKenzie C., Amirault J.* From Incarceration to Reintegration: Using the Human Services Model to Manage Canadian Prisoner Mental Health // *Journal Correction Health Care*. – Vol. 27 (1). – 2021. – pp. 66–70. DOI: 10.1089/jchc.19.05.0046.
13. *Martinez D. J.* Role accumulation theory and prisoner reintegration: The pursuit of transformative social roles // *Probation Journal*. – Vol. 57 (2). – 2010. pp. 139–151. DOI:10.1177/0264550510362560.

14. *Maruna S.* Making good: How ex-convicts reform and rebuild their lives. Washington DC. – American Psychological Association Books. – 2001. – 211 p.
15. *Maruna S.* 'Going Straight: Desistance from Crime and Self-Narratives of Reform' // *Narrative Study of Lives.* – Vol. 5. – 1997. – pp. 59–93.
16. *McGuire J.* Integrating Findings from Research Reviews // *Offender Rehabilitation and Treatment: Effective Programmes and Policies to Reduce Reoffending.* – New York: J. Wiley, 2002. – 394 pp.
17. *McNeill F.* A desistance paradigm for offender management // *Criminology and Criminal Justice.* – Vol. 6(1). – 2006. – pp. 39–62.
18. *Paternoster R. & Bushway S.* Desistance and the “feared self”: Toward an identitytheory of criminal desistance // *Journal of Criminal Law and Criminology.* – Vol. 99. – 2009. – pp. 1103–1156.
19. *Tang S.* Effective Rehabilitation and Reintegration of Offenders. Resource Material Series. – Vol. 82. – Tokyo, Japan: UNAFEI, December, 2010. – pp. 41–51.

Статья поступила в редакцию 05.01.2023; одобрена после рецензирования 07.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted January 5, 2023; approved after reviewing February 7, 2023; accepted for publication March 1, 2023.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-215-220

Татьяна Вячеславна Мальцева

кандидат психологических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, Mtv-psy@mail.ru

Академия управления МВД России

Российская Федерация, 125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Психологические особенности ресурсов стрессоустойчивости руководителей органов внутренних дел Российской Федерации

Аннотация. Характер управленческого труда относится к тем видам профессиональной деятельности, которые предъявляют повышенные требования как к физическим, так и психологическим ресурсам субъекта труда, что непосредственно сказывается на результативности работы. Данным обстоятельством и обосновывается актуальность проводимого исследования. В целях повышения надёжности и эффективности профессиональной деятельности и профессионального долголетия руководителей органов внутренних дел Российской Федерации было проведено исследование психологических особенностей ресурсов стрессоустойчивости данной профессиональной группы. **Методология.** В процессе работы с материалом автором использовались традиционные методы: статистический, сравнительный, тестирования, интервьюирования. Исследование основывалось на субъектно-ресурсном подходе и психологической концепции субъективной витальности. В исследовании приняли участие 50 респондентов, в возрасте от 31 года до 59 лет. Был применён следующий диагностический инструментарий: специализированный семантической дифференциал «Оценка собственной жизненной энергии»; опросник «Психологического капитала» (А. Бэккер), в адаптации А. С. Маничева, «Тест жизнестойкости» S. Maddi, адаптированный Д. А. Леонтьевым, сокращённая версия повторно валидизирована Е. Н. Осиним и Е. И. Рассказовой. Использовались описательные статистики, критерий Колмогорова-Смирнова, критерий г-Спирмена, математическая статистика проводилась с помощью пакета прикладных программ IBM SPSS Statistics 21. **Результаты.** Проведённое исследование показало, что руководители органов внутренних дел обладают достаточной ресурсообеспеченностью и устойчивостью ресурсной базы, а психологическая помощь данной категории управленцев должна быть направлена на восполнение психологических ресурсов и коррекцию самооценки долго служащих руководителей ОВД, на развитие способности управлять своей жизненной энергией в периоды интенсивной служебной деятельности.

Ключевые слова: руководитель ОВД, стрессоустойчивость, ресурсы, ресурсообеспеченность, ресурсная база, субъективная витальность

Для цитирования: Мальцева Т. В. Психологические особенности ресурсов стрессоустойчивости руководителей органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 215–220; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-215-220.

Tatiana V. Maltseva

Cand. Sci. (Psychol.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-0629-7293>, Mtv-psy@mail.ru

Academy of Management of the MIA of Russia

8, Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 125993, Russian Federation

Psychological features of stress resistance resources of heads of territorial internal affairs bodies of the Russian Federation

Abstract: The nature of managerial work refers to those types of professional activities that place high demands on both the physical and psychological resources of the subject of labor, which directly affects the performance of work. This circumstance substantiates the relevance of the study. In order to increase the

reliability and efficiency of professional activity and professional longevity of the heads of the internal affairs bodies of the Russian Federation, a research of the psychological characteristics of the stress resistance resources of this professional group was performed.

Methodology. In the process of working with the content, the author used traditional methods: statistical, comparative, testing, interviewing. The study was based on the subject-resource approach and the psychological concept of subjective vitality. The research involved 50 respondents, aged 31 to 59 years. The following diagnostic tools were used: specialized semantic differential «Assessment of one's own vital energy»; questionnaire «Psychological capital» (A. Bakker), adapted by A. S. Manichev, «Resilience test» by S. Maddi, adapted by D. A. Leontiev, abbreviated version re-validated by E. N. Osin and E. I. Rasskazova. Descriptive statistics, the Kolmogorov-Smirnov test, the r-Spearman test were used, mathematical statistics were carried out using the IBM SPSS Statistics 21 application package.

Results. The study showed that the heads of internal affairs bodies have sufficient resources and sustainability of the resource base. The psychological assistance to this category of managers should be aimed at the psychological resources replenishment and the self-esteem correction of long-serving heads of internal affairs bodies, at developing the ability to manage their vital energy during periods of intensive service activity.

Keywords: head of internal affairs department, stress resistance, resources, resource availability, resource base, subjective vitality

For citation: Maltseva T. V. Psychological features of stress resistance resources of heads of territorial internal affairs bodies of the Russian Federation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 215–220; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-215-220.

Введение. Среди актуальных научных исследований в современной психологии одно из центральных мест занимают исследования ресурсов личности. Вопросы, входящие в эту зону, всё чаще привлекают к себе внимание не только психологов-теоретиков, но и психологов-практиков, работающих в различных профессиональных сферах. Ресурсы стрессоустойчивости руководителей органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) непосредственно связаны с аспектами повышения надёжности и эффективности профессиональной деятельности, повышения профессионального долголетия этой группы управленческих кадров [6; 14]. Современные научные исследования подтверждают, что характер управленческого труда относится к тем видам профессиональной деятельности, которые предъявляют повышенные требования как к физическим, так и психологическим ресурсам субъекта труда [1; 2, с. 83–101; 5; 10; 13; 16; 18].

В работе Н. Е. Водопьяновой, Г. С. Никифорова, С. М. Шингаева, Е. А. Столярчук отмечается, что «в психологических исследованиях понятие ресурса не имеет однозначного трактования. В широком смысле данный конструкт представляется как набор качеств и средств субъекта жизнедеятельности, используемых им для самореализации в различных сферах. Используется данное понятие и как обозначение различных уровней регуляции жизнедеятельности человека. Возможна трактовка ресурсов и как факторов стрессоустойчивости, понимаемых как переменные, содействующие сохранению продуктивности деятельности, сохранению здоровья, адаптации в ситуации жизнедеятельности» [12, с. 127–128].

В концепциях, посвящённых профессиональному стрессу и здоровьесбережению, дефицитность ресурсов (ресурсообеспеченности), рассматривается в качестве детерминанты сни-

жения или потери здоровья, жизнестойкости, эффективности, возникновения выгорания как эмоционального, так и профессионального [3, 4, 9, 15; 17]. При этом под ресурсообеспеченностью понимается система ресурсов, доступных человеку для реализации его целей, а структурно-уровневое образование ресурсов с механизмами их функционирования, уровнями взаимодействия и регуляции принято обозначать как «ресурсная база» [12, с. 129].

Одним из первостепенных ресурсов человека, основой его ресурсной базы является его биоэнергетический потенциал, выступающий как витальность и осознаваемый как феномен «субъективная витальность» [7].

Описание исследования. На основе субъектно-ресурсного подхода в рамках разрабатываемой психологической концепции субъективной витальности было проведено исследование психологических ресурсов стрессоустойчивости руководителей ОВД среднего уровня управления. В исследовании приняли участие 50 респондентов, из них 9 женщин (4,5 %). Возраст респондентов от 31 года до 59 лет, средний стаж в ОВД – 19,6 года, средний стаж в должности руководителя – 6,98 года.

Для исследования ресурсов стрессоустойчивости были выбраны следующие диагностические методики: специализированный семантический дифференциал «Оценка собственной жизненной энергии»; опросник «Психологического капитала» (А. Бэккер), в адаптации А. С. Маничева, для оценки 4 специфических для трудового контекста личностных ресурсов [8]; «Тест жизнестойкости» S. Maddi, адаптированный Д. А. Леонтьевым, сокращённая версия повторно валидизирована Е. Н. Осиным и Е. И. Рассказовой, позволяющий оценить вовлечённость, контроль, принятие риска, общий показатель жизнестойкости [11].

Для ориентировки в выборе методов тематического анализа первоначально определён характер распределения полученных данных с помощью критерия Колмогорова-Смирнова, уровень значимости которого по всем шкалам составил меньше 0,05, что означает отличие эмпирического распределения от нормального. Для исследования в дальнейшем использовались непараметрические методы математической статистики с помощью пакета прикладных программ IBM SPSS Statistics 21.

Результаты и обсуждения. Полученные показатели по избранным психодиагностическим методикам (табл. 1) по всем шкалам находятся в зоне нормированности, что свидетельствует о достаточной ресурсообеспеченности руководителей ОВД.

Корреляционный анализ с помощью коэффициента корреляции r-Спирмена позволил установить наличие специфики ресурсной базы избранной группы респондентов (табл. 2).

Наблюдается значимая отрицательная корреляция между стажем службы в ОВД и самооценкой, т. е. чем дольше служит руководитель, тем более критично он себя оценивает. Кроме

того, можно говорить о том, что от увеличения стажа службы наблюдается тенденция к снижению всех составляющих ресурсообеспеченности, в большей степени это касается жизнестойкости и качественной характеристики субъективной оценки жизненной энергии. Значимая отрицательная корреляция отмечается и между параметрами «вовлечённость» и характеристикой «взаимодействие» субъективного восприятия своей жизненной энергии, что свидетельствует о том, что при высоком уровне вовлечённости субъект труда хуже управляет своей энергией.

Значимые положительные взаимосвязи наблюдаются между показателями самооценки, оптимистичности, самооценки, жизнестойкости, вовлечённости, контроля, принятия рисков, а также между собой среди большинства энергетических показателей. Данный результат может быть интерпретирован как свидетельство устойчивости ресурсной базы избранной категории управленцев, их личностной зрелости и развитой субъективности. Показатели субъективной витальности проявили значимую корреляцию с оптимистичностью и общим индексом психологи-

Таблица 1

Средние значения по шкалам психодиагностических методик

Шкалы	Среднее	Стандартное отклонение
Психологический капитал		
Самоэффективность	12,9800	1,75534
Оптимистичность	10,8600	1,34027
Самооценка	15,7000	2,08248
Жизнестойкость	17,3000	2,09226
Общий индекс	56,8600	6,12459
Тест жизнестойкости		
Жизнестойкость по тесту Мадди	60,6200	7,55899
Вовлечённость	25,1600	3,15168
Контроль	20,5200	2,95711
Принятие рисков	14,9400	2,29827
Оценка собственной жизненной энергии		
Объём	17,6200	8,09356
Качество	11,1600	6,46927
Сила	17,5800	7,59992
Динамика	13,1800	7,39192
Пространство	13,7200	6,80948
Взаимодействие	9,8200	6,18322
Vts	41,9600	14,80480
Vtd	41,1200	14,97841

Примечание: Vts – ситуационная субъективная витальность, Vtd – диспозиционная субъективная витальность.

Корреляционные взаимосвязи составляющих ресурсообеспеченности руководителей ОВД, критерий r-Спирмена

	возраст	стаж службы	стаж руководителя	самоэффективность	оптимистичность	самооценка	жизнестойкость	общий индекс	жизнестойкость по тесту Мадди	вовлечённость	контроль	принятие рисков	объём	сила	качество	динамика	пространство	взаимодействие	Vts	Vtd
Пол	,217	,053	,056	,063	,063	-,022	,026	,047	-,043	-,067	-,026	-,044	-,201	-,228	-,051	-,090	-,078	-,111	-,153	-,159
Возраст		,118	-,070	,087	,186	,025	-,157	,058	-,022	,048	-,078	-,102	-,005	-,090	,231	,044	,023	,104	,074	,056
Стаж службы			,444**	-,125	-,126	-,336**	-,228	-,247	-,090	-,090	-,120	-,002	-,155	-,108	-,212	-,076	-,077	-,061	-,129	-,049
Стаж руководителя				-,171	-,094	-,149	,000	-,109	,063	,048	,070	,057	,133	,202	,113	-,235	,102	-,130	,098	,165
Самоэффективность					,661**	,630**	,571**	,824**	,488**	,360**	,466**	,472**	,356**	,248	,127	,238	,132	,168	,270	,288**
Оптимистичность						,564**	,468**	,715**	,358**	,367**	,279**	,303**	,476**	,386**	,172	,278	,291**	,085	,380**	,388**
Самооценка							,615**	,838**	,346**	,363**	,291**	,231**	,399**	,190	,167	,348**	,135**	,073	,201**	,219**
Жизнестойкость								,842**	,600**	,507**	,546**	,573**	,224	,104	,143	,172	,100	-,045	,168	,133
Общий индекс									,514**	,486**	,428**	,441**	,420**	,217	,203	,335**	,183	,085	,297**	,283**
Жизнестойкость по тесту Мадди										,868**	,926**	,856**	,109	,163	,007	-,042	-,093	-,170	-,079	-,024
Вовлечённость											,697**	,569**	,199	,153	,030	-,013	-,031	-,311**	-,035	-,012
Контроль												,780**	,089	,184	,066	-,045	-,077	-,069	-,056	,009
Принятие рисков													,041	,168	-,052	-,006	-,068	,003	-,046	,016
Объём														,669**	,354**	,478**	,516**	-,057	,742**	,719**
Сила															,392**	,270	,499**	,252	,722**	,736**
Качество																,303	,580**	,345**	,643**	,633**
Динамика																	,462**	,413**	,627**	,641**
Пространство																		,356**	,776**	,797**
Взаимодействие																			,411**	,469**
Vts																				,971**

Примечание: Vts – ситуационная субъективная витальность, Vtd – диспозиционная субъективная витальность, * – корреляция значима на уровне 0,01, ** – корреляция значима на уровне 0,05.

ческого капитала, самоэффективность имеет значимую положительную корреляцию лишь с диспозиционной субъективной витальностью. Таким образом, в первую очередь оптимистичность и развитые составляющие психологического капитала (высокая эффективность, адекватная самооценка, большая жизнестойкость) способствуют повышению уровня витальности личности, тогда как высокий уровень витальности поддерживает и развивает составляющие психологического капитала личности.

Специфика взаимосвязей между показателями проявляется в значимых положительных корреляциях характеристики объёма жизненной энергии и самоэффективностью, самооценкой и оптимистичностью. Высокая оценка силы жизненной энергии значимо положительно коррелирует с оптимистичностью, а динамика с самооценкой.

Вывод. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на стрессогенность профессиональной деятельности руководителей ОВД, они обладают достаточной ресурсообеспеченностью и устойчивостью ресурсной базы. Результаты исследования показали направления психологической помощи данной категории управленцев, а именно, восполнение психологических ресурсов и коррекция самооценки долго служащих руководителей ОВД, управление своей жизненной энергией в периоды интенсивной служебной деятельности.

В дальнейшем возможно изучение психологических особенностей ресурсов стрессоустойчивости других категорий руководителей и сотрудников ОВД, структуры психологических ресурсов личного состава МВД России и психологической помощи при различных деструкциях ресурсообеспеченности.

Список литературы

1. Антоновский А. В., Балакишина Е. В., Власенко Н. Ю., Gefеле О. Ф. Психологические ресурсы руководителя, оказывающие влияние на эффективность управленческой деятельности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. – 2017. – № 3 (83). – С. 51–52.
2. Биопсихологический возраст и здоровье профессионалов: Перспективы антистарения : международная коллективная монография / под ред. Т. Н. Березиной. – Москва: Издательский дом Академии им. Н. Е. Жуковского, 2021. – 280 с.
3. Водопьянова Н. Е. Противодействие профессиональному выгоранию в контексте психологии здоровья / Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход: материалы VII Всероссийской конференции с международным участием. – 2017. – С. 77–83.

4. *Водопьянова Н. Е., Никифоров Г. С., Столярчук Е. А.* Интрасубъектные ресурсы жизнестойкости руководителей зрелого возраста // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / отв. ред. А. Л. Журавлёв, В. А. Кольцова. – Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», – 2017. – С. 921–927.
5. *Исаев А. А., Никифоров Г. С., Родионова Е. А.* Психология профессионального здоровья: обзор концепций // *Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.* – 2019. – Т. 32. – № 2. – С. 114–122.
6. *Лебедева М. Е.* Стрессоустойчивость руководителей органов внутренних дел разных возрастных групп // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.* – 2022. – № 206. – С. 267–274.
7. *Мальцева Т. В.* Субъективная витальность: подходы к изучению и интерпретации в науке : монография. – Рязань: ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2021. – 180 с.
8. *Маничев С. А., Погребицкая В. Е.* Опросник «Психологический капитал» А. Беккера: адаптация на русскоязычной выборке / *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики* / под ред. А. А. Обознова, А. Л. Журавлева. – Москва: Институт психологии РАН. – 2018. – С. 489–500.
9. *Шингаев С. М., Водопьянова Н. Е., Гофман О. О.* Надёжность, профессионализм, жизненная энергия: к юбилею Германа Сергеевича Никифорова // *Организационная психология.* – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 8–13.
10. *Овчинникова М. Б., Соценко Т. М.* Личностные характеристики руководителей с разным уровнем устойчивости к организационному стрессу // *Вестник Магілєўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, методыка.* – 2021. – № 2 (58). – С. 98–103.
11. *Осин Е. Н., Рассказова Е. И.* Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // *Вестник Московского университета.* – Серия 14. – Психология. – 2013. – № 2. – С. 147–164.
12. *Водопьянова Н. Е., Никифоров Г. С., Шингаев С. М., Столярчук Е. А.* Применение ресурсного подхода в практике психологического обеспечения профессионального здоровья // *Субъект труда и организационная среда: проблемы взаимодействия в условиях глобализации.* – Тверь: Тверской государственный университет, 2019. – С. 124–139.
13. *Стульба С. А.* Психологическая характеристика профессионального стресса в управленческой деятельности руководителей органов внутренних дел // *Вестник Академии МВД Республики Беларусь.* – 2018. – № 2 (36). – С. 245–249.
14. *Тихонова Е. А.* Психологическое сопровождение руководящего состава образовательных организаций МВД России в аспекте психологических ресурсов стрессоустойчивости // *Прикладная психология и педагогика.* – 2022. – Т. 7. – № 4. – С. 283–296.
15. *Хазова С. А.* Ресурсы личности в период взрослости // *Вопросы психологии.* – 2015. – № 5. – С. 28–37.
16. *Шингаев С. М.* Психологические факторы профессионального здоровья руководителя // *Вестник Омского университета. Серия: Психология.* – 2020. – № 3. – С. 39–47.
17. *Шингаев С. М.* Современное состояние и перспективы развития психологии профессионального здоровья в России // *Методология современной психологии.* – 2020. – № 11. – С. 360–367.
18. *Hobfoll S., Halbesleben J., Neveu J. P., Westman M.* Conservation of resources in the organizational context: The reality of resources and their consequences // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior.* – 2018. – № 5. – P. 103–128.

References

1. *Antonovskiy A. V., Balakshina Ye. V., Vlasenko N. Yu., Gefele O. F.* Psikhologicheskiye resursy rukovoditelya, okazyvayushchiye vliyaniye na effektivnost' upravlencheskoy deyatel'nosti // *Chelovecheskiy faktor: problemy psikhologii i ergonomiki.* – 2017. – № 3 (83). – S. 51–52.
2. *Biopsikhologicheskiy vozrast i zdorov'ye professionalov: Perspektivy antistareniya: mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya* / pod red. T. N. Berezinoi. – Moskva: Izdatel'skiy dom Akademii im. N. Ye. Zhukovskogo, 2021. – 280 s.
3. *Vodopyanova N. Ye.* Protivodeystiye professional'nomu vygoraniyu v kontekste psikhologii zdorov'ya / *Psikhologiya zdorov'ya i bolezni: kliniko-psikhologicheskiy podkhod: materialy VII Vserossiyskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem.* – 2017. – S. 77–83.
4. *Vodopyanova N. Ye., Nikiforov G. S., Stolyarchuk Ye. A.* Intrasub'yektnyye resursy zhiznestoykosti rukovoditeley zrelogo vozrasta // *Fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya sovremennoy psikhologii: rezultaty i perspektivy razvitiya* / отв. ред. А. Л. Zhuravlov, V. A. Kol'tsova. – Moskva: Izd-vo «Institut psikhologii RAN», – 2017. – S. 921–927.

5. *Isayev A. A., Nikiforov G. S., Rodionova Ye. A.* Psikhologiya professional'nogo zdorov'ya: obzor kontseptsiy // Uchonyye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noy raboty. – 2019. – T. 32. – № 2. – S. 114–122.
6. *Lebedeva M. Ye.* Stressoustoychivost' rukovoditeley organov vnutrennikh del raznykh vozrastnykh grupp // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. – 2022. – № 206. – S. 267–274.
7. *Mal'tseva T. V.* Sub»yektivnaya vital'nost': podkhody k izucheniyu i interpretatsii v nauke : monografiya. – Ryazan': IP Konyakhin A. V. (Book Jet), 2021. – 180 s.
8. *Manichev S. A., Pogrebitskaya V. Ye.* Oprosnik «Psikhologicheskii kapital» A. Bekkera: adaptatsiya na russkoyazychnoy vyborke / Aktual'nyye problemy psikhologii truda, inzhenernoy psikhologii i ergonomiki / pod red. A. A. Oboznova, A. L. Zhuravleva. – Moskva: Institut psikhologii RAN. – 2018. – S. 489–500.
9. *Shingayev S. M., Vodop'yanova N. Ye., Gofman O. O.* Nadozhnost', professionalizm, zhiznennaya energiya: k yubileyu Germana Sergeevicha Nikiforova // Organizatsionnaya psikhologiya. – 2020. – T. 10. – № 1. – S. 8–13.
10. *Ovchinnikova M. B., Sotsenko T. M.* Lichnostnyye kharakteristiki rukovoditeley s raznym urovnem ustoychivosti k organizatsionnomu stressu // Vesnik Magiloŭskaga dzyarzhavnaga ūniversiteta imya A. A. Kulyashova. Seryya C. Psikhologa-pedagogichnyya navuki: pedagogika, psikhologiya, metodyka. – 2021. – № 2 (58). – S. 98–103.
11. *Osin Ye. N., Rasskazova Ye. I.* Kratkaya versiya testa zhiznestoykosti: psikhometricheskiye kharakteristiki i primeneniye v organizatsionnom kontekste // Vestnik Moskovskogo universiteta. – Seriya 14. – Psikhologiya. – 2013. – № 2. – S. 147–164.
12. *Vodop'yanova N. Ye., Nikiforov G. S., Shingayev S. M., Stolyarchuk Ye. A.* Primeneniye resursnogo podkhoda v praktike psikhologicheskogo obespecheniya professional'nogo zdorov'ya // Sub»yekt truda i organizatsionnaya sreda: problemy vzaimodeystviya v usloviyakh globalizatsii. – Tver': Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 2019. – S. 124–139.
13. *Stul'ba S. A.* Psikhologicheskaya kharakteristika professional'nogo stressa v upravlencheskoy deyatel'nosti rukovoditeley organov vnutrennikh del // Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'. – 2018. – № 2 (36). – S. 245–249.
14. *Tikhonova Ye. A.* Psikhologicheskoye soprovozhdeniye rukovodyashchego sostava obrazovatel'nykh organizatsiy MVD Rossii v aspekte psikhologicheskikh resursov stressoustoychivosti // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. – 2022. – T. 7. – № 4. – S. 283–296.
15. *Khazova S. A.* Resursy lichnosti v period vzroslosti // Voprosy psikhologii. – 2015. – № 5. – S. 28–37.
16. *Shingayev S. M.* Psikhologicheskiye faktory professional'nogo zdorov'ya rukovoditelya // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya. – 2020. – № 3. – S. 39–47.
17. *Shingayev S. M.* Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya psikhologii professional'nogo zdorov'ya v Rossii // Metodologiya sovremennoy psikhologii. – 2020. – № 11. – S. 360–367.
18. *Hobfoll S., Halbesleben J., Neveu J. P., Westman M.* Conservation of resources in the organizational context: The reality of resources and their consequences // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. – 2018. – № 5. – P. 103 – 128.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022; одобрена после рецензирования 19.12.2023; принята к публикации 23.01.2023.

The article was submitted November 16, 2022; approved after reviewing December 19, 2023; accepted for publication January 23, 2023.

Научная статья

УДК 159.9

doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-221-229

Валерий Леонидович Ситников

доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>, sitnikof@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Сергей Витальевич Духновский

доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, dukhnovskysv@mail.ru

Высшая психолого-педагогическая школа Гуманитарного института
Югорского государственного университета
Российская Федерация, 628007, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

Владимир Александрович Корзунин

доктор психологических наук, профессор
<http://orcid.org/0000-0001-7332-6771>, vakorzunin@rambler.ru

Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова
Российская Федерация, 194044, г. Санкт-Петербург, ул. Академика Лебедева, д. 6

Социально-психологический климат в служебных коллективах органов внутренних дел: подход к его реконцептуализации

Аннотация: Анализ социально-психологического климата служебных коллективов органов внутренних дел Российской Федерации является важным источником информации оценки готовности сотрудников к выполнению оперативно-служебных задач. Проблема, инициирующая исследование, заключается в несоответствии методов измерения климата специфике взаимодействия сотрудников, характеру и условиям их трудовой деятельности. В отечественной социальной психологии существуют десятки подходов к пониманию сущности этого феномена, методов его диагностики и обеспечения оптимального климата в коллективе, что существенно затрудняет деятельность руководителей и психологов подразделений органов внутренних дел.

Статья посвящена переосмыслению феномена социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел, так как в современных условиях очевидной является необходимость конкретизации данного феномена, без чего невозможно определение и совершенствование инструментария и процедур, применяемых для его измерения. Авторы называют ключевые причины, требующие углублённого теоретического исследования климата служебных коллективов.

Методами исследования являются познавательные методы обработки информации (обобщение, систематизация и классификация), позволяющие охарактеризовать и синтезировать специфику исследования социально-психологического климата.

Результаты. В статье определены основные структурные элементы исследуемого явления и описаны главные направления понимания феномена социально-психологического климата. Их конкретизация позволяет адекватно оценить модальность и уровень социально-психологического климата, выявить причины его ухудшения в конкретном подразделении и обеспечить адекватное психологическое сопровождение.

Ключевые слова: социально-психологический климат, служебный коллектив, статические и динамические компоненты, межличностные взаимоотношения, взаимодействие, модальность климата

Для цитирования: Ситников В. Л., Духновский С. В., Корзунин В. А. Социально-психологический климат в служебных коллективах органов внутренних дел: подход к его реконцептуализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 221–229; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-221-229.

Valery L. Sitnikov

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0001-6847-7591>, sitnikof@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Sergey V. Dukhnovsky

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<https://orcid.org/0000-0003-3118-9988>, dukhnovskysv@mail.ru

Higher Psychological and Pedagogical School of the Humanitarian Institute of Yugra State University

16, Chekhov str., Khanty-Mansiysk, 628007, Russian Federation

Vladimir A. Korzunin

Dr. Sci. (Psy.), Professor

<http://orcid.org/0000-0001-7332-6771>, vakorzunin@rambler.ru

Military Medical Academy named after S. M. Kirov

6, Academician Lebedeva str., Saint Petersburg, 194044, Russian Federation

Social and psychological climate in Internal Affairs bodies' service teams: an approach to its conceptualisation

Abstract: Analysis of the socio-psychological climate of the police teams of the internal affairs bodies of the Russian Federation is an important source of information to assess the readiness of employees to perform service tasks.

The *problem* that initiates the study is the discrepancy between the methods for measuring the climate and the specifics of interaction of employees, the nature and conditions of their work activities. In a domestic social psychology there are dozens of approaches to the understanding of the essence of this phenomenon, methods of its diagnosis and ensuring an optimal climate in the team, which significantly complicates the activities of heads and psychologists of departments of internal affairs. The article is devoted to reconceptualization of the phenomenon of social-psychological climate in law-enforcement bodies teams as in modern conditions the necessity of concrete definition of the phenomenon is evident, without which the tools and procedures used for its measurement cannot be defined and improved. The authors name the key reasons that require in-depth theoretical study of the climate of service teams.

The *research methods* are cognitive methods of information processing (generalization, systematization and classification), which allow to characterize and synthesize the specifics of the study of the socio-psychological climate.

Results. The article identifies the basic structural elements of the phenomenon under study and describes the main directions of understanding the phenomenon of social and psychological climate. Their specification allows us to adequately assess the modality and level of psycho-social climate, identify the causes of its deterioration in a particular unit and provide adequate psychological support.

Keywords: socio-psychological climate, service team, static and dynamic components, interpersonal relationships, interaction, climate modality

For citation: Sitnikov V. L., Dukhnovsky S. V., Korzunin V. A. Social and psychological climate in Internal Affairs bodies' service teams: an approach to its conceptualisation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 221–229; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-221-229.

Введение

В исследованиях психологов силовых структур проблематика социально-психологического климата (далее СПК) уже более 20 лет подвергается анализу и оценке [12]. Как отмечают К. В. Злоказов с коллегами, сегодня существует несколько десятков различных подходов к пониманию сущности социально-психологического климата. Наряду со значимостью исследования социально-психологического климата очевидной является необходимость конкретизации данного феномена, «без чего невозможно

определение и совершенствование инструментария и процедур, применяемых для его измерения. Помимо утилитарных причин, вызванных психометрическими недостатками инструментария, ошибками организации психодиагностических процедур, существуют причины»¹, требующие углубленного научного исследования.

¹ Злоказов К. В., Юренкова В. А., Рожков А. А. Трудности в измерении и оценке социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 191–197; doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-191-197.

Первой причиной выступает слабая концептуализация явлений социально-психологического климата в науке, что проявляется в отсутствии целостной самостоятельной теории, объясняющей возникновение и трансформацию представлений о психологических процессах в служебных коллективах. По настоящее время данное явление рассматривается в качестве производной от взаимодействия участников группы, ассоциируется с явлениями сплочённости, взаимной симпатии, эмоционального состояния членов группы.

Второй причиной выступает отсутствие единой методологии изучения социально-психологического климата. С момента появления термина в организационной психологии самостоятельный подход к изучению социально-психологического климата ещё не сформирован. Он изучается на основе общей методологии, применяемой для описания социальных групп – параметрического, морфологического, функционального подходов. Данные методологии неспецифичны по отношению к социально-психологическому климату и, как следствие, не позволяют оценивать его в полной мере, изучать причины неблагоприятного климата, прогнозировать его изменение.

Разработка целостной модели климата служебного коллектива требует решения теоретических и методологических проблем. Данная статья содержит результаты научного осмысления выводов, полученных авторским коллективом научно-исследовательской работы «Изучение социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел Российской Федерации»².

Цель данного исследования – анализ и обобщение концепций социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел Российской Федерации, а также определение и конкретизация признаков, позволяющих адекватно оценить уровень социально-психологического климата.

Теоретические основания исследования

Социально-психологический климат в служебном коллективе органов внутренних дел представляет собой качественную характеристику межличностных отношений, проявляющихся в виде совокупности нравственных и психологических условий, способствующих или препятствующих продуктивной совместной деятельности и всестороннему развитию личности сотрудника в группе³.

Изучение социально-психологического климата в служебном коллективе органа внутренних дел невозможно без ясного представле-

ния о предпосылках его образования, механизмах формирования и специфике проявления. В отечественной социальной психологии данное понятие относится к числу устоявшихся, достигших высокого уровня разработки⁴. В отличие от зарубежной психологии, где исследования климата проводятся с позиций разных психологических подходов, в отечественной психологии существует относительное единство представлений о его сущности.

Социально-психологический климат относится к категории групповых процессов, возникающих вследствие вовлечения людей в состав социальной общности (группы). Основание участия в группе, равно как и основание образования самой группы, определяют формальные и неформальные виды групповых процессов [19].

Формальные процессы отражают потребность организации в существовании группы, образуя цель её деятельности, соответствующую ей структуру (состав участников), функции лидера и членов группы и порядок их взаимодействия.

Неформальные процессы характеризуют психологическую сторону отношений участников группы, возникающую по отношению к самой группе, её деятельности, другим участникам и самому участнику.

Формальная и неформальная стороны процессов, происходящих в группе, взаимосвязаны сложным и неоднозначным образом. Предполагается, что формальные процессы обеспечивают организацию деятельности группы, тогда как неформальные определяют отношение участников группы к своим действиям и деятельности всей группы, обеспечивают качество и продуктивность⁵.

Для служебных коллективов органов внутренних дел характерно преобладание формальных аспектов групповых отношений над неформальными, выражающееся в нормативной регламентации взаимодействия, обеспечивающей субординационные отношения между участниками группы [11].

Сущность социально-психологического климата в научной литературе описывается разнородно и рассматривается как совокупность характера, содержания и направленности членов коллектива [13], их эмоционально-психологического настроения [16], стиль взаимоотношений [20]; степень сплочённости и общности [1].

Различия в трактовке понятия обусловлены, с одной стороны, многомерностью явления, которое оно определяет, с другой – социально-психологической спецификой групп, в которых оно изучалось. Поскольку исследовались учебные, спортивные и произ-

² Юренкова В. А., Злоказов К. В., Будаков И. А. Изучение социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел Российской Федерации : методические рекомендации (материалы отчёта о научно-исследовательской работе, рег. № 01221185). – 52 с.

³ Пырьев Е. А. Психология малых групп. Практико-ориентированный курс : учебное пособие. – Оренбург: Издательство ОГПУ, 2016. – 232 с.

⁴ Психология управления руководителей органов внутренних дел Российской Федерации : учебник / под ред. В. В. Вахниной. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 344 с.

⁵ Социально-психологический климат в служебных коллективах органов внутренних дел : методическое пособие / под ред. М. И. Марьина, Е. А. Мешалкина. – Москва: ЦОКР МВД России, 2001. – 312 с.

водственные коллективы, целесообразно охарактеризовать сущность социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел.

Все многообразие подходов к пониманию и определению сущности социально-психологического климата вряд ли возможно свести воедино. К. В. Злоказов с коллегами, проанализировав трудности в оценке социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел, пришли к выводу, что в различных подходах к определению социально-психологического климата можно выделить не меньше трёх принципиально отличающихся направлений⁶.

Одно направление, представленное работами А. Л. Свенцицкого, И. П. Волкова, В. В. Новикова, В. Б. Ольшанского, В. Д. Парыгина, Р. Х. Шакурова, отражает представление социально-психологического климата как определённого эмоционального настроения, состояния членов коллектива. Второе направление, представленное трудами В. А. Покровского, В. М. Шепеля, А. Н. Щербаня, Л. Н. Когана, В. В. Косолапова, А. В. Петровского и А. В. Ярошевского, рассматривает особенности социально-психологического климата через призму качества межличностных взаимоотношений участников коллектива. Третье направление нашло отражение в исследованиях И. Е. Ворожейкина, К. Геворкян, Л. С. Егорова, В. В. Карпова, Л. А. Лазаренко, Н. Ю. Челнокова, которые описывают социально-психологическое состояние отношений, межличностных и групповых связей членов коллектива.

Результаты исследований ученых и ведущих специалистов-психологов МВД России В. В. Вахниной, М. В. Виноградова, В. М. Крука, А. Ф. Караваева, Ю. Г. Касперович, В. Л. Кубышко, Т. В. Мальцевой, М. И. Марьина, И. С. Складченко, О. А. Ульяниной, Т. В. Щеголевой и многих других связывают эффективность оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел с состоянием социально-психологического климата в служебных коллективах.

В учебнике «Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации», подготовленном большим авторским коллективом учёных вузов системы МВД России, даётся разделяемое нами в целях данного исследования определение служебного коллектива: «Служебный коллектив – это специально созданное (сформированное на основе правовых норм) сообщество людей, объединённых общими для всех его членов задачами и целями, имеющих чётко обозначенные функциональные обязанности, реализуемые в совместной профессиональной деятельности

на основе научно разработанного ресурсного обеспечения»⁷.

Можно считать, что к настоящему времени в психологической науке существует несколько конкурирующих теорий социально-психологического климата, а в ведомственной науке – несколько представлений о его характеристиках и свойствах. В целях их упорядочивания нами излагаются идеи, предложенные в научно-исследовательской работе В. А. Юренковой, К. В. Злоказова, И. А. Будакова⁸.

Результаты исследования. Оптимальная модель социально-психологического климата может быть представлена в совокупности статических и динамических компонент, так как это видят К.А. Егоров с соавторами⁹.

Статические компоненты образованы представлениями участников о целях деятельности коллектива, нормативных и правовых основах их достижения, функциональных и должностных обязанностях. Статическая сторона выражается в организации совместной деятельности – распределении задач между участниками коллектива и ресурсов для их достижения, установления порядка (последовательности) совместных действий, контроля над их выполнением, управления отдельными этапами, процедурами.

На индивидуальном уровне статический компонент проявляется в знании персональных задач участниками взаимодействия, понимании процесса деятельности и осознании своей роли (функции) в нём. Также статические составляющие выражаются в способности осуществлять взаимодействие с членами служебного коллектива, проявляясь в организованности процесса совместной деятельности и координированности действий его участников [23].

Статический компонент определяет также готовность членов коллектива осуществлять совместную деятельность при выполнении задач повышенной сложности, в особых условиях [17]. Он основывается на высоком уровне само- и самоорганизации, способности выполнять действия в условиях помех, недостатка информации (неопределённости), временных и иных ресурсов, умения оказать помощь и поддержку друг другу. Низкий уровень готовности проявляется в дезорганизации взаимодействия при усложнении условий деятельности.

Динамические составляющие образованы взаимоотношениями участников служебного коллектива, а их повседневные проявления фор-

⁷ Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации : учебник / под общ. ред. В. Я. Кикотя. – Москва: ЦОКР МВД России, 2009. – 480 с.

⁸ Юренкова В. А., Злоказов К. В., Будаков И. А. Указ. соч.

⁹ Егоров К. А., Тюнис Л. Ю., Ульянина О. А. Социально-психологический климат в служебных коллективах органов внутренних дел : учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2018. – 92 с.

⁶ Злоказов К. В., Юренкова В. А., Рожков А. А. Трудности в измерении и оценке социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3 (95). – С. 191–197. doi: 10.35750/2071-8284-2022-3-191-197.

мируют «психологическую атмосферу» служебного коллектива [15]¹⁰.

Взаимоотношения участников служебного коллектива по их целям, содержанию и характеру регламентации подразделяются на деловые и личные.

Деловые взаимоотношения образуются с учетом статусно-позиционной структуры служебного коллектива и должностных обязанностей (функций), выполняемых его участниками в совместной деятельности. Качество деловых взаимоотношений прямо влияет на продуктивность совместной деятельности и выражается в характеристиках коммуникации сотрудников подразделения.

Высокий уровень развития деловых взаимоотношений характеризуется возможностью обмена информацией сотрудников коллектива друг с другом, отсутствием барьеров коммуникации и интеракции между ними. Низкий уровень деловых взаимоотношений проявляется в слабо сформированной системе коммуникации участников коллектива, наличии трудностей понимания, проблем мотивации, регуляции совместных действий и иных препятствий совместной работе сотрудников. Следствием недостатков коммуникации следует считать появление домыслов и слухов, дестабилизацию межличностных отношений и дезорганизацию деятельности коллектива.

Личные взаимоотношения характеризуются системой межличностных отношений участников служебного коллектива. Благоприятные личностные взаимоотношения выражаются в признании ценности и референтности участников служебного коллектива, сочетающихся в чувствах доверия и уважения по отношению к ним.

Ценность участников служебного коллектива друг для друга зависит от сходства их представлений о совместной деятельности, их отношения к целям и ориентации на результат [5]. Высокая ценность участников коллектива друг для друга свидетельствует о близости их позиций, взглядов и направленности и, как следствие – совместимости.

Референтность обеспечивает готовность участника подвергаться влиянию коллектива, соблюдать его нормы, признавать ценности, действовать на основе мнений и оценок его участников. Референтность повышает адаптацию служебного коллектива к изменяющимся условиям деятельности, поскольку поддерживает восприимчивость участников к коллективному мнению, а также друг к другу [16].

Доверие характеризует субъективную уверенность участников коллектива друг в друге как в компетентных, ответственных и надежных соучастниках совместной деятельности [6]. Доверие относится к социально-психологическим

качествам, обеспечивающим взаимодействие сотрудников в особых условиях оперативно-служебной деятельности, отягощённых неопределённостью, дефицитом времени и иных ресурсов [18].

Уважение участников служебного коллектива возникает на основе признания их профессионализма и компетентности, способности выполнять задачи совместной деятельности наилучшим образом. Выражение уважения является необходимым условием формирования и поддержания самооценки и положительного самоотношения [9].

Межличностные взаимоотношения членов служебного коллектива образуют ресурсы взаимной поддержки и взаимопомощи, повышая уровень сплочённости и субъективного благополучия его участников. Следует подчеркнуть, что формирование системы деловых и личных взаимоотношений в коллективе является одной из прерогатив его руководителя. Посредством взаимоотношений руководитель регулирует групповые процессы в служебном коллективе, разрешая проблемы взаимодействия, противоречия и конфликты [2].

Взаимоотношения сотрудников с руководителем выступают составной частью деловых отношений служебного коллектива. Целью системы подобных взаимоотношений выступает координация выполнения задач, стоящих перед коллективом, поддержание мотивации к деятельности его участников, повышение их сплочённости. Кроме того, выстраивание взаимоотношений с подчинёнными позволяет решать задачи обучения, воспитания подчинённых, изучать их психологические свойства, мотивацию к служебной деятельности и направленность.

Положительная или отрицательная модальность социально-психологического климата оказывают значительное, порой решающее влияние на эффективность деятельности служебного коллектива. Направление и модальность социально-психологического климата зависят от множества факторов, включающих как особенности взаимоотношений, так и особенности взаимодействия между членами коллектива, между руководителями и сотрудниками, от их отношений и взаимодействия со смежными структурными подразделениями. Подчеркнем и то, что деструктивное поведение сотрудников органов внутренних дел также определяется их статусом в служебном коллективе [10].

На модальность социально-психологического климата существенное влияние может оказывать и хроническая усталость, профессиональное выгорание, дистресс, определяющие доминирующее влияние на психоэмоциональное состояние, которое разделяется на стеническое (способствующее выполнению поставленных задач – активность, бодрость, готовность, уверенность и др.) и астеническое (затрудняющие выполнение задачи – пассивность, неуверенность, безразличие, усталость и пр.) [7].

Неблагоприятный социально-психологический климат нередко обусловлен недостатка-

¹⁰ Марьян М. И. Оценка и оптимизация психологического климата, стиля руководства в органах управления и подразделениях Государственной противопожарной службы: методическое пособие / под ред. Е. А. Мешалкина. 2-е изд. – Москва: Изд-во ВНИИПО, 1998. – С. 18.

ми во взаимоотношениях руководителя с подчинёнными, выражающимися в игнорировании их психологических свойств, неравномерном распределении нагрузки, необъективной оценкой деятельности и применением мер поощрения и наказания без учёта их личностных особенностей [3]. Одной из причин этого является отсутствие взаимоотношений между подчинёнными и руководителем, выступающих источником информации для оптимизации деятельности коллектива и мотивации его участников. Вместе с тем данные взаимоотношения должны строиться на основе субординации, предполагающей соблюдение статусной дистанции¹¹.

Неблагоприятный климат свидетельствует о деструктивных конфликтах, атмосфере недоброжелательности и вражды участников коллектива [10; 11].

Поскольку неблагоприятный климат характеризуется трудностями в регуляции действий внутри служебных коллективов, нарушением организации и координации взаимодействия, это неизбежно сказывается на результативности. Так, К. А. Егоров, Ю. Тюнис и О. А. Ульянина называют признаки, по которым косвенно можно судить о неблагоприятном состоянии социально-психологического климата в служебном коллективе:

- эффективность оперативно-служебной деятельности;
- соблюдение сроков выполнения поставленных задач;
- качество исполнения служебной документации;
- уровень текучести кадров;
- количество опозданий на службу;
- численность сотрудников, привлечённых к дисциплинарной ответственности;
- аккуратность в обращении с оружием, техническими средствами и оборудованием;
- количество претензий, жалоб, поступающих от сотрудников и граждан [8].

Второй стороной влияния неблагоприятного социально-психологического климата выступает его воздействие на индивидуальную деятельность сотрудников. Астенческое психоэмоциональное состояние, демотивированность и попустительское отношение культивируются внутри коллективов с подобным климатом, что подрывает психологическую готовность сотрудников к деятельности, снижает самоконтроль и саморегуляцию. В связи с этим В. Е. Петров социальную лень (прокрастинацию) как следствие негативного воздействия окружения на сотрудника относит к числу проблем служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел [21].

М. Е. Гурьев отмечает, что неблагоприятный социально-психологический климат характеризуется:

- наличием конкуренции и конфликтов сотрудников;

- запуском сплетен, слухов, созданием группировок;
- определением отверженных;
- ориентацией коллектива на выполнение минимальных показателей деятельности;
- низким уровнем исполнительской дисциплины [4].

В. А. Киселев приходит к выводу о том, что неблагоприятный социально-психологический климат проявляется в нарушении субординации, распорядка дня и служебной дисциплины, скрытой критике руководителя и его указаний, частых конфликтах между сотрудниками, распространении слухов [11].

Анализ различных подходов к пониманию социально-психологического климата в служебных коллективах органов внутренних дел позволяет сделать вывод о наличии структурной и динамической составляющих, определяющих уровень его развития.

Структурная составляющая отражает подсистему совместной деятельности участников коллектива (взаимодействие), а динамическая – систему отношений, сформированную участниками служебного коллектива к деятельности, друг к другу и самим себе.

Следовательно, социально-психологический климат может быть изучен посредством обращения к характеристикам взаимодействия и взаимоотношений участников служебного коллектива друг с другом. Состояние социально-психологического климата следует измерять и оценивать на основе изучения характеристик взаимодействия участников служебного коллектива и совокупностью отношений, сформированных у каждого из них по отношению к себе, другим и совместной деятельности.

Социально-психологический климат формируется на основе взаимодействия и взаимоотношений участников служебного коллектива органа внутренних дел и характеризует их способность достигать намеченной цели [19]. На формирование и актуальное состояние социально-психологического климата влияет широкий спектр факторов, условно разделяемых на факторы взаимодействия и взаимоотношений.

Взаимодействие членов служебного коллектива определяется их восприятием совместной деятельности – ориентацией на её результат. С позиции социально-психологической теории коллектива [22] направленность на результат лежит в ядре отношений участников коллектива, устанавливает их восприятие руководителя, других сотрудников, самих себя. Высокий уровень взаимодействия участников служебного коллектива – организованность – выражается в едином представлении о цели совместной деятельности, процессе её достижения и отношении к результату [14].

Взаимоотношения выступают вторым фактором, характеризующим состояние социально-психологического климата. Поскольку взаимоотношения пронизывают все стороны взаимодействий участников служебного коллектива, они прямо влияют на совместную де-

¹¹ Снежко С. В. Неформальные отношения как социальный ресурс организации : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2010. – 26 с.

ятельность и опосредованно – на отношение участников к деятельности, другим участникам служебного коллектива и к себе как участнику взаимодействия. Характеристикой взаимоотношений выступает их эмоциональный модус – позитивное, нейтральное либо негативное отношение.

Заключение

В результате теоретического анализа различных подходов к пониманию социально-психологического климата в служебном коллективе подразделений органов внутренних дел можно утверждать следующее.

1. Сегодня нет однозначного подхода к пониманию этого явления, несмотря на огромное количество исследований в отечественной социальной психологии, посвящённых этому важнейшему феномену коллективной деятельности.
2. Можно выделить три основных направления подхода к исследованию этого феномена: как определённого эмоционального настроения, состояния характерного для членов коллектива; как характеристики качества межличностных взаимоотношений участников коллектива; как социально-психологического состояния отношений, межличностных и групповых связей членов коллектива между собой.

3. Социально-психологический климат характеризуют структурная и динамическая составляющие. Структурная составляющая отражает подсистему совместной деятельности участников коллектива (взаимодействие), а динамическая – систему отношений участников служебного коллектива к деятельности и друг другу (взаимоотношение).

4. Позитивная, благоприятная и негативная, неблагоприятная и неэффективной деятельности модальность социально-психологического климата зависит от множества факторов. Неблагоприятный климат свидетельствует о существовании деструктивных конфликтов, атмосфере недоброжелательности и вражды участников коллектива, как правило, не только между собой, но и с руководителями и нередко с коллегами из других структурных подразделений.

Следовательно, социально-психологический климат может быть изучен посредством обращения к характеристикам взаимодействия и взаимоотношений всех участников служебного коллектива. Состояние социально-психологического климата следует измерять и оценивать на основе изучения характеристик взаимодействия участников служебного коллектива и системы сформированных между ними межличностных отношений.

Список литературы

1. Бабушкин Г. Д., Кулагина Е. В. Психологическая совместимость и срабатываемость в спортивной деятельности: монография. – Омск: СибГАФК, 2001. – 110 с.
2. Бурцев А. О., Тавилова Н. Н. Влияние стиля руководства на психологический климат организации (на примере служебных коллективов МВД России // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 2 (51). – С. 107–116. – DOI : 10.33463/2072-8336.2020.2(51).107–116.
3. Гайнуллина А. В. Профилактика конфликтов в коллективах органов внутренних дел как условие поддержания благоприятного социально-психологического климата // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 5. – С. 282–285.
4. Гурьев М. Е. Анализ особенностей социально-психологического климата коллектива сотрудников органов внутренних дел / Актуальные проблемы психологической работы в органах внутренних дел : сборник статей по материалам межведомственного круглого стола (Васильевские чтения), Санкт-Петербург, 24 марта 2016 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 75–80.
5. Донцов А. И., Дубовская Е. М., Жуков Ю. М. Группа – коллектив – команда. Модели группового развития / Социальная психология в современном мире. – Москва: Аспект Пресс, 2002. – С. 96–115.
6. Евтифеева Е. А., Балакшина Е. В., Филиппченко С. И. Доверие как компонент социально-психологического климата коллектива / Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. – Москва: Институт психологии РАН, 2018. – С. 963–974.
7. Ермолаева Е. В., Павлова Л. А. Благоприятный социально-психологический климат в коллективе как условие эффективной работы // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. – 2015. – № 3. – С. 50–52.
8. Зародина В. В. Социально-психологический климат в трудовом коллективе: его особенности и влияние на эффективность труда сотрудников // Человеческий капитал. – 2018. – № 3 (111). – С. 41–52.
9. Зарубина Н. Н. Взаимное уважение в повседневной жизни россиян // Социологические исследования. – 2014. – № 3. – С. 10–18.
10. Злоказов К. В. Особенности деструктивности личности и статус в служебном коллективе // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 4(55). – С. 38–42.
11. Киселев В. А. Формирование морально-психологического климата в коллективах органов внутренних дел // Вестник НЦБЖД. – 2020. – № 1 (43). – С. 101–107.
12. Кубышко В. Л. Совершенствование психологической работы в системе морально-психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел // Национальный психологический журнал. – 2017. – № 4 (28). – С. 95–103.

13. Кукулите Т. Г. Социально-психологические подходы к исследованию трудовых коллективов // Учёные записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2018. – № 2 (62). – С. 63–74.
14. Ларина Г. Н., Сарычев С. В. Роль организованности в управлении группой / Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии. – Москва: Институт психологии РАН, 2021. – С. 875–886.
15. Лутошкин А. Н. Психологический климат первичного производственного коллектива. – Кострома, 1987. – 135 с.
16. Мансуров Н. С. Морально-психологический климат и его изучение. – Москва: Знание, 1992. – 292 с.
17. Марьин М. И., Петров В. Е., Ульянина О. А. Особенности психологического обеспечения в подготовке специалистов в образовательных организациях МВД России // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37). – С. 85–90.
18. Нежкина Л. Ю. Прогноз надёжности профессиональной деятельности сотрудников на основе исследования социально-психологического климата и стиля руководства // Психология в экономике и управлении. – 2017. – № 2. – С. 34–39.
19. Парыгин Б. Д. Социально-психологический климат коллектива: пути и методы изучения / под ред. В. А. Ядова. – Ленинград: Наука, 1981. – 191 с.
20. Перков А. А. Взаимосвязь коммуникативной компетентности с формированием благоприятного морально-психологического климата в коллективе сотрудников органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. – № 1 (4). С. 108–111.
21. Петров В. Е. Диагностика прокрастинации у сотрудников полиции на основе моделирования типовых ситуаций профессиональной деятельности // Инновационная деятельность в Вооружённых силах Российской Федерации : Труды Всеармейской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–11 октября 2019 года. – Санкт-Петербург: ФГКОУ ВО «Военная академия связи им. С. М. Будённого», 2019. – С. 200–207.
22. Платонов Ю. П. Психология коллективной деятельности: Теоретико-методологический аспект. – Москва: Мысль, 2002. – С. 48–49.
23. Федоров А. Ф. Социально-психологический климат коллектива как один из критериев, характеризующих уровень продуктивности сотрудников уголовно-исполнительной системы // Закон и право. – 2019. – № 7. – С. 83–85. – DOI 10.24411/2073-3313-2019-10301.

References

1. Babushkin G. D., Kulagina Ye. V. Psikhologicheskaya sovместimost' i srbatyvayemost' v sportivnoy deyatel'nosti: monografiya. – Omsk: SibGAFK, 2001. – 110 s.
2. Burtsev A. O., Tavtilova N. N. Vliyaniye stilya rukovodstva na psikhologicheskiiy klimat organizatsii (na primere sluzhebnykh kolektivov MVD Rossii // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2020. – № 2 (51). – S. 107–116. – DOI : 10.33463/2072-8336.2020.2(51).107–116.
3. Gaynullina A. V. Profilaktika konfliktov v kolektivakh organov vnutrennikh del kak usloviye podderzhaniya blagopriyatnogo sotsial'no-psikhologicheskogo klimata // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 5. – S. 282–285.
4. Gur'yev M. Ye. Analiz osobennostey sotsial'no-psikhologicheskogo klimata kolektiva sotrudnikov organov vnutrennikh del / Aktual'nyye problemy psikhologicheskoy raboty v organakh vnutrennikh del : sbornik statey po materialam mezhdvedomstvennogo Kruglogo stola (Vasil'yevskiy chteniya), Sankt-Peterburg, 24 marta 2016 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2016. – S. 75–80.
5. Dontsov A. I. Dubovskaya Ye. M., Zhukov Yu. M. Gruppya – kolektiv – komanda. Modeli gruppovogo razvitiya / Sotsial'naya psikhologiya v sovremennom mire. – Moskva: Aspekt Press, 2002. – S. 96–115.
6. Yevtifeyeva Ye. A. Balakshina Ye. V., Filippchenkova S. I. Doveriye kak komponent sotsial'no-psikhologicheskogo klimata kolektiva / Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya psikhologii truda i organizatsionnoy psikhologii. – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2018. – S. 963–974.
7. Yermolayeva Ye. V., Pavlova L. A. Blagopriyatnyy sotsial'no-psikhologicheskiiy klimat v kollektive kak usloviye effektivnoy raboty // Novaya nauka: Teoreticheskiiy i prakticheskiiy vzglyad. – 2015. – № 3. – S. 50–52.
8. Zarodina V. V. Sotsial'no-psikhologicheskiiy klimat v trudovom kollektive: yego osobennosti i vliyaniye na effektivnost' truda sotrudnikov // Chelovecheskiy kapital. – 2018. – № 3 (111). – S. 41–52.
9. Zarubina N. N. Vzaimnoye uvazheniye v povsednevnoy zhizni rossiyan // Sotsiologicheskiye issledovaniya. – 2014. – № 3. – S. 10–18.
10. Zlokazov K. V. Osobennosti destruktivnosti lichnosti i status v sluzhebnoy kollektive // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2013. – № 4(55). – S. 38–42.
11. Kiselev V. A. Formirovaniye moral'no-psikhologicheskogo klimata v kolektivakh organov vnutrennikh del // Vestnik NTSBZHD. – 2020. – № 1 (43). – S. 101–107.
12. Kubyshko V. L. Sovershenstvovaniye psikhologicheskoy raboty v sisteme moral'no-psikhologicheskogo obespecheniya operativno-sluzhebnoy deyatel'nosti lichnogo sostava organov vnutrennikh del // Natsional'nyy psikhologicheskiiy zhurnal. – 2017. – № 4 (28). – S. 95–103.

13. *Kukulite T. G.* Sotsial'no-psikhologicheskiye podkhody k issledovaniyu trudovykh kollektivov // *Uchonyye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta tekhnologiy upravleniya i ekonomiki.* – 2018. – № 2 (62). – S. 63–74.
14. *Larina G. N., Sarychev S. V.* Rol' organizovannosti v upravlenii gruppoy / *Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya psikhologii truda i organizatsionnoy psikhologii.* – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2021. – S. 875–886.
15. *Lutoshkin A. N.* Psikhologicheskiy klimat pervichnogo proizvodstvennogo kollektiva. – Kostroma, 1987. – 135 s.
16. *Mansurov N. S.* Moral'no-psikhologicheskiy klimat i yego izucheniye. – Moskva: Znaniye, 1992. – 292 s.
17. *Mar'in M. I., Petrov V. Ye., Ul'yanina O. A.* Osobennosti psikhologicheskogo obespecheniya v podgotovke spetsialistov v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii.* – 2016. – № 1 (37). – S. 85–90.
18. *Nezhkina L. Yu.* Prognoz nadozhnosti professional'noy deyatel'nosti sotrudnikov na osnove issledovaniya sotsial'no-psikhologicheskogo klimata i stilya rukovodstva // *Psikhologiya v ekonomike i upravlenii.* – 2017. – № 2. – S. 34–39.
19. *Parygin B. D.* Sotsial'no-psikhologicheskiy klimat kollektiva: puti i metody izucheniya / pod red. V. A. Yadova. – Leningrad: Nauka, 1981. – 191 s.
20. *Perkov A. A.* Vzaimosvyaz' kommunikativnoy kompetentnosti s formirovaniyem blagopriyatnogo moral'no-psikhologicheskogo klimata v kollektive sotrudnikov organov vnutrennikh del // *Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii.* – 2015. – № 1 (4). S. 108–111.
21. *Petrov V. Ye.* Diagnostika prokrastinatsii u sotrudnikov politsii na osnove modelirovaniya tipovykh situatsiy professional'noy deyatel'nosti // *Innovatsionnaya deyatel'nost' v Vooruzhennykh silakh Rossiyskoy Federatsii* : Trudy Vsearmeyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 10–11 oktyabrya 2019 goda. – Sankt-Peterburg: FGKOU VO «Voyennaya akademiya svyazi im. S. M. Budonnogo», 2019. – S. 200–207.
22. *Platonov Yu. P.* Psikhologiya kollektivnoy deyatel'nosti: Teoretiko-metodologicheskiy aspekt. – Moskva: Mysl', 2002. – S. 48–49.
23. *Fedorov A. F.* Sotsial'no-psikhologicheskiy klimat kollektiva kak odin iz kriteriyev, kharakterizuyushchikh uroven' produktivnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noy sistemy // *Zakon i pravo.* – 2019. – № 7. – S. 83–85. DOI 10.24411/2073-3313-2019-10301.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 27.02. 2023.

The article was submitted October 30, 2022; approved after reviewing November 28, 2022; accepted for publication February 27, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.

Научная статья
УДК 159.9:343.8
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-230-237

Светлана Николаевна Сорокоумова
доктор психологических наук, профессор
<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>, 4013@bk.ru

*Российская академия образования
Российская Федерация, 119121, Москва, ул. Погодинская, д. 8*

*Российский государственный социальный университет
Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4*

*Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск
национальной гвардии Российской Федерации
Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1*

Анастасия Сергеевна Гусева
адъюнкт
<https://orcid.org/0000-0001-5417-4434>, nastuagyseva@rambler.ru

Ирина Сергеевна Ганишина
доктор психологических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

*Академия ФСИН России,
Российская Федерация, 390000, Рязань, ул. Сенная, д. 1*

О результатах эмпирического исследования психологических особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления

Аннотация: Актуальность темы исследования. В статье представлены некоторые результаты эмпирического исследования психологических особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления. Целью исследования выступило изучение психологических особенностей смысловой сферы осуждённых за коррупционные преступления. Исследование проведено на базе ФКУ ИК-3 и ИК-1 УФСИН России по Рязанской области. В нём приняли участие 160 осуждённых мужского пола, отбывающих наказание в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Научная проблема состоит в определении психологических особенностей осуждённых за коррупционные преступления с учётом их смысловой сферы.

Методы и методики исследования. Для выявления психологических особенностей смысловой сферы осуждённых за коррупционные преступления использовался следующий комплекс методов и методик: «Ценностный опросник» Ш. Шварца, «Смысловые базовые установки» А. Д. Ишкова и Н. Г. Милорадовой.

Результатами проведённого исследования является выявление следующих отличительных особенностей осуждённых за коррупционные преступления: самостоятельность в достижении поставленных целей, способность к самоконтролю, наличие высокой самооценки, отсутствие желания бескорыстно помогать другим людям, а также оказывать содействие, служить общему благу, пренебрегая собственной выгодой. Отличаются уверенностью в себе, склонны доминировать над другими. Терпеливы, независимы, решительны и эмоционально стабильны. У них здоровое чувство собственного достоинства, нормальная реакция на критику. Пренебрежительно относятся к социальным нормам, а материальный достаток для них является самоцелью.

Ключевые слова: личность, смысловая сфера осуждённых, психологические особенности, осуждённые за коррупционные преступления, исправительные учреждения

Для цитирования: Сорокоумова С. Н., Гусева А. С., Ганишина И. С. О результатах эмпирического исследования психологических особенностей смысловой сферы личности осуждённых за коррупционные преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 230–237; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-230-237.

Svetlana N. Sorokoumova

Dr. Sci. (Psy.) Professor

<https://orcid.org/0000-0001-8339-6597>, 4013@bk.ru

Russian Academy of Education

8, Pogodinskaya str., Moscow, 119121, Russian Federation

Russian State Social University

4, Wilhelm Peak str., Moscow, 129226, Russian Federation

St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of Troops of National Guard of the Russian Federation
1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Anastasia S. Guseva

Graduate

<https://orcid.org/0000-0001-5417-4434>, nastuagyseva@rambler.ru

Irina S. Ganishina

Dr. Sci. (Psy.) Professor

<https://orcid.org/0000-0001-5137-4035>, irinaganishina@yandex.ru

Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia,
1, Sennaya str., Ryazan, 390000, Russian Federation

The results of an empirical study of the psychological characteristics of the semantic sphere of personality of convicts for corruption offences

Abstract: On the results of an empirical study of the psychological characteristics of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes

Relevance of the research topic. The article presents some results of an empirical study of the psychological characteristics of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes. The aim of the study was to study the psychological characteristics of the semantic sphere of those convicted of corruption crimes. The study was conducted on the basis of PKU IK-3 and IK-1 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Ryazan region. It was attended by 160 male convicts serving sentences in correctional institutions of the penitentiary system.

The scientific problem is to determine the psychological characteristics of those convicted of corruption crimes, taking into account their semantic sphere.

Research methods and techniques. To identify the psychological characteristics of the semantic sphere of those convicted of corruption crimes, the following set of methods and techniques was used: "Value Questionnaire" by Sh. Schwartz, "Semantic Basic Attitudes" by A. D. Ishkov and N. G. Miloradova.

The results of the study are to identify the following distinguishing features of those convicted of corruption crimes: independence in achieving goals, the ability to self-control, the presence of high self-esteem, the lack of desire to selflessly help other people, as well as to assist, serve the common good, neglecting their own benefit. They are self-confident and tend to dominate others. Patient, independent, determined and emotionally stable. They have a healthy self-esteem, a normal reaction to criticism. They disdain social norms, and material wealth for them is an end in itself.

Keywords: personality, semantic sphere of convicts, psychological characteristics, convicted of corruption crimes, correctional facilities

For citation: Sorokoumova S. N., Guseva A. S., Ganishina I. S. On the results of an empirical study of the psychological characteristics of the semantic sphere of the personality of those convicted of corruption crimes // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 230–237; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-230-237.

Введение

В настоящее время в современной юридической психологии актуальным является изучение смысловой сферы осуждённых за коррупционные преступления, поскольку количество совершаемых преступлений в данной сфере увеличивается. Согласно статистическим

данным Генеральной прокуратуры в 2021 году «24 % осуждены за мелкие взятки (до 10 тыс. рублей), 19 % – дача взятки выше этой суммы, 15 % – получение взятки в размере, не относящемся к мелким, 4 % осуждены за посредничество во взяточничестве. Приговоры за иные виды коррупционных преступлений получили 35 %

осуждённых. В 2021 году за преступления коррупционной направленности осуждены 9,6 тыс. лиц, что на 2,5 тыс. больше, чем в 2020 году»¹, а в 2022 году их количество снизилось до 9100 человек. Таким образом, чтобы выявить истинные причины совершения коррупционных преступлений, «понять внутренние факторы, обуславливающие социально-ненормативное поведение», необходимо изучить особенности смысловой сферы осуждённых [1].

Смысловая сфера – высший уровень регуляции социально значимого поведения, основа для системного формирования личности. Она образует систему смыслов и представляет собой важный компонент в структуре личности, являясь высшим уровнем контроля над поведением человека в обществе. Д. А. Леонтьев определил смысловую сферу как «особым образом организованную совокупность смысловых образований и связей между ними, обеспечивающую регуляцию целостной жизнедеятельности субъекта во всех её аспектах. Личность представляет собой целостную систему смысловой регуляции жизнедеятельности, реализующую через отдельные смысловые структуры, процессы и их системы, логику жизненной необходимости во всех проявлениях человека как субъекта жизнедеятельности» [16, с. 344].

А. Ю. Куриленко считает, что «смысловая сфера – это определённая подструктура личности, включающая в себя совокупность смысловых образований, а также связывающая субъекта с объективной реальностью. Источниками смысловой сферы личности являются потребности и мотивы, она может порождаться и изменяться под влиянием деятельности» [9].

По мнению пенитенциарных психологов, смысловая сфера осуждённых, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, имеет характерные отличительные особенности. По данным А. И. Ушатикова, Б. Б. Казака, «смысловая сфера осуждённых является производной от социальной позиции человека, его статуса, поэтому отличается большей динамичностью и гибкостью»², так как на неё оказывают влияние множество факторов, которые в последствии меняют человеческое мировоззрение.

В. В. Яковлев, изучив психологические особенности смысловой сферы личности осуждённых, пришёл к выводу, что «лишение свободы оказывает отрицательное влияние на смысловую сферу личности». У осуждённых происходит «снижение всех параметров осмысленности жизни»³. Автор отмечает, что у «осуждённых

молодёжного возраста наблюдается западание формирования иерархии личностных ценностей в сравнении с осуждёнными более старшего возраста»⁴.

Г. К. Корнеева установила, что «наличие неизлечимого заболевания, сопряжённого с условиями отбывания наказания в виде лишения свободы, оказывает системное, в целом отрицательное влияние на смысловую сферу осуждённых»⁵. Автор считает, что «нахождение в условиях заключения способствует формированию нарушений психогенно-реактивного характера с явлением социальной дезадаптации»⁶ и деформации смысловой сферы, что присутствует в той или иной степени у всех осуждённых.

По данным Е. Л. Тенета, А. В. Датия, «смысловая сфера осуждённых имеет выраженные особенности, обусловленные условиями изоляции: тесная, замкнутая общность, ограниченный круг общения, жесткий распорядок содержания, отсутствие трудовой занятости – всё это отражается в потребностно-мотивационной, ценностной и поведенческой структурах личности» [7].

Н. А. Ильиных в исследовании смысловых ориентаций осуждённых пришла к выводу, что «ценностные ориентации тубинфицированных осуждённых детерминированы спецификой заболевания, возрастом, состоянием здоровья» [5; 6].

С. В. Лысенко [10, с. 268], считает, что смысловая сфера «образует субъективный жизненный мир человека с собственными значимыми ценностями». С точки зрения А. С. Чертовиковой [15, с. 411], осуждённые, находящиеся в условиях изоляции, становятся более «интернализированными», другими словами, интегрируют ценности и установки других осуждённых в собственное самоощущение. А. Н. Пастушеня выделил «ценностно-смысловую подструктуру, включающую субъективные ценности, адекватные социальным ценностям» [14]. Общими чертами в их работе является становление смысла жизни осуждённых на базе ценностных ориентаций жизни, а также вывод, что ценности являются основой для организации и функционирования личности.

По мнению О. В. Ванновской, именно смысловой уровень оказывает непосредственное влияние на поведение коррупционных преступников [1]. Лица, совершающие коррупционные преступления, обладают индивидуальной системой ценностей, «базовыми смысловыми ценностями – иерархически наиболее высоким уровнем, определяющим обобщенную систему взглядов, идеалов, убеждений человека» [3].

О. В. Ванновская отметила, что в психологическом портрете коррупционного личности

¹ Председатель ВС РФ: более чем на треть возросло число осуждённых за коррупцию в 2021 году [Электронный ресурс] // Рамблер : сайт. – URL: <https://news.rambler.ru/crime/48100886-predsdatel-vs-rf-bolee-chem-na-tret-vozroslo-chislo-osuzhdennyh-za-korruptsiyu-v-2021-godu/> (дата обращения 22.02.2023).

² Ушатиков А. И., Казак Б. Б. Пенитенциарная психология : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2003. – 758 с.

³ Яковлев В. В. Психологическая характеристика смысловой сферы личности осуждённых к лишению свободы : дис. ... канд. психол. наук. – Рязань, 1999. – 192 с. – С. 137.

⁴ См. там же.

⁵ Корнеева Г. К. Психологические особенности смысловой сферы личности ВИЧ-инфицированных осуждённых в условиях лишения свободы : автореферат дис. ... канд. психол. наук. Издательство Акад. права и упр. Минюста России. – Рязань, 2004. – 24 с.

⁶ См. там же.

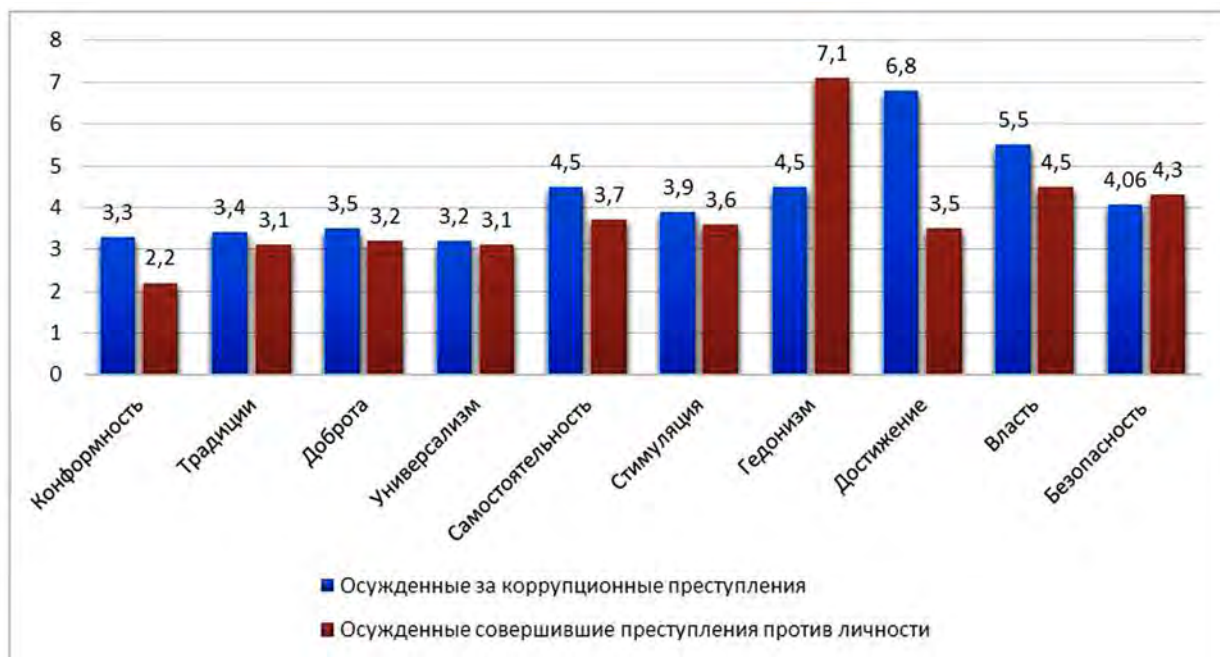

Рис. 1. Обзор ценностей осуждённых первой и второй групп по методике «Ценностный опросник» Ш. Шварца

можно выделить следующие структурные элементы: «жизненные цели, стремления, смыслы, ценностные ориентации; нравственное самосознание, установки нравственного поведения, правосознание, ответственность и долг; удовлетворенность жизнью, профессией, личным статусом, самоотношением; внешний локус контроля, механизм принятия решения; импульсивный тип реагирования» [2].

К. В. Карпинский считает, что «правонарушители в малой степени ориентированы на смысл жизни, в результате чего заметно снижается общая осмысленность их существования. Они плохо осознают свои перспективы и по этой причине увлечены настоящим» [8, с. 27].

В эмпирическом исследовании Д. В. Сочивко, И. С. Ганишиной, М. И. Марьина, В. В. Сундуковой выявлены негативные качества личности, присущие преступникам-коррупционерам. К ним относятся: «ярко выраженный фактор власти, настойчивость в достижении личностно значимых целей, склонность к манипулированию другими людьми, необходимость достижения высокого социального статуса, пренебрежение морально-этическими нормами» [12].

Осужденные за коррупционные преступления, по мнению Е. А. Маслаковой, характеризуются наличием личностно-смысловых особенностей, а также «негативных ценностей и установок, характерных только для данной категории преступников. К ним относятся: антиобщественные взгляды, интересы и привычки; общая неудовлетворенность своим социальным положением; отчужденность от общепринятых ценностей и норм; низкий уровень правосознания; нежелание удовлетворять свои потребности законными способами» [11, с. 25].

Таким образом, проведённый нами теоретический анализ позволил установить, что

смысловая сфера личности осуждённых оказывает непосредственное влияние на их коррупционное поведение.

Цель исследования: изучение психологических особенностей смысловой сферы осуждённых за коррупционные преступления.

Выборку исследования составили 160 осуждённых, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. В ходе исследования было выделено две группы. В первую вошли 80 осуждённых за коррупционные преступления, отбывающих наказание по статьям 290, 291 УК РФ и содержащихся в специализированных учреждениях, предназначенных для бывших сотрудников правоохранительных органов. Вторую группу составили 80 осуждённых, совершивших преступления против личности (ст. 105, 111, 112, 116, 131 УК РФ).

Методы исследования

Для исследования психологических особенностей смысловой сферы осуждённых за коррупционные преступления был использован следующий психодиагностический инструментарий: «Ценностный опросник» Ш. Шварца, «Смысловые базовые установки» А. Д. Ишкова и Н. Г. Милорадовой.

С целью изучения психологических особенностей смысловой сферы осуждённых за коррупционные преступления нами было проведено эмпирическое исследование, которое проводилось в местах лишения свободы на базе ФКУ ИК-3 и ФКУ ИК-1 УФСИН России по Рязанской области.

Результаты исследования

Согласно полученным данным по методике «Ценностный опросник» Ш. Шварца, в группе осуждённых за коррупционные преступления

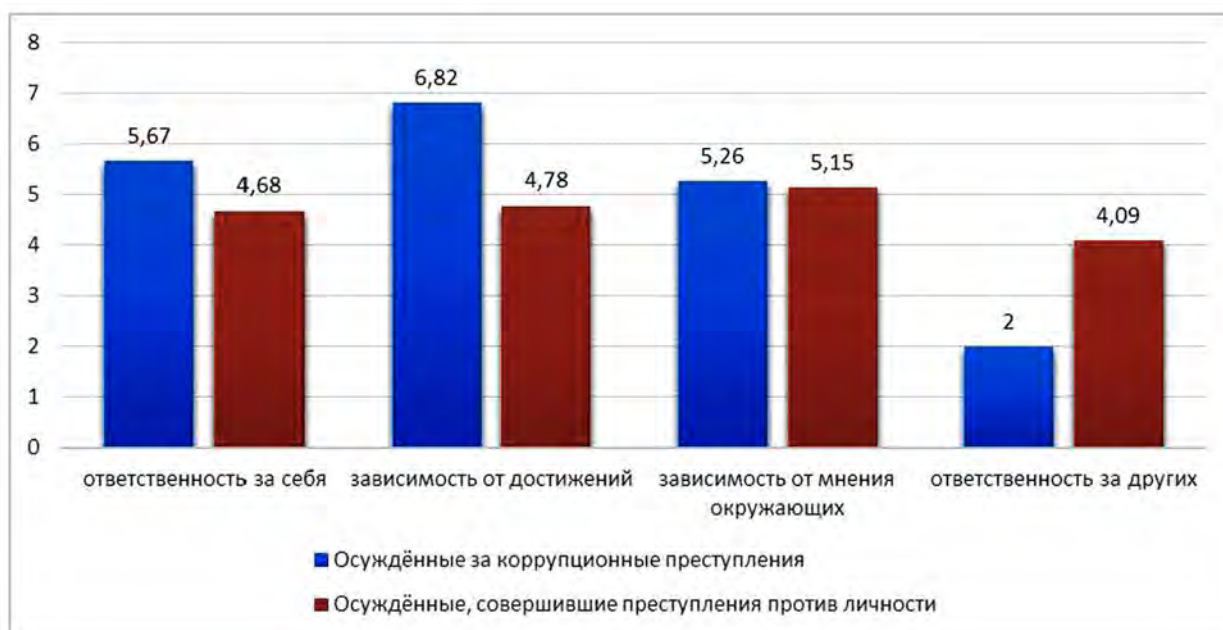

Рис. 2. Усреднённый профиль личности осуждённых первой и второй групп по методике «Смысловые базовые установки» А. Д. Ишкова и Н. Г. Милорадовой

(первая группа) наибольшие показатели получили ценности «достижения» (средний балл 6,8) и «власть» (средний балл 5,5). Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что такие осуждённые стремятся получить контроль над другими людьми, достичь определённого социального статуса и предпочитают быть независимыми от окружающих. Ценности власти и достижения фокусируются на социальном уважении, однако ценности достижения подчёркивают активное проявление компетентности в непосредственном взаимодействии, в то время как ценности власти (авторитет, богатство) подчёркивают достижение или сохранение доминантной позиции в рамках целой социальной системы (рис. 1).

На третьем и четвёртом месте у осуждённых первой группы находятся «гедонизм» (средний балл 4,5) и «самостоятельность» (средний балл 4,5). В этом случае другие ценности осуждённых являются всего лишь инструментом для достижения удовольствия. Осуждённые за коррупционные преступления самостоятельно решают, как им достичь удовольствия, и этот выбор не всегда происходит в рамках закона.

В группе осуждённых, совершивших преступления против личности (вторая группа), рассмотренные показатели значительно ниже, чем у осуждённых за коррупционные преступления. В данной группе осуждённых на первом плане находится «гедонизм» (средний балл шкалы составил 7,1), что объясняется тем, что в эту выборку вошли осуждённые за насильственные преступления – а это в свою очередь характеризует их как лиц, живущих лишь ради удовлетворения собственных потребностей. Отмечается достаточно низкий показатель по шкале «конформность» (2,2). Это свидетельствует о том, что осуждённые, совершившие преступления против личности, не сдерживают

и не предотвращают действия, причиняющие вред другим людям. В отличие от осуждённых за коррупционные преступления, осуждённые, совершившие преступления против личности, не пытаются соответствовать социальным ожиданиям.

Проведённый анализ позволил сделать вывод, что осуждённые за коррупционные преступления склонны доминировать над другими людьми, не любят нововведений и легко ищут новые пути решения задач, стремятся достичь высокого социального статуса, пренебрегают социальными нормами и традициями, самостоятельны в принятии решений.

Анализируя результаты по методике «Смысловые базовые установки» А. Д. Ишкова и Н. Г. Милорадовой, мы установили, что у осуждённых за коррупционные преступления (первая группа) только три установки имеют адекватный уровень: «зависимость от достижений» (6,82), «ответственность за себя» (5,67), «зависимость от мнения окружающих» (5,26), на низком уровне находятся «ответственность за других» (2) (рис. 2).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что для осуждённых за коррупционные преступления самоцелью является их работа: с помощью неё они могут себя каким-то образом проявить, достичь успехов. Для них очень важно быть продуктивными. Умеренная зависимость от достижений позволяет осужденным за коррупционные преступления ставить разумные цели, рассматривать ошибки как возможность научиться чему-то новому или изменить себя, а низкая ответственность за других показывает неуважительное отношение к мнению окружающих. Они терпеливы, независимы, решительны и эмоционально стабильны. У них здоровое чувство собственного достоинства, нормальная реакция на критику, хотя она может быть им совсем неприятна.

Между выборками осуждённых, совершивших преступления против личности, и осуждённых за коррупционные преступления наблюдаются различия в шкалах «ответственность за себя», «зависимость от достижений», «ответственность за других». У осуждённых, совершивших преступления против личности (вторая группа), диагностирован низкий уровень ответственности за себя (4,68), многие осуждённые не хотят брать на себя ответственность за происходящие с ними события и в меньшей степени зависимы от достижений (4,78), в отличие от осуждённых за коррупционные преступления.

Заключение

По результатам проведённого эмпирического исследования установлено, что осуждённые за коррупционные преступления имеют ряд отличительных особенностей в смысловой сфере личности, характеризующих именно эту кате-

горию осуждённых. К ним относятся: самостоятельность в достижении поставленных целей, способность к самоконтролю, наличие высокой самооценки, отсутствие желания бескорыстно помогать другим, оказывать содействие, служить общему благу, пренебрегая собственной выгодой. Они отличаются уверенностью в себе, склонны к доминированию над другими людьми, терпеливы, независимы, решительны и эмоционально стабильны. У них здоровое чувство собственного достоинства, нормальная реакция на критику. Такие осуждённые пренебрежительно относятся к социальным нормам и ценностям, а материальный достаток является для них самоцелью.

Полученные данные о специфических особенностях смысловой сферы осуждённых за коррупционные преступления в дальнейшем могут использоваться при составлении психокоррекционной программы для данной категории осуждённых.

Список литературы

1. Ванновская О. В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2011. – № 3. – С. 130–135.
2. Ванновская О. В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 102. – С. 323–328.
3. Гусева А. С. Некоторые психологические особенности поведения коррупционного преступника / Преступление, наказание, исправление: V Международный пенитенциарный форум, приуроченный к проведению в 2021 году в Российской Федерации Года науки и технологий : сборник тезисов выступлений и докладов участников. – Рязань, 17–19 ноября 2021 года. – Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. – С. 137–141.
4. Гусева А. С., Ганишина И. С., Лаптев А. А. Влияние смысловой сферы личности на девиантное поведение осуждённых за коррупционные преступления // Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития / сборник материалов IV Международного симпозиума психологов. – Часть I. – Рязань: Издательство: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. – С. 214–217.
5. Ганишина И. С., Ильиных Н. А. Ценностные ориентации тубинфицированных осуждённых // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 4 (53). – С. 52–58.
6. Ганишина И. С., Поднебесная Э. И., Ильиных Н. А. О проблеме формирования смысло-жизненных ориентаций тубинфицированных осуждённых молодёжного возраста в научной литературе // Глобальный научный потенциал. – 2019. – № 9 (102). – С. 29–32.
7. Датий А. В. Характеристика ВИЧ-инфицированных, осуждённых к лишению свободы (по материалам специальной переписи 2009 г.) // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 1. – С. 100–107.
8. Карпинский К. В. Психологическая коррекция смысловой регуляции жизненного пути девиантной личности : монография. – Гродно: Из-во ГрГУ, 2002. – С. 27–28.
9. Куриленко Ю. А. Смысловая сфера как структурный элемент личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. – № 2 (57). – С. 20–23.
10. Лысенко С. В. Современные представления о позитивных ресурсах личности, обеспечивающих преодоление трудных жизненных ситуаций // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 12 (128). – С. 265–271.
11. Маслакова Е. А. Криминологические особенности личности коррупционного преступника в сфере муниципальной службы // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2017. – № 3. – С. 23–26.
12. Стасюк Н. И. Особенности системы жизненных смыслов осуждённых // Российская академия наук. Институт психологии: материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна (15–16 октября 2009 г.). – Беларусь, Минск. – Москва: Издательство «Институт психологии РАН». – 2009. – Т. 5. – С. 184–186.
13. Сочивко Д. В., Ганишина И. С., Марьин М. И., Сундукова В. В. Психологические особенности преступников-коррупционеров, отбывающих наказания в местах лишения свободы // Психология и право. – 2020. – Том 10. – № 3. – С. 5–19.

14. *Пастушеня А. Н.* Комплекс факторов формирования готовности личности осужденного к нормоправному образу жизни // Совершенствование воспитательной деятельности органов, исполняющих наказания : сборник научных трудов. – Рязань, 1992. – С. 140–142.

15. *Чертювикова А. С.* Особенности ценностно-смысловой сферы осуждённых за насильственные преступления // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72-1. – С. 407–411.

16. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. Москва, 2003.

References

1. *Vannovskaya O. V.* Obosnovaniye kontseptsii korruptsionnogo povedeniya gossluzhashchikh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskiye nauki. – 2011. – № 3. – С. 130–135.

2. *Vannovskaya O. V.* Lichnostnyye determinanty korruptsionnogo povedeniya // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. – 2009. – № 102. – С. 323–328.

3. *Guseva A. S.* Nekotoryye psikhologicheskiye osobennosti povedeniya korruptsionnogo prestupnika / Prestupleniye, nakazaniye, ispravleniye: V Mezhdunarodnyy penitentsiarnyy forum, priurochenny k provedeniyu v 2021 godu v Rossiyskoy Federatsii Goda nauki i tekhnologii : sbornik tezisov vystupleniy i dokladov uchastnikov. – Ryazan', 17–19 noyabrya 2021 goda. – Ryazan': Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2021. – С. 137–141.

4. *Guseva A. S., Ganishina I. S., Laptev A. A.* Vliyaniye smyslovoy sfery lichnosti na deviantnoye povedeniye osuzhdonnykh za korruptsionnyye prestupleniya // Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya / sbornik materialov IV Mezhdunarodnogo simpoziuma psikhologov. – Chast' I. – Ryazan': Izdatel'stvo: Akademiya prava i upravleniya Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2022. – С. 214–217.

5. *Ganishina I. S., Il'nykh N. A.* Tsennostnyye oriyentatsii tubinfitsirovannykh osuzhdonnykh // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2020. – № 4 (53). – С. 52–58.

6. *Ganishina I. S., Podnebesnaya E. I., Il'nykh N. A.* O probleme formirovaniya smyslo-zhiznennykh oriyentatsiy tubinfitsirovannykh osuzhdonnykh molodozhnogo vozrasta v nauchnoy literature // Global'nyy nauchnyy potentsial. – 2019. – № 9 (102). – С. 29–32.

7. *Datiy A. V.* Kharakteristika Vich-infitsirovannykh, osuzhdonnykh k lisheniyu svobody (po materialam spetsial'noy perepisi 2009 g.) // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2014. – № 1. – С. 100–107.

8. *Karpinskiy K. V.* Psikhologicheskaya korrektsiya smyslovoy regulyatsii zhiznennogo puti deviantnoy lichnosti : monografiya. – Grodno: Iz-vo GrGU, 2002. – С. 27–28.

9. *Kurilenko Yu. A.* Smyslovaya sfera kak strukturnyy element lichnosti // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. – 2014. – № 2 (57). – С. 20–23.

10. *Lysenko S. V.* Sovremennyye predstavleniya o pozitivnykh resursakh lichnosti, obespechivayushchikh preodoleniye trudnykh zhiznennykh situatsiy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. – 2013. – № 12 (128). – С. 265–271.

11. *Maslakova Ye. A.* Kriminologicheskiye osobennosti lichnosti korruptsionnogo prestupnika v sfere munitsipal'noy sluzhby // Munitsipal'naya sluzhba: pravovyye voprosy. – 2017. – № 3. – С. 23–26.

12. *Stasyuk N. I.* Osobennosti sistemy zhiznennykh smyslov osuzhdonnykh // Rossiyskaya akademiya nauk. Institut psikhologii: materialy Vserossiyskoy yubileynoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 120-letiyu so dnya rozhdeniya S. L. Rubinshteyna (15–16 oktyabrya 2009 g.). – Belarus', Minsk. – Moskva: Izdatel'stvo «Institut psikhologii RAN». – 2009. – Т. 5. – С. 184–186.

13. *Sochivko D. V., Ganishina I. S., Mar'in M. I., Sundukova V. V.* Psikhologicheskiye osobennosti prestupnikov-korruptsionerov, otbyvayushchikh nakazaniya v mestakh lisheniya svobody // Psikhologiya i pravo. – 2020. – Tom 10. – № 3. – С. 5–19.

14. *Pastushenya A. N.* Kompleks faktorov formirovaniya gotovnosti lichnosti osuzhdennogo k normopravnomu obrazu zhizni // Sovershenstvovaniye vospitatel'noy deyatelnosti organov, ispolnyayushchikh nakazaniya : sbornik nauchnykh trudov. – Ryazan', 1992. – С. 140–142.

15. *Chertovikova A. S.* Osobennosti tsennostno-smyslovoy sfery osuzhdonnykh za nasilstvennyye prestupleniya // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2021. – № 72-1. – С. 407–411.

16. *Leont'yev D. A.* Psikhologiya smysla: priroda, stroeniye i dinamika smyslovoy real'nosti. 2-ye izd., ispr. Moskva, 2003.

Вклад соавторов

Сорокоумова Светлана Николаевна – критический анализ литературы; доработка текста;

Гусева Анастасия Сергеевна – теоретический анализ литературы и результатов эмпирического исследования; проведение эмпирического исследования.

Ганишина Ирина Сергеевна – проведение эмпирического исследования; систематизация и представление авторского аналитического материала; доработка текста.

Contribution of co-authors

Sorokoumova Svetlana Nikolaevna – critical analysis of literature; text revision;

Guseva Anastasia Sergeevna – theoretical analysis of literature and results of empirical research; conducting an empirical study.

Ganishina Irina Sergeevna – conducting an empirical study; systematization and presentation of the author's analytical material; text revision.

Статья поступила в редакцию 01.02.2023; одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 24.03.2023.

The article was submitted February 1, 2023; approved after reviewing March 3, 2023; accepted for publication March 24, 2023.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 159.99
doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-238-244

Юрий Евгеньевич Сулов

кандидат психологических наук
<https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, zimburu@mail.ru

ФКУ НИИ ФСИН России
Российская Федерация, 125130, Москва, ул. Нарвская, д. 15 а, строение 1

Распространение экстремизма в молодёжной среде по причине информационного инфантилизма

Аннотация: *Введение.* В представленной работе рассматриваются причины развития молодёжного экстремизма. В этом поиске автор предлагает обратить внимание на информационный инфантилизм, характерный для современных молодых людей. Отталкиваясь от тезиса «бытие определяет сознание», автор указывает на объективную реальность активного включения молодых людей в мир виртуальный. Являясь активными пользователями интернета, молодые люди вступают в кибервзаимодействие: общение, обмен информацией как личного, так и группового характера. Специфические особенности виртуального взаимодействия в совокупности с личностной незрелостью приводят к тому, что молодые пользователи, не до конца осознавая правовые последствия своих действий, транслируют вербально или визуально идеи, подпадающие под определение экстремизма, данного в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а также становятся жертвами вербовщиков в экстремистские группы, которые активно действуют в информационном пространстве и через общение в социальных сетях, на сайтах знакомств вовлекают молодых людей в преступные группы.

Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть в качестве одной из причин распространения экстремизма посредством виртуальной среды информационный инфантилизм. Данный теоретический конструкт предполагает отразить специфику коммуникаций в виртуальной среде и особенности личностей, которые в совокупности создают предпосылки для вовлечения их в экстремистскую деятельность и распространение экстремизма.

Методология. Обозначенная проблема рассматривалась через призму психологического знания, позволяющего вскрыть глубинные особенности психологии человека, способствующие вовлечению в экстремистскую деятельность в условиях виртуальной среды.

Методы и методики. Основу исследования составили общенаучные методы.

Результаты. В ходе теоретического исследования обобщается понятие «информационный инфантилизм», являющийся одной из причин распространения экстремизма посредством виртуального пространства.

Научная новизна: автором вводится термин «информационный инфантилизм», который предлагается рассматривать в качестве одной из психологических причин вовлечения в экстремистскую деятельность и распространение экстремизма.

Практическая значимость нового понятия в том, что оно может быть использовано в процессе воспитания молодёжи и в профилактике преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: интернет, информационный инфантилизм, киберэкстремизм, максимализм, молодёжный экстремизм, правовой инфантилизм, социальные сети

Для цитирования: Сулов Ю. Е. Распространение экстремизма в молодёжной среде по причине информационного инфантилизма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 238–244; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-238-244.

Yuri E. Suslov

Cand. Sci. (Psychol.)

<https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>, zimburu@mail.ru

FKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
d. 15 a, building 1, Narvskaya str., Moscow, 125130, Russian Federation

The spread of extremism among young people due to informational infantilism

Abstract: Introduction. The presented paper examines the reasons for the development of youth extremism. In this study the author draws attention to information infantilism typical for young people today. Starting from «being determines consciousness» the author points out the objective reality of active youth involvement in virtual world. As active users of the Internet, young people join in cyber interaction: communication, exchange of information of both personal and group nature.

Specific features of virtual interaction combined with personal immaturity lead to the fact that young users, not being fully aware of legal consequences of their actions, verbally or visually express ideas that fall under the definition of extremism stated in the Federal law № 114 of 25 July 2002 «On counteracting extremist activities», as well as become victims of recruiters to extremist groups, which actively operate in the information space and through communication in social networks, on dating sites.

The aim of the paper is to consider information infantilism as one of the causes of dissemination of extremism through virtual environment. This theoretical construct proposes to reflect the specifics of communications in virtual environment and the characteristics of individuals, which together create prerequisites for their involvement in extremist activities and dissemination of extremism.

Methodology. The problem was examined through the prism of psychological knowledge, which makes it possible to uncover the underlying features of human psychology that contribute to involvement in extremist activities in the virtual environment.

Methods and techniques. The research was based on general scientific methods.

Results. Theoretical study substantiates the concept of «information infantilism», which is one of the reasons for the dissemination of extremism through the virtual space.

Scientific novelty: the author introduces the term «information infantilism», which is proposed to be considered as one of the psychological causes of involvement in extremist activities and the spread of extremism.

Practical significance of the new concept is that it can be used in the process of education of youth and in the prevention of extremist crimes.

Keywords: Internet, information infantilism, cyber extremism, maximalism, youth extremism, legal infantilism, social networks.

For citation: Suslov Y. E. The spread of extremism among young people due to informational infantilism // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 238–244; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-238-244.

Введение

Проблема профилактики распространения экстремизма в обществе не теряет своей актуальности, а в свете текущих возможностей нуждается в дополнительном научном осмыслении. Так, современная действительность пронизана результатами научно-технических достижений, ставшими неотъемлемыми составляющими нашей жизни. В первую очередь это касается информационного компонента.

Согласно данным ежегодного отчёта об интернете и социальных сетях «Global Digital 2022», 62,5 % населения Земли являются активными пользователями новых информационных технологий, а об их доступности и говорить не стоит. Практически у каждого при себе имеется возможность выйти в «сеть» и либо получить информацию, либо создать её и поделиться ею. Там же отмечается и рост пользователей социальных сетей, составивший более чем 10 %¹. По

данным РБК, по состоянию на начало 2021 года доля пользователей интернета в возрасте от 12 до 24 лет была самой большой по сравнению с другими возрастными категориями – 97,1 %. В среднем хотя бы раз в месяц онлайн были 78 % россиян².

Виртуальный мир стал очень привлекательным для людей и особенно для молодёжи. Это новая среда, которая даёт человеку новые

¹ Global Digital 2022: вышел ежегодный отчёт об интернете и социальных сетях – главные цифры [Электронный ресурс] // www.sostav.ru: блог. – URL: <https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html#:~:text=62%2C5%25%20%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20>

%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%B8%D1%81%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%B7%D1%83%D1%8E%D1%82%20%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82%20%E2%80%94%20%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE%20%D1%8E%D0%B7%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%20%D0%B7%D0%B0,%D0%BE%D1%82%20%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D0%B9%20%D1%87%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%B0 (дата обращения: 11.07.2022).

² Доля пользователей интернета в России среди молодёжи приблизилась к 100 % [Электронный ресурс] // www.rbc.ru: сайт. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_med/12/01/2021/5ffde01e9a79478eb5230426 (дата обращения: 11.08.2022).

возможности – саморазвития, самоактуализации, реализации каких-то созидательных проектов на благо общества. Но вместе с тем, эта среда небезопасна. К сожалению, возможности, которые предоставляет информационное пространство, активно используются преступниками. В частности, преступники-экстремисты активно используют интернет для распространения своих идей и вербовки новых последователей, что вызывает серьёзные опасения. Данная проблема к настоящему времени приобрела такие масштабы, что была обозначена в Указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором отмечен рост преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в том числе экстремистского характера, оказывающих дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку³. Многие экстремистские и террористические организации используют возможности виртуальной среды для распространения своих преступных идей [9]. Как отмечают исследователи, экстремизм от примитивного силового давления перешёл к информационному манипулированию сознанием. Увеличение объёма передаваемой информации обнажило уязвимость постиндустриального общества для информационных угроз [13].

Таким образом, значимость представленной проблематики распространения экстремизма обуславливает необходимость её научного исследования с учётом современных тенденций и специфики. Цель работы в связи с этим заключалась в рассмотрении специфики распространения экстремизма посредством виртуальной среды с позиции психологии.

Описание исследования

Основу представленного исследования составил теоретический анализ современных научных источников и официальных данных статистики, описывающих и отражающих состояние проблемы распространения экстремизма в молодёжной среде посредством информационно-коммуникационных технологий на примере интернета.

Основное научное предположение, подвергнутое проверке, заключалось в идее существования так называемого информационного инфантилизма у посетителей виртуальной реальности, заключающегося, во-первых, в неосознавании юридических последствий своих действий в киберсреде и, во-вторых, в актуализации эгоцентричных тенденций, обусловленных специфическими особенностями взаимодействия в виртуальной информационной среде.

Как показало исследование, чаще всего носителями информационного инфантилизма

является молодёжь. Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации», в нашей стране к молодёжи относят лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно⁴. По данным Росстата на 27 июля 2022 г. численность лиц в возрасте от 15 до 34 лет включительно составляет 23,4 % от общего числа населения нашей страны⁵, то есть четверть всего населения. Принимая во внимание, что средний возраст преступников-экстремистов колеблется в интервале от 12–16 до 30 лет [1, с. 11], можно утверждать, что молодёжь является основной питательной средой для распространения экстремизма, и она же в первую очередь подвергается риску быть вовлечённой в экстремистскую деятельность.

Основополагающим критерием выделения молодёжного экстремизма в отдельную группу является возраст. Данный показатель неразрывно связан с характерными для каждой возрастной группы психологическими особенностями, понимание которых в совокупности с иными переменными позволяет понять причины и механизмы вовлечения молодёжи в экстремистскую деятельность. Одной из таких причин и является информационный инфантилизм.

В современном мире интенсифицированы многие процессы, в том числе информационно-коммуникативные, протекающие в двух сферах – и в реальности, и в виртуальном мире, ассоциируемом прежде всего с информационно-коммуникационной сетью интернет. Интернет теперь неотъемлемая часть нашей жизни. С его помощью люди приобретают и продают товары, обмениваются информацией, работают, не выходя из дома, и прочее. Для многих людей интернет стал основным местом не только досуга, но и жизни. Фактически реальный мир заменяется виртуальным. В нём создаются сообщества по интересам – со своими правилами, со своим языком. Люди в них представлены в созданных ими самими образах, со специальными, уникальными для них именами. И процесс вовлечения человечества в эту виртуальную среду имеет тенденцию к расширению.

Через интернет реализуется удовлетворение одной из важнейших человеческих потребностей – потребность в общении. Приведённые выше данные подтверждают, что современное взаимодействие все больше и больше переходит в сферу интернета, приобретая специфические отличительные черты. К ним можно отнести условное отсутствие управления пользователями, высокую скорость распространения информации, коммуникацию не только вербальную, но и образами (фото- и видеоизображения и т. д.),

⁴ О молодёжной политике в Российской Федерации : федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ [Электронный ресурс] // www.consultant.ru: сайт. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 01.08.2022).

⁵ Численность и состав населения [Электронный ресурс] // Rosstat.gov.ru : сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения 11.08.2022).

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [Электронный ресурс] // Publication.pravo.gov.ru : сайт. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 10.10.2022).

глобальность взаимодействия (участниками общения могут быть представители любых стран) [17]. В киберпространстве создаются самостоятельные сообщества с характерными для них системами ценностей, морально-этическими предписаниями, сленгом и прочее. Вместе с тем следует отметить и специфические особенности виртуального общения, создающие почву для деструктивных и даже преступных действий – условная анонимность пользователей, ограниченность сенсорного опыта, возможность намеренного искажения своего образа и т. д. [10; 17].

Несмотря на свою прогрессивную сущность, виртуальная среда «не позволяет в полной мере проявить человеческое в человеке» [3]. Условное отсутствие внешнего контроля в виртуальном общении, физического контакта с собеседником во многом раскрепощают взаимодействие. Негативным следствием этого становится допущение неуважительных, напрямую оскорбительных высказываний, угроз и преступных призывов.

Т. В. Жаворонкова предлагает разделить ресурсы, способствующие распространению и развитию экстремизма и терроризма, на четыре группы.

1. Пропагандирующие и распространяющие идеи сепаратизма, экстремизма и ксенофобии.

2. Призывающие к экстремистским и террористическим действиям на основе межнациональной розни и религиозной нетерпимости.

3. Разжигающие ксенофобию на основе национальной или расовой принадлежности.

4. Призывающие (косвенно) к террористической деятельности, способствующие совершению террористических акций. Например, это может быть справочная информация об изготовлении взрывчатых веществ [8].

Однако не все пользователи интернета понимают опасность подобных ресурсов в виртуальном общении и, как нам представляется, это связано с таким явлением, как инфантилизм.

Термин «инфантилизм», происходящий от латинского слова, означающего «детский, малолетний» пришёл в гуманитарную сферу из медицины, где отражал ситуации отставания человека в физическом развитии. В переносном смысле инфантилизм (как детскость) — проявление наивного подхода в быту, в политике и т. д., также неумение принимать своевременно продуманные решения. Данное описание вполне удачно подошло для применения в психологии, иллюстрируя «отставание» в становлении личности, достижении ею зрелости. Это проявляется в несерьёзности, поверхностности суждений, безответственности, незрелости эмоциональных реакций, эгоцентризме, неумении подчиняться требованиям, неспособности различать понятия «я хочу / мне нужно», медленном формировании эмпатии, неустойчивости эмоциональной сферы и т. д. [2]. И те качества, которые понятны собственно в детском возрасте, в более старшем приводят к дезадаптации человека, неспособности создавать позитивные социальные

связи. Зачастую такие люди оказываются на периферии социальной жизни, не способны включаться в нормальные человеческие отношения, что приводит к неудовлетворённости, ожесточению, озлоблению.

Можно отметить, что и особенности потребляемого контента могут способствовать развитию инфантилизма, инфантильного восприятия мира. Отмечают, что зачастую потребитель потребляет суррогат информации, что ведёт к «инфляции» интеллектуально-познавательной деятельности и формированию искажённой картины мира [16].

Сознание инфантила, таким образом, можно считать искажённым. Это выражается и в характере усвоения установленных социальных и правовых норм, и тем более следования им, что уже определяется как правовой инфантилизм, представляющий собой уже пример искажения правового сознания [5].

В этой связи информационный инфантилизм можно рассматривать как производную от правового, т. к. он строится отчасти на тех же основаниях: общая личностная незрелость, эгоцентризм, неприятие установленных правовых норм. В частности, информационный инфантилизм проявляется в характере поведения в киберпространстве. Обозначенные выше особенности и вероятные негативные следствия виртуального общения приводят к возможности распространять экстремизм среди пользователей. Информационный инфантилизм отличается от киберэкстремизма не формой, а неосознанностью своих действий и мотивации. Именно в этом главное различие между истинными киберэкстремистами и информационными инфантилами, а это, в свою очередь, определяет уровень социальной опасности каждого из них.

Информационная инфантильность, являющаяся одной из причин киберэкстремизма, во-первых, заключается в незнании действующего законодательства, в частности, касающегося вопросов экстремизма (что под этим подразумевается, какова юридическая ответственность за те или иные действия).

Во-вторых, в поверхностности суждений и преуменьшении значимости своих действий в виртуальном пространстве. Информационные инфантилы не придают значения своим действиям. Это можно понять по словам: «Я никого не трогал», «Это была игра», «Мы просто шутили», «Это только слова» и прочее.

В-третьих, в эмоциональной неустойчивости, выражающейся в том числе в агрессии по отношению к другим пользователям. При этом анонимность, расстояние от оппонента, создаёт ощущение защищённости и возможности не ограничивать себя в выражениях.

В-четвёртых, инфантильность выражается в том числе и в слабом представлении своего будущего, его планировании и тем более реализации конкретных действий по достижению поставленных целей. Отсутствие твёрдых социально-личностных ориентиров создаёт пред-

посылки для попадания под влияние преступников, использующих интернет как площадку для вербовки в свои группы или использования в каких-либо экстремистских акциях.

Очевидно, в ближайшее время виртуальное взаимодействие, нахождение в киберпространстве будет занимать всё большую часть жизни человека, вытесняя взаимодействие живое. Именно поэтому информационный инфантилизм будет являться всё большей и большей угрозой не только для личности, но и для общества. Необходимо детальнее и глубже проводить исследования данного феномена с целью выработки комплекса мер по предотвращению распространения подобного деструктивного явления в информационном пространстве.

Заключение

Безусловно, решение проблемы экстремизма, его распространения имеет междисциплинарный характер, поэтому требует консолидированного ответа и юристов, и педагогов, и психологов, а также специалистов других областей.

Отметим основные особенности информационной среды, позволяющей использовать её для распространения экстремизма.

1. Доступность входа в виртуальную информационную среду.

Каждый почти беспрепятственно может войти в виртуальную информационную среду, используя какой-либо гаджет, например, телефон.

2. Следствие, проистекающее из вышеуказанного пункта, – простота ознакомления с запрещёнными материалами и их распространения. Так, на 24 октября 2022 г. федеральный список экстремистских материалов на сайте Министерства юстиции России насчитывал 5311 единиц⁶.

Допускаем, что пользователь может неосознанно поделиться информацией, которая является запрещённой. Случайно попавшаяся ему информация могла его удивить, поразить, возмутить и вызывать желание вынести её на общее обсуждение в сети.

3. Возможность организовывать группы по интересам, в том числе, международные [15].

Например, в среде молодёжи пользуются популярностью онлайн-игры, позволяющие, помимо собственно игры, прохождения сюжета, выполнения игровых заданий, общаться. Нередко подобное общение перерастает в образование тематических групп, уже с иными, внеигровыми целями.

4. Использование разнообразных форм воздействия.

Например, видеofilмы, ролики, рисунки, фотографии. Это яркая, легко усваиваемая

информация. Именно поэтому они оказывают очень эффективное воздействие.

5. Многоканальность воздействия и «самоподтверждающаяся» информация.

Информация может подаваться с разных источников / сайтов. Благодаря этому создаётся ощущение, что информация подтверждается не одним, а несколькими ресурсами. Информация становится как бы «объективной», вызывающей доверие у пользователя.

6. Эксплуатация потребности человека в общении и любви.

К сожалению, преступники не чужаются использовать для достижения своих целей любые средства и способы воздействия на человека. В этом отношении известны случаи вербовки в преступные группы экстремистской направленности пользователей социальных сетей и сайтов знакомств [4, 7].

Общение и поиск единомышленника являются значимыми потребностями человека. Это, как правило, делает его уязвимым, чем и пользуются преступники, цинично эксплуатируя искренние побуждения людей.

Заметим, что данный перечень киберопасностей современного информационного мира не является исчерпывающим.

Особую группу риска представляют женщины. На сайтах знакомств вербовщики «вычисляют» наиболее доверчивых. При этом не всегда социальное благополучие является условием безопасности и препятствует вовлечению в экстремистскую деятельность. Вербовщик создаёт иллюзию удовлетворения актуальных потребностей жертвы, формируя зависимость от него [4].

Безусловно, что в указанную группу риска в первую очередь входит молодёжь. Это объясняется психофизиологическими особенностями, и социальной активностью, и зачастую отсутствием жизненного опыта, и тем, что молодые люди являются активными пользователями сети и уже по этому критерию попадают в группу риска.

Этот факт следует учитывать как в профилактической работе с молодёжью, так и в работе коррекционной, исправительной.

Каким же образом следует выстраивать систему психолого-информационной безопасности?

Решение проблемы распространения нежелательной, а порой и откровенно опасной, преступной информации в разных странах решается по-разному. Например, в Китайской Народной Республике проблему решили методами «тотального контроля». В России же в интернете распространение информации более свободное [14]. Отметим, что в настоящее время существуют как сторонники, так и противники введения более строгих правил регистрации на различных сайтах виртуального пространства, а также ужесточения правил фильтрации «неподтверждённых» пользователей [6].

Думается, двигаться нужно не только в сторону запретительных мер, но и в сторону про-

⁶ Экстремистские материалы : Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс] // Minjust.gov.ru: сайт. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?page=53&> (дата обращения: 24.10.2022).

свещения. На преступное информационное воздействие следует отвечать информационными методами и средствами.

В связи с этим представляется необходимым следующее.

1. Определение тех ценностей и идеалов, на которые бы ориентировался человек в ситуации для него новой, необычной.

Нередко вовлечение в экстремистскую деятельность строится на полуправде, искажении фактов и пр.

Как отмечают специалисты, отсутствие внятной идеологии противодействия экстремизму является важной проблемой противодействия этому явлению. В качестве ориентира предлагается идеология «позитивного патриотизма», который предполагает объединение не «против», а «за» – например образ страны в будущем [12].

2. Проведение занятий по правилам поведения в информационных сетях.

Здесь, вероятно, уместно провести параллели с правилами дорожного движения. Ведь информационная среда может представлять не меньшую опасность.

3. Осуществление контринформационного воздействия.

В ответ на тематические провоцирующие фотографии, видео и иные способы оказания преступного воздействия нужно создавать разоблачающие, разъясняющие фото- и видеоматериалы такой же ёмкой, легко воспринимаемой формы.

В завершение отметим, что, конечно же, нельзя обойтись и без запретительных, ограничительных мер, чтобы оградить от бесконтрольного распространения подобной информации, а также защитить уязвимых пользователей.

Список литературы

1. *Абрамов А. Э.* Молодёжный экстремизм как угроза национальной безопасности России в условиях глобализации // *Общество: политика, экономика, право.* – 2020. – № 5 (82). – С. 52–55.
2. *Андросова М. И., Тимофеева Я. А.* Инфантилизм как проблема развития личности // *Проблемы современного педагогического образования.* – 2020. – № 69-1. – С. 33–36.
3. *Блинова Н. М.* Особенности образов партнёров по общению в Интернете и в реальной жизни // *Мир науки. Педагогика и психология.* – 2016. – Т. 4. – № 4. – С. 1–15.
4. *Бураева Л. А.* О методах вербовки женщин террористическими организациями посредством сети Интернет // *Пробелы в российском законодательстве.* – 2018. – № 5. – С. 190–193.
5. *Грамматиков В. В.* Проявления правового инфантилизма в адвокатской среде // *Социально-политические науки.* – 2016. – № 2. – С. 158–161.
6. *Денисов Д. В.* Безопасность в Интернете: защита от внешних угроз // *Прикладная информатика.* – 2016. – Т. 11. – № 2 (62). – С. 57–64.
7. *Душина Т. В., Семкина Е. Н.* Особенности проявления идеологии и практики экстремизма и терроризма в современной Российской глобализирующейся действительности // *Общество: политика, экономика, право.* – 2019. – № 10 (75). – С. 12–15.
8. *Жаворонкова Т. В.* Использование сети Интернет террористическими и экстремистскими организациями // *Вестник Оренбургского государственного университета.* – 2015. – № 3 (178). – С. 30–36.
9. *Ивлиев П. А.* Анонимность в интернете: проблемы и особенности // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* – 2019. – № 4-2. – С. 6–8.
10. *Масликова О. С.* Языковые особенности общения в Интернет-пространстве // *Инновационная наука.* – 2019. – № 9. – С. 69–72.
11. *Мураев П. П., Яковлев Д. Н., Шалимова В. В.* Особенности профилактики экстремизма в молодёжной среде // *Legal Concept.* – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 43–49.
12. *Нарбут Н. П., Пузанова Ж. В.* Антитеррористическое воспитание молодежи: новые вызовы новой эпохи : Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология.* – 2015. – № 4. – С. 181–185.
13. *Некрасова Е. В.* Информационный аспект экстремизма и терроризма и деструктивные тенденции в СМИ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология.* – 2013. – № 1. – С. 57–66.
14. *Радайкин М. Ф.* Кратко о проблеме анонимности в сети Интернет // *Пробелы в российском законодательстве.* – 2013. – № 2. – С. 25–28.
15. *Сундиев И. Ю., Смирнов А. А.* Технологии геймификации в экстремистской и террористической деятельности: опыт экспозиции // *Научный портал МВД России.* – 2021. – № 3 (55). – С. 39–51.
16. *Фалкина С. А.* Психологические характеристики подростков, склонных к виктимному поведению в Интернет-сети // *Перспективы науки и образования.* – 2014. – № 1 (7). – С. 230–236.
17. *Якоба И. А.* Интернет как средство социальной коммуникации: особенности виртуального общения // *Вестник Иркутского государственного технического университета.* – 2011. – № 8 (55). – С. 342–347.

References

1. *Abramov A. E.* Molodozhnyy ekstremizm kak ugroza natsional'noy bezopasnosti Rossii v usloviyakh globalizatsii // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo.* – 2020. – № 5 (82). – S. 52–55.
2. *Androsova M. I., Timofeyeva Ya. A.* Infantilizm kak problema razvitiya lichnosti // *Problemy sovremennoogo pedagogicheskogo obrazovaniya.* – 2020. – № 69-1. – S. 33–36.
3. *Blinova N. M.* Osobennosti obrazov partnerov po obshcheniyu v Internete i v real'noy zhizni // *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya.* – 2016. – Т. 4. – № 4. – S. 1–15.
4. *Burayeva L. A.* O metodakh verbovki zhenshchin terroristicheskimi organizatsiyami posredstvom seti Internet. Probely v rossiyskom zakonodatel'stve // *Yuridicheskiy zhurnal.* – 2018. – № 5. – S. 190–193.
5. *Grammatikov V. V.* Proyavleniya pravovogo infantilizma v advokatskoy srede // *Sotsial'no-politicheskiye nauki.* – 2016. – № 2. – S. 158–161.
6. *Denisov D. V.* Bezopasnost' v Internete: zashchita ot vneshnikh ugroz // *Prikladnaya informatika.* – 2016. – Т. 11.– № 2 (62). – S. 57–64.
7. *Dushina T. V., Semkina Ye. N.* Osobennosti proyavleniya ideologii i praktiki ekstremizma i terrorizma v sovremennoy Rossiyskoy globaliziruyushcheysya deystvitel'nosti // *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo.* – 2019. – № 10 (75). – S. 12–15.
8. *Zhavoronkova T. V.* Ispol'zovaniye seti Internet terroristicheskimi i ekstremistskimi organizatsiyami // *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2015. – № 3 (178). – S. 30–36.
9. *Ivliyev P. A.* Anonimnost' v internete: problemy i osobennosti // *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk.* – 2019. – № 4-2. – S. 6–8.
10. *Maslikova O. S.* Yazykovyye osobennosti obshcheniya v Internet- prostranstve // *Innovatsionnaya nauka.* – 2019. – № 9. – S. 69–72.
11. *Murayev P. P., Yakovlev D. N., Shalimova V. V.* Osobennosti profilaktiki ekstremizma v molodozhnoy srede // *Legal Concept.* – Т. 19. – 2020. – № 2. – S. 43–49.
12. *Narbut N. M., Puzanova Zh. V.* Antiterroristicheskoye vospitaniye molodezhi: novyye vyzovy novoy epokhi: Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Aktual'nyye problemy antiekstremistskogo i antiterroristicheskogo vospitaniya molodezhi» // *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya.* – 2015. – № 4. – S. 181–185.
13. *Nekrasova Ye. V.* Informatsionnyy aspekt ekstremizma i terrorizma i destruktivnyye tendentsii v SMI // *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya.* – 2013. – № 1. – S. 57–66.
14. *Radaykin M. F.* Kratko o probleme anonimnosti v seti Internet. Probely v rossiyskom zakonodatel'stve // *Yuridicheskiy zhurnal.* – 2013. – № 2. – S. 25–28.
15. *Sundiyeu I. Yu., Smirnov A. A.* Tekhnologii geymifikatsii v ekstremistskoy i terroristicheskoy deyatel'nosti: opyt ekspozitsii // *Nauchnyy portal MVD Rossii.* – 2021. – № 3 (55). – S. 39–51.
16. *Falkina S. A.* Psikhologicheskkiye kharakteristiki podrostkov, sklonnykh k viktimnomu povedeniyu v internet-seti // *Perspektivy nauki i obrazovaniya.* – 2014. – № 1 (7). – S. 230–236.
17. *Yakoba I. A.* Internet kak sredstvo sotsial'noy kommunikatsii: osobennosti virtual'nogo obshcheniya // *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta.* – 2011. – № 8 (55). – S. 342–347.

Статья поступила в редакцию 30.10.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted October 30, 2022; approved after reviewing November 28, 2022; accepted for publication January 31, 2023.

Конференции

Обзорная статья

УДК 325.14

doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-245-258

Роман Юрьевич Аврутин

кандидат юридических наук

<https://orcid.org/0000-0003-1140-8194>, roman-967@mail.ru

Александр Анатольевич Беженцев

кандидат юридических наук, доцент

<https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>, adovd@mail.ru

Санкт-Петербургский университет МВД России

Российская Федерация, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, д. 1

Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ

(Международная научно-практическая конференция 14 октября 2022 г. Санкт-Петербургский университет МВД России: научные дискуссии о миграционном законодательстве)

Аннотация: 14 октября 2022 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России в рамках деятельности научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» прошла ежегодная Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ», на которой состоялся обмен мнениями по проблемным вопросам законодательного регулирования миграционных процессов, административно-юрисдикционной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в сфере миграции, по теоретическим и прикладным проблемам совершенствования законодательства об административных правонарушениях в миграционной сфере, по проблемам обеспечения безопасности и общественного порядка, совершенствования полицейской и иной правоохранительной деятельности на территории государств – участников СНГ. В конференции приняли участие представители МВД иностранных государств: Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан, Ре-

спублики Ангола, Республики Гана, Гвинейской Республики, Республики Гвинея-Бисау, Республики Конго, Республики Никарагуа, Республики Эль-Сальвадор, государства Сент-Винсент и Гренадины.

Участники конференции были едины во мнении о необходимости укрепления как сотрудничества практических работников органов внутренних дел МВД России, государственных и иных организаций, работающих в сфере миграции, так и сотрудничества на уровне стран – участниц СНГ, а также государств, представители которых принимали участие в проведении конференции.

Ключевые слова: миграционные отношения, миграционное законодательство, трудовая миграция, нелегальная миграция, правонарушения в области миграции, иностранные граждане, режим пребывания, Содружество Независимых Государств

Для цитирования: Аврутин Р. Ю., Беженцев А. А. Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ (Международная научно-практическая конференция 14 октября 2022 г. Санкт-Петербургский университет МВД России: научные дискуссии о миграционном законодательстве) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1 (97). – С. 245–258; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-245-258.

Roman Y. Avrutin

Cand. Sci. (Jurid.)

<https://orcid.org/0000-0003-1140-8194>, roman-967@mail.ru

Alexander A. Bezhentsev

Cand. Sci. (Jurid.), Docent

<https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>, adovd@mail.ru

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

1, Letchika Pilyutova str., Saint Petersburg, 198206, Russian Federation

Current problems of legislative regulation of migration processes in the territory of the CIS member states

**(International scientific and practical conference:
scientific discussions about migration legislation)**

Abstract: On October 14, 2022 at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia within the framework of the scientific school «Administrative and administrative-procedural activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia» the annual International scientific-practical conference «Actual problems of legislative regulation of migration processes in the CIS member states» was held, where opinions on problematic issues of legislative regulation of migration processes, administrative-jurisdictional activity of internal affairs bodies of Russia were exchanged. The conference was attended by representatives of the Ministry of Internal Affairs of foreign countries: Republic of Belarus, Republic of Kazakhstan, Republic of Uzbekistan, Republic of Tajikistan, Republic of Angola, Republic of Ghana, Republic of Guinea-Bissau, Republic of Congo, Republic of Nicaragua, Republic of El Salvador, State of Saint Vincent and the Grenadines.

The conference participants were of the same opinion on the need to strengthen both cooperation between practitioners of the internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, state and other organisations working in the field of migration, and cooperation at the level of CIS member states, and states whose representatives were taking part in the conference.

Keywords: migration relationships, migration law, labour migration, illegal migration, migration offences, foreign citizens, stay regime, Commonwealth of Independent States.

For citation: Avrutin. R. Y., Bezhentsev A. A. Current problems of legislative regulation of migration processes in the territory of the CIS member states: International scientific and practical conference scientific discussions about migration legislation // Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1 (97). – P. 245–258; doi: 10.35750/2071-8284-2023-1-245-258.

14 октября 2022 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России прошла ежегодная Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ»¹, что стало очередным этапом в процессе изучения, анализа и рассмотрения научно-теоретических основ правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации и стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество). Участники конференции обменялись мнениями по вопросам совершенствования правового регулирования, поиска эффективных методов регуляции миграционных процессов на территории государств – участников Содружества, оптимизации правоприменительной работы в этой сфере, укрепления связей между служащими федеральных органов исполнительной власти, работниками правоохранительных органов, в том числе территориальных органов внутренних дел, образовательными и научными организациями МВД России, региональными некоммерческими и общественными организациями государств – участников СНГ.

В конференции приняли участие представители иностранных государств: *Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Узбекистан, Республики Таджикистан, Республики Ангола, Республики Гана, Республики Гвинея, Республики Гвинея-Бисау, Республики Конго, Республики Никарагуа, Республики Эль-Сальвадор, государства Сент-Винсент и Гренадины*. Они рассказали о национальном миграционном законодательстве, основных проблемах в данной сфере, намеченных путях и способах их решения.

В работе конференции приняли участие руководители и ведущие учёные образовательных и научных организаций России; представители образовательных организаций МВД стран СНГ и дальнего зарубежья; представители Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области; Управления по вопросам миграции ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Управления на транспорте МВД России по Северо-Западному федеральному округу; Прокуратуры Санкт-Петербурга; Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга; Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге; Комитета по молодёжной политике и взаимодействию с общественными организациями Санкт-Петербурга; аппарата Уполномоченного по правам человека; Российского Красного

Креста; Санкт-Петербургского Дома национальностей; государственного автономного учреждения «Центр трудовых ресурсов»; Центра профилактики асоциальных явлений среди молодёжи «Контакт»; научно-педагогический состав Санкт-Петербургского университета МВД России.

На открытии конференции её модератор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации *М. В. Бавсун* особо отметил международный характер конференции и участие в ней представителей иностранных государств, а также значимость этого мероприятия для расширения перспектив деятельности органов исполнительной власти и общественных организаций в области миграционной политики в Российской Федерации и государствах – участниках СНГ. Модератор обратил внимание на непростые условия проведения конференции, подчеркнув, что в условиях сложной и нестабильной политической ситуации важен обмен мнениями и поддержание рабочего взаимодействия представителей полицейских органов сопредельных государств, формирование научно обоснованных и проверенных на практике подходов в миграционной сфере. Он уточнил, что из-за продолжающихся антиковидных мероприятий и ограничений не все желающие смогли приехать в Санкт-Петербург, в связи с чем примут участие в конференции в режиме видео-конференц-связи и, таким образом, все же смогут высказать свои суждения. Модератор отметил обширную географию конференции, сделал акцент на важности очного участия в ней представителей Академии МВД Республики Беларусь в лице начальника Академии генерал-майора милиции *А. П. Васильева*, заместителя начальника Академии по научной работе кандидата юридических наук, доцента *П. В. Гридюшко*.

В заключение своего выступления *М. В. Бавсун* от имени руководства Санкт-Петербургского университета МВД России пожелал участникам конференции успехов, предметных научных дискуссий, установления новых научных контактов, достижения заявленных научных результатов и передал слово для приветствия *начальнику Академии МВД Республики Беларусь генерал-майору милиции А. П. Васильеву*.

А. П. Васильев отметил непростую политическую обстановку, в условиях которой на полицейские органы возлагается особая ответственность за поддержание правопорядка на территории государств – участников Содружества, укрепление взаимодействия и выработку новых эффективных способов противодействия нелегальной миграции, правонарушениям и преступлениям, совершаемым на территории СНГ мигрантами.

Продолжая рассмотрение вопросов обеспечения деятельности Академии МВД Республики Беларусь, с научным докладом «Роль

¹ Аврутин Р. Ю., Паук Н. Н. Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ. Об итогах проведённой 15 октября 2021 года международной научно-практической конференции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1(93). – С. 56–68. – DOI 10.35750/2071-8284-2022-1-56-68.

Академии МВД Республики Беларусь в подготовке кадров в сфере миграции» выступил **заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, кандидат юридических наук, доцент П. В. Гридюшко**. В выступлении докладчик обозначил основные направления деятельности Академии – это непосредственно образовательный процесс, сопровождающая его научная деятельность, а также деятельность Международного учебного центра подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми. Реализация данных направлений деятельности обеспечивается преподаванием в рамках специальности «Правоведение» учебных дисциплин «Органы внутренних дел Республики Беларусь в реализации института миграции и убежища» и «Миграционное право», введённых решением Совета Академии МВД в мае 2021 г. В докладе отмечено, что в образовательном процессе активно участвуют практические сотрудники подразделений миграции, а профессорско-преподавательский состав Академии был одним из разработчиков «Концепции миграционной политики Союзного государства», Государственной программы «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 гг. Особо отмечено, что с июля 2007 г. на базе Академии функционирует «Международный учебный центр подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми», обучение в котором проходят представители полицейских подразделений стран – участниц СНГ. В процессе обучения в Центре слушатели изучают курсы по направлениям «Внешняя трудовая миграция», «Международная и национальная защита беженцев», «Международные стандарты и национальный опыт предупреждения и реагирования на случаи сексуального и гендерного насилия в отношении мигрантов», «Миграция населения: структурные характеристики и организационно-правовые модели регулирования», «Паспортно-регистрационная работа подразделений по гражданству и миграции», «Правовые основы деятельности подразделений по гражданству и миграции».

Далее слово для приветствия и научного общения было передано **Е. В. Кассюре, начальнику Управления стран СНГ и регионов Российской Федерации Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга**. Выступающий подчеркнул важность проводимой конференции, особенно в настоящий момент, когда миграционные процессы, характерные для обычных условий существования государств, сопровождаются исходом беженцев и вынужденных переселенцев из стран с нестабильной политической и экономической обстановкой. В связи с этим Комитетом разрабатываются и реализуются мероприятия в области государственной политики Санкт-Петербурга в сфере развития внешних связей и межрегионального сотрудничества; координации деятельности по разработке и реализации программ международной технической помощи

и делового сотрудничества, в том числе в рамках развития городского хозяйства, социальной сферы, образования, культуры и здравоохранения; координации деятельности по организации участия граждан и организаций в межрегиональных и международных конференциях и иных межрегиональных и международных мероприятиях, проводимых исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга; организации работы по поддержке соотечественников, проживающих за рубежом, использованию их возможностей для развития связей с зарубежными странами.

В выступлении отмечено, что на территории Санкт-Петербурга в настоящее время действуют пять миграционных центров («Московский», «Заневский», «Северный», «Нарвский», «Южный») оказывающих услуги иностранным гражданам и лицам без гражданства по вопросам миграционной политики. Е. В. Кассюра остановился на прошедшем с 23 по 27 сентября 2022 г. на территории Санкт-Петербурга голосовании по референдумам Донецкой и Луганской Народных Республик, Херсонской и Запорожской областей. На открытых участках для голосования присутствовали наблюдатели из Германии, Индии, Бразилии, ЮАР, стран Содружества. Международные наблюдатели могли предварительно и во время голосования очно наблюдать за ходом голосования, в том числе на самом большом участке, расположенном в здании Единого центра документов на улице Красного Текстильщика.

Модератор конференции М. В. Бавсун, подчёркивая важность обеспечения взаимодействия правоохранительных органов стран – участниц СНГ в вопросах выработки единых правовых стандартов миграционной политики, передал слово для доклада на тему **«Актуальные проблемы регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ» профессору кафедры организации работы полиции Санкт-Петербургского университета МВД России, доктору военных наук, профессору, генерал-майору И. П. Горелову**.

Выступающий отметил, что распад Советского Союза повлёк ряд проблем, которые в той или иной мере повлияли на миграционные процессы. Россию стали покидать творческие, образованные, занимающиеся научной деятельностью люди, высококвалифицированные специалисты, интеллигенция, на обучение которых были затрачены значительные средства. Нужно отметить, что Россия в зарубежном обмене теряет в основном высококвалифицированных специалистов, а приобретает нелегальных мигрантов с сомнительными причинами въезда в Российскую Федерацию, не востребованных на родине. За счёт миграции прирост населения России стал аномальным, превысив за последние десять лет максимальную норму. Актуальность миграционных процессов определяется возрастанием социальной значимости, влечёт появление таких проблем, как обострение конкуренции на рынке труда, рост цен на

недвижимость, снижение уровня жизни коренного населения, усугубление социальных проблем. Одним из последствий неконтролируемого миграционного потока является осложнение криминогенной обстановки в России².

Незаконное пребывание иностранных граждан увеличивает нагрузку на объекты социальной инфраструктуры, способствует развитию теневой экономики, создаёт неблагоприятную ситуацию на рынке труда (иностранцы готовы работать нелегально за меньшую заработную плату, вследствие чего у местного населения растёт безработица), способствует росту межнациональных конфликтов, противоречий, неприязни. Незаконная миграция по своей природе предполагает связь с нелегальным предпринимательством, тесно примыкающим к организованной преступности. Представляется целесообразным для повышения уровня безопасности населения от угрозы незаконной миграции:

- обеспечить расширение сотрудничества между Российской Федерацией и странами СНГ в сфере регулирования миграции;
- обеспечить регулирование количественных и качественных показателей миграционных потоков;
- создать единую систему контроля, начиная от момента прибытия иностранных граждан на территорию Российской Федерации, их размещения и до их выезда за пределы России;
- создать условия для социальной и культурной адаптации мигрантов;
- обеспечить формирование положительного отношения местного населения к мигрантам и наоборот;
- обеспечить действенные меры по контролю за трудоустройством мигрантов.

В заключение И. П. Горелов подчеркнул, что, учитывая крайне опасные тенденции развития нелегальной миграции, противодействие правонарушениям в этой сфере является приоритетной общегосударственной задачей, от решения которой во многом зависит стабилизация социально-политической обстановки, судьба экономических реформ.

Развивая тему взаимодействия стран – участниц СНГ, с докладом на тему «**Нежелательная миграция как угроза национальной безопасности государств – участников СНГ**» выступил **А. М. Воронов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России**. Он отметил, что интенсивный миграционный поток, буквально обрушившийся на государства Европы из стран Ближнего Востока и Северной Африки в 2014–2015 гг., стал одной из причин негативных социально-экономических процессов,

обеспечил фактически беспрепятственное наполнение этих государств представителями криминальных, экстремистских и террористических структур. Такие негативные миграционные проявления выступают серьёзной угрозой и представляют один из вызовов национальной безопасности государств – участников СНГ.

Признавая реальность такой угрозы, докладчик выразил предположение, что именно введение в оборот института нежелательности миграции может стать средством повышения эффективности миграционной политики государств Содружества в части установления оправданного профилактического и превентивного контроля за миграционными потоками, а законодательное установление дополнительных мер административно-правового воздействия будет способствовать действительной нейтрализации ресурсной базы международного терроризма. При этом под нежелательной миграцией в государствах – участниках СНГ предлагается понимать международную миграцию (иммиграцию), не предполагающую смены места жительства, когда под видом беженцев либо переселенцев на территорию стороннего государства, порой легально, проникают боевики международных террористических организаций для участия в региональных вооружённых конфликтах, вплоть до свержения легитимной власти, культивирования и распространения деструктивных идеологий, способствующих нарушению межнационального и межрелигиозного мира и согласия, региональных и этнокультурных укладов жизни народов государств Содружества.

С потоками беженцев в страны СНГ устремляются эмиссары, активные участники (боевики) и пособники преступных организаций для ведения различных форм экстремистской, террористической деятельности. Цель таких планируемых миграций вполне очевидна: во-первых, юридическое закрепление правового статуса своих сторонников под эгидой беженцев, во-вторых, формирование в новой социальной среде платформ для новоиспечённых «революций» или, как минимум, вербовка наёмников для ведения войн в «захваченных» странах.

Тема «**О перспективах совершенствования механизмов миграционного контроля в Российской Федерации**» была раскрыта **начальником управления учебно-методической работы Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидатом юридических наук, доцентом С. С. Лампадовой**. В докладе отмечалось, что в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622, заявлено о необходимости совершенствования механизмов контроля за различными режимами пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, осуществления ими трудовой деятельности. При этом обусловлен-

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–август 2022 года [Электронный ресурс] // МВД России : официальный сайт. – URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/32515852/> (дата обращения: 19.12.2022).

ность преобразований влиянием миграционных процессов на национальную безопасность страны придаёт этой задаче особую значимость.

В настоящее время контрольно-надзорную деятельность в сфере миграции регулирует Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», принятый более двух десятилетий назад, а также постановление Правительства Российской Федерации от 13 ноября 2012 г. № 1162 «Об утверждении Положения об осуществлении федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции», которое также принималось в других социально-экономических и политических условиях.

Накопившиеся проблемы контрольно-надзорной деятельности предполагается решать с помощью профильного отраслевого нормативного правового акта. Справедливости ради следует отметить, что его разработка носила плановый характер, и МВД России была проделана значительная работа по анализу эффективности действующих правовых норм, а также разработке новых концептуальных подходов к регулированию миграции иностранных граждан и лиц без гражданства. Результатом этой деятельности стал проект федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства».

Содержание административного надзора достаточно полно раскрыто в документе, где на основе правоприменительной практики детализируются правила реализации уже известных процедур: проведения мониторинга соблюдения правил (требований) в сфере миграции, предупреждения и пресечения административных правонарушений и преступлений в сфере миграции, принятия мер профилактического характера, принятия мер принуждения, проведения дактилоскопической регистрации и идентификации иностранных граждан³. Появляются в нём и совершенно новые для отечественного миграционного права институты и механизмы, такие как контролируемое пребывание, ведение реестров недобросовестных приглашающих лиц и недобросовестных работодателей.

Все рассматриваемые составляющие административного надзора органично раскрывают его правовую природу и способствуют достижению его целей. Вопрос вызывает лишь отнесение к административному надзору «обеспечения размещения органами внутренних дел (полицией) в открытом доступе актуальных сведений о нормативно установленных правилах (требованиях) в сфере миграции, ответственности за их несоблюдение, а также уведомление работодателей, заказчиков работ (услуг), принимаю-

щих лиц, приглашающей стороны об указанных правилах (требованиях) и ответственности за их несоблюдение на стадии прохождения процедур. И если в уведомительных действиях можно усмотреть профилактическую сущность административного надзора, то «обеспечение размещения» актуальной информации о правовом регулировании в сфере миграции самостоятельного значения в надзорной деятельности, как представляется, не имеет.

Давно ожидаемой новеллой стало объединение применяемых в Российской Федерации мер государственного принудительного воздействия, заключающихся в удалении за пределы территории государства иностранного гражданина или лица без гражданства в единый институт высылки. Научная общественность давно полемизирует на тему единства и дифференциации правовой природы действующих процедур административного выдворения и депортации. Документ примирил разные научные концепции, заменив указанные меры единой – высылкой, но дифференцировав основания и порядок её применения. Уточняются все существенные аспекты высылки в Российской Федерации: условия и общие начала применения высылки; порядок принятия, исполнения, прекращения, приостановления, возобновления исполнения решения о высылке; правовые последствия высылки.

Подводя итог, С. С. Лампадова подчеркнула, что проект федерального закона в значительной степени ликвидировал имеющиеся проблемы в правовом регулировании государственного контроля (надзора) в сфере миграции. Подробное изложение нормативно установленных правил (требований) в сфере миграции, ответственности за их несоблюдение демонстрирует открытость миграционной политики Российской Федерации при одновременном акцентировании внимания на серьёзности государственных подходов к вопросам национальной безопасности в миграционной сфере.

С докладом «**Совершенствование законодательства о гражданстве: проблемы правоприменения**» выступил *начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент А. И. Попов*, который заявил, что в целях повышения эффективности деятельности по реализации положений Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 гг. сформированы предложения по реформированию института гражданства Российской Федерации. В настоящее время уже имеются результаты исполнения программно-целевых и планирующих документов, в том числе в части внесённых изменений в институт российского гражданства.

А. И. Попов раскрыл содержание принятых в 2020 г. и 2022 г. изменений положений Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации». Так, были добавлены отдельные основания

³ Беженцев А. А., Аврутин Р. Ю., Паук Н. Н. и др. Актуальные вопросы деятельности подразделений патрульно-постовой службы полиции : учебник. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – 456 с. – С. 278–301.

для приобретения гражданства, что упростило некоторые из имеющихся ранее требований. В частности, расширен перечень вариантов для получения гражданства в упрощённом порядке. Редакция 2022 г. позволяет иностранным гражданам, заключившим контракт о прохождении службы в Вооружённых Силах Российской Федерации, других войсках или воинских формированиях на срок не менее одного года, обратиться с заявлениями о приёме в гражданство без соблюдения пятилетнего срока проживания на территории Российской Федерации. Изменения, внесённые в Конституцию Российской Федерации по результатам общероссийского голосования, состоявшегося 1 июля 2020 г., обусловили разработку нового законопроекта «О гражданстве Российской Федерации», который принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации в первом чтении. Одной из главных особенностей, с точки зрения правоприменителей, является то, что в ведении Президента Российской Федерации предлагается оставить только приём в гражданство Российской Федерации в исключительном порядке. По остальным основаниям правом принятия решений по вопросам гражданства Российской Федерации предполагается наделить МВД России и МИД России.

Проблема организационно-правовых основ полицейской деятельности по обеспечению прав, свобод и законных интересов человека и гражданина была рассмотрена в докладе *А. А. Беженцева, начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидата юридических наук, доцента*, на тему «Полицейская деятельность по обеспечению прав и свобод человека: опыт государств – участников СНГ».

Деятельность полиции государств – участников СНГ по обеспечению прав и свобод человека характеризуется длительным эволюционным периодом и зависит как от национальных особенностей, так и проблем, стоящих на данном этапе развития перед конкретной державой. Именно эти характерные черты имели и имеют доминирующее значение для выбора каждым народом того или иного политического режима, а значит, и организационно-правовых принципов деятельности полицейских сил. Непосредственная зависимость полиции от конкретного политического режима, силовым гарантом существования которого она является, приводит в случае изменения к коренному реформированию правовой базы, кадровой составляющей, организационных моделей, стратегии и тактики её функционирования. Анализ работы полицейских структур в области обеспечения прав и свобод человека и использования положительного опыта деятельности полиции государств – участников СНГ в этой сфере позволили сделать докладчику следующие выводы.

А) Теоретические и организационно-правовые модели функционирования полиции постоянно эволюционируют, причём соот-

ветствующие процессы интенсифицируются: значительное внимание уделяется выработке правильной стратегии правоохранительной деятельности по обеспечению прав и свобод человека; обеспечению системности и последовательности работы полиции в этом направлении; осуществлению эффективного контроля над деятельностью полиции, в том числе со стороны институтов гражданского общества.

Б) Анализ подходов к формированию содержания полицейской службы в демократическом обществе позволяет выделить следующие модели организации работы полиции:

1. Первая модель – «полицейский-наблюдатель» – характеризуется службой полиции политической элите, невысоким уровнем профессионализма, неформальным личностным поведением сотрудников.

2. Вторая модель – «юрист-профессионал» – придаёт большое значение верховенству права, порядка, а не политическим преимуществам. От полицейского требуется не приверженность конкретному лицу в управленческих структурах, а компетентность, профессионализм, ответственность. Поведение сотрудника строго регламентировано, а при оценке его деятельности значение придаётся статистическим данным (количество арестов, штрафов, раскрытых преступлений). Из «наблюдателя» он превращается в «солдата общества», инициативного, а не коррумпированного.

3. Третья модель – «служение общественности» – возникла как попытка восполнить в полиции второй модели пробелы: в должной протекции прав, свобод и законных интересов личности; в ответственности за безопасность граждан и социума. Органы внутренних дел должны занимать не реактивную, а проактивную позицию, осуществляя постоянную профилактику социальной напряжённости и предупреждая преступления путём решения проблем граждан и реализации программ обслуживания в области обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности. Полицейский выполняет в этом случае положительную, поддерживающую функцию.

4. Четвертая модель – «рационализованная» – предполагает использование методов и способов, выработанных на основе прагматичного подхода и научного анализа. Сотрудник превращается в аналитика, исследующего мир социума и предлагающего обоснованные решения проблемы охраны правопорядка и противодействия преступности.

А. А. Беженцев пришёл к выводу, что условиями эффективного функционирования полиции в государствах – участниках СНГ можно признать, во-первых, наличие соответствующей правовой базы, выражающей волю общества в отношении полиции; во-вторых, чёткое управление ею со стороны федеральной и региональной администрации; в-третьих, социальное доверие; в-четвертых, укомплектованность личным составом, способным эффективно выполнять возложенные на него обязанности;

в-пятых, достаточное финансирование и материально-техническое обеспечение. Перечисленные условия обязательны, равнозначны и универсальны для органов внутренних дел государств – участников СНГ.

С докладом на тему **«Взгляд на актуальные проблемы регулирования миграционных процессов в странах СНГ с точки зрения стратегического планирования»** выступил *доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент В. С. Ронин*. Предваряя выступление, автор отметил, что тема доклада основана на опыте научной и образовательной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя и связана с научными интересами, в круг которых входят вопросы правового регулирования, стратегического планирования и прогнозирования в сфере миграции. В докладе обосновано, что стратегическое планирование составляет одну из основ государственного управления и развития, а также развития международного сотрудничества. Не является исключением и сфера миграции. То, как государства осуществляют соответствующую деятельность, в частности, в рамках СНГ, представляется актуальным. С. В. Ронин в ходе доклада раскрыл ряд актуальных аспектов и проблем, к числу которых отнесены:

- этапы становления, правовые и организационные основы стратегического планирования;
- состояние сферы миграции как объекта стратегического планирования;
- дуалистичность целей стратегического планирования – две разнонаправленные цели, но увязанные по смыслу философского принципа единства и борьбы противоположностей;
- отсутствие чёткости в структуре управления по цели «социально-экономическое развитие», например, какой орган по аналогии с Советом Безопасности Российской Федерации отвечает за такую цель, может ли являться таким органом Государственный Совет Российской Федерации;
- множественность документов стратегического планирования;
- отсутствие специального отраслевого документа стратегического планирования применительно к сфере миграции – миграционного прогноза;
- необходимость наделения некоторых актов Президента Российской Федерации статусом документов стратегического планирования по аналогии, например, с майскими указами;
- стратегия и тактика в государственном управлении;
- решение о проведении специальной военной операции в контексте стратегического планирования и её влияние на сферу миграции в Российской Федерации и в государствах – участниках Содружества;
- решение о документах стратегического планирования СНГ и государств – участников СНГ применительно к сфере миграции;
- преобладание целей развития экономики

и социальной сферы применительно к вопросам стратегического планирования в государствах – участниках Содружества;

– участие в разработке Концепции миграционной политики Союзного государства.

Высказано мнение о дальнейшем углублённом исследовании обозначенных проблем, в том числе для выработки практических рекомендаций по совершенствованию института стратегического планирования применительно к сфере миграции.

М. В. Бавсун, передавая слово следующему выступающему, подчеркнул, что деятельность подразделений органов внутренних дел осуществляется во взаимодействии с органами исполнительной власти регионов и негосударственными организациями, в сферу деятельности которых входят вопросы оказания содействия мигрантам, беженцами и другим лицам, оказавшимся на территории Российской Федерации.

Тему **«Выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению иностранными гражданами преступлений, как инструмент профилактики конфликтов в сфере межнациональных отношений в Санкт-Петербурге»** в своём выступлении раскрыла *Л. Ю. Гридчина, главный специалист отдела реализации миграционной политики, законности и межведомственного взаимодействия Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге*. Докладчик отметила, что одной из ключевых задач, стоящих перед Комитетом по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге, является разработка и реализация профилактических мер, направленных на предупреждение межнациональных (межэтнических) конфликтов в Санкт-Петербурге. Однако полномочиями в сфере обеспечения правопорядка в Санкт-Петербурге Комитет не обладает.

Л. Ю. Гридчина привела некоторые данные о преступности и состоянии межнациональных отношений в Санкт-Петербурге: так, если по итогам 2021 г. количество преступлений, совершённых иностранцами в Санкт-Петербурге, почти на треть (+28 %) превышало прошлогодние показатели и составляло более 3,5 тыс., то к концу 1 полугодия 2022 г. зафиксирована динамика на уровне «–1 %» к аналогичному показателю прошлого года, а по итогам 9 месяцев текущего года «–7,7 %»; почти на 1,5 % (с 13,7 % до 12,4 %) снизилась доля преступлений, совершённых иностранцами, в общем массиве раскрытых в Санкт-Петербурге преступлений.

По данным социологических опросов населения Санкт-Петербурга, ежегодно проводимых по заявке Комитета, именно уровень преступности с участием мигрантов остаётся фактором, вызывающим беспокойство горожан, непосредственно влияющим на формирование негативных стереотипов о миграционных процессах, способных спровоцировать рост анти-мигрантских настроений и обострение межна-

циональных отношений в городе. Учитывая это, Комитет по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики в Санкт-Петербурге на постоянной основе организовал мониторинг и анализ данных о преступлениях, совершаемых иностранными гражданами, а также инцидентов в виде нарушения общественного порядка с массовым участием мигрантов.

На основе результатов мониторинга во взаимодействии с иными уполномоченными органами государственной власти ведутся разработка и реализация профилактических мероприятий. Консолидацию усилий в данном направлении обеспечивает созданная осенью 2020 г. по инициативе Комитета по межнациональным отношениям и реализации миграционной политики рабочая группа по противодействию незаконной миграции и раннему предупреждению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений, на заседаниях которой в течение 2021 г. неоднократно рассматривались проблемы стабилизации ситуации с преступностью иностранных граждан в различных районах города. Комитетом проведён постатейный анализ совершаемых мигрантами преступлений, в результате которого установлено, что почти 40 % преступных деяний связано с подделкой документов, разрешающих нахождение иностранца в России и трудовую деятельность на её территории. Полученные данные побудили Комитет усилить разъяснительную работу с мигрантами, в том числе на уровне администраций городских районов и внутригородских муниципальных образований, а также с привлечением общественных организаций.

Действенным механизмом, обеспечивающим оперативное выявление и принятие необходимых мер реагирования, является региональный сегмент федеральной системы мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений.

Важный аспект деятельности органов государственной власти – вопрос социальной и юридической защиты различных слоёв населения. С сообщением на тему «**Актуальные вопросы защиты миграционных прав граждан в Санкт-Петербурге**» выступил **советник Уполномоченного по правам человека К. Е. Шарыгин**. Докладчик остановился на вопросе реализации прав лиц, вынужденно прибывших в Санкт-Петербург из ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей как в период, предшествовавший вхождению указанных территорий в состав Российской Федерации по итогам референдумов 23–27 сентября 2022 г., так и после указанного периода, а также с территории Украины. Актуальными и острыми в настоящее время являются вопросы правового статуса и условий пребывания в Санкт-Петербурге указанных лиц. До вхождения четырёх новых территорий в состав России проживавшие на них граждане, как известно, считались иностранными гражданами, причём части из них, проживавшей в ДНР и ЛНР, в апреле 2019 г. Указом Президента Рос-

сийской Федерации⁴ было предоставлено право получения российского гражданства, и значительная их часть этим правом воспользовалась. Однако вопрос с гражданством Украины для многих из них не был разрешён. После начала специальной военной операции на Украине резко возрос отток граждан с этих территорий на территорию России и, как следствие, возникла необходимость их временного обустройства⁵. При этом вопрос о статусе указанных граждан не получил определённого разрешения.

С 5 октября 2022 г., т. е. с момента вступления в силу федеральных конституционных законов о принятии в состав Российской Федерации новых субъектов и образовании в её составе ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областей, не только граждане и лица без гражданства, постоянно проживавшие на указанных территориях по состоянию на 5 октября 2022 г., но и выехавшие с указанных территорий в Российскую Федерацию, в том числе через территории третьих государств, приобретают гражданство Российской Федерации в результате признания их гражданами Российской Федерации при условии принесения ими Присяги гражданина Российской Федерации. Соответственно, на указанных граждан после приобретения ими гражданства Российской Федерации путём признания их гражданами Российской Федерации распространяется общий для граждан Российской Федерации порядок. Действующее гражданство Украины у таких лиц аннулируется после подачи ими заявлений в миграционные органы о нежелании состоять в гражданстве Украины. Таким образом, распространение на таких лиц правового статуса российских граждан, по идее, должно упростить для них процедуры адаптации к жизни в России.

Однако особенности синхронизации правовых режимов в рамках переходного периода, который по воле законодателя продлится до 2026 г., будут порождать массу проблем, с которыми уже сейчас сталкиваются граждане – как те, кто прибыл в Россию до реализации итогов референдумов, так и те, которые сейчас вынуждены покидать места своего жительства на территории России, где ведутся боевые действия.

Разнообразие статусов (статус беженца с предоставлением временного убежища, статус вынужденного переселенца) предполагает необходимость различного правового регулирования, в т. ч. на уровне подзаконных актов. Очевидно, что с учётом особой ситуации, в которой

⁴ Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приёме в гражданство Российской Федерации в упрощённом порядке: Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 г. № 183 [Электронный ресурс] // www.consultant.ru : сайт. – URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323356/ (дата обращения: 12.12.2022).

⁵ Такие граждане рассматривались как «вынужденно покинувшие территории ДНР, ЛНР, Украины, и прибывшие на территорию Российской Федерации» – см., например, Указ Президента Российской Федерации от 27 августа 2022 г. № 585; постановление Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2022 г. № 1547.

оказалась указанная категория граждан⁶, возникающие при этом вопросы должны разрешаться в экстренном режиме, а не в порядке общей очереди, наравне с остальными гражданами. Это серьёзная проблема, и она должна быть, на наш взгляд, чётко разрешена в пользу защиты прав наших новых соотечественников.

Далее в работе конференции с научным сообщением на тему «**О направлениях и результатах работы городского центра профилактики асоциальных явлений среди молодежи «Контакт» по профилактике возможных межнациональных конфликтов среди находящихся на сопровождении несовершеннолетних и молодежи – выходцев из стран СНГ**» выступил **Я. В. Костюковский, начальник учебно-методического центра подведомственного Комитету по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Правительства Санкт-Петербурга городско-го центра социальных программ и профилактики асоциальных явлений среди молодежи «Контакт», кандидата социологических наук.** Докладчик отметил, что поддержание межнационального и межконфессионального согласия в молодежной среде является сегодня актуальной задачей и реализуется как одно из направлений деятельности центра «Контакт», направленной на формирование межнационального и межконфессионального согласия и профилактику межнациональных конфликтов в молодежной среде. Он сообщил, что в 2022 г. на индивидуальном регламентном сопровождении в Центре социализации и ресоциализации несовершеннолетних и молодежи (далее – ЦСРМ) находилось 55 иностранных граждан (выходцев из стран СНГ). Основаниями принятия их на социальное сопровождение стали совершение административного правонарушения, совершение общественно-опасного деяния до достижения возраста административной ответственности, принятие на сопровождение в целях профилактики правонарушений, уголовное преследование, условное осуждение.

Независимо от гражданства и вероисповедания сопровождаемых, специалистами ЦСРМ проводится социальное расследование, осуществляются психологические и юридические консультации. В обязательном порядке устанавливаются причины и условия совершения противоправных деяний, окружение подростка, круг его интересов, взаимоотношения в семье, в образовательном учреждении. С учётом обстоятельств, выявленных в ходе социального расследования, а также мнения психолога и юриста по итогам первичных консультаций, составляется индивидуальный план профилактической работы, направленный на устранение причин и условий, способствовавших совершению им противоправных действий.

⁶ Правительство Российской Федерации ещё в своём постановлении от 18 апреля 2022 г. № 693 охарактеризовало таких граждан как «вынужденно покинувших территории Украины, ДНР, ЛНР и прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке».

Подростки-мигранты, состоящие на социальном сопровождении, вовлекаются в просоциальную активность – в досуговые мероприятия, направленные на формирование здорового образа жизни, патриотическое воспитание; мероприятия, посвященные противодействию экстремизму и терроризму, культурно-просветительскому, информационно-правовому образованию. Мероприятия, проводимые в формате лекций-бесед, деловых игр и викторин помогают подросткам разобраться в тонкостях законодательства, научиться жить в правовом государстве, общаться между собой.

В текущем году для сопровождаемых организованы и проведены мероприятия на следующие темы: «Влияние на будущую жизнь административной и уголовной ответственности», «Нормы жизни в обществе», «Молодёжь и проблема преступности в мегаполисе», «Мир без конфликтов», «Знать, чтобы соблюдать», «Семейный очаг», «Закон и ответственность».

В рамках работы по предупреждению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений отдел мониторинга интернет-пространства ситуационного центра проводит исследование виртуального пространства несовершеннолетних и молодежи, состоящих на сопровождении в центре «Контакт», на предмет выявления контента и причастности к сообществам деструктивного профиля, в том числе экстремистской направленности, а также к ресурсам ультраправых, националистических объединений.

Далее с сообщением на тему «**Современное состояние миграционной ситуации в Санкт-Петербурге**» выступил **К. Э. Колесников, начальник правового отдела по вопросам миграции Управления по вопросам миграции Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области.** В докладе были приведены аналитические данные о миграционной ситуации в Санкт-Петербурге и Ленинградской области за 2022 г. Отмечено, что через пункты пропуска, находящиеся на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, въехало 510 987 (+ 118 926) иностранных граждан, что на 30,3 % больше, чем за аналогичный период 2021 г. Выехало 519 261 (+ 213415) иностранных граждан. В пунктах пропуска через Государственную границу Российской Федерации, расположенных в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, по состоянию на 30 сентября 2022 г., въехало граждан Республики Узбекистан – более 151 тыс. человек, Республики Таджикистан – более 77 тыс. человек, Киргизской Республики – более 29 тыс. человек. Из общего количества более 147 тыс. иностранных граждан при пересечении Государственной границы Российской Федерации в пунктах пропуска указали работу как цель визита в Российскую Федерацию.

За 9 месяцев 2022 г. в Санкт-Петербурге и Ленинградской области поставлено на миграционный учёт 1 571 945 (+531 762; + 51,1 %) иностранных граждан, в том числе по месту

пребывания 1 545 746 (+ 528 125; + 51,9 %), из них по целям въезда в Российскую Федерацию: 72 722 – туризм; 64 401 – учёба; 1 152 089 – работа; 177 588 – частная; 6181 – деловая; 503 – гуманитарная; 72 262 – иные.

По имеющимся данным, в настоящее время на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области проживает по видам на жительство более 38 тыс. человек, по разрешению на временное проживание – более 13 тыс. человек. За 2022 г. более 17 тыс. человек приобрели гражданство Российской Федерации. С ходатайством о признании беженцем обратились 2 (– 16; – 88,9 %) иностранных гражданина. По состоянию на 30 сентября 2022 г., в Санкт-Петербурге и Ленинградской области на учёте состоят 3 (– 2; – 40 %) беженца.

Интерес вызвали такие показатели, как увеличение количества заявлений о предоставлении временного убежища (4812 человек, что составило почти 100 % от аналогичного периода прошлого года). Временное убежище на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области предоставлено более 4 тыс. иностранных граждан.

Сотрудниками территориальных органов внутренних дел проведено более 3 500 проверочных мероприятий, направленных на выявление фактов нарушений иностранными гражданами и лицами без гражданства миграционного законодательства. Основную часть проверяемых объектов составили объекты жилого сектора и мест компактного пребывания, объекты торговли, объекты строительства, промышленные предприятия, объекты бытового обслуживания и иные объекты. Составлено 18 640 административных протоколов по линии иммиграционного контроля, вынесено решений о наложении административного штрафа на сумму более 135 млн рублей. Взыскано более 111 млн рублей.

Далее с докладом «Роль подразделений по вопросам миграции органов внутренних дел в профилактике правонарушений мигрантов» выступила *Е. В. Казанцева, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, кандидат юридических наук*. В докладе отмечены основные направления деятельности подразделений по вопросам миграции в профилактике правонарушений мигрантов:

- своевременность, полнота, реальность и законность деятельности подразделений по вопросам миграции;
- информационно-консультационный характер;
- правовое просвещение;
- осуществление постоянного контроля (надзора) за соблюдением правил миграционного учёта, регистрации и снятия с регистрационного учёта по месту пребывания и по месту жительства, а также осуществлением иностранными гражданами трудовой деятельности и так далее;
- взаимодействие (внутреннее и внешнее) с субъектами профилактики.

В выступлении *Е. В. Казанцева* предложила ряд мер совершенствования деятельности подразделений по вопросам мигрантов в профилактике правонарушений мигрантов:

- предусмотреть проведение лекций для мигрантов, при этом необходимо задействовать не только сотрудников органов внутренних дел, но и работников правовых групп, преподавателей системы МВД России и вузов юридической направленности, специалистов в сфере миграции;
- обеспечить проведение информационно-просвещения через СМИ, в том числе с подготовкой брошюр информационного характера;
- улучшить работу по взаимодействию с субъектами профилактики между подразделениями по вопросам миграции с иными службами и подразделениями органов внутренних дел; с государственными и общественными учреждениями и организациями, работающими в сфере миграции;
- организовывать проведение научных семинаров с обязательным участием практических сотрудников подразделений по вопросам миграции и учёных, в круг научных интересов которых входят вопросы исследований данной тематики.

«**Организация деятельности Санкт-Петербургского государственного автономного учреждения «Центр трудовых ресурсов»** – тема выступления его *директора А. И. Чистякова*. Докладчик кратко остановился на основных направлениях работы, к числу которых отнесены: информационно-аналитическая деятельность, направленная на мониторинг миграционной ситуации в Санкт-Петербурге; разработка механизмов оценки потребности в иностранной рабочей силе с учётом перспектив развития экономики и рынка труда Санкт-Петербурга в целях привлечения иностранных работников на рабочие места, которые не могут быть замещены российскими гражданами; оценка эффективности использования иностранной рабочей силы; информационно-техническое обеспечение планирования и прогнозирования в сфере трудовой миграции; организация проведения научных исследований в сфере миграции; взаимодействие с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти по вопросам информационного обмена.

Важными направлениями деятельности названы следующие: развитие механизмов привлечения в экономику региона необходимого количества кадров из числа иногородних и иностранных граждан; развитие взаимодействия с государственными службами занятости других субъектов Российской Федерации по вопросам межтерриториального перераспределения трудовых ресурсов, в том числе с частными агентствами по вопросам трудоустройства граждан Российской Федерации вне территории их постоянного проживания; осуществление подбора по заявкам работодателей необходимых работников и подбор трудовым мигрантам мест работы; создание условий для программ органи-

зованного привлечения иностранных работников, программ сезонной миграции работников и каникулярной трудовой миграции иностранных студентов; организация представительств в регионах Российской Федерации и государствах-донорах трудовых ресурсов, создание механизма взаимодействия в целях привлечения в экономику Санкт-Петербурга необходимых кадров.

Важное место в работе занимают непосредственно адаптация и интеграция мигрантов посредством реализации механизмов интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая функционирование центров медицинского освидетельствования, социальной, информационной и правовой поддержки. Осуществляется информационно-издательская деятельность, направленная на повышение уровня информированности как работодателей, привлекающих иностранных трудовых мигрантов, так и самих иностранных трудовых мигрантов; идёт формирование инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов на основе государственно-частного партнёрства по типовым проектам, утверждаемым и реализуемым в установленном законодательством порядке, в том числе социальных сегментов рынка арендного жилья; оказываются услуги, связанные с прохождением медицинских, профессионально-квалификационных, языковых тестов мигрантами.

О перспективах сотрудничества государств – участников Содружества, проблемах в миграционной сфере в научном сообщении «**Миграция и проблема миграции на территории Республики Узбекистан**» участникам конференции сообщил *слушатель факультета подготовки иностранных специалистов, сотрудник МВД Республики Узбекистан Ш. Б. Мирзаев*. В Узбекистане существуют проблемы, связанные с безопасностью границ. Рост, изоцирэнность преступлений на границе объяс-

няется целым рядом факторов: отсутствием работы и низкой заработной платой по наиболее распространённым специальностям. В Узбекистане приобретает популярность мнение, что в соответствии с современными представлениями о безопасности, миграционная безопасность бессмысленна, если она не связана с развитием, где основное внимание уделяется таким вопросам, как удовлетворение потребностей населения, благоприятная окружающая среда, защита культурной и религиозной самобытности, права человека, что в совокупности даёт человеку уверенность в поступательном развитии и отсутствии страха насилия.

В современных условиях развития общества и законодательства страны гражданство Республики Узбекистан может быть предоставлено лицам, рождённым на территории этой страны; детям, родители которых имеют узбекское подданство, при этом ребёнок признаётся гражданином Узбекистана, даже в том случае, если он родился в какой-то другой стране; ребёнку, один из родителей которого является гражданином Республики; лицу, инвестировавшему в экономику страны достаточно крупную сумму денег (в этом случае важно представить факт подтверждения постоянного проживания в стране в течение 5 лет).

Для получения гражданства, претендент обязан выполнить ряд условий: отказаться от предыдущего гражданства; подтвердить факт постоянного проживания в Республике Узбекистан в течение последних 5 лет; подтвердить факт наличия официального рабочего места; принять Конституцию Узбекской Республики. Следует отметить, что законодательство весьма демократично по отношению к тем, кто является представителем профессии, нужной, редкой и востребованной для страны, а также к тем, кто имеет определённые заслуги в спорте или культуре.

Список литературы

1. Ахметова А. Г. Международные образовательные программы для молодежи Казахстана и их влияние на миграционные процессы // Казахстан. – № 4 (16). – 2022. – С. 81–87.
2. Аврутин Р. Ю. Миграционная политика России в контексте становления Российской государственности / Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств – участников СНГ : материалы ежегодной Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 октября 2020 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 6–11.
3. Арьков С. В. Формирование понятия «миграция» и «вынужденная миграция» в России // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2018. – № 3(15). – С. 214–219.
4. Горелов И. П. Обеспечение личной безопасности сотрудников ГИБДД при проведении публичных и массовых мероприятий / Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 26 марта 2021 года / под общей редакцией А. И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 534–536.
5. Дурнев В. С. О некоторых результатах научно-исследовательской работы, связанной с проблематикой применения электронных виз в России // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 55–57. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-1-55-57.
6. Дурнев В. С. О выявлении Конституционным Судом конституционно-правового смысла норм миграционного права / Миграционные процессы в современной России : сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 февраля 2020 года. – Москва:

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, 2020. – С. 35–41.

7. *Донская М. В., Дурнев В. С.* Европейские миграционные процессы: историческая цикличность и современный кризис // *Международный журнал конституционного и государственного права.* – 2020. – № 1. – С. 40–43.

8. *Казанцева Е. В.* Взаимодействие правоохранительных органов в предупреждении и раскрытии преступлений, совершенных мигрантами / *Вопросы взаимодействия правоохранительных органов и их подразделений при раскрытии и расследовании преступлений : сборник трудов межведомственного круглого стола, Тверь, 06 апреля 2022 года / под общей редакцией С. В. Клещёва, Ю. В. Сидорова, Д. О. Туманова, Е. А. Доценко.* – Тверь: Тверской государственный университет, 2022. – С. 43–51.

9. *Казанцева Е. В.* Реализация права на свободу передвижения, выбор места жительства или места пребывания иностранными гражданами и лицами без гражданства в законодательстве России / *Миграционные процессы в современном мире: политические, юридические и правоохранительные аспекты : сборник материалов Международной научно-теоретической конференции, Ростов-на-Дону, 24 июня 2021 года / отв. редактор А. А. Контарев.* – Ростов-на-Дону: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 28–35.

10. *Кравченко К. М.* Миграция как детерминанта экстремизма и неонацизма в России // *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева.* – 2020. – Т. 1. – № 3 (96). – С. 164–174.

11. *Павлик М. Ю., Виноградова А. Д.* Преступность мигрантов в Российской Федерации и меры её предупреждения / XVIII Царскоесельские чтения, Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2014 года / под общ. ред. В. Н. Скворцова. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2014. – С. 29–32.

12. *Бельский В. Ю., Гусев Н. Н., Лампадова С. С. [и др.].* Проблемы правового регулирования адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации : научно-практическое пособие. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – 52 с.

13. *Назырова Н. Х., Иванцова Г. А.* Проблемы законодательного регулирования миграционных процессов // *E-Scio.* – 2021. – № 9 (60). [Электронный ресурс] // cyberleninka.ru : сайт. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zakonodatelnogo-regulirovaniya-migratsionnyh-protsessov> (дата обращения: 30.01.2023).

14. *Степенко В. Е., Пацевич В. С.* Правовая природа государственной функции контроля (надзора) в сфере миграции: её формирование и развитие в Российской Федерации // *Административное право и процесс.* – 2022. – № 5. – С. 50–54. – DOI 10.18572/2071-1166-2022-5-50-54.

15. *Таалайбек К. А., Карабаева К. Н.* Фактор миграции в Кыргызстане // *Вестник Кыргызского национального аграрного университета им. К. И. Скрябина.* – 2018. – № 5-1. – С. 112–115.

References

1. *Akhmetova A. G.* Mezhdunarodnyye obrazovatel'nyye programmy dlya molodezhi Kazakhstana i ikh vliyaniye na migratsionnyye protsessy // *Kazakhstan.* – № 4 (16). – 2022. – S. 81–87.

2. *Avrutin R. Yu.* Migratsionnaya politika Rossii v kontekste stanovleniya Rossiyskoy gosudarstvennosti / Aktual'nyye problemy zakonodatelnogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov na territorii gosudarstvennykh uchastnikov SNG : materialy yezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 23 oktyabrya 2020 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 6–11.

3. *Ar'kov S. V.* Formirovaniye ponyatiya «migratsiya» i «vynuzhdenaya migratsiya» v Rossii // *Forum. Seriya: Gumanitarnyye i ekonomicheskiye nauki.* – 2018. – № 3(15). – S. 214–219.

4. *Gorelov I. P.* Obespecheniye lichnoy bezopasnosti sotrudnikov GIBDD pri provedenii publichnykh i massovykh meropriyatiy / Aktual'nyye problemy administrativnogo i administrativno-protseessual'nogo prava (Sorokinskiye chteniya) : Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, Sankt-Peterburg, 26 marta 2021 goda / pod obshchey redaktsiyey A. I. Kaplunova. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 534–536.

5. *Durnev V. S.* O nekotorykh rezul'tatakh nauchno-issledovatel'skoy raboty, svyazannoy s problematikoy primeneniya elektronnykh viz v Rossii // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* – 2021. – № 1. – S. 55–57. – DOI 10.24412/2073-0454-2021-1-55-57.

6. *Durnev V. S.* O vyavlenii Konstitutsionnym Sudom konstitutsionno-pravovogo smysla norm migratsionnogo prava / Migratsionnyye protsessy v sovremennoy Rossii : sbornik statey po itogam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Moskva, 27 fevralya 2020 goda. – Moskva: Moskovskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii im. V. Ya. Kikotyа, 2020. – S. 35–41.

7. *Donskaya M. V., Durnev V. S.* Yevropeyskiye migratsionnyye protsessy: istoricheskaya tsiklichnost' i sovremennyy krizis // *Mezhdunarodnyy zhurnal konstitutsionnogo i gosudarstvennogo prava.* – 2020. – № 1. – S. 40–43.

8. *Kazantseva Ye. V.* Vzaimodeystviye pravookhranitel'nykh organov v preduprezhdenii i raskrytii prestupleniy, sovershennykh migrantami / *Voprosy vzaimodeystviya pravookhranitel'nykh organov i ikh podrazdeleniy pri raskrytii i rassledovanii prestupleniy : sbornik trudov mezhdvedomstvennogo*

kruglogo stola, Tver', 06 aprelya 2022 goda / pod obshchey redaktsiyey S. V. Kleshchova, Yu. V. Sidorova, D. O. Tumanova, Ye. A. Dotsenko. – Tver': Tverskoy gosudarstvennyy universitet, 2022. – S. 43–51.

9. *Kazantseva Ye. V.* Realizatsiya prava na svobodu peredvizheniya, vybor mesta zhitel'stva ili mesta prebyvaniya inostrannymi grazhdanami i litsami bez grazhdanstva v zakonodatel'stve Rossii / Migratsionnyye protsessy v sovremennom mire: politicheskiye, yuridicheskiye i pravookhranitel'nyye aspekty : sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii, Rostov-na-Donu, 24 iyunya 2021 goda / otv. redaktor A. A. Kontarev. – Rostov-na-Donu: Rostovskiy yuridicheskiy institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – S. 28–35.

10. *Kravchenko K. M.* Migratsiya kak determinanta ekstremizma i neonatsizma v Rossii // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva. – 2020. – T. 1. – № 3 (96). – S. 164–174.

11. *Pavlik M. Yu., Vinogradova A. D.* Prestupnost' migrantov v Rossiyskoy Federatsii i mery yeyo preduprezhdeniya / XVIII Tsarskosel'skiye chteniya, Sankt-Peterburg, 22–23 aprelya 2014 goda / pod obshch. red. V. N. Skvortsova. – Sankt-Peterburg: Leningradskiy gosudarstvennyy universitet im. A. S. Pushkina, 2014. – S. 29–32.

12. *Bel'skiy V. Yu., Gusev N. N., Lampadova S. S. [i dr.]*. Problemy pravovogo regulirovaniya adaptatsii i integratsii migrantov v Rossiyskoy Federatsii : nauchno-prakticheskoye posobiye. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii, 2021. – 52 s.

13. *Nazyrova N. Kh., Ivantsova G. A.* Problemy zakonodatelnogo regulirovaniya migratsionnykh protsessov // E-Scio. – 2021. – № 9 (60). [Elektronnyy resurs] // cyberleninka.ru : sayt. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-zakonodatelnogo-regulirovaniya-migratsionnyh-protsessov> (data obrashcheniya: 30.01.2023).

14. *Stepenko V. Ye., Patsevich V. S.* Pravovaya priroda gosudarstvennoy funktsii kontrolya (nadzora) v sfere migratsii: yeyo formirovaniye i razvitiye v Rossiyskoy Federatsii // Administrativnoye pravo i protsess. – 2022. – № 5. – S. 50–54. – DOI 10.18572/2071-1166-2022-5-50-54.

15. *Taalaybek K. A., Karabayeva K. N.* Faktor migratsii v Kyrgyzstane // Vestnik Kyrgyzskogo natsional'nogo agrarnogo universiteta im. K. I. Skryabina. – 2018. – № 5-1. – S. 112–115.

Статья поступила в редакцию 23.10.2022; одобрена после рецензирования 25.11.2022; принята к публикации 31.01.2023.

The article was submitted October 23, 2022; approved after reviewing November 25, 2022; accepted for publication January 31, 2023

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution to the writing of the article.